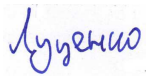
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи



Луценко Антон Виленович

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМНОГО ТЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА А.А. БОГДАНОВА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
Куперт Юрий Васильевич

Томск – 2018

Оглавление

Введение 4
1 Анализ исторических и историографических источников 21
1.1 Историография научного и общественно-политического наследия А.А. Богданова 21
1.2 Историография общественно-политической проблематики второй половины XIX – начала XX века 31
1.3 Системно-аналитические исследования А.А. Богданова 41
1.4 Источники по истории российской общественно-политической мысли второй половины XIX – начала XX века 49
2 Становление личности А.А. Богданова 66
2.1 Детские и юношеские годы А.А. Богданова. Формирование системного мышления будущего ученого 66
2.2 Общая характеристика эпохи: к истории развития общественных сил на Западе и в России. Предпосылки перехода А.А. Богданова от народничества к марксизму 87
2.3 Актуализация марксистского выбора и создание «Краткого курса экономической науки» 127
2.4 «Основные элементы исторического взгляда на природу» – первый философский труд ученого. Системный характер конспиративной работы А.А. Богданова в Туле. Арест. Тюрьма 156
2.5 Трудности с изданием «Познания с исторической точки зрения» А.А. Богданова вследствие несовпадения со взглядами «философских критицистов», разочаровавшихся в марксизме 181
2.6 Вологодская ссылка. Внимание А.А. Богданова к проблеме авторитаризма в среде российских политических деятелей 200
3 А.А. Богданов – теоретик и практик системно организованной работы РСДРП 222
3.1 Период исследования А.А. Богдановым общественных идеологий 222
3.2 Ключевая роль идеологии в богдановской системе партийно-организационной работы 263
3.3 Критика А.А. Богдановым традиционных идеологий рабочего движения 294

3.4 Причины идеологических конфликтов А.А. Богданова
с лидерами РСДРП. Преследования ученого 327
4 Богдановская методика системного тектологического анализа 372
4.1 Создание тектологии и ее основные закономерности 372
4.2 Тектологический анализ перспектив осуществления
социалистического идеала 416
4.3 Богдановская концепция эволюции финансового капитализма.
«Военный коммунизм» в теории и практике государств XX века 450
Заключение 517
Список использованных источников и литературы 523

Введение

Актуальность исследования. Анализ научных взглядов Александра Александровича Богданова (1873–1928), их происхождения и развития, имеет особое значение в силу целого ряда причин. Если рассматривать наследие А.А. Богданова с точки зрения *истории науки*, то роль и место его открытий в сфере системного анализа и комплексного социального прогнозирования до сих пор не оценены по достоинству, равно как и влияние богдановских разработок на дальнейшее развитие естественных и общественных наук. В особенности это касается пионерной, лидерской роли российского ученого в целом ряде отраслей научного познания, начиная от разработки методов системного анализа и заканчивая гематологией. Далее, с точки зрения *методологии истории* разработанная А.А. Богдановым теория «военного коммунизма» и государственного капитализма обладает большим потенциалом при объяснении причин и движущих сил многих событий XX в., начиная с феномена тоталитарных диктатур (по сей день интерпретируемых весьма односторонне с помощью сложных искусственных построений вроде «бегства от свободы») и заканчивая успешными результатами политики «нового курса» Ф.Д. Рузвельта (которые зачастую вовсе не получают рационального объяснения в рамках господствующей сейчас неолиберальной парадигмы). С точки зрения *прикладной социологии, политологии, экономики* теория системных кризисов А.А. Богданова позволяет не только по-новому оценить причины и характер крупномасштабных событий общественной жизни, но и с высокой точностью оценивать ключевые тенденции и перспективы их развития. Наконец, с точки зрения *отечественной истории* научная, организаторская и просветительско-идеологическая работа А.А. Богданова в РСДРП представляет собой один из принципиально важных эпизодов истории российского революционного движения, поскольку именно богдановская методика агитационно-пропагандистской работы во многом обусловила, например, массовую поддержку Советской власти в годы Гражданской войны.

Кроме того, специфический богдановский метод системного анализа исторических процессов позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, известные события отечественной истории, связанной с крайне проблемным процессом социально-экономических и политических преобразований. Многочисленные факты из мемуарных источников и исторических исследований свидетельствуют о том, что в практике российской государст-

венной власти второй половины XIX – начала XX в. систематически не хватало тех элементов, которые требовались для действительно эффективного реформирования страны; этих же элементов не хватало и в теоретических построениях интеллигентной оппозиции (от ультраконсервативных «зубров» до радикальных анархо-коммунистов). Различие между властью и оппозицией в Российской империи заключалось в том, что чиновничество стремилось авторитарными методами принудить подданных к участию в преобразовательном процессе, а идеологи антимонархических общественных движений старались методами «эксцитативной»[1] агитации привлечь простонародье к борьбе за политические перемены. Общим же для этих двух групп элиты было *сознательное игнорирование жизненных интересов и мировоззренческих предпочтений примерно 90 % соотечественников* и уверенность в том, что «живую идеологию»[2] русского общества можно без особых усилий перекроить под любой желаемый шаблон. При таких стартовых параметрах процесса модернизации страны в начале XX в. фактически без объяснения остаются, во-первых, никак не следовавшая из борьбы идей монархического консерватизма и либерально-демократической вестернизации *интенсивная политизация* традиционно аполитичного трудового большинства населения России, во-вторых, *предоставление* этим большинством энергичной *поддержки* именно *«красному проекту»*, а не какой-либо иной программе преобразований – при наличии альтернативных моделей социально-экономического развития, разработанных разными общественно-политическими силами империи и в доктринальном, и в сугубо эмпирическом аспектах.

Данный феномен новейшей отечественной истории порождает множество исследовательских ***интерпретаций***, более или менее политизированных, но до сих пор не имеет корректного теоретического ***объяснения***, нейтрального с идеологической точки зрения. Основой такого объяснения может послужить оригинальная методика системного тектологического анализа, разработанная А.А. Богдановым накануне Первой Мировой войны и изъятая из научного обихода в конце 1920-х годов по сугубо политическим причинам: в Советском Союзе тектологию считали «реакционной идеалистической философией»[3], а на Западе – «формой пропаганды коммунизма»[4], и ***даже не пытались***

[1] Возбуждающий чувства, привлекающий внимание (от лат. «excitare» – возбуждать).

[2] Термином «живая идеология» Богданов обозначал всю совокупность мировоззренческих установок, определяющих образ жизни социальной группы в обществе и общества в мире.

[3] Фактически все негативные суждения о Богданове и его методике системного тектологического анализа базировались на полемическом высказывании В.И. Ленина: «Как ни вертите богдановской философией, ровно ничего, кроме реакционной путаницы, она не содержит» (Ленин В.И. Материализм и

использовать в качестве прикладной методики научного исследования. Применение богдановской тектологии в изучении социально-экономической и политической истории обеспечивает более детальное описание причинно-следственных связей между событиями комплексной эволюции общества, оценку ключевых факторов и перспектив этого процесса на основе четко определенных критериев.

Степень разработанности темы. Научные взгляды А.А. Богданова формировались на «стыке» естественнонаучного и гуманитарного знания и потому обладают междисциплинарным характером, который закономерно затруднял их анализ, даже если не принимать в расчет откровенную политизированность первых исследовательских работ, связанных с философско-идеологической оценкой всеобщей организационной науки тектологии[5], а также с определением роли ее создателя в социал-демократическом движении[6]. За пределами этих четко очерченных областей деятельность А.А. Богданова вообще не анализировалась и не оценивалась вплоть до 1957 г., когда исследователи обратили внимание на медицинские разработки ученого[7], а также на связь всеобщей организационной науки тектологии с аналогичными по содержанию методиками системного анализа, разработанными на Западе после Второй Мировой войны[8]. Политическая деятельность А.А. Богданова, а равно его разработки в области системного анализа оценивались в рамках уже сложившейся традиции[9].

Ситуация изменилась на рубеже 1980-х и 1990-х годов вместе с политической

эмпириокритицизм // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 241).

[4] Очень показательны в этом отношении суждения немецкого философа Иоганна Пленге, определившего тектологию так: «…Новомарксистская, механистическая теория организации, в силу своего безудержного, враждебного всему душевному <…> механизирования, по существу своему превращается в самое холодное орудие господства над человеческим материалом, принимаемым в расчет исключительно как механический элемент» (Цит. по: Богданов А.А. Клерикальные критики // Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. С. 423).

[5] Щеглов А.В. Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма. М.: Соцэкгиз, 1937. 228 с. Основой данной монографии послужили публицистические по своему смысловому содержанию работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), Г.В. Плеханова «Materialismus militans» (1908–1910), Л.И. Аксельрод «Новая разновидность ревизионизма» (1904).

[6] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с.

[7] Богомолец А.А. Памяти А.А. Богданова. К вопросу о научном и практическом значении метода переливания крови // Богомолец А.А. Избранные труды. В 3-х т. Т.2. Киев: Издательство АН УССР, 1957. С. 183–186 ; Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. 60 с.

[8] Сетров М.И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. 1967. Вып. 8. С. 49–60 ; Mattessich R. Instrumental Reasoning and Systems Methodology. Dodreacht. Boston: D. Reidel, 1978. 396 p.

[9] Суворов Л.Н. Из истории борьбы В.И. Ленина, партии большевиков против богдановской «организационной науки» // Научные доклады высшей школы. Философские науки. М., 1966. №3. С. 84–91.

идеологией государства: публикация произведений А.А. Богданова[10] обусловила рост интереса к его научным разработкам в среде историков, экономистов, философов[11] и специалистов по системному анализу, а облегчение доступа в архивы позволило не только осуществить издание значимой части рукописного наследия ученого[12], но и приступить к исследованию его подлинной роли в развитии отечественной и мировой науки. Таким образом, период директивного превращения А.А. Богданова в «фигуру умолчания» российской истории сменился периодом активного изучения его трудов, и с середины 1990-х годов по настоящее время различные аспекты научного и политического наследия А.А. Богданова в контексте развития соответствующих областей деятельности являются предметом диссертационных исследований молодых ученых, специализирующихся в социально-гуманитарных областях.

Эти исследования, отличающиеся разноплановостью проблематики и методологическим разнообразием[13], обладают, тем не менее, рядом общих черт. Во-первых, *поле ис-*

---

[10] Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. М.: Экономика, 1989; Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.

[11] Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Предисловие к книге А.А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» // Богданов А.А. Тектология. В 2-х кн. Кн.1. М.: Экономика, 1989. С. 7–35 ; Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. А.А. Богданов (биографический очерк) // Указ. изд. С. 36–44 ; Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 3–27 ; Гловели Г.Д., Пустильник С.Н. Сотри случайные черты… // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С. 11–19 ; Абалкин Л.И. Тектология А.А. Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 3–7 ; Моисеев Н.Н. Тектология А.Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 8–13.

[12] Плютто П.А. Время и люди (Из архивов А.А. Богданова) // Социологические исследования. М., 1992. №11. С. 133–142; Неизвестный Богданов. В 3-х кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

[13] Пустильник С.Н. Биологические идеи тектологии А.А. Богданова: к генезису общей теории систем. Автореф. дис. … канд. биол. наук. М., 1993 ; Кузьминых Н.А. Историографические проблемы исследования организационно-социологической концепции А.А.Богданова. Автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 1993 ; Калиниченко С.Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х годов: А.А. Богданов, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Л.Д. Троцкий. Дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 1994 ; Кульсеева Т.Г. Теоретические основания эмпириомонизма А.А. Богданова. Дис. … канд. философ. наук. Курск, 1995 ; Максименко Е.П. Концепция «пролетарской культуры» в идейно-политическом наследии А.А. Богданова. Дис. … канд. ист. наук. Москва, 1996 ; Луценко А.В. Александр Богданов как политик, ученый, просветитель, основоположник методологии системного анализа. Дис. … канд. ист. наук. Томск, 2000 ; Шушпанов А.Н. Литературное творчество А.А. Богданова и утопический роман 1920-х годов. Дис. … канд. фил. наук. Иваново, 2001 ; Тарент И.Г. Историко-философский анализ тектологии А.А. Богданова. Дис. … канд. философ. наук. М., 2003 ; Афанасьева Е.Л. Рациональная организация социально-экономических систем на основе тектологии А.А. Богданова. Дис. … канд. философ. наук. Якутск, 2004 ; Мясникова С.В. Проблема социального идеала в философско-литературных произведениях А.А. Богданова, Е.И. Замятина, А.П. Платонова. Дис. … канд. философ. наук. Нижневартовск, 2005 ; Алексеев В.В. Концепция социально организованного опыта А.А. Богданова и ее роль в становлении советской модели социализма в 1920-х – середине 1930-х годов. Дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2007; Кузнецова К.А. Социологические взгляды А.А. Богданова. Дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2010 ; Балановский В.В. Понятие трансцендентальной рефлексии в философии И. Канта и его применение к анализу гносеологических концепций Вл.С. Соловьёва и А.А. Богданова. Дис. … канд. философ. наук. Калининград, 2011.

Кроме того, отдельные аспекты научного и политического наследия А.А. Богданова в сочетании

следования сознательно сужается авторами буквально до одного-двух аспектов деятельности А.А. Богданова в определенной сфере; как правило, это позволяет осуществить глубокий анализ выбранных элементов обширного богдановского наследия. Во-вторых, *научные разработки А.А. Богданова рассматриваются исключительно в контексте анализируемой исследователями проблематики*; подобный подход вполне оправдан, когда речь идет об экономических, социологических или медицинских трудах Богданова, но представляется методологически некорректным, когда созданную ученым тектологическую методику системного анализа – по своему характеру столь же прикладную, как, например, законы механики Ньютона, – ставят в один ряд с философскими доктринами «серебряного века», которые в большинстве своем изначально не предназначались для практического использования. Однако подавляющее большинство современных историков и философов, изучающих наследие Богданова, рассматривают тектологию исключительно в качестве дискурсивной концепции (совокупности высказываний), которую надлежит сравнивать лишь с другими наборами суждений, но не с формами и методами конкретной социальной и научной практики, характерной для современного Богданову общества. В-третьих, *прикладные исследования*, связанные с применением элементов системного тектологического анализа[14], *интегрируют разработки А.А. Богданова в современный научный контекст, исключая из рассмотрения их связь с конкретной культурно-исторической средой второй половины XIX – начала XX в.* ***К сожалению, в общем мас-***

с историко-культурной, политической, социально-философской и др. проблематикой, были затронуты в следующих диссертационных исследованиях: Пономарева Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX века. Дис. … д-ра философ. наук. М., 1997 ; Николаева Л.С. Теория и практика Пролеткульта, 1917–1932 гг. Дис. … канд. ист. наук. М., 1997 ; Добронравов С.В. Дискуссия «реалистов» и «идеалистов» в русской философии начала XX века. Дис. … канд. философ. наук. М., 2000 ; Жукоцкий В.Д. Русский марксизм в религиозном измерении: историко-философский аспект. Дис. … д-ра философ. наук. Екатеринбург, 2000 ; Юдин М.В. Деятельность Московского Пролеткульта в 1918 – 1925 гг. Дис. … канд. ист. наук. М., 2001 ; Сыченкова Л.А. Культура Западной Европы: Российский опыт историографического осмысления, вторая половина XIX – 30-е гг. XX вв. Дис. … д-ра ист. наук. М., 2001; Бойко М.И. Теоретические проблемы культуры в общественно-политических дискуссиях 20-х – начала 30-х годов в Советской России. Дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2002; Минтус О.М. Эволюция философских взглядов Н.И. Бухарина. Дис. … канд. философ. наук. Нижневартовск, 2003; Кисельникова Т.В. Проблемы либерального социализма в российской общественно-политической мысли: 1890-е – 1917 гг. Дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2003 ; Иванцов Д.С. Феномен Пролеткульта в культурно-историческом аспекте. Дис. … канд. культурологии. Киров, 2006 ; Изюмова Ю.А. Общественная мысль Советской России: Футурологические проекты научной интеллигенции 1920-х годов. Дис. … канд. ист. наук. Самара, 2006 ; Подоль Р.Я. Теория исторического процесса в русской историософии 1920 – середины 1930-х гг. Дис. … д-ра философ. наук. М., 2009 ; Полуян Н.Н. Идеи теории познания «русского эмпириокритицизма». Дис. … канд. философ. наук. Киров, 2010 ; Шепелева В.Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. Дис. … д-ра ист. наук. Тюмень, 2013.

[14] См., напр.: Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступ-

сиве выполненных работ отсутствуют исследования, которые рассматривают научное наследие Богданова в контексте указанного исторического периода, а равно оценивают возможность и перспективы применения методов тектологии для анализа событий социальной, экономической и политической истории.

Объектом исследования является эволюция научных и политических взглядов А.А. Богданова в социальном и культурно-историческом контексте России второй половины XIX – начала XX в.

Предметом исследования является применение созданной А.А. Богдановым в первые десятилетия XX в. методики системного тектологического анализа в исследовании таких феноменов новейшей социальной и политической истории, как массовые социалистические движения и «военный коммунизм» как специфическая форма организации жизнеобеспечения общества в условиях кризиса[15].

Цель исследования заключается в том, чтобы определить функциональные причинно-следственные связи между социально-экономической и политической ситуацией в России второй половины XIX – начала XX в. и формированием богдановской методики тектологического системного анализа, а также выяснить границы применения этой методики для исторических исследований.

Достижение данной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных **задач**:

1) выявление действительного генезиса разработанных А.А. Богдановым прикладных аналитических методик в контексте социально-экономических и политических трансформаций российского общества второй половины XIX – начала XX в.;

2) определение позиций А.А. Богданова в системе философских воззрений «серебряного века» с целью установления дифференциации между философией данного исторического периода и созданными Богдановым прикладными методиками системного анализа;

3) оценка сравнительной эффективности классической «эксцитативной» агитации, используемой большинством российских общественно-политических движений начала XX в., и методов системной просветительской пропаганды, разработанных А.А. Богдановым, в контексте успешности воздействия на мировоззрение и политиче-

---

ной деятельности. Дис. … д-ра юр. наук. Нижний Новгород, 1997. С. 106.

[15] Именно такое толкование своего термина «военный коммунизм» А.А. Богданов изложил в работах 1914–1918 гг., т.е. еще *до* появления аналогичной и по названию, и по содержанию общественно-экономической и политической практики Советского государства.

скую активность общества;

4) характеристика закономерностей тектологического системного анализа с теоретической и прикладной точек зрения, причем последняя является определяющей для определения места тектологии в ряду исследовательских методик;

5) освобождение созданных А.А. Богдановым методов прикладного системного исследования от предвзятых, зачастую необоснованно политизированных интерпретаций;

6) определение границ применимости богдановских методов системного тектологического анализа в исследовании динамики социально-экономических и политических процессов;

7) выработка приемов рационального использования тектологических закономерностей в научных исследованиях по отечественной и мировой истории.

В целом диссертационное исследование направлено на то, чтобы выявить действительный генезис разработанных А.А. Богдановым прикладных аналитических методик в контексте социально-экономических и политических трансформаций российского общества второй половины XIX – начала XX в., очистить богдановские концепции от предвзятых, зачастую необоснованно политизированных толкований и предложить способы рационального использования тектологических закономерностей в научных исследованиях по отечественной и мировой истории.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают вторую половину XIX – начало XX столетия, точнее, период с начала 1870-х до середины 1930-х годов. Именно в это время происходили ключевые события отечественной и мировой истории, в контексте которых действовал А.А. Богданов, создавший свою тектологическую методику системного анализа как раз для исследования и целерациональной интерпретации происходящего. В некоторых вопросах, касающихся процессов развития общественно-политической мысли России, а также эволюции марксистской методологии исследования социально-исторических процессов, хронологические рамки работы расширяются до начала XVIII в., что позволяет более детально проанализировать генезис идеологических доктрин и политических практик, послуживших основой российского антимонархического движения и фактически определивших мировоззрение отечественной оппозиционной интеллигенции «серебряного века».

Методология исследования. В основу сбора, анализа и изложения материала по-

ложен классический принцип историзма в сочетании с методами просопографии. Согласно им, ни одна историческая личность не существует независимо от своего социокультурного окружения и в деятельности опирается не столько на собственные желания, стремления и представления, сколько на мировоззренческие ориентиры, принятые в обществе данного исторического периода. Соответственно, личность, взятая отдельно, сама по себе, *никогда и ничего не создает «с нуля», а только обобщает в своем труде результаты конкретной деятельности других людей*, будь то производственный коллектив (в самом широком смысле этого понятия – от архаической сельской общины до современных корпораций), политическое движение (независимо от его доктрины и программы), научная школа или художественное направление.

Если посмотреть с данной точки зрения на результаты научной, политической и просветительской деятельности такого человека, как А.А. Богданов, то придется признать, что для понимания его взглядов необходимо не только изучать его жизнь и взаимодействие с ближайшим окружением, но и тщательно анализировать состояние науки и общества того времени, включая, казалось бы, общеизвестные исторические события в строго определенной интерпретации, соответствовавшей мировоззрению ученого. По этой причине в диссертации предпринято развернутое описание социально-исторической ситуации в России второй половины XIX – начала XX в. с мировоззренческих позиций, близких к социал-демократизму указанного периода развития общественной мысли.

Логическим следствием выбранного метода является последовательное соотнесение теоретических разработок А.А. Богданова с социально-экономической и общественно-политической практикой. Что касается традиционной методики исследования научных и общемировоззренческих взглядов, при которой позиция исследуемого деятеля сравнивается с представлениями других известных современников, то по ряду вопросов, связанных с богдановским наследием, от данной методики пришлось отказаться. Выбор такого подхода к анализу работ Богданова обусловлен тем, что для оценки эффективности любой теории ее целесообразнее сравнивать в первую очередь с практикой, а не с другими теориями, поскольку никаких объективных критериев истинности суждений, кроме практики, у человечества нет[16]. Соответственно этому, многие философские опы-

[16] Например, для того, чтобы определить, какое влияние на развитие физики оказали открытые И. Ньютоном законы механического движения, нет необходимости составлять детальную хронологию индивидуальной жизни великого британского ученого или сравнивать текст его «Математических начал натуральной философии» с высказываниями Р. Декарта, Б. Паскаля, Г. Лейбница и других великих ученых «века разума» – достаточно просто выполнить расчеты по формулам, с помощью которых Ньютон

ты российской оппозиционной интеллигенции (увлекавшейся на рубеже XIX и XX веков неокантианством, махизмом, ницшеанством, мистицизмом и т.д.), несмотря на их безусловную значимость для развития отечественной философской мысли в целом, практически исключены из рассмотрения в рамках данного диссертационного исследования: объективное влияние этих этических и гносеологических построений на общественно-политическую идеологию Российской империи было невелико – в отличие от доктрин либерализма и марксизма[17], на фоне эволюции которых рассматривается развитие взглядов А.А. Богданова.

Для интерпретации систематизированных данных из источников и литературы используется историко-генетический метод. Прежде всего, в диссертации выстроено диахроническое описание процесса формирования и развития взглядов А.А. Богданова в контексте эволюции российской общественно-политической мысли. Это позволило осуществить детальную реконструкцию социально-исторической ситуации, определившей формирование научных и политических взглядов российской интеллигенции, в состав которой входил, наряду с другими лидерами радикальных общественных движений, и А.А. Богданов.

Последовательная реализация обозначенных выше методологических принципов предполагает специфический подход к анализу исторических фактов: с предлагаемой точки зрения, *любое событие социальной, политической или научной истории представляет собой* ***не неизменное изолированное явление, а определенную фазу динамически развивающегося процесса****, берущего начало в прошлом и направленного в будущее.* За пределами подобного широкого контекста попытка определить действительную значимость научных открытий и доктринальных концепций Богданова представляется малоэффективной: недостаточное внимание к историческим реалиям способно лишь помешать объективному выяснению того, в чем именно исследования и труды выдающегося мыслителя превзошли достигнутый до него уровень научно-практических знаний и насколько они окажутся востребованными в будущем для успешного развития общества.

соединил скорость движения, затраченное время и пройденный путь, а затем отследить, как применение этих формул повлияло на дальнейшие научные исследования, а также на развитие производства, транспорта и прочих отраслей прикладной практической деятельности.

[17] Необходимо отметить, что глубокий сопоставительный анализ концепций либерального социализма (в том числе немарксистских и связанных преимущественно с этической философией), а также сравнение взглядов идеологов ведущих общественно-политических движений (включая, разумеется, и А.А. Богданова) были осуществлены томским ученым Т.В. Кисельниковой в 2010 г. (См.: Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XXв.: идеи либерального социализма. Томск: Изд-во ТГА-

Источниковая база исследования включает в себя несколько групп материалов, содержательно и тематически связанных с заявленной проблематикой диссертации[18]. В первую группу источников включены труды самого А.А. Богданова[19], анализ которых позволяет не только оценить процесс эволюции научных и политических воззрений основоположника системного анализа, но и выявить наиболее существенные социально-исторические предпосылки формирования специфического богдановского метода комплексных исследований общественно-экономической и политической системы современного ученому общества. Помимо этого, соотнесение произведений Богданова с другими группами источников показывает действительные причины конфликта между ученым и его критиками: из богдановских текстов видно, что основным камнем преткновения были не философско-гносеологические вопросы сами по себе, а следовавшие из них политико-идеологические выводы о характере лидерства в общественных движениях и о роли интеллигенции в обществе.

Вторая группа источников включает в себя произведения социальных философов и публицистов середины – второй половины XIX столетия. Эти работы фактически формировали общественно-политическое и научное мировоззрение русской интеллигенции рубежа XIX и XX вв. Особое внимание уделяется работам Н.Г. Чернышевского по политической экономии[20], а также публицистическим статьям Д.И. Писарева[21] и политико-философским произведениям таких идеологов народничества, как

СУ, 2010. 360 с.).

[18] Ввиду большого количества разноплановых источников и литературы их детальный анализ и критика вынесены в главу 1 диссертации.

[19] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М.: Изд-е книжного склада А.М. Муриновой, 1897. 290 с.; Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: Издатель, 1899. 251 с.; Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб.: Типография А. Лейферта, 1901. 217 с.; Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. Женева: [Б.м.], 1904. 93 с.; Рядовой (Богданов А.А.). Из-за чего война и чему она учит? Женева: [Б.м.], 1904. 25 с.; Богданов А.А. Из психологии общества. 2-е изд. СПб.: Книгоизд-во «Паллада», 1906. 295 с.; Богданов А.А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») М.: Издание С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1910. 226 с.; Богданов А.А. Философия живого опыта. 2-е изд. СПб.: Изд-во М.И. Семенова, [б.г.]. 272 с.; Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 220 с.; Богданов А.А. О пролетарской культуре. 1904–1924. М.-Л.: Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.; Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.; Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. 496 с.: Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.; Неизвестный Богданов. В 3-х кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

[20] Чернышевский Н.Г. Основания политической экономии [Д.С. Милля] // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1949. С. 11–336; Чернышевский Н.Г. Очерки политической экономии (по Миллю) // Там же. С. 337–725; Чернышевский Н.Г. Капитал и труд // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 5–63.

П.А. Кропоткин[22] и П.Л. Лавров[23], поскольку именно эта группа мыслителей оказала определяющее влияние на политические взгляды значительной группы российских интеллигентов, рожденных в 1870-е годы.

Третья группа источников представлена документальными материалами, характеризующими деятельность российской государственной власти[24] и оппозиционных ей политических движений – прежде всего, социал-демократической партии[25], в которой А.А. Богданов длительное время находился в качестве одного из ведущих идеологов.

В четвертую группу источников, самую многочисленную по объему и неоднородную по содержанию, вошли мемуарные произведения разных лиц – от видных деятелей общественного движения России до совершенно аполитичных представителей творческой интеллигенции и от влиятельных политиков до рядовых членов политических партий. Значительную часть этого материала составили воспоминания, опубликованные в журнале «Архив русской революции» в период с 1921 по 1937 год.

Содержательно к этой группе источников примыкают исследовательские работы по истории, тематически не связанные с биографией и научными разработками А.А. Богданова. Информация о состоянии социально-экономической и политической системы Российской империи, а также других государств, переживавших кризисы в своем развитии, позволила дополнить фактами тот культурно-исторический контекст, в котором проходило развитие научных и политических взглядов А.А. Богданова, а также реконструировать ключевые эпизоды исторического процесса, оказавшие свое влияние на мировоззрение ученого. Данные работы создавались в разное время, их авторы придерживались неодинаковых идеологических ориентаций, но именно такое разнообразие позиций позволило вычленить формообразующие факторы ряда значимых исторических событий и при наличии подтверждений из источников выстроить эти события в единую систему, где каждый факт занимает четко определенное положение на основе причинно-следственных связей с другими фактами.

---

[21] Писарев Д.И. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. СПб.: Общественная польза, 1894.

[22] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. 683 с.

[23] Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Мысль, 1965.

[24] Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным 6 ноября 1916 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 337–343.

[25] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1954. 630 с.; Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций. Третий съезд РСДРП (май–июнь 1905 г.). М.: Госполитиздат, 1959. XVI, 782 с.; Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Пятый (Лондонский) съезд РСДСРП. 30 апреля–19 мая (13 мая–1 июня) 1907 г. М.: Госполитиздат, 1963. XXIII, 951 с.

Дополнить информацию из исторических исследований позволила такая разновидность источников, как справочные материалы, из которых брались сведения статистического и фактографического плана – зачастую именно в той интерпретации, которая была характерна для времен А.А. Богданова.

Наконец, последней по порядку, но не по значению являются такие своеобразные исторические источники, как художественные произведения, созданные на рубеже XIX и XX вв.

Научная новизна и теоретическая значимость работы заключается, прежде всего, в нехарактерном для жизнеописаний исторических деятелей рассмотрении фактов биографии ученого в контексте социокультурных трансформаций, происходивших в стране и мире при жизни исследуемого лица. Такая форма изложения материала позволяет точнее определить место научного наследия А.А. Богданова в истории отечественной и мировой науки, а также выявить закономерности развития социально-экономической и политической ситуации в период жизни Богданова, нечетко характеризуемые или даже не отмеченные другими исследователями, что дает возможность более детальной реконструкции, казалось бы, уже изученных исторических событий.

Еще одним принципиально новым моментом в исследовании истории российской общественно-политической мысли начала XX столетия является анализ созданной А.А. Богдановым концепции социальной революции: последнюю ученый, в отличие от многих своих современников, рассматривал как процесс, по функциональному содержанию противоположный насильственному разрушению капиталистической системы производственных отношений, дезорганизующее воздействие на которую, по выводам Богданова, оказал переход капитала из промышленной формы в финансовую. Специфическая богдановская трактовка социализма и принципиально отличающегося от него «военного коммунизма» как комплексных антикризисных стратегий, объективно направленных на восстановление нормального жизнеобеспечения общества в условиях распада «прибылеориентированной» хозяйственной системы, длительное время оставалась вне поля зрения отечественных и зарубежных исследователей, что способствовало определенной деформации представлений о причинах и последствиях ряда исторических событий первой половины XX в. – в первую очередь, связанных с русской революцией и развитием Советского государства.

Также к числу научных новаций относится применение разработанных А.А. Богдановым тектологических методов системного анализа в исследовании событий новейшей истории России и зарубежных стран, которое позволяет по-новому оценить те

процессы, которые происходили в нашей стране вплоть до середины 1930-х годов, и предложить интерпретации фактов социальной истории этого драматического периода на основе богдановских методов системного анализа. Подобный подход дает возможность выделить формообразующие факторы ряда ключевых событий, послуживших предпосылками к развитию революционной ситуации в России начала XX столетия, и с учетом информации из первоисточников выстроить картину развития ситуации, свободную от полемических толкований, которые, к сожалению, характерны для определенных групп исследователей, склонных подменять объективные факты политизированными оценочными суждениями[26].

Научно-практическая значимость диссертации заключается в возможности применения результатов исследования при подготовке обобщающих трудов научного и учебного характера по истории общественных движений и политических идеологий России второй половины XIX – начала XX в., при разработке учебных курсов и спецкурсов по истории России, а также по истории науки и техники. Кроме того, результаты проделанной работы могут быть использованы при разработке отдельных вопросов методологии исторического исследования.

Научные результаты были использованы автором диссертации в процессе подготовки и публикации научных статей в журналах из перечня ВАК, а также при разработке учебных пособий «Развитие политической мысли в России XVIII – XIX вв.» (Северск, 2010) и «Краткая история политологической мысли» (Северск, 2017), используемых в учебном процессе Северского технологического института Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

По результатам исследования **на защиту выносятся следующие положения**:

1. Мировоззрение А.А. Богданова, изначально формировавшееся под характерным для поколения рожденных в 1870-е годы воздействием революционно-демократической публицистики Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева и др., в силу ряда специфических обстоятельств (начиная от характера семейного воспитания и заканчивая профессиональной подготовкой врача) оказалось оптимально подготовленным для развития особого – системного – взгляда на факты социальной, экономической и политической жизни.

2. Агитационно-пропагандистская деятельность А.А. Богданова в рабочих кружках Тулы и в особенности знакомство с марксистской методологией комплексного социально-

[26] Элементы критики подобных толкований российской истории периода Гражданской войны содержатся в разделе 4.3 диссертации. О значимости этого периода для понимания современных экономических и политических реалий говорить не приходится.

экономического анализа привели молодого ученого к оригинальной интерпретации исторического процесса, которая впоследствии послужила основой богдановской методологии системного анализа.

3. Ведущая причина успешности агитационно-пропагандистской работы А.А. Богданова в РСДРП заключалась в планомерном формировании мировоззрения целевой пролетарской аудитории на основе системного восприятия социальной, экономической и политической ситуации. Это выгодно отличало богдановскую методику от традиционных для политических партий начала XX в. «эксцитативных» форм агитации, направленных на создание интенсивных протестных настроений путем кратковременного воздействия на эмоции целевой группы.

4. Пропагандистско-просветительская работа по методам А.А. Богданова в существенной степени способствовала не только организационному оформлению руководства большевистской фракции РСДРП (начиная от неформального, но эффективного лидерского триумвирата «В.И. Ленин – Л. Б. Красин – А.А. Богданов» и заканчивая такими вполне формальными структурами, как Большевистский Центр и редколлегия газеты «Пролетарий»), но и распространению в России именно большевистской версии социал-демократической доктрины. Эта особенность биографии А.А. Богданова по достоинству оценивалась его современниками и исследователями позднейшего времени, однако на системный характер богдановской пропагандистско-просветительской работы при этом тоже обращалось мало внимания при условии, что многие наработки «вице-лидера большевиков»[27] в данной области даже в наши дни успешно используются – правда, без каких-либо ссылок на его авторство.

5. Причины философского противостояния А.А. Богданова с идеалистами-«веховцами», а равно с марксистами-лидерами РСДРП были связаны не с разногласиями по проблемам онтологии, гносеологии или политики, а с *несовместимостью самих способов мышления этих интеллектуалов.* Богдановский системный анализ «проклятых вопросов» современности через определение их функциональных взаимосвязей с жизнью общества не находил понимания в среде русской интеллигенции, которая ориентировалась преимущественно на полемическую критику социальных проблем, обусловленную специфической гуманитарной парадигмой мышления большинства образованных людей России в тот истори-

[27] Такую характеристику А.А. Богданову дал в некрологе М.Н. Покровский (См.: Покровский М.Н. Александр Александрович Богданов (Малиновский) [некролог] // Вестник Коммунистической Академии. 1928. Кн. 26 (2). С. V.)

ческий период. Эта парадигма послужила основой для общественно-политических концепций, принципиально не поддающихся осуществлению на практике, и обусловила тупиковый характер ряда направлений в отечественной философии начала XX столетия.

6. Отмеченная выше несовместимость способов мышления также определяла характерные черты взаимодействия большинства лидеров-идеологов РСДРП с массой рядовых партийцев. Партийные руководители-интеллигенты, декларируя социал-демократические принципы, оставались на деле приверженцами сугубо авторитарного сотрудничества, при котором определяющее значение имели формальные характеристики социального статуса, жестко фиксирующие положение человека в коллективе. В то же время рабочие и по фактическому поведению, и по выводам Богданова были ориентированы на функциональное взаимодействие, при котором статус личности в группе определяется исключительно характером выполняемой работы, меняется вместе с этой работой и не устанавливает для человека раз навсегда заданного положения в социуме. Несовместимость этих организационных принципов вела к специфической *авторитарной деформации внутрипартийного сотрудничества*, следствием которой стал кризис пролетарского движения в начале XX в., проанализированный «по горячим следам» А.А. Богдановым, но не нашедший адекватного отражения ни в официальных партийных документах, ни в более поздних исследованиях по истории рабочего и революционного движения в России.

7. Разработанные А.А. Богдановым закономерности всеобщей организационной науки тектологии представляют собой не столько философскую систему (как их характеризуют с общепринятой точки зрения на историю развития отечественной науки), сколько эффективные методы систематизации и последующего анализа эмпирических фактов. Результатом такого анализа может стать новая, более реалистическая интерпретация наблюдаемых явлений вследствие устранения ряда противоречий, неустранимых (а зачастую и необнаружимых) с помощью традиционных методов исследования.

8. Выполненный А.А. Богдановым анализ эволюции финансового капитализма на рубеже XIX и XX веков был положен в основу оригинальной концепции экономических, социальных и политических кризисов. С точки зрения данной концепции, в основе любого кризиса лежит нарушение равновесия между процессами производства и потребления жизненных благ в конкретной социально-исторической ситуации, т.е., в конечном счете, острота кризисных тенденций определяется степенью направленности производственных мощностей общества на решение задачи жизнеобеспечения населения в условиях ограни-

ченности ресурсов. Такая интерпретация природы кризисов (включая наиболее интенсивные и деструктивные из них – военные) обладает высоким эвристическим потенциалом применительно к экономическим и историческим исследованиям.

9. Предложенная А.А. Богдановым еще в 1918 г. концепция «военного коммунизма», представляющая собой частный случай применения методов тектологического анализа, является эффективным инструментом исследования исторических событий XX века. С точки зрения этой концепции, процесс развития индустриального общества в Евразии первой половины XX столетия представляет собой не столько борьбу «тоталитаризма» и «демократии» (или «фашизма» и «коммунизма»), сколько выстраивание системы планомерного регулирования национальных экономик милитаристскими либо технократическими методами с целью нейтрализации деструктивных последствий глобального кризиса, имевшего форму мировых войн.

10. Богдановская концепция социализма (или «коллективизма», в терминологии самого ученого) исключала насильственное переустройство общества, предполагая трансформацию социальной системы через нейтрализацию негативных (дезорганизующих) воздействий финансового капитала или порожденной им «военно-коммунистической» бюрократии на хозяйственную систему, главной функцией которой в норме является жизнеобеспечение общества.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на кафедре истории и документоведения исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. Результаты исследования были доложены и обсуждены на 16 международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях.

Достоверность результатов исследования обусловлена применением совокупности методов, соответствующих целям, задачам и логике построения диссертационной работы, аргументированностью выдвигаемых положений посредством привлечения разнообразных исследовательских материалов, тематически связанных с изучаемой проблематикой, а также представлением результатов исследования в профессиональной печати и докладах на научных и научно-практических конференциях.

Публикации. Результаты исследования были опубликованы в 25 научных работах, в том числе в 2 монографиях и 16 статьях в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура диссертации определена объектом и предметом исследования в соответствии с исследовательскими задачами и логикой изложения. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

1 Анализ исторических и историографических источников

1.1 Историография научного и общественно-политического наследия А.А. Богданова

Первые попытки оценить научное наследие А.А. Богданова относятся к 1930 годам[28], когда в Советском Союзе возникла объективная потребность в формировании целостной идеологической оценки событий и деятелей отечественного революционного движения. Для общества, пережившего гражданскую войну, такая идеологическая оценка неизбежно выстраивалась по упрощенной дихотомической схеме «свой – чужой», и столь неоднозначная фигура, как Богданов, не могла быть включена в подобную схему без существенных искажений в интерпретации взглядов и действий.

Типичным примером такой искаженной интерпретации может служить солидная монография А.В. Щеглова «Борьба В.И. Ленина против богдановской ревизии марксизма» (1937)[29], представлявшая собой, по сути, развернутый комментарий к ленинской книге «Материализм и эмпириокритицизм», в которой, как известно, философия А.А. Богданова интерпретировалась как «субъективный идеализм в форме махизма». С помощью многочисленных цитат из работ В.И. Ленина, Г.В. Плеханова и других теоретиков марксизма, а также с помощью агрессивной риторики Щеглов продемонстрировал читателям несовместимость богдановского эмпириомонизма с историческим материализмом вообще и революционным марксизмом в частности. Однако более поздние наработки Богданова (начиная от всеобщей организационной науки тектологии и заканчивая опытами в Институте переливания крови) были оставлены Щегловым без внимания – не в последнюю очередь потому, что требовали специализированных научных знаний, которыми комментатор ленинских работ, по-видимому, не обладал в должной мере.

Сходным образом оценивалась и роль Богданова в революционном движении: в

---

[28] Некоторые авторы относят к историографии о научном наследии А.А. Богданова такие произведения, как «Materialismus militans» Г.В. Плеханова и «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина. Однако данный подход трудно признать корректным с научной точки зрения, поскольку упомянутые работы представляют собой сугубо полемические тексты, основанные на оценочных суждениях и не содержащие ни анализа происхождения богдановских взглядов, ни исследования их генезиса в контексте развития научной и философской мысли того времени. Вследствие этого работы Плеханова и Ленина наряду с критическими статьями других современников А.А. Богданова вынесены в раздел 1.4 «Источники по истории российской общественно-политической мысли второй половины XIX – начала XX века».

[29] Щеглов А.В. Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма. М.: Соцэкгиз, 1937. 228 с.

знаменитом «Кратком курсе истории ВКП(б)» Александр Александрович упоминается восемь раз, и каждое из этих упоминаний связано с тем или иным «отклонением от генеральной линии партии», будь то примиренческая позиция по отношению к меньшевикам (чем Богданов якобы «грешил» в период подготовки III съезда), его «идеалистическая» философия эмпириомонизма, «отзовизм» в отношении выборов в Государственную Думу, а также создание группы «Вперед» и «фракционной» партийной школы на о. Капри.

Такое однобокое освещение работы Богданова в партии, будучи недостаточно объективным, идеально укладывалось в простую идеологическую схему, принятую тогдашним советским руководством. Автор, которого критиковал Ленин, не должен был оцениваться положительно даже в мелочах, ибо подобная оценка могла заронить в политически неоформленное сознание рядовых коммунистов и беспартийных сомнение в правильности партийной политики: ведь если начать с того, что первый лидер ВКП(б) «отлучил от марксизма» одного из своих соратников *просто в пылу полемики*, то в подобном ключе можно интерпретировать все остальные действия большевиков, необратимо разрушая завоеванный ими авторитет в массах... Дабы исключить такое перетолкование, официальная партийная историография концентрировалась исключительно на негативных оценках действий Богданова. При этом специально фабриковать обвинения против него тоже было рискованно: еще живы и уважаемы были те, кто работал в революционном подполье с Богдановым бок о бок, и их выступления против явного вымысла могли уронить авторитет партийных идеологов едва ли не сильнее, чем противоречивая оценка конфликта между Лениным и Богдановым по вопросам об «эмпириокритицизме» и об отношении к выборам в Думу. Таким образом, напрашивалось единственно возможное решение: *превратить значительную часть научных и просветительско-пропагандистских наработок Богданова в «гносеологическую путаницу», а его самого в «фигуру умолчания», и если уж использовать его открытия в практике советской науки и государственного управления, то* ***без какой-либо ссылки на авторство Богданова****, а остальные труды интерпретировать сугубо в негативном аспекте.* Исключение было сделано лишь для научно-фантастической прозы А.А. Богданова, которая неоднократно переиздавалась в СССР наряду с аналогичными по тематике произведениями А.Р. Беляева и А.Н. Толстого. Естественно, что об оценке богдановского наследия в контексте развития советской и, тем более, мировой науки не могло быть и речи.

Отступление от этой «генеральной линии» наметилось лишь в 1957 г. с выходом в

свет небольшой статьи академика А.А. Богомольца «Памяти А.А. Богданова. К вопросу о научном и практическом значении метода переливания крови»[30]. Автор статьи – соратник Богданова по Институту переливания крови – одним из первых нарушил негласный запрет на позитивную оценку научного наследия того, кому уже, казалось бы, раз и навсегда была назначена роль «раскритикованного Лениным горе-философа». В статье Богомольца отмечался пионерный характер исследований Богданова и высоко оценивалось личное мужество Александра Александровича, ставившего наиболее рискованные медицинские опыты с обменными переливаниями крови на себе самом. При этом ориентация статьи на специалистов-медиков и небольшой тираж журнала исключали конфликт между уже сформировавшимися идеологическими представлениями и новыми опубликованными данными.

Однако сама «генеральная линия» в отношении Богданова и его разработок даже после публикации А.А. Богомольца оставалась неизменной: в 1966 г. Л.Н. Суворов издал большую статью «Из истории борьбы В.И. Ленина, партии большевиков против богдановской “организационной науки”»[31], где вновь воспроизвел выстроенный еще в 1930-х гг. символический ряд, приравняв тектологию к эмпириомонизму, эмпириомонизм – к махизму, махизм – к солипсизму, а солипсизм – к пропаганде религиозных взглядов и воинствующему антимарксизму. Никаким положительным научным достижениям Богданова в этом символическом ряду попросту не оставалось места.

Следующий шаг в «тихой реабилитации» ученого был связан с публикацией в серии «Выдающиеся деятели отечественной медицины» 60-страничной брошюры А.А. Беловой «Александр Александрович Богданов» (1974)[32]. В течение всего советского периода это была одна из самых полных биографий Богданова, в которой характеризовались его достижения в сфере политической экономии, организации рабочего движения, системного анализа... Наибольшее внимание было – в соответствии с тематикой книжной серии – уделено сугубо медицинским открытиям Богданова в области иммунологии и гематологии – в особенности организации в Москве первого в мире Института переливания крови. Однако положительные характеристики Богданова-ученого и просветителя традиционно нивелировались пересказом канонических для советской идео-

[30] Богомолец А.А. Памяти А.А. Богданова. К вопросу о научном и практическом значении метода переливания крови // Богомолец А.А. Избранные труды. В 3-х т. Т.2. Киев: Издательство АН УССР, 1957. С. 183–186.

[31] Суворов Л.Н. Из истории борьбы В.И. Ленина, партии большевиков против богдановской «организационной науки» // Научные доклады высшей школы. Философские науки. М., 1966. №3. С. 84–91.

[32] Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. 60 с.

логии положений ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», и даже оценка всеобщей организационной науки тектологии как прямой предшественницы кибернетики не позволила А.А. Беловой в полной мере реабилитировать Богданова.

Не помогла даже ссылка на труды ленинградского исследователя М.И. Сетрова, который еще в 1967 г. обратил внимание на такое тектологическое понятие А.А. Богданова, как «бирегулятор»[33], а в 1970 г. доказывал, что создатель «организационной науки», по сути, первым в мире сформулировал тот принцип обратной связи, который был положен в основу кибернетики. Поскольку изобретатель кибернетики Н. Винер публично заявлял, что подсказку для своего открытия обнаружил в работах Л. фон Берталанфи, то в научном мире долгое время именно его считали создателем общей теории систем, пока канадский математик Р. Маттессич в 1978 г. не поставил вопрос о приоритете тектологии Богданова перед исследованиями Л. фон Берталанфи, даже обвинив знаменитого австрийца в заимствовании ряда богдановских идей[34].

Сенсационное заявление Маттессича не осталось незамеченным и в России, поэтому на рубеже 1980-х и 1990-х гг. произошло резкое повышение интереса к наследию А.А. Богданова: в научно-популярных изданиях появились статьи, авторы которых по-новому оценивали его вклад в развитие общественных и естественных наук. В этот же период были переизданы «Тектология» (М., 1989)[35] и богдановские статьи 1905–1923 гг[36]. о социализме и пролетарской культуре. Такие авторы, как Г.Д. Гловели, С.Н. Пустильник, Н.К. Фигуровская[37], уже акцентировали внимание на общеметодологических взглядах Богданова, отмечая их соответствие современной организационно-управленческой проблематике – в первую очередь, вопросам плановой экономики, научной организации труда и комплексного социально-экономического и политического прогнозирования. Публикация архивных документов из богдановского наследия, предпринятая П.А. Плютто (1992)[38] и международным коллективом авторов (1995)[39] обеспе-

---

[33] Сетров М.И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. 1967. Вып. 8. С. 49–60.

[34] Mattessich R. Instrumental Reasoning and Systems Methodology. Dodreacht. Boston: D. Reidel, 1978. P. 283–286.

[35] Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. М.: Экономика, 1989.

[36] Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.

[37] Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Предисловие к книге А.А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» // Богданов А.А. Тектология. В 2-х кн. Кн.1. М.: Экономика, 1989. С. 7–35 ; Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. А.А. Богданов (биографический очерк) // Указ. изд. С. 36–44 ; Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 3–27 ; Гловели Г.Д., Пустильник С.Н. Сотри случайные черты… // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С. 11–19.

[38] Плютто П.А. Время и люди (Из архивов А.А. Богданова) // Социологические исследования. М.,

чила профессиональным исследователям доступ к прежде неизвестным аспектам научной, просветительской и политической деятельности Александра Александровича. В итоге сформированная еще в сталинский период система упрощенных идеологических представлений о Богданове как всего лишь философском оппоненте Ленина практически перестала существовать: о тектологии как исторически первичной методике системного анализа заговорили многие отечественные эксперты, наподобие экономиста Л.И.Абалкина[40] и кибернетика Н.Н.Моисеева[41].

В несколько смягченном виде эти же проблемы затронула в 1993 г. Симона Наумовна Пустильник. В кандидатской диссертации «Биологические идеи тектологии А.А.Богданова: к генезису общей теории систем» она отметила существенную особенность богдановской методологии в сравнении с более поздними наработками отечественных и зарубежных специалистов в области системного анализа: «Тектология <...> – синтетическая концепция, органично сочетающая системные идеи и принципы, позже оказавшиеся “разбросанными” по различным теориям и концепциям, составляющим ныне системный подход»[42]. В соответствии с этим тезисом С.Н. Пустильник провела сравнение богдановской тектологии с другими методами системного анализа, уделив особое внимание общей теории систем Л. фон Берталанфи. Сравнение показало, что тектология более эффективна при анализе систем со сложной структурой в условиях динамического изменения их параметров с целью адаптации системы к среде[43]. Также в диссертации была позитивно охарактеризована монистическая направленность тектологии, закономерности которой способны выйти за пределы сугубо биологической проблематики и послужить для исследования любых организованных систем.

Глубоко проанализировала научное наследие А.А. Богданова Наталья Александровна Кузьминых, защитившая в 1993 г. кандидатскую диссертацию на тему «Историографические проблемы исследования организационно-социологической концепции А.А. Богданова». Особую ценность данному исследованию придает привлечение архивных материалов, еще не находившихся в то время в свободном доступе – прежде всего,

---

1992. №11. С. 133–142.

[39] Неизвестный Богданов. В 3-х кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. В редакционную коллегию данного сборника вошли Г.А. Бордюгов, Н.С. Антонова, Н.В. Дроздова (Россия), Габриэла Горцка (Германия), Джон Биггарт (Великобритания), Даниэла Стейла (Италия).

[40] Абалкин Л. И. Тектология А. А. Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 3–7.

[41] Моисеев Н.Н. Тектология А.Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 8–13.

[42] Пустильник С.Н. Биологические идеи тектологии А.А. Богданова: к генезису общей теории систем. Автореф. дис. … канд. биол. наук. М., 1993. С. 2.

записных книжек А.А. Богданова, содержание которых позволяло в деталях реконструировать ход мысли ученого. Однако в исследовании Н.А. Кузьминых, как и в диссертации С.Н. Пустильник, многоплановая исследовательская и философско-методологическая работа Богданова рассматривалась довольно узко: во-первых, из всего многообразия богдановских разработок была выбрана только социологическая концепция, во-вторых, она анализировалась лишь в рамках полемики с В.И. Лениным об эмпириомонизме, логическим продолжением которого стала тектология. Оценка богдановских идей исключительно через призму конфликта с Лениным и последующей травли ученого существенно обеднила проблематику исследования Н.А. Кузьминых: конфликт внутри лидерской верхушки большевистской фракции, вполне объяснимый сугубо политическими (т.е. властными) причинами, был возведен автором диссертации на уровень глобального мировоззренческого противостояния между авторитарным Лениным, стремившимся видеть «партийность» в любой области научного знания, и демократически мыслящим Богдановым, придерживавшимся более объективных взглядов на науку и идеологию. При этом Н.А. Кузьминых провела сравнение мировоззрения А.А. Богданова с социологией О. Конта, А. Сен-Симона, Г. Спенсера, Н.К. Михайловского, К. Маркса, С.Н. Южакова[44]. На основании этого анализа делается вывод о несостоятельности ленинских обвинений Богданова в «идеализме» и «махизме», а также об отсутствии принципиальных противоречий между эмпириомонизмом и тектологией, с одной стороны, и марксизмом – с другой.

Вопрос о марксистской природе научных взглядов Богданова был затронут и в диссертации ставропольской исследовательницы Светланы Борисовны Калиниченко «Проблема “нового” человека в трудах политических деятелей 20-х годов» (1994). Автор вообще не сочла необходимым разграничивать политико-философские позиции таких авторов, как А.А. Богданов, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий и А.В. Луначарский, поскольку взгляды каждого из этих идеологов большевизма, так или иначе придерживавшихся марксистской парадигмы, оказали существенное влияние на формирование мировоззрения современников и последующих поколений[45]. В данной диссертации немаловажное значение представляет уже сам факт постановки Богданова в один ряд с признанными и политически реабилитированными лиде-

---

[43] Пустильник С.Н. Биологические идеи тектологии А.А. Богданова. С. 15, 22.

[44] Кузьминых Н.А. Историографические проблемы исследования организационно-социологической концепции А.А.Богданова. Автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 1993. С. 6, 19–21.

[45] Калиниченко С.Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х годов. Дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 1994. С.52–80.

рами советского трасформационного процесса. Не менее показательно и выполненное С.Б. Калиниченко развернутое сопоставление взглядов ученого с пропагандистскими декларациями Троцкого и Бухарина, с одной стороны, и представлениями Луначарского о процессе становления новой интеллигенции, с другой: согласно автору диссертации, в рассматриваемой группе политических деятелей именно Богданову принадлежит приоритет в разработке темы «нового человека», в поиске способов адаптации культуры «старого мира» к задачам крупномасштабных социальных преобразований. К сожалению, историк С.Б. Калиниченко ограничила хронологические рамки своего исследования 1920 годами и рассматривала взгляды Богданова без какой-либо связи с его биографией, ориентируясь лишь на общий социокультурный контекст эпохи.

В более поздних работах философские и научные воззрения А.А. Богданова рассматривались уже более детально и с четкой привязкой к процессу формирования и развития личности ученого. Так, в 1995 г. философ Татьяна Гавриловна Кульсеева защитила кандидатскую диссертацию «Теоретические основания эмпириомонизма А.А. Богданова», в которой определила общее направление богдановской философии как своеобразный «марксиствующий позитивизм» – синтез воззрений К. Маркса и Э.Маха в качественно новое методологически непротиворечивое целое. Именно на этой основе Богданов, по словам исследовательницы, выстроил свою концепцию эмпириомонизма и, впоследствии, тектологии: целью ученого в том и другом случае, считает Т.Г. Кульсеева, было создание марксистской праксеологии, на которую идеологи российской и европейской социал-демократии в тот период не обращали внимания, больше заботясь о сохранении чистоты марксистской теории, чем о ее практическом воплощении в социальную действительность[46]. Именно четкая ориентированность богдановской философии на организацию практической деятельности живых человеческих коллективов вместо обслуживания застывших «абсолютных истин» обусловила принципиально новый для первых десятилетий XX в. системный подход к исследованию сложных социально-экономических и политических ситуаций.

Детальное изучение специфики философских взглядов А.А. Богданова предпринял уже другой исследователь – московский ученый Игорь Геннадьевич Тарент в диссертации «Историко-философский анализ тектологии А.А. Богданова» (2003). С точки зрения автора, богдановская тектология обладает ярко выраженным праксеологиче-

[46] См.: Кульсеева Т.Г. Теоретические основания эмпириомонизма А.А. Богданова. Дис. … канд. философ.

ским[47] аспектом, позволяющим эффективно решать многие виды практических задач (в том числе глобального уровня), и представляет собой универсальную методологию прикладного научного исследования, органично сочетающую естественнонаучную и гуманитарную парадигмы.

В дальнейшем отечественные исследователи осуществляли детальный анализ уже не богдановского наследия целиком, а отдельных концепций А.А. Богданова, связь которых с современной проблематикой прослеживалась наиболее отчетливо. Этому в существенной степени способствовало облегчение доступа соискателей к архивным фондам, а также публикация трехтомного сборника документов и материалов «Неизвестный Богданов» (М., 1995)[48]. В 1996 г. московский историк Елена Петровна Максименко защитила кандидатскую диссертацию по политологии на тему «Концепция “пролетарской культуры” в идейно-политическом наследии А.А. Богданова». Особое внимание автор уделила формированию и развитию взглядов Богданова на роль культуры как ключевого элемента мирных социальных преобразований, а также деятельному участию Александра Александровича в создании и работе Пролеткульта[49]. Изыскания по последней проблеме были продолжены культурологом Денисом Сергеевичем Иванцовым, защитившим в 2006 г. диссертацию «Феномен Пролеткульта в культурно-историческом аспекте» – правда, основной акцент был сделан на материалы по работе пролеткультовских организаций Костромского края, а собственно о Богданове и его концепции пролетарской культуры Д.С. Иванцов коротко рассказал в одном разделе первой главы, отметив определяющее влияние взглядов Александра Александровича на работу Пролеткульта на начальном этапе и вполне закономерное ослабление этого влияния после травли Богданова в партийной печати в 1920–1922 гг.[50]

Общему увеличению количества исследований способствовало создание в 2001 г. Международного института А.А. Богданова – уникальной организации, не только систематизировавшей многообразное наследие ученого, но и успешно осуществляющей внедрение богдановских разработок в практику. К сожалению, значительная часть диссертаций, защищенных около этого времени, посвящена относительно узким вопросам.

наук. Курск, 1995. С. 128–129.

[47] Т.е. ориентированным в первую очередь на практические, прикладные аспекты использования теоретических знаний.

[48] Неизвестный Богданов. В 3 кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

[49] Максименко Е.П. Концепция «пролетарской культуры» в идейно-политическом наследии А.А. Богданова. Дис. … канд. ист. наук. Москва, 1996. С. 52–88, 118–138.

[50] Иванцов Д.С. Феномен Пролеткульта в культурно-историческом аспекте. Дис. … канд. культурологии. Киров, 2006. С. 39–59.

Из общего массива богдановедческих исследований можно выделить работы Сергея Викторовича Добронравова «Дискуссия “реалистов” и “идеалистов” в русской философии начала XX века» (Москва, 2000), Аркадия Николаевича Шушпанова «Литературное творчество А.А. Богданова и утопический роман 1920-х годов» (Иваново, 2001), Натальи Николаевны Полуян «Идеи теории познания “русского эмпириокритицизма”» (Киров, 2010), Ксении Александровны Кузнецовой «Социологические взгляды А.А. Богданова» (Саратов, 2010). Каждый из названных авторов с предельным вниманием исследовал один изолированный фрагмент многообразного научного, философского и творческого наследия А.А. Богданова, а также непосредственно связанные с этим фрагментом эпизоды биографии ученого. Вполне закономерно, что при таком подходе исследователи, проделав большую работу, не всегда предпринимали попытки сформировать целостную картину развития взглядов Богданова, установить влияние господствующих научных школ эпохи на его мировосприятие, определить место его открытий в общем контексте мировой науки и политической практики – в прошлом и в современности. Причина проста: с самого начала авторы работ ставили перед собой другую задачу – изучать Богданова не «вширь», а «вглубь», не «целиком», а «по частям».

Практически единственным отступлением от этой магистральной тенденции является, пожалуй, наименее удачная из исследовательских работ – диссертация Владимира Валерьевича Алексеева «Концепция социально организованного опыта А.А.Богданова и ее роль в становлении советской модели социализма в 1920-х – середине 1930-х годов» (Ижевск, 2007). Исследователь поставил перед собой поистине глобальную задачу – определить генетическую связь между научными и философскими взглядами Богданова, с одной стороны, и комплексной социально-экономической и политической практикой Советского Союза времен И.В. Сталина, с другой. Приступая к решению этой задачи, В.В. Алексеев писал: «Сейчас в А.А.Богданове видят крупного мыслителя, чьи идеи предвосхитили общесистемные подходы и кибернетику; ученого, внесшего весомый вклад в экономику, социологию, культурологию, лингвистику и педагогику <...>. При этом, однако, не уделяется серьезного внимания тому, что ряд основополагающих философских и конкретных идей А.А. Богданова вполне сопоставим с развитыми тоталитарными идеологиями XX-го века <...>. Богдановские работы сейчас доступны и любой непредубежденный читатель без труда обнаружит в них авторитарно-

тоталитарные тенденции»[51]. Показательна не только терминологическая путаница, которую «непредубежденный читатель» встречает в данной диссертации буквально с первых страниц, но и достаточно вольное обращение автора с источниками: в общей сложности 45 % библиографических ссылок, призванных подтверждать суждения В.В. Алексеева о взглядах А.А. Богданова, попросту не соответствуют принятым в исторической науке критериям достоверности, т.к. либо указывают на работы не Богданова, а других авторов (преимущественно критиков и политических противников создателя тектологии), либо связаны с богдановскими текстами, не подтверждающими озвученную Алексеевым позицию, а то и прямо противоречащими ей. Наиболее существенными ляпсусами такого рода являются, например, рассуждения Владимира Валерьевича о том, что богдановская группа «Вперед» еще в 1909 г. планировала геноцид крестьянства и «старой» интеллигенции ради «великого перелома» общественной жизни страны[52], или о том, что идеологическим обоснованием строительства Беломорско-Балтийского канала послужил... научно-фантастический роман А.А.Богданова «Инженер Мэнни», написанный и опубликованный еще до Октябрьской революции[53]. Что касается менее серьезных ошибок в изложении материала, то здесь счет идет на десятки.

Если же смотреть по совокупности, то общее количество защищенных в России диссертаций, в проблематике и круге источников которых так или иначе используется научное наследие А.А. Богданова (прежде всего, главная разработка ученого – тектология), на начало 2017 года составляет более 1200, причем из них лишь 111 связаны с исторической и философской проблематикой, тогда как остальные акцентируют внимание на прикладном применении тех или иных элементов созданной Богдановым методики системного тектологического анализа в экономике, социологии, психологии, образовании, государственном управлении и т.д. В это число входят 433 докторских диссертации, из которых лишь 53 связаны с исторической и

---

[51] Алексеев В.В. Концепция социально организованного опыта А.А. Богданова и ее роль в становлении советской модели социализма в 1920-х – середине 1930-х годов. Дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2007. С. 3–4.

[52] См.: Алексеев В.В. Концепция социально организованного опыта А.А. Богданова… С. 76–78. В качестве доказательства своей позиции автор диссертации приводит ссылки на платформу группы «Вперед», опубликованную во 2-й книге сборника «Неизвестный Богданов» и содержащую лишь обзор политической ситуации в России после поражения революции 1905–1907 гг. и рекомендации по использованию этой ситуации для продолжения борьбы, но не описание действий после захвата политической власти в стране (См.: Платформа группы «Вперед» // Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 2. М.: «АИРО-XX», 1995. С. 36–76).

[53] См.: Алексеев В.В. Концепция социально организованного опыта А.А. Богданова… С. 115–125. Реальное военно-стратегическое и хозяйственное значение Беломорско-Балтийского канала исследователь попросту «вынес за скобки» своей работы.

философской проблематикой[54]. При этом авторы, как правило, отмечают практическую применимость тектологических закономерностей в современном экономическом планировании, государственном управлении, социальной политике, прикладной и теоретической социологии, социальной философии (естественно, каждый автор акцентирует внимание на тематике своего исследования). Однако в современной России, к сожалению, ***совсем нет*** исследовательских работ, которые бы полностью охватывали процесс развития мировоззрения А.А. Богданова как автора первой в мире методики системного анализа, а также соотносили бы этот процесс с экономическим, политическим и социокультурным контекстом исторической эпохи.

1.2 Историография общественно-политической проблематики второй половины XIX – начала XX века

Историография данного периода отечественной истории отличается не только большим количеством серьезных крупномасштабных исследований, но и крайним разнообразием (вплоть до диаметральной противоположности) интерпретаций одних и тех же исторических событий. Причина столь неоднозначной трактовки прошлого заключается в том, что каждый исследователь-историк в известном смысле подвергается воздействию идеологических доктрин изучаемого периода, либо признавая их, либо пытаясь оспорить. Поскольку идеологическая палитра Российской империи 1860-х – 1910-х годов отличалась удивительной пестротой (начиная от ультраконсервативной «теории официальной народности», бывшей в ходу у черносотенцев даже после конституционных преобразований 17 октября 1905 г., и заканчивая революционным марксизмом), то поле выбора мировоззренческих концепций, через призму которых оценивается исторический процесс и роль той или иной личности в нем, оказывается чрезвычайно широким.

Чтобы исключить искажающее воздействие подобного разнообразия, для реконструкции мировоззрения А.А. Богданова и его ровесников из среды интеллигентных ре-

---

[54] Данные о количестве диссертаций, в тематике и текстах которых фигурируют А.А. Богданов и тектология, взяты с официального сайта ВАК, а также из электронной библиотеки диссертаций disserCat (URL http://www.dissercat.com). Вот лишь некоторые из них: Лысенко Т.П. Управление социальной сферой региона. Дис. … канд. социол. наук (Москва, 2000); Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в. Дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук (Москва, 2002); Афанасьева Е.Л. Рациональная организация социально-экономических систем на основе тектологии А.А. Богданова. Дис. … канд. философ. наук (Якутск, 2004); Иванова С.В. Тектолого-гуманистические основания образовательного процесса. Дис. … д-ра философ. наук (Москва, 2007). Пожалуй, наиболее примечательной в этом ряду является докторская диссертация нижегородского юриста А.Ф. Лубина «Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности» (Нижний Новогород, 1997), в которой тектологический метод прямо назван в качестве

волюционеров с антимонархическими, демократическими убеждениям объективно необходимо, во-первых, выделить в общем потоке событий те, которые именно для данной группы являлись знаковыми, системообразующими в плане политического мировоззрения; во-вторых, выбрать из общего массива исторической литературы о данных знаковых событиях те интерпретации, которые соответствовали идеологическим убеждениям российских интеллигентов, рожденных в 1870-е годы и принявших активное участие в революционных событиях первых десятилетий XX века.

Если учесть, что отправной точкой в структурировании мировоззрения русской интеллигенции явились реформы Александра II (фактически сформировавшие интеллигенцию как особую социальную группу[55]), то наиболее значимым событием, оказавшим определяющее влияние на весь дальнейший исторический процесс, следует признать самую первую из этих реформ – крестьянскую, непосредственно затронувшую 85 % населения огромной империи. Первым из использованных в диссертации исследований по данной проблеме является капитальная монография М.А. Литвинова «История крепостного права в России» (1897)[56]. Она, хотя и не отличается новизной, тем не менее содержит большой массив статистической и аналитической информации, причем именно в том виде, в котором с ней знакомились молодые интеллигентные оппозиционеры, формируя собственное мнение по болезненному для России крестьянскому вопросу. Работы позднейших исследователей (таких, как Н. Эйдельман[57], Л.В. Милов[58], А.И. Уткин[59], А.В. Тюрин[60]) лишь дополняли предоставленную в работе Литвинова информацию о статусе крестьянства в социально-экономической и политической системе империи, о борьбе и сотрудничестве различных группировок правящей элиты и других аспектах исторического процесса в России XIX в. Объединение разнопланового исторического материала во второй главе диссертации позволило охарактеризовать не только общее состояние населения империи, но и предпосылки эмоциональной реакции российской учащейся

одного из базовых элементов методологии исследования.

[55] Сами термины «интеллигент» и «интеллигенция» в их привычном для нас значении были введены в оборот русским писателем Петром Дмитриевичем Боборыкиным (1836–1921) как раз в 1866 г. (См.: Мотин С.В. О понятии «интеллигенция» в творчестве И.С. Аксакова и П.Д. Боборыкина // Известия Пензенского государственного университета. Гуманитарные науки. Пенза, 2012. №27. С. 839).

[56] Литвинов М.А. История крепостного права в России. М.: М.В. Клюкин, 1897. 368 с.

[57] Эйдельман Н. «Революция сверху» в России // Наука и жизнь. М., 1988. №11, №12; Наука и жизнь. М., 1989. №1.

[58] Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. М., 1995. №1. С. 76–87.

[59] Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. 574 с.

[60] Тюрин А.В. Оболганный император. Правда о Николае I. М.: Яуза-Эксмо, 2010. 576 с.

молодежи на внутриполитические мероприятия государственной власти, которые объективно усугубляли положение крестьян.

Особенности восприятия данной социально-исторической ситуации со стороны учащейся молодежи охарактеризованы в монографии В.И. Орлова «Студенческое движение Московского университета в XIX столетии» (1934)[61], которая представляет собой, пожалуй, одно из наиболее полных исследований по вопросу об общественно-политической жизни российского студенчества. Наряду с работой нелегальных революционно-демократических кружков, традиционно привлекавших основное внимание исследователей, В.И. Орлов рассмотрел в своей работе ключевые моменты организации повседневной студенческой жизни, определявшей конкретные формы и характер адаптации провинциальных юношей к столичной жизни, системе формального образования, господствовавшим методикам самообразования и саморазвития и т.д. Не был обойден исследовательским вниманием и круг идей, пользовавшихся особенной популярностью в студенческой среде. Таким образом, обращение к монографии В.И. Орлова позволило выявить и привлечь дополнительные источники к реконструкции мировоззрения А.А. Богданова и его ровесников, а также установить ряд принципиальных моментов в биографии ученого-просветителя.

Реконструкция немарксистских политических взглядов, характерных для российского студенчества 1890-х гг., не могла претендовать на полноту при использовании одних только текстов П.А. Кропоткина, П.Л. Лаврова и других видных идеологов народничества – взятые сами по себе, вне общего исторического контекста, эти произведения характеризуют лишь круг идей, имевших в тот период повышенную значимость для образованной части русского общества. Для оценки генезиса этих идей, а также определения причин, по которым они привлекали внимание тех же студентов Российской империи, требовалась более широкая точка зрения, обеспечить которую могли только современные исследования по истории общественно-политических движений. По народнической проблематике большой интерес представляет монография В.А. Маркина «Неизвестный Кропоткин» (2002)[62], в которой не только изложен ряд ранее не освещавшихся обстоятельств биографии одного из ведущих идеологов народничества (преимущественно связанных с его географическими и социологическими исследованиями), но также

[61] Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М.: Изд-во политкаторжан, 1934. 399 с.

[62] Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 446 с., ил.

сведены воедино аналитические описания общенаучных и политических взглядов Кропоткина, причем особенное внимание В.А. Маркин уделил культурно-историческому контексту деятельности «мятежного князя» – в том числе откликам российской и европейской интеллигенции на публикации его работ.

Что касается причин перехода А.А. Богданова к марксизму, то здесь важным дополнением к трудам К. Маркса Ф. Энгельса и лидеров РСДРП, осуществлявших популяризацию этой концепции в России, стала монография Б.Ю. Кагарлицкого «Марксизм: не рекомендовано для изучения» (2005)[63]. Это исследование отличается от других работ по марксистской проблематике детальным анализом эволюции доктрины К. Маркса, начиная от ее первоначальной формы – методологии комплексного социально-экономического исследования. В отличие от супругов В.Д. и З.Р. Жукоцких[64], включивших в свою оригинальную парадигму «культурософии советизма» марксизм в целом и его специфическую интерпретацию в работах А.А. Богданова, Б.Ю. Кагарлицкий последовательно рассматривает марксизм как метод научного познания (причем строго в области экономических или – если смотреть несколько шире – производственных отношений), как политическую идеологию (причем опять-таки в строго ограниченной области – рабочего движения конца XIX – первой половины XX в.) и, наконец, как утопическую доктрину социального переустройства (причем снова в качестве атрибута четко определенной социальной группы – политизированной интеллигенции в конкретно-исторических условиях «догоняющей модели» развития капитализма). Подобный подход Б.Ю. Кагарлицкого позволил по-новому определить характер функционального взаимодействия интеллигенции и пролетариата в социал-демократических организациях России и Запада и тем самым прояснить один из ключевых аспектов возникновения феномена идеологической практики лидеров РСДРП, который А.А. Богданов определял как «отлучение от марксизма».

Другие специфические аспекты политической деятельности и мировоззрения российской интеллигенции как социально-культурной группы характеризуются в публикациях современных специалистов по философии и истории науки. Особо необходимо отметить капитальную работу томского исследователя Т.В. Кисельниковой «Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XXв.: идеи либерального социализма»[65], в которой

---

[63] Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. 480 с.

[64] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый Хронограф, 2008. 264 с.

[65] Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XXв.:

проведен анализ социалистических концепций (включая немарксистские, наподобие христианского социализма), пользовавшихся популярностью в царствование Николая II. Сопоставление собранных Т.В. Кисельниковой материалов с текстами А.А. Богданова и его философских оппонентов (идеалистов Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, марксистов Г.В. Плеханова, Л.И. Аксельрод и В.И. Ленина) позволило сделать в диссертации ряд выводов о действительных причинах неприятия богдановской концепции системного анализа в научно-философских кругах первой четверти XX столетия. Дело в том, что бурную полемическую реакцию вызывал не специфический – системный – подход Богданова к исследованию социально-экономических и политических явлений, а логически следовавшая из богдановских аналитических выкладок оценка роли интеллигенции в процессах социальной трансформации и модернизации России. Как показано в монографии Т.В. Кисельниковой, интеллигенты-социалисты позиционировали себя в качестве интеллектуальных лидеров, только указывающих путь к новой жизни, создавать и обустраивать которую должны уже все остальные слои общества по полученным от интеллигенции рецептам, причем для их выполнения вовсе не требовалось понимание рекомендаций вождей-идеологов – достаточно было определенного настроения, «социализма чувства». С точки зрения Богданова, роль интеллигенции в социальных преобразованиях должна была стать качественно иной: вместо разработки рецептов социального переустройства данной группе следовало распространять знания в трудовых классах, сознательно-целесообразными усилиями которых осуществлялась трансформация общества в любой исторический период. Подобная смена роли оказалась неприемлемой для лидеров интеллигентной оппозиции, поскольку требовала радикальных перемен во всем образе жизни, начиная от характера общемировоззренческой и профессиональной подготовки (которая у большинства тогдашних политических деятелей, согласно биографическим исследованиям, была односторонне-гуманитарной, и этот дисбаланс лишь частично компенсировался самообразованием эклектического характера[66]) и заканчивая стереотипами поведения, усвоенными с молодых лет (интеллигенты были склонны воспринимать свою социальную группу как вознесенного над «толпой» «героя» с мессианскими чертами, что на практике формировало лишь «отчужденность» и от народа, и от правящей элиты[67]).

идеи либерального социализма. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2010. 360 с.

[66] См.: Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. 380 с.; Васицкий Н.А. Л.Д. Троцкий: политический портрет // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 3–62.

[67] См.: Вехи. Интеллигенция в России. Сб-к статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. 462[2] с. Названные особенности мировоззрения отечественной интеллигенции детально проанализиро-

Рассматривая данные мировоззренческие особенности российской интеллигенции, необходимо учитывать, что на формирование идеологии этой социокультурной общности во многом определяющее влияние оказала специфическая внутренняя политика самодержавия в 1880-е – 1890-е годы. Как отмечает В. Новиков в работе «Спецслужбы против имперской канцелярии: миф или реальность?»[68], ключевую роль во взаимодействии с революционерами и либералами-конституционалистами играла тайная, фактически полулегальная монархическая организация «Священная дружина», взявшая на себя защиту царя от покушений со стороны народников-террористов. Высокопоставленные жандармы и чиновники, входившие в «Священную дружину», положили начало разделению антимонархической оппозиции на «хорошую» (умеренную, ориентированную на либеральные реформы) и «плохую» (радикальную, нацеленную на полное переустройство государства и общества): последнюю «Священная дружина» стремилась уничтожить, а с первой активно взаимодействовала, предполагая в перспективе даже привлечь к участию в управлении империей. Естественно, что немалая часть интеллигенции (в том числе революционной) к началу XX в. оказалась ориентирована не на борьбу против самодержавия, а на сотрудничество с ним без учета действительных жизненных интересов большинства населения империи[69].

Еще одна значимая группа исследовательских работ связана с философско-мировоззренческими изысканиями А.А. Богданова, в особенности с концепциями эмпириомонизма и тектологии. Необходимо отметить, что современные авторы, как правило, не отходят от традиционной оценки богдановских методов системного анализа, рассматривая их исключительно в рамках уже сложившейся специализации областей научного знания и оставляя «за скобками» междисциплинарный характер исследований Богданова. Ученому «вменяется в вину» недостаточное внимание к субстанциальным характеристикам наблюдаемых объектов[70], к фактору случайности в осуществлении исследуемых процессов[71], а также эклектический характер концептуальных построений[72],

---

ваны в: Могильнер М.Б. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. М., 1994. №5. С. 56–66.

[68] Новиков В. Спецслужбы против имперской канцелярии: миф или реальность? // Россия XXI. М., 2000. №3. С. 122–159.

[69] Данная особенность политически активной интеллигенции проанализирована в: Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.

[70] Любутин К.Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. М., 2003. №9. С. 83.

[71] Моисеев Н.Н. Тектология А.А. Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 10.

вследствие чего тектология, по мнению ряда современных философов и историков науки, становится неудобной для выполнения прикладных исследований, проигрывая более простым методикам математического моделирования.

Сопоставление тектологии А.А. Богданова с современными работами по системному анализу и синергетике не может служить опровержением подобных критических замечаний, поскольку при явно видимом сходстве интерпретаций природных и социальных процессов *имеется радикальное отличие* ***в механизмах получения интерпретаций***: если в работах по синергетике наблюдаемые процессы описываются посредством математических формул[73], то Богданов был вынужден ограничиваться обычным словесным изложением своих наблюдений и выводов, поскольку в научном арсенале его времени просто не было математики такого уровня, с помощью которой можно было бы выразить тектологические закономерности. Поэтому для оценки справедливости (или ошибочности) представлений критиков богдановской концепции представляется целесообразным выполнение сопоставительного анализа одного из прикладных тектологических исследований, выполненных А.А. Богдановым, с реальными фактами мировой истории. Данное исследование А.А. Богданова, предпринятое в 1918 – 1928 гг., касалось таких поистине глобальных феноменов социально-экономической и политической жизни, как финансовый капитализм и «военный коммунизм».

Это концептуальное описание, составленное А.А. Богдановым в работах 1918–1923 гг., подтверждается современными исследованиями по истории Первой Мировой войны. Особое значение здесь следует уделить монографиям К.Б. Виноградова «Дэвид Ллойд Джордж»[74] и А.И. Уткина «Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен»[75]. Первая из названных работ, несмотря на 1970 год издания, содержит большой массив систематизированных зарубежных (преимущественно английских) источников, характеризующих состояние Британской империи накануне и во время войны; при этом особый интерес представляют документальные свидетельства об организации производства (об уровне и темпах его упадка, о принудительном синдицировании и трестировании целых отраслей и

---

[72] См.: Adams M. Red Star: Another Look at Alexander Bogdanov // Slavic Review. 48/1. 1989. S. 15. Цит. по: Горцка Г. Предисловие к 1-й книге «Неизвестного Богданова» // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 6.

[73] Пригожин И., Стернгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с. ; Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. 400 с.

[74] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.

[75] Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм,

т.д.), о порядке распределения продукции в условиях морской блокады Великобритании (о карточной системе, размерах продовольственных пайков, роли бюрократии в их предоставлении и т.п.), о масштабах военной и «промышленной» мобилизации (последнее в те времена зачастую означало просто принудительный труд без права покидать промышленную площадку), о поэтапном расширении государственного контроля над национальной экономикой. Все эти явления, отмеченные А.А. Богдановым еще в 1918 г. в качестве существенных атрибутов «военного коммунизма», находят на страницах книги К.Б. Виноградова последовательное документальное подтверждение. Практически аналогичный по содержанию набор фактов в отношении России приводит А.И. Уткин: разница с Британией заключается лишь в доле предприятий, остановившихся к концу 1917 г. (90,5 % в России против 32 % в Британской империи), и в том, что основной комплекс мер по распределению средств жизнеобеспечения в условиях катастрофического падения производства осуществляло уже не то правительство, которое вступило в войну, а сменившая его в результате революционного переворота группа нелегальной оппозиции.

Данные из использованных источников подтверждаются литературой. При анализе материалов по Гражданской войне в России, наряду с названной выше монографией А.И. Уткина, использовались книга Л.В. Борисовой «Трудовые отношения в Советской России»[76], а также капитальная монография новосибирского историка В.М. Рынкова «Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.)» (2008)[77]. В экономическом исследовании Л.В. Борисовой выполнен развернутый анализ мероприятий Советской власти по организации жизнеобеспечения фабрично-заводских рабочих, по восстановлению разрушенных и поддержанию работоспособности оставшихся заводов. Хотя эти меры были продиктованы сугубо военной необходимостью (объектами приоритетного внимания властей были оружейное производство, энергетика и транспорт), но их позитивное воздействие на социальную сферу было явным: исследователь констатирует, что антисоветские выступления рабочих имели место лишь на этапе становления новой власти, но и тогда не приобрели массового характера. А в работе В.М. Рынкова выполнен анализ экономической политики антибольшевистских режимов, в особенности «Российского правительства» А.В. Колчака, которое в 1919 г. представлялось

2004. 624 с.

[76] Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. М.: Собрание, 2006. 288 с.

[77] Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск: [Б.и.], 2008. 440 с.

наиболее деятельной альтернативой Советам. В этом анализе показательны меры «верховного правителя» по организации работы транспорта, снабжения городов продовольствием, организации производства, обеспечению безопасности в тылу воюющей армии и т.д. Примечательно, что автор работы акцентирует внимание на сходстве мероприятий белогвардейцев с соответствующими действиями Советов, отмечая в качестве отличительных признаков лишь относительно меньшие ограничения рыночного обмена в белой Сибири, более активное сотрудничество с иностранным капиталом и либерально-западническую идеологию чиновничества. Таким образом, хозяйственная разруха, порожденная Первой Мировой войной, диктовала одну и ту же логику деятельности наследникам Российской империи независимо от того, принадлежали они к «белому» или «красному» движению. Соответственно этому, исторические факты подтверждают вывод А.А. Богданова о внеидеологической природе «военного коммунизма», представляющего собой результат дезорганизации системы жизнеобеспечения общества.

Для преодоления «военного коммунизма», по Богданову, требовалось возобновление нормальной хозяйственной деятельности. Наиболее информативным источником сведений об этом сложном многоплановом процессе является капитальная работа британских социалистов супругов Сиднея и Беатрисы Веббов «Советский коммунизм – новая цивилизация?»[78] Несмотря на такое публицистически-полемическое название, данный двухтомный труд общим объемом около 1100 страниц представляет собой систематизированное описание развития экономики и социальной сферы СССР за период с 1923 по 1935 год с привлечением обширных и разнообразных статистических материалов о состоянии сельского хозяйства, промышленности, энергетики, транспорта, здравоохранения, образования, культуры. К этим материалам авторы добавляют экспертные оценки – преимущественно из работ английских и американских специалистов, хотя в числе книг, на которые активно ссылаются Веббы, фигурируют работы советского экономиста-рыночника Б. Бруцкуса и австрийского социал-демократа Ф. фон Хайека, ставшего впоследствии одним из идеологов неолиберализма (в книге он упоминается как «Ф. Гейек» – в соответствии с принятой в то время русской транскрипцией). Конечно, общий тон произведения Веббов является откровенно апологетическим по отношению к СССР и советскому образу жизни, однако для современного исследователя этого недос-

[78] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2-х т. М.: Госиздат, 1937.

таточно, чтобы признать не заслуживающим доверия абсолютно весь собранный в книге фактический материал[79].

Однако сопоставление концепции «военного коммунизма» А.А. Богданова с одной только советской моделью социально-экономической организации является неполным без сравнения с другими общественными системами, оказавшимися в сходных исторических условиях. Привлечение исследовательских работ по истории германского национал-социализма не дает корректного результата, поскольку ведущие руководители Третьего Рейха открыто признавали, что в своей экономической программе копируют многие элементы советского опыта[80]. Для чистоты сравнения в качестве второго объекта анализа взяты Соединенные Штаты Америки периода «Великой депрессии» и «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта. Информация по этой проблеме взята из произведений отечественного публициста В.С. Зорина[81], историков А.И. Уткина[82], Г.И. Чернявского[83], А.В. Шустова[84], а также американского историка и политолога Б. Фолсома[85]. Сообщенные этими разными по убеждениям и методам работы авторами статистические и фактические данные при сопоставлении с тектологическими выкладками А.А. Богданова по финансовому капитализму позволили по-новому оценить природу «Великой депрессии» как ***дефляционного шока экономики США***, обусловленного бесконтрольной эмиссией ценных бумаг при жесткой привязке курса национальной валюты к золоту. Тем показательнее меры, предпринятые правительством Рузвельта для преодоления дезорганизационных тенденций в хозяйственной системе страны. Прежде всего, вместо введения «плавающего» курса национальной валюты относительно золота (как это следовало бы сделать по законам либерально-рыночной экономики, что неизбежно вызвало бы инфляцию), правительство запретило свободное обращение золота и провело его конфискацию у населения. Далее, для

---

[79] Справедливости ради необходимо признать, что в книге Веббов совершенно не освещен такой аспект деятельности Советского государства, как обеспечение собственной безопасности, в том числе с помощью репрессий в отношении политических противников. Источником информации по данному вопросу послужили проанализированные В.Н. Земсковым архивные документы НКВД и НКГБ СССР (См.: Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.).

[80] См., напр.: Булок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2-х т. Т.2. Смоленск: Русич, 1994. С. 34.

[81] Зорин В.С. Некоронованные короли Америки. 3-е изд. М.: Политиздат, 1970. 368 с.

[82] Уткин А.И. Как пережить экономический кризис. Уроки Великой депрессии. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 320 с.

[83] Чернявский Г.И. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012. 542[2] с., ил.

[84] Шустов А.В. 100 лет триумфа: ФРС США и Начало американской эпохи. СПб.: [Б.м.], 2013. 124 с.

[85] Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. 352 с.

потерявших жилье и работу была силами государства устроена система общественных работ с военизированной организацией расселения и снабжения. Параллельно с этим была введена система государственных закупок сельскохозяйственной и промышленной продукции в сочетании с государственными же мерами по поощрению экспорта товаров, не реализованных на внутреннем рынке. Столь интенсивное вмешательство государства в хозяйственную жизнь некоторые современники Рузвельта (и солидарный с ними Б. Фолсом) оценивали как «ползучий коммунизм». Однако с точки зрения богдановской организационной науки подобные меры жесткого регулирования объемов товарной и денежной массы являются в ситуации дефляционного шока наиболее эффективными, поскольку восстанавливают нарушенный баланс между спросом и предложением, между потребностями и средствами их удовлетворения.

1.3 Системно-аналитические исследования А.А. Богданова

Наследие любого деятеля науки, культуры, общественно-политической мысли представляет собой не просто результат творческих и исследовательских трудов неординарной личности, оказавшей влияние на историю своей страны и мира: в произведениях ученого, писателя, политика или философа всегда осуществляется фиксация своеобразного «слепка» окружавшей его социальной среды с присущими ей культурными традициями. Историческая реальность отражается в подобных работах на трех смысловых уровнях: 1) с точки зрения персональной интерпретации наблюдаемых явлений национальной и мировой истории (чаще всего подобное отражение событий характерно для мемуаров или публицистически-полемических произведений, далеких по тематике от основной профессиональной деятельности изучаемой личности); 2) в контексте развития научной школы, философской доктрины, художественного направления или политического движения, к которому принадлежал автор анализируемых текстов (особое значение здесь имеет соотношение преемственности и новизны в развиваемых им идеях); 3) через влияние социального окружения на личное мировоззрение исследуемой персоны (причем «большие сообщества» наподобие национально-государственных и даже цивилизационных нередко оказывают на выдающихся исторических деятелей более интенсивное влияние, чем «ближний круг» собратьев по социальному статусу).

С позиций этого, можно сказать, аксиоматического представления тексты, принадлежащие перу Александра Александровича Богданова, представляют немалый интерес в качестве источников по истории общественно-политической мысли России конца XIX – начала XX века. Если начать рассмотрение богдановского наследия с первой печатной работы ученого – «Краткого курса экономической науки» (1897)[86], – то следует обратить внимание, прежде всего, на отличительные особенности в изложении материала. Если произведения таких известных исследователей-марксистов, как П.Б. Струве[87], Г.В. Плеханов[88] и В.И. Ленин[89], обладали своеобразным стилем, сочетавшим академизм и публицистичность (этот способ преподнесения взглядов был в целом характерен для русской интеллигенции на рубеже столетий), то в книге Богданова и процесс развития общественного хозяйства, и система понятий политической экономии, и основные направления экономической мысли характеризовались иначе: автор «Краткого курса…», воздерживаясь от критики и полемики с современными ему экономистами, обстоятельно информировал читателей о целях, задачах и достижениях науки, принципиально важной для эффективного управления хозяйственной деятельностью людей. Богданов сознательно отказался от использования внушительного «аппарата учености»[90] в виде непереведенных цитат из иностранных авторов, пространных статистических выкладок и других материалов, присущих фундаментальным академическим исследованиям, но представлявшихся явно избыточными в учебном пособии для грамотных рабочих.

Эта специфическая особенность изложения взглядов, сделавшая книгу Богданова одним из самых популярных учебников экономики в царской России (сам факт выхода *девяти* изданий «Краткого курса экономической науки» за период с 1897 по 1906 год говорит о многом), позволяет современному исследователю отметить некоторые ключевые перемены не только в личном мировоззрении молодого ученого (перешедшего в то время от народничества к марксизму), но и в реальной идеологии российского общества в период, определяемый в настоящее время как «первая индустриализация». Прежде всего, интенсивное развитие промышленности и транспорта в 1880–1890 годах не только спровоцировало изменения

---

[86] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М.: Изд-е книжного склада А.М. Муриновой, 1897. 290 с.

[87] См.: Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1894. 287 с.

[88] См.: Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Плеханов Г.В. Избранные произведения. В 5-ти т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 236–266.

[89] См.: Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 347–534.

структуры занятости в ряде регионов империи (сотни тысяч крестьян с окончанием страды отправлялись на заработки в города, приобщаясь в той или иной мере к индустриальному производству и связанному с ним образу жизни), но и способствовало распространению принципиально новых – технократических – способов мышления за пределы относительно узкого социального слоя квалифицированных фабричных рабочих и технической интеллигенции. Следствием этой, практически не замеченной традиционными элитами, трансформации мировоззрения стало не только тяготение новых горожан к точным знаниям (такое стремление систематически обнаруживалось у представителей социальных «низов» и ранее, начиная едва ли не с петровских времен), но и восприятие полученной научной информации в качестве *прямого руководства к действию*, наподобие инструкций по управлению машиной или механизмом. «Краткий курс экономической науки» Богданова и по содержанию, и с точки зрения востребованности целевой аудиторией соответствовал этому новому направлению в общественном мировоззрении больше, чем произведения большинства современников ученого, продолжавших ориентироваться на относительно малочисленных интеллигентных читателей, имевших подготовку, как минимум, в объеме гимназического курса.

Примерно в том же ключе А.А. Богданов создавал и другие свои произведения, ориентируясь, прежде всего, на решение общемировоззренческих задач *совместно со своими читателями* из пролетарской среды. Отказ от традиционного восприятия читателя научной литературы как пассивного объекта информационного воздействия отчетливо проявился уже во втором просветительском произведении ученого – «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899)[91]. В этой книге Богданов с позиции специфического «материализма естественников»[92], вполне приемлемого и для грамотных рабочих, последовательно рассмотрел ключевые закономерности функционирования природы в целом, жизни как природного феномена, психики как одного из ключевых свойств живого организма и общества как системы упорядоченного взаимодействия живых существ с высокоразвитой психикой. Каждый вывод Богданов подтверждал ссылкой на новейшие достижения науки конца XIX века, акцентируя внимание читателей на теснейшей связи теоретических закономерностей с непосредственной практической деятельностью и убеждая на многочисленных примерах, что знания, «идеи» представляют ценность для обще-

---

[90] Богданов А.А. Приключения одной философской школы. С. 25.

[91] Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: Издатель, 1899. 251 с.

[92] Это выражение для обозначения своих взглядов он использовал позже – в 1906 г. См.: Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. С. 216.

ства не сами по себе, а исключительно потому, что позволяют определенным образом организовать совместную деятельность людей. Никаких полемических приемов для утверждения своих взглядов А.А. Богданов не использовал – и потому, что сам не видел необходимости убеждать своих читателей яркими эмоционально-образными высказываниями вместо точных рационально анализируемых фактов, и потому, что подобная риторика была объективно чуждой грамотным рабочим и воспринималась ими как атрибут «господского» мировоззрения и образа жизни. Не исключено, что подобный стиль изложения материала в определенной мере способствовал неприятию «Основных элементов…» со стороны той части интеллигенции, которую принято сейчас ассоциировать с «серебряным веком» русской культуры – со стороны приверженцев неокантианства, мистического интуитивизма и «новой христианской философии».

Исследование проблем взаимосвязи общественной идеологии с жизненной практикой социальных групп было продолжено А.А. Богдановым в монографии «Познание с исторической точки зрения» (1901)[93]. Ключевой идеей новой работы ученого стала концепция жесткой зависимости методов познания от системы социальных отношений и отражающей эту систему идеологии общества, причем данная зависимость была, по Богданову, характерна не только практическо-прикладных, – «приземленных» и «обывательских» с точки зрения тогдашней интеллектуальной элиты, – но и самых «возвышенных» – научно-теоретических и философских методов познания окружающего мира. Переход Александра Александровича от общемировоззренческих вопросов к идеологическим явился закономерным следствием развития общественной мысли России и Запада на рубеже XIX и XX столетий. Необходимо помнить, что на социальную жизнь основных мировых держав в ее целом существенное влияние оказывал разрыв между уровнями развития естественных и гуманитарных наук, достигший критической величины (если естественники в то время уже анализировали закономерности взаимосвязи вещества и энергии, используя для интерпретации экспериментальных данных высокоэффективные математические методы, то гуманитарии при исследовании проблем взаимодействия личности и общества придерживались в основном принципов философии Просвещения XVIII в. и зачастую обосновывали свои мнения методами средневековой схоластики, что вело к возраставшему несоответствию социально-философских и политических теорий реальной жизненной практике общества); проблемы общества, не по-

[93] Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб.: Типография А. Лейферта, 1901. 217 с.

лучившие из-за применения архаических методов ни объяснения, ни решения, имели тенденцию с течением времени возрастать количественно и качественно. Иррациональные, мистические философские доктрины, обретшие популярность в среде интеллектуальной элиты Запада и России, а равно неокантианская гносеология не могли служить инструментами эффективного анализа общественной жизни: первые почти целиком сводили социальное взаимодействие к этическим и психологическим феноменам («принципиальная непознаваемость» которых нередко постулировалась без каких-либо обоснований), а последняя сводила процесс изучения окружающего мира к последовательному выполнению ряда формально-логических операций (результат которых следовало соотносить лишь с «априорными категориями познания», но не с действительностью). Вполне естественно, что при использовании подобных методологических основ агитационно-пропагандистская работа левых политических партий в пролетарской среде становилась достаточно проблематичной как в Европе, так и в России: слишком сильным оказывалось несовпадение между привычным для рабочих рационально-технократическим стилем мышления и присущей интеллигентам-идеологам гуманитарной мировоззренческой парадигмой.

Предложеный А.А. Богдановым в «Познании с исторической точки зрения» анализ формирования и развития познавательных процессов с позиции социально-организационных функций (рассматриваемых, в свою очередь, как факторы, производные от закона сохранения энергии[94]) были принципиально новыми для общественных наук начала XX столетия. Столь же радикально отличалась от общепринятой в то время точки зрения богдановская концепция «общественного подбора», согласно которой любые формы знания оказываются, в конечном счете, направленными на уменьшение несогласованности и неупорядоченности в коллективной деятельности людей[95]. Более чем сдержанная реакция интеллигентной общественности[96] на публикацию книги Богданова представляется вполне объяснимой: изложенные в «Познании…» взгляды фактически означали низведение «возвышенных идеалов» и «критической мысли» до простых инст-

---

[94] Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб.: Типография А. Лейферта, 1901. С. 2–3, 25–26.

[95] Там же. С. 116–118.

[96] Буквально пара критических статей, авторы которых ограничились тем, что попеняли А.А. Богданову на «недостаточную ученость» и «невнимание к духовным запросам современности». См.: Г.Ч. [Черепанов Г.]. А. Богданов. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901 г.[рецензия] // Мир Божий. СПб., 1901. №10. С. 101–103; Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902. Кн. 64. С. 839–853.

рументов обслуживания социальной практики. Соответственно этому, неизбежной переоценке должна была подвергнуться и роль теоретиков-идеологов общественных движений – из «властителей дум» и «учителей жизни», обладающих непререкаемым авторитетом, им предстояло превратиться всего лишь в квалифицированных аналитиков, оправдывающих свое лидерское положение каждодневным интенсивным трудом в интересах большинства рядовых участников движения.

Подобный взгляд на сотрудничество идеологов и масс, теоретиков и практиков сформировался у Богданова еще в ходе агитационно-пропагандистской работы среди тульских пролетариев-оружейников и в процессе написания «Краткого курса экономической науки»[97]. Дальнейшее развитие этих представлений закономерно привело ученого к полемике с философами-идеалистами[98], критике политических воззрений эмигрантских лидеров российской социал-демократии[99], а также к формированию оригинальной философской концепции эмпириомонизма[100]. Хотя данная концепция в настоящее время относится историками философии к сциентистскому позитивизму[101], в действительности она представляла собой системное переосмысление материалистических концепций XIX столетия с учетом достижений естественных наук начинавшегося XX века. С точки зрения богдановского эмпириомонизма, единственным доступным для эмпирического восприятия и рационального анализа фактором является *организованный опыт*, определенные способы группировки которого создают в коллективе представление о «материальности» или «идеальности» наблюдаемых явлений: если первые являются одинаково доступными для непосредственного восприятия всех членов коллектива, то последние непосредственно воспринимаются только отдельной личностью и нуждаются в опосредованном изложении для всех остальных. Такой подход предполагал уже не только изменение роли интеллигентов-идеологов в об-

---

[97] Сам ученый отметил данную взаимосвязь в 1924 г. – см.: Богданов А.А. Пролетарский университет // Богданов А.А. О пролетарской культуре. 1904–1924. М.-Л.: Издательское товарищество «Книга», 1924. С. 240.

[98] Критические статьи по этой проблематике, написанные в 1901–1904 гг., Богданов впоследствии объединил в сборник «Из психологии общества» (1906).

[99] Детальный анализ организаторских ошибок лидеров меньшевиков был выполнен А.А. Богдановым в соавторстве с М.С. Ольминским в брошюре «Наши недоразумения» (1904), а также в подготовленных Богдановым материалах к III съезду РСДРП (см.: Богданов А.А. Доклад по организационному вопросу на III съезде РСДРП // Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической Партии Советского Союза. Третий съезд РСДРП (апрель-май 1905 г.). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 72–79; Богданов А.А. Проект резолюции «Об отношениях рабочих и интеллигенции в социал-демократических организациях» // Указ. изд. С. 253–255).

[100] Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.

[101] См., напр.: Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый Хронограф, 2008. С. 147–155.

щественном движении, но и качественно новую систематизацию научных знаний, накопленных в ходе развития цивилизации. Результатом этого, по Богданову, должно было стать формирование культурных и организационных принципов *коллективизма* – мировоззрения социалистического общества.

Реакция ведущих философов и идеологов начала XX в. на эмпириомонизм оказалась достаточно жесткой – не в последнюю очередь потому, что господствовавшие в среде тогдашней научной и политической элиты мировоззренческие концепции базировались на иных организационных принципах, предполагавших подчинение любых форм опыта заранее предустановленным «абсолютным» закономерностям[102]. Если же добавить к этому еще более недвусмысленное указание Богданова на необходимость пересмотра социальных функций интеллигенции в процессе перехода к новой общественно-экономической формации, то становится понятной та эмоциональная пристрастность, с которой обрушились на эмпириомонизм идеологи российской социал-демократии, обвинившие Богданова в создании «субъективно-идеалистической концепции» и проповеди «наихудшей поповщины», а в дальнейшем даже добившиеся «отлучения» ученого от участия в активной общественно-политической жизни.

Информация об этом негативном периоде в жизни А.А. Богданова реконструируется по архивным материалам, опубликованным в 1995 г. в трехтомнике «Неизвестный Богданов». В первой книге сборника немало внимания уделено не только неопубликованным статьям ученого, но и его переписке с разными лицами, начиная от периода вологодской ссылки и заканчивая временем работы Богданова в созданном им Институте переливания крови; также весьма существенная часть материала связана с драматической историей ареста Богданова в 1923 г. по недоказанному политическому обвинению. Во второй книге, помимо документов созданной при участии Богданова группы «Вперед», освещается деятельность «Частной финансовой группы большевиков», послужившая В.И. Ленину приемлемым основанием для исключения Александра Александровича из Большевистского Центра, редакции «Пролетария», а в дальнейшем – из ЦК РСДРП и партии большевиков.

---

[102] Наиболее показательными в этом отношении являются концепция «вещи в себе», а также неоднократно цитированная мыслителями «серебряного века» фраза И. Канта: «В практической философии дело идет не об основаниях того, что *происходит*, а о законах того, что *должно происходить*, хотя бы это никогда не происходило». Подобные интеллектуальные построения, по Богданову, были полезны лишь в качестве «подстановки» при выстраивании логически непротиворечивых суждений в условиях недостатка достоверной информации по обсуждаемой проблеме; но эффективную эмпирическую деятельность на их основе организовать весьма проблематично (См.: Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 26–32 ; Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904–1914 // Неизвест-

Третья книга содержит текст большого и развернутого ответа А.А. Богданова своим критикам из числа идеологов социал-демократии. Это сочинение с характерным названием «Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904–1914» содержит детальный анализ мировоззренческих позиций Г.В. Плеханова, В.И. Ленина и ряда менее известных партийных публицистов, выступавших с критикой эмпириомонизма в печати. Несмотря на, казалось бы, полемическую направленность работы, Богданов воздержался от явных критических выпадов в адрес своих философских оппонентов, ограничившись сравнением их представлений о сознании, познании, мышлении и деятельности с достижениями естественных и общественных наук начала XX века, а также указанием на допущенные идеологами РСДРП ошибки в суждениях о природе, науке, обществе...

Подобный нестандартный подход к исследованию общественно-политических и культурно-идеологических проблем проявился в научных и просветительских работах А.А. Богданова, опубликованных накануне Первой Мировой войны. Среди них особое место занимает «Тектология. Всеобщая организационная наука» (1911), представляющая собой квинтэссенцию богдановского метода системного анализа, в основе которого лежало стремление объединить достижения прикладных и теоретических наук на основе принципиального единства всех форм человеческого опыта. Изложенные Богдановым тектологические закономерности позволяли не только проанализировать внутреннюю структуру исследуемых явлений и выявить в ней формообразующие факторы, но и прогнозировать возможные трансформации, вызванные изменениями любого из этих факторов. Особый интерес для специалистов-историков представляет сформированная ученым на основе тектологических закономерностей концепция «военного коммунизма», под которым Богданов подразумевал особую общественно-экономическую формацию, в основе которой лежит внерыночное уравнительно-бюрократическое распределение жизненных благ[103] в условиях нарастающей дезорганизации индустриального производства[104]. Анализу событий Первой Мировой войны и последовавших за ней глобальных политических перемен Богданов посвятил ряд работ 1914–1928 гг. Смерть ученого прервала разработку этой перспективной темы – как и многих других, в числе которых были гематологические исследования, проект Пролетарского университета, тектологическая систематизация научных знаний и др.

ный Богданов. Кн. 3. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 51–54).

[103] Собственно, «коммунизм» в богдановской дефиниции представляет собой форму потребления, базирующуюся на уравнительном распределении.

[104] Причиной подобной дезорганизации А.А. Богданов считал войну – в особенности такую крупномасштабную, как Первая Мировая.

1.4 Источники по истории российской общественно-политической мысли второй половины XIX – начала XX века

Отличительная особенность исследовательского метода, использованного в данной диссертации, заключается в том, чтобы осуществить как можно более детальную реконструкцию той общественно-политической и культурно-мировоззренческой обстановки, в которой формировалось научное мировоззрение Александра Александровича Богданова (Малиновского). Для этого потребовалось привлечение довольно большого корпуса разноплановых источников, характеризующих различные аспекты жизни русского общества второй половины XIX – начала XX столетия, а также наиболее существенные эпизоды развития мировой науки в означенный исторический период. Далеко не все источники по своему содержанию связаны непосредственно с научной, просветительской и политической деятельностью А.А. Богданова, однако без их использования было бы затруднительно проанализировать и в полной мере оценить соответствующие эпизоды жизни выдающегося деятеля отечественной науки, создателя первой в мире методики системного анализа – всеобщей организационной науки тектологии.

При отборе источников использовался методологический принцип историзма в его максимально жесткой форме: в первую очередь к описанию и анализу событий, прямо или косвенно связанных с научно-просветительской и политической деятельностью А.А. Богданова или с определенными аспектами применения результатов его исследовательской работы, привлекались произведения тех авторов, которые либо оказали определяющее влияние на формирование мировоззрения ученого, либо непосредственно участвовали в тех же исторических событиях, что и он, либо явились столь же непосредственными свидетелями этих событий.

Такого рода «возвращение к первоисточникам» в значительной мере обусловлено, во-первых, тем, что немалая часть современных исследований по истории российского революционного движения фактически представляет собой развернутые комментарии к опубликованным произведениям и архивным материалам, авторами которых являются современники и участники изучаемых событий. Отдавая должное крупномасштабной и серьезной исследовательской работе коллег конца XX – начала XXI века, необходимо отметить, что при комментировании порой происходит *сокращение и урезание первоисточников*, затрудняющее извлечение из них дополнительной информации.

Во-вторых, современные исследовательские работы по проблемам истории российского общественно-политического движения нередко сами являются в значительной мере политизированными, причем это чаще определяется личными убеждениями исследователя, нежели какой-либо из современных политико-идеологических доктрин. Дело в том, что при длительном и тщательном изучении жизни любого государственного или общественного деятеля прошлого существует большой риск подпасть под обаяние его взглядов либо поддаться соблазну развенчания его авторитета; не менее сильным подобное сопереживание может быть и при изучении целой социальной группы, народа, страны, эпохи и т.д. В отношении авторов первоисточников (т.е. очевидцев и участников исторических событий) данный психологический феномен, безусловно, действует не менее интенсивно, однако при критике их текстов у исследователя есть преимущество перед анализом работ комментаторов и интерпретаторов: *политические симпатии и антипатии авторов первоисточников* ***уже известны точно***, поэтому сообщаемые ими сведения легче поддаются верификации.

Итак, в соответствии с заявленным выше принципом «жесткого» историзма для восстановления юношеских воззрений Богданова было необходимо объективно проанализировать труды тех «властителей дум» из числа революционных демократов и народников, которые оказали определяющее влияние на мировоззрение поколения рожденных в 1870-е годы, внесшего определяющий вклад в развитие русского антимонархического движения на рубеже XIX и XX вв. (именно по этой причине реконструкция истоков и ключевых особенностей мировоззрения этого поколения представляется целесообразной). Естественно, наиболее значимым для демократического студенчества 1890-х годов публицистом и социальным философом был Николай Гаврилович Чернышевский, роман которого «Что делать?» дал «заряд на всю жизнь»[105] не одному только В.И. Ленину. В диссертационном исследовании были использованы преимущественно экономические и философские работы Чернышевского, во многом послужившие отправной точкой политико-идеологической доктрины народничества («Основания политической экономии [Д.С. Милля]»[106], «Очерки политической экономии (по Миллю)»[107], «Капитал и труд»[108], «Июльская монархия»[109]; в этом же ряду следует особо вы-

[105] Высказывание В.И. Ленина о творчестве Чернышевского из беседы с Н. Валентиновым. Цит. по: Николаев П. Революционный роман // Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.: Худож. литература, 1985. С. 14.

[106] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1949. С. 11–336.

[107] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1949. С. 337–725.

[108] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 5–63.

делить «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»[110] – сугубо агитационное произведение, фактически предвосхитившее все достоинства и недостатки «хождения в народ»). Концептуальная интерпретация капитализма в этих произведениях, «западнических» по смысловому содержанию, оказалась определяющей, как минимум, для трех последующих поколений российских общественных деятелей, воспринявших новый общественный строй в качестве переходной формы к справедливому обществу, в основе которого непременно должен лежать коллективный труд, причем наиболее вероятно – в общинной форме[111]. Это первоначальное убеждение являлось общим для подавляющего большинства российских оппозиционных политиков периода революций: разница во взглядах этих людей определялась лишь тем, какие из более поздних политических доктрин – марксизм, либерализм или социал-реформизм – накладывались на юношеское увлечение идеями Чернышевского, которые впоследствии трасформировались под воздействием других авторитетных политических идеологов того времени (в частности, народников П.А. Кропоткина и П.Л. Лаврова, влияние которых прослеживается в первых научно-просветительских работах А.А. Богданова[112]).

Для реконструкции мировоззрения богдановского поколения пришлось использовать труды других русских публицистов из революционно-демократического лагеря. Прежде всего, это труды Д.И. Писарева, самый стиль изложения мыслей которого оказал определяющее влияние на мировоззрение российской интеллигенции второй половины XIX в., а в особенности – на присущее данной социальной группе стремление к полемическому стилю изложения взглядов, к использованию эффектных риторических приемов, выставляющих позицию оппонента в невыгодном и даже нелепом виде. Однако для таких мыслителей, как А.А. Богданов, наиболее значимой в критических статьях Писарева была предельно отчетливая практическая направленность мысли, в главном совпадавшая с позитивизмом Огюста Конта и тем самым вступавшая в противоречие с социально-идеалистическими воззрениями русских революционеров и либералов. Подобный нестандартный для тогдашней общественно-политической мысли подход к решению, казалось бы, сугубо теоретических проблем Д.И. Писарев продемонстрировал в таких работах, как

---

[109] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 64–185.

[110] Там же. С. 517–525.

[111] См.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 58–63.

[112] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. Хорошим подспорьем в описании взглядов народников послужила монография В.А. Маркина «Неизвестный Кропоткин» (М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002).

«Современная университетская наука»[113] и «Посмотрим!»[114], основной акцент которых был сделан именно на использовании рациональных знаний для осмысления и анализа социальной действительности в рамках не очень популярной в XIX в. естественнонаучной парадигмы. Если учесть, что подобное умонастроение легло в основу специфического мировоззрения, которое Богданов определял как «материализм естественников»[115] и считал характерным для целого поколения русских ученых, то значение работ Д.И. Писарева для формирования мировоззрения рожденных в 1870-е годы трудно переоценить.

Произведения менее известных журналистов эпохи Александра II не только дополняют получающуюся реконструкцию общественной идеологии России конца XIX в. множеством деталей, но и позволяют лучше оценить значение для политически активной интеллигенции ряда социальных проблем, сформировавшихся в пореформенный период. Так, в «Очерках русской жизни» Н.В. Шелгунова[116] лаконично и точно охарактеризован процесс становления идеологии сменявшихся поколений русских интеллигентов, стремившихся не просто преобразовать социальную и политическую систему своей страны, но решить этими действиями предельный вопрос установления гармонии общественных отношений. А в цикле статей Ф.П. Еленева (Н. Скалдина) «В захолустье и в столице»[117], чью работу отметил В.И. Ленин[118], содержатся весьма выразительные зарисовки крестьянского быта, позволившие наглядно дополнить статистические данные о снижении уровня жизни «освобожденных» крестьян и об увеличении их материальной зависимости от помещиков.

Следующая группа источников, привлеченных к осуществлению реконструкции социально-исторической и культурно-идеологической обстановки, в которой происходило развитие научного и политического мировоззрения А.А. Богданова, естественным образом связана с марксизмом. Помимо основных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, получивших уже в 1880-х годах распространение в среде русской интеллигенции и послуживших своеобразными учебными пособиями для А.А. Богданова и его единомышленников в первоначальный – тульский – период научно-просветительской и революци-

---

[113] Писарев Д.И. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. СПб.: Типо-хромолитография П.И. Сойкина, 1894. Стб. 3–110.

[114] Писарев Д.И. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. СПб.: Общественная польза, 1894. Стб. 143 – 212.

[115] Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. С. 216.

[116] Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3. М.: Изд-во Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1956. С. 196–207.

[117] Скалдин Н. (Еленев Ф.П.) В захолустье и в столице // Указ. изд. С. 33–41.

[118] Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1967. С. 508–521.

онной работы, были привлечены данные из переписки автора «Капитала» с разными лицами, включая и русских социал-демократов первого поколения. Особое значение в этом плане имели черновые наброски письма К. Маркса к В.И. Засулич[119]. В этом письме и неотправленном послании Маркса в редакцию «Отечественных Записок»[120] основоположник марксистской методологии комплексных социально-экономических исследований весьма недвусмысленно предостерегал: его разработка характеризует процесс перехода к индустриальному способу производства *только на западноевропейском историко-культурном субстрате,* ***а для описания аналогичного феномена в незападных обществах требуются дополнительные исследования*** (которые сам Маркс и начал в последние годы своей жизни, но по объективным причинам не смог довести до конца). Степень обоснованности этих предостережений позволили оценить не только труды русских марксистов из числа старших современников и ровесников А.А. Богданова (к первым следует отнести, прежде всего, Г.В. Плеханова и П.Б. Струве, к последним – В.И. Ленина, экономические исследования которого оказали на раннего Богданова определяющее влияние), но и критически-публицистические работы российских экономистов второй XIX в., придерживавшихся немарксистской точки зрения на развитие хозяйства и общества[121].

Анализ источников и литературы, связанных с творчеством К. Маркса, показывает определенное сходство не только в системном характере мышления основоположника марксизма и его русского последователя А.А. Богданова, но также в характере их научной активности: оба они до последнего дня своей жизни деятельно интересовались новейшими достижениями науки и техники, далеко выходящими за пределы их профессиональной специализации. Чтобы заметить, что научное мышление этих исследователей, разделенных временем, пространством и культурой, фактически развивалось в одном русле, достаточно сопоставить хронику жизни Маркса в 1875–1883 гг. и тематику публикаций Богданова в 1921–1928 гг. Если внимание немецкого ученого, помимо политической экономии, было обращено на историю, этнографию, математику, физику электричества, агрохимию, физиологию, психологию и т.д., причем в ряде этих областей он и сам продемонстрировал неплохие исследовательские результаты – в частности, открыл новый способ

---

[119] См.: Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 400–421.

[120] См.: Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных Записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 116–121.

[121] См., напр.: Зибер Н.И. Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3. М.:

дифференциального исчисления[122], то в работах российского исследователя-аналитика речь шла о проблемах послевоенного мироустройства, рыночной и плановой экономике, физике плазмы, научной организации труда, медицине, причем в двух последних областях богдановские разработки были на тот момент не имеющими аналогов в мире[123]. Широта охвата разнопланового материала в сочетании с глубиной его аналитической обработки, освоения и использования в научной работе представляет собой одну из наиболее существенных общих черт научного мышления К. Маркса и А.А. Богданова.

Далее, чтобы восстановить связь личности Богданова с социокультурным контекстом его времени, потребовалось привлечение большого массива мемуарных источников – преимущественно в виде воспоминаний оппозиционной интеллигенции. Независимо от политических взглядов конкретного автора, эта группа источников позволила с высокой степенью точности восстановить многие эпизоды жизни А.А. Богданова (в частности, рубежный для формирования взглядов ученого период вологодской ссылки), а также получить более глубокие представления о «тайных пружинах» политической жизни Российской империи в предреволюционный период.

В этом плане наиболее интересными и содержательными были мемуары крупнейших деятелей либерального земского движения И.В. Гессена «В двух веках», И.И. Петрункевича «Из записок общественного деятеля», а также воспоминания жандармских офицеров высокого ранга А.И. Спиридовича «При царском режиме» и С.В. Завадского «На великом изломе», опубликованные в эмигрантском периодическом издании «Архив русской революции». Для начала необходимо отметить, что данный журнал-ежегодник представляет собой чрезвычайно интересный источник разнопланової информации об антимонархической оппозиции в целом, ее течениях, внутренних противоречиях, характере взаимодействия с государственной властью. Особую ценность в этом плане представляют тексты официальных правительственных документов пред-

---

Изд-во Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1956. С. 68–76.

[122] Даты жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 619.

[123] См.: Библиография основных работ А.А. Богданова [электронный ресурс] // Международный институт А.А. Богданова (официальный сайт). URL: http://www.bogdinst.ru/bogdanov/bibliogr.htm (дата обращения: 18.07.2017; в дальнейшем доступ осуществлялся по ссылке на резервную копию, размещенную на сервисе «Веб-архив сайтов»: URL: https://web.archive.org/web/20170718020511/http://www.bogdinst.ru:80/bogdanov/bibliogr.htm);
А. Богданов. Биографический очерк [электронный ресурс] // Международный институт А.А. Богданова (официальный сайт). URL: http://www.bogdinst.ru/bogdanov/index.html (дата обращения: 18.07.2017; в дальнейшем доступ осуществлялся по ссылке на резервную копию, размещенную на сервисе «Веб-архив сайтов». URL: https://web.archive.org/web/20170718020902/http://www.bogdinst.ru:80/bogdanov/index.html).

революционного и революционного периодов, а также времен Гражданской войны: все эти документы печатались в журнале как своеобразное дополнение к мемуарам политических деятелей, после 1917 г. оказавшихся в эмиграции из-за негативного отношения к Советской власти. Справедливости ради следует признать, что гиперкритический настрой ряда авторов «Архива русской революции» в отношении леворадикальных российских партий вообще и большевиков в особенности практически не создавал проблем при реконструкции той культурно-исторической и социально-идеологической атмосферы, в которой разворачивалась общественно-политическая деятельность русской интеллигенции начала XX столетия.

Так, из воспоминаний Ивана Ильича Петрункевича[124] (1843–1928), помимо многочисленных фактов из истории становления кадетской партии, крайне полезной оказалась информация о политических идеалах лидеров земского движения Российской империи – прежде всего, об их стремлении войти в состав властной элиты хотя бы на правах «выборных представителей народа» и хотя бы в рамках «квази-парламента». Переговорам земских активистов с правительственными чиновниками высокого ранга Петрункевич уделил в мемуарах большое внимание, точно указав не только круг затронутых вопросов, но также время и состав участников этих неформальных совещаний, а равно их ближайшие внутриполитические последствия. Также большое значение имеют сообщенные Петрункевичем сведения о наличии серьезного противостояния между либеральными и консервативными группировками российского дворянства, о стратегии и тактике борьбы этих группировок между собой и о позиции государства по отношению к «зубрам» и либеральным земцам. Все эти данные позволяют с высокой точностью охарактеризовать значительную часть спектра политических идеологий Российской империи на рубеже XIX и XX вв. и тем самым объяснить многие моменты в разработанной А.А. Богдановым концепции идеологической работы в массах, которая в период революции 1905–1907 гг. обеспечила интенсивный рост популярности социал-демократических идей в их специфически-большевистской интерпретации и соответствующее увеличение численности партии.

Кроме того, в воспоминаниях И.И. Петрункевича содержится множество разрозненных сообщений сугубо бытового характера, позволивших детально реконструировать, например, характер взаимодействия либерального дворянства с простым народом (который в

[124] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Берлин,

силу социально-экономических особенностей своего образа жизни не спешил разделить благоговейное отношение «господ» к западноевропейским политическим идеалам), а также другие стороны тогдашней российской действительности, которые отчетливо характеризовали картину политических умонастроений в обществе, однако при составлении биографий известных личностей традиционно «выносились за скобки», зачастую не удостаиваясь даже простого упоминания – лишь потому, что фигура государственного или общественного деятеля обычно рассматривалась с преимущественным вниманием к уникальным персонологическим характеристикам и, соответственно, изображалась относительно изолированной от общего социально-исторического контекста своей эпохи.

Факты, сообщенные Иосифом Владимировичем Гессеном (1866–1943) в «Жизненном отчете»[125], позволяют более точно определить особенности мировосприятия русской интеллигенции, обусловленные не только общей для всех российских идеологических течений второй половины XIX столетия вестернизационной парадигмой, но и специфическими гуманитарными способами мышления, которые формировались отечественной системой классического образования. Именно в силу гуманитарной направленности своего мышления интеллигентные оппозиционеры воспринимали любую пришедшую с Запада философско-политическую доктрину не столько в качестве инструмента осуществления конкретных институциональных преобразований с целью достижения четко определенного прагматического результата, сколько в качестве универсального шаблона трансформации всех аспектов общественного бытия с целью полной смены культурных кодов, препятствующих успешному вхождению России в сообщество цивилизованных наций Европы. И.В. Гессен многократно акцентировал внимание на этой мировоззренческой особенности русской интеллигенции, характеризуя в своих воспоминаниях однопартийцев-кадетов, легальных марксистов наподобие П.Б. Струве, представителей царской администрации и русского дворянства и др.

Другим, не менее ценным свидетельством И.В. Гессена и И.И. Петрункевича является развернутое описание особенностей жизни политических ссыльных – не в последнюю очередь потому, что сами мемуаристы отбывали ссылку в Туле и Вологде примерно в тот же период, что и А.А. Богданов. Согласно их воспоминаниям, представители оппозиционных движений практически официально были поделены, в зависимо-

---

1934. Т. 21. С. 5–467.

[125] Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 5–422.

сти от сословной принадлежности и уровня доходов, на привилегированных и непривилегированных, причем последние были в большинстве обречены на нищенское существование из-за законодательного запрета на предоставление сосланным специалистам каких-либо должностей на государственной или земской службе и крайне избирательного отношения местных администраторов к соблюдению этого запрета.

Далее, ряд сообщенных мемуаристами фактов проливает свет на особенности организации антимонархического движения в либерально-интеллигентской среде: благодаря сведениям из «Жизненного отчета» и «Записок общественного деятеля» становится понятнее ставка оппозиционных сил на «эксцитативные» формы агитации, направленные на побуждение масс к сугубо эмоциональным реакциям на конкретные политические события без какого-либо рационального осмысления причин и последствий произошедшего. По словам Гессена, подобные мероприятия не были ориентированы на осуществление реальных социальных и политических преобразований и носили, говоря современным языком, сугубо имиджевый характер – с помощью протестных акций земская интеллигенция всего лишь стремилась обратить на себя внимание государственных властей и принудить их к сотрудничеству. С подобных позиций стремление либералов дистанцироваться от леворадикальных партий в период подъема революционного движения получает исчерпывающее объяснение, проливающее свет в том числе на причины повышенного внимания А.А. Богданова к политической философии русского либерализма, изложенной, прежде всего, в работах таких мыслителей «серебряного века», как С.Н. Булгаков, Б.А. Кистяковский, Н.А. Бердяев[126].

Органичным дополнением к указанным выше мемуарам, опубликованным в «Архиве русской революции», являются воспоминания жандармских офицеров высокого ранга, которые по долгу службы осуществляли контроль за деятельностью антимонархических движений. Так, воспоминания генерала Александра Ивановича Спиридовича (1873–1952) «При царском режиме»[127] содержат не только детальные описания идеологии различных антиправительственных группировок и особенностей их агитационно-

[126] См.: Проблемы идеализма. Сб-к статей. Под ред. П.И. Новгородцева. М.: Изд-е Московского психологического общества, 1903. 522 с. ; Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1990. 462[2] с. ; Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). М.: Т-во «Общественная Польза», 1903. XXI, 347 с. ; Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Изд-е М.В. Пирожкова, 1907. L, 233 с. ; Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.

[127] Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 85–207.

пропагандистской работы в массах, но и профессионально выполненные описания специальных полицейских операций, направленных на сдерживание нелегальной оппозиционной деятельности в строго определенных рамках. При знакомстве с мемуарами Спиридовича и дополняющими их записками С.В. Завадского «На великом изломе»[128] складывается отчетливое представление о характере взаимодействия между интеллигентной оппозицией и властной элитой, а также появляется возможность корректно определить причины успешности пропагандистско-просветительской работы А.А. Богданова и его сторонников путем сравнения их деятельности с теми формами воздействия на большинство трудового населения России, которые использовались другими политическими группами – как леворадикальными, так и реформистскими.

Некоторые черты «огромного клуба российской оппозиции» проясняются в «Исповеди» раскаявшегося революционера-народника В.И. Кельсиева, также опубликованной в «Архиве русской революции»[129]. Прежде всего, Кельсиев отметил некритическую приверженность интеллигенции вестернизационной парадигме развития России, вследствие чего эффективность взаимодействия этой политически активной части общества с большинством населения страны оказывалась крайне низкой из-за несовпадения базовых мировоззренческих установок, определявших социально-экономические и политические предпочтения групп. Закономерным следствием неэффективного взаимодействия явилось нарастающее отчуждение интеллигентной элиты от «мужицкой Руси», определяемое в работах А.А. Богданова как *системное расхождение* – нарастание качественной разности между социальными группами вплоть до невозможности их сотрудничества в рамках единого общества. Данный мировоззренческий дефект, описанный В.И. Кельсиевым в других терминах, оказался в равной мере присущим революционной и либерально-реформистской интеллигенции, которые, несмотря на разницу своих политических пристрастий, были практически одинаковы в агитационно-пропагандистской тактике, стремясь *внести в сознание народа свои идеологические доктрины и* ***не обращая внимания на жизненные интересы и потребности самого народа***.

Данную особенность политической деятельности либеральной интеллигенции охарактеризовал в своих воспоминаниях П.Н. Милюков[130], отметивший, в числе проче-

---

[128] Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 5–42; Т 11. С. 5–73.

[129] Кельсиев В.И. Исповедь // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 169–310.

[130] Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М.: Современник, 1990.

го, рост эффективности большевистской агитации при переходе от «эксцитативной» тактики и общедемократической риторики к формированию отчетливых связей между агитационными лозунгами и рациональным анализом насущных проблем трудовых слоев российского общества. Того, что данный переход произошел под влиянием эффективной пропагандистской работы А.А. Богданова и его сторонников из российских комитетов РСДРП, Милюков, разумеется, знать не мог, но зафиксированные им факты более чем красноречиво иллюстрируют эффективность применения разработанной Богдановым концепции пролетарской культуры в деле привлечения новых сторонников к участию в массовом социал-демократическом движении.

Другие эпизоды, изложенные в воспоминаниях П.Н. Милюкова, вместе с рядом других мемуарных источников позволяют более полно охарактеризовать деятельность правящей российской элиты в период до 1917 года и тем самым определить корреляцию между сложившейся в то время политической обстановкой и развитием взглядов А.А. Богданова. Так, «Избранные воспоминания» С.Ю. Витте[131] не только содержат многочисленные уточнения по экономической политике правительства в отношении крестьянства, дворян, промышленников и других социальных групп (что ощутимо повлияло на реконструкцию социально-экономической обстановки в России того периода), но и проливают свет на взаимоотношения в «верхах» русского дореволюционного общества, включая причины двойственного отношения правительственных чиновников высокого ранга к оппозиционной интеллигенции: согласно некоторым высказываниям Витте, эта группа в целом воспринималась не в качестве противников государственного строя, а в качестве *соперников в борьбе за политическую власть* ***внутри самодержавного государства***.

Практически аналогично оценивал интеллигентную оппозицию и известный своей жесткой внутренней политикой премьер-министр П.А. Столыпин. Поскольку этот государственный деятель не оставил мемуаров, источниками, характеризующими его взгляды, служат составленная А.С. Изгоевым биография Столыпина[132], а также воспоминания дочери политика[133]. Сведения, сообщенные в этих текстах, дополняются фактами из мемуаров И.И. Петрункевича и И.В. Гессена. Из этих материалов становится видно, насколько давнюю предысторию имела и в каких формах реализовалась исполь-

---

[131] Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 720 с.

[132] Изгоев А.С. П.А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М.: Книгоизд-во К.Ф. Некрасова, 1912. 136 с.

[133] Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М.: Товарищество «А.Н. Сытин и Ко», 1992. 255 с.

зованная высокопоставленными чиновниками при Николае II стратегия разделения антимонархической оппозиции на «умеренную», претендующую всего лишь на определенный «кусок власти» в империи, и «радикальную», стремящуюся к полному отстранению правящих групп от власти. Первоначальная стадия осуществления этой стратегии, приведшая в итоге к распространению в Российской империи марксизма, в мемуарах либералов-земцев была лишь бегло очерчена в виде разрозненных фактов взаимодействия администраторов высокого ранга с отдельными представителями «освободительного движения», что отчасти подтверждается сведениями из мемуаров А.И. Спиридовича и С.В. Завадского, а также некоторыми эпизодами дневника А.В. Богданович[134].

В дополнение к этим документальным характеристикам властной элиты и либеральной оппозиции ценными источниками о работе российской социал-демократии стали многочисленные документы из архива Б. Николаевского, опубликованные в 2010–2012 гг. в журнале «Вопросы истории»[135]. Сведения о взаимоотношениях в среде эмигрантских лидеров РСДРП, о попытках наладить сотрудничество с организациями в России, о провокаторстве и т.д. позволяют сформировать объективный «социальный портрет» той среды, в которую А.А. Богданов вошел после успешной подготовки и проведения III партийного съезда. В дополнение к ним хорошим подспорьем в реконструкции данного периода жизни ученого являются мемуары И.Х. Лалаянца «У истоков большевизма»[136], документальное расследование Н.В. Валентинова «Малознакомый Ленин»[137], а также издававшаяся в 1923 г. серия брошюр «Из эпохи “Звезды” и “Правды” (1911–1914)»[138], в которых публиковались воспоминания политических деятелей «второго плана», активно работавших непосредственно на территории России в условиях спада революционного движения. Обобщение данных материалов позволило сделать вывод о спорадическом характере непосредственных контактов идеологов-«заграничников» с российскими комитетчиками, вследствие чего значение научно-просветительской работы А.А. Богданова оценивается как чрезвычайно значимое для организационного единства и, соответственно, для расширения влияния РСДРП в пролетарской среде.

Насколько подобный системный подход оставался чуждым для научного мышле-

---

[134] Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Изд-во «Новости», 1990. 608 с.

[135] В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. // Вопросы истории. М., 2010. №№ 6, 7, 9–11; М., 2011. №№ 1–3, 5–12; М., 2012. №№ 1–3.

[136] Лалаянц И.Х. У истоков большевизма. Зарождение РСДРП. М.: Молодая гвардия, 1934. 64 с.

[137] Валентинов Н.В. Малознакомый Ленин. СПб.: «Мансарда», «Смарт», 1991. 156 с.

[138] Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911–1914). В 3-х вып. М., Пг.: Госиздат, 1923.

ния первых десятилетий XX в., показывает, в частности, дискуссия по поводу эмпириокритицизма и эмпириомонизма. Даже те российские философы, которые с ходу не отвергали данных концепций, склонны были толковать их крайне произвольным образом: так, Н.А. Бердяев, комментируя текст Р. Авенариуса о взаимодействии организма со средой, предлагал рассматривать описываемые эмпириокритиком жизненные процессы сугубо в духовном смысле[139]; а ученик А.А. Богданова А.В. Луначарский и вовсе предложил создать на основе эмпириомонизма особую религию, в которой роль божества предназначалась коллективному опыту человечества[140]. Что же касается противников (прежде всего, Г.В. Плеханова и В.И. Ленина), то они не стремились анализировать философские концепции Маха – Авенариуса и А.А. Богданова, а лишь пытались с помощью полемической риторики «определить» их в один ряд с уже известными философскими школами субъективно-идеалистической направленности[141].

Схожим образом оценивалась и созданная Богдановым в 1911 г. всеобщая организационная наука тектология, являвшаяся первой в мире методологией системного анализа. Так, квалифицированный немецкий философ Иоганн Пленге подверг эту разработку Богданова критике за «безудержное механизирование» межличностных отношений и душевных переживаний, являющееся замаскированным оправданием диктатуры государства[142]. Практически аналогичные по эмоциональному накалу обвинения озвучил и советский исследователь А.В. Щеглов, обвинивший создателя тектологии в ревизии марксизма, «меньшевиствующем идеализме» и «антиленинской контрреволюционной политической позиции»[143]. Если отбросить в сторону сугубо личностные, психологически обусловленные компоненты подобных выступлений (которые все-таки имели место, как минимум, у И. Пленге, незадолго до публикации немецкого перевода «Тектологии» начавшего читать в Мюнхенском университете лекционный курс под названием «Всеобщая организационная наука», связанный, правда, не с системным анализом, а с тем,

---

[139] См.: Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902. №9–10. С. 839–853.

[140] Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского // Наследие А.В.Луначарского [электронный ресурс] http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/vologodskaa-ssylka-lunacharskogo (дата обращения: 18.05.2018) ; Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 107–110.

[141] См., напр.: Плеханов Г.В. Materialismus miltans // Плеханов Г.В. Сочинения. В 30 т. Т. 17. М.: Госиздат, 1924. С. 24.

[142] См.: Богданов А.А. О критиках тектологии // Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 2003. С. 423.

[143] Щеглов А.В. Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма. М.: Соцэкгиз, 1937. 228 с.

что теперь называется социальными технологиями[144]), то основной причиной, общей для советского философа-коммуниста и для немецкого ученого умеренно-социалистических взглядов, окажется *неприятие новой точки зрения на мир, поскольку она лежит* ***за пределами привычных узкоспециализированных областей,*** *на стыке гуманитарного и естественнонаучного знания.*

Прежде чем приступить к анализу источников по этой проблеме (которой посвящена четвертая глава диссертации), необходимо уточнить значение термина «военный коммунизм». Прежде всего, автором данного термина, в советское время безоговорочно приписанного В.И. Ленину, был именно А.А. Богданов, в 1918 г. впервые применивший подобное сочетание слов для описания особой системы государственного распределения жизненных благ в условиях мировой войны и связанной с ней крупномасштабной экономической блокады[145], т.е. *в условиях прогрессирующего упадка производства*. Характерную для этой системы замену рынка бюрократическим нормированием (с разделением населения на категории работников, выдачей товаров по карточкам и т.п.) ученый никак не связывал с коммунистической идеологией, используя понятие «коммунизм» для обозначения *формы коллективного уравнительного потребления жизненных благ* наподобие того, которое практиковалось в архаических общинах (коммунах) и при катастрофических, «осадных» положениях общества. Ленин лишь в 1921 г., выступая на X съезде, использовал это популярное в большевистской среде короткое и точное название хозяйственной системы, сложившейся в годы Гражданской войны. Следовательно, некорректным представляется использование богдановского термина «военный коммунизм» – определения системы государственного распределения жизненных благ, т.е. *явления хозяйственно-организационного* – для обозначения конкретного периода истории России, связанного с вооруженной борьбой «красных» и «белых» за власть, т.е. *совокупности историко-политических фактов*.

Если же рассматривать понятие «военного коммунизма» в его изначальном, богдановском значении, то следует обратить внимание на генетическую связь между появлением государственного уравнительно-нормированного распределения жизненных благ, глобальной войной и финансовым капитализмом. Эта связь была подробно проанализирована А.А. Богдановым, но первым о новой организационной форме капитализма заговорил

---

[144] См.: Богданов А.А. О критиках тектологии // Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 2003. С. 423.

[145] Богдановские описания «военного коммунизма» см.: Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 335–351.

не он, а австрийский экономист социал-демократ Рудольф Гильфердинг (1877–1941), работа которого «Финансовый капитал»[146] пользовалась большой популярностью до начала Первой Мировой войны. Идеи Гильфердинга оказали существенное влияние на Дж.А. Гобсона и В.И. Ленина, которые, правда, сделали акцент на внешней экономической и политической экспансии капиталистических государств и определили эту экспансию как «империализм», в перспективе способный привести лишь к войне, и вероятнее всего – к глобальной, поскольку предшествующий раздел мира на сферы влияния осуществлялся именно путем войны.

В отличие от этих исследователей, А.А. Богданов обратил основное внимание на внутреннее организационное строение государств, попавших под контроль финансового капитала, и обнаружил такую их особенность, как *уменьшение структурной устойчивости* в экономической и социальной сферах. Ученый отмечал, что национальную экономику финансовый капитал подчиняет своему контролю через механизмы кредитования предприятий и наиболее активно развивает отрасли, приносящие максимальную прибыль, независимо от их функционального воздействия на жизнеобеспечение общества. Неизбежно возникающие при этом дезорганизационные тенденции компенсируются, согласно выводам Богданова, за счет импорта (в начале XX в. – преимущественно из колоний), косвенных налогов на трудящееся большинство (в начале XX в. – преимущественно за счет продажи алкоголя) и – главное – активной эмиссии ценных бумаг на внутреннем и внешнем рынках. Получившаяся хозяйственная система относительно стабильна в течение довольно короткого периода времени, пока продукция высокоприбыльных отраслей находит сбыт (в первую очередь, за границей), пока импортные средства жизнеобеспечения по карману большинству населения, и пока на международном рынке высоко котируются национальные ценные бумаги (представляющие собой не реальный, а виртуально-символический товар, не способный непосредственно удовлетворять чьи-либо потребности). Богданов констатировал, что за вычетом любого из трех основных факторов стабильности наступает кризис – экономический по форме и политический по сути, поскольку финансово-капиталистическая элита теряет контроль либо над управляемым ею обществом (внутренний кризис), либо над иностранными поставщиками средств жизнеобеспечения и держателями ценных бумаг (внешнеполитический кризис). Ученый отмечал, что исключить такое развитие событий позволяет только мощный военно-полицейский аппа-

[146] Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Знамен-

рат, снабжение которого быстро превращается в самую прибыльную отрасль экономики, поскольку государство, в отличие от других потребителей, мало считается с издержками и практически не знает форс-мажорных обстоятельств. Именно растущая милитаризация экономики, по Богданову, и является фактором, способным «запустить» глобальную войну между финансово-капиталистическими странами.

Деятельность этой группы, не совсем корректно называемой «большевиками» (поскольку даже в центральных органах власти в годы Гражданской войны многие ключевые должности занимали выходцы из других левых политических партий, а на местах даже в период свертывания НЭП ощущалась серьезная нехватка партийных кадров), наиболее разноречиво характеризуется в источниках. Ряд авторов – преимущественно из числа высокопоставленных царских чиновников и офицеров, публиковавших мемуары в «Архиве русской революции» – негативно оценивает все меры Советской власти, видя в них, прежде всего, проявления крайних форм непрофессионализма в вопросах государственного и хозяйственного управления, однако признает факт нараставшей дезорганизации этих отраслей еще в период Первой Мировой войны[147]. Другая группа авторов – как правило, далеких от политической власти или мало осведомленных о жизненных реалиях России времен Гражданской войны – характеризует действия «советского блока»[148] крайне негативно, сводя сложные комплексы мероприятий по организации жизнеобеспечения большинства населения страны исключительно к «перекройке действительности под жестко заданный идеологический шаблон» и массовым репрессиям против несогласных с подобной практикой[149]. Третья точка зрения, которую можно охарактеризовать как позитивно-уравновешенную, представлена в диссертации очерками «Россия во мгле»[150] Герберта Уэллса, – автора, фактически играющего в оценке состояния России периода Гражданской войны роль «свежей головы»[151]: английский писатель

ский и К°, 1912. XXIX, 576 с.

[147] Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т.17 С. 5–169 ; Соколов Б. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т.9 С. 5–90 ; Записки белогвардейца-лейтенанта N.N. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т.10. С. 56–113 ; Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля–2сентября 1915 года) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т.18. С. 5–136.

[148] Выражение А.А. Богданова.

[149] Каутский К. От демократии к государственному рабству (Ответ Троцкому). Берлин: Изд-во журнала «Социалистический Вестник», 1922. 168 с. ; Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO», P.S., 1990. 208 с. ; Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен: Явь и быль, 1948. 278 с.

[150] Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Сочинения. В 15 т. Т. 15. М.: Правда, 1964. С. 315–376.

[151] Термин социологов-исследователей: так называется привлекаемый к выработке экспертных оценок человек, который не является специалистом в анализируемой проблеме и потому вынужден оце-

умеренно-социалистических взглядов до приезда в Петроград и Москву был, в отличие от группы мемуаристов «Архива русской революции», мало осведомлен о порожденных войной кризисных тенденциях в национальной экономике, а в отличие от «непримиримых» белогвардейцев и К. Каутского, не имел оснований для неприязненного отношения к Советской власти в целом и к В.И. Ленину персонально. Тем показательнее его в***и***дение жизни в Республике Советов 1919 г. – не только как экономической катастрофы беспрецедентного масштаба, но и как порожденного общей бедой консенсуса между новой государственной властью и большинством населения. «Военно-коммунистические» меры наподобие карточной системы и «партмаксимума», жестко нормирующего уровень заработной платы для руководящих работников (преимущественно коммунистов) писатель, в отличие от многих своих современников, адекватно оценил как инструмент укрепления этого консенсуса и сделал неожиданный для того времени пессимистический прогноз относительно результатов любого внешнего силового вмешательства в судьбу России, оценив его как заведомо проигрышную авантюру.

Таким образом, использование проанализированных в данной главе историографических работ и исторических источников позволяет сделать итоговые выводы не только о культурно-мировоззренческих предпосылках формирования богдановской тектологии – методики системного анализа, имеющей абсолютный приоритет по отношению к аналогичным по содержанию разработкам других ученых. Также на основании рассмотренных документов, материалов и аналитических исследований делается закономерный вывод об исторически обусловленной контекстной взаимосвязи между тектологией и марксизмом (как двумя методиками комплексного анализа сложных социально-экономических систем), с одной стороны, тектологией и российской социально-философской традицией (как сугубо коллективистскими системами мировосприятия), с другой, тектологией и мировой социально-гуманитарной и естественнонаучной мыслью начала XX в. (как формами системной организации знаний человека о мире), с третьей. Наконец, применение тектологических закономерностей для анализа событий, произошедших *уже после смерти Богданова*, демонстрирует высокий эвристический потенциал тектологии в качестве метода исторического исследования.

нивать ее с позиций обычного здравого смысла. Привлечение «свежей головы», как правило, позволяет взглянуть на проблему с новой, нестандартной точки зрения, которая не всегда очевидна для специалистов-профессионалов.

2 Становление личности А.А. Богданова

2.1 Детские и юношеские годы А.А. Богданова. Формирование системного мышления будущего ученого

Александр Александрович Малиновский, более известный под партийным псевдонимом «Богданов», родился 28 июля / 9 августа 1873 года в местечке Соколка Гродненской губернии в многодетной семье народного учителя. Маленький Саша был вторым из шести детей, а внутрисемейная обстановка, насыщенная бытовыми трудностями, сыграла огромную роль в воспитании его личностных качеств и формировании мировоззренческих установок. Еще дошкольником будущий ученый-аналитик обращал на себя внимание взрослых своей не по-детски развитой любознательностью. Его интерес к окружающему миру подогревался еще и тем, что в семье Малиновских царил настоящий культ образования. При этом родители зорко следили за тем, чтобы тяга к познанию не носила бессистемного характера. Саша с шести лет засиживался в библиотеке училища, которым заведовал отец, и допоздна буквально «глотал» книги. Подросший Александр поражал школьных учителей своей неординарностью и фотографической памятью. Успехи в математике и физике предоставили ему свободный доступ в физический кабинет училища, самостоятельные занятия в котором предоставили юному исследователю возможность обрести опыт проникновения в суть изучаемого дела без посторонней помощи. Кроме того, большую роль сыграла также репетиторская работа[152].

Саша Малиновский, зарабатывая деньги для семьи занятиями с отстающими учениками, обратил внимание на особенность постижения точных наук: естественнонаучное познание, посчитал он, потому, очевидно, и названо «точным», что восприятие разделов изучаемого предмета находилось в категорической зависимости от успешного постижения предыдущего материала. Зато каждый пробел в знаниях становился непреодолимым препятствием к изучению последующих сведений, вытекающих из ранее изученных закономерностей. Это препятствие исчезало само собой, как только удавалось ликвидировать пробел – лишь тогда человек вступал в область новых обобщений. Только осознанное понимание взаимозависимостей последовательно систематизированного

[152] Неизвестный Богданов. В 3-х кн. Кн.1: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 25–28.

познания, которое Малиновский впоследствии назовет монистическим[153], является залогом действительного развития личности.

После окончания начального училища Саша Малиновский за успехи в физике и математике был определен в Тульскую гимназию. «Жил в ее пансионе… в условиях казарменно-тюремных. Там злостно-тупое начальство на опыте научило меня бояться и ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты», – писал он впоследствии[154]. Порядки в Тульской гимназии ничем не отличались от тех, что насаждались в учебных заведениях повсюду в дореволюционной России. Очевидно, поэтому описания мемуаристов о годах, проведенных в стенах школ, похожи, как две капли воды, и сводятся к тому, что любая из гимназий «как будто ставила своей единственной целью отнять у воспитанников всякую радость, уничтожить всякие порывы, с корнем вырвать все ростки самобытности, погасить всякий интерес к науке. Твердо и буквально наставники держались принципа, что корень учения должен быть горек, и с безоглядной последовательностью проводили его на практике. А ученики, конечно, никак не соглашались с этим мириться, и отношения между ними и наставниками нельзя иначе представить, как два замкнутых враждующих лагеря, которые с одинаковой ревностью изощрялись: одни – на чем-либо поймать, уличить, сделать неприятность, а дети – обмануть, улизнуть, напакостить. Победы случались на обеих сторонах, но не счесть, сколько мальчиков и юношей было загублено, выброшено за борт просвещения»[155]. Особенно тяжелой была участь «стипендиатов», т.е. тех, кто обучался за казенные деньги. По обыкновению они чаще иных подвергались рукоприкладству и унижениям как со стороны наставников, так и со стороны одноклассников.

Участь юного Саши Малиновского была не столь печальна: не находя понимания у гимназического начальства, он стяжал уважение товарищей по учебе своей открытостью, чистотой помыслов и неординарной способностью объединять людей в творческий коллектив единомышленников, заражая их жаждой познания и прививая вкус к осмыслению новых мировоззренческих принципов. За годы обучения в Тульской гимназии он стал для многих однокашников проводником в занимательный мир науки и передовых идей, ори-

---

[153] Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 42 ; Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. С.

[154] Богданов А.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат (репринт. изд.). М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 361.

[155] Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 22.

ентирующих на позитивные перемены в сознании и общественной жизни[156]. Увлечение книгами «шестидесятников» расценивалось воспитателями гимназии как заслуживающая сурового наказания тяга к вольнодумству: в условиях постоянного надзора никакая конспирация не спасала от столкновений с дирекцией учебного заведения. Закономерным итогом таких столкновений неординарно мыслящей личности с консервативной авторитарно-ритуалистической системой – далеко не последних в жизни Александра Александровича – стало формирование мировоззрения, активно противостоявшего всему, что так или иначе связано с организованным насилием власти.

Этот процесс значительно ускорился после того, как Саша Малиновский подружился с товарищами по учебе, которых тоже не устраивали порядки в тульской гимназии. «Сухие педагоги, ограниченные своими латинскими и греческими учебниками, державшиеся за свой чин, безразличные, без чести и самоуважения, привычным образом подавляли все стихийные порывы, возникавшие в их учениках. Как вспоминал один из одноклассников Богданова Петр Смидович, “в наших душах росла глубокая ненависть к чиновничеству, презрение ко всему аппарату принуждения”. Струей чистой воды стали работы революционеров-демократов и научные книги <...>. Эти книги открывали мир настоящей науки, области, в которых творческая мысль могла встретиться в страстной борьбе с инерцией установленных ценностей и обычаев»[157].

Интерес к подобного рода литературе возник у любознательного гимназиста Александра Малиновского в период расцвета в стране особого «умонастроения», свойственного исключительно русской интеллигенции[158]. Оно проявилось ярче всего в научном мышлении русских естествоиспытателей, когда в середине XIX столетия обнаружилось их повышенное стремление связывать воедино конкретные знания, чтобы найти механизм влияния на естественный ход развития окружающего мира и тем самым сохранить человеку роль сознательного участника глобальных процессов. «Глубокий синтез естественнонаучной и философской мысли»[159] дал толчок к созданию новых ориги-

---

[156] Гловели Г.Д. «Страсть к монизму». Гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии. М., 2003. №9. С. 111.

[157] Гловели Г. Богданов – ученый и утопист [Электронный ресурс] // Международный институт А.А. Богданова (официальный сайт). URL: http://www.bogdinst.ru/bogdanov/glovely2.htm (дата обращения: 18.07.2017; в дальнейшем доступ осуществлялся по ссылке на резервную копию, размещенную на сервисе «Веб-архив сайтов». URL: https://web.archive.org/web/20170718020511/http://www.bogdinst.ru:80/bogdanov/glovely2.htm).

[158] См.: Моисеев Н.Н. Возвращение к гуманистическим традициям // Наука и жизнь. М., 1988. №4. С. 36–41.

[159] См.: Моисеев Н.Н. Возвращение к гуманистическим традициям. С. 39.

нальных «системных конструкций», предложенных Лобачевским в математике, Менделеевым в химии, Тимирязевым, Мечниковым, Сеченовым в физиологии и т.д. Этот своеобразный феномен возник как реакция на импортируемый в Россию западноевропейский рационализм, поскольку рассудочно-холодный миропорядок, порожденный западной цивилизацией, базировался на однобоком восприятии действительности в соответствии с филистерским «здравым смыслом», любое несовпадение с которым категорически отвергалось вследствие того, что общественный уклад, подчиняющий взаимодействие между людьми мировоззренческим установкам на личный успех и выгоду, не допускал инакомыслия. По мнению русских интеллектуалов середины XIX в., такое избирательное восприятие действительности поневоле обрекало человека – носителя разума – на роль соглашателя и пассивного наблюдателя «естественного» хода событий, в то время как накопление новых знаний о природе и обществе, а также нараставшие противоречия в общественной жизни не могли не стимулировать творческую личность на активное вмешательство в мировые процессы.

Подобная антиномия общественных реалий особенно остро отражалась на неупорядоченном формировании мировоззрения молодого поколения. Мощное влияние на будущность молодежи оказывала научно-публицистическая печать, генерировавшая мысль о гражданской обязанности образованного человека служить обездоленному и обманутому народу, противостоять реакционному монархическому режиму ради общего блага. Однако эта идея кардинально расходилась с воспитательными задачами министерства просвещения царской России, поэтому гимназии функционировали в соответствии с давно согласованными и проверенными стандартами, далекими от стремления молодежи «пострадать» за народ, правду и справедливость. Многие бывшие гимназисты с незабытой экспрессией сообщали в своих мемуарах о «школьной муштре и уловлении учеников»[160], назойливости «инквизиторских взглядов учителей»[161], неистребимом желании гимназистов «как можно полней эмансипироваться» от придирчиво-агрессивного надзора воспитателей и «найти другой центр жизни и интересов»[162]. Гимназической обстановке, как тогда считалось, «растлевавшей ум и душу», ученики могли противопоставить лишь спасительное увлечение занятиями в кружках самообразования, стихийно возникавших почти в каждой школе. Предпочте-

[160] Гессен И.В. В двух веках. С. 39.
[161] Там же. С. 48.
[162] Гессен И.В. В двух веках. С. 37.

ние в этих кружках отдавалось изучению «естествознания, успехи коего сильно действовали на юношеское воображение и манили близким разрешением загадки мира»[163]. Особый интерес представляла работа в лабораториях из-за того, что она принципиально отличалась от пассивного зазубривания школьных уроков, позволяла увидеть результат и почувствовать вкус к самостоятельно достигнутому успеху. Хотя чрезмерная увлеченность занятиями в кружках самообразования не слишком поощрялась гимназическими учителями, но и они, подчиняясь моде времени, были не прочь поучаствовать в процессе «лицезрения новых миров под микроскопом»[164].

Однако для большинства посещавших кружки интерес к естествознанию был все же явлением преходящим, а не потребностью серьезной научной подготовки. Об этом свидетельствовали откровенные признания некоторых успешных деятелей царской России: понадобилось совсем немного времени, чтобы из их памяти «бесследно» исчезло, «что такое логарифмы и как с ними обращаются, и чему учила геометрия и космография»[165], да и «менделеевская теория элементов уже давно утратила в сознании свою отчетливость»[166].

Для других юношеское увлечение естествознанием стало началом пути в большую науку. Это подтверждается фактами биографий выдающихся ученых, у которых тяга к познанию проснулась в школьные годы, благодаря участию в кружках самообразования. Малиновский был из их числа. Его сверстники именно ему отдавали пальму первенства в своей команде, возникшей в тульской гимназии, когда «в классе появился “новенький” – *Александр Малиновский* <...>. Этому,казалось, рядовому событию предстояло сыграть в будущем выдающуюся роль в жизни гимназистов»[167], поскольку костяк команды составили, помимо Малиновского, *Владимир Руднев*[168], *Петр Смидович*[169], *Измаил Соболев*[170], *Торичан Кравец*[171]. Все они оказались в числе одаренных людей России и сохранили признательное отношение к организаторским и интеллектуальным способностям Малиновского-Богданова, оставаясь до конца жизни его преданными товарища-

---

[163] Гессен И.В. В двух веках. С. 46.
[164] Там же. С. 47.
[165] Гессен И.В. В двух веках. С. 39.
[166] Там же. С. 47.
[167] Клебанер В.С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. М., 2004. №6 С. 76.
[168] Впоследствии – экономист, известный не только в России, но и за рубежом под псевдонимом «В. Базаров».
[169] Родственник писателя В.В. Вересаева, прошедший длинный путь от рядового революционера до видного государственного деятеля.
[170] Впоследствии – заведующий лабораторией первого в мире Института переливания крови, ныне носящего имя А.А. Богданова.
[171] Впоследствии – известный физик-экспериментатор, член-корреспондент Академии наук СССР.

ми, почитателями его научных талантов.

По их компетентному мнению, на развитие отношений между членами команды удивительным образом воздействовала атмосфера доброжелательности и взаимопонимания, незаметно для всех ставшая нормой общения, привитой именно Сашей Малиновским. А на формирование личности сильнее всего влияли не столько занятия научными экспериментами, сколько *дух сотрудничества по-богдановски*, сопровождавший исследования и обсуждения получаемых результатов, не покидавший друзей и после занятий. Дискуссии на ученые темы продолжались и вне стен гимназии, чаще всего в гостеприимном доме отца Владимира Руднева – Александра Матвеевича, главного врача Тульской губернской земской больницы, пристально наблюдавшего за воспитанием и развитием способностей сына. Доктора Руднева радовал круг общения Владимира со сверстниками, увлеченными серьезными занятиями, которые далеки были от пристрастий светского юношества. Радовал и характер диспутов, главным итогом которых было рождение чувства *сопричастности каждого к общему делу* – к процессу «коллективного думания», во время которого участники максимально сосредоточивались на теме обсуждения. Высказанная мысль подхватывалась и дополнялась другими, на первый взгляд, привычным порядком, предполагавшим спор сторон на основе сходства или контраста ассоциаций, пока усилия всех не сливались в общем выводе. Но в диспутах по-богдановски происходило что-то иное: здесь наблюдалось не простое суммирование элементов знания для получения результата. Это скорее напоминало растворение личности диспутанта в общей гармонии такого сложного мировосприятия, при котором разнородность мнений была подчинена какой-то общей целостности, наподобие того, как дополнительные штрихи придают наброску законченность портрета. Очевидным становилось то, что такая форма «коллективного думания» не столько обеспечивала результат аналитической деятельности рассудка, сколько поднимала до нужной степени эффективности энутзиазм «живого творчества» – «чувствования», как это явление называл В.А. Базаров-Руднев[172], или «сорадования» (в терминологии Богданова[173]), – при котором, как позже написал Базаров, каждый человек становился не оппонентом другим, а участником того общего оркестра, где каждый исполнитель воспринимал всю «симфо-

[172] См.: Базаров В.А. Материал коллективного опыта и организующие его формы // Очерки философии коллективизма. Сборник первый. СПб.: Типография товарищества «Знание», 1909. С. 202–205.

[173] См.: Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 69.

нию целого так же непосредственно и отчетливо, как свою личную партию»[174].

Кружок самообразования в тульской гимназии предоставил Саше Малиновскому возможность обрести опыт товарищеского взаимодействия и осознать: сила любой организованной структуры заключена «в том, что называется ее “духом”, т.е. в ее внутренней связи и сплоченности, в единении чувства и мысли, которое проникает ее и превращает в живой, целостный организм»[175].

Занимаясь естествознанием, команда Малиновского в юношеские годы мечтала о таком мировом строе, при котором активность коллективного «живого творчества» победит метафизику созерцания. Со временем пришло понимание, что мечта без действия неосуществима. Это и предопределило судьбу гимназических единомышленников Александра Малиновского: все они выбрали для дальнейшего образования естественнонаучное направление. Сам Малиновский, закончив гимназию с золотой медалью, в 1892 г. поступил на естественное отделение Московского университета – одного из лучших высших учебных заведений Российской Империи.

Москва оказалась совсем не такой, как ее описывали в путеводителе 1868 г., где она изображалась городом с «великолепными соборами, царскими дворцами, дворянскими особняками и бесчисленными магазинами и лавками»[176]. Александру Малиновскому Москва 1892 года открылась в ином облике: город преобразился и перестал быть «большой деревней» с дворянским флером; музеи, художественные галереи, научные, культурные, спортивные общества и клубы – все это было новым и неожиданным для пытливого юноши-провинциала. Обилие разносторонних публикаций многих периодических изданий утоляло его читательский голод, а посещение публичных лекций в музеях и научных московских обществах открывало новый мир, расширяло кругозор, воспитывало гражданские чувства. Положительное воздействие этих неформальных собраний состояло и в том, что они давали новое содержание прежним представлениям, стимулировали общественную деятельность, ибо были нацелены на демократизацию знаний и разрушение барьеров между людьми: публичные лекции московских ученых нередко позволяли «сельским священникам, мещанам, крестьянам и женщинам сидеть рядом со столбовыми дворянами и даже членами императорской семьи»[177], – так велика была тяга

---

[174] Базаров В.А. О философии действия. Статья третья // Современник. СПб., 1913. №10. С. 167.

[175] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 101.

[176] Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. М., 1994. №5. С. 79.

[177] Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюцион-

к новому слову развивающихся наук, к техническому прогрессу. У Александра Малиновского неформальное вхождение в общественную жизнь Москвы сочеталось с успешным постижением университетского курса и формированием доброжелательных отношений с товарищами по учебе.

В университет стремились поступить, наряду с москвичами, многие выпускники гимназий из других городов России. В студенческой среде Малиновский, не будучи коренным москвичом, не ощущал себя «белой вороной» благодаря участию в полулегальной земляческой организации, объединявшей почти 1700 студентов, приехавших в Москву из всех уголков России. Малиновского вскоре избрали представителем в Союзный Совет, который занимался организацией внелекционного досугового времени и решал вопросы поддержки материально нуждающихся студентов через кассу взаимопомощи[178]. Активность, в том числе общественно-политическая, всячески поощрялась, так как к концу XIX века против самодержавия вышли на тропу войны все общественные силы, несогласные с его политикой– «мирные» и «боевые», сформировавшие «огромный клуб всероссийской оппозиции, по камертону которого шло почти что целиком все русское общество»[179], откровенно желавшее свержения монарха. Однако мнения полярно расходились относительно будущего России: оппозиционеры не могли договориться, каким идеологическим группам царь должен уступить бразды правления. Разноголосица, по всей вероятности, была связана с тем, что недовольная общественность, оглядываясь на Запад, принимала на веру то одну, то другую новомодную философскую доктрину. Эта переменчивость интереса к европейским идеям породила неожиданное явление в русской жизни, характеризующейся тем, что в XIX в. даже стали различать «людей тридцатых, людей сороковых годов, <...> засим появились у нас шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники и т.д., и все эти термины отнюдь не представляют хронологических обозначений, а содержат указание на определенное мировоззрение. Реализм, нигилизм, позитивизм, материализм, идеализм, декадентство – все это промелькнуло <...> в сущности на протяжении одной человеческой жизни»[180]. Оказалось, то, что волновало еще вчера как подтверждение правильности только что избранного шанса для будущего процветания России, сегодня уже другими, более молодыми воспринималось «не больше, чем

ной России // Общественные науки и современность. М., 1994. №5. С. 86.

[178] Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М.: Изд-во политкаторжан, 1934. С. 223, 222.

[179] Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. Т. 3. М.: Голос, 1993. С. 121.

[180] Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 6.

“буря в стакане воды”, о которой через несколько лет никто и вспоминать не будет»[181]. Так оно и случалось, а «открытая Тургеневым категория “отцов и детей” <...> все рельефнее оформлялась и становилась <…> яркой чертой русской общественности»[182], наряду с другой особенностью, отмеченной еще в 1855 г. Н.А. Некрасовым: «Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет: верить, не верить – ему все равно, лишь бы доказано было умно!»[183] Надо отметить, что студенчество было в то время довольно активной в политическом отношении частью образованных людей России.

Особая роль в этом принадлежала тем, кого публицист Н.В. Шелгунов назвал «девятидесятниками», начинавшими свою практическую деятельность с изучения тех общественных фактов, из которых, как логический вывод, сам собой возникал вопрос: что делать?[184] Многообразие общественных взглядов, наблюдавшееся в России, воспринималось молодыми умами как эклектическая смесь двух направлений – либерального и социал-демократического. Одна часть передовой молодежи, склонная к либерализму, возлагала свои надежды на общество, другая, ориентированная на социалистические идеи, уповала на трудовые классы, а все общество в целом больше не считало возможным для себя оставаться равнодушным к тем условиям, в которых находилась подавляющее большинство населения – крестьянство, нищее, лишенное свободы, общих гражданских прав, просвещения, зависимое от жестокого произвола чиновников.

Для Александра Малиновского столь бурная общественная жизнь была внове. Он с большим любопытством знакомился с нею и взахлеб читал работы первых русских демократов, благо университетская библиотека предоставляла такую возможность, а полемика, царившая в студенческой среде, подсказывала необходимые ориентиры. Да и реалии российской жизни ставили перед пытливым юношей много неразрешимых вопросов, а ему хотелось разобраться: только ли в России, или и в благополучной Европе положение трудовых слоев населения тоже столь же безотрадно? Внимание Александра Малиновского к этому вопросу было вполне закономерным, поскольку в 1890 годы наиболее активная в социальном и политическом плане часть интеллигенции – студенческая молодежь – переключилась с традиционного для народников «крестьянского во-

---

[181] Гессен И.В. В двух веках. С. 6.

[182] Там же.

[183] Некрасов Н.А. Саша // Некрасов Н.А. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1971. С. 119.

[184] Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни // Сб-к материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3: 70-е – середина 90-х гг. XIX в. М: Типография Высшей партийной школы при ЦК

проса» на проблемы рабочего движения, актуальность которых усилилась вследствие начавшегося в России промышленного подъема, а также происходившего параллельно с ним распространения марксизма в русском образованном обществе. Оба эти феномена, соответствовавшие западнической идеологии интеллектуальной элиты империи, в той или иной степени нашли свое отражение в публицистике российских журналистов с социалистическими взглядами, – например, таких, как популярный у молодежи Н.В. Шелгунов, который еще в «Современнике» Чернышевского и Добролюбова напечатал статью «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», а после ареста и ссылки вернулся к редакторской деятельности в журнале «Дело», сохранив верность демократической традиции. Сотрудники журнала в основном поддерживали позицию главного редактора, уловившего тенденцию общественного развития в России.

Александр Малиновский вряд ли оставался в стороне от студенческих обсуждений волновавшей темы, особенно статей из журнала «Дело» (и других подобных изданий), касавшихся жизни бедных кварталов на Западе, где люди, как оказалось, доведены до крайности, поскольку «едва половина рабочих имеет работу, а чем живет остальная половина, – неизвестно»[185]. Безработица толкает на немыслимые поступки и самоубийства. Немногим лучше положение работающего пролетария: заработок не обеспечивает выживания, ибо семья рабочего человека питается хуже, чем арестанты в тюрьме, – и никакая инспекция, никакие законы ничего с этим поделать не могут («Закон укоротит рабочий день, фабриканты уменьшат задельную плату, и рабочий едва ли останется в выигрыше. Тут на весы кладется или истощение от чрезмерной работы, или истощение от чрезмерного голода»[186]). Карл Маркс, на работы которого иногда ссылались в статьях «Дела»[187], воспринимался молодыми читателями всего лишь как один из исследователей рабочего вопроса в Западной Европе; при этом в среде учащейся молодежи 1890 годов б***о***льшей популярностью пользовались известные отечественные публицисты.

Фотографическая память, феноменальная скорость чтения и дарованный природой аналитический ум позволяли А. Малиновскому основательно усваивать обширный объем полученной информации, но не в виде эклектической смеси (как это было характерно для многих эрудированных личностей того времени), а в форме упорядоченно выстроенного

КПСС, 1956. С. 207.

[185] Л.г..ин [Якоби П.И.]. Больные места Швейцарии // Дело. СПб., 1868. №2. С. 32.

[186] Михайлов А. Производительные ассоциации // Дело. СПб., 1870. №4. С. 228.

[187] Там же.

знания. Оно, в свою очередь, закономерно подталкивало юношу к поиску ответа, но уже на другой вопрос: почему в век столь бурного развития науки и техники общество по-прежнему мирится с положением, сохраняющим столь варварскую форму взаимодействия между людьми? Размышления убеждали в том, что философия прошлых веков, не решив столь насущной для человечества задачи, не могла служить источником ответа на поставленные вопросы. Вероятнее всего, по этой причине Александр Малиновский, как и многие представители его поколения, обратился к достижениям уже заявившей о себе материалистической науки. Интерес к такого рода теориям потребовал от него внимания как к западным концепциям, так и к выводам отечественных кумиров русской интеллигенции. Оказалось, новые идеи, появившиеся в Европе во второй половине XIX в., получали в России свою интерпретацию.

Пока в России господствовало крепостное право, всякий, почитавший себя передовым человеком, верил в необходимость спасительного капитализма, способного обеспечить свободную жизнь народу и процветание стране. Однако реальность убеждала, что в России всё происходило не так, как мечталось. Мало того, оказывается, и на Западе не всё шло гладко: прочно обосновавшийся в Европе капиталистический строй даже спустя столетия так и не сумел улучшить положение миллионов трудящихся. Значит, капитализм все же не столь чудодейственная формация, если она не способна принести благо работающему населению? Или есть какая-то иная, более веская причина для сохранения социального неравенства в таких масштабах?

Ответ на эти вопросы Александр Малиновский и его товарищи продолжали искать в работах демократов – и нашли у главного идеолога разночинцев материалиста Н.Г. Чернышевского[188], который считал, что главной характеристикой наблюдаемого времени являлось наличие в цивилизованном мире предпосылок для двухфазового социального конфликта, который начинался как столкновение феодалов с буржуазией, призвавшей для своей поддержки пролетарские массы, а затем переходил в боевое противоборство буржуа с сословием, «получающим плату за труд»[189]. Причину возникновения второй фазы надвигавшегося кризиса капиталистической системы Чернышевский связывал с не-

[188] Обращение ко взглядам Н.Г. Чернышевского было свойственно поколению революционеров, рожденных в 1870-х гг. – достаточно вспомнить хотя бы известное суждение В.И. Ленина о романе «Что делать?»: «Он меня буквально всего перепахал. Эта вещь дает заряд на всю жизнь» (Цит. по: Николаев П. Революционный роман // Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.: Худож. литература, 1985. С. 14.)

[189] См.: Чернышевский Н.Г. Основания политической экономии [Д.С. Милля] // Чернышев-

прекращающимся общественным противостоянием, называемым конкуренцией. В работе «Июльская монархия» (1858) Николай Гаврилович писал о конкуренции как деструктивной форме тотального воздействия на общество: «Она губит всех слабейших в каждом звании, в каждом промысле. У кого больше капитала, тот богатеет, а все другие разоряются, из самой большой свободы возникает монополия миллионеров, порабощающих себе все»; в таком обществе люди живут в состоянии постоянного страха не только из-за борьбы производителей между собою за сбыт товаров, рабочих между собой за получение работы, заводчиков с пролетариатом за размер оплаты труда, бедняков против механизации производства, отнимающей у них работу, но также из-за «коммерческих кризисов», когда «рынки завалены товарами, не находящими сбыта, фабрики запираются, и рабочие остаются без хлеба. Все открытия науки обращаются в средства порабощения, и оно усиливается самим прогрессом: пролетарий делается простой рукояткою машины и беспрестанно бывает принужден жить милостынею»[190].

Хотя самодержавная Русь еще не являла собой капиталистическую державу, но деструктивная тенденция коснулась и ее, что стало особенно заметно к концу XIX в. в период наступившего мирового промышленного кризиса и связанного с ним расширения оппозиционного движения. Однако осознанная консолидация сил сопротивления не состоялась из-за тяги «неблагонадежных людей» к полемике, которая сделалась не инструментом поиска концептуального содержания происходивших событий, а торжеством «эклектического мышления, догматической критики и всяческого сумбура мысли»[191]. По крайней мере, ***такое*** определение этому феномену общественной жизни в России Малиновский найдет позднее, и здесь влияние идей материалиста Чернышевского бесспорно. Николай Гаврилович неоднократно подчеркивал: чтобы общество было организацией сознательных людей, понимающих смысл происходящих процессов, им недостаточно простого просвещения, потому что просветительство не столько учило анализировать события, сколько знакомило с гуманистическими идеалами и придавало воззрениям характер *мечтаний* о будущем общественном устройстве более высокого уровня по сравнению с социальными системами прошлого и настоящего. По мнению Чернышевского, пришло время «серьезной науки», которая должна была бы сбросить «свою прежнюю схоластическую

ский Н.Г. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. С. 70–138.

[190] Чернышевский Н.Г Июльская монархия // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 157.

[191] Богданов А.А. Письмо Н.Н. Вашкову // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 148.

форму метафизической трансцендентности и, признав тождество своих результатов с учением естественных наук, слилась с общей теориею естествоведения и антропологиею»[192]. По убеждению философа, во все исторические времена прогресс человечества базировался на успехах и развитии знаний и был соразмерен степени распространенности научных достижений, поэтому «знание – основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все обязательное в человеческой жизни»[193].

Эта позиция демократа-материалиста особенно импонировала Александру Малиновскому, который за свои юные годы уже успел удостовериться в том, сколь неисчислимые беды несет русскому человеку невежество, особенно когда «политика и промышленность шумно движутся на первом плане истории»[194]. Чтение трудов Чернышевского привело пытливого юношу к пониманию, почему надежды на позитивные перемены в России Николай Гаврилович связывал именно с образованной молодежью, полагая, что лишь она, объединившись с группами обманутых реформой 1861 г., способна вывести страну на путь прогресса. Мало того, по мнению Чернышевского, авангардом реформаторов должны стать исключительно молодые интеллектуалы из числа материалистов, не обремененных «иллюзионизмом» вследствие нового, диалектического подхода к пониманию материального единства многообразного мира, так как юношество с подобной системой взглядов стоит ближе всех к научной истине и будет понято трудящимися массами, которые, «благодаря своей суровой жизненной опытности», воспримут толкование реального смысла происходящих событий «несравненно лучше, вернее и глубже, чем люди более счастливых классов»[195].

Казалось бы, для оптимизма у демократа-материалиста Н.Г. Чернышевского имелось немало оснований, поскольку кадровая политика правительства изменилась: когда произошло сближение России с Западом и европейские стандарты получили приоритетное значение, в повестку дня был включен вопрос о необходимости иметь своих грамотных чиновников, квалифицированных врачей, педагогов, юристов, инженеров. Обучать за границей или выписывать армию специалистов из Европы российская власть посчитала делом нерентабельным. Поэтому уже к 1825 г. в империи функционировали Московский, Санкт-

---

[192] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. С. 179.

[193] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1948. С. 6.

[194] Там же.

[195] Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. В 3-х т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1950. С. 54.

Петербургский, Дерптский, Харьковский, Казанский, Виленский и Варшавский университеты, а также учительские институты, различные курсы, гимназии, закрытые пансионы, лицеи, училища и т.п. Кроме того, в России с тех пор установился новый взгляд на квалифицированные кадры, которые стали формировать не только из представителей дворянского сословия, но и из числа способных молодых людей более низкого происхождения.

Несмотря на дальнейшее расширение сети образовательных учреждений, выпускаемые из их стен специалисты даже к концу XIX в. по-прежнему чувствовали себя особым сословием «властителей дум» нации, привычно возвышаясь силою знаний над поголовно неграмотным населением. Ощущение избранности подкреплялось малочисленностью дипломированных профессионалов: их недостаток, как и раньше, остро ощущался в каждом уголке России, потому что при формировании системы образования правительство не принимало во внимание особенностей российской действительности, а также масштабов реальной потребности в квалифицированных кадрах в целом по стране. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие факты. Во-первых, в империи почти все высшие и специальные учебные заведения открывались в городах и в основном для городов. Предметом особой заботы властей были потребности имущих слоев, а надобности прочих учитывались по остаточному принципу. Во-вторых, для нужд главного налогоплательщика страны, занятого ведением обширного сельского хозяйства, подготовка соответствующих специалистов почему-то вообще не была предусмотрена. В результате занятое сельскохозяйственным производством безграмотное крестьянство – а это более 80 % живших в империи – оказалось без квалифицированной поддержки по агротехнике, животноводству, технологиям переработки сельхозпродукции – просто потому, что в крестьянской стране испокон веку сельскохозяйственная наука «считалась никому не нужным баловством»[196]. Возможно, по этой причине на всю Россию было открыто ***лишь три*** высших учебных заведения – Петровская земледельческая академия, Горигорецкий институт в Могилевской губернии и Петербургский лесной институт, но и они были созданы исключительно с целью подготовки управляющих в крупных имениях с винокуренными, сахарными или конными заводами, а также для обучения специалистов министерства государственных имуществ[197]. Во всех остальных случаях в земледельческой России «научное знание заменялось “опытностью”, которая котирова-

[196] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. 21. С. 26.

[197] Там же.

лась во много раз выше науки, хотя признаки опытности были совершенно неуловимы. При таких условиях было трудно ожидать какого-либо прогресса от сельского хозяйства, которое не располагало ни научными знаниями для увеличения производства, ни рынком для сбыта своих продуктов»[198], добываемых и перерабатываемых по старинке дедовскими методами. Основной инвентарь русского крестьянина практически не менялся с IX по XIX век: главными орудиями труда в крестьянском хозяйстве по-прежнему оставались «все та же соха и деревянная борона»[199].

Неурожай для крестьянской семьи был катастрофой. Саша Малиновский в период учебы в гимназии был свидетелем голода в Тульской губернии, сильно пострадавшей от неурожая 1891 г. Среди безмерного горя, когда от голода вымирали целыми семьями, островком благополучия выглядело только одно имение – в Ефремовском уезде под Тулой. Владельцем имения был профессор Петровской земледельческой академии Иван Александрович Стебут. У него количество выращенного хлеба и в голодный год было не ниже средних показателей, потому что ученый помещик знал: «урожай зависит не только от причин метеорологических»[200].

Для молодого Малиновского крестьянская трагедия сыграла роль наглядной иллюстрации положения без альтернативы для прогресса: *если бы знание нашло дорогу к незнающим, бедствия могло не быть*. Практический опыт убеждал, что масштабные преобразования объективной реальности возможны лишь тогда, когда научные открытия обретут статус «жизненных знаний». Значит, правы были революционеры-разночинцы 60-х гг., писавшие о том, что «люди благоденствуют или страдают в жизни по мере того, насколько они понимают или не понимают явления, составляющие и окружающие жизнь; улучшение их жизни состоит в том, чтобы они знали, что для них благодетельно и что гибельно, кто их друзья и кто враги»[201]. Рассуждения «шестидесятников» о роли познания в жизни каждого человека настолько соответствовали формировавшимся воззрениям юноши, что он сохранил до конца жизни приверженность идее научного прогресса как главного условия преобразования всех сторон жизни общества.

Своими мыслями Малиновский охотно делился с другими студентами, но полное понимание он по-прежнему находил только у бывших тульских гимназистов – Руднева

---

[198] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 26–27.
[199] Там же. С. 125.
[200] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 26.
[201] Антонович М.А. Избранные философские сочинения. М.: Госиздат, 1945. С. 275.

и Смидовича, которые тоже, как и Александр, учились на отделении естественных наук физико-математического факультета Московского университета[202], и сходки «коллективного думания» имели продолжение и в Москве. В тот период активные споры велись вокруг идеи «малых дел», возвращавшей молодых людей к теории Д.И. Писарева о реализме и реалистах базаровского типа – той проповеди отрицания настоящего во имя будущего, которая одних испугала, других озлобила. Ставка на сильных разрушителей привычного порядка, по мнению и тех, и других, порождала у молодежи презрительное отношение к пользе «малых дел», заставляла, забыв о судьбе и интересах ближнего, покориться грандиозной задаче общего блага[203]. Апологетов нигилизма (а к ним в первую очередь относили Писарева) обвиняли в том, что они способствовали превращению радикальной молодежи в людей, «не помнящих родства»[204], оплевывавших все человеческие ценности.

Команда «коллективного думания» к этой эмоциональной риторике отнеслась индифферентно. Но с мнением Герцена согласилась безоговорочно: «Нигилизм тот образ мышления, который “не превращает *что-нибудь* в ничто” и не видит в призрачном “ничто” “что-нибудь” <...>. Нигилизм – это наука без догматов, это безусловная покорность опыту и безропотное принятие всех последствий <...>, если они вытекают из наблюдения, требуются разумом <...>. Но в этом случае, когда за нигилизм выдается “обратная” позиция – отрицание фактов и мыслей в *ничего*, в бесплодный скептицизм, в надменное “сложа руки”, в отчаяние, ведущее к бездействию, тогда настоящие *нигилисты* всего меньше подойдут под это определение»[205].

Малиновский, Руднев и Смидович согласились с решением Д.И. Писарева сменить термин «нигилизм» на «реализм»: «*Реалист* <...> никого не пугает и не раздражает: il ne casse pas les vitres (не бьет стекол – А.Л.). Это слово тихое, краткое и глубокое»[206]. К типам реалистов в литературе Писарев относил Базарова и Рахметова. Любопытно, но факт: одним из партийных псевдонимов Малиновского впоследствии был «Рахметов», а Руднев, его преданный друг, единомышленник и соратник, всю

---

[202] Клебанер В.С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 76.

[203] См.: Гессен И.В. В двух веках. С. 47.

[204] Гессен И.В. В двух веках. С. 47.

[205] Герцен А.И. Еще раз Базаров // Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 20. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 349.

[206] Писарев Д.И. Посмотрим! // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 5. СПб.: Общественная польза, 1894. Стб. 158.

свою научную публицистику издавал под фамилией «Базаров». Задачи, стоящие перед реалистами, сам Писарев разделил надвое: во-первых, пока общество не готово к переменам, реалисты должны вести скрупулезную работу по распространению естественнонаучных знаний, обеспечивших по всему миру промышленный прогресс, и готовить общественное сознание к коренным переменам; во-вторых, реалисты обязаны возглавить массы в период ломки устаревших форм жизни.

Малиновский оказался проницательным сторонником позиции Дмитрия Ивановича, особенно по вопросам просветительства нации. Он был убежден, что без достижения определенного минимума народной культурности преобразования в обществе вообще невозможны. У юноши сложилось вполне зрелое и затем многократно повторенное мнение о том, что если смена общественно-политического и экономического строя вполне осуществима в результате молниеносного переворота, то на изменение духовно-нравственной составляющей жизни людей потребуются десятки, а может быть, и сотни лет, потому что «идеология или “способы мышления” – *самая консервативная* сторона человеческой природы: она в наибольшей мере способна удерживаться как пережиток прошлого среди новых жизненных условий и отношений и может являться сильнейшим тормозом на пути к будущему»[207]. Но чтобы непросвещенные массы могли понять смысл преобразовательных процессов, нужны *активные практические действия образованных людей по предварительной передаче соответствующих знаний*. Поэтому не споры о нигилистах, не агрессивная критика в адрес Писарева (этого – как тогда говорили его идейные оппоненты – «разухабистого трубадура Бюхнера и Молешотта»[208]), не его эпатажные публичные выступления против самодержавной власти волновали Малиновского, а сугубо рекомендации демократа-«шестидесятника»: «Пока наука не перестанет быть барскою роскошью, пока она не сделается насущным хлебом каждого здорового человека, пока она не проникнет в голову ремесленника, фабричного работника и простого мужика, до тех пор бедность и безнравственность трудящейся массы будут постоянно усиливаться, несмотря ни на проповеди моралистов, ни на подаяния филантропов, ни на выкладки экономистов, ни на теории социалистов. Есть в человечестве только одно зло – невежество, против этого зла есть только одно лекарство – наука; но это лекарство надо принимать не гомеопатическими дозами, а ведрами и сороковыми

---

[207] Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 307.
[208] Гессен И.В. В двух веках. С. 37.

бочками»[209].

Однако куда больше активных юношей конца XIX столетия воспринимали нигилизм исключительно как свое право и возможность «критиковать и ниспровергать», поэтому все чаще переустройство России связывалось с подпольной деятельностью смельчаков-революционеров. Озабоченные судьбой страны и народа, они руководствовались верой в то, что «с русским правительством легальная борьба невозможна и безуспешна»[210]. Убеждение окрепло, когда после покушений на генералов Трепова и Мезенцева, жандармского офицера барона Гейкинга, после вооруженных столкновений в Москве, Киеве, Санкт-Петербурге, Одессе, Старой Руссе, после демонстраций, фабричных забастовок и студенческих волнений самодержавие, не стремясь утвердить свой авторитет на моральной основе, «с необыкновенной последовательностью и слепотой»[211] тоже стало опираться на террор, встав на пагубный путь массовых репрессий. В результате преследований «учащегося юношества» ежегодно выбрасывалось на улицу «более шести тысяч молодых людей, озлобленных против общества и государства»[212]. Гонениям подвергались не только гимназисты старших классов и студенты, но даже «низшая народная школа была взята под подозрение и была лишь терпима как неизбежное зло, требовавшее суровых мер против проникновения в народную школу “излишних” знаний»[213]. Следовало ли после этого удивляться появлению в таких обстоятельствах девиза смельчаков-«бомбистов» – «Цель оправдывает средства»? По крайней мере, общество приняло этот девиз как должное.

Идеология терроризма, захлестнувшего в конце XIX в. Россию, заставила правительство спешно искать новую политическую доктрину, которая послужила бы противовесом теории экстремистов-народников. Руководителям страны показалось, что для такой роли вполне подойдет марксизм – модная на Западе материалистическая доктрина. Самодержавное правительство усмотрело в этом учении лишь новую экономическую теорию и даже выделило «субсидии через своего сотрудника на издание марксистского журнала <…>. Грамотные люди, читая про диктатуру пролетариата Маркса, не видели в ней террора и упускали из виду, что диктатура невозможна без террора, что террор целого класса

---

[209] Писарев Д.И. Наша университетская наука // Писарев Д.И. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1956. С. 121–122.

[210] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 106.

[211] Там же.

[212] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 107–108.

[213] Там же. С. 108.

неизмеримо ужаснее террора группы бомбистов. Читали и не понимали или не хотели понимать того, что значилось черным по белому»[214], – возмущался впоследствии жандармский генерал А.И. Спиридович, который в параллель со своей профессиональной деятельностью занимался еще и историческими изысканиями, составляя историю революционного движения России по архивным документам Третьего отделения[215].

Думать о пагубности марксизма для существующего строя не хотелось никому, ибо одни усматривали в новой теории некое подобие естественнонаучной дисциплины, дающей представление о политэкономии как инструментарии для анализа, прикладной этики для хозяйственной жизни[216]. Этой позиции была противопоставлена точка зрения тех, кто предпочитал связывать новую экономическую теорию с задачами либеральных преобразований в стране. По крайней мере, марксизм для них «был, несомненно, процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям»[217]. Большинство интеллигенции сходилось на том, что учение Маркса явилось практическим способом национального возрождения[218].

Как бы там ни было, а увлечение марксизмом в 90-е годы XIX в. стало «повальною болезнью русской интеллигенции <…>. Профессура, пресса, молодежь – все поклонялось модному богу – Марксу. Марксизм с его социал-демократией считался тем, что избавит не только Россию, но и весь мир от всех зол и несправедливостей и принесет царство правды, мира, счастья и довольства»[219]. Увлечение марксизмом, в самом деле, было повальным. Однако правдой было и то, что мало кто в самодержавной стране действительно понимал написанное в «Капитале». По воспоминаниям Исаака Христофоровича Лалаянца (1870–1933), соратника В.И. Ленина, ему довелось услышать откровения одной весьма доброй и хлебосольной учительницы по поводу того, как она «поссорилась с Марксом». «“Слышу, кругом все говорят: Маркс, Маркс, – рассказывала она как-то, – да что это я за дура за такая, надо же и мне прочитать его! Взяла, засела за него (речь шла о первом томе «Капитала» – А.Л.). Читаю, читаю... ничего не понимаю... все “сапоги – сюртук – холст, холст – сюртук – сапоги” – даже

---

[214] Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 133

[215] Коренев С.А. Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 21.

[216] Макашева Н.А. Сергей Булгаков: к христианской политэкономии // Общественные науки и современность. М., 1994. №3. С. 28.

[217] Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Международные отношения, 1990. С. 108.

[218] См., напр.: Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. СПб.: [Б.м.], 1903. С. VII ; Макашева Н.А. Сергей Булгаков: к христианской политэкономии. С. 28, прим. 6.

голова разболелась... Ка-ак возьму да шваркну книгу на пол – да будь ты проклят, если стану дальше читать тебя, что я, с ума, что ли, сошла!”»[220] Такая реакция на экономические выкладки «Капитала» была нередкой. И все равно мода на Маркса продолжалась: молодые интеллектуалы щеголяли цитатами из «Коммунистического манифеста», «студенческие комнатки и углы украшались портретами “великого учителя”, а также Энгельса, Бебеля и Либкнехта»[221]. Объяснялось это тем, что 90-е годы явились временем, когда «повысились умственные интересы интеллигенции, молодежь начала европеизироваться, стала читать научные книги, исключительно эмоциональный народнический тип стал изменяться под влиянием интеллектуалистической струи»[222]. Однако при этом молодые люди по-прежнему, как и их отцы в юные годы, продолжали читать Михайловского, Кропоткина и особенно Лаврова, ибо их философия тоже помогала неопытным умам определять свое отношение к основным вопросам сугубо русской жизни и соединять теорию с общественной практикой.

Александр Малиновский также штудировал европейские философские учения наравне с народническими теориями, поскольку стремился понять, почему зарубежные идеи плохо приживались на российской почве и почему именно с воззрениями народников многие интеллигенты связывали надежды на создание идеального общества. Жаркие споры в студенческих кружках не убеждали его в том, что причину российских бед следует связывать с общественным «бездорожьем». Он считал, что интеллигенции не послужат благом ее попытки слиться с народом, чтобы жить его нищей жизнью, по-братски разделив с ним и голод, и холод. Ему казалось, что это убогие программы, основанные на бесперспективных идеях. Не столь бесплодными казались А. Малиновскому доктрины «мятежного князя» П.А. Кропоткина и «учителя интеллигенции» П.Л. Лаврова: Кропоткин предлагал взглянуть на общество как на упорядоченную целостную систему, объединявшую людей посредством различных форм взаимодействия, а главным центром, вокруг которого должна рождаться общественная жизнь, по его мнению, могло быть только трудовое сословие – рабочие люди[223]; к этому выводу сами собой прибавлялись идеи Лаврова об основном свойстве рабочего класса, мощной объединяющей силе, необходимой для живого классового сотрудничества. Лавров по этому поводу писал: «Последняя борьба за

---

[219] Спиридович А.И. При царском режиме. С. 133.
[220] Лалаянц И.Х. У истоков большевизма. Зарождение РСДРП. М.: Молодая гвардия, 1934. С. 30.
[221] Спиридович А.И. При царском режиме. С. 133.
[222] Бердяев Н.А. Самопознание. С. 28.
[223] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 131–132, 175–176, 206–207.

существование между буржуазией, неспособной к солидарности, и сплоченным пролетариатом должна и фатально, и по праву кончиться в пользу последнего»[224]. С точки зрения Лаврова, никакой другой класс не наделен таким неистребимым чувством солидарности. Позиции этих мыслителей совпадали с мнением Малиновского, подчеркивавшего впоследствии, что пролетариат – это единственная социальная сила, которая способна «организовать» и себя, и других. Что касается монархического правления, то не только Малиновский, но и большинство студентов, относивших себя к прогрессивно мыслящей молодежи конца XIX столетия, готовы были подписаться под каждым словом кропоткинских «Речей бунтовщика» (1885), где говорилось о государственном устройстве России: «По-прежнему наши правители <...> проповедуют единение власти, сосредоточие власти, усиление власти в руках всесильного государства, тогда как жизнь все громче требует полной свободы личности. <...> Государство – т.е. политическое устройство, при котором все дела всего общества передаются в руки немногих, – будет ли то царь и его советники, или парламент, или республиканское правительство, – такая форма политического устройства отживает свой век <...>. Нужна независимость и полная свобода областей, городов, рабочих союзов, – сплоченных между собою <...> свободным договором, возникающим из взаимных обязательств, принятых на себя добровольно <...>. Государство создает целые армии чиновников – этих паукообразных обитателей затхлых канцелярий, которые мир знают лишь сквозь запыленные стекла да по грудам бессмысленных бумаг, написанных бессмысленным языком. Таким образом создается целая порода людей, знающих одного лишь бога – жалованье и наградные, – живущая одною лишь заботою: как бы примазаться к какой-нибудь партии: черных или белых, синих или желтых, лишь бы эта партия давала им побольше жалования за наименьшее количество труда»[225] Анализ антагонизмов российского общества, сделанный Кропоткиным и Лавровым, избавил студента Малиновского от нечаевского экстремизма и укрепил в мысли, что в социальной жизни людей должны господствовать правила взаимопомощи и солидарности, а не законы господства и подчинения, подавляющие личность. Без знакомства с доктринами этих ученых и революционеров скорее всего не было бы столь успешным постижение теории Маркса вскоре после ареста в конце 1894 г., когда полиция без какого-либо разбирательства в «торжест-

---

[224] Лавров П.Л. Социализм и борьба за существование (1875) // Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 379–381

[225] Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. Цит. по: Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 234 – 235.

венно-печальные дни» после кончины Александра III огульно приписала земляческим объединениям антиправительственную деятельность.

Нелепое стечение обстоятельств, связанное с приветственным адресом новому императору Николаю II от Союзного Совета землячеств, в сочетании с неизвестно кем тайно расклеенными по Москве листовками с призывами «Нужна республика! Долой полицию!», вызвало настоящий переполох в жандармском отделении[226]. Нестандартно написанная студенческая петиция с изложением «академических чаяний», реализация которых в духе европейских стандартов могла бы внести позитивные перемены в системе высшей школы, непостижимым образом слилась в сознании блюстителей порядка с пропагандистскими призывами листовок к свержению монархического строя. Ректорат Московского университета, несмотря на заступничество перед генерал-губернатором 42-х именитых профессоров, вынужден был подчиниться решению полиции и исключить 55 студентов, отправленных в административную ссылку на 3 года. Среди них был и Александр Малиновский[227].

2.2 Общая характеристика эпохи: к истории развития общественных сил на Западе и в России. Предпосылки перехода А.А. Богданова от народничества к марксизму

Александра Малиновского направили отбывать ссылку в Тулу, где он еще совсем недавно заканчивал гимназию. Она по-прежнему обучала подрастающее поколение, а школьная администрация, как и раньше, насаждала «казарменно-тюремные»[228] порядки. Дети из простых сословий посещали начальные воскресные школы, где с грехом пополам одолевали четыре правила арифметики, – и на том образование для подавляющего большинства обычно заканчивалось. В общем и целом в Туле, как и везде в провинциальной России, из 100 человек обучалось всего только 3–4[229]. Сам город тоже ничем не отличался от других – нестоличных – территорий, грязных, неприглядных, с тьмой кромешной по ночам. Однако здесь была «счастливая возможность познакомиться с обаятельным К.С. Станиславским (тогда еще лю-

---

[226] Орлов В.И. Студенческое движение... С. 266.

[227] Там же. С. 267–268.

[228] Богданов А.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат (репринт. изд.). М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 361.

[229] Горький М. С всероссийской выставки (впечатления, наблюдения, сцены и т.д. // Сб-к материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3: 70-е – середина 90-х гг. XIX в. М: Типография Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1956. С. 276–277.

бителем), Лилиной, А. Федотовым и др.»[230]. Они устраивали театральные представления. А еще некоторое разнообразие в жизнь горожан вносили интеллигенты, высланные из столиц в провинцию под негласный полицейский надзор. Мотивы, которыми при организации политической ссылки руководствовалась государственная власть, точно охарактеризовал известный либеральный земский деятель И.И. Петрункевич, тоже отбывавший ссылку в глухомани примерно в то же время: «...Никаких “идей” в этом захолустье и слыхом не слыхать, да и надзор будет не затруднителен»[231].

Во взаимоотношениях местных жителей царила бесцеремонная откровенность. Всё, столь характерное для российской глубинки, незыблемо сохранялось и здесь: город просыпался по фабричному гудку и засыпал с наступлением темноты, чтобы завтра с рассветом снова приступить к работе. Известные на всю страну оружейный и патронный заводы, которые раньше поглощали всю пролетарскую массу в городе, славились своими мастерами – тем особым сословием, которое вознаграждалось заслуженными привилегиями[232]. В помощь этим мастерам до отмены крепостного права присылались казенные крепостные, которые после 1861 г. были «перечислены» в мещане. Их заработки тут же упали из-за того, что на промыслы наложило руку купечество, а к концу XIX в. на передний план вышли «крупные капиталисты, владеющие мастерскими с десятками и сотнями наемных рабочих»[233], занятых скобяным, замочным, ножевым, самоварным, гармонным и иным производством.

Под началом выросших из вчерашних купцов тульских капиталистов находились не только рабочие, но и скупщики, которые привлекали к работе и городских, и деревенских кустарей-одиночек. При этом расценки за исполнение работы были крайне низкими: деревенским ремесленникам платили на 10 – 20 % меньше, чем городским, но эксплуатация и тех, и других была основным источником обогащения и фабрикантов, и скупщиков продукции. Жители Тулы вскоре обнаружили появление в городе немногочисленных групп скупщиков-монополистов, в то время как остальные были поставлены в тягчайшие кабальные условия. Тула не была исключением. Правда, пролетарская масса по-прежнему почти не интересовалась политикой и для ее пропаганды «была не луч-

---

[230] Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 113.

[231] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 122.

[232] См.: Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 371.

[233] Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 371.

шей средой»[234], зато остро нуждалась в компетентном наставнике, способном дать ответ малообразованным людям на волновавшие их вопросы. Чиновники, обязанные по долгу службы объективно информировать рабочих по вопросам трудовых споров, не торопились консультировать людей, которые в целях ликвидации своей безграмотности стали объединяться в полулегальные «кружки самообразования».

В Туле инициативу проявил оружейник Иван Иванович Савельев. Как позже характеризовал этого молодого рабочего сам А.А. Малиновский, «это был выдающийся, быть может, гениальный организатор, который, к несчастью, сгорел, не успев развернуться, через 5–6 лет; одна из прекрасных сил, загубленных проклятым прошлым. Он долго и безуспешно искал в этом, тогда весьма глухом провинциальном центре, интеллигентов для пропаганды социализма»[235]. На деле оказалось, что рабочим из кружка самообразования фактически требовалась не столько пропаганда социалистических идей, сколько подробное ознакомление с комплексом знаний, позволявших понимать окружающий социальный мир и оценивать свою роль в нем.

Трудно сказать, каким образом Савельев «нашел» Малиновского[236] и пригласил в рабочие кружки на оружейном и патронном заводах. Перед рабочими лектор-пропагандист предстал под псевдонимом «Сергей Васильевич», а иногда его называли по вымышленной фамилии – «Ершов»[237]. Опыт репетиторских занятий, приобретенный еще в школьные годы, мог быть в новом деле как нельзя более кстати. Но оказалось, что занятия в кружках потребовали иного подхода по нескольким причинам. Во-первых, работа велась не в стационарных и далеко не в комфортных условиях – «учащий и учащиеся» встречались «б*о*льшую часть года в близлежащих лесах, зимою в рабочих каморках»[238]. Во-вторых, по признанию Александра Александровича, его «неопытность была <...> велика»[239], научного багажа – почти никакого, представления о поставленной задаче неясны, сам он стоял «на распутьи между народничеством и марксизмом»[240]. Но хорошо, что в добровольных помощниках оказались позже присоединившиеся к нему бывшие товарищи по тульской гимназии В.А. Базаров (Руднев) и П.Г. Смидович. Последний через год эмигрировал из России, и ему на смену пришел сосланный в Тулу под негласный

---

[234] Покровский М.Н. Александр Александрович Богданов (некролог) // Вестник Коммунистической академии. М., 1928. Кн. 26(2). С. VI.

[235] Богданов А.А. О пролетарской культуре. 1904–1924. М.-Л.: Издательское товарищество «Книга», 1924. С. 239.

[236] Там же.

[237] Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. С. 11–12.

[238] Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 239.

[239] Там же.

надзор учитель начальной школы И.И. Скворцов-Степанов[241]. Те десятки юношей-рабочих, составивших костяк тульских кружков самообразования, не отличались особой умственной одаренностью и не успели пройти через жизненные испытания, которые закалили бы их, сделав убежденными революционерами. Просто они не хотели повторить судьбу отцов, а как это сделать, – не знали. В кружки «в подпольных условиях <...> они набирались случайно, по личным связям и по внешним признакам интеллигентности. Тем не менее они отнюдь не были просто пассивным материалом для педагогического воздействия»[242]. По крайней мере, на «товарища Ершова» они произвели именно такое впечатление, и это стало серьезным стимулом, чтобы отнестись со всей ответственностью к процессу обучения людей, которые, не имея полноценного образования, нацеливались с помощью грамотного наставника вырваться из плена стереотипного мышления и усвоенных с детства поведенческих принципов типа «каждый сверчок знай свой шесток», «плетью обуха не перешибешь» и т.п.

Первые же контакты со слушателями тульских кружков выявили для лектора-пропагандиста «Сергея Васильевича» острую необходимость экстренного восполнения пробелов в знаниях рабочих по вопросам общего мировоззрения. Суть проблемы состояла в том, что в царской России вопрос просвещения не решался веками вплоть до последней четверти XIX столетия, а низшие классы («чернь») безропотно мирились со своей необразованностью. О новостях, обо всех полезных сведениях и новшествах народная масса «узнавала в основном устной передачей»[243]. К концу правления Александра III простонародье получило возможность осваивать грамоту либо в начальных воскресных школах, либо в армии[244]. Однако ни армейская, ни народная школы не могли дать своим ученикам более того, что было предписано особыми циркулярами, так как «Иваны Безродные» требовались лишь в качестве рабочей силы определенной квалификации, и грамота «головотяпам» нужна была только для освоения какого-либо ремесла, а не для осмысления и анализа сути миропорядка. Несмотря на то, что в России совершался поворот в сторону европеизации, к капиталистическим формам производства, к фабрике, к заводу, и на то, что в обиход входили новые понятия, возникали непривычные отношения и потребности, тем не менее содержание новых форм жизни оставалось за пределами понимания большинства

---

[240] Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 239.

[241] См.: Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 239 ; Клебанер В.С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 76.

[242] Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 240.

[243] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 31.

[244] См.: Спиридович А.И. При царском режиме. С. 111.

населения России, ибо «почти никакая литература в его среду не проникала, а правительство зорко следило, чтобы не проникало особенно то, что будило мысль и раздвигало народный кругозор»[245]: самодержавие по стародавней привычке продолжало поддерживать невежество народа, компенсируя мировоззренческий вакуум консервацией традиционных понятий и нравов, которые выдержали проверку временем благодаря тому, что не входили в противоречие с интересами властей. Поскольку интересы правящих классов были противоположны задачам пролетариата, то осознание трудовыми слоями своей роли в жизни общества, а также понимание собственных специфических целей, различий и противоречий с другими сословиями катастрофически замедлялось.

Молодой наставник посчитал эти проблемы самыми существенными для российского рабочего движения, а их решение увидел в систематической и планомерной работе над развитием общей и правовой культуры пролетариев. Удручало обилие преград: во-первых, судя по состоянию экономики, рабочий класс России статистически представлял собой весьма незначительное меньшинство в трудовом сословии, и его влияние на общество было пока невелико; во-вторых, постоянное общение со слушателями в кружке Савельева открыло Малиновскому-«Ершову» глаза на не менее существенную проблему: «Сознательные элементы тоже еще меньшинство среди рабочего класса, активные – меньшинство среди сознательных»[246].

Опыт народнической интеллигенции при взаимодействии на «просветительской ниве» с безграмотным неимущим людом оказался малоэффективным, во-первых, из-за представления о людях «из народа» как о «детях по знаниям», но «стариках по жизненному опыту и основанному на нем мировоззрению»[247]; во-вторых, вследствие неверно выбранных методов распространения научных знаний в гуще простонародья: образованная интеллигенция «засыпала его миллионами экземпляров популярно-научных книжек, учреждала для него библиотеки и читальни, издавала для него дешевые журналы, и все без толку»[248]. Труды образованных радетелей пропадали даром, потому что в отвлеченных знаниях у непросвещенного народа потребностей не было. Он искал «знания исключительно практического, а именно двух родов: низшего, технического, включая грамоту,

---

[245] Спиридович А.И. При царском режиме. С. 30.

[246] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 112.

[247] Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. Сб-к статей. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 98.

[248] Там же. С. 99.

и высшего, метафизического, уясняющего смысл жизни и дающего силу жить»[249].

Поскольку Россия только к концу 90-х гг. XIX в. всерьез озаботилась проблемой роста капитализма «снизу» через насаждение его «сверху»[250], сохранилась ситуация, при которой новая форма эксплуатации переплеталась с многочисленными остатками старой, то пролетарская масса оказалась один на один с нерешенными вопросами, поставленными жизнью и осложненными новой социальной ситуацией. Поэтому вполне естественным оказалось стремление рабочих найти способ применения готовых рецептов, уже зарекомендовавших себя в жизненной практике других сословий.

Малиновский оценил эту проблему нестандартно, посчитав, что становление новой реальности требовало не освоения пролетариатом непривычных моделей поведения с начальством для решения производственных задач, а такого преобразования общих представлений об организации социальных процессов, форм и структур общественной жизни, которое давало бы понимание, чт***о*** же именно является мерой всех социальных вещей. Раз преодолеть мировоззренческую неоднородность в целом по России до сих пор не удавалось никому, значит, выход надо искать в мировом опыте. Поскольку вестернизированная интеллигенция по всякому поводу оглядывалась на европейские модели трансформации общества, то и Малиновский попытался понять, как осуществлялись перемены на Западе, когда «рабочий класс Европы стоял на очень низкой ступени развития. Забитость тогда была огромная, сознание только зарождалось <...>. В целом класс был *темною массой*»[251]. Зато европейский интеллектуальный авангард проявлял неуклонно возраставший интерес к проблеме активной социальной и жизненной позиции личности, к безграничным возможностям, заложенным в человеческой натуре, воспевал стремление «ввысь из низин», потому что «настали сроки взорлить»[252]. Однако поборники гуманистических идеалов Запада тоже столкнулись с тем, что в период начала перемен единственным безучастным элементом общественной жизни оставался ***народ***. Непритязательность и пассивная жизненная позиция этой категории европейского населения, не осознающей значения своего трудового вклада в процветание соотечественников, не получали ни оправдания, ни сочувствия у глашатаев нового мира, где все хотелось построить по законам целесооб-

---

[249] Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. Сб-к статей. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 99.

[250] Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. М.: Политиздат, 1978. Т. 16. С. 300.

[251] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 170

[252] Кампанелла Т. О себе / Европейская поэзия XVII в. Б-ка всемирной литературы. Т. 41. М.:

разности. Авангард общества отказывался понимать, почему простонародье, уже успевшее оценить, чем тяжелый труд отличается от каторжного при вводимых порядках, не торопилось принимать участие в становлении нового строя жизни. Тем не менее люди интегрировались в этот порядок, потому что вряд ли было что-нибудь ужаснее участи европейского деревенского жителя, о чем на Западе было написано немало книг, которые разными путями распространялись по миру. Например, русский перевод книги французского писателя Жана де Лабрюйера «Характеры или нравы нашего века» (1688), по-видимому, не случайно появился в 1889 г. в библиотеках Российской империи, потрясая буквально всех описанием трагической участи сельских бедняков Франции. Особенно запоминающимся был следующий отрывок этой книги: «По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные, с лицами землистого цвета, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; у них как будто членораздельная речь, а когда они выпрямляются на ногах, то мы видим человеческое лицо; и действительно, это – люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания и заслуживают того, чтобы не терпеть недостатка в хлебе, который сами сеют»[253]. Картина нищеты крестьян мало менялась даже тогда, когда рост городов предоставил части землепашцев возможность добровольно отказаться от прежнего статуса, сделавшись наемными работниками мастерской или фабрики.

А.А. Малиновский еще в школьные годы проявлял повышенный интерес к истории как европейских революций, так и российских событий 30 – 50-летней давности, черпая знания по книгам, случайно попадавшим в руки юноши, или по статьям старых публицистических журналов. Поначалу бессистемное чтение в дальнейшем обернулось исследовательским интересом: молодой человек обратил внимание на то, что в прошлом Запада имеются знаковые параллели с фактами российской действительности второй половины XIX в. Сопоставление наводило на мысль о сходстве некоторых социальных явлений. Во-первых, российский пролетариат, как и западный, вышел из крестьянской среды, и ему тоже пришлось приспосабливаться к новым условиям. Во-вторых, объявленное Манифестом 1861 года уничтожение крепостного положения для всего земледельческого населения России оказалось, как и в Европе, иллюзией свободы в условиях нечеловеческого

Художественная литература, 1977. С. 439.

[253] Цит. по: Пушкин А.С. Золотой том. Собр. соч. Изд. испр. и доп. М.: Издательский дом в Москве «Имидж», 1993. С. 770.

выживания и зависимости от милости тех, кто сделался господствующей силой.

Всё, с чем знакомился ссыльный студент А.А. Малиновский относительно судьбы пролетарского движения на Западе, убеждало его в том, что когда «история стояла у колыбели капитализма», не только для Европейского континента, но и для многих других территорий мира наступили жестокие времена. «Ломка старого патриархально-феодального уклада силою денег, натиском пробивавшего себе дорогу торгового, а затем мануфактурного капитала, совершалась грубо и беспощадно. Все средства были хороши в служении золотому богу. Пионерами и пророками нового строя явились “конкистадоры”, завоеватели новых стран, а по нашим нынешним понятиям – пираты и бандиты <…>. Жажда денег превращала прежние мягкие формы зависимости <…> в невыносимый гнет <…>, а в новооткрытых странах вслед за системой голого грабежа создавала невиданно-зверские формы колониального рабства»[254], – обобщил позже свои мысли об этом времени молодой исследователь, назвав изучаемый период истории человечества хаосом и безумием контрастов, которые имели свою «стихийно-простую» логику[255].

В конце XVIII и первой половине XIX в. на роль интегратора европейского общества стал активно претендовать буржуа, провозгласивший в качестве образца новый тип общественных отношений, основанных на принципах «честной наживы» и «свободы личности», которые декларировались в качестве главных условий созидания благ для новой социально-экономической формации. Ее основой мыслилась свобода личности, а сопутствующими факторами успеха и жизненного процветания объявлялись трудолюбие, бережливость и разумное употребление нажитого капитала. Эти благостные цели на деле достигались привычными для общества методами, применение которых определило утверждавшийся строй как «дикий», «хищный» и «нецивилизованный» из-за безудержного стремления новоиспеченных хозяев жизни как можно скорее сказочно разбогатеть. При этом свобода личности понималась новым сословием как вседозволенность в способах приобретении богатства. В публикациях английского профсоюзного деятеля Т.Дж. Даннинга, фрагменты которых широко использовали российские авторы статей по общественно-политическим вопросам современности[256], эта специфическая устремленность собственников образно представлена в виде характерной особенности хищника-буржуа: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии дос-

[254] Богданов А.А. Время перемен (очерк первый) // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 76–77.
[255] Там же. С. 75.
[256] См., напр.: Елисеев Г.З. Плутократия и ее основы // Отечественные записки. 1872. №2.

таточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы»[257].

А. Малиновский в процессе ознакомления с публицистической литературой в середине 1890-х годов обратил внимание на подобные проделки собственников, которые явно противоречили выводам большинства европейских и отечественных экономистов, понимавших под капиталом «продукт труда, который служит для дальнейшего производства»[258], а прибыль определявших как разницу между полученными доходами и расходами, затраченными на производство[259]. Но в таком случае, не соглашался со специалистами Малиновский, доход капиталиста должен иметь «такой же характер, как доход ремесленника»[260]. Однако на деле получалось иначе: размер дохода фабриканта находился в прямой зависимости от того, уплачивал ли собственник производства рабочим ***всю*** *заработную плату за вложенный труд, или отдавал* ***лишь часть***. Ссыльный исследователь взял за основу своих взглядов именно этот факт: рынок с его конкуренцией порождает частную собственность, ценность которой представлена «в виде известного количества ***денег***, а не в виде известного количества ***труда***»[261]. Только поэтому, считал он, так легко удалось фабрикантам превратить прибыль из компенсационной оплаты общественно-необходимого труда в свой доход, *сделав эту форму* ***общей*** *собственности* ***личным*** *капиталом владельца средств производства*[262].

Достигался этот результат еще и тем, что на фоне радикальных перемен, которые охватывали и порабощали целые народы, действия ординарного собственника-буржуа внутри европейских стран преподносились как образец миролюбия и толерантных отношений хозяина-работодателя и наемного работника, взаимодействие которых, как правило, переводилось из области организации производства в сферу психологии. Работодатель, выбирая наименьший риск для себя, достигал корыстных целей, опираясь на ходовые представления о том, что беден только ленивый, что чем больше и усерднее рабочий трудится, тем быст-

---

[257] Цит. по: Маркс К. Капитал. К критике политической экономии. Книга 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 770.

[258] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 93.

[259] См.: Богданов А.А. Краткий курс… С. 92.

[260] Там же. С. 92.

[261] Богданов А.А. Краткий курс… С. 89.

рее богатеет и он сам, и его хозяин, т.е. много и хорошо работать будто бы выгодно всем. Поэтому владельцы мастерских и фабриканты, оглядываясь друг на друга, явочным порядком увеличивали продолжительность рабочего дня сначала до 12–14 часов в сутки, а потом и до 16–18[263]. Хотя от такой интенсификации труда богател только хозяин, принятое им решение обратного хода не знало, а к горькой участи наемных работников европейское общество по стародавней привычке относилось с неизменной индифферентностью. Масштабы трагедии не виделись за фактами бесчеловечного отношения к пролетариям даже после того, как буржуазная пресса стала публиковать душераздирающие по воздействию на читателя материалы, такие, как, например, жалобы английских фабричных работников, при ознакомлении с которыми у неподготовленного человека «волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона»[264]. Малиновский брал на заметку подобные факты, потому что понимал: закон, защищавший интересы *только собственников*, и вправду служил серьезной помехой развитию правосознания рабочих и не стимулировал их на борьбу за улучшение условий труда и быта.

Молодой исследователь соглашался с теми публицистами, которые в своих статьях разоблачали методы эксплуатации трудящихся, объясняя пассивность пролетарских масс еще и тем, что повсеместно внедренная в производство потогонная система в сочетании с максимальным увеличением продолжительности рабочего дня не могла не стать сильнейшим разрушительным фактором: люди попросту лишались возможности восстанавливать изнуренные силы. Объективным показателем социального неблагополучия трудовых масс Европы стало их неукротимое желание забыться в алкогольной горячке от усталости, неустроенности, забитости и отчаяния. К несчастным, потерявшим человеческий облик, общество относилось с презрением, хотя и соглашалось с публицистами по поводу того, что максимальное обогащение собственников предприятий путем чудовищной эксплуатации низводило всякого рабочего «до положения хуже вьючного животного. Измо-

---

[262] Богданов А.А. Краткий курс… С. 93.

[263] См.: Богданов А.А. Краткий курс… С. 102.

[264] Пушкин А.С. Золотой том. Собр. соч. Изд. испр. и доп. М.: Издательский дом в Москве «Имидж», 1993. С. 770.

женный телесно и огрубевший духовно, он – только машина для производства чужого богатства»[265] – главной цели хищников-буржуа, которые, как ни в чем не бывало, продолжали игнорировать катастрофические последствия «диких», «нецивилизованных» методов управления и содержания пролетарских масс, обреченных в таких условиях влачить жалкое существование, не имея ни моральных, ни материальных сил бороться за достойную жизнь. На Западе совершенно искренне верили в то, что при буржуазном строе не может быть социальной иерархии, а людям «с беспокойным умом»[266] общественность рекомендовала волноваться открыто, обращаясь к закону. Имущим просвещенным европейцам просто в голову не приходило, что у пролетария элементарно не было ни физической возможности обращаться к закону (он трудился на фабриканта без выходных по 16–18 часов в сутки и ни в один суд попасть не мог), ни денег на оплату судебных тяжб (по свидетельству Вильгельма Вольфа, памяти которого Карл Маркс посвятил первый том «Капитала», рацион этих бедолаг был скуден и однообразен: они питались в основном картошкой, но чаще «варили суп из украденного сена и поедали падаль»[267]). Стало быть, рекомендации благостной европейской общественности не были рассчитаны на режим труда пролетарских масс и на толщину их кошелька.

Малиновский, изучавший университетский курс истории философской мысли, понимал: все это вместе взятое противоречило мировоззренческим принципам гуманизма, зародившегося в Западной Европе еще в конце XV – начале XVI в., когда первые гуманисты – юрист и баснописец Поджио Браччиолини, политик и купец Колюччо Салютати, один из отцов политологии Никколо Маккиавелли и др. – стали разъяснять соотечественникам, что *сословные различия не являются чем-то врожденным*, как было принято думать в Средние века. Но люди нигде не находили защиты своего ***права на достойную жизнь*** ни со стороны государства, ни со стороны общества и церкви, первой из всех организаций провозгласившей равенство людей. Эта ситуация продлилась вплоть до эпохи Просвещения: к прежним идеям изначального равенства людей просветители прибавили идею ***полного отказа от ограничений человеческой свободы***, поскольку подобные ограничения, по их мнению, противоречили природе человека и были несо-

---

[265] Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960. С. 147.

[266] Кюстин А. Россия в 1839 г. // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 495

[267] Цит. по: Энгельс Ф. Вильгельм Вольф // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 86.

вместимы с требованиями разума. Малиновскому, увлеченно читавшему литературу о просветителях, поначалу импонировала основная посылка их доктрин: он тоже считал, что *человеку необходимо лишь предоставить максимальную свободу, и тогда из него сама собой разовьется высокодуховная личность*. У ссыльного студента в конце XIX в. сомнений на эту тему пока еще не возникало.

Поколение просветителей, продолжившее традиции эпохи Возрождения, свято верило в то, что в Европе к началу XIX столетия удалось заложить фундамент буржуазной демократии. Считалось. что эталоном свободы и справедливости в преобразованном мире служила пресса, которая предоставляла читателям наиболее точные и проверенные сведения об обществе, и этим демонстрировалась, по заверениям европейцев, «благородная искренность правительства, одинаково правдивого» перед социальными верхами и низами, – своего рода свидетельство признания права каждого гражданина «знать, в каком положении находятся общественные дела»[268]. Малиновского, правда, смущало то, что журналистские расследования по поводу ужасающего положения трудовых слоев в разных уголках Европы благополучная западная общественность расценивала как публикации об особо уникальных случаях уродливого наследия феодального деспотизма, обреченного на небытие. Такая казуистика порождала миф о том, что нищим человек свободной страны становится исключительно по причине лени и склонности к вредным привычкам. Выход из этих общих и частных проблем виделся в распространении в обществе просветительских идей в полном соответствии с гегелевской «имманентной целесообразностью», а также «прогрессом духа и сознания свободы»[269], при которых исторический процесс воспринимался как поступательное движение к абсолютной истине[270], к искоренению негативных аспектов прошлого, к самоочищению общества. Либералы-просветители, занятые идеализацией буржуазного правосознания, были уверены, что время все расставит на свои места, классовые антиномии с годами разрешатся, благо людской ресурс неисчерпаем, а история человечества бесконечна.

Продолжение знакомства с просветительским опытом Европы и историей рабочего движения убедило Малиновского в том, что в реальности к концу XVIII – началу XIX в. на Западе все складывалось далеко не так оптимистично, как это представлялось европейским философам. Прежде всего, именно в этот период владельцы торговых и промыш-

---

[268] 1812 год. Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 55.

[269] Гегель Г.В. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. С. 72.

[270] Там же. С. 126–146.

ленных предприятий все чаще стали сталкиваться с объективно существующим физиологическим пределом, при выходе за который у интенсивно работающего человека рано или поздно начиналось неуклонно прогрессирующее падение трудоспособности из-за катастрофической изношенности организма. Падение трудоспособности сочеталось с ростом брака, аварий, увечий и т.п. негативных явлений. В ответ работодателями был применен репрессивный метод тотального контроля за деятельностью работников, а мерой воздействия на «ленивых» и «бракоделов» были избраны штрафы, достигавшие 80–90 % обещанной заработной платы[271]. Но даже эта жесткая мера не привела рабочих к массовому протесту, а хозяев к получению прежних показателей желаемой прибыли. В результате собственники так и не осознали необходимость корректировать свои требования и привычки. Документальных подтверждений у ссыльного студента Малиновского, разумеется, не было, однако логика европейских событий привела его к мысли о том, что не зря западному господствующему классу пришлось всё же считаться с бедственным положением пролетарских масс, поскольку противоречия капиталистической производственной системы выросли до столь критических параметров, что, наконец-то, обратили на себя внимание общества. Дело в том, что в Европе появилась огромная армия «работающих бедняков» – «labour poor», а продолжительность жизни «низших классов» катастрофически сократилась. В Англии, например, отчеты инспекции Тайного совета о пагубных последствиях массовой пауперизации поставили власти в тупик, а преподобный Томас Роберт Мальтус – тот самый, который еще совсем недавно призывал англичан не сетовать по поводу огромного числа умиравших нищих, – вдруг обеспокоился: «Если так будет продолжаться и дальше, то жизнь нации будет подорвана в самом своем корне!»[272] Общество обеспокоилось тем, что комфорт и безмятежность благополучных сограждан могли оказаться под угрозой. Впервые открыто заговорили об уловках фабрикантов по извлечению сверхприбыли и о том, что вслед за беспредельно «свободной» эксплуатацией пролетариев действительно пришла жесточайшая поляризация общества, чреватая не только разобщенностью, но и деградацией значительной части населения, а также – что не менее опасно – политическим кризисом, связанным со сменой убеждений большинства европейцев, медленно, но все же осознававших, что *прибыль, созданная трудом **многих** и оседавшая в кошельках **единиц**, – **не такое уж благо для всех***. Этот вывод диктовался от-

[271] Тощенко Ж.Т. Предмет и структура социологии труда // Социс. М., 2003. №3. С. 54.

[272] Цит. по: Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960. С. 147.

нюдь не пресловутой завистью к более успешным согражданам (эмоциональные аффекты вообще не могут служить основой для долговременной политической практики). Подобные настроения психологически ближе не всему обществу, а исключительно среде соперничающих друг с другом капиталистов. Поэтому Малиновский, знакомясь с историческим опытом формирования буржуазного строя, долго искал объяснение объективно возникавшей в каждой европейской стране ситуации массового неприятия порядков внутри частнособственнической рыночной системы, пока не обнаружил, что «условием жизненного равновесия»[273] в западном обществе мог быть только закон трудовой стоимости в капиталистическом обмене[274]. Его несоблюдение порождало противоречие, изначально обусловленное спецификой европейской организации общественного взаимодействия[275] и обнаруживавшее себя в последствиях неудержимой алчности товаропроизводителей-буржуа. Это обстоятельство оборачивалось тотальной дестабилизацией, при которой у капитала исчезала возможность компромисса как со старыми аристократами, составлявшими костяк властных структур, так и с рабочим классом, создающим все богатства страны, а в жизни общества наступал период объективной оценки того, что навязанная миру хищниками-буржуа сентенция – «капиталист кормит рабочих, дает им занятие и заработок» – оказалась отражением лишь формальной стороны взаимодействия фабриканта с наемным работником, в то время как фактическое положение того и другого на производстве и в обществе явно не соответствовало либеральным принципам.

Нарушение этих принципов не смущало в капиталистическом мире только либералов-собственников, в интересах которых разрабатывалось фабричное законодательство, легализовавшее сверхэксплуатацию рабочих. Но зато на отступление от принципов энергично реагировала активная часть либерально-демократических «промежуточных групп, так называемых полубуржуазных» (выражение А.А. Богданова)[276]. Во времена, когда в Европе господствующей силой стали буржуа-плутократы, состав полубуржуазии оказался довольно пестрым. Сюда причислялись представители государственной бюрократии, та часть образованных специалистов-профессионалов, которая стала «наемным организатором у капитала»[277], а также рантье, мелкие торговцы и ремесленники, высокооплачиваемые квалифицированные рабочие, – словом, люди среднего достатка. По большому счету

[273] Богданов А.А. От философии к организационной науке // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 114.
[274] Там же.
[275] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 70.
[276] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 289.
[277] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 123.

их мало волновало как невыносимое существование пролетариата, так и отсутствие у него правосознания. Зато появился страх, что из-за безнаказанного самоуправства плутократов, *презревших либеральные ценности во имя наживы,* полубуржуазия тоже могла пополнить ряды «labour poor». Возник этот страх не на пустом месте, так как опасность превращения всего европейского сообщества в эксплуатируемый ресурс хищников-буржуа представлялась более чем обоснованной после того, как больно ударявшее по карману собственников противоречие между методами эксплуатации, реальным положением эксплуатируемых и желанием расширять рынки вынудило буржуа на поиск более эффективных способов обогащения. Сделать это было непросто в условиях, охарактеризованных позже А. Малиновским как «голый беспорядок», при котором «анархическое сотрудничество товаропроизводителей, их рыночная борьба, их освобожденный теперь индивидуализм»[278] тяготели к таким отношениям капитала и труда, где «авторитарность хорошо синтезируется со строжайшим индивидуализмом, при условии, конечно, охраны "свободы труда" твердой властью»[279]. Соединить несоединимое хищникам-буржуа удалось путем внедрения технических новшеств в производство. В Европе случилось то, что получило название промышленного переворота (хотя сами европейцы до сих пор предпочитают называть это явление «промышленной революцией»). Собственник-капиталист сразу оценил преимущества машинной работы, главным из которых было то, что, «напр[имер], при машинном тканье один средний работник успевает сделать столько, сколько прежде 40 хороших ручных ткачей, <…> полмиллиона прядильщиков, работавших <…> при помощи машин, вырабатывали такое количество пряжи, для производства которого требовалось бы около 17 миллионов ручных работников»[280].

Такие подсчеты не могли не радовать хищника-буржуа, если бы не пагубные последствия, проявившиеся в жизни общества. *Во-первых,* машинное производство позволило собственникам отказаться от непроизводительного ручного труда и избавиться от «лишней» рабочей силы. От этого нововведения выиграли только фабриканты, но зато выросла армия неимущих безработных, и деклассированный элемент стал головной болью общества и государства, поскольку начались стихийные выступления терявших работу «ручных» пролетариев. Например, наемные ткачи, «вытесненные машиной», в 1826 г. разрушили ткацкие станки сначала в г. Блекберн (Великобритания), затем во

[278] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 122.
[279] Там же. С. 123.
[280] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 126.

всем графстве Ланкашир, где «в продолжение недели разгромили 17 фабрик и уничтожили 1 000 станков»[281]. *Во-вторых,* технические усовершенствования обеспечили хозяевам-промышленникам богатую выручку за товар высокого качества, поставляемый на рынок (его цена, более низкая по сравнению с продукцией ручного труда, многократно превышала издержки производства в связи с расширением рынка). Этому способствовала «величайшая точность во многих операциях» машинного производства: «такой точности ручной труд не достигает даже при наибольшем искусстве работника»[282]. Продукция более примитивных – кустарно-ремесленных – производств проигрывала в конкурентной борьбе за покупателя, обрекая мелких производителей на разорение. Они тоже пополняли ряды безработных со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. *В-третьих,* фабриканты могли восполнить вложения на приобретение технического оборудования и сохранить при этом максимальную прибыль только путем усиления эксплуатации сократившегося штата наемных работников. Людей, превращенных в придаток к работающей машине, использовали в высшей степени интенсивно на основании бытовавших представлений о том, что техника донельзя облегчает труд и что 16–18-часовое «ничегонеденание» на производстве не может причинить человеку ни вреда, ни переутомления. Поэтому фабрикант снижал плату за труд до минимума, поскольку «на рынке он вообще находится в более благоприятных условиях, чем продавец рабочей силы. Этот последний идет продавать свою рабочую силу тогда, когда ему нечем жить; <…> рабочей силы на рынке почти всегда больше, чем непосредственно требуется для предпринимателей»[283] Эти аргументы позволяли хозяину позиционировать себя в качестве благодетеля, спасающего ленивых бездельников от окончательной деградации, и поэтому к трудящимся, готовым в обмен на заработок предоставить любому власть над собой, владелец производства относился, словно к рабочему скоту, и так властвовал над пролетарскими массами, что прескверные условия содержания, низкая оплата труда, беспредельные штрафы и отсутствие элементарной техники безопасности обрекали рабочих на участь пауперов или инвалидов.

Знакомство с реалиями жизни западного общества дало А.А. Малиновскому понимание природы социальных антагонизмов, препятствующих достижению единства между людьми ради созидательной деятельности. Одновременно ссыльный студент получил жи-

[281] Богданов А.А. Краткий курс… С. 122.
[282] Там же. С. 130.
[283] Богданов А.А. Краткий курс… С. 132.

вое представление об организации материального производства и о роли участников в трудовом процессе. Для Александра Малиновского оказалось сюрпризом и то, что внедрение в производство нововведений, основанных на последних достижениях науки и техники, далеко не всегда оборачивалось благом: надежды на увеличение прибыли оказались иллюзорными из-за непредвиденно высоких расходов на ремонт дорогостоящей техники, так как ее поломки были обыденным явлением. На практике все совокупные расходы зачастую оказывались не по карману значительному числу собственников. В итоге разорение грозило многим, обрекая их на нищенство. «Все б***о***льшая и б***о***льшая доля производств сосредоточивалась постепенно в крупных предприятиях»[284]. Даже в промышленно слаборазвитой России эта тенденция поражала своей очевидностью: здесь «на долю средних и мелких фабрик, имевших менее 500 рабочих, приходилось в 1866 году 28 % общей суммы рабочих, а в 1894 году лишь 12 % <…>; из 100 аршин тканей, поступавших на рынок в 1866 году, половина была изготовлена на крупных фабриках, имевших свыше тысячи рабочих; в 1894 году фабрики этого типа выпускали на рынок уже ¾ всех изготовлявшихся в стране тканей. То же наблюдалось и в каменноугольной промышленности. В 1882 – 1883 гг. добыча угля на крупных копях с производством более 5 000 вагонов в год составляла около 40 % всей годовой добычи, а в 1894 – 1895 гг. уже около 80 %»[285].

Но самые большие потери в тот период собственники несли во время стихийных протестов, когда крупная машинная индустрия стала одерживать победу за победой над мануфактурным и ремесленным производством, а наемные работники включились в забастовочное движение: одни поддерживали стачечников из-за невыносимой системы эксплуатации, другие – из-за растущей безработицы, лишающей людей всех средств к существованию.

А. Малиновский, знакомясь с историей пролетарского движения на Западе, поражался не столько буйству протестной стихии, сколько поголовному непониманию всего населения, включая и рабочих, что объективное значение любого общественно значимого действия заключается *не в намерении, а в результате,* ***который сознательные люди обязаны заранее предвидеть***. Ведь разрушители станков, сами того не подозревая, действовали на руку крупным капиталистам, скупавшим за бесценок собственность банкротов. Собственники-богатеи, наживавшиеся на разорении других, и в самом деле никакой иной цели, кроме выгоды, не преследовали, хотя поразмышлять в сложившейся ситуации было над чем: если на производствах существовало хаотическое взаимодействие

[284] Богданов А.А. Краткий курс… С. 207.

множества элементов, участвовавших в трудовом процессе, то к началу XIX в. появилась довольно четко обозначенная упорядоченность производственных структур, где *организованность выступила как особый атрибут*. Крупным собственникам удалось *объединить пролетариев* ***физически***, собрав тысячи работников в рамках единого предприятия, *объединить* ***организационно***, подчинив множество предприятий немногим капиталистам, *объединить* ***идеологически***, создав условия для возникновения по-настоящему массовых протестных настроений внутри больших организованных коллективов. Нечего удивляться тому, что противостоящие друг другу общественные группировки одного класса (олигархи с их воинствующим всевластием и социал-либерально-демократическая полубуржуазия) только после европейских революций 1848 г. стали осознавать, наконец, главный итог победы капиталистической фабричной системы – создание объединенного условиями машинной индустрии и организованного самим капиталистическим производством рабочего класса как огромной ударной силы.

Это обстоятельство потребовало особого внимания со стороны ссыльного студента А. Малиновского, поскольку он после начала общения с рабочими в кружке И.И. Савельева обнаружил, что революционность пролетарских масс, хотя и *провоцируется бедностью, но объясняется не ею, а положением трудовых слоев в общественной системе*. Мысль Малиновского сводилась к тому, что, например, европейский пролетариат, несмотря на свою сложившуюся организованность, тем не менее в борьбе за свободу своего классового развития по-прежнему оставался под давлением «кровавого “усмирения”»[286]. В этой борьбе он «уже “потерял” значительную часть своих цепей <…>; у него бывают временные союзники <…>. Он только непременно должен и знать, и понимать этих союзников <…>, иначе возможно жестоко обмануться в своих расчетах <…>. Например, <…> во Франции в [18]48-м году <…> восстали и буржуазные классы, и рабочие: буржуазия больше руководила движением, рабочие больше проливали кровь <…>, буржуазия получила власть <…>, а <…> рабочий класс оказался и в борьбе такие же “предметом эксплуатации”, как и в обычной трудовой своей жизни»[287].

Ощущение того, что потенциально пролетариат – это реальная угроза для несправедливо организованной системы, вынудило господствующие структуры искать способ сохранения рабочих в положении абсолютной подчиненности и идеологической несамо-

---

[285] Богданов А.А. Краткий курс… С. 204.
[286] А.Б. (Богданов А.А.) Что такое либералы? Одесса: Издание Е.М. Алексеевой, 1906. С. 4.
[287] Там же. С. 3–4.

стоятельности. Выполнить эту задачу, по представлениям А. Малиновского, власть могла, лишь поставив под неусыпный контроль еще не осознавшую своей мощи пролетарскую ударную силу путем ее «приспособления» к существующему строю. Яркой иллюстрацией такого контроля над мировоззренческим развитием трудовых слоев общества служил «внешний радикализм программ и лозунгов, не соответствующий внутреннему содержанию»[288]. Рабочие, излишне доверяя призывам бороться за эгалитарные принципы, шли на баррикады, не осознавая, что логика практического взаимодействия между эксплуатируемыми и эксплуататорами в принципе не предполагала перемен к лучшему в жизни европейских «labour poor», поскольку на Западе самым распространенным было мнение о том, что если бедный добровольно соглашается работать на богатого, то «человек, который вознаграждается за потраченный труд и время деньгами, <...> обладает известной, по крайней мере кажущейся, свободой, а ведь *кажущаяся видимость составляет все для существа с ограниченным кругозором и безграничной фантазией* (курсив мой – А.Л.)»[289]. Столь беспринципная отповедь получила в Европе право на жизнь, несмотря на то, что она на протяжении столетий искажала «объективное положение вещей»[290]. Отговорка, что «всякий, кто работает за плату, волен искать себе другой вид работы, так как его труд не рассматривается как рента богача»[291], представляет собой образец лукавой менторской риторики, к которой прибегали господствующие классы, внушавшие пролетариату идею о бессмысленности борьбы за социальные преобразования и упорно навязывали ему свои представления и доктрины, тем самым задерживая развитие у рабочих классового самосознания.

Казалось бы, эпоха Просвещения предоставила рабочему классу возможность обрести свободомыслие, расширить мировоззренческий кругозор; прогресс практического знания, потребовавший реформ школьного обучения, суда, делопроизводства, наделил всех европейцев, в том числе и пролетариат, верой в преобразующую силу разума, в прирожденное равенство людей. Тем не менее политический прогноз о перспективах пролетарского движения на Западе не внушал А.А. Малиновскому оптимизма из-за нечетких представлений европейцев о том, что такое социализм вообще. Лектор-пропагандист тульских рабочих кружков самообразования взял на себя смелость опре-

---

[288] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн.1. С. 125–126.

[289] Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 446 – 447.

[290] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 129.

[291] Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. С. 447.

делить, что есть социализм. Малиновский исходил из того, что социалистическое общество – это формация, основанная на товарищеском сотрудничестве (не случайно в основе понятия socialism лежит латинское слово socialis, обозначающее не только «общественный», но и «товарищеский»). Отталкиваясь от этой формулировки и разобравшись в реальном положении европейского пролетариата XIX в., А. Малиновский определился с выводом: «хотя на арену истории выступил <...> коллективизм»[292], тем не менее «пока рабочий класс лишь стихийно и частично вырабатывает свои новые формы жизнеустройства, пока он не способен до конца обобщить их и сознательно прилагать их в интегральном масштабе, до тех пор вполне естественно, что он подчиняется чуждым формам, а его идеологи “выражают” и закрепляют <...> это подчинение. На каждой ступени своего развития рабочий класс имеет такой “социализм”, какого заслуживает»[293].

У А. Малиновского после ознакомления с историей рабочего движения на Западе появилась возможность оценить элементы сходства и различий в положении и умонастроениях российских и европейских трудовых классов, понять, что именно, кто и как влияет на формирование их самосознания. Первым, на что опальный студент сразу же обратил внимание, было то, что в России любая пропагандистская работа с народными массами привычно базировалась на неприятии существующего строя. Любопытно, но, например, и П.А. Кропоткин, идеи которого импонировали Малиновскому, отметил в качестве примечательной особенности общественной жизни России именно это обстоятельство: «Нелегальный орган («Земля и воля») называет себя социалистическим, но протестует только против самодержавия»[294]. Формированию нового общественного сознания критика противоречий, присущих общественному строю, безусловно, была чрезвычайно полезна. Однако нацеленность только на недостатки существующей системы, по мнению А. Малиновского, не могла способствовать развитию у пролетариата ясных представлений о том, чем справедливое будущее должно отличаться от несправедливого настоящего. А без них рабочий класс вряд ли полноценно сумеет осознать свою роль в мировых процессах.

Убежденность в том, что прогресс человечества невозможен без сознательных усилий каждого, без овладения знаниями прошлых поколений, привела молодого просветителя к мысли о необходимости нового способа передачи научных достижений человечества. «Товарищ Ершов» вынужден был отказаться от лекций на классический манер по универ-

---

[292] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 75
[293] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 129.
[294] Цит. по: Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 232.

ситетским учебникам: индифферентное отношение слушателей обнаружилось довольно быстро. Вопросы и комментарии молодых рабочих «к тому, что мы вместе читали, – вспоминал в 1918 г. сам Александр Александрович, – скоро убедили меня, что выбранные “пособия” не соответствуют их требованиям, и особенно – самому складу их мышления. Объяснительное чтение быстро превратилось в скучное предисловие, за которым следовали живые беседы, уходившие очень далеко от затронутых чтением сюжетов. В этих беседах стихийно и упорно выступали определенные тенденции, само собою намечалось определенное направление для ищущей мысли молодого лектора: соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры»[295]. Таким образом, роль подопечных Малиновского в процессе обучения оказалась «направляющей и регулирующей», поэтому ему «пришлось поневоле перейти к составлению собственного курса лекций»[296] с учетом всех особенностей изложения, доступного пониманию малосведущих лиц.

Решение это было весьма своевременным, потому что статус пролетариата России по сравнению с европейским был несказанно хуже. ***Во-первых,*** пролетариат Европы был многочислен, в то время как в России во второй половине XIX в. было около 860 тыс. рабочих, а доля городского населения в целом составляла примерно 8 % от численности жителей страны[297]. ***Во-вторых,*** европейский паупер, получая работу, занимался своей профессиональной деятельностью в промышленных центрах «постоянно и исключительно»[298], в то время как русский пролетарий, пришлый из деревни, даже и не рассчитывал быть рабочим в городе, а мечтал «только купить лошадь»[299], чтобы вновь крестьянствовать. По данным переписей населения Москвы 1870-х – 1890-х гг. исследователь А.С. Нифонтов определил, что из 308 тысяч крестьян, переселившихся из деревень в этот город, почти 90 % существовали за счет однодневных заработков – и лишь около 35 тысяч пришлых из сел находили себя в промышленной деятельности[300]. ***В-третьих,*** европейский пролетариат оказался поневоле более организованным и дисциплинированным вследствие специфических условий труда на крупном производстве, лучше интегрирован в городскую среду.

---

[295] Богданов А.А. Пролетарский университет // Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 240.

[296] Там же.

[297] Сахаров А.М., Кузнецов М.И. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Исторический очерк // Большая Советская Энциклопедия. Т. 22. М.: Сов. Энциклопедия, 1975. С. 223.

[298] Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. С. 144.

[299] Там же.

[300] Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 239–250.

Кроме того, благодаря реформам, проведенным еще в XVIII в. в эпоху Просвещения, рабочий класс Запада был грамотен, наделен более широким кругозором и ознакомлен с законодательством, а потому к концу XIX столетия чувствовал себя увереннее русских собратьев по социальному статусу и легче мог подключиться к консолидированной защите классовых интересов – пока еще, правда, только в форме забастовок. ***В-четвертых,*** европейский пролетариат не знал такого социокультурного отчуждения от национальной элиты, которое было характерно для России: произошедшее еще в XVIII столетии разделение на «два народа» сформировало специфический европоцентристский уклад в мировоззрении и строе жизни образованных сословий страны, стремившихся максимально дистанцироваться от собственного простонародья, от его «дикого» и «азиатского» быта. Это отчуждение было обусловлено ускоренной вестернизацией интеллектуальных «верхов» русского общества, сопровождавшейся некритическим усвоением элементов культуры, свойственных лишь привилегированным сословиям Запада. Образ жизни остального населения в Европе, как и в самой России, русскую элиту по большому счету не интересовал.

Вследствие этого в России пришлые из деревни ощущали себя временным и чужеродным элементом городской жизни, держались особняком, были беспомощны и беззащитны перед незнакомым миром. Особенно они робели перед придирчиво-властным начальством, обращение к которому, как правило, заканчивалось унижением просителей. Кроме того, даже единство труда давало рабочим России на производстве всего лишь «чисто механическое, бессознательное единение», хотя потребность найти единомышленников была велика. Это явилось велением времени и вместе с тем «больным местом» для каждого пролетария, особенно когда он оказывался вне пределов товарищеского общения и ощущал себя чужаком в непривычном и неприветливом мире. Его пугала непонятная городская жизнь, тем более, что разузнать о ней было не у кого, а знание требовалось, чтобы не попасть впросак, чтобы выжить: ведь в городах, с точки зрения сельского жителя, было так много знающего народу, что не угадаешь, кто научит дельному, а кто «вокруг пальца обведет».

Малиновский и сам сталкивался с тем, на что общественно-политические деятели России не раз обращали внимание: смышленым русским пролетариями из «мужиков» несложно «прививать <...> желаемые мысли, они очень легко их схватывают и впитывают»[301]. Но спустя короткое время обнаруживалось непостижимое: «привитые» мысли каким-то не-

[301] Ауэрбах В.А. Революционное общество // Архив русской революции. Берлин, 1925. Т. 16. С. 56.

объяснимым образом корректировались и вытеснялись тем комплексом идей, который с детства формировал сознание человека крестьянской общины. Удивляло то, что на «наивные» вопросы, волновавшие простонародье, не сразу удавалось найти ответ, адекватный их мировосприятию. Многих добровольных агитаторов, ходивших «бунтовать» народ, смущало то, что они «не знали, как подойти к массовому рабочему, каким языком заговорить с ним»[302]. Приводила в смятение и нелогичность пролетарских масс, которые легко поднимались на кратковременный протест, но от стачек к осознанной борьбе против царизма переходили единицы. Лидерам российской оппозиции не удавалось революционизировать пролетарские массы с помощью листовок и прокламаций, т.е. действовать, как на Западе, не получалось. Но просчет был очевиден: у западного рабочего класса уже была сформирована убежденность в торжестве демократических принципов, а в России трудящийся человек даже не надеялся дожить хотя бы до такого государственного порядка, задача которого, по выражению философа Владимира Соловьева, состояла «не в том, чтобы сделать земную жизнь раем, а в том, чтобы не допустить ее стать адом»[303].

Малиновский, размышляя над причинами бесправного положения трудовых масс в России, поневоле соглашался с теми, кто считал, что в Отечестве на протяжении почти всей истории государства целенаправленно насаждалось непропорциональное разделение прав и обязанностей между многомиллионной рабски-эксплуатируемой, сплошь безграмотной чернью и малочисленной, но всемогущей просвещенной элитой. Представители привилегированного сословия, еще со времен Петра I жившие по образу и подобию европейцев и презиравшие «мужицкий» способ существования подавляющего большинства соотечественников, «слишком офранцузились и онемечились, чтобы понимать все русское»[304].

Наблюдалась и еще одна особенность общественно-политической жизни России, на которую А. Малиновский не мог не обратить внимания. Речь о том, что на протяжении всего XIX в. пресса России бесцеремонно игнорировала требование документальной достоверности, излагая в своих публикациях реальные события сугубо в свете редакционных политических предпочтений. Например, в Москве 3 апреля 1878 г. имела место драка толпы со студентами, пожелавшими выразить сочувствие и поддержку арестованным учащимся Киевского университета, которых везли через Москву на поселе-

---

[302] Шкаренков Л.К. История Российской социал-демократии (под ред. Мартова Л.) // Социальная демократия в России. Исторические аспекты. Реферативный сб-к. М.: [Б.и.], 1994. С. 60.

[303] Цит. по: Франк С.Л. Религиозные основы общественности // Путь. Париж, 1925. № 1. С. 29.

[304] Кельсиев В.И. Исповедь // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 201.

ние в провинциальную глушь под надзор полиции. «Московские ведомости» преподнесли это событие как результат возмущения народа против «изменников белого царя»[305]. Однако либеральные «Русские ведомости» это же шокирующее происшествие изобразили в качестве расправы над мирными демонстрантами со стороны молодчиков «буйствующей черной сотни»[306]. Вслед за инцидентом вся страна была свидетельницей политизированной полемики между «Московскими» и «Русскими ведомостями», а затем и между другими изданиями, которые подключились к перепалке. Причем такие популярные газеты, как «Биржевые ведомости», «Голос», «Петербургские ведомости» и даже «Новое время», оказались на стороне «Русские ведомостей», возмущенных «“попустительством” со стороны властей»[307], которые якобы благоволили избиению прогрессивной молодежи. После знакомства со словесными баталиями между газетами у Малиновского зародилось сомнение в непреложности суждения о том, что в споре рождается истина, потому что практика убеждала: в ходе полемики оппоненты в действительности демонстрировали всего лишь притязание на непререкаемость своих позиций. При этом любая пламенная речь вносила ясность в мировоззренческие представления только тех слушателей, которые уже утвердились во взглядах. Но для людей, не определившихся в идейных воззрениях, полемика не могла служить средством формирования убеждений.

На эту особенность полемических баталий Малиновский обратил внимание еще во время дискуссий на встречах студенческих землячеств в Москве, когда в пылу полемики оппоненты уходили от цели спора, демонстрируя полное непонимание сути разногласий между теми, кто связывал будущее России с деревенской общиной, освобожденной от крепостной зависимости, и теми, кто надеялся изменить политический строй империи в соответствии с «идеальным мироустройством» á la Europe. И те, и другие горячо доказывали, что они стремятся повести население огромной страны к свободной, благополучной и счастливой жизни. Однако в оппозиционных кругах практически не наблюдалось тех, кто отнесся к реформе 1861 г. как к катастрофе, к которой ни одно сословие империи фактически не было готово. И что уж совсем худо – в России практически не наблюдалось тех, кто знал ответ на самый важный вопрос: почему простонародье увидело в реформе «ложь верхнего слоя жизни»[308]?

Однако ответить на этот вопрос оказалось непросто: реформа 1861 г. ничуть не

---

[305] Цит. по: Достоевский Ф.М. Письма. В 4-х т. Т. IV. М.: Гослитиздат, 1959. С. 354.
[306] Цит. по: Указ. изд., с. 353, 354.
[307] Достоевский Ф.М. Письма. В 4-х т. Т. IV. М.: Гослитиздат, 1959. С. 354.
[308] Там же. С. 19.

меньше крепостного строя с его чудовищными злоупотреблениями исказила представление об ответственности «верхов» перед «низами», которое было деформировано настолько, что *реальная роль* земледельческой общины в судьбе империи вообще выпала из поля зрения всех неземледельческих слоев населения. Их нежелание считаться с интересами государствообразующего сословия привело к тому, что к середине XIX столетия российское крестьянство вынуждено было самоорганизоваться в особую социально-экономическую структуру, ориентированную на выживание внутри помещичьего строя, сохраниться в котором бесправному сословию можно было только сообща. В этой среде, уже давно потерявшей надежду на обретение свободы, интерес к проблеме отмены крепостничества не иссякал, но и не получал развития в силу того, что в России крестьяне были не субъектом, а объектом права, и все решения в отношении простонародья принимались властью в закрытом режиме.

Та же картина наблюдалась и накануне 1861 года: стомиллионная армия крепостных не имела ни малейшего представления о том, какую участь готовило ей царское правительство. Зато многие крепостники при попустительстве чиновников успели воспользоваться неосведомленностью крестьянского населения и мошенническим путем, а также подкупами бюрократов успели до обнародования манифеста перевести лучшие земли общинников в помещичьи владения, особо не печалясь о последствиях содеянного.

Чем больше А. Малиновский знакомился с народнической публицистикой, тем острее воспринимал иррациональность дворянских манипуляций с общинной землей при бездействии властных структур. Земельная аристократия, добивавшаяся таких управленческих реформ, которые поставили бы ее ***над*** императором, фактически ломилась в открытую дверь, поскольку, по выводам А. Малиновского, «наша по преимуществу крестьянская страна управлялась для дворян и через дворян»[309]. Потверждением этого вывода являлось то, что преобладающая часть злостных помещичьих правонарушений обычно оставалась без последствий, так как даже «не восходила до судов, быв заминаема при производстве следствий»[310].Спесь и алчность властолюбивых помещиков воистину не знали границ, хотя при этом они хорошо осознавали, что не только «для крестьян “земля и воля” – вопрос жизни и смерти»[311]. Умом каждый понимал, что пре-

[309] Богданов А.А. Современное положение и задачи партии // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 41.
[310] Скалдин Н. (Еленев Ф.П.) В захолустье и в столице // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3. М.: Изд-во Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1956. С. 56.
[311] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 89.

небрежение жизненными интересами практически всего населения России в угоду амбициям малочисленного дворянства означало приближение гибели страны и нации: доведение до разорения, деградации и смерти податного сословия вело к полной потере экономической основы благополучного существования корыстолюбивой аристократии, а для великодержавной империи ситуация гарантированно могла обернуться всеобъемлющим отставанием от соседних развитых государств и превращением России в их колонию. Однако нежелание крепостников поступиться своим правом хозяев внутри страны толкало их на торг с царем по принципу «Быть по-нашему вели!»

Информация о подробностях подготовки отмены крепостного права оставалось закрытой для широкой российской общественности даже после обнародования Манифеста от 19 февраля 1861 г. Лишь через несколько лет после его объявления в печати стала приоткрываться завеса государственной тайны, возникшей «per ordre de Mufti»[312]. Для многих обернулось настоящим шоком появление статей Н. Скалдина (Ф.П. Еленева) «В захолустье и столице» (1868), Грыцько (Г.З. Елисеева) «Плутократия и ее основы» (1872) и «Крестьянская реформа» (1874), книги земского деятеля А. Головачева «Десять лет реформы» (1872). Достоверность подобных публицистических выступлений подтверждалось статистическими данными XXII тома официальных материалов Комиссии для пересмотра системы податей (1873), отчетов Министерства государственных имуществ (1871 – 1878), а также сведениями из «Синих книг» сельскохозяйственных комиссий[313]. Оказалось, что разработчики первоначальной программы вообще планировали дать крепостным одну только «волю» – без земли и крыши над головой. Г.З Елисеев, входивший в редколлегию «Отечественных Записок», в статье «Крестьянская реформа» поведал «без обиняков» о том, что губернские депутаты учинили «в комиссиях ожесточенную борьбу за сокращение крестьянских наделов до крайнего минимума, даже до обезземеливания»[314]. Причем все дебаты сводились к варьированию одной-единственной мысли «о том, как это хорошо будет в России, когда она уподобится Англии, когда у мужика <…> земли не будет <…> вовсе <…>, и он натурально будет поставлен в необходимость арендовать господские земли. Какие <…> огромные ренты бу-

[312] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 423. Фраза взята из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» и использовалась в то время в значении «по высочайшему распоряжению».

[313] Маркс К. Заметки о реформе 1861 г и пореформенном развитии России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 434.

[314] Грыцько (Елисеев Г.З.) Крестьянская реформа // Сборник материалов к изучению истории

дут получать землевладельцы русские, пожалуй, еще покрупнее, чем в Англии!»[315]

Столь откровенно инфантильные прожекты господ-помещиков на фоне обсуждаемой темы имели скрытый подтекст. Поскольку в России *все знали*, что крепостные в силу своего зависимого положения бедствовали и не могли обеспечить платежеспособный спрос на аренду земли, то дворяне скорее всего рассчитывали на выгодную сделку с монархом. Причин торговаться было предостаточно: за годы правления Николая I общая сумма помещичьей задолженности государственным кредитным учреждениям увеличилась в 4 раза, и к 1858 г. дворянами было заложено 44 166 имений с примерно семью миллионами крепостных «ревизских душ», а совокупный объем долгов земельной аристократии по взятым кредитам составил 425 503 061 рублей[316] – прежде всего, по причине широко практиковавшегося «перезалога» поместий, при котором землевладелец последовательно брал из имперской казны *несколько займов под одно и то же недвижимое имущество в качестве обеспечения* и с непременной отсрочкой выплаты задолженности за взятые ранее средства.

На протяжении многих десятилетий жажда обогащаться, не трудясь, постепенно превратилась из человеческого пожелания в генеральный императив социально-экономической жизни господствующего сословия и в конце концов подчинила себе все помыслы имущих слоев России. В этой среде мерилом успешной жизни человека стали капитал и праздное существование «без нужды и цели»[317]. В итоге сформировалась амбициозная элита, «удивительно шествующая во времени» без «добрых навыков» и «твердых убеждений», мыслящая, подобно «детям, которых не заставляли рассуждать»[318]. Инфантилизм тех, кто по положению обязан был заботиться о благоденствии и процветании Отечества, подпитывался несокрушимой уверенностью в своем праве презирать собственный угнетаемый народ и требовать от него избавления привилегированной верхушки от всех наболевших проблем империи. Поэтому, когда началось царствование Александра II, государь заставил представителей российского дворянства познакомить его с правдой и «откровенным

русской журналистики. Вып. 3. М.: Изд-во Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1956. С. 64.

[315] Грыцько (Елисеев Г.З.) Указ. соч. С. 65.

[316] См.: Литвинов М.А. История крепостного права в России. М.: М.В. Клюкин, 1897. С. 336 ; то же утверждается в статье К. Маркса «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России» со ссылками автора на данные Редакционной комиссии по подготовке проектов реформы под председательством Я.И. Ростовцева от 29 апр. и 20 мая 1859 г. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 425).

[317] Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 год. Старые люди // Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 44.

[318] Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и

изложением всех недостатков», а в марте 1856 г. российская аристократия узнала от монарха, что страна нуждается в «освободительной реформе, соответствующей требованиям века»[319]. И чтобы отпали все сомнения в намерениях Александра II, он «приглашал дворян “обдумать, как бы привести все это в исполнение”»[320]. Хотя царь закончил свою речь знаменательной фразой: «Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу»[321], – крепостники тут же отреагировали привычным образом. Они разделились на партии и стали проводить время за дискуссионными обсуждениями: одни боролись за освобождение крестьян с землею (без которой «будет беда!»), другие же вообще не хотели освобождения крепостных, «но как это сделалось уже невозможно, то придираются к земле, считая ее неотъемлемою собственностью владельца, как будто бы ***до дарования крестьян с землями помещикам*** они жили только воздухом и водою! Эта последняя партия чрезвычайно сильна, и лица, ее составляющие суть первые магнаты в государстве и правительстве»[322], – писал 5 января 1860 г. брат бывшего декабриста Н.Н. Муравьева – Александр. Именно этим всесильным крепостникам-латифундистам как раз и хотелось получать с мужика «огромные ренты» вопреки реальному состоянию экономической системы империи.

В ходе полемики вскрылись факты, о которых в России принято было помалкивать. По словам барона М.А. Корфа, в те времена управлявшего Императорской библиотекой, финансы России накануне Отечественной войны 1812 г. «определялись так: 125 млн дохода, 230 млн расхода, 577 млн долга и ни малейшего запасного фонда». «Усиленные выпуски ассигнаций были тогда единственным средством покрывать дефициты, из года в год угнетавшие бюджет <…>, курс бумажного рубля <…> дошел до 20 коп. на серебро»[323]. После победы над Бонапартом Александр I теоретически мог поправить финансовую ситуацию за счет репараций с поверженной Франции, но в 1814 г. репарация не была взята, а в 1815 г. после наполеоновских «ста дней» контрибуция полностью расходовалась на содержание оккупационных российских войск. В результате интенсивной эмиссии бумажных денег к 1820 г. «рубль крупным серебром ценили в 4 рубля ассигнациями.

письма. М.: Правда, 1991. С. 25, 26, 28.

[319] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Платонов С.Ф. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. СПб.: [Б.и.], 1993. С. 692.

[320] Там же.

[321] Там же.

[322] Задонский Н.А. Жизнь Муравьева. Документальная историческая хроника. М.: Современник, 1985. С. 412–413. Курсив в цитате мой – А.Л.

[323] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Платонов С.Ф. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. СПб.:

Рубль мелким серебром равнялся уже 4 руб. 20 коп. ассигнациями. А за рубль медью давали ассигнациями всего 1 руб. 08 коп. Таким образом, не существовало даже единого курса обмена металлических денег на бумажные»[324].

После устранившей эту дезорганизацию денежной реформы, которая упорядочила финансовую систему, при Николае I государственный бюджет достиг стабильности внутреннего оборота, получив 559 млн руб. доходов и 553 млн руб. расходов[325]. Но даже при таких устойчивых показателях Россию ожидала стагнация. Зато Европу, чье благополучие зависело от экспорта готовых товаров на русский рынок, нехватка финансов на развитие промышленности в России более чем устраивала. Однако неожиданно картина изменилась: если в 1825 г. в «отсталой» России производилось продукции всего на 46,5 млн руб., то в 1850 г. – уже на 167 млн, и столь высокие показатели роста российского производства были для Запада большим сюрпризом[326], на который последовала незамедлительная реакция. Поскольку за промышленным ростом России во второй половине XIX в. стояли внешние денежные заимствования (иным способом было весьма затруднительно приобрести новейшие технологии, фактически монополизированные Западом), то в этих условиях европейские государства воспользовались подвернувшимся вслед за Крымской войной шансом отыграться на беспрецедентном взвинчивании ежегодных процентных ставок по кредитам – с 10 млн руб. серебром до 194 млн руб. золотом, вследствие чего внешний долг Российской империи за 50 лет вырос с 221 млн руб. до 5 млрд руб.[327]

Вполне естественно, что при таком мощном внешнем дестабилизирующем воздействии на финансовую систему продолжение государственной поддержки помещичьего сословия (напомним: задолжавшего казне свыше 425 млн руб. и явно не собиравшегося рассчитываться) превращалось в непозволительную роскошь. Естественно и то, что для молодого императора Александра II «вопросом первой важности, настоятельнейшим, неотложнейшим» оказался ***вопрос податной***[328], потому что без наполнения казны тут же оскудеет не только жизнь двора, всей верховной элиты и помещичьего сословия: умень-

---

[Б.и.], 1993. С. 656, 676.

[324] Тюрин А.В. Оболганный император. Правда о Николае I. М.: Яуза-Эксмо, 2010. С. 492.

[325] См.: Рамбо А. Живописная история древней и новой России. С. 418.

[326] См.: Тюрин А.В. Оболганный император. С. 500–501. Согласно данным Л.В. Выскочкова, общее количество промышленных предприятий в Российской империи за период с 1825 по 1860 год увеличилось с 4189 до 15 338, а численность работников на них превысила полмиллиона (См.: Выскочков Л.В. Николай I. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 226).

[327] См.: Тюрин А.В. Оболганный император. С. 500–501. Сходные данные приводят также А. Хинштейн и А. Мединский (См.: Хинштейн А., Мединский А. Кризис. С. 434 – 435).

[328] Елисеев Г.З. Плутократия и ее основы // Отечественные записки. 1872. №2.

шится содержание государственных служб и казенных заводов, замрет общественная жизнь, пострадают армия и флот, гарантирующие безопасность, а главное – нечем будет платить по многомиллиардным внешним кредитам. Тогда само существование империи будет поставлено под вопрос. Поэтому слова царя о «революции сверху» дворяне поняли так: после отмены крепостного права за «вольными» крестьянами *любым способом* необходимо сохранить обязанность по-прежнему безропотно платить в казну – причем столько, сколько потребуется на государственные нужды. Для этого земледельцы должны стать, в соответствии с европейскими нормами, *либо землевладельцами* (что объективно невозможно по причине их бедности), *либо поголовно наемными работниками* (что попросту неосуществимо, поскольку ни село, ни город не могли справиться с одномоментным наплывом беспрецедентного числа безработных). Поэтому требовался такой вариант, который сохранил бы за стомиллионной крестьянской массой функцию основного донора имперского бюджета.

Решение нашлось неожиданно: проще всего было перевести всех помещичьих крепостных в государственные. Так поступал Николай I, когда дело коснулось крестьян присоединенных территорий или когда государство указом от 1827 г. приписало себе беглых крепостных в Новороссию, заплатив владельцам-помещикам компенсацию из казны за всех невозвращенных; также в число государственных крестьян попали бывшие «хлопы» конфискованных польских имений, «вольные хлебопашцы», ставшие крепостными империи по указу от 1848 г., и т.д. Дворянам, особенно идейным крепостникам, конечно, никак не хотелось лишаться дармовых работников и уж совсем не было желания отказываться от земельной собственности. Но обстоятельства складывались пугающе: что если Александр II последует примеру Николая I и, не считаясь со сложившимися частноправовым характером крепостничества, примет самостоятельное решение приписать государству всех крепостных, демонстрируя дворянам, что «самодержавная власть не нуждается для своего сохранения во власти помещичьей»[329]. Поэтому в угоду «политическим, может быть, неизбежным потребностям»[330] крепостники-«зубры» согласились на «новый вид закрепощения»[331], основой которого стал перевод частновладельческих крепостных в государственные.

---

[329] Тюрин А.В. Оболганный император. С. 468.

[330] Грыцько (Елисеев Г.З.) Крестьянская реформа // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3. С. 63.

[331] Там же.

В итоге появилась программа, представлявшая собой противоречивую смесь из новых капиталистических принципов и старых крепостнических отношений. По этой программе каждой крестьянской общине выделялись надельные земли, рассчитанные только на обеспечение «исправного отбывания крестьянством государственных повинностей»[332]. При этом была безоговорочно проигнорирована потребность каждой крестьянской семьи в средствах для собственного жизнеобеспечения.

Насколько надел был мал, можно судить по тому, в какой несправедливой пропорции распределили землю в густонаселенной европейской части России. По данным, обнаруженным в печати А. Малиновским, выходило следующее:

«У казны, уделов, монастырей и др. учреждений.....155 милл. дес[ятин]

У частных лиц (главным образом, у дворян).....101,5

Надельной земли.....138,5

Эти 138,5 милл[ионов] десятин приходились на 12,5 миллионов крестьянских дворов, и из них <…> немало дворов с одной, полутора и двумя десятинами земли. Между тем из 101,5 милл[ионов] десятин частновладельческой земли 79,5 милл[ионов] было сосредоточено в руках всего 138 тысяч крупных помещиков, так что в среднем на каждого из них приходилось почти по 600 десятин»[333]. При этом общинникам не сказали самого главного: объявленное на весь мир Александром II право свободно существовать на «надельной» земле русские крестьяне будут выкупать в течение всей своей жизни. ***И пока не выкупятся – они бесправны***, т.е. реформа 1861 г. породила в самодержавной империи более ста миллионов казенных должников – не-граждан. Об этом в стране сначала считалось излишним говорить на фоне эйфории по поводу того, что наконец-то в России уничтожено рабовладение, а потом эта информация и вовсе выпала из поля зрения общественности. И лишь по расчетам специалистов из главного комитета по обязательному выкупу можно было узнать, что *«только в 1932 году последний крестьянин по закону развяжется с крепостными обязательствами»*[334]. Что такое положение признавалось приемлемым и строжайше соблюдалось, подтвердить мог и сам Малиновский как свидетель того, что в начале 1890-х годов ***внуки*** *все еще продолжали выкупать свою «волю»,* ***официально вроде бы дарованную царем-освободителем еще их дедам***.

И это еще не все сюрпризы, которые власть подарила простонародью вместе с «не-

---

[332] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 24.

[333] Богданов А.А. Современное положение и задачи партии // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 39–40.

[334] Литвинов М.А. История крепостного права в России. С. 341. Курсив в цитате мой – А.Л.

свободной свободой». Оказалось, бывшим крепостным вменили в категорическую обязанность выкупать надел, назначенный дворянской комиссией без учета согласия крестьянской семьи и «без принятия в соображение почвенных особенностей участка»[335]. Кроме того, крестьянину после реформы давали земли меньше, чем у него было при крепостном праве, причем площадь «надельного» участка «была искусственно приведена к одной общей мерке»[336]. Людей ущемляли даже в том, что наделы оценивали не по действительной, а по назначенной стоимости: «каждая десятина оценена в 29 руб. 63 коп., считая здесь и пространства, занятые крестьянскими строениями, и промежутки между дворами», в то время как при покупке «целых имений с лугами, помещичьею усадьбою и скотом цена обыкновенно бывает около 15 руб.»[337], т.е. стоимость земельного надела освобожденным от крепостной зависимости людям взвинтили вдвое. К тому же налог заставили платить не с урожая, приносимого землей, как это было раньше «целые века», а с площади земельного надела. В итоге неурожайный год становился причиной не временного расстройства, а полного разорения большинства крестьянских хозяйств. Недоимка, однажды возникшая из-за неурожайного года, падежа скота или болезни любого работоспособного родственника ввергала все семейство в полное разорение. За накопленные недоимки лишали свободы, били плетьми. Выкупные платежи росли из года в год, и труд на земле становился бессмысленным.

Не могло крестьянство после реформы и в суд обратиться за защитой своих жизненных интересов: для этого сословия «была создана особая юрисдикция, перемешанная с административными и попечительными функциями <...>. На крестьянина установился взгляд, что это с юридической точки зрения не персона, а полуперсона»[338], которая ни гражданских прав, ни собственности так и не получила, но при этом обязана была – вопреки логике и здравому смыслу – *платить налоги с того, что* ***по закону ей еще не принадлежало***. Земля, пока ее всем селом не выкупят у помещика, «находилась в общинном коллективном владении»[339]; избой и подворьем, поставленными и обихоженными усилиями крестьянской семьи, бывший крепостной тоже распорядиться не мог, поскольку пользовался после реформы этим своим имуществом фактически на птичьих правах, так как по

---

[335] Литвинов М.А. История крепостного права в России. С. 341.

[336] Там же.

[337] Скалдин Н. (Еленев Ф.П.) В захолустье и в столице // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3. С. 38.

[338] Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 509.

[339] Там же.

закону оно ему тоже не принадлежало, а «находилось в неопределенном положении вследствие неотмежеванности и неопределенности права собственности»[340] из-за размещения недвижимого имущества крестьянской семьи на невыкупленной территории.

Земская управа даже не считала нужным объяснять бывшим крепостным, в соответствии с какими гражданско-правовыми нормами она принуждала каждого общинника ежегодно вносить подати в казну за то, что юридически не являлось его собственностью. Чиновники обходились отповедью нравоучительного свойства: «Это воля вам досталась на дармовщинку, а землю никто никому не станет давать даром даже во временное пользование. Выкупитесь – всё будет ваше».

Однако стоило только вникнуть в смысл статей 125–129 и 139–142 Положения о реформе, как сами собой открывались все сложные и запутанные условия этого документа, сведенные к неукоснительному соблюдению трех главных требований, катастрофическим образом влиявших на крестьянскую жизнь. Это недопустимость отказа общинников от назначенных по указке властей земельных наделов, запрет на переезд крестьянских семей в другие регионы и силовое пресечение всех видов уклонения от казенных повинностей[341]. Вершиной требований нового вида закрепощения «вольных» крестьян явилось навязанное по произволу законодателей возрождение круговой поруки и телесных наказаний для общинников[342].

Неподъемность для мужицкого кармана принудительных выплат оказалась самой большой бедой, пришедшей в российскую деревню. Сначала власть исходила из того, что денежное возмещение должно составлять «в среднем 134 % доходности крестьянских земель»[343]. Но потом в общие выплаты включили также еще подушную подать, оброки в пользу помещиков, земские сборы – государственный, губернский и уездный, мирские повинности и т.д.[344] После подсчетов данных, официально опубликованных в XXII томе «Комиссии для пересмотра системы платежей», в общей сложности изымалось в казну ***198,25 %*** от полученного дохода каждой крестьянской семьи[345], которая всегда жила скудно, а после реформы стала жить еще и голодно. Профессор Янсон, исследовавший в

---

[340] Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 509.

[341] Скалдин Н. (Еленев Ф.П.) В захолустье и в столице // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3. С. 39–40.

[342] Там же. С. 38.

[343] Литвинов М.А. История крепостного права в России. С. 362.

[344] Скалдин Н. (Еленев Ф.П.) В захолустье и в столице // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3. С. 38.

[345] Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Маркс К., Эн-

1890 году данные по производству и потреблению зернового хлеба внутри империи, к своему ужасу обнаружил, что в России в среднем на душу населения доставалось в качестве дневной нормы *менее половины суточного солдатского пайка*[346]. А к 1896 г. потребление хлеба и вовсе сократилось до трети солдатского пайка[347].

Зато выкупная операция даже при имевшей место недоимке в несколько миллионов «неожиданно дала государству чистый доход <…> средним числом 2 544 000 руб. в год»[348]. Маркс первым понял суть концепции обманного освобождения крестьян в России: «*Принудительная продажа* в интересах государства существовала у всех цивилизованных наций, но *принудительная покупка* – русское изобретение!»[349] А. Малиновский тоже отметил наличие бросающихся в глаза особенностей этой «странной» реформы, изучение которых с народнических позиций предоставило молодому исследователю исчерпывающую информацию для понимания того, почему этот чудовищный план, называемый властями «освобождением крестьян», простонародье оценило как «ложь верхнего слоя жизни». Свое суждение молодой исследователь свел к следующим выводам:

«“Наделение” крестьян в 1861 году производилось с выкупом по оценке, устанавливавшейся помещиками и чиновниками; оно <…> обременило деревню многомиллионными выкупными платежами. Да и помимо их многое множество всяких налогов и податей разоряли деревню. Вся финансовая политика самодержавия сводилась к выкачиванию всех наличных средств из карманов народа. В итоге – полуобезземеленный крестьянин не имел возможности <…> для правильного ведения хозяйства. Деревня нищала, болела и вырождалась»[350].

По газетным публикациям А. Малиновский знакомился с наиболее ходовой точкой зрения прозападно настроенных оппозиционных сил, которым в те времена казалось, что самодержавие катастрофически опоздало с реформой 1861 г. Сторонники вестернизации были убеждены в том, что стоило только своевременно освободить многомиллионное крестьянство от крепостной зависимости, как в отсталой стране буквально тотчас же началось

гельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 434.

[346] См.: Современное положение сельского хозяйства в России // Наука и жизнь. 1891. №31. Перепечатано в: Наука и жизнь. М., 1991. №8. С. 58. Кстати, в суточный солдатский паек в те годы входил 1 кг 228 г хлеба. А на долю «средней русской души», по данным Янсона, приходилось всего 524 г.

[347] Горький М. С всероссийской выставки (впечатления, наблюдения, сцены и т.д.) // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3. С.275. «Доедать картошкой, горохом и т.д., – писал Горький, – не удавалось из-за ничтожно малого надела земли».

[348] Литвинов М.А. История крепостного права в России. С. 339.

[349] Маркс К. Выписки из работы Скребицкого «Крестьянское дело в царствование Александра II» // Архив Маркса и Энгельса. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1952. С. 35.

бы всеобщее процветание, подобное европейскому. А без победы этих либеральных идей Россия обречена – и иного мнения европейски ориентированная оппозиция не признавала.

Ссыльный студент Малиновский не находил логики в эмоциональной дискуссии политизированных полемистов, намеренно или по недоразумению игнорировавших тот факт, что результатом реформы 1861 г. оказался жесткий прессинг бюрократической власти на самую незащищенную часть производительного населения страны. Этот прессинг не мог не дать импульс центробежным тенденциям в деревне, и чем дальше, тем очевиднее обнаруживало себя падение живучести общины, а вместе с этим процессом и беспримерное обнищание многомиллионных масс. Но связывать это явление с «дряхлостью» крестьянской коллективистской организации А. Малиновский вслед за либералами и социал-демократами не торопился, поскольку причину видел не в простом разрушении общины вследствие укрепления капиталистических отношений в аграрном секторе экономики империи, а в том, что земледельческая община изначально была поставлена реформой в такие рамки, когда качество жизни каждой крестьянской семьи внутри деревенского сообщества напрямую зависело не от ее трудового вклада в производство, как это принято при капиталистических отношениях, а от сугубо внешних формально-бюрократических установок, заранее предопределенных реформаторами и депривационных по своей сути. Мнение А. Малиновского совпадало с точкой зрения некоторых народников, считавших, что организаторы освобождения крестьян не озаботились объективным состоянием большинства крестьянских хозяйств, которые еще до отмены крепостного права находились на грани разорения, а после 1861 г. и вовсе неминуемо попадали в число обреченных. Поскольку в России более 30 % деревенских подворий вообще не имели тяглового скота, а случаев массового голода на селе было зарегистрировано более сорока на протяжении XIX в. (т.е. каждый второй-третий год оказывался неурожайным на истощенной и малоудобренной земле)[351], то земская статистика, попадавшая в прессу, ужасала количеством прямых потерь в пореформенной общине: крестьяне тысячами умирали голодной смертью; уходили на заработки в города, пополняя ряды безработных; христарадничали на дорогах и на папертях церквей; влачили жалкое существование или, отовсюду гонимые и безжалостно унижаемые, они пускались во все тяжкие с горя и отчаяния – грабили и разбойничали, бродяжничали и спивались. Пресса ужасала подробно-

---

[350] Богданов А.А. Современное положение и задачи партии // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 40.

[351] Мстиславский П.С. Голод // Большая Советская энциклопедия. В 30-ти т. 3-е изд. Т. 7. М.: Сов. энциклопедия, 1972. С. 32.

стями жизни деревни: «Крестьянское хозяйство настолько истощено, и производительность его настолько подорвана, что недород становится постоянным явлением <…>, цены на хлеб сильно упали, что ведет к еще большему разорению производителей. Всего хуже приходится беднейшим слоям крестьянства, которые составляют огромное большинство; с них правительство немилосердно взыскивает подати и недоимки, а тем самым заставляет их еще больше закабаляться ростовщикам и хлебным скупщикам»[352].

Малиновского поражало то, что ситуацию в деревне никто всерьез не анализировал, хотя картина оскудения крестьянской жизни поражала воображение, а нравственная и физическая деградация немыслимого числа жителей империи и катастрофическая убыль сельского населения трудоспособного возраста страшила непредсказуемостью последствий. Народническая общественность России пыталась обратить внимание правительства на явления, которые уже невозможно было скрыть, но не находила понимания в министерских кабинетах.

В память ссыльного студента глубоко врезались события голода 1891 г., явившие миру чудовищный излом крестьянской души, казалось, навсегда перечеркнувший образ того крестьянина-героя Отечественной войны 1812 года, о котором с гордостью писал А.С. Пушкин: «Есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего»[353]. Пореформенное крестьянство было совсем иным: «…Его дробное, мелкое хозяйство не воспитывает в нем сплоченности, духа организации; его общественный кругозор узок, стремления ограничены, местные интересы преобладают над общими; не имея за собой в прошлом сколько-нибудь серьезной политической жизни, оно <…> не могло стать самостоятельной, а тем более – руководящей <…> силой»[354].

Материалы о катастрофе в русских селах попадали в открытую печать, – правда, в издания, степень спроса на которые у массового читателя была заметно ниже, чем на популярные общерусские газеты. Но даже такого «урезанного» внимания к теме хватило, чтобы интеллигентская общественность сконцентрировалась на проблеме страданий крестьянского народа, который, по мнению одних, так или иначе *при существующей власти* погибнет «сам собой» как «экономически слабый» элемент общества[355], или, по мнению других, самоуничтожится из-за *поддержанного политикой правительства* раз-

---

[352] Богданов А.А. Современное положение и задачи партии // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 44.
[353] Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Золотой том. С. 770.
[354] Богданов А.А. Современное положение и задачи партии // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 42.
[355] См.: Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 373.

вращающего влияния «полтины», когда «рубль, эта капиталистическая луна, <...> становится целью жизни и мерилом способностей личности», а отсутствие денег наполняет жизнь деревни «гнетущими условиями бедности (с голоду люди воруют, убивают, а в крайних случаях даже едят друг друга)»[356].

Разобраться в череде российских событий после появления народнической публицистики, противоречиво оценивавшей деревенскую обстановку в изменившихся условиях, ссыльному студенту А. Малиновскому было непросто. Тем не менее он обратил внимание на то, что авторы основательно проштудированных им статей выносили за пределы обсуждаемых тем наиболее важную из всех негативных проблем: преобразовательный процесс с течением времени неотвратимо приводил не к превращению крестьян в другие производительные группы (фермеров, артельных кустарей, сельскохозяйственных пролетариев), а к физической гибели их огромного числа и образованию в сельскохозяйственной отрасли бреши, не заполненной вообще никакой производительной силой. «Грустные явления <...> ужасающих размеров»[357] стали следствием того, что правительство, приступив к реформе, не изучило потенциальной ресурсной базы деревни, планируя решать задачу за счет крестьянства. Хотя несостоятельность этой стратегии вскоре обнаружилась, тем не менее власть по-прежнему игнорировала то, что навязанные деревне выплаты и оброки не могли соответствовать реальным доходам крестьянских хозяйств. Таким образом, при проведении реформы было нарушено ведущее правило экономики, согласно которому на любом этапе хозяйственной деятельности расходы не должны превышать доходы. Задав непосильный для освобождаемых крестьян уровень платежей, государство собственными руками дестабилизировало свою социально-экономическую базу и катастрофически ухудшило благосостояние подавляющего большинства подданных. Не мудрено, что к началу 1878 г. (в течение 17 лет после объявленной отмены крепостного права!) 81,4 % бывших крепостных все еще не выкупили свою свободу, продолжая оставаться в подневольном «временно-обязанном» состоянии. Предложения высокопоставленных чиновников и лидеров земского движения о решении проблемы крестьянской бедности за счет введения земельной аренды по английскому образцу и расширенного кредитования земледельцев попросту не учитывали того факта, что арендная плата за дополнительную землю и увеличение общего налога, обязательных материальных и трудовых затрат на прибавленную пло-

---

[356] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 357.

[357] Там же. С. 358.

щадь надела непременно повлекут за собой понижение благосостояния крестьянских семей, а «доступный» кредит не покроет издержек на уплату недоимок и ссудных процентов. Поэтому поневоле напрашивался вывод: своими благопожеланиями и оппозиция, и правительство на деле предлагали увеличить сельскому населению *не доходы, а расходы,* и это означало, что прекращение временно-обязанного состояния отодвинется для большинства бывших крепостных еще дальше, если, конечно, до этого события они сподобятся дожить. Кроме того, для А. Малиновского стало очевидным и то, что, оставляя как можно дольше крестьянина-кормильца страны на земле ради сохранения привычной нормы податных поступлений в казну, правительство могло не торопиться с развитием производственных возможностей сельского хозяйства и не стимулировать в городах появление новых заводов и фабрик, способных поглотить массу безработных. Для удовлетворения потребностей состоятельных подданных вполне хватало импортных поступлений и выписанных по каталогам товаров, а остальные по старинке обходились продукцией кустарей да самодельным изготовлением необходимого.

Однако, чтобы вконец не отстать от Европы, капитализму было позволено появиться в России. Но начался он не с роста промышленного производства, как это было на Западе, а с развития банковского сектора экономики, транспорта и связи, приносивших немалый доход казне. Это и понятно: «развитие сети железных дорог к границам морским и сухопутным дало огромный толчок сбыту сырья и в том числе продуктов сельского хозяйства, ставших опорою государственного торгового баланса и устойчивости денежного курса»[358], а внедрение внутри страны механизмов обмена (таких, как биржа, банки, кредитные общества и т.д.) создавало иллюзию динамичного развития экономики. За всеми этими процессами политические элиты России не видели, что сельское население чем дальше, тем отчетливее разделялось на два антагонистических класса – беднеющее и вымирающее многомиллионное крестьянство и малочисленную сельскую буржуазию. Начало этому процессу было положено мошенническим использованием статьи 165 о выкупных платежах. После внесенного в 1878 г. в Положение о реформе дополнения о том, что «крестьянин, желающий выкупиться, может внести до срока выкупную ссуду»[359], по всей России начался новый передел земель. Деревенские богачи под видом займа бедным соседям стали вносить от их имени выкупные ссуды, обещая ждать возврат денег сколько понадобится. Доверчивые крестьяне, освобожденные таким образом от выкупных плате-

[358] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 333.

жей, не сразу осознавали, в какой ловушке они оказывались. Становясь юридически собственниками участков со всеми вытекающими из этого положения обязательствами, бедняки почти сразу же лишались своей земли: не имея доходов, каждый из числа обманутых «делался неисправным плательщиком»[360], потому что из-за долга богачу он не допускался к земле и не имел дохода для уплаты положенных сборов в казну, земству и управе по мирским повинностям. Загнанные в угол, крестьяне массово разорялись, а богатый сосед становился еще богаче, так как при досрочном выкупе он платил по 19 рублей за десятину, а перепродавал отнятый надел в 3–8 раз дороже[361].

Власть закрывала глаза на это, как и на то, что махинации с землей начались еще *до* реформы, о проведении которой крестьяне не подозревали. Зато помещики были хорошо осведомлены о предстоящих преобразованиях и торопились «уклониться от обязанности отвести крестьянам надельную землю; с этой целью они фиктивно “переуступили” часть крестьянских угодий другим лицам; пользоваться же этими землями продолжали крестьяне, которые и не знали даже о совершившейся сделке. В момент освобождения бывшие крепостные очутились в самом безвыходном положении наравне с дворовыми»[362].

Следствием процессов, наблюдаемых в русской деревне, явилось то, что крестьяне оказались разделенными «и “по правам” (безземельные, надельные, бывшие дворовые, выкупившие наделы особыми взносами, приписные, etc., etc.), и “по владению”: крестьяне, которые сдали наделы, у которых их отобрали за недоимки, за то, что они не обрабатывают и запускают, – и которые снимают чужие наделы; крестьяне, имеющие “вечную” землю или “покупающие на года” по нескольку десятин; наконец, крестьяне бездомные, без всякого скота, безлошадные и малолошадные. Всякий знает, что в каждой наиобщинной деревне на этой почве хозяйственной раздробленности и товарного хозяйства растут пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах. А народники все еще рассказывают свои приторные сказки о каком-то “общинном быте”!»[363]. Эти строки К. Тулина из статьи «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», напечатанной в 1895 г. в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», привлекли внимание тульского ссыльного А. Малиновского, ко-

---

[359] Литвинов М.А. История крепостного права в России. С. 341.
[360] Там же.
[361] Литвинов М.А. История крепостного права в России. С. 342.
[362] Там же. С. 331.
[363] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 386.

торому при знакомстве с народнической литературой тоже открылось то, что идеологи-народники к концу XIX в. окончательно утратили понимание реальных перспектив сельской общины, объединявшей до отмены крепостного права 83 % населения России.

Словарь Брокгауза характеризовал идеологию таких народнических деятелей как сосуществование двух течений – чисто бюрократического и сословно-дворянского – ради установления над крестьянской общиной «властной руки»[364]. Оба этих течения «сходились в отрицании бессословности на низших ступенях управления, в недоверии к земству, в стремлении к созданию сильной местной, ближайшей к населению власти; расходились они в способах организации власти и замещения должностей, ею облеченных»[365]. Особую позицию занимали сторонники анархо-социалистической доктрины, которая еще совсем недавно казалась Малиновскому убедительной и притягательной, особенно в части, касающейся коллективистских особенностей общинной организации. Кропоткин, Лавров, Лопатин и их единомышленники продолжали опираться на дореформенные аспекты крестьянской жизни, которые по-прежнему оценивались как «зародыши социализма», хотя *той общины* ***уже не существовало***. Отвергать произошедшие с ней изменения Малиновский не мог – просто потому, что игнорировать свершившийся факт считал нелогичным: «Деревня нищала, болела и вырождалась»[366], – таков был вердикт молодого агитатора.

Не мог ссыльный студент приветствовать произошедшие с сельской общиной перемены, как это делало большинство радикальных оппозиционных интеллигентов-западников, потому что, с его точки зрения, разложение старых форм общественной организации могло быть проявлением прогрессивной тенденции только тогда, когда на смену им приходят новые формы, эффективно объединяющие людей. В случае с крестьянской общиной процесс разложения тянулся уже четвертый десяток лет, не порождая для большинства населения империи ничего, кроме социальной дезориентации и катастрофического снижения качества жизни без надежды на лучшее.

Последнее особенно удручало своей трагичностью, потому что в России к концу XIX столетия случилось невиданное для мирного времени явление: умудренные жизненным опытом деревенские старики каким-то непостижимым врожденным инстинктом стали понимать необходимость спасения подрастающего поколения в безопасных краях, как это делали в войну. Из сёл посылали народившихся в навязанной неволе внуков и правнуков в го-

---

[364] См.: Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 210.
[365] Цит. по: Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 210.
[366] Богданов А.А. Современное положение и задачи партии // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 40.

рода – для выживания «в людях», подальше от голода, от ужасов разорения и деградации односельчан. Правда, и там, на чужбине, в жизни какого-нибудь подросшего чеховского Ваньки Жукова, писавшего на первых порах слезные челобитные «на деревню дедушке», не появилось ничего нового. Отрадой было обретение трудовых навыков и усердия, воспитанных побоями хозяина, а еще желания понять, как сделать мир справедливым. Последнее обстоятельство толкало к поиску единомышленников и учителей в кружках самообразования, чтобы получить ответ на вопрос: «Что делать?» Настойчиво искал такой ответ и сам Малиновский, к которому пришли за наукой молодые рабочие, рожденные в умирающей деревне, но выжившие «в людях» в городе. И «учащему», и «учащимся» требовалось объективное толкование тех процессов, при которых «общество превращалось в непрерывно усложняющуюся комбинацию элементов возрастающей разнородности»[367], ведущей к тому, что «жизненные проявления людей оказывались все менее согласованными»[368], а непонятные нарушения «обычая» встречались все чаще и чаще. Пропагандист «товарищ Ершов» пока только интуитивно, путем «непосредственного созерцания», постигал то, что «развитие неоднородности элементов общественного целого влечет за собою, на известной стадии, развитие его *неорганизованности*»[369], попирающей все, что веками цементировало весь образ жизни народа. Малиновский целеустремленно искал научное обоснование тому, что нравственное разложение, о котором народники так много разглагольствовали, являлось не причиной, а следствием нарушения привычного жизненного равновесия, дезорганизации системы традиционного крестьянского сотрудничества вследствие экономической политики правительства, несовместимой с тысячелетней привычкой крестьянства выживать сообща.

Как оказалось, в тот период он обнаружил подсказку только у В.И. Ленина, который в работе «Экономическое содержание народничества» не только критиковал самодержавие, но и выступил как прозелит аналитической методологии К. Маркса, делая акцент, как сейчас говорят, на системном восприятии хозяйственной жизни общества.

Для Александра Малиновского это стало толчком к пониманию того, что для объяснения российских реалий требовалась не социально-психологическая, а именно экономическая доктрина. На роль такой доктрины в 1890-х гг. более других подходил марксизм, который убедительно доказывал, что именно «экономическим положением определяются мысли, стремления, идеалы»[370] людей.

---

[367] Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 49.
[368] Там же.
[369] Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 50
[370] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 26.

2.3 Актуализация марксистского выбора и создание «Краткого курса экономической науки»

В поисках прогрессивной теории, отвечавшей злобе дня, молодой А. Малиновский не сразу принял марксизм. Возможно, это связано с тем, что в России второй половины XIX в. все напечатанное по поводу марксистской концепции представляло собой не столько изложение экономических и социально-исторических взглядов Карла Маркса, сколько различные интерпретации его теоретических воззрений, причем со значительными несоответствиями оригиналу, а также единоличное мнение российских исследователей, мало общего имевшее с выводами немецкого экономиста. Из множества статей, получивших в легальной прессе широкое распространение, практически невозможно было почерпнуть что-либо полезное для просветительских целей, но зато напечатанные работы давали ясное представление о предпочтениях полемистов и о политических силах, формирующихся в российской интеллигентской среде. Это обстоятельство поневоле помогало непредвзятому человеку обнаружить во взглядах политиков России наличие гигантской пропасти между «desiderata'ми» (пожеланиями – А.Л.) насчет защиты трудового сословия и средствами их осуществления[371].

Во всей публицистической литературе 1890-х годов А. Малиновский и в самом деле обнаружил всего лишь одного автора – К. Тулина (В.И. Ленина), многие выводы которого в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895) заставляли задуматься всерьез. Ссыльного студента, поставившего перед собой цель объективно разобраться в глубинных причинах неблагополучия сельской общины после реформы 1861 г. и перспективах преобразовательных процессов в России, смущало так же, как и К. Тулина-Ленина, то, что подавляющее большинство народников почему-то утешалось «детскими иллюзиями»[372]. Вполне обоснованно констатируя ужасающие воображение факты деградации обнищавшего сельского населения, народническая публицистика преподносила их как образцы «грустных явлений». Например, «справедлив тот факт, что <…> крестьянство <…> уходит с земли, <…> экспроприируется. Справедливо, что кустарные промыслы “падают” – *т.е.* и тут крестьяне экспроприируются <…> и идут в рабочие <…> по найму. Те средства производства, от

---

[371] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 358.

[372] Там же. С. 364.

которых освобождаются крестьяне, идут в руки ничтожного меньшинства, служа источником эксплуатации рабочей силы, – *капиталом*. Поэтому <...> владельцы этих средств производства становятся “буржуазией”, т.е. классом, держащим в своих руках “народный” труд при капиталистической организации общественного хозяйства. Все эти факты констатированы правильно, оценены верно за их эксплуататорское значение. Но <...> народник видит причины этих явлений в том, что “мало земли”, обременительны подати, падают “заработки” – т.е. в особенностях *политики*»[373].

Малиновский и ранее мучительно размышлял над природой бед российского общества и так же, как большинство народников, причину искал в неадекватной политике царского правительства, для которого жизнь населения державы была фактически «белым пятном» на карте империи. Но в статье К. Тулина он нашел необходимое объяснение тому, что причина «не в политике, не в государстве и не в “обществе”, – а в данной системе экономической организации России, <…> в том, что “народ” представляет из себя два, друг другу противоположные, друг друга исключающие класса: “в обществе все действующие силы слагаются в две равнодействующие, взаимно-противоположные”»[374]. Этот вывод поставил для Малиновского всё на свои места: в деревне к середине 1890-х гг. новые хозяйственные отношения породили беспрецедентную для села вражду между людьми, но для ликвидации нараставшего между ними противостояния никуда не годились рекомендации народников-оптимистов с их идеей о «социальном взаимоприспособлении»[375]. Либеральное народничество и в самом деле оказалось «в стороне от жизни», поскольку принципиально игнорировало связь «между экономической структурой общества, как *содержанием*, и политической и идейной формой»[376] новых социальных отношений. Рассуждения народнических ортодоксов создавали «впечатление, что “обирание и закабаление” крестьянства – какая-то случайность, результат <...> тяжелых условий жизни, “грубости нравственных идей”, стеснения “доступа литературы к народу” <...> и т.п. – одним словом, что все это не вытекает вовсе с неизбежностью из современной организации нашего общественного хозяйства»[377]. Однако систематизация частных случаев по принципу подведения их

---

[373] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 381.

[374] Там же. С. 383.

[375] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 377.

[376] Там же. С. 429.

[377] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 393.

«под известные общие законы давным-давно завершено для мира физического, а для области социальной оно твердо установлено лишь теорией Маркса»[378].

Осмысление прикладного значения естественных наук в оценке общества как целостной системы возникло у Малиновского под влиянием теоретических работ «мятежного князя» П.А. Кропоткина еще в период обучения в Московском университете. Но выводы статьи «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» послужили для самого ссыльного студента толчком к рассмотрению всего мира как целостной системы, функционирующей по единым естественным законам, количество которых ограничено. Эта точка зрения Малиновского явилась недостающим звеном в понимании общественных процессов, поскольку позволяла анализировать уже известными науке методами состояние общества любой формации и на любой стадии развития. Только при таком подходе к исследованию можно было объективно оценивать характер общественного образования, его функции, структуру, взаимодействие с внутренним и внешним окружением и тому подобные признаки, рассматривая социум как часть мирового целого. Впоследствии этот подход сам Малиновский называл «материализмом естественников»[379].

Кроме этого, принципиально важной для Александра Малиновского оказалась также идея К. Тулина об организации как ключевом процессе общественной жизни. Именно знакомство с работой Тулина подтолкнуло пытливого молодого исследователя к принципиально новой – организационной – точке зрения, которая стала фундаментом его дальнейших научных, философских и политических взглядов. Работа К. Тулина «Экономическое содержание народничества» была полезна еще и тем, что, по признанию самого Малиновского, она повернула его в сторону марксизма[380], убедив молодого наставника слушателей кружка самообразования в том, что без методов, разработанных немецким экономистом К. Марксом, сложно осуществить полноценный анализ переходного периода и на его основе сделать прогноз намечавшихся перемен в структуре общества, связанных с социальными отношениями, возникающими в условиях внедрения новых производственных технологий. Это было особенно важно в период, когда началась активная интервенция западного капитала на территорию России и когда вместе с ним в страну пришли западные формы «дикой» эксплуатации. Синтез этих западных форм с отечественным деспотизмом

---

[378] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 430.

[379] Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. С. 216.

[380] Богданов А.А. Мое пребывание в Туле // Революционное былое. Тула, 1923. №2. С. 16.

правящей элиты усугублял мировоззренческую беззащитность неготовых к переменам масс, дезориентированных сломом привычных норм социального взаимодействия и противоречивостью нового положения, при котором расширение свободы на словах оборачивалось усилением эксплуатации на деле. Этот импортируемый с Запада малопонятный порядок провозглашался единственно правильным и прогрессивным.

Такая убежденность возникла не на пустом месте: весь XIX век Запад так настойчиво навязывал миру свое влияние, что к последней четверти столетия стал контролировать почти 70 % земной суши[381], а доля Европы в мировом промышленном производстве в последнее десятилетие века выросла до 62 %[382]. Несмотря на то, что в этот период Россия имела самый высокий показатель в мире по ежегодному экономическому приросту (8 %[383]), тем не менее ее производительная сила в реальности «не увеличивалась, а *уменьшалась*»[384], потому что империя из-за колоссальных иностранных инвестиций попала в положение экономического сателлита европейских держав. Особая роль здесь принадлежала Германии. Однако по Российской империи триумфально шествовал не только германский, но и британский, французский, австро-венгерский и иной западный капитал. Самодержавие при поддержке прозападных сил платило огромную мзду за сомнительное право считаться частью цивилизованного европейского мира и не усматривало угрозы для империи в том, что 100 % российской нефтяной, 90 % угольной и 50 % химической промышленности, 40 % металлургии и 28 % текстильного производства оказались в руках инвесторов-иностранцев[385], целью которых было не усиление экономической мощи России, а сугубо собственное обогащение.

Российский бомонд закрывал глаза и на то, что зарубежные инвесторы занижали заработную плату для русских рабочих в 4–6 раз по сравнению с западным пролетариатом, оправдывая свои решения низкой производительностью труда и поголовной безграмотностью наемных кадров. В России такое лукавство воспринималось как веский аргумент, поскольку ссылаться на отсталость страны и неразвитость пролетариата из крестьян, якобы приученных еще с прадедовской поры к пассивности и ленивому существованию, с давних лет стало традиционным атрибутом «прогрессивного» мышления российской элиты. Присущие этой группе пренебрежение и вседозволенность по отношению к собственному на-

---

[381] Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. С. 31.
[382] Там же. С. 191.
[383] Уткин А.И. Россия и Запад. С. 188.
[384] Там же. С. 210.
[385] Уткин А.И. Россия и Запад. С. 209.

роду развязывали руки и западным инвесторам, которые профессионально знали, что условия повышения производительности труда на фабриках и заводах целиком зависели от добросовестной рачительности хозяев. Но, вкладывая капиталы в производство по минимуму, инвесторы ни перед кем не несли ответственности за то, что в России они не заботились ни о внедрении необходимых технологий, облегчающих труд, ни о создании надлежащих социально-бытовых условий для работников, ни о подготовке кадров соответствующей квалификации – главных компонентов производственной организации, обеспечивающей плодотворную деятельность наемного персонала. Дешевая рабочая сила с преобладанием ручного труда с лихвой покрывала расходы, которые – в сравнении с доходами – были ничтожны. В этой ситуации рабочие, нанимавшиеся из сел, попадали в городах в безвыходное положение, потому что на смену деревенским поборам и нищете приходила «дикая» капиталистическая эксплуатация. Чтобы заработать средства на выкупные платежи и содержание многодетных семей, оставленных на земле под надзором земских управ (более всего озабоченных, правда, лишь сбором податей), людям от сохи приходилось соглашаться на любой, даже непосильный, труд без всякой гарантии выжить в скотских условиях и получить заработанное, потому что фабрично-заводские мастера штрафовали за любую мелочь, не стеснялись прибегать к рукоприкладству и брани и, чувствуя свою власть над рабочими, свирепствовали. Хозяева – и соотечественники, и иноземцы, – ощущали себя благодетелями при массовой безработице. В этой ситуации пролетариям – выходцам из села – не оставалось ничего иного, кроме как в редкие минуты отдыха горестно предаваться мечтам о наступлении справедливого порядка на русской земле. Мечтать-то мечтали, да каким должен быть этот порядок и какими путями к нему прийти – не знали. Правда, на фабриках и заводах регулярно появлялись нелегальные господа агитаторы, которые приносили листовки с замысловатыми текстами и красиво, но очень мудрено звали рабочих на борьбу за «идеальный» строй. Что это такое – никто не объяснял, но одни «правильный» строй называли «конституционным», другие – «социализмом» и уверяли, что, как только этот строй наступит, всем будет хорошо. Однако в чем это «хорошо» заключалось, господа агитаторы объясняли по-разному и к достижению благодатной жизни предлагали идти почему-то неодинаковыми – и даже противоположно направленными – путями. Но главное, предлагая многообразные способы преобразования жизни, забывали поинтересоваться, какое мироустройство требуется самому народу. Образованные господа расценивали политическое сознание масс как tabula rasa, куда еще только предстоит вно-

сить «правильные» доктрины. Этот серьезный коммуникационный просчет был ***первым фактором взаимного непонимания***, ведущего к отчужденности сторон в агитационном и просветительском процессе. Для Малиновского он послужил сигналом предостережения: чтобы добиться эффективного взаимодействия с трудовыми массами, следовало прежде разобраться, *чт**о** именно интересует агитируемых*, а не навязывать им представления, которые в мире политических идей увлекли самого агитатора.

Второй фактор отчужденности возникал из-за неосознанного подчеркивания более высокого социального статуса пропагандиста по отношению к слушателям. Мало того, что внешний вид, манеры поведения и строй речи изобличали в нем не «своего», а «господина», так он еще и в беседе постоянно использовал специфическую лексику, трудную для восприятия неподготовленной рабочей аудитории. Малиновский сам был свидетелем коллизий, когда слушатели пытались добиться от агитатора ясности изложения взглядов: «Вы говорите на моем родном языке, каждое слово мне знакомо, а ваша речь в целом мне совершенно недоступна, точно бессмысленный набор слов»[386]. Малиновский осознавал, что подобная претензия правомерна: люди, вникая в содержание идей пропагандиста, вправе понимать не только то, *чт**о*** предлагалось менять в их жизни, но и *к**а**к* менять, а главное – ***что из этого получится,*** каковы будут последствия перемен и какова роль народа в этом событии. Без ответов на эти вопросы все теории-обещания выглядели «на одно лицо» – совокупностью целей, навязанных рабочему человеку чужой волей «втемную», потому и не могли иметь поддержки у людей, уставших от перекраивания жизни по произволу господ-«реформаторов». Вывод Малиновского был однозначен: говорить и писать для трудовых масс следует кратко, понятно и по существу дела с минимумом терминов. А если без них не обойтись, то при применении обязательно разъяснять их смысл. Содержание каждой обсуждаемой позиции должно раскрывать связь теории с породившей ее социальной реальностью и помогать человеку осознавать свою роль в разумно-целесообразных коллективных действиях по преобразованию социально-политической системы.

Третий фактор, производный от первых двух, проявлялся в неочевидности логики рассуждений агитатора для слушателей, которые из-за недостатка формального образования и эрудиции не умели самостоятельно воспроизвести последовательность выводов пропагандиста-интеллигента и соотнести ее с окружающей действительностью. В результате предлагаемые лозунги начинали играть роль некритически усвоенных гото-

[386] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 89.

вых рецептов улучшения жизни без понимания того, на базе каких обстоятельств и для каких целей они созданы. Поэтому последствия их реализации оказывались за пределами сознания агитируемых масс. А. Малиновский неоднократно сталкивался с ситуацией, которую позднее описал в фантастическом романе «Инженер Мэнни». Суть этой ситуации в том, что один из героев книги обратился к своим товарищам с неумелой, но прочувствованной речью: «Посмотрите, братья, как ужасно наше положение. Вот мы сейчас узнаём много вещей, о которых не подозревали. Но ведь от них зависит наша судьба, наша жизнь, наша воля <...>. Как сделать, чтобы мы могли сами *знать и видеть,* а не только верить? Или это невозможно, и всегда будет так, как теперь? А если это невозможно, то стоит ли жить и бороться, чтобы оставаться рабами?»[387].

Малиновский, основательно изучавший наряду с историей европейского пролетариата еще и последовательное развитие научно-политической мысли в России XIX в., к 1894 – 1895 г. получил четкое представление о том, что состояние отечества не позволяло предложить цельную доктрину, адекватную российским реалиям и способную консолидировать общество. Это обстоятельство объективно мешало лидерам разных социальных группировок найти общий язык не только с массами, разоренными реформой, но и между собою, что приводило их не к поиску стратегически разумных действий, а сугубо к эмоциональным порывам зародить «в наивных головах» трудящихся веру в благородную мечту (для каждой оппозиционной силы свою) о крушении ненавистных порядков ради абстрактного счастливого будущего для всех, в том числе и для угнетенного народа. Почему-то считалось, что для этих целей более всего подходили прокламации с лозунговой риторикой и полемические статьи критической направленности: оппозиция считала, что в конкурентной борьбе за массы она могла «придать более конкретный смысл почти всем <...> положениям» общественной проблематики, дать «общие указания на конкретные вопросы русской истории и действительности», раскрывая «основы разногласия» между идейно-политическими группировками – и все это «посредством “принципиальной полемики”»[388].

Однако, по мнению Малиновского, такая работа осталась бы втуне, потому что уровень базовых представлений агитаторов и агитируемых различался настолько, что журнальные дискуссионные баталии не могли принести пользу в деле научно-мировоззренческого воспитания трудовых масс, а скорее всего запутали бы необразо-

---

[387] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 241.

[388] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 456.

ванных людей окончательно. *Малиновский первым обратил внимание на эту проблему*. Убедиться в ее существовании он получил возможность, когда во время занятий с рабочими в кружках самообразования обнаружилось весьма туманное представление слушателей о том, что такое справедливое общество, а прямолинейность трактовки услышанных на митингах призывов к борьбе за народное счастье прямо-таки шокировала – с одной стороны, агрессивностью, с другой – детской наивностью восприятия агитационных лозунгов[389]. Кроме того, как оказалось, слушателям требовался немедленный ответ, кто из агитаторов действительно за пролетариат. Готовность поверить лектору-просветителю на слово настораживала тем, что могла обернуться идеологической несамостоятельностью малообразованной личности.

Все это заставило ссыльного студента Малиновского задуматься над тем, как довести до рабочих, что борьба потребует от них прежде всего ясного представления о том, чем будущее справедливое общество будет отличаться от несправедливого настоящего. По твердому убеждению молодого просветителя, начинать агитационно-пропагандистскую работу с массами требовалось не с лозунгов вождей, призывавших на борьбу за неясное завтра, и не с массовой полиграфической продукции – газет, листовок, прокламаций, как это происходило во время подготовки политических событий на Западе, где высокая эффективность печатного слова объяснялась тем, что рабочий класс получил возможность в эпоху Просвещения обрести свободомыслие и расширить мировоззренческий кругозор, формировавшийся в течение XVIII столетия в соответствии с достижениями технических и общественных наук. Но у российского пролетариата сто-

---

[389] В связи с этим очень показательно преломление традиционного для оппозиции лозунга «Долой самодержавие!» в крестьянской частушке времен первой русской революции:

Бога нет, царя не надо,
Губернатора убьем,
Подати платить не будем,
Во солдаты не пойдем!

Фактически в этих четырех строчках содержится программа ***полного разрыва отношений*** *крестьянской общины с государством*, чего не требовала и не планировала ни одна из тогдашних политических партий, включая крайне левые.

Впоследствии эта особенность российских реалий начала XX в. была положена в основу знаменитой повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», сюжет которой как раз выстраивается вокруг того, что два представителя интеллигенции, движимые сугубо научной любознательностью, в экспериментальных целях с помощью операции *полностью меняют природу и, соответственно, образ жизни* главного героя – пса Шарика. За деталями сюжета обычно остается незамеченным тот факт, что ученые-интеллектуалы провели данную операцию, абсолютно не задумываясь о ее последствиях, а затем лишь выражали недовольство по поводу того, что получившийся в результате гражданин Шариков мало соответствовал их идеальным представлениям о новом человеке. *Никакой ответственности за жизнь, социальную адаптацию и поведение Шарикова интеллигентные персонажи книги Булгакова на себя не взяли, предпочтя* ***просто расправиться*** *с «неудобным» плодом эксперимента, как только он явно вышел из-под контроля.*

летней эпохи Просвещения не было. Некритическое воспроизведение западного опыта в социально-исторических условиях России, 85 % населения которой было неграмотным, закономерным образом не могло дать положительных результатов. Поэтому спешным порядком «догонять» европейцев по уровню общемировоззренческого и практического знания населения, действовать, как в Европе, было занятием бесперспективным: массы понимали вождей с пятого на десятое.

Молодой лектор-просветитель пришел к категорическому выводу: «Занятия в кружке должны были носить систематический характер, должны были давать не беглое усвоение главных положений и лозунгов марксизма, а серьезную научную подготовку, – на этом одинаково настаивали и передовые тульские рабочие, объединившиеся в кружки, и пропагандисты»[390]. Вместе с Малиновским в ту пору работали в кружках В.А. Руднев (Базаров) и И.И. Скворцов (Степанов). Эта социал-демократическая «тройка» менее всего была подвержена широко распространенной тогда в России «агитационной трескотне»[391]. Поглощенные захватывающим делом, молодые пропагандисты сохраняли атмосферу товарищеского сотрудничества и особо не рассчитывали на чью-либо помощь и поддержку, хотя они, решившись работать «над научной подготовкой» слушателей, не имели ни опыта, ни методических пособий. В распоряжении пропагандистов, кроме первого тома «Капитала» в переводе Н.Ф. Даниельсона, двух-трех работ К. Каутского на немецком языке, «Эрфуртской программы» и «Коммунистического манифеста», не было ничего другого[392]. И Малиновский, и Скворцов-Степанов были весьма стеснены в средствах, чуть свободнее чувствовал себя Базаров, но «тройка» добросовестно экономила на всем, потому что иных средств на выполнение задуманных планов не имела. Для уточнения формулировок приходилось обращаться к I тому «Капитала» в оригинале, что потребовало от всех совершенствования в немецком языке для развития переводческих навыков. Роли в «тройке» распределились следующим образом: для ускорения работы обязанности вспомогательного плана Базаров и Скворцов-Степанов поделили между собой – Базаров взял на себя поиск иллюстративного материала по истории рабочего движения и по теме труда в капиталистическом обществе, а Скворцов-Степанов переводил с немецкого книги Каутского и иные труды иностранных авторов, какие удавалось заполучть – и то только в том случае,

---

[390] Базаров В.А. А.А. Богданов // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 107.

[391] Выражение Александра Блока. См.: Блок А.А. Мережковский // Блок А.А. Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 5. М.-Л.: Гос. изд-во художеств. литературы, 1962. С. 363 – 364.

[392] См.: Базаров В.А. А.А. Богданов // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 106.

когда острая потребность в ознакомлении с ними возникала по ходу дела.

В 1895 г. к «тройке» присоединилась Наталья Богдановна Корсак, будущая жена А.А. Малиновского. В Туле она обосновалась, когда в 1892 г. была «после окончания курса в школах фельдшерской и повивальной, как лучшая ученица, оставлена при [Тульской Губернской] больнице для исполнения обязанностей штатной фельдшерицы-акушерки»[393]. В воспоминаниях она умалчивала о своей роли в работе команды, но об атмосфере коллективного сотрудничества, о преданности всех сопричастных интересам дела рассказывала тепло и искренно. По общему мнению, чтение главного курса политэкономии мог взять на себя только Малиновский, обладавший, по твердому убеждению товарищей, «исключительной мощью организаторской мысли и, вместе с тем, несравненным даром популяризатора»[394], проявленного со всей очевидностью еще в гимназии. Лишь он один из «тройки» мог осуществить изложение доктрины Маркса «без всяких упрощений и искажений, и притом не только в ее выводах, но и в ее методах», сделав марксизм доступным «широкой массе»[395]. В связи с этим задача приобретала новый смысл: ее решение потребовало *не столько пропаганды марксизма, сколько демократизации учения Маркса, научной интерпретации и анализа основ* ***и без того популярной теории.***

Было решено начинать подготовку пролетариата к осознанному пониманию мироустройства посредством подробного изучения особенностей социально-экономического положения людей в обществе, поскольку ***только в хозяйственной деятельности участвуют в том или ином качестве все***, независимо от того, речь идет о современном мире или о предыдущих эпохах. Это увеличивало масштабы задачи, поскольку требовалось не просто сформировать у пролетариев представление о той экономической системе, в которой они участвовали (такое представление, пусть в форме смутных ощущений и интуитивных догадок, у рабочих *уже было в главных чертах сформировано самой жизнью*), – но объяснить, образно говоря, всю «технологию» функционирования общественного хозяйства. При таком подходе изложение материала уже никак нельзя было ограничивать переводом научных терминов на понятный читателям обыденный язык – требовалось показать, из чего первоначально складывалась экономическая сфера общественной жизни, какие факторы способствовали переменам в ней, в каком направлении шло ее развитие к нынешнему

---

[393] Автограф А.М. Руднева на бланке Конторы Больницы и Богоугодных заведений общественного призрения Тульского Губернского земства (семейный архив Богдановых-Малиновских). Цит. по: Клебанер В.С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 77.

[394] Базаров В.А. А.А. Богданов // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 106.

[395] Там же. С. 107.

состояниюю и, соответственно, что и каким образом могло воздействовать на экономическую сферу в конце XIX в. Подобный способ знакомства с этой наукой соответствовал алгоритму освоения новых профессиональных знаний, какой формировала у пролетариев работа на промышленных предприятиях: смысл каждого трудового акта неизбежно соотносился с тем, какую роль отдельный рабочий во взаимодействии с другими играл в общем технологическом процессе, как неработающий станок или иная помеха влияли на работу бригады, цеха, другого подразделения, сказываясь на заработной плате и выпуске готовой продукции предприятия. Словом, чтобы разобраться в хитросплетениях экономической науки, обслуживающей капиталистическую систему, следовало создать у малоосведомленных трудящихся четкие и упорядоченные представления о хозяйственной – основной и самой важной – сфере жизни общества и о том, ***что именно*** *в этой сфере необходимо* ***кардинально менять, а к чему отнестись бережно***. Составление подобного курса уже само по себе являлось чрезвычайно сложной крупномасштабной задачей. Для Малиновского она дополнительно усложнялась тем, что изложение материала приходилось рассчитывать на людей, не имевших не только университетского, но даже гимназического багажа знаний. Это выдвигало особые требования к стилю подачи материала: изложение должно быть простым, но не примитивным, информационно емким и точным, но без эмоционального субъективизма. Даже краткие пояснения должны были помогать формированию ясных представлений, не допускающих ложных выводов, какими грешила популярно-просветительская литература того времени.

Подобного пособия для реализации поставленной задачи в России не было, поэтому 23-летний ссыльный студент со всей ответственностью отнесся к его написанию: чтобы избежать неточностей в толковании доктрины Маркса, он проверял и перепроверял свои лекции, самостоятельно штудируя «Капитал» и исправляя свои записи, если они оказывались недостаточно ясными и убедительными для рабочих. Он не успокаивался до тех пор, пока не добивался, чтобы суждения Маркса воспринимались пролетарской аудиторией адекватно, и именно в той формулировке, которая максимально совпадала по смыслу с точкой зрения автора «Капитала». С подобной скрупулезностью писался «Краткий курс экономической науки», в котором Малиновский дал читателям ключ к пониманию марксистского метода экономического анализа. А на самого автора учебного пособия процесс работы над книгой оказал особое влияние, определив его дальнейшее развитие как ученого, осознавшего, что постижение научной истины есть

результат «коллективно-организованного опыта»[396].

По воспоминаниям Н.Б. Корсак, «записи свои по политической экономии Малиновский перерабатывал и переписывал, руководствуясь отношением слушателей к своим лекциям и *редакционными замечаниями Вл(адимира) Ал(ександровича) Руднева* <...>. Если не считать слушателей кружков, – "Краткий курс..." имел двух редакторов, – *первый редактор* был Вл(адимир) Ал(ександрович) Руднев, а второй – Ив(ан) Ив(анович) Скворцов»[397]. По воспоминаниям получалось так, что «Руднев осуществлял *общее* редактирование, а Скворцов – специальное, *противоцензурное*». Сам Малиновский впоследствии называл свое учебное пособие «результатом коллективного творчества»[398]. Справедливости ради к выводу Малиновского следовало бы добавить уточнение о том, что названные выше участники этого сотворчества не считали свою помощь существенным вкладом в появление на свет «Краткого курса...». Иное дело влияние Малиновского на раскрытие и реализацию призвания соратников-единомышленников: эрудиция Малиновского, его феноменальная память и логика умозаключений, нечеловеческая трудоспособность и всепоглощающая готовность осуществить задуманное по самому высокому стандарту служили образцом бескорыстного служения общественным интересам и подталкивали его окружение идти по жизни вровень с товарищами. Немалую роль играло здесь деликатно-бережное отношение к сохранению самобытности каждого. Участников этой команды связывала дружба, длившаяся затем многие годы – это были друзья без страха и упрека[399].

Опыт их сотрудничества в Туле в середине 1890-х годов превзошел все ожидания – и в теоретическом, и в практическом смысле успех был полнейший. Малиновский за короткий срок проделал колоссальную работу, и благодаря использованию пропагандистами его лекций рабочие были увлечены занятиями и так успешно осваивали материал, что вскоре каждый слушатель мог создать собственный кружок из 3–5 человек. Это способствовало росту популярности кружков и распространению социал-демократических идей, а близкому окружению Малиновского давало повод объективно оценить его работу. Базаров спустя многие годы констатировал в некрологе, что автор «Краткого курса экономической науки» «был воспитателем нескольких марксистских поколений», а его труд, «строго выдержан-

---

[396] Базаров В.А. А.А. Богданов // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 108.

[397] Автограф Н.Б. Богдановой-Малиновской (семейный архив Богдановых-Малиновских). Цит. по: Клебанер В.С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 77.

[398] Клебанер В.С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 77.

[399] См.: Клебанер В.С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 90.

ный в духе учения Маркса, поражающий архитектурной стройностью замысла и кристальной ясностью изложения, сразу обратил на себя внимание и стал настольною книгою всякого рабочего или студента, приступающего к изучению марксизма»[400]. Друзья редко обменивались мнениями в столь высокопарном стиле, но к выводу о том, что другого *такого* научно-популярного изложения марксистской политэкономии не было в России, приходили и друзья, и враги автора «Краткого курса...». Мало того, каждый из них осознавал, что учебник Малиновского оказался «*первой в мировой литературе попыткой* систематически применить метод исторического материализма к анализу народнохозяйственного развития и непосредственно связанных с этим последним идеологических форм»[401] (курсив мой – А.Л.). Любопытно здесь упомянуть, что на изданный Малиновским под псевдонимом «А. Богданов» в Москве в 1897 г. «Краткий курс экономической науки» откликнулся доброжелательной рецензией в апрельском номере журнала «Мир Божий» (1898) не кто иной, как В.И. Ленин, отметивший: «Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе <...>. Мы намерены поэтому в настоящей заметке обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения <...>. Главное достоинство “курса” господина Богданова – полная выдержанность направления (исторического материализма – А.Л.) от первой до последней страницы книги»[402].

Созданный на основе «Капитала» К. Маркса «Краткий курс…» сохранил главный смысл марксистской теории, но не форму изложения. Сопоставление этих двух работ позволяет убедиться в том, что Богданов стремился изложить основы марксисткого метода экономического анализа капиталистической системы доступно пониманию рабочих, в высшей степени лаконично, без фиксации внимания на специфических деталях, в то время как Маркс адресовал этот свой метод образованным ученым-экономистам в понятных им дефинициях. При этом «Краткий курс…» не был примитивной компиляцией «Капитала». Напротив, богдановский учебник воспринимался как труд зрелого исследователия, мысля-

---

[400] Базаров В.А. А.А. Богданов // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 106.

[401] Там же. С. 107–108.

[402] Ленин В.И. Рецензия. А. Богданов. Краткий курс экономической науки // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1967. С. 35. Профессор Уральского государственного университета К.Н. Любутин в статье «Российские версии философии марксизма: Александр Богданов» (Вопросы философии, 2003, №9) отмечает, что Ленин впоследствии никогда не вспоминал об этой рецензии. Возможные причины такой перемены отношения Владимира Ильича ко взглядам Богданова указывает В.С. Клебанер в примечаниях к публикации архивных материалов из наследия В.А. Базарова (Вопросы философии, 2004, №6): по словам Владимира Самойловича, Ленин, давая рецензию на «Краткий курс экономической науки», подозревал, что автором этого пособия является Г.В. Плеханов, и именно этим объясняется и общий доброжелательный тон рецензии, и использование эпитета «почтенный» в применении к автору книги (См.: Ленин В.И. Указ. соч. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 4. С. 129).

щего оригинально, хотя некоторое влияние теорий европейских экономистов и народнических идей имело место. Разумеется, речь здесь не о воззрениях либеральных народников, признававших необходимость существенных перемен в России, но всегда готовых пойти на компромисс с властями. И не о радикальных идеях народовольцев-террористов, которые, при всей их смелости, были чужды Богданову в силу иррациональности. Его по-прежнему интересовали только такие концепции, в которых, помимо *борьбы* с властями, имелась разумная, научно объяснимая и практически достижимая *цель* борьбы. Этим требованиям более всего отвечала доктрина П.А. Кропоткина, но лишь в той части, которая органично сочетала в себе анализ состояния общества, служивший *логическим обоснованием необходимости социальных перемен*, а также прогноз развития событий как *логическое обоснование неотвратимости этих перемен и научное предвидение их основных последствий*. В программном труде «Хлеб и воля. Современная наука и анархия» Кропоткин поражал необычностью взгляда и силой логики, заключенными в следующем фрагменте: «Если мы обратим внимание на потребности личности и общества и на те средства, которыми человек пользовался на различных ступенях своего развития для их удовлетворения, то мы убедимся в необходимости согласовать единичные усилия людей и направить их к общей цели – удовлетворению нужд *всех* членов общества, – а не предоставлять удовлетворение этих нужд всем случайностям разрозненного производства, как это происходит теперь. Мы поймем, что присвоение небольшим меньшинством всех богатств, которые остались непотребленными в одном поколении и должны были бы перейти к следующему поколению, отнюдь не способствует интересам общества. Потребности трех четвертей общества остаются в таком случае неудовлетворенными, а бесполезная трата человеческих сил становится еще более бессмысленной и еще более жестокой»[403]. Этот фрагмент с предельной точностью отображает отличие анархо-коммунизма от господствовавших в то время экономических теорий, включая марксизм: в противоположность им, Кропоткин делал акцент на потребностях, а не на производстве, рынке и прибыли. Богданов не оставил этого без внимания, потому что тоже считал обязательным оценивать человеческие потребности в качестве отправной точки любой экономической деятельности. Параллелизм взглядов Богданова и Кропоткина будет наблюдаться и в других работах молодого ученого, который так и не смог освободиться от явного влияния некоторых идей «мятежного князя». Однако изменения в обществе станут настойчиво напоминать о себе расширением интенсивного и техни-

[403] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 194–195.

чески оснащенного производства, вхождением в жизнь общества новых порядков, и марксизм окажется основой идеологической ориентации Богданова.

Вместе с тем в марксистском учебном пособии имя Карла Маркса не упоминалось ни разу. В этом усматривалась парадоксальность ситуации, потому что каждый читающий «Краткий курс…» не считал возможным допустить, чтобы автор учебника, стоявший в то время уже на вполне социал-демократических позициях, решился на *замалчивание* имени широко известного в XIX в. ученого-экономиста. Отсутствие у Богданова подобных стремлений подтверждалось данным в конце книги историческим обзором экономических школ, куда были включены не только основатели классической политэкономии Адам Смит, Томас Р. Мальтус и Дэвид Рикардо, но и предшествовавшие им физиократы Франсуа Кенэ и Виктор Мирабо, меркантилисты Томас Мэн и Жан-Батист Кольбер и т.д., вплоть до античных мыслителей. Различия воззрений каждой школы были рассмотрены самым тщательным образом, причем немало внимания Богданов уделил историческому контексту формирования каждой доктрины и определению того социального слоя, в котором эта доктрина возникала, получая максимальное распространение и поддержку. Отсутствие в списке экономических школ марксизма при одновременном наличии таких современных Богданову концепций, как «реализм» немецких катедер-реформеров Л. Брентано, А. Гельда, Г. Шмоллера и А. Вагнера придает обзору незаконченный вид, на основании чего можно предположить, что именно глава о Марксе и его теории подверглась цензурному изъятию. Да и сам Богданов подтверждал, что его книга была изувечена службой, надзирающей за соблюдением писательской лояльности[404]. Однако, если не считать изъятия главы о марксизме, то в остальном текст «Краткого курса экономической науки», по-видимому, не претерпел существенного вмешательства со стороны цензоров. Этому в немалой степени способствовал особый характер богдановского марксизма, органично сочетавшего в себе элементы во многом несходных доктрин, не все из которых, как, например, идеи Кропоткина и Маркса, подвергались безусловному запрету со стороны властей.

Синтез экономических теорий привлекает к себе внимание практически с первых же страниц книги. Например, Богданов характеризует основу экономической жизни общества как труд, «который создает полезные предметы, – причем в нашей науке под полезностью понимается способность удовлеворять какой-либо человеческой потребно-

[404] Богданов А.А. Автобиография [1925 г.] // Деятели СССР и революционного движения России.

сти, естественной или искусственной, насущной или второстепенной <...>. Различается два вида полезного труда: труд производительный, который создает *материальные* полезные предметы, и труд непроизводительный, непосредственный продукт которого нематериален»[405]. В одном только этом отрывке можно услышать отголоски энергетизма Вильгельма Оствальда и классической домарксистской политэкономии на фоне четко сформулированного материалистического утверждения.

В последующих главах материализм становится доминирующей идеей «Краткого курса экономической науки». Однако исторический материализм Богданова отличался от исторического материализма К. Маркса более пристальным вниманием к взаимосвязи социальных и природных явлений и, можно сказать, б***о***льшей тщательностью изложения: то, что было лишь отмечено Марксом как нечто само собой разумеющееся, подверглось в «Кратком курсе...» пристальному анализу. Обозначенный Марксом вопрос о задержке роста производства вследствие влияния стихийных сил природы заинтересовал Богданова особо. Автор «Краткого курса…» подошел к теме скрупулезнее, чем создатель «Капитала», отметив, что «чрезмерная щедрость природы оказывается далеко не на всех ступенях развития культуры полезной для развития производительности труда. Получая средства к жизни с ничтожною затратою сил, человек не нуждается в развитии труда; у него не создается привычки к труду. <…> Побуждения к труду слишком слабы, и потому невозможен значительный прогресс производства, а с ним – и других сторон культуры. Среди слишком бедной, слишком скудной природы тоже не может развиться производительность труда, но по другой причине. Здесь человеку приходится все время, все силы тратить на добывание самых необходимых жизненных средств. <…> Всего лучше условия для прогресса в странах умеренного пояса. Природа там не слишком щедра и не слишком скудна. Человеку приходится немало трудиться, – но и не так много, чтобы труд подавлял человека»[406]. Территория обширной России предоставляла богатейший материал для существования такого мнения.

Обращение Богданова к теме влияния климатических условий на динамику развития человечества не было случайным и объяснялось стремлением аналитически опровергнуть пристрастное мнение о природной лени русского населения, его неумении производительно трудиться в качестве первопричины экономической отсталости России и бедности масс. Бо-

---

Энциклопедический словарь Гранат. Репринт. изд. М.: Советская Энциклопедия, 1989. С .361.

[405] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 1.

[406] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 10–11.

гданов в «Кратком курсе...» доказывал, что в реальной жизни географическое положение и природно-климатические особенности стран служат естественными регуляторами выживания, производительной активности и совершенствования человеческого общества. В частности, суровый климат на обширной территории России резко увеличивал накладные расходы на любое производство, что снижало общие показатели производительности труда как в сельском хозяйстве, где весь объем полевых работ приходился на более короткий, чем в других странах, промежуток времени, требовавший б***О***льшего числа рук при увеличенной интенсивности труда, так и в промышленности, где всю прибыль от произведенной продукции приходилось делить на б***О***льшее число работников, значительная часть которых занималась не производительным трудом, а преодолением негативных особенностей резко континентального климата. В условиях такого климата почти на всей территории России приходилось строить и обслуживать капитальные хорошо отапливаемые помещения, производить регулярный ремонт дорог в теплый сезон и убирать обильный снег в холодный период и т.д. Все это требовало значительного (по сравнению со странами более благоприятного климата) расширения штата работников. В связи с этим на промышленном предприятии прибыль приходилось распределять не только между непосредственными товаропроизводителями, но и большой группой заготовителей и поставщиков топлива, истопников, транспортников, снегоуборщиков, строителей и т.п. сотрудников «непроизводительных» специальностей: формально все эти люди не являлись участниками производственного процесса, но без них любое предприятие в суровом климате было обречено на остановку. При этом даже развитие технологий способно было лишь смягчить эту закономерность, но отнюдь не устранить ее вместе с породившим ее суровым климатом. В итоге при равной стоимости товара доля прибыли, получаемая от труда каждого работника, в России неизменно оказывалась в разы ниже, чем в западных метрополиях, и на порядок ниже, чем в субтропических колониях европейских стран. По правилам классической политэкономии российские данные в сравнении с иными характеризовались как показатели более низкого уровня производительности труда русских, что порождало необоснованные рассуждения о прирожденной неспособности населения России полноценно работать. Уничижительное прозвание «бездельник» в адрес работника было отражением стереотипного отношения к трудовому сословию, а также способом психологического давления на тех, кто, выбиваясь из сил, горбатился на хозяина, но никак не мог угодить, сколько бы ни старался.

В «Кратком курсе...» молодой ученый поставил перед собой задачу доходчиво по-

яснить, почему природа и человек – это две сферы, взаимодействие которых следовало рассматривать не только с точки зрения поединка разума со стихией, чтобы покорить ее мощь, поставив на службу людям. Богданов стремился в первую очередь подчеркнуть тесную взаимосвязь между климатическими условиями и общим развитием производительных сил и привести читателя к выводу, что это явление закономерное и принципиально несводимое к субъективным факторам, наподобие ценностно-мировоззренческих установок, укоренившихся в обществе.

Еще один вопрос потребовал от Богданова более тщательного анализа с учетом российских реалий и специфики мировоззрения целевой аудитории «Краткого курса...». Если Маркс в своих работах уделял основное внимание общественной стороне производства, т.е. собственно производственным отношениям, не останавливаясь особо на демографических характеристиках общества, то Богданов первым из исследователей отмечал существенное влияние демографии на количество общественного труда и, стало быть, на качество производственных отношений: «В распоряжении общества находится тем больше труда, чем больше число членов общества <...>. Но не все члены общества способны к производительному труду. Дети, старики – плохие работники, частью даже вовсе не работники. По данным физиологии, <...> в возрасте от 25 до 45 лет человек располагает наибольшим количеством труда. Таким образом, состав населения по возрасту бывает более выгодный и менее выгодный по отношению к количеству общественного труда. При высокой смертности мало народу доживает до возраста наибольшей силы, – и преобладает детский нерабочий возраст. В том же направлении действует и высокая рождаемость, которая обыкновенно наблюдается рядом с усиленной смертностью. <...> Болезненность рабочего населения уменьшает количество общественного труда. А зависит она – как и смертность – от материальных условий жизни»[407], определяемых характером производственных отношений и, следовательно, особенностями социальной структуры, которая существенно влияет на распределение количества производительного труда между различными социальными группами и классами. Именно поэтому «не все члены общества, способные к производительному труду, действительно им занимаются. Некоторые заняты непроизводительным трудом, другие вовсе не трудятся. В современном, напр(имер), обществе эти два разряда людей представляют немалую часть. Понятно, что количество общественного производительного труда тем боль-

[407] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 5.

ше, чем меньше это непроизводительное население»[408].

Еще одна особенность «Краткого курса…» привлекала читательское внимание. Если К. Маркс в «Капитале» ограничился подробным рассмотрением современных ему капиталистических отношений, а в докапиталистических обществах только отметил наличие отношений собственности на средства производства и присвоения прибавочной стоимости, подобных капиталистической эксплуатации[409], то Богданов в своей работе дал всесторонний разбор предшествовавших капитализму общественно-экономических систем, что послужило основой принципиально новой периодизации истории. Объяснение тому следует искать в ситуации, порожденной отсутствием *информации, доступной пониманию простонародья*, которому ученые не считали нужным предоставлять ответ на глубоко волнующие трудовое сословие вопросы, включая и «наивные» – например, о том, почему мир так избирательно несправедлив, если богатые и в неурожайные годы остаются сытыми, а бедняки даже при незначительном недороде оказываются всей семьей на краю гибели от голода. А. Богданов понимал и то, что люди, лишенные знаний об общем прошлом человечества, не будут беспристрастно оценивать настоящее и будущее, а без объективного толкования исторических реалий, без понимания непреложной роли условий выживания в непредсказуемо сложном окружающем мире невозможно безошибочно определить, из какого источника человеку черпать силы телесные и духовные, чтобы справиться с жизненными трудностями.

Мобилизатором физических и нравственных способностей человека никак не могло послужить действующее со времен Ж.-Ж. Руссо представление о природно-климатическом факторе как основе «золотого века» и «естественного равенства» первобытных людей. В «Кратком курсе…» Богданов предложил посмотреть на этот период и условия выживания людей глазами цивилизованной личности, и оказалось, что «первый период жизни человечества есть период угнетения, рабства человека. Только угнетателем и господином является не другой человек, а природа. <…> Мозг первобытного человека слаб, неразвит. Для умственной работы у него не остается времени среди постоянной, изнурительной борьбы, в которой ни на минуту не прекращается опасность смерти. И тем не менее человек развивается <…>. Со страшной медлительностью в течение многих тысяч лет делаются одно за другим изобретения и открытия. Изобретаются все

---

[408] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 5.

[409] См.: Маркс К. Капитал. Кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 727–732.

такие вещи, которые человеку наших времен кажутся чрезвычайно простыми. Но они очень недешево достались первобытному человеку»[410]. Низкие темпы развития древнейшего общества Богданов объяснял не только тем, что человеку приходилось отстаивать свое право на жизнь в экстремальных условиях природных катаклизмов, ставивших людей на грань вымирания, но и тем, что в этих обстоятельствах труд с опорой на крайне примитивные технологии не создавал «прибавочного, т.е. лишнего продукта сверх необходимого для жизни»[411].

Проблема обеспечения стала решаться в первобытном обществе только со времен возникновения земледелия и скотоводства – и в этом вопросе А.А. Богданов был солидарен с Л.Г. Морганом и Ф. Энгельсом, которые в своих трудах показали, как освоение новых форм хозяйствования вызвало к жизни процесс классообразования. Для пролетарской аудитории это знание было необходимостью, поскольку информация о происхождении человеческого общества и его разделении на сословия была объективно недоступна рабочим, несмотря на то, что в России велись исследования по вопросу о периодизации истории, и большинство ученых придерживалось вполне традиционного взгляда, базировавшегося на принципах социального дарвинизма и европоцентризма. Пожалуй, лишь Николай Яковлевич Данилевский хронологию развития человечества рассматривал, отказавшись от привычной точки зрения. Слушатель Царскосельского лицея, выпускник физико-математического факультета Петербургского университета, петрашевец и идеолог панславизма, Данилевский в книге «Россия и Европа. Взгляд на культурные и практические отношения славянского мира к германо-романскому» (1869) доказывал, что ход истории выражается в смене вытесняющих друг друга «культурно-исторических типов»[412]. Эта теория представляла собой академическую реакцию на некритический европеизм значительной части русской интеллигенции, воспринимавшей Запад как «средоточие прогресса» и «подлинное воплощение законов мирового развития»[413]. Критикуя стремление «западников» подогнать всемирную историю под универсальный шаблон, Данилевский отмечал, что традиционные вехи, разделяющие древность, средневековье и новое время, не имеют совершенно никакого значения для наро-

---

[410] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 21–22.

[411] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 22.

[412] Авторство понятия «культурно-исторический тип» принадлежит Н.Я. Данилевскому.

[413] Подобные по смыслу фразы, повторяемые с вариациями в произведениях русских «западников», стали своеобразным идеологическим клише в российской либеральной журналистике второй половины XIX в.

дов, живущих за пределами Западной Европы и христианской – католической и производной от нее протестантской – культуры. По мысли русского ученого, каждый из десяти сохранившихся до XIX столетия культурно-исторических типов развивался, подобно живому организму, и должен был пережить в свой срок стадии зарождения, роста, расцвета и увядания. Только неодновременность наступления этих стадий у разных культурно-исторических типов позволяла порой делать спекулятивные выводы о «прогрессивном развитии» одних цивилизаций и «застойной деградации» других.

Как ни интересна концепция Н.Я. Данилевского, но его выводы, подкрепленные множеством примеров из действительно всемирной, а не урезанной по европейскому шаблону истории, были, однако, сложны для восприятия даже тех, кто получил классическое образование. Для рабочих обращение к теории Данилевского было бы уходом в сторону от изучения основных проблем по двум причинам: во-первых, концепция Данилевского «не работала» в контексте эволюции социально-экономических отношений, взятых Богдановым в качестве ключевой темы исследования; во-вторых, чтобы по-настоящему оценить выводы автора «России и Европы», читателям-пролетариям требовалось обладать глубоким и детальным знанием истории *всех* крупных цивилизаций Евразии за последние пять тысяч лет (а такого знания у них, к сожалению, не было), – поэтому Богданов в «Кратком курсе...» предложил свою схему периодизации истории.

Разрушение представлений о «естественном равенстве» людей внутри первобытной родовой общины было объективно необходимым элементом обучения рабочих основам марксизма: громадное большинство российского пролетариата составляли выходцы из деревни, воспринимавшие действительность через призму общинной патриархально-авторитарной идеологии, что неизбежно вело к соответствующему искажению усваиваемых знаний, предотвратить которое можно было, только объяснив рабочим исторические корни используемых ими способов мышления. Объяснение, данное Богдановым с марксистских позиций, определяло общину как архаическую форму объединения людей для совместной борьбы за выживание против стихийных сил природы.

Дифференциация внутри такой общины явилась закономерной, однако, по мнению Богданова, была связана не столько с накоплением собственности и имущественным расслоением родовой и соседской общины, как считал Маркс, сколько с разделением труда на организаторский и исполнительский, существенно повысившим эффективность производ-

ства[414]. Эта идея А.А. Богданова выглядела логически более обоснованной, чем у главного теоретика марксизма, так как переход общины от первобытно-коммунистической, где все равны в производительном сотрудничестве, к социально-неоднородной структуре осуществлялся *через промежуточный этап* – через патриархально-родовую общину, в однородной среде которой благодаря живой коммуникации непременно обнаруживала себя личность, более других способная к осмыслению фактов предыдущего опыта для выбора наиболее полезного из них, игравшего роль смыслозадающего компонента рациональных действий всего общинного коллектива. Правильный выбор такого компонента в сложной, непредсказуемо меняющейся ситуации зачастую определял выживание общины в дальнейшем, и потому носитель жизненного опыта превращался в *организатора* хозяйственной деятельности всего сообщества, а остальные оказывались *исполнителями* его воли. Поскольку интенциональная деятельность сознания организатора вносила упорядоченность в жизнь общины, то происходило незаметное, но целенаправленное превращение объединения, скрепленного ранее в единое целое лишь трудовыми отношениями ради выживания всех и каждого, в социальную формацию, руководимую духовным лидером, который стал управлять трудом людей, распоряжаться их судьбами и которому начали повиноваться все. К вопросу о механизмах возникновения такой социальной структуры, организованной на принципе господства-подчинения, первоначально вполне добровольного, Богданов позже обращался многократно и в других своих работах, считая, что «члены патриархальной родовой общины в своей деятельности следуют руководству старейшего и наиболее опытного из них. Это практически для всей общины выгодно и полезно, – и у них обычно не возникает даже вопроса, надо ли слушаться патриарха, и почему надо. Но бесконечно повторяясь, трудовое отношение становится органически-привычным, развивается в обычай, от которого всякое уклонение кажется людям странным, недопустимым, даже чудовищным, – в жизненную норму, обязательную для всех. Вот перед нами уже авторитарный принцип организации, но пока еще в неполном, неразвитом виде: он управляет людьми, как принудительная сила, но в ограниченной сфере трудовой связи родичей с личностью их патриарха. На этом дело не останавливается»[415]: привычка к повиновению укоренялась, люди искали не только совета и руководства патриарха, но и угождали ему, предугадывая его мысли и желания, одаривали, чтобы не разгневать. Постепенно к духовному превосходству патриархов добавлялось их материальное преимущество, что становилось гарантией незыблемости господства «ор-

[414] См.: Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 33–36.

ганизаторов» над «исполнителями».

Надо заметить, что точка зрения создателя «Краткого курса...» на процесс классообразования была непривычной для марксистов конца XIX в., а современным специалистам по истории первобытного общества она доныне остается практически неизвестной в силу «заговора умолчания» и дискредитации Богданова. По его выводам, именно «первичная специализация труда» положила начало упорядоченному развитию человечества, при котором началось совершенствование приемов и орудий труда, был дан толчок организации производства и распределения, а также разработке методов накопления знаний[416] – т.е. всему тому, что легло в основу материальной и духовной культуры человеческого общества. В тесной связи с объяснением принципов классообразования находился вывод Богданова также и о роли духовенства в докапиталистическую эпоху. ***На примере российского монашества*** молодой ученый увидел образец синтеза организаторской и исполнительской деятельности, успешно «работавшего» на конечный результат внедрения в систему общественного сотрудничества четких мировоззренческих ориентиров православия. Подход к этой теме обусловил расхождение между А.А. Богдановым и признанными теоретиками марксизма на основании того, что Маркс, Энгельс, а затем и Плеханов называли религиозную идеологию формой сознательного обмана эксплуатируемых эксплуататорами, отнеся священников и жрецов к сонму проводников лжи, паразитирующих на заблуждениях невежественных людей[417]. В противоположность этой точке зрения Богданов в «Кратком курсе экономической науки» отстаивал свое мнение о том, что деятельность служителей культа в докапиталистических обществах носила особый характер, способствовала упорядочению жизни внутри сельских и городских общин и потому была объективно полезной не только для эксплуататорских, но и для эксплуатируемых классов[418]. Справедливость этих выводов подтверждена современными историками[419], но для времени молодого ученого такая точка зре-

---

[415] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 70–71.

[416] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 37–42.

[417] См., напр.: Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1956. С. 306 ; Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 257–258 ; Он же. Материалистическое понимание истории (лекции) // Там же. С. 663–664.

[418] См.: Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 77–79.

[419] См., напр.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Изд. группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 80–89, 170–171, 174–175 ; Коваль Т. Этика труда православия // Общественные науки и современность. М., 1994. №6. С. 55–70. Особо следует обратить внимание на последнюю статью, где в одном из разделов речь идет о монашеском идеале гармонического сочетания «уставов» трудничества и «умного делания», «молитвенного подвига», называемого в православии «сотворчеством с Богом». Не

ния оказалась неожиданной, хотя именно в рамках православной религиозной организации имел место успешный опыт соединения организаторской и исполнительской функций в пределах одной социальной группы – монашества, – получившей признание со стороны общества: люди не стали бы добровольно поддерживать какой-либо социальный институт в течение веков, если бы он не приносил реальную пользу.

Акцент на созидательную роль знания, объединенного с умением, как способа постижения действительности был сделан Богдановым неспроста. По его мнению, первоначально у человечества не было иного способа выживания, кроме как разделиться на малочисленных «организаторов» и массу «исполнителей»: знание первых позволяло концентрировать труд вторых на немногих жизненно важных для общества направлениях, обеспечивая рационально-целесообразный расход сил и ресурсов. Это было позитивным моментом, потому что слабая и ограниченная сила общества максимально эффективно использовалась в противостоянии с большим миром природы.

Бурное развитие техники и экономики в XVIII – XIX столетиях создало благоприятные условия для стирания граней между «организаторами» и «исполнителями» и превращения их в единое целое, чтобы использовать эту гигантски возросшую за счет технического прогресса социальную силу в целях гармоничного преобразования мира. В сложившихся обстоятельствах дальнейшая поддержка привилегированного положения «организаторов» оказывалась необоснованной, так как образованный (т.е. освоивший организаторские знания) «исполнитель» мог дать фору любому из них за счет более разностороннего понимания трудового процесса. Поэтому сохранить особый статус «организаторов» можно было только тогда, когда знание оставалось тайной за семью печатями и было отделено от практического умения «исполнителей». Такое искусственное разделение функций катастрофически сокращало весь жизненный потенциал общества: оторванный от практики «организатор» превращался в теоретика-схоласта, неспособного своевременно обнаружить и исправить собственные ошибки, а лишенный знания «исполнитель» утрачивал возможность понимать смысл деятельности – своей и

менее показательны и выводы А.С. Пушкина об особенностях русского православия: «В России влияние духовенства столь же благотворно, сколь пагубно в землях римско-католических. Там оно <…> составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас <…> завися <…> от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, между человеком и Божеством. Мы обязаны монахам нашей историею, следственно, и просвещением» (Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А.С. Золотой том. С. 680). Эта сторона деятельности церкви была хорошо известна народным массам: монахи-трудники служили эталоном нравственного поведения, на который должны были равняться все сословия. Недаром во время богослужений представители знати и простонародья стояли рядом, оставляя сословные различия за церковным порогом.

других. Однако генеральной тенденции технического прогресса соответствовали не функционально урезанные личности, а монистически мыслящие универсалы. По мнению Богданова, путь к счастливому «завтра» может быть проложен через техническое совершенствование, а также распространение знания для всех – только на этой основе может состояться в обществе «собирание человека», превращение «человека-дроби» в «человека-целое»[420].

Но эпоха капитализма не могла способствовать этому, потому что именно капитализм активно внедрил в общество техническое разделение труда, достигшее пика в мануфактурный период, когда отдельный работник совершал всего одну из операций производственного цикла. Собственнику предприятия это нововведение было выгодно, потому что разделение труда, во-первых, позволяло экономить время, которое уже не расходовалось на переход от одной трудовой операции к другой, во-вторых, увеличить качество выделки продукции, поскольку работник быстро привыкал выполнять «свою» трудовую операцию с максимальной ловкостью и мастерством, а кроме того, легче мог вводить разные усовершенствования орудий труда. Все это, в конечном счете, повышало производительность труда и одновременно снижало стоимость как продукции мануфактур, так и рабочей силы, что коренным образом изменило качество всей социальной жизни и, в частности, создало четко поляризованную структуру общества в период промышленного капитализма, когда человеческий труд, ставший уже до крайности дешевым, оказался не в силах удовлетворять возросшие потребности общества в промышленной продукции. Тогда-то и сформировалось машинное производство, позволившее увеличить производительность труда в десятки и даже сотни раз и в то же время сократившее потребность в рабочей силе, стоимость которой еще более снизилась.

Все эти изменения в западном капиталистическом обществе требовали подробного освещения, особенно вопросы соотношения уровней прибыли и заработной платы, поскольку к этим вопросам слушатели кружка И.И. Савельева имели повышенный интерес. Однако, из-за того, что цензура вмешалась в текст книги, многие моменты капиталистической действительности в Европе и России остались необъясненными. И хотя в том не было вины Богданова, В.И. Ленин в рецензии к «Краткому курсу...» посчитал нужным высказать критические замечания: «Как общий недостаток книги, мы должны отметить отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам (хотя бы, напр., об организации производства в средние века, о развитии машинного производства и рельсовых путей, о

[420] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 43.

росте городского населения, о кризисах и синдикатах, об отличии мануфактуры от фабрики и т.д.) подобные примеры из нашей экономической литературы были бы очень важны, а то усвоение предмета сильно затрудняется для начинающего отсутствием знакомых ему примеров»[421]. Это, пожалуй, самое крупное из замечаний Ленина, хотя справедливости ради следует отметить, что публицистических работ по тематике, указанной автором «Экономического содержания народничества», было в России предостаточно.

Особый характер богдановского марксизма теоретики российской социал-демократии приняли без комментариев. Они пока еще не были настроены обвинять А.А. Богданова в искажении положений «Капитала», хотя различие во взглядах имело отношение к фундаментальным позициям марксистской доктрины. Прежде всего, создатель «Капитала» делал основной акцент *на праве собственности* на средства производства, а Богданов все внимание сосредоточивал *на организации производства*, т.е. рассматривал проблему шире, потому что право собственности – это только одна из составных частей процесса организации экономического взаимодействия в обществе. Согласно теории Маркса, капиталисты именно благодаря праву собственности на средства производства получали легитимные основания для хищнического присвоения прибавочной стоимости, и это закономерно вело к социальному взрыву или иной форме классовой борьбы между пролетариатом, создававшим для общества все материальные блага, но не имевшим ничего, кроме «цепей» (т.е. постоянно действующих нормативно-правовых ограничений, уменьшавших отделяемую на нужды пролетариев долю прибыли буквально до уровня физиологического минимума), и слоями общества, которые присваивали себе плоды чужого труда в соответствии с действующими законами; борьба между этими двумя классами, по Марксу, могла завершиться лишь с исчезновением социально-экономических функций капиталистов-собственников, перешедших к паразитическому образу жизни, – и с перераспределением собственности на средства производства в пользу всего общества, руководимого пролетариатом.

А по Богданову картина получалась несколько иной: любой господствующий класс (не только буржуазия) стремился обеспечить такую систему общественного производства и распределения, при которой наибольшая доля произведенных жизненных благ доставалась тем, кто был подготовлен эффективно совмещать «организаторские» и «исполнительские» функции. Поэтому *смысл классовой борьбы Богданов видел не в искоренении*

[421] Ленин В.И. Рецензия на книгу А.А. Богданова «Краткий курс экономической науки» // Ле-

класса капиталистов-организаторов производства, а в таком изменении системы сотрудничества классов, при котором происходило бы слияние исполнительских и организаторских функций в руках тех, кто реально осуществляет производство жизненных благ. Целью функционирования такой системы (богдановского социализма) должно было стать отнюдь ***не получение прибыли, а обеспечение подвижного равновесия между общественным производством и общественным потреблением*** *как двумя сторонами хозяйственного процесса, служащего основой полноценной жизнедеятельности общества*. В борьбе за установление социализма такой формации недопустимо, чтобы пролетариат действовал несамостоятельно, не владея упорядоченными знаниями об экономической сфере жизни общества и о том, что нужно менять в этой сфере для победы нового строя.

Эти выводы автора «Краткого курса экономической науки», вероятно, представляли собой творческое переосмысление одного из программных положений анархо-коммунизма, согласно которому целью общественного производства должно стать удовлетворение жизненных потребностей всех членов общества, а не обеспечение сверхприбылей немногочисленной группе собственников средств производства в ущерб остальному населению[422]. Таким образом, А.А. Богданов дополнил Кропоткиным Маркса, уделявшего в анализе капиталистического общества основное внимание развитию производства и эволюции форм присвоения прибавочного продукта.

Выводы Богданова, кроме всего прочего, отражали специфику российской социальной структуры рубежа XIX и XX вв.: в стране не наблюдалось одного четко выраженного господствующего класса, вроде западноевропейской буржуазии. К тому же прибавочный продукт общества распределялся в России между тремя социальными группами, обладавшими правом собственности на средства производства – между 1) государственной бюрократией, олицетворявшей верховную власть в стране и контролировавшей крупные казенные заводы, железные дороги и обширные земельные угодья, наподобие императорских уделов; 2) капиталистами-промышленниками, в частной собственности которых находились фабрики, обслуживавшие интересы владельцев, а не государства и бюрократии; 3) все еще сильным дворянством, представлявшим значительную экономическую силу, обеспечивавшую производство и распределение сельскохозяйственной продукции, включая ее экспорт в Европу. Похожее деление российского господствующего класса было отмечено

нин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1967. С. 43.

[422] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С. 3–5. Для сравнения см.: Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 194–195.

в 1890 г. Плехановым, но совершенно в другом контексте[423].

А.А. Богданов делил собственников России на три сословные группировки в связи с тем, что в Российской империи формирование капиталистических отношений совершалось в условиях сохранения многочисленных феодальных пережитков, начиная с абсолютистского режима и заканчивая помещичьим землевладением, которые тормозили развитие капитализма в России. Между тем, пропагандисты-оппозиционеры, игнорируя особенности структуры господствующего слоя российского общества, ориентировали трудовые массы на борьбу только против самодержавия, в то время как причины и характер господства собственников, бесконтрольно хозяйничавших каждый в своей епархии, сообразуясь исключительно с личной наживой, нейтрализовать можно было лишь концентрацией противодействия *всем* эксплуататорским сословиям. Именно поэтому в «Кратком курсе экономической науки» проблема эксплуатации труда рассматривалась Богдановым в исторической перспективе более детально, чем в «Капитале» Карла Маркса.

Все это в совокупности позволяет утверждать, что исторический материализм автора «Краткого курса...» отличался от исторического материализма Маркса более пристальным вниманием ко взаимосвязи социальных и природных явлений, тщательным анализом проблемы классообразования на основе разделения организаторского и исполнительского труда, исследованием особенностей межсословного взаимодействия. Это объяснялось в первую очередь тем, что Богданов определял главную цель своей книги несколько шире, чем просто пропаганда революционного марксизма в рабочей среде. Созданный на основе кружковых бесед учебник политической экономии представлял собой по внешней форме типичное просветительское произведение, в котором на многочисленных исторических примерах разъяснялись основные закономерности строения общественного хозяйства. Именно так восприняли эту книгу царские цензоры и критики-интеллигенты. Однако в действительности содержательная часть книги давала рабочим нечто большее, чем знание основ капиталистической рыночной экономики: в емких и точных формулировках Богданов объяснял принципы построения экономической сферы жизни общества, показывая, из чего первоначально складывалась хозяйственная деятельность людей, как она развивалась и усложнялась, в каком направлении шла ее эволюция и каким образом можно изменить нынешнее социально-экономическое состояние. В результате вместо набора отвлеченных знаний читатели-

[423] См.: Плеханов Г.В. Внутреннее обозрение I // Плеханов Г.В. Сочинения. В 30-ти т. Т. 3. М.-Л.:

рабочие получали *технологию анализа* социально-экономической ситуации, позволявшую самостоятельно найти причины возникшей проблемы и возможные пути ее решения. По мысли автора «Краткого курса...», нельзя было допустить, чтобы в борьбе за свои права и за социализм как реорганизацию общественного производства и потребления в интересах трудящихся пролетариат действовал стихийно, не имея четких и упорядоченных представлений о социально-экономической системе общества, и о том, *что именно* в существующей системе необходимо менять ради установления более справедливого строя. Идея разрушения старого мира «до основания», чтобы на его руинах строить новый, Богданову казалась абсурдной, поэтому (а не только по цензурным соображениям) никаких призывов к революции в его книге не было. В те годы решение насущных проблем общества он видел в просвещении, прогрессе техники, совершенствовании методов защиты интересов рабочего человека, т.е. процессов, которые не требовали радикальных насильственных преобразований. Такой путь *мирной* трансформации общества на основе богдановских принципов был позднее представлен в романе-утопии «Красная звезда»[424].

Знакомство с «Кратким курсом экономической науки» по прошествии более чем ста двадцати лет со времени выхода в свет позволяет сделать вывод, что молодой исследователь написал экстраординарную книгу: многие из его идей впоследствии обрели второе рождение и получили развитие в теориях других ученых, изменивших жизнь человечества в XX в. Так, богдановская концепция подвижного равновесия между производством и потреблением получила теоретическую разработку в трудах Джона Кейнса в 1920-х гг.; идея Богданова относительно мирного (бескровного) перехода от капитализма к социализму нашла отражение в теории конвергенции П.А. Сорокина в 1940-х гг.; выводы Арнольда Тойнби о цивилизации как «ответе» на «вызов» природной среды, сформулированные в 1930-х – 1940-х гг., перекликаются с гипотезой А.А. Богданова о влиянии природно-климатических факторов на характер развития общества; и т.д. Не все эти исследователи были знакомы с книгой Богданова, но тот факт, что каждый из них в своей области знаний приходил позже к тем же выводам, что и автор «Краткого курса экономической науки», говорит сам за себя.

Между тем для современников Богданов не стал «пророком в своем отечестве». Публичное признание прозвучало лишь в некрологах. А в конце XIX столетия российские интеллектуалы увидели в его книге лишь очень хорошее пособие по марксизму,

---

Госиздат, 1923. С. 236.

доступное пониманию самой массовой аудитории, – и не более! Возможно такому восприятию способствовало отсутствие той ошеломляющей сенсационности, которую у искушенной публики принято называть «новым словом». Таким новым словом для России конца XIX в. был именно марксизм, а Богданов воспринимался всего лишь интерпретатором теории Маркса. Но массовым читателем «Краткий курс...» был принят сразу и безоговорочно. То, чему Богданов учил своих тульских слушателей, теперь могли узнать пролетарии всей России – в особенности те, кто входил в социал-демократические организации. Правда, РСДРП тогда еще не оформилась в единую партию и представляла собой ряд кружков, не связанных организационно и не ответственных друг за друга. Идейная концепция этих небольших политических образований была похожа на смесь теории марксизма с либеральными понятиями, и потому появление книги Богданова, дававшей самое подробное и легко воспринимаемое представление об основах социально-экономической концепции Маркса, было очень своевременным. Цель, ради которой молодой ученый трудился целый год, была достигнута с блестящим результатом.

2.4 «Основные элементы исторического взгляда на природу» – первый философский труд ученого. Системный характер конспиративной работы А.А. Богданова в Туле. Арест. Тюрьма

После выхода книги из печати в 1897 г. автор «Краткого курса экономической науки» понял, что он на правильном пути: поначалу стихийное участие рабочих в кружках самообразования сменилось гармоничным сотрудничеством между слушателями и лекторами. Созидательно-творческая просветительская деятельность послужила толчком для расширения просветительской работы – те, кто еще вчера ничего не знал об общественных законах, теперь сами стали обучать других, разъясняя по-богдановски формулы марксизма: мысли и стремления человека зависят от его экономического состояния – это и есть «сознание определяется бытием»; не заводчик и скупщик дают занятие рабочим и обеспечивают их заработком, а пролетариат своим трудом кормит капиталиста и увеличивает его богатство, и т.д. Убедившись, что без знания законов мира у рабочего человека воля ограничена, кругозор узок, мысль неповоротлива, слушатели Богданова вновь пришли к нему за наукой, и в 1898 г. он, «стремясь дать ответ на широкие

---

[424] См.: Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 131–134.

запросы <…> рабочих в смысле общего мировоззрения, написал для них свою первую философскую книгу “Основные элементы исторического взгляда на природу”»[425], на 254 страницах которой подверг тщательному анализу уже не одно только общество, а все мироздание в целом. В новом учебнике А.А. Богданов последовательно рассмотрел становление мира природы, эволюцию жизни, развитие психики и формирование интеллекта. Постепенное восхождение человечества от низших форм социального бытия к высшим завершало обзор, который можно было бы назвать гимном жизни и прогрессу.

Эта философская работа Богданова отличалась от других исследований подобного плана подходом к известным фактам и процессам с непривычной для научного мира точки зрения. Но главное – молодой автор высказал ряд мыслей, целенаправленное развитие которых впоследствии привело его к идейному противостоянию со всей системой классической философии, включая марксизм в догматической версии. Богданов, хотя и стремился изобразить картину мира в духе Марксова исторического материализма, но сделал это по-своему – не отказываясь от философии «суровых демократов-“нигилистов”»[426]. Будучи «горячим сторонником того мировоззрения, которое можно обозначить как “материализм естественников”»[427], Богданов еще в гимназические годы пленился их идеей строгого монизма в познании. Согласно этой концепции, «атомистически представляемая материя в своих разнообразных сочетаниях, в своем непрерывном движении образует все содержание мира, сущность всякого опыта, и физического, и психического»[428]. Однако подробное знакомство со всеми аспектами трансформации человечества в каждый из исторических периодов поневоле подталкивало ученого к мысли о недостаточности одного только «материализма естественников» для объективного исследования общественных процессов. Как отмечал в своих воспоминаниях о друге В.А. Базаров, для Богданова, когда он приступил к работе над «Основными элементами...», «в свете Марксова *исторического* материализма <...> стала ясна ограниченность того *статического* “материализма естественников”, который он до сих пор разделял. Но что значит заменить статическую точку зрения на природу исторической? Это значит, прежде всего, отказаться от истолкования природы как совокупности неизменных “вещей”, резко отграниченных друг от друга. Это значит рассматривать природу как непрерывный поток превращений, в котором могут быть выделены не статические “вещи”, а лишь *относительно* устойчивые [фор-

---

[425] Богданов А.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. С. 361.
[426] Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. С. 216.
[427] Там же.
[428] Там же.

мы процессов], формы движения, находящиеся в процессе непрерывного взаимодействия с окружающей их средой»[429]. По Богданову, «динамическая связь между всеми явлениями природы означает не только монизм объекта, но и монизм методов познания»[430]. Мало того, только в органичном соединении философии «естественников» с «социально-генетическим» подходом, присущим марксистскому мировоззрению, обнаруживалась четкая зависимость изменений идеологических форм от уровня и характера развития «материального базиса» общественной жизни на каждом этапе эволюции человечества. Это помогало ученому доносить до слушателей то, что в меняющемся материальном мире не бывает «объективно-надысторической», неизменной, «абсолютной» истины, поскольку каждому историческому периоду присущи своя идеология, свои духовно-мировоззренческие нормы, своя «истина времени»[431]. В «Основных элементах...» Богданов настаивал на том, что «безусловной, абсолютной истины никакое познание не может дать. Истина познания всегда относительна, т.е. ограничена, имеет силу только в пределах известных условий <...>. Истина нужна *для деятельности;* а так как человеческая деятельность во всякое данное время ограничена, то ограниченная, т.е. относительная, истина познания может быть вполне достаточна для нее. С расширением деятельности прежняя истина становится недостаточной и должна измениться»[432]. От этого заявления, представлявшего собой квинтэссенцию целостной философской концепции, которую Богданов предложил читателям в своей новой книге, оставался всего один шаг до разрыва с русскими марксистами, подавляющее большинство которых (начиная, прежде всего, с таких ведущих теоретиков, как Г.В. Плеханов) признавало доктрину Маркса в качестве абсолютной методологии анализа общественной жизни.

Тем не менее после выхода в свет книги Богданова этот шаг к разрыву еще не был сделан, хотя сообщество тех, кто привык относить себя к числу «властителей дум», почувствовало в авторе возмутителя спокойствия, что по законам жанра требовало полемической сатисфакции. В этой среде принято было считать философию наукой мудрых, основу деятельности которых составляла разработка вопросов мировоззрения, формируемого на базе общих принципов развития природы, общества и мышления и нацеленного на поиск путей прогресса человечества. Механизм взаимодействия мудрецов-теоретиков и практиков, воплощающих в жизнь их идеи, был выработан еще в античную эпоху и в течение ты-

---

[429] Базаров В.А. А.А. Богданов // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 110 – 111.
[430] Там же. С. 111.
[431] См.: Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 216, 217.
[432] Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: Издатель, 1899. С. 9.

сячелетий обеспечивал высокую эффективность изучения и освоения мира. При этом, какое бы идейно-политическое направление в общественной жизни ни возникало, оно пользовалось выработанными классической философией методологическими принципами, ее терминологией и совокупностью всех форм мировосприятия.

Однако Богданов в своей монографии оспаривал не эту точку зрения на уникальную роль философии, служившей многие века двигателем прогресса. Молодой исследователь предлагал посмотреть на общественную жизнь глазами современника, весь практический опыт которого свидетельствовал о том, что с началом промышленного переворота и сопутствующим ему расцветом естественных наук эта привычная схема взаимодействия теоретиков-организаторов и практиков-исполнителей оказалась нарушенной: объем опыта, накопленный практиками, начал с высокой интенсивностью возрастать, многократно превосходя возможности теоретиков по анализу общего состояния социума, поскольку на прикладную деятельность практиков работали большие исследовательские коллективы специалистов, оснащенные по последнему слову техники, а философ-теоретик, как и в Древней Греции, работал в одиночку, используя только собственный интеллектуальный потенциал. Вследствие этой диспропорции наметился разрыв между достижениями прикладных и теоретических наук. Особенно сильно в этом процессе «пострадала» философия, утратившая возможность сформировать единую целостную картину мира. Богданов считал, что до победного самоутверждения капитализма в европейском обществе, сопровождавшегося бурным развитием техники, что расширяло не только возможности индустриального производства, но и горизонты прикладных наук, философия по праву представляла собой «науку наук» – ту сферу мышления, которая по справедливости «заслуживает того, чтобы ее отделить от точной науки, и которая, однако, находится с нею в теснейшей связи. Это – область гипотез, идущих дальше обобщений точной науки и объединяющих эти обобщения в одно стройное целое. Человеческое познание стремится к целостности; для людей, логически мыслящих, источником страданий являются не только прямые противоречия, но и всякие сколько-нибудь значительные пробелы в сфере познания. Эти противоречия оно примиряет и эти пробелы заполняет с помощью творческой деятельности, создающей *философские гипотезы*. Таким образом, философия есть область гипотез, которые основываются на последних достижениях науки, но идут дальше их и имеют своей задачей установить единство, целостность в познании»[433].

[433] Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: Издатель, 1899.

Поскольку традиционно развитие прикладных наук в доиндустриальный период координировалось через философскую картину мира (пробелы в этой картине становились новыми областями научного поиска), то отсутствие такой координации в промышленной Европе закономерно привело к прогрессирующему обособлению различных областей прикладного специализированного знания. Утратив связь между собой, эти области стали жить собственной жизнью, развиваясь каждая «из себя» и «для себя», получив при этом четко ограниченную область применения, свои особые методы и свой особый терминологический язык, понятный лишь посвященным. Все, что не вписывалось в границы этих специализированных наук, было отнесено по ведомству философии, все более и более превращавшейся, с точки зрения рядового обывателя, в «общую теорию всего»[434]. В результате и философия, и прикладные науки оказались бессильны определить общие закономерности развития социальной системы, начиная от направления и заканчивая перспективами этого развития. Любые попытки сформулировать такие закономерности все чаще превращались в диалог слепцов, ощупывающих слона, что для «науки наук» означало крах.

Логику катастрофических последствий этого процесса для философии первым среди социал-демократов почувствовал не Богданов, а Ленин еще в 1895 г. Тогда он весьма энергично настаивал на том, что народники-теоретики «не могли не видеть, что действительность беспощадно разбивает их иллюзии»[435], но тем не менее в своих рассуждениях продолжали опираться на утопический идеал. Они, по утверждению Ленина, и не собирались задумываться над тем, что для реализации поставленных целей пригодны только те идеалы, которые сведены к фактам и изучены либо благодаря сопоставлению этих фактов «с твердо установленными законами других наук», либо путем их оценки «с точки зрения новой теории»[436]. И в том, и в другом случае, по мнению Владимира Ильича, «*философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование* (курсив мой – А.Л.)»[437].

Буквально следом за ленинской работой в 1896 г. появились «Очерки по истории материализма» Г.В. Плеханова, где прозвучал вывод, более напоминающий беспощадный приговор: «Философия, оказавшая в прошлые столетия огромные услуги естествознанию,

---

С. 212.

[434] См.: Сагатовский В.Н. Вселенная философа. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 119.

[435] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 435.

[436] Там же. С. 435, 438.

[437] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1.

должна была освободить социальную науку из лабиринта противоречий. По выполнении этой задачи философия могла бы сказать: "*Я исполнила свой долг, я могу уйти, так как в будущем точная наука должна сделать бесполезными гипотезы философии*"»[438]. Столь категорический тон Плеханова относительно приоритетности точного знания перед философией только на первый взгляд казался неожиданным. Если учесть, что Георгий Валентинович в свое время предпочел самообразование систематическому знанию, ограничив последнее гимназическим курсом, четырьмя месяцами обучения в Константиновском артиллерийском училище и одним годом в Горном институте, – то становится понятной его вера в то, что ему удалось определить для своего просвещения тот круг «капитальных сочинений»[439], который концентрировал в себе всю полноту научной и практической мысли. Произведения Маркса и Энгельса рассматривались Плехановым как вершина развития науки, а вот опорным элементом этого развития Георгий Валентинович считал работы русских революционеров-демократов и французских энциклопедистов – последних философов-просветителей, трудившихся над созданием целостной картины мира, которая включала в себя все достижения естественных наук. Именно эти «капитальные сочинения» Плеханов взял на вооружение, особо не смущаясь нестыковками в концепциях либералов-просветителей и революционеров-марксистов, раз уж эти разнородные системы объединяло представление о том, что основой любой философской концепции является точное научное знание. Кроме того, фактическое отождествление философии и точной науки закрепляло за Плехановым уже достигнутый им на политическом Олимпе статус первого русского философа-марксиста. Непоколебимая уверенность Георгия Валентиновича в прочности своего лидирующего положения среди социал-демократов подкреплялась еще и тем, что целое поколение молодых сторонников марксизма познакомилось «с философскими основоположениями Маркса <…> по переводу Плеханова»[440], который вскоре привык чувствовать себя главным толкователем доктрины Маркса и принимал как должное то, что к нему «стали обращаться <...> за авторитетным разрешением всевозможных вопросов, в том числе философских»[441], раз уж «судьба заставила его, одного из первых русских марксистов, популяризировать социально-философские и общефилософские идеи Маркса и Энгель-

---

М.: Политиздат, 1967. С. 438.

[438] Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 148.

[439] Выражение Н.Г. Чернышевского из романа «Что делать?».

[440] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 148.

[441] Там же. С. 145.

са»[442]. По мере роста признания авторитета Плеханова крепла его уверенность в том, что *марксизм как раз и есть та востребованная жизнью точная наука, которая должна прийти на смену бесполезным философским гипотезам*. Чувствуя себя патриархом этого научного направления, он не торопился с разъяснениями заявленной позиции ни после опубликования своих «Очерков по истории материализма», ни после появления в печати богдановских «Основных элементов исторического взгляда на природу». Верный своей привычке ждать, чтобы его «просили <...>, прямо настаивали»[443] быть арбитром в спорных теоретических вопросах, Георгий Валентинович взял тайм-аут до тех пор, пока потребность в его веском слове не станет очевидной для всех.

В итоге три последовательно прозвучавшие предложения свергнуть философию с пьедестала «науки наук» (ленинское в 1895 г.; плехановское в 1896 г.; богдановское в 1899 г.) повергли многих образованных людей России в состояние молчаливого ступора – наступило своего рода напряженное затишье перед бурей. Лишь В.И. Ленин, первый из ниспровергателей, искренне радовался мощной поддержке идеи, вскользь высказанной им в полемическом состязании с народниками, и «на все лады рекламировал <...> своим единомышленникам и товарищам по ссылке»[444] книги А.А. Богданова. Автором «Краткого курса...» и «Основных элементов...» Владимир Ильич продолжал считать Плеханова. Косвенным образом существование этого мнения подтверждается письмом из Сибири А.Н. Потресову от 27 июня 1899 г.: «Я уже по первой книге Богданова заподозрил мониста, а заглавие и содержание второй книги усиливают мои подозрения»[445]. Для Ленина *монистом* в России мог быть только Плеханов. Путаница возникла совсем не из-за сходства философских воззрений Плеханова и Богданова: Ленин не считал для себя возможным оценивать сходства-различия взглядов, т.к. в те годы еще позволял себе откровенно и без утайки признавать «свою философскую необразованность»[446] в вопросах, требующих объективного суждения. Дело было в показавшейся умозрительной связи названия работы Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и идеи монизма познания в «Основных элементах исторического взгляда на природу», которые – в соответствии с подобной логикой рассуждений – вполне могли

---

[442] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма //Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 143.

[443] Цит. по: Садовский В.Н. Эмпириомонизм А.А. Богданова: опыт прочтения спустя столетие после публикации // Вопросы философии. М., 2003. №9. С. 95.

[444] Лепешинский П.Н. Трагедия крупного ума // Огонек. 22 апреля 1928 г. №17 (265).

[445] Ленин В.И. Письмо А.Н. Потресову. 27 июня 1899 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 31.

[446] Ленин В.И. Письмо А.Н. Потресову. 27 июня 1899 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 31.

восприниматься естественным продолжением многопланового научного исследования Плеханова. По крайней мере, в примечаниях В.С. Клебанера к публикации о В.А. Базарове высказывается именно такое предположение[447].

Ленин в своих восторгах и стремлении решительно встать на сторону «мониста» против любого рецензента, особенно если в отзыве не имелось ни слова по существу[448], не сразу понял, что его идея – *либо* заменить философию новой эффективной теорией, *либо* воспользоваться твердо установленными законами других наук[449] – развела Плеханова и Богданова по разные стороны философских баррикад. Георгий Валентинович не видел иной альтернативы традиционной философии, кроме «абсолютной истины» в виде диалектического материализма и всей идейно-мировоззренческой системы Маркса и Энгельса, и отныне блюсти «чистоту» марксизма – новой эффективной теории – стало смыслом его жизни и деятельности. А Богданов в «Основных элементах...» и во всех последующих работах доказывал, что на смену отвлеченной науке философии требовалась принципиально новая система представлений, интегрирующая достижения прикладных – специальных – наук и преодолевающая их методологическую узость. В качестве такой интегрирующей области знания Александр Александрович избрал физику с ее четкими эмпирически проверяемыми законами, наподобие законов Ньютона. Поэтому в «Основных элементах...» сквозь диалектический материализм проглядывали еще не совсем понятные читателям выводы его будущей организационной науки тектологии, априори неприемлемой для сторонников классической философии, мировосприятие и терминология которой прочно обосновались в марксизме, в то время как молодой исследователь в свою первую философскую работу рискнул привнести не только оригинальные идеи, ни на что ранее известное не похожие, но и особый язык. Это исключило адекватное понимание «Основных элементов...» философами-современниками Богданова: они с недоумением воспринимали концепцию молодого ученого, не понимая, зачем в его исследовании анализ общественных явлений пестрит языковыми нововведениями, более уместными в трудах физиков и биологов («энергия», «закон сохранения энергии», «закон подбора» и т.п.), почему молодому человеку, замахнувшемуся на звание философа, развитие мира представляется как «исторический процесс», а не диалектически познаваемая реальность в ее движе-

---

[447] Клебанер В.С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 120.

[448] Ленин В.И. Письмо А.Н. Потресову. 27 июня 1899 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 31.

[449] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 438.

нии и противоречиях, для чего «метафизическое» видение мира потребовалось называть «статическим»[450]. Приверженцы классической философии буквально с момента выхода из печати «Основных элементов...» игнорировали концепцию Богданова как незрелую, а вводимые им новые термины приняли за оригинальничание в духе модного тогда декадентства, которое на рубеже веков отличалось весьма своеобразными стилистическими приемами, напоминавшими брюсовские строки: «...Фиолетовые руки на эмалевой стене полусонно чертят звуки в звонко-звучной тишине»[451], – где, если бы не название стихотворения, невозможно было догадаться, что речь идет о творчестве.

Интеллигентным критикам было невдомек, что Богданов, предназначая свою книгу для пролетарской аудитории, учитывал тот факт, что деятельность рабочих была связана с производственной техникой, функционирование которой подчинялось естественнонаучным закономерностям. Эти закономерности были более понятны рабочему, чем отвлеченные умозаключения классической философии. Поэтому терминология «Основных элементов...» должна была соответствовать строю мысли тех, для кого писалась книга. Но попытка Богданова ввести термины интенсивно развивающихся естественных наук в философское исследование не была оценена адекватно авторскому замыслу в момент выхода в свет «Основных элементов...» без понимания того, что *Богданов объективно не мог учить рабочих философии в традициях XIX столетия*. О том, что у молодого исследователя была совсем иная, четко обозначенная в работе цель, поведал его друг В.А. Базаров в очерке «А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель и популяризатор»: «Закономерность процессов природы нашла себе наиболее точную и строгую формулировку в механике, опирающейся на установленные Исааком Ньютоном “аксиомы” или “законы движения” <...>: 1) закон инерции, 2) закон прямой пропорциональности между изменением количества движения и величиной действующей силы и 3) закон равенства действия и противодействия. Анализируя эти основные начала классической механики, А. Богданов ставит два вопроса: 1) не являются ли ньютоновские “аксиомы” частным приложением универсальных принципов, применяемых не только к механическому движению, но и ко всем вообще процессам мертвой и живой природы? 2) нельзя ли их рассматривать как три стадии раскрытия единого и всеобщего начала закономерности в познании, начала *при-*

[450] Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 210 – 212.

[451] Брюсов В.Я. Стихотворения. Минск: Государственное учебно-педагогическое издательство БССР, 1955. С. 40.

чинной связи явлений? На оба эти вопроса он отвечает положительно»[452].

И действительно, достаточно присмотреться к русским пословицам, чтобы убедиться в объективности выводов Богданова: первый ньютоновский закон и зафиксированная в речевом обороте мудрость житейского опыта народа тождественны в отражении «того универсального принципа познания, которым отрицается абсолютная свобода, как "всякие самопроизвольные, не обусловленные извне изменения форм, процессов"[453]»[454]. Выражения типа «*Нет дыма без огня*» или «*Ex nihilo nihil est*» (ничто не возникает из ничего), фиксирующие мысль как квинтэссенцию общественной практики, указывают точно так же, как и закон инерции в механике, на такую связь между причиной и следствием, при которой «всякое изменение процесса <...> есть результат действия извне»[455], итог дополнительного влияния. Второй закон классической механики, учитывающий пропорциональную зависимость движения от параметров воздействующей силы, вполне соотносится с богдановским законом определенного действия, возникающего в природных и общественных системах: «Одинаковые формы процессов под одинаковыми влияниями подвергаются одинаковым изменениям»[456]. Здесь особенно важно качество воздействия на социальную среду. Так, при разделении труда на организаторский и исполнительский огромное значение приобретает *тип господствующего мышления*. Если преобладает авторитарное мышление, то вся система общественных отношений и мировоззренческих ценностей приобретает *статический* характер, потому что взаимодействие на авторитарных началах не допускает отступления от установленных идеологических норм, препятствует сознательной инициативной деятельности, формирует в исполнителе зависимую личность[457]. Мышление, противоположное статическому, ученый называл динамическим[458]. Для людей динамического мышления более привлекателен «товарищеский дух» сотрудничества, ибо обладатели передовых умонастроений при поддержке единомышленников принимают в расчет авторитетное мнение до тех пор, пока оно находит подтверждение в эффективной организации человеческой деятельности. В этом случае происходит то, что в классической механике называется законом равенства действия и противодействия: этот закон «устанавливает не только качественную, но и количественную определенность причинной

---

[452] Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель и популяризатор// Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 111.

[453] Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 31

[454] Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель и популяризатор// Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 111.

[455] Богданов А.А. Основные элементы... С. 28.

[456] Там же. С. 31.

[457] Богданов А.А. Основные элементы... С. 14.

[458] Там же. С. 16.

связи явлений – измеримость и соизмеримость причины и действия»[459].

При возникновении диспропорции между этими величинами обе системы – и механическая, и общественная – окажутся дезорганизованными. При этом разница наблюдается только в природе дезорганизующих действий: на механическую систему воздействуют физические силы разрушительного характера, а на социальную – осознанно-волевые стремления людей. Для измерения физических сил инструментарий уже был создан наукой, а для определения многомерных «могучих социальных сил, движение которых увлекает, как пылинки, человеческие атомы»[460], адекватный инструментарий еще только предстояло разработать. Поэтому Богданов в «Основных элементах...» доказывал на примерах из естественных и общественных наук, что процесс сотрудничества, понимаемый как согласованное взаимодействие, повышает качество природной и социальной системы в целом, тогда как несогласованность парализует ее развитие. При таком взгляде на мир любимому философами XIX в. понятию субстанции просто не оставалось места, потому что представления о вечной, *неизменной и не обусловленной внешними причинами первооснове* объективно не годились для адекватного восприятия жизненных реалий с точки зрения динамично развивающегося класса, которому предстояло не просто стать катализатором общественных преобразований, но и осуществить эти перемены собственными согласованными действиями.

Эта точка зрения Богданова входила в жесточайшее противостояние с позициями философов XIX в. – и в первую очередь со взглядами Канта на познание как категорию чистого рассудка, что было отмечено В.И. Лениным в письме А.Н. Потресову: «Богданов не *игнорирует* кантианство, а *опровергает* его»[461]. Александр Александрович вступил на этот путь противостояния вполне осознанно. Вся дальнейшая его деятельность – и научная теоретико-просветительская, и революционно-практическая – была подчинена этой сверхзадаче в период, когда в рамках индустриального общества начала складываться новая форма социального сотрудничества – ***коллективизм с его динамическим мышлением***. Либерализм и демократизм с их неизменными ценностями «абсолютной свободы» и «универсальных прав человека» стали терять свои преимущества перед коллективизмом, который ***опирался на принцип коэволюции личности и общества***. В

---

[459] Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель и популяризатор// Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 111.

[460] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 69.

[461] Ленин В.И. Письмо А.Н. Потресову. 27 июня 1899 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. С. 31.

этих обстоятельствах любая форма взаимодействия между людьми, основанная на *статическом* мышлении, служила, с точки зрения Богданова, серьезной помехой прогрессу, особенно в тех случаях, «когда отжившее, ненужное, социально-бесплодное мешает жить, отнимает силы у развивающегося, творческого, социально-полезного»[462]. Особый акцент Богданов при этом делал на роль лидеров и их ответственность перед массами: «Руководитель мог целые годы правильно и целесообразно вести дело, по всей линии поддерживая своевременным, умелым вмешательством достаточную устойчивость организации; но в одном вопросе ему изменила его интеллектуальная энергия или просто на минуту ослабло внимание – и получается часто непоправимый ущерб, иногда, как в боевой обстановке, полное крушение»[463]. И дело здесь не в личности, а в ограниченности авторитарного управления организацией, которое «...характеризуется тем, что "организаторская функция", т.е. структурное приспособление всей системы, зависит всецело от индивидуального мозга "авторитета" или властителя, тогда как масштаб организационной жизни, конечно, *коллективный*. Следовательно, частичная и хотя бы кратковременная индивидуальная недостаточность отражается иногда непоправимо или даже гибельно на всем коллективе»[464].

По мнению А.А. Богданова, особо разрушительными могли оказаться также и конфликты вследствие несовпадения воззрений коллектива и авторитарной личности с ярко выраженными индивидуалистическими наклонностями. Последствия влияния такого властного индивидуалиста на всю систему коллективного сотрудничества вообще не поддавались объективной оценке с точки зрения классической философии. Ни Кант, ни Гегель, ни даже Маркс, особо популярные в XIX в. мыслители, ни их идейные наследники принципиально не рассматривали иррациональные формы социальной деятельности, ограничиваясь лишь констатацией факта существования обозначенных явлений. А между тем, отмеченный Богдановым еще в «Кратком курсе...» авторитарный дуализм применительно к философии формировал две линии мышления, которые наиболее отчетливо проявлялись в организации пропагандистско-просветительской деятельности в России конца XIX столетия. Этот вопрос особенно сильно волновал молодого ученого, считавшего, что в политических движениях первая линия мышления чаще всего была характерна для идеологов, выполнявших функцию стратегов-теоретиков об-

---

[462] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 68.
[463] Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. С. 147.
[464] Там же.

щественного движения. Обычно они намечали цель деятельности и магистральное направление к ее реализации. Обобщив идейные разработки в логические схемы, они при этом использовали ту часть высших достижений мировой культуры, которая наиболее соответствовала избранной доктрине.

Под идейным руководством стратегов-теоретиков действовали исполнители-практики с более низким уровнем общемировоззренческой подготовки. Основная нагрузка в работе с массами ложилась на них, а линия мышления исполнителей-практиков изначально выстраивалась на иных – в сравнении с вождями-идеологами – принципах: им для практической деятельности доставались уже готовые схемы в сокращенно-упрощенном изложении, не формирующем должной связи между идеей, формой и средствами достижения цели, ориентирующем сугубо на задачи «текущего момента». Поэтому исполнителям приходилось быть тактиками, адаптирующими идеологизированные замыслы стратегов-теоретиков к конкретным практическим ситуациям, составлявшим «злобу дня». Для теоретической подготовки исполнителей из всего арсенала научного наследия выделялась лишь малая совокупность оптимальных сведений, достаточных, с точки зрения идеологов, для реагирования на ситуацию и для выполнения тех практических задач, последовательное решение которых соответствовало программным логическим схемам. Любое познание сверх предложенного считалось недоступным пониманию масс и потому излишним.

По мнению Богданова, подобная жесткая структура взаимодействия между стратегами и тактиками грозила серьезными проблемами для организации единомышленников избранной идеологии. Поскольку мыслительный процесс в принципе невозможно остановить, а «злоба дня» предоставляла все новые и новые факты для размышлений, то в среде теоретиков неизбежно было появление группы, адаптирующей генеральную доктрину к меняющимся условиям. Этому активно противостояли консервативно мыслящие блюстители идеологической чистоты, воспринимавшие ранее выстроенные несокрушимые логические схемы в качестве абсолютных истин. Происходило столкновение динамического мышления со статическим, при этом каждая сторона выдавала свой взгляд за наиболее соответствующий предписанному магистральному направлению к достижению программной цели, что неизбежно вело к бесконечным полемическим баталиям. В этой ситуации практики лишь умножали разброд, интерпретируя в меру своего разумения позиции теоретиков и факты, вызвавшие полемику. Крупномасштабные «шатания» идеологических ос-

нов не могли остановиться даже в результате внутренних расколов на фракции и группировки. Все это вместе взятое резко *снижало эффективность работы всех*.

Подобные процессы негативно отражались на просветительско-пропагандистской деятельности, особенно наглядно проявляясь в России по причине того, что агитаторам приходилось работать среди поголовно неграмотного населения. А это значит – каждый образованный популяризатор научной или политической теории сталкивался с однотипными, но глобальными по масштабу трудностями в процессе «собирания масс», незнакомых с азами мирового опыта. Практически в каждом рабочем кружке наблюдалась одна и та же картина: ***что*** сказать пролетариям на занятиях просветительского плана – для интеллигентов-просветителей проблемой не было; проблемой было – ***как*** сказать, чтобы предложенное содержание беседы оказалось доступным пониманию малообразованных слушателей.

Эту характерную для учебного процесса ситуацию А.А. Богданов изложил позднее в научно-фантастическом романе «Красная звезда», где главный герой волею обстоятельств оказался в положении обучаемого и поделился своими чувствами и размышлениями, когда, как ему показалось, он выбрал самый легкий путь для достижения желанной цели – *познать иной жизненный опыт*, «изучить выработанные наукой принципы устройства» иного мира[465] при поддержке терпеливых помощников: «Главные трудности тут возникли для меня *не из содержания* того, что приходилось изучать, *а из формы*. Я вспомнил, как в детстве мучил меня случайно попавшийся под руку французский учебник математики. У меня было серьезное влечение к этому предмету и, по-видимому, недюжинные способности к нему; трудные для большинства начинающих идеи “предела” и “производной” достались мне как-то незаметно, точно я всегда был знаком с ними. Но у меня не было той *логической дисциплины и практики научного мышления*, которую предполагал в читателе-ученике французский профессор, очень ясный и точный в выражениях, но очень скупой на объяснения. Он постоянно пропускал те *логические мостики*, которые могли *сами собой подразумеваться* для человека более высокой научной культуры, но не для юного азиата. И я не раз целыми часами думал над каким-нибудь магическим превращением, следующим за словами: откуда, принимая во внимание предыдущие уравнения, мы выводим... Так было со мной и теперь, когда я читал марсианские научные книги»[466] (курсив мой – А.Л.).

По мнению Богданова, решить проблему просветительско-пропагандистского дела

---

[465] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 169.

можно было только одним способом – создать такие методические пособия, которые представляли бы собой образцы доступного и лаконичного изложения сложного материала, чтобы непонятное становилось понятным каждому благодаря «логическим мостикам» и формированию «логической дисциплины и практики научного мышления». Однако всякий образованный просветитель, убежденный в своей способности без сторонних рецептов донести до любых слушателей научное слово и свою точку зрения, по-прежнему игнорировал тот факт, что образ жизни трудовых слоев формировали совсем иные стандарты восприятия жизненных реалий. Поэтому в России XIX в. происходило то, что происходило: «книжное» знание пропагандистов не давало массам полномасштабного осмысления явлений жизни, не знакомило с историческими предпосылками совершавшихся событий, не учило находить причинно-следственную связь между состоянием общества и теориями идеологов, не формировало навыки анализа и прогноза последовательности этапов развития социальных процессов. А в итоге обрывки знаний, получаемых от наставников, не складывались в целостную картину в сознании людей, которые не понимали, чему и для чего их обучали. А ***непОнятое – не усвоишь***, потому что процесс обучения состоит не из одной передачи суммы знаний: главная задача – в том, чтобы человек мог эффективно применять полученные знания в своей практической деятельности.

Однако образованная интеллигенция продолжала сохранять предписанную идеологами форму сотрудничества с массами, доводя упрощенное изложение сложных научных теорий до абсурдного примитива, в то время как люди нуждались в объективных доказательствах тесной взаимосвязи всех частей мироздания и постоянных изменений в нем. Чтобы достичь желаемого, по убеждению Богданова, необходимо яркими, запоминающимися примерами иллюстрировать доказательства того, что «минувшие века завещали нашему времени одно громадное заблуждение <...>. Продолжая все еще сохранять власть над большинством людей, оно служит сильной задержкой на пути человеческого развития. Сущность этого заблуждения составляет идея о *неподвижном, неизменном, абсолютном* в природе»[467], которая четко и последовательно делится человеческим сознанием на мир материальных предметов и мир невещественных сил. На самом деле весь мир, независимо от воли и желания людей, представляет собой текучее сочетание многообразных форм непрерывного движения материи, а предметы и явления связаны между собой сложным и многосторонним взаимодействием. Они «не обладают *полной* от-

[466] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 169.

дельностью от окружающей среды. Они сливаются с нею в бесконечном ряде процессов обмена»[468]. И вместе с тем «вещи» и «силы» сохраняются в относительной неизменности только благодаря динамическому равновесию между процессами среды и «формы», когда последняя «постоянно изменяется в одну сторону, теряя часть своих элементов, и в то же время в другую сторону, получая и присоединяя к себе новые такие же элементы из своей внешней среды»[469].

Вывод, к которому Богданов исподволь подталкивал своих читателей, служил констатацией только того, что всё абсолютное, однажды и навсегда утвержденное существует не в реальном мире – подвижном и постоянно меняющемся, – а исключительно в сознании людей, чьи органы чувств не приспособлены замечать подобные трансформации. Если этот принцип игнорируется, то происходит консервация сознанием каких-либо норм, обычаев и положений, безоговорочно принимаемых большинством в качестве обязательных правил жизни, нарушение которых воспринималось как дерзкий вызов всем. В новой книге А.А. Богданов делал особый акцент на том, что безынициативность людей, тормозящая когнитивное развитие личности, порождается в первую очередь культом непротивления авторитарно-начальственному давлению организаторов-управленцев. Скрытый смысл этого состоял в заинтересованности последних сохранить привилегированное положение. Еще хуже обстояло дело в ситуации, когда подчиненные исполнители – трудовые классы – для удобства управления полностью лишались доступа к широкому просветительскому знанию, составлявшему подлинную основу власти организаторского сословия[470].

Надо сказать, что соединение монополии на знание с консерватизмом позиций правящих классов действительно способствовало укреплению в общественном сознании права не только элиты, но и образованной части населения на исключительное положение среди соотечественников, более 85 % которых в глазах этой категории избранных по-прежнему оставались темной, забитой, безынициативной массой, ни на что, кроме тяжелого труда, не способной. Интеллигенция, несущая просвещение в народ, была уверена в слабом понимании малограмотными людьми того, что сообщается в «умных» книгах. По их представлениям, большинство вообще не умело ориентироваться в мире научной литературы без помощи наставника. Такую книгу,

---

[467] Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 11.
[468] Там же. С. 14.
[469] Богданов А.А. Основные элементы... С. 43.
[470] Богданов А.А. Основные элементы... С. 184–186, 198–204, 250.

как «Основные элементы исторического взгляда на природу», наставники-просветители никогда не порекомендовали бы своим подопечным для ознакомления: в содержании этой книги они не увидели по существу тематики почти ничего из того, что отличало бы этот труд от давно известных работ Ф. Энгельса, Ч. Дарвина, В. Вундта, Л.Г. Моргана и др. А особенности изложения материала отнесли на счет стремления автора хоть чем-нибудь отличаться от других исследователей. Уверенность в том, что этот труд не будет востребован читателями, давала повод критически настроенной интеллигенции не удостаивать его вниманием в прессе. Но, как оказалось, с прогнозом и амбициями они просчитались: книги молодого ученого были нарасхват, а опрос, проведенный в 1903 г. среди учащейся молодежи, показал, что в России Богданов – «наиболее читаемый автор-обществовед»[471].

А.А Богданову-просветителю мировоззренчески была чужда непоследовательная позиция русских марксистов, провозглашавших своей целью развитие рабочего движения и в то же время отвергавших саму идею формирования научного мышления в пролетарской среде, которую в ее незрелом состоянии не воспринимали как ведущую силу будущих общественных преобразований. В противоположность собратьям по социальному статусу и политическим убеждениям, молодой ученый сумел перенестись на позицию полуграмотных пролетариев и принять всем сердцем идею Маркса о роли самосознания трудового класса в преобразовании общества. Служение этой идее было для него и творчеством, и исследованием, и политическим действием, поскольку он понимал, что приобщение к научной информации в русском обществе на рубеже веков являлось не столько способом удовлетворения банального любопытства, сколько источником новой человеческой активности. Богданов доказывал своим интеллигентным оппонентам, как важно использовать эту активность, особенно в конце XIX в., когда безапелляционный призыв: «Настала пора освободить Россию от самодержавия»[472], – приобрел более чем грозный оттенок, и одни рвались в бой, склоняясь к террору, другие тяготели к либерализму и реформам á la Europa, третьи верили в революцию, а все вместе не понимали, что *убийство царя, свержение самодержавия, установление республики, предоставление демократических свобод – это не те преобразования, которые поменяют суть жизни подавляющего большинства населения России*. Если оглядываться на Европу, то необходимо признать очевидное: кричащее социальное неравенство и жесткая эксплуа-

[471] Цит. по: Любутин К.Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. М., 2003. №9. С. 77.

[472] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 97.

тация трудовых слоев никуда не исчезли и тогда, когда Англия стала парламентской монархией, Франция – республикой, несправедливость и несвобода сохранялись и в кайзеровской Германии, а европейский пролетариат к концу XIX в. продолжал по-прежнему много работать и мало получать, был все еще ограничен в правах и вел незатухающую борьбу за улучшение условий труда и жизни. Из этого следовало, что в России первопричиной социальных проблем была вовсе не одряхлевшая форма правления, как декларировала либеральная оппозиция. Причина крылась в производственных отношениях, позволявших немногим присваивать труд многих, в двойных стандартах жизни – одних для элиты и совершенно других для масс, в налоговой системе, щадящей богатых и беспощадной к трудовым слоям, в неравном доступе властвующих и подвластных к достижениям цивилизации. Писать об этом открыто Богданов, безусловно, не мог, но то, что стихийное поначалу участие в рабочих кружках самообразования сменилось гармоничным товарищеским сотрудничеством между слушателями и лекторской «тройкой» во главе с молодым ученым-обществоведом-философом, убеждало в эффективности новых форм просветительско-пропагандистской работы и доказывало целесообразность формирования в лидерской среде представлений о том, какими качествами и познаниями должен обладать наставник пролетарских масс. Позднее Богданов по этому поводу напишет, что на занятиях с рабочими в кружках «тройка» лекторов-пропагандистов наталкивалась «на какое-то прирожденное стремление к монизму, от нас требовали монистических ответов – не всегда с успехом, разумеется, – на всевозможные проклятые и непроклятые вопросы. В эту сторону должна была направляться деятельность и нашей собственной мысли»[473]. Под влиянием столь требовательного сотрудничества А.А. Богданов на протяжении всей своей жизни сохранял убежденность в том, что человек «в вечном стремлении к абстрактному идеалу добра, истины и красоты»[474] должен искать для себя точку опоры не в прошлом: его «“конечная цель” – точка опоры в будущем»[475]. Только осознание тенденции жизненных перемен и ясное представление о том, куда эти перемены поведут общество, позволит понять, каким образом и какой «организованной воле»[476] их можно подчинить на самом деле.

А пока «узкие кружки, с их бедным жизненным содержанием, неминуемо впада-

---

[473] Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 241.
[474] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 78.
[475] Там же. С. 84.
[476] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 88.

ют в консерватизм по мере того, как исчерпывается все новое, что могут их члены дать друг другу»[477]. В этих условиях огромная роль принадлежала методологической литературе и пропагандистам-универсалам – просветителям новой волны, теоретикам и практикам в одном лице, тем, кто несет научные знания в народ и одновременно практически постигает методы объединения масс в «организованную силу», способную преобразовать несправедливый мир.

Среди пропагандистов новой волны особое место в социал-демократическом движении занял сам А.А. Богданов (Малиновский). Небольшой «кружок экономического самообразования», несмотря на нелегальное положение, стал своеобразным «ядром кристаллизации», вокруг которого начала формироваться довольно сплоченная организация. Хотя она по-прежнему именовалась кружком И.И. Савельева, который еще в 1894 г. наладил связь с Московским Центральным рабочим кружком[478], тем не менее фактическим ее лидером вскоре был признан именно Александр Богданов, фигурировавший в полицейских рапортах как ссыльный студент Малиновский[479]. С его появлением искоренение мировоззренческой безграмотности получило столь явное признание среди тульских рабочих, что люди потянулись в нареченный народной молвой «пролетарский университет» – сначала из простого любопытства, а потом из интереса узнавать все больше и больше. Заинтересованность, по меркам Тулы, была огромная, так что новые кружки стали появляться и на патронном заводе, и на оружейном. В итоге возникла целая сеть просветительско-пропагандистских групп для желающих изучить теорию Маркса по лекциям Богданова. «Тройка» молодых ссыльных в компании с миловидной ассистенткой доктора губернской больницы производила на жандармов самое положительное впечатление своей серьезностью и долгое время оставалась вне подозрений. По городу ходили слухи, что докторский сын Владимир Руднев собирается вслед за Петром Смидовичем за границу изучать химию в Берлинском университете, а Малиновский надеется получить диплом врача.

Для жандармерии осталось незамеченным то, что в Туле к началу I съезда РСДРП произошло слияние «кружков экономического самообразования» в социал-демократическую группу. При этом связь с другими городами, где тоже велась пропагандистская работа, оказалась недостаточной, хотя потребность обмениваться опытом

---

[477] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 76.

[478] В.И. Ленин и «Союзы борьбы». М.: Политиздат, 1978. С. 151.

[479] Белова А.А. А.А. Богданов. М.: Медицина, 1974. С. 12 ; Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. А.А. Богданов. Биографический очерк // Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. С. 37.

была ощутимой. Тульская организация не участвовала в работе первого общепартийного форума, но если оценивать результаты ее работы в это время, то придется признать, что вывод В.И. Ленина о начавшемся после съезда периоде «разброда и шатаний», отбросившем партию к кустарничеству и кружковщине[480], не касался Тульской организации, для которой период 1898 – 1899 гг. оказался временем боевого крещения.

Начало было положено подготовкой к стачке на самоварной фабрике Баташева, которая славилась своими низкими расценками, обманными вычетами, самодурами-мастерами и плохими производственными условиями. Негласно собранная информация показала, что рабочие доведены до отчаяния так, что социальный взрыв мог произойти в любое время. Однако команда Богданова понимала и то, что стихийный протест не принесет бастующим ничего, кроме репрессий. Поэтому план проведения стачки был оперативно доведен до сведения фабричных организаторов, которым помогли к осени 1898 г. выпустить и распространить листовки и прокламации с сообщениями о том, кто и как обманывает рабочих фабрики и что они могут требовать от хозяина. В стачке участвовало почит полтысячи человек, требования которых хозяин через три дня обязался выполнить. Аналоичным образом (с учетом ошибок предыдущей забастовки) было проведено организованное выступление на патронном заводе. И здесь победа рабочих была полной: восставшие действовали настолько грамотно в соответствии с законодательством, что руководству завода ничего не оставалось делать, кроме как удовлетворить их требования[481].

Воздействие этих событий на умонастроения рабочих и хозяев было ошеломляющим: первые поняли, что с ними обязаны считаться, а вторым стало ясно, что не считаться с рабочими они больше не могут. Горожане гадали в недоумении: то ли у заводских появился тайный защитник, то ли хозяев приструнил опасный конкурент. Сыщики сбились с ног, но напасть на след возмутителя спокойствия так и не смогли. Им и в голову не приходило подозревать ссыльного студента и его товарищей. Некоторое подозрение, правда, возникало по поводу мероприятий «Общества трезвости», собиравших молодежь по вечерам в чайной послушать беседу на «невинную» тему, а затем обсудить услышанное за чашкой чаю. Вроде бы никакой крамолы не наблюдалось, однако жандармерия на всякий случай относилась к молодежным чаепитиям настороженно, не-

---

[480] Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 100.

[481] Очерки истории Тульской областной организации КПСС. В 2-х кн. Кн. 1. 1883–1937. Тула: Приокское книжное издательство, 1983. С. 27–28.

смотря на то, что проверки ничего не выявляли [482].

Идея организации в Туле «Общества трезвости» возникла случайно в связи с тем, что среди слушателей-«экономистов» оказался молодой токарь Валиков, который еще до занятий в богдановском кружке страдал зависимостью от алкоголя, весьма распространенной среди много и надрывно работавших пролетариев, не имевших условий для восстановления сил. Было ясно, что рабочего надо спасать, дабы он окончательно не спился. Богданов как будущий врач, специализировавшийся по исследованию и лечению заболеваний человеческой психики, пришел к мысли о том, что вытащить из беды горького пьяницу можно, сделав его жизнь предельно интенсивной, насыщенной потребностью быть полезным себе и другим. Чтобы добиться этого, он решил обратиться к методу рационального чередования видов деятельности: если к работе на производстве, физически изматывающей организм человека, добавить самообразование, требующее чрезмерных для малограмотного пролетария умственных усилий, и сочетать это с активным отдыхом, благотворным общением с природой и единомышленниками в дружеском окружении, то в результате можно избежать состояния психологической фрустрации, чреватой стойким пристрастием к дурным наклонностям. Богданов и здесь следовал рекомендациям П.А. Кропоткина, который, обращаясь к молодым, убеждал их: «Цель каждого индивида – жить интенсивной жизнью»[483]. «Мятежный князь» объяснял свою позицию тем, что мотивацию к участию в «миростроительстве», которое должно преобразовать несправедливое общество, активная личность может находить только «в наиболее полной общительности, в наиболее полном отождествлении себя самого со всеми теми, кто его окружает»[484]. А.А. Богданов, несмотря на молодость, уже имел возможность практически убедиться в справедливости слов Кропоткина о том, что человек и в самом деле получает наиболее мощный толчок к целостному и гармоничному развитию именно в коллективе равных, живущих жизнью плодотворной, «бьющей через край», ибо только позитивному коллективистскому сотрудничеству по плечу многое, дающее «такие великие радости, что равных им не встретить ни в какой другой деятельности»[485].

«Тонкими, облагороженными вечеринками», собиравшими богдановских кружков-

---

[482] Очерки истории Тульской областной организации КПСС. В 2-х кн. Кн. 1. 1883–1937. Тула: Приокское книжное издательство, 1983. С. 28.

[483] Кропоткин П.А. Этика. Цит. по: Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 248.

[484] Там же.

[485] Кропоткин П.А. Этика. Цит. по: Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС,

цев-«экономистов» в местной чайной «за дешевым чаем, шахматами, газетами, вечерними беседами» о реальных путях к созданию на земле общества независимых, равных и счастливых людей, вскоре заинтересовалась значительная часть тульской молодежи, в том числе и сын потомственного владельца самоварной фабрики Баташева. Своим последующим уходом в революцию Ефим Баташев был обязан участию именно в тех молодежных чаепитиях и воскресных мероприятиях, которые организовывались богдановцами в Туле[486].

Полиция тем временем не оставила попыток напасть на след социал-демократической организации в Туле, а главный виновник этих поисков – А.А. Богданов – параллельно с активной революционной, просветительской и научной деятельностью продолжал еще и свое образование на медицинском факультете Харьковского университета и, оставаясь жить в Туле, периодически проходил практические курсы и сдачу экзаменов в Харькове. Осенью 1899 г. он, как сам сообщал в 1925 г. в автобиографии, закончил университет и получил диплом врача[487].

В период обучения медицине у Богданова состоялось любопытное знакомство, о котором он позже писал в работе «Культурные задачи нашего времени» (1911). Александр Александрович в ту харьковскую пору попытался наладить контакты с украинскими социал-демократическими кружками, которые оказались по преимуществу не рабочими, а интеллигентскими. Разочарование пришло после обсуждения в кружке Ф.А. Череванина (Липкина) работ новейших западноевропейских философов. Череванинский кружок тяготел к системе взглядов тех интеллигентских слоев российского общества, которые отстаивали «чисто нравственные принципы», почерпнутые в малопопулярной книге П. Нежданова «Нравственность». По словам Богданова, их концепция представляла собой своеобразный «синтез идей П. Лаврова и Канта с марксизмом»[488]. Вера череванинцев в искусство и морально-этические нормы как всепобеждающее средство превращения человека

2002. С. 248

[486] Гловели Г.Д. «Страсть к монизму»: гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии М., 2003. №9. С. 112–113. См. тж: Фролов А.С. О былом и пережитом. Воспоминания тульского рабочего. Тула: 1990. С. 57, 67, 210.

[487] См.: Богданов А.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движений России: Энциклопедический словарь Гранат (репринт. изд.). М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 361 ; Горцка Г. Предисловие к первой книге сборника «Неизвестный Богданов» // Неизвестный Богданов. В 3-х кн. Кн. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 3 ; Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. С. 13 ; Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. А.А. Богданов. Биографический очерк // Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. С. 37.

[488] Богданов А.А. Культурные задачи нашего времени. М.: Изд-е С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911. С. 81.

в Человека и связанное с этим преувеличение роли интеллигенции в борьбе за общественное переустройство, по мнению автора «Краткого курса…» и «Основных элементов…», была порождена незнанием жизненных реалий и надеждами на иллюзию. Богданов считал, что пока существует беспримерная социальная дифференциация, она будет провоцировать людей и на аморальные действия, и на самооправдание «по закону справедливости». Поскольку у Череванина и его сторонников богдановские аргументы ассоциировались с «безнравственными взглядами» и «вульгарным» марксизмом, то Богданов был вскоре подвергнут обструкции. Мало того, он, по убеждениям членов харьковского кружка, подлежал исключению из числа социал-демократов[489]. Богданов и сам чувствовал себя чужаком в этой малочисленной группе, объявившей своей целью преобразование России в демократическую страну, но считавшей при этом только свою точку зрения правильной – без каких-либо альтернатив.

Пораженный такой парадоксальной живучестью авторитаризма даже в самой близкой к народу политической организации, он поддался настроению вернуться к работе с людьми, которые действительно были его единомышленниками и соратниками. Богданов торопился в Тулу, окрыленный новыми идеями и планами.

Верным товарищем и помощницей в революционных делах была и жена его – Наталья Богдановна Корсак. Женился Богданов в 1895 г.[490], в 1896 г. «у них родился сын, роды были трудные, больной ребенок прожил меньше двух месяцев, а Наталья Богдановна больше не могла иметь детей»[491]. Супруги очень бережно относились друг к другу на протяжении всей совместной жизни. Наталья Богдановна не только заботилась о семейном быте, создавая мужу условия для его столь разносторонней и плодотворной деятельности, но и была первым слушателем и доброжелательным критиком его научных работ, участвовала в организации конспиративных мероприятий, чтобы уберечь мужа от полицейских преследований. Наталья Богдановна принадлежала к числу тех тихих, работящих, способных к самопожертвованию русских женщин, обаяние и хрупкая внешность которых дополнялись удивительно стойким характером, душевной теплотой, преданностью близким людям и избранному делу. Особенно заметно это проявилось в годы бес-

---

[489] См.: Богданов А.А. Культурные задачи нашего времени. М.: Изд-е С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911. С. 81–82 ; Богданов А.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движений России: Энциклопедический словарь Гранат (репринт. изд.). М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 361.

[490] Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. С. 13 – 14.

[491] Клебанер В.С. А. Богданов и А.А. Малиновский / Малиновский А.А. Тектология. Теория сис-

пощадной травли Богданова, когда борьбу с ним вели «не “враги”, а вчерашние *товарищи* (надо было учитывать, что означало для него это слово)»[492]. Наталья Богдановна делила с ним его печали; кроме нее, «мало кто знал, что Богданов был очень ран***и***м: он переживал почти все неприятности внутри себя <...>, со слов жены Богданова <...>, лишь трижды за 33 года совместной жизни она видела своего мужа вышедшим из себя, при этом никогда – в ее адрес, но всегда – по политическим, точнее, если можно так выразиться, по “политико-нравственным” мотивам»[493]. Что касается периода формирования Тульской организации, то место работы и должность Натальи Богдановны способствовали расширению в городе подпольной деятельности и – вместе с тем – надежно отводили подозрения агентов охранки от семейной пары, к тому же пользующейся расположением известного в Туле человека – руководителя губернской больницы и земского деятеля А.М. Руднева.

Между тем власти Тулы, напуганные участившимися выступлениями рабочих под влиянием социал-демократической организации, прибегали даже к размещению воинских частей в городе, и слежку вели буквально за всеми[494]. В конце концов Богданов тоже был «вычислен» и «выслежен». 4 ноября 1899 г. его арестовали по обвинению в революционной пропаганде: под это обвинение подпадала прежде всего его лекционная деятельность, служившая прикрытием для Тульской социал-демократической организации[495]. Арестованный Богданов пять месяцев провел в московской тюрьме в ожидании приговора, и, как оказалось, для него это был плодотворный период. Молодой ученый экономил время даже на сне; мысли и силы, жизненные впечатления и воспоминания – всё было отдано новой книге под названием «Познание с исторической точки зрения» (1901), которую Богданов писал без справочной литературы, опираясь лишь на свою феноменальную память. Книгу он продолжал и в Калуге, куда после суда был сослан.

тем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 30.

[492] Там же. С. 29.

[493] Клебанер В.С. А. Богданов и А.А. Малиновский / Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 30.

[494] Очерки истории Тульской областной организации КПСС. В 2-х кн. Кн. 1. 1883–1937. Тула: Приокское книжное издательство, 1983. С. 28.

[495] Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. С. 14 ; Кузьминых Н.А. Архитектор «нового мира». К биографии Александра Богданова // Вестник Российской Академии наук. М., 1992. №12. С. 60.

2.5 Трудности с изданием «Познания с исторической точки зрения» А.А. Богданова вследствие несовпадения со взглядами «философских критицистов», разочаровавшихся в марксизме

В письме Н.Н. Вашкову, который тоже находился в ссылке, но занимал должность земского техника в Вятской губернии, имел некоторую свободу и продолжал поддерживать связь с социал-демократами, А.А. Богданов сообщал, что он полтора года работал над новой книгой, тоже методологической, как и «Основные элементы исторического взгляда на природу», а в канун нового 1901 года, когда книга была закончена, оказался в затруднительном положении. Перед ним стоял теперь вопрос «практического характера» – как опубликовать новую книгу?[496] Из причин, объективно препятствовавших этому делу, Богданов называл «полное отсутствие свободного передвижения» из-за нахождения под стражей: оно не позволяло лично участвовать в переговорах с издателями. В связи с этим «путешествия рукописи»[497] заканчивались ее возвращением в нераспечатанном виде: редакции опасались сотрудничать с государственным преступником. Правда, Богданов предполагал наличие еще одной причины: издателей могла смутить заявленная автором тематическая направленность новой книги. Если «Краткий курс…» сразу пришелся по душе и издателям, и критикам, и читателям тем, что в работе рассматривались социально-экономические проблемы, интересующие и касающиеся всех и каждого, то «безотносительный неуспех»[498] «Основных элементов…» был предопределен способом передачи смыслового содержания темы исследования. Сам Богданов дал такое объяснение придирок к его второй книге: в «Основных элементах…» он «пытался изложить свои воззрения на логическое единство научных методов» вопреки умонастроениям модной в России компании «философских критицистов», которые почти всецело стояли на почве методологического эклектизма[499]. В связи с этим Богданов допускал, что издателя у него «нет и не будет», поскольку «компетентные лица», к которым обычно обращаются за отзывом издатели, «принадлежат к “катедер-критицистам” разных оттенков, не говоря о том <...>, что оригинальные методологические работы без предисловия Струве не встречают a priori спроса со стороны издателей»[500]. А П.Б. Струве, как известно, принадлежал к числу тех

---

[496] Богданов А.А. Письмо Н.Н. Вашкову // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 148 – 149.
[497] Богданов А.А. Письмо Н.Н. Вашкову // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 148.
[498] Там же.
[499] Там же.
[500] Там же.

придирчиво-тенденциозных критиков, которые при всех видимых изменениях всегда оставались верными только себе. Пристрастность Петра Бернгардовича, действительно, отличалась своеобразием: он не уставал бороться за право *для себя* избирательно подходить к теме изложения и брать, по его признанию, то, что ему нужно, у Фихте, Брентано, Родбертуса, Бем-Баверка, Лассаля и уж, конечно, у Маркса и Канта, ни перед кем не отчитываясь и не считаясь с мнением оппонентов. Но в отношении других публицистов Струве свысока и утрированно-насмешливо подвергал остракизму любую не совпадающую с его точкой зрения мысль, декларативно объявляя ее ограниченной, ортодоксальной или дилетантской бессмыслицей. Многим было известно, что за какое бы дело Струве ни брался, на любой деятельности отражалась «экспансивность мысли» Петра Бернгардовича – и все так или иначе мирились с его влиятельной ролью[501]. Поэтому нечего было надеяться на то, что в случае с работой Богданова Струве изменит привычке демонстрировать «экспансивность» своей мысли, а это означало одно – публиковать «Познание с исторической точки зрения» Александр Александрович мог *только за свой счет*. «Я надеялся добыть денег <...>, – писал он Н.Н. Вашкову, – но – может быть, под влиянием экономического кризиса – гг. капиталисты приходят в раздражение от одного слова “кредит”»[502]. Раздражение многократно возрастало, когда выяснялось, что кредит требовался ссыльному, и время погашения задолженности «определить трудно»[503]. Николаю Николаевичу Вашкову не сразу удалось выполнить просьбу А.А. Богданова, но спустя некоторое время по его рекомендации В.В. Воровский и А.Н. Потресов нашли возможность издать «Познание с исторической точки зрения»[504]. Книга вышла в 1901 г. в Петербурге, а Богданову в итоге предстояло расплачиваться с долгами в ссылке.

Автор «Познания...» не без оснований полагал, что новая работа вызовет шквал критики, связанной не только с неординарным содержанием его философско-методологического исследования, но и с наблюдаемым на границе веков заметным разочарованием русской интеллигенции в марксизме по ряду причин. Прежде всего, ощущалось явное неудовольствие либерального бомонда, ожидавшего реформирования политической системы вслед за отменой крепостного права: не зря же они видели в марксизме теоретическое обоснование конституционного строя – а не случилось, хотя даже многие царедворцы

---

[501] См.: Гессен И.В. В двух веках. С. 252–253.
[502] Богданов А.А. Письмо Н.Н. Вашкову // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 149.
[503] Там же.
[504] См.: Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 223

(по слухам!) давно были не прочь сменить форму взаимодействия власти и подданных. В среде просвещенной интеллигенции только ленивый не знал, как всем им хотелось расширения своего политического господства в стране. Родовитые вельможи втайне мечтали возвратить государственной системе управления ту коллегиальность, которая в допетровские времена была заключена в обязательной формуле, начертанной в каждом важном документе и закреплявшей паритет монарха и аристократии в государственном управлении: «Царь указал, а бояре приговорили».

Тяга придворной элиты к участию в управлении страной наравне с царем подстегивалась в конце XIX в. расширением либеральных настроений в среде интеллигентов, которые неспроста проявляли любопытство к истории легального появления в России модной на Западе материалистической науки Маркса, что представлялось, по словам В.И. Ленина, «чрезвычайно оригинальным» явлением: «в стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции <…> внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма»[505]. Жандармский генерал А.И. Спиридович тоже отмечал в своих записях: к «Капиталу» Маркса царская власть относилась настолько благосклонно, что даже выделила «субсидии через своего сотрудника на издание марксистского журнала»[506]. Генералу позиция властей представлялась недальновидной и возмутительной: может быть, вельможи не до конца осознавали опасность последствий бесконтрольного и бестолкового ознакомления населения с новомодной экономической теорией в стране, где подавляющее большинство жестоко бедствовало? Ведь риск правительственных кругов был очевиден и состоял в том, что они не посчитались с неизбежностью влияния теории Маркса на активизацию деятельности социальных движений в России.

Однако в придворных кругах на этот счет царило полное спокойствие, и все выглядело так, будто у сановной элиты не было сомнений в том, что к лозунгам «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей!», не раз поднимавшим всю Европу на дыбы, рабочий класс России останется глух, поскольку он малочислен и политически незрел, а сама страна не принадлежит «к зоне ядра капиталистической мирэкономики»[507]. Поэтому «Капитал» был не той книгой, которая доступна пониманию любого и каждого и которую всерьез и дотошно станет изучать полуграмотное население. В отношении

---

[505] Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 6. М.: Политиздат, 1979. С. 15.

[506] Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 85–205.

[507] Валлерстайн И. Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или к объяснению истории современности // Политические исследования. М., 1997. №2. С. 7.

немногочисленной политизированной интеллигентной и буржуазной общественности вельможная аристократия тоже не проявляла особой настороженности, хотя и знала, что эта категория населения давно «сгорала властолюбием»[508] и, почувствовав себя главной спасительницей «отсталой» России с ее полной невежества народной массой, упорно искала теоретическое обоснование своих устремлений к конституционному строю и индустриально-капиталистическому хозяйствованию по-европейски. Сановные вельможи, имея под рукой любые донесения жандармерии, были полномасштабно информированы о характере пугающих умонастроений и готовности к активным действиям оппозиционной интеллигенции. В неэлитарной среде подобными сведениями никто не обладал, поэтому на адекватное, нешаблонное понимание внутриполитической обстановки в стране начала XX в. рассчитывать не приходилось: из всех лидеров антимонархических движений, пожалуй, лишь А.А. Богданов сумел детально проанализировать состояние противников самодержавия с помощью тектологических методов, притом гораздо позже – в 1910 г. То, что придворная аристократия отчетливо знала еще в последнюю четверть XIX столетия, Богданов спустя время охарактеризовал в своих аналитических выкладках так: российская демократическая и либеральная оппозиция «была неспособна не только руководить революционным движением, но даже бороться сколько-нибудь решительно и обстоятельно <…>; выступления <…> были почти только словесные <…>; в прямую борьбу, стачечную и вооруженную, она старалась не вмешиваться и еще больше боялась революционного народа, чем реакционного правительства. Она видела наибольшую опасность в усилении рабочего класса и все время старалась отдельно сторговаться»[509] с правительством, чтобы получить для себя долю власти. Хотя эта сила была еще менее организована, чем пролетариат, но власть проявляла к ней повышенный интерес, поскольку амбициозность делала ее уязвимой: такую оппозицию можно было обратить в управляемых союзников.

Оставалось движение крестьянства, «для которого революция – дело необходимости, для которого “земля и воля” – вопрос жизни и смерти»[510]. Стихийное – оно натворит много бед. Поэтому главный вопрос заключался в том, как сделать движение крестьян тоже управляемым для сохранения в обществе привычного status quo. Поскольку, по выводам анализа А.А. Богданова, марксизм представлял собой революционно-преобразовательное мышление, создававшее совершенно новый – социально-

[508] Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. Т. 3. М.: Голос, 1994. С. 123.
[509] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 86.
[510] Там же.

объяснительный – тип критики, то задача политических элит состояла в том, чтобы понятия и категории марксистской теории «обанкротить» в процессе общественных обсуждений и «из форм развития мысли превратить в ее оковы»[511]. Как раз здесь и крылась разгадка причины появления марксизма в России, над которой размышляли все теоретики оппозиции, констатирующие, что революционизирования масс в первые годы появления «Капитала» в России не произошло, хотя увлечение марксизмом стало повальным: книгой немецкого экономиста зачитывались, о ней говорили буквально все, интересуясь возможностями марксизма для каких-либо практических целей. Повод для жарких полемических схваток находился сам собой. Более иных горячилось русское народничество, лидеры-идеологи которого доказывали, что возможность использования отдельных положений «Капитала» в практике микроэкономического управления собственностью еще не означала, что исследованная в научном труде Маркса макроэкономическая система в целом являлась универсальной и годилась для перенесения ее на любую почву. Так, некоторые главы «Капитала» действительно были пригодны на роль добротного пособия как по ориентированию в изменчивой стихии рынка, так и по методам обогащения в условиях колебания конъюнктуры товарного обращения. Эти страницы книги Маркса могли заинтересовать в первую очередь крупных собственников. К их числу относилось примерно 830 титулованных дворянских семейств[512]. Это была высшая сановная знать, придворная аристократия, «верхушка» чиновничества. Если бы теория Маркса служила только меркантильным интересам этой малочисленной элиты, то «Капиталу» была бы отведена скорее всего роль пособия сугубо для избранных – и не более того. Поэтому, чем жарче разгоралась полемика, тем острее понималось, что существовали какие-то иные причины, по которым сановники и правящие круги давали «добро» на легальное распространение теории Маркса в России, не страшась, казалось бы, неизбежного разрастания оппозиционного движения в стране.

Тайна так и осталась бы за семью печатями, если бы по столице не поползли слухи о том, что Министр императорского двора И.И. Воронцов-Дашков, флигель-адъютант П.П. Шувалов, граф А.П. Игнатьев, а также крупный уральский промышленник П.П. Демидов и иные, относившие себя к числу умеренных консерваторов, уговаривали

---

[511] Богданов А.А. Страна идолов и философия марксизма // Философский сборник. Очерки по философии марксизма. М.: Звено, 1910. С. 219 ; От редакции // Философский сборник. Очерки по философии марксизма. М.: Звено, 1910. С. 2.

[512] Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. С. 203.

убежденных монархистов-реакционеров поступиться принципами и пойти на компромисс, поскольку в неспокойной атмосфере надвигавшегося крестьянского *протеста* после несправедливой реформы 1861 г., *чреватого потерей гарантий для сохранения привилегированного статуса, да и самой жизни правящих аристократов*, решающее значение приобретал элитный консенсус с ориентацией на уступки возбужденному обществу. Ссылаясь на то, что сановным вельможам не пристало воевать друг с другом перед лицом надвигающейся опасности, влиятельные сторонники некоторых политических послаблений предлагали монархистам объединить усилия в поисках вариантов того, как самим сохраниться и сохранить власть и контроль над страной. Рецепт был прост: меняя управленческие структуры лишь по форме, российские сановники сподобятся оставить за собой всю полноту реальной власти и параллельно удовлетворить общественные запросы видимостью отождествления с народом и демонстрацией готовности к повороту политической жизни державы в сторону либерализма и демократии. Мало того, можно было вынудить российскую общественность «безвредно служить» государственной власти.

Группировка умеренных консерваторов склонялась к идее формирования «представительного образа правления <...> – непременно с двумя палатами, из которых верхняя должна по возможности приближаться к английской палате лордов»[513]. Автором этой идеи называли П.П. Шувалова, который предложил вниманию дворцовой элиты замысел с подвохом: разрешенный властями парламент России лишь внешне будет копией европейского законодательного собрания, но по существу функций обеих палат окажется *квазипарламентом*. По плану П.П. Шувалова, для «нижней палаты предлагалась роль социального “громоотвода”, на ее долю выпадали все шумные дискуссии и оппозиционные скандалы под пристальным вниманием бдительной прессы; “верхней палате” доставалась участь решающей инстанции – здесь “высокое собрание” предавалось своим государственным ответственным обязанностям чинно, благородно, со знанием дела блокируя все неугодные элите законопроекты»[514].

План П.П. Шувалова примечателен еще и тем, что в случае внедрения «квазипарламента» в систему государственного управления предусматривался выигрыш в сохранении в руках элиты рычагов воздействия на «все деликатные сферы влияния» с учетом

---

[513] Новиков В. Спецслужбы против имперской канцелярии: миф или реальность? // Россия XXI. М., 2000. №3. С. 137.

[514] Там же. С. 138.

распределения основных (в том числе финансовых) ресурсов[515]. Шувалов доказывал: *только таким образом сановные вельможи России, прекратив распри и объединив усилия, получат шанс превратить самодержавную монархию в олигархическую диктатуру под видом либерально-демократического псевдопарламента*. Разумеется. для реализации столь амбициозной задачи требовалась идеологическая парадигма, которая должна была появиться в России легально и ненавязчиво в качестве нового слова западной научной мысли. Важно, чтобы в этой доктрине нашли соответствие своим устремлениям и революционеры-заговорщики, и либералы-реформаторы, и консервативная знать, и «зеленая молодежь», еще не осознавшая до конца, чего хочет, но уже находившаяся в поиске нового политического идеала.

Для этой роли, по мнению придворной элиты, тоже ждущей перемен, *как нельзя лучше подходила теория Маркса*, которая давала представление о функционировании западной капиталистической макроэкономики и о фундаментальных принципах устройства социальной системы, получившей в либеральных кругах Российской империи название «прогрессивного цивилизованного общества». Вот таким образом ***марксизм был разрешен «сверху»***.

Расчет верховной элиты оказался точным, так как идея легализации марксизма пала на благодатную почву. После ознакомления с «Капиталом» радикальнее всех проявила себя «полуинтеллигенция, ни в чем не сомневающаяся и преисполненная уверенностью, что жизнь можно кроить и перекраивать по законам, точно установленным Марксом и его толковниками»[516]. Эти «архитекторы» счастливого будущего новой России гордились своей миссией, уверенные, что, если даже *марксизм как программа, зовущая к действию,* был легализован самодержавием, то власть в империи и в самом деле бессильна. Все выглядело довольно убедительно, особенно когда по Москве поползли слухи еще и о том, что флигель-адъютант царя, граф П.П. Шувалов, «вел <…> переговоры с Гольцевым[517] в Москве и *выдавал субсидии заграничной прессе, поддерживавшей идею конституционной монархии в России*»[518] (курсив мой – А.Л). Все это в оппозиционных кругах воспринималось как нечто экстраординарное. А когда граф Шувалов «выразил желание» лично познакомиться с

---

[515] Новиков В. Спецслужбы против имперской канцелярии: миф или реальность? // Россия XXI. М., 2000. №3. С. 128.

[516] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 313.

[517] Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – ученый и публицист, активный участник земского движения с момента его зарождения; с 1880 по 1906 г. ведущий политический обозреватель (с апреля 1905 г. – главный редактор) журнала «Русская мысль».

деятелем либеральной оппозиции И.И. Петрункевичем, явившись в его апартаменты, чтобы с глазу на глаз побеседовать «о положении России и о необходимости конституционной реформой заменить самодержавие»[519], – удивлению не было предела.

Но в 1882 г. эта затея провалилась: Д.А. Толстой потеснил на политической арене проектировщиков квазипарламента, поскольку открылась тайна их закулисных переговоров не только с либеральными земцами, но и с «конституционалистами» и даже с «террористами» из «Народной воли»[520]. В среде царедворцев разразился столь грандиозный скандал, что Воронцову-Дашкову пришлось перед всеми оправдываться. Сначала он заверял единомышленников – умеренных консерваторов в том, что на самом деле задачей переговорной деятельности П.П. Шувалова была попытка «расколоть, дезорганизовать и отфильтровать революционную среду с таким прицелом, чтобы выделить из радикальной среды более или менее приемлемых актеров для парламентского спектакля»[521]. Однако конфликт вышел за пределы шуваловско-воронцовской группировки, а подробности действий за спиной остальных почтенных царедворцев прямо-таки взбесили «жестких консерваторов». Петербург заговорил о разделении дворцовой элиты «на два лагеря, где более вражды, нежели у турок с русскими. Одни – за самодержавие, другие – <...> за конституцию»[522]. Все это дошло, наконец, до Александра III, и он одним росчерком пера всех поставил на место в ноябре 1882 г.[523]. Но дело было сделано: после встреч с высокопоставленными особами «гнилая интеллигенция»[524] еще острее ощутила свою значительность, не допуская даже мысли, что в тайных планах аристократов ей отводилась роль шумной массовки в спектакле под негласной режиссурой «дворцовой камарильи».

То, чему в 1880-х годах гимназист Александр Малиновский был очевидцем, позднее получило развернутую интерпретацию в мемуарах и исследовательских работах различных общественных деятелей России, отмечавших, что амбициозная интеллигенция не сразу отказалась от политических мечтаний, хотя факты убеждали, что царь не собирался делиться властью и опорой своей избрал министерство внутренних дел. «Оно начало с проведения “Положения об усиленной охране” <…> и пользуется им в полную меру своей безответственности.

---

[518] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 164.
[519] Там же.
[520] Новиков В. Спецслужбы... С. 132 – 134.
[521] Там же. С. 137.
[522] Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Изд-во «Новости», 1990. С. 73.
[523] Новиков В. Спецслужбы... С. 140.
[524] Выражение Александра III, зафиксированное императорской фрейлиной А.П. Тютчевой в дневниковых записях в марте 1881 г.

Снова ограничивается <…> гласность судебного разбирательства политических процессов, <...> отменяется несменяемость мировых судей, <…> принимаются все более решительные меры против школы – высшей, средней и низшей, а также против свободы слова <...>. Граф Делянов обратился <...> с требованием не допускать в гимназии детей прачек. кухарок, а также всякой прислуги и вообще детей низших сословий»[525].

Все это было внедрено в жизнь России столь решительно и молниеносно, что и «мирная», и радикальная интеллигенция не успела ничего противопоставить этому натиску. После 1882 г. противники самодержавного строя заняли выжидательную позицию, поскольку жандармские способы политического дознания и профилактики антиправительственной деятельности изменились настолько, что стали напоминать скорее методы военной разведки – такие, как дезинформация, провокаторство, внедрение шпионов в ряды «ниспровергателей трона»[526].

Действия ретивых жандармов власть не пресекала, а напуганная интеллигенция в итоге отшатнулась от протестного движения и погрузилась в атмосферу эсхатологических ожиданий. Оппозиционная пресса с горечью констатировала, что свойственные Европе так называемые «западные добродетели», которые окончательно утвердились во всем индустриально развитом капиталистическом мире, не хотели приживаться на русской почве и даже входили в конфликт с ценностными стереотипами и привычной логикой взаимодействия внутри многонациональной страны. Казалось, даже на российских либералов снизошло прозрение: они обнаружили, что дух индивидуализма, победивший на Западе в процессе укрепления рыночной системы, был в принципе не совместим с российской общинной психологией, нацеленной на коллективизм выживания в невыносимо тяжких условиях. Нормативно-ценностные ориентиры западной культуры (формальное право, контроль общества над государством, нигилизм в отношении традиционно-консервативных привычек, тяга к предпринимательскому идеалу, порождающему ненасытную жажду приобретательства, ориентацию на прибыль любой ценой и т.д.) вступали в противоречие с исконным стремлением русского народа к идеалу правды, основанной на гармонии сущего и должного, с тягой простого населения к бескорыстной взаимопомощи и т.п. Русские земледельцы-общинники были не против ориентации на экономическое процветание, *но не любой ценой!* Современный исследователь Игорь Ионов в статье «Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления» (1994) суть этого прозрения интеллигентов-

[525] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 283–284.

оппозиционеров обозначил так, ссылаясь на А.С. Ахиезера: «Вместо того чтобы стремиться обогатиться за счет других крестьян, расширить свой надел, выйти из общины, крестьяне именно тех губерний, где были сильно развиты отходничество и товарно-денежные отношения, стремились к укреплению общины, к переходу от менее уравнительных (по числу работников) к более уравнительным (по едокам) переделам земли, предотвращавшим дальнейшее расслоение и ослабление общины. В Московской губернии число таких общин за указанный период возросло в 3 раза (до 77 %), во Владимирской – в 5 раз (до 94 %), в Саратовской – <...> до 41 %. В 66 уездах России тенденция к уравнительности была в 6 раз более распространена, чем стремление к развитию буржуазных отношений»[527].

В итоге получилось то, что крестьяне-общинники к концу XIX в. все же сумели найти исчерпывающий способ довести до сведения властей и образованных господ свое неприятие процесса социокультурной вестернизации, а либералы-западники вынуждены были согласиться с тем, что даже при поддержке сверхбогатой аристократии внедрение капитализма все равно захлебнется, поскольку реальное большинство населения его отторгает. Мало того, осознание всего этого побудило «русских поклонников капиталистической системы»[528] признать неприятный факт: агитаторы за капитализм звали Россию в новый мир, но делали это без опоры на изучение как идеалов национального исторического сознания, так и содержания главных общественно-мировоззренческих представлений, без знания тех сверхценностных духовных понятий, которые веками укоренялись в менталитете собственного народа. Результат оказался ошеломляющим: как минимум, три поколения борцов с самодержавием положили свои жизни на алтарь *принципиально неосуществимого идеала,* поскольку ни одна из западных теорий не совмещалась с социальной, экономической и политической практикой Российской империи, недвусмысленно конфликтуя с порожденным этой практикой мировоззрением. Отношение большинства населения к новым доктринам оставалось индифферентным, что толкнуло сторонников перемен на поиск пути «синтеза русской и европейской культурных традиций» с акцентом на общехристианскую духовную основу[529]. Они решили, что, вместо распространения малопонятных населению либеральных и революционных идей, нужно менять мировоззрение наиболее крупных социальных

---

[526] Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 27.

[527] Ионов И. Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления // Общественные науки и современность. М., 1994. №6. С. 99.

[528] Выражение К. Маркса. См.: Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 401.

[529] Ионов И. Кризис исторического сознания в России… С. 100.

групп, т.е. переходить из сферы политической экономии в сферу этики, морали и религии, не забывая при этом пропагандировать успешно прижившиеся в западном обществе ценности индивидуализма, свободы и частной инициативы, – таков был вердикт тех философов, которые ощущали в себе задатки духовных мыслителей России. К их числу следует отнести В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова и др.

Современная исследовательница из Томска, доктор исторических наук Т.В. Кисельникова, посвятившая в 2010 г. труд теме развития общественно-политической мысли в России на рубеже XIX и XX вв., акцентируя внимание на концепциях либерального социализма, писала, что почти все представители этой когорты в поисках механизмов укрепления морали как важнейшего регулятора социальных отношений пришли в конце концов «к идее сверхопытной инстанции, ее освещающей, <...> к идее Бога»[530]. Правда, перепалка с оппонентами при обсуждении темы «Бог и безбожие» вылилась в начале XX столетия «в бесплодный в буквальном смысле слова спор о том, унижает религия человека либо возвеличивает его, – спор, не имеющий ни теоретического, ни практического решения. В то время как важная для всех проблема – создание реально работающего механизма защиты свободы личности с соблюдением интересов и развивающегося общества – невольно выпала из поля зрения споривших сторон»[531].

Однако многие участники оппозиционного движения в России оказались не готовы к пересмотру базовых идеологических установок, поэтому они к концу XIX – началу XX в. очутились, по выражению аспирантки исторического факультета Казанского университета Марины Могильнер, «у порога треснувшего радикального сознания»[532], поскольку чисто интеллигентские формы борьбы оказались бесплодными. Прежде всего, это коснулось терроризма как метода политической борьбы с самодержавием. Этот метод обернулся опасным хождением по кругу: после убийства очередного «царского сатрапа» происходила не смена политического курса власти, а всего лишь рутинные аппаратные перестановки в чиновничьей среде. Зато террористы за содеянное расплачивались каторгой или даже жизнью, что служило отрезвляющим фактором для сторонников насилия, число которых неуклонно сокращалось. Поэтому данный метод политической борьбы большинством интеллигентской оппозиции был отвергнут.

---

[530] Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XX в.: идеи либерального социализма. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2010. С. 71.

[531] Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России… С. 72.

[532] Могильнер М.Б. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. М., 1994. №5. С. 65.

Немногим лучше воспринимался в среде оппозиционеров и марксизм, в котором первоначально видели универсальный рецепт построения либерально-демократического капитализма в России. В период первого знакомства с содержанием «Капитала» многим казалось, что система взглядов К. Маркса «обладала качествами, способствовавшими распространению в широких кругах интеллигенции. Четкость и логическая законченность концепции, объясняющей развитие человеческого общества действием неких вечных законов, знание которых позволяло на научной основе предсказать направление, этапы и конечные цели этого развития, <...> привлекали к себе представителей самых разных взглядов и убеждений»[533].

Однако на волне популярности новой доктрины все чаще и чаще, особенно к концу XIX в., стали появляться критические работы, спровоцировавшие в конце концов бурную полемику в интеллигентских кругах. Оказалось, что при более детальном ознакомлении с этой теорией возникло подозрение, что Марксов социализм «отклонил от себя задачу изображения картины будущего общества и сосредоточил внимание на исследовании тенденций развития "существующего хозяйственного строя" и доказательстве, что будущее общества явится неизбежным результатом "развития по закону противоречий"»[534]. Полемисты считали: научное предвидение создателя «Капитала» – вещь, безусловно, замечательная, но всего лишь *вероятностная*, ибо «конечный результат», судя хотя бы по событиям в России на протяжении всего XIX столетия, необязательно совпадет с «конечной целью». По этой причине крайне важным моментом явится то, будет ли вслед за развитием новых социально-экономических процессов поспевать совершенствование нравственного состояния участников борьбы за прогрессивный строй. «Констатирование объективных признаков и субъективное (психологическое) их истолкование должны гармонически сливаться»[535] – только так, по мнению критиков марксизма, научное знание обретет в массах нравственно-просветительскую и реальную консолидирующую силу, в то время как Маркс, не указав место и значение социального идеала как основы гармоничного развития личности в ходе борьбы, поставил тем самым под сомнение организующую роль своей доктрины. Мало того, не обозначив своей позиции по этой проблеме, автор «Капитала» дал повод

---

[533] Томилова Н.А. Представители критического направления в русском марксизме о «теории крушения» К. Маркса // По страницам истории и судьбы: К 70-летию профессора Ю.В. Куперта. Сб-к научных статей и материалов. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 134.

[534] Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России… С. 81.

[535] Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М: Сотрудничество, 1907. С. 199.

своим русским критикам прийти к убеждению в том, что теория Маркса отражает всего лишь «механическое мировоззрение»[536], ведущее к забвению вечных ценностей. Продолжением этой мысли явился позднее вывод о марксизме в русском варианте как о явлении, противоположном общехристианству, о своего рода осовремененном хилиазме – учении, связанном с невыносимо тяжелым положением угнетенных масс, в большинстве своем пассивно ожидавших чудесного избавления от социального гнета – в российском варианте путем всемирной революции, этакого «всеобщего Zusammenbruh'а (крушения – А.Л.), после которого наступит земной рай»[537].

Стремление к идеалу духовного развития в эпоху столь очевидного кризиса нравственных ценностей, коснувшегося практически всех слоев общества, привело критиков марксизма, прежде всего, к признанию «ограниченности возможностей свободной целесообразной деятельности человека в такой стране, как Россия»[538]. В своих рассуждениях они исходили из следующих представлений, образно воспроизведенных И. Ионовым в статье «Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления» (1994): «Пути русской истории, как и деревенские проселки, извилисты. Порой они заставляют идти к цели, повернувшись к ней боком, а то и спиной. Но ирония русского ландшафта в том, что быстрее дойти все равно невозможно. Зато легко поломать себе ноги, если не шею, стремясь двигаться по прямой. В таких условиях лучшим поводырем на отдельных участках пути может быть не друг, а оппонент, у которого иные представления о цели движения. Именно его свобода и его воля оказываются условием общего успеха»[539]. Таким образом, в качестве тактического приема была избрана полемика для выработки компромиссного решения. Однако на деле оказалось, что поиску компромисса «мешает архаический пласт национальной культуры»[540]: слишком «темен» был русский народ – и крестьянский, и пролетарский, – предпочитавший «бунтарство» вместо «обретения собственного культурного горизонта», не противоречащего идеалам мировой цивилизации[541].

В связи с этим к началу XX в. оппозиционная интеллигенция оказалась в двойственном положении. С одной стороны, она понимала грандиозность преобразовательных

---

[536] Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб., 1901. С. 136.

[537] Бердяев Н.А. Социализм и религия // Вопросы философии и психологии. СПб., 1906. Кн. 85. С. 520–521.

[538] Ионов И. Кризис исторического сознания в России… С. 101.

[539] Ионов И. Кризис исторического сознания в России… С. 101 – 102.

[540] Там же. С. 102.

[541] Ионов И. Кризис исторического сознания в России… С. 91.

целей, требующих усилий всего общества, с другой стороны, осознавала неготовность народных масс – подавляющего большинства населения – к реализации этих целей. Продолжая считать себя лидерами общественного движения, интеллигенты были уверены, что только им по силам выработать оптимальную стратегию социальных преобразований. Этот процесс требовал оградить теоретиков от дестабилизирующего влияния масс, уже активизировавшихся под влиянием марксистских идей, изложенных пропагандистами для пролетариев в столь доступной форме, что после этого философия Маркса приобрела вид, упрощенный буквально «до схемы», и больше «не требовала серьезной умственной работы, зато давала лозунги, "укладываясь в пятикопеечную брошюру"»[542].

Таким образом, политическая элита, поставившая своей целью «обанкротить» марксизм и идею революционизирования общества, добилась-таки своего: споры о том, что есть добро и зло, нравственное и безнравственное, объективное и субъективное, прогресс и регресс, аристократизм и «парикмахерская» (мещанская) цивилизованность, индивидуализм и коллективизм и т.п., велись с нараставшим энтузиазмом в среде образованной интеллигенции, которая еще совсем недавно звала народ к пробуждению, а теперь абсолютно не интересовалась тем, что трудовые слои российского общества оставались в стороне и от оппозиционного движения, и от жарких дискуссий. Причина была банальна: «вопросы, в то время дебатировавшиеся, были более или менее академические и потому не вызывали страстного отношения. К тому же <...> большинство трактовавшихся тем было трудно для понимания даже той более или менее квалифицированной публики, которая бывала на собраниях»[543]. И не только: оппоненты, отстаивая свою позицию, порой настолько входили в раж, что неосмотрительно позволяли себе высказываться с недопустимой долей презрения в адрес «массы серого цвета», оправдывая это борьбой за развитие личности, за свободу человеческого духа, поскольку считалось, что малограмотность была помехой во всем, особенно в социально-этической области, где свободное творчество, по мнению интеллигентов-идеологов, затруднялось сильной «консервативной властью массы, толпы... будь то масса студентов или толпа профессоров»[544]. Считалось, что в такого рода характеристиках уровня социально-этического сознания большинства не было ничего оскорбительного. Од-

---

[542] Томилова Н.А. Представители критического направления в русском марксизме о «теории крушения» К. Маркса // По страницам истории и судьбы: К 70-летию профессора Ю.В. Куперта. Сб-к научных статей и материалов. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 138.

[543] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[544] См.: Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России… С. 93.

нако как-то незаметно сама собой стала появляться отчужденность между «серой толпой» и претендующими на идейное лидерство интеллигентами, самолюбование которых собственным «аристократизмом духа» все чаще воспринималось как «философское барство».

В итоге вместо консолидации усилий образованной интеллигенции, чтобы она могла идеологически возглавить российское общественное движение за преобразование жизни всего населения, произошло размежевание – зачастую полярное. Вывод томской исследовательницы идейно-политического многообразия общественных движений в России Т.В. Кисельниковой как нельзя более корректен в констатации тех последствий полемических баталий по поводу научного социализма и социального идеализма, которые свелись к тому, что либералы, отмечая «отсутствие в марксизме в качестве составной части специальной этической теории социализма, считали это большим пробелом, поскольку этику рассматривали как один из действенных факторов (наряду с правом) защиты свободы и достоинства личности. Этот спорный пункт в условиях отрицательной реакции со стороны социал-демократов, полагавших, что ***этическое обоснование*** социализма ***ненаучно***, в концепциях либералов перерос в защиту уже не только этики, а и веры в Бога, как инстанции, ее освящающей. Дальнейшие дискуссии все дальше разводили либералов, перешедших в конце концов на позиции философского идеализма и религиозности, и социал-демократов марксистов. Часть либералов (пример – П.Б. Струве и С.Л. Франк) в итоге и к социализму как самостоятельному этапу в развитии общества стала относиться отрицательно, а другая часть (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев) в социализме стала выделять две стороны: практическую политику (поддерживая ее) и социалистическое миропонимание, отрицая его как “социалистическую лже-религию”»[545]. Хотя «спор мог разрешиться гораздо более благоприятным для сохранения общности позиций сторон образом»[546], нежелание поступиться принципами победило: интеллигенты, размежевавшиеся по философским убеждениям, возглавили каждый малочисленную группировку своих единомышленников. Кроме того, в дискуссиях интеллигенты, почитавшие себя идеологами оппозиционного общественного движения, так и не смогли найти рецепт, позволявший сделать всех разумными и совестливыми в исторически короткие сроки. Вслед за тем, как политические идеологи осознали свою неспособность организовать оппозицию в единое движение, пришло разочарование в марксизме, на смену которому явился мистицизм И. Канта

[545] Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России… С. 95.

и Д.С. Мережковского. Это были мыслители, отличавшиеся по уровню своего влияния на общественные силы, но с одинаковой настойчивостью зовущие своих почитателей от “грубой” реальности к утонченным – и отвлеченным – идеалам Добра и Красоты[547]. Пролетарии же, по причине отсутствия философских знаний, оставались в стороне от декларируемого либеральной интеллигенцией «возрождения идеализма». Полемика в узком интеллигентском кругу мало чем способствовала идеологической экспансии идеализма. Не справлялась с задачей и печатная пропаганда оппозиционеров[548]. Однако осознания причин сложившейся ситуации не наблюдалось. Во время дискуссионных баталий А.А. Богданов неоднократно убеждал оппонентов, что без серьезного подхода к развитию мировоззренческого потенциала малообразованных рядовых членов партий расширение любых политических движений в принципе невозможно. Но к этим предупреждениям относились индифферентно: задача казалась неподъемной, хотя всем было ясно, что ради достижения этих целей требовалось создать учебное пособие *для всех* – и для вождей, и для рядовых, чтобы каждый получил представление не только о совокупности теоретических положений избранной идеологии, но и о том, как человеку прийти к осознанию своего места в обществе, своей роли в нем, к выбору жизненной цели и т.д.

Поскольку актуальность проблемы когнитивного развития почти поголовно безграмотного стомиллионного трудового населения воспринималась Богдановым в качестве сверхважной, то стремление ее решить стало для молодого ученого императивом к безотлагательным действиям. По крайней мере, именно так выглядела ситуация, когда Богданов, оказавшись после ареста в московской тюрьме, без промедления и даже в отсутствие необходимой литературы, ориентируясь исключительно на свою феноменальную память, приступил к работе над новой книгой – «Познание с исторической точки зрения». В этом учебном пособии автор продолжил дальнейшее развитие идей, изложенных в «Основных элементах исторического взгляда на природу» и послуживших в новой работе отправной точкой для построения оригинальной теории. Его система научных принципов познания, согласно вступительному слову, рассматривала «все современные методы научного объ-

---

[546] Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России… С. 95.

[547] См.: Асмус В.Ф. Кант Иммануил // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 11. М.: Сов. энциклопедия, 1973. С. 335–336 ; Григорьянц С.И. Мережковский // Указ.изд. Т. 16. С. 86. См. также: Мережковский Д.С. Из книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» // Мережковский Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. С.157–172 ; Он же. Мистическое движение нашего века // Там же. С.172–178.

[548] Подробнее об этом см., напр.: Богданов А.А. Философский кошмар // Богданов А.А. Из психологии общества. 2-е изд., доп. СПб.: Книгоиздательство «Паллада», 1906. С. 261–268.

яснения как логически подчиненные закону сохранения энергии»[549].

Уже одно только это неординарное заявление погружало многих в состояние интеллектуального ступора. Однако содержание книги оказалось более чем внятным и последовательно раскрывало заявленный тезис. Особенно четкой была зафиксированная здесь схема формирования сознания: подобно тому, как материальный объект при механическом движении следует по оптимальной траектории, человеческая мысль ищет кратчайший путь к достижению поставленной цели. Более того, при попадании в аналогичную ситуацию человеку уже не требуется проходить все стадии процесса ее обдумывания, поскольку результаты предшествующего размышления надолго сохраняются в компактной форме воспоминаний. Наиболее прочно в человеческой памяти обычно закрепляются мысли и знания либо о регулярно повторяющемся, либо о том, что потребовало интенсивных и длительных умственных усилий. Именно эти свойства мышления Богданов отнес к категории «форм движения материи», существующих в динамическом равновесии с окружающей средой[550].

Таким образом, специфическая функция сознания заключается в выработке оптимальной стратегии поведения в *реальной* обстановке ради конкретных целей. Что касается возвышенных идеалистических абстракций, то они не остаются в памяти в качестве рационально-целесообразного, единожды продуманного алгоритма поиска правильного решения, поскольку абстракции по самой своей сути лишены конкретного практического смысла и плохо запоминаются как нечто непонятное. Когда идеологи-идеалисты предлагали соединить понятное с чем-то непонятным, то человек попадал в ситуацию когнитивного диссонанса, названного в произведении Богданова «спутанностью мышления», которая на рубеже XIX и XX вв. достигла «такой большой степени и такого широкого распространения… В различной мере она наблюдается среди массы идеологов самых различных общественных форм <…>. В этом отношении наше отечество вряд ли уступит пальму первенства какой-либо другой стране <…>. Призывы – назад к Лассалю, назад к Фихте, назад к Канту, – вообще куда угодно, только не вперед, раздаются из уст многих искренне прогрессивных идеологов»[551].

Что бы там ни говорили, но трудно было спорить с Богдановым, который как профессионал (врач-психиатр) доказывал, что сознание человека формирует оптимальную

---

[549] Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб.: Типография А. Лейферта, 1901. С. IV.

[550] См.: Богданов А.А. Познание… С. 33–35, 37–38, 39–40, 58, 85.

[551] Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. С. III.

для индивида стратегию энергетического обмена с окружающей средой[552]. Поэтому чем выше уровень сознания личности, тем активнее и полноценнее его отдача вовне, поскольку развитое сознание предполагает наиболее рациональную систематизацию индивидуального опыта. Зато когда жизненная энергия человека теряется на преодоление внутренних противоречий, происходит нарушение «монистической тенденции сознания». Это пагубно сказывается на когнитивном развитии, поскольку монистическое восприятие окружающего мира формирует способность гармонично взаимодействовать со средой, что ведет к систематизации и коллективного опыта в дополнение к индивидуальному.

Между тем на рубеже XIX и XX вв. монистическая тенденция была наименее заметна именно в области познания, в задачи которого входило расширение кругозора личности, развитие способности определять свое отношение к действительности. В неудовлетворительных обстоятельствах взамен гармонического и непротиворечивого соединения отдельных отраслей знания наличествовало возрастающее их обособление и расхождение. Специализация наук, по мнению Богданова, подменяла систематизацию человеческого опыта систематизацией его отдельных сторон[553]. В результате обнаруживалось, что «когда метод одной науки повсюду применим в другой, но дополняется в ней специальными приемами более частного характера, тогда вторая наука может с полным основанием рассматриваться как частная область первой»[554].

Богданов, занимавшийся просветительской деятельностью с рабочими, не раз убеждался, что «дробление» научного опыта и наличие методов, повторяющих друг друга, усложняло постижение знаний. Потребность в новой классификации наук, устанавливающей их строгую взаимосвязь, представлялась молодому ученому очевидной.

В математике он выделил универсальный метод определения качественного своеобразия природных и социальных явлений через количественные характеристики[555]. Физика, занимающаяся анализом взаимных превращений материи и энергии, и химия, исследующая изменения вещества, при опоре на математический метод в системе познания имеют много тождественных элементов. Аналогичным образом рассматриваются и другие науки для выявления сходных особенностей, позволяющих их объединить в целостную систему познания[556]. К сожалению, область социальных наук представлена в

---

[552] См.: Богданов А.А. Познание… С. 43.
[553] Богданов А.А. Познание… С. 161 – 162.
[554] Богданов А.А. Познание… С. 162.
[555] См.: Богданов А.А. Познание… С. 162.
[556] См.: Богданов А.А. Познание… С. 62, 163–164.

книге А.А. Богданова неполно из-за отсутствия в условиях тюремного заключения литературы, необходимой для исследования. Подробно изложена только тема, красной нитью проходящая через всё последующее творчество Богданова, – тема теснейшей связи «идеологических форм» с организацией общества, т.е., по большому счету, тема взаимозависимости методов познания и методов труда[557].

Ученый ожидал, что ***будут*** нападки на его новую книгу, но не представлял, что оппоненты столь дружно ополчатся на содержание «Познания с исторической точки зрения». От Н.А. Бердяева, уже известного к тому времени философа, до Г. Черепанова, обозревателя книжных новинок в журнале «Мир Божий» – все клеймили А.А. Богданова за то, что его духовный кругозор слишком узок. Считали виновным и в банальном дилетантстве, и в примитивном толковании популярных идей (в первую очередь гносеологических учений и теорий критицистов), и в смешении науки и философии и даже в неумении различать физическое и психическое. Уличали в пренебрежении самоуверенного естественника к тысячелетнему опыту философской науки, в создании пустых натуралистических схем. Упрекали, будто он не знает, что в современной науке господствует не монизм, а плюрализм. Объявляли желание Богданова создать единую науку вредным заблуждением, потому что такая наука уже есть, и создана она философами – представителями цельного знания о мире, а не теми, кто пишет книги, принадлежащие к очень неопределенному литературному жанру. Утверждали, что с таким автором образованная общественность будет «идти не вперед, а назад, но не к Фихте или Канту, а к каким-либо вульгарным философским теориям», и т.д., и т.д.[558]

Несмотря на общий агрессивно-высокомерный тон критиков, автор «Познания…» не оставил их выступления в печати без спокойно-вежливого и обстоятельного ответа, учел дельные, пусть и с придирчивой издевкой замечания, но вступать в перебранку с особо усердствующими оппонентами не стал. С этого момента он чем дальше, тем сильнее стал склоняться к мысли, что истина вряд ли рождается в споре, поскольку во время полемики происходит не просто обмен непредсказуемо изменчивыми представлениями об объекте дискуссии, но наблюдается борьба мнений (порой малокомпетентных), и эта борьба чаще

---

[557] Богданов А.А. Познание… С. 180–184, 193–194. Показательно, что сразу же по прибытии в вологодскую ссылку Богданов продолжил разработку этой темы, посвятив ее ключевым аспектам две статьи в сборнике «Очерки реалистического мировоззрения» (См.: Богданов А.А. Обмен и техника // Очерки реалистического мировоззрения. СПб.: Изд-е С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904. С. 279–343 ; Богданов А.А. (под псевд. «Н. Корсак») Общество правовое и общество трудовое // Указ. изд. С. 551–583).

[558] Г.Ч. [Черепанов Г.]. А. Богданов. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901 г. [рецензия] // Мир Божий. СПб., 1901. №10. С. 101–103 ; Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902. Кн. 4 (№9-10).

всего порождает хаос понятийных элементов вследствие столкновения общемировоззренческого опыта и субъективного восприятия. В этой ситуации неизбежно возникает состязание «собственников переживаний» («по ироническому выражению Маркса»[559]), которые предпочитают предмет полемики вывести за пределы коллективного опыта, поместив его целиком в зону «субъективных впечатлений»[560] и открыто предъявив притязания быть единственным носителем объективного знания. Этот вопрос, по мнению А.А. Богданова, требовал особого внимания к себе, потому что «философская цельность мировоззрения как нельзя более важна для отчетливого понимания смысла и целей общественной деятельности»[561]. Свобода мнений и свобода критики, безусловно, необходимы, но «критики по существу, а не посредством “определения” <…> эпитетами»[562] и не путем подмены понятий.

Эти мысли не оставляли Богданова в покое, несмотря на то, что период 1901 – 1902 гг. был в биографии Александра Александровича сложным временем пребывания в вологодской ссылке, потребовавшей от него огромного перенапряжения сил.

2.6 Вологодская ссылка. Внимание А.А. Богданова к проблеме авторитаризма в среде российских политических деятелей

Богданов, надеясь заработать и сэкономить в ссылке средства, чтобы рассчитаться с долгами за издание книги «Познание с исторической точки зрения», не учел того, что «ссыльные из привилегированных сословий получали в месяц 6 рублей, а из непривилегированных 3 рубля <...>, но можно ли было <...> иметь помещение, кормиться и одеваться за 6 рублей в месяц?»[563] Понятно, что ссыльный, не получавший помощи от богатых родственников, «голодал и был полураздет»[564]. Некоторые на поселении чувствовали себя даже хуже, чем на каторге, где арестант хотя бы был гарантированно по Положению «обеспечен кровом, кроватью и пищей, тогда как на поселении он был выброшен с разными ограничениями прав, в том числе и права свободного передвижения и без

С. 839–853.

[559] Богданов А.А. Приключения одной философской школы. Полемические заметки о Г.В. Плеханове и его школе. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 7.

[560] Там же.

[561] Богданов А.А. Приключения одной философской школы. С. 4.

[562] Там же.

[563] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 130.

[564] Там же.

гроша денег, т.е. со всеми шансами умереть от голода и холода»[565].

Дипломированные специалисты, как только становились ссыльными, сразу же лишались права исполнять свои профессиональные обязанности в местах лишения свободы, поэтому были готовы исполнять любую работу даже за гроши. Поскольку в провинциальной глуши всегда наблюдалась острая нехватка специалистов, то местная власть в виде исключения шла на некоторые нарушения Положения об охране поднадзорных ссыльных, используя их профессионализм по мере необходимости. Например, Н.Н. Вашков, находясь в ссылке, исполнял обязанности земского техника по Вятской губернии за неимением специалиста среди благонадежных[566]. В иных случаях правящая элита нередко обращалась к высокообразованному ссыльному с «просьбой» писать для жандармского начальства особо важные отчеты «по-новому»: раньше существовал шаблон, по которому из года в год «наверх» давались сведения о положении дел в губернии, но граф М.Т. Лорис-Меликов в бытность свою министром внутренних дел завел новые порядки, приказав губернским руководителям политической полиции «писать все, что призн***а***ете нужным, а также давать отзывы о всех лицах, начиная с губернатора, сообразно тому, что вы о них думаете»[567]. Раньше отчеты включали в себя такие «аттестации», как «консерватор, глуп; либерал-болтун; или нигилист, или атеист, в церковь не ходит, и т.п.»[568]. В конце XIX в. в отчетах потребовалась оценка роли общественного мнения, ограничения цензуры и соблюдения законности[569]. Такие отчеты были по силам не жандармским полковникам, а сведущим в политических вопросах ссыльным, к услугам которых при случае прибегали.

После М.Т. Лорис-Меликова граф Дмитрий Андреевич Толстой как министр внутренних дел и шеф жандармов был еще более придирчив, и каждый губернатор в России быстро оценил возросшую требовательность, понимая, что самая малая ошибка в отчетах – и из хозяина губернии можно превратиться в простого обывателя[570]. Региональная элита была впечатляюще наслышана о том, как граф Д.А. Толстой нередко предъявлял подчиненному требование, не отвечающее норме закона, и доводил до отставки за неисполнение

---

[565] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 130.
[566] См.: Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 223.
[567] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 146.
[568] Там же. С. 146 – 147.
[569] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 147.
[570] Там же. С. 168.

этого своевольного распоряжения[571], а для всей чиновно-бюрократической службы это было напоминанием, насколько положение каждого зависит от благорасположения верховной власти. Чтобы не попасть впросак, чиновники на местах десятилетиями не меняли правил надзора за ссыльными, хотя в коридорах власти после реформы 1861 г. велась непрерывная борьба между двумя администрациями – государственной, вполне укомплектованной кадрами, и земской, переживавшей хронический кадровый голод в статистических, страховых, санитарных, дорожных и иных отделах местных управ[572]. Земцы доказывали, что безболезненно решить проблему нехватки образованных специалистов в уездах и волостях можно было за счет нараставшего числа ссыльной интеллигенции. Аргументы провинциальных либералов, которые стремились сохранить и по возможности укрепить авторитет земской власти в империи, сводились к следующему:

1) Недопустимо бесконечно долго держаться за морально устаревшее «Положение об охране» и пора поумерить начальственный пыл губернских чиновников-бюрократов.

2) Обстоятельства требуют, чтобы люди, пусть и пораженные в правах, но способные приносить общественную пользу, трудились на благо империи, а не умирали с голоду, когда в огромной стране в связи с реформой работы непочатый край.

3) Поддерживать поднадзорных работой – значит уменьшать протесты общества против ненадлежащего содержания арестованных и ссыльных и тем самым «бороться с эксцессами, а не помогать революции»[573].

Однако даже эти доводы не помогали победить в губернских администрациях страх – «не перед революцией, а перед тем, что скажет граф Дмитрий Андреевич Толстой»[574] или кто угодно другой, пришедший ему на смену, поскольку анатомия раболепства перед начальством устроена так, что главы ведомств сменяли друг друга, а страх впасть в немилость у вышестоящего начальника не исчезал никогда.

Многие чиновники, особенно в провинциальной глубинке, продолжали держаться правил вековой давности. В первую очередь это касалось патриархального низкопоклонства перед барином, особенно высокородным, и – в параллель с этим – проявления начальственного властолюбия перед простым человеком. В ситуации подъема антиправительственного движения эти качества чиновников приобрели еще более гипертрофи-

---

[571] См.: Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 256.
[572] См.: Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 198.
[573] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 198.
[574] Там же.

рованную форму, поскольку в новых обстоятельствах было где разгуляться и деспотическому нраву, и раболепному пресмыкательству. Например, через ссылку в одной только Вологодской губернии, куда по решению суда отправили Богданова, прошли многие тысячи так называемых государственных преступников всякого ранга, поэтому наметанный глаз и безошибочное чутье чиновников служили верными помощниками в определении того, кто какого звания и достатка пожаловал под надзор и какое обхождение потребуется в каждом конкретном случае. Умозрительное деление на привилегированных и беспородных малоимущих ссыльных приносило охранным служащим свои выгоды, в том числе и финансовые, а для лиц, поступавших под их надзор, такое разграничение обеспечивало одним только минимальные условия для выживания (и таких было большинство), а другим – максимальное приближение к привычному образу жизни.

Разница в том, что***О*** предназначалось всем, а что***О*** – избранным, была огромна, и судить об этой разнице помогают мемуары бывших ссыльных. К примеру, воспоминания потомственного дворянина и видного земского деятеля И.И. Петрункевича дают представление о том, как его перед отправкой в ссылку встречали жандармы, выстроившись на вокзальном перроне в две шеренги. У вагона стоял офицер, и, по словам Ивана Ильича, «мы вместе, рядом пошли между двух рядов жандармов, а впереди нас шел вахмистр с медалью на шее. Мы быстро прошли через вокзал, у подъезда которого стояла карета <...>. Как только все мы уселись, офицер опустил в карете шторы, и мы поехали»[575]. Такого привилегированного ссыльного и на поселении встречали, как дорогого гостя. Чтобы поднадзорный не чувствовал себя стесненно, исправник вводил его в общество местной правящей элиты и даже присоветовал ему снять для проживания целый этаж большой избы, состоявший из трех комнат[576].

Не менее комфортно чувствовали себя в ссылке и выходцы из благородных семейств – такие, как, например, Н.А. Бердяев. По его собственному признанию в философской автобиографии «Самопознание», он имел вольготный режим вследствие того, что был родственником вологодского губернатора и «*не испытывал особенных страданий от жизни в Вологде* <...>, *себя чувствовал очень свободно, в некоторых отношениях свободнее, чем в Киеве. Полиция нисколько не беспокоила* (курсив мой – А.Л.)»[577] его. Жил Бердяев в гостинице «Золотой

---

[575] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 117.

[576] Там же. С. 123–124.

[577] Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Междунар. отношения, 1990. С. 119–120.

якорь»[578], а от бытовых проблем его освободил моряк Н.М., который был его «единственным товарищем детства» и *которого ему позволили взять с собой* в ссылку[579].

Для поднадзорных из числа «непривилегированных» все было иначе. Во-первых, чаще всего они попадали не в губернский центр, а в уездные городки или в совсем глухие места: российские губернии огромны, а места ссылок нередко назначались за 900 км от железной дороги. И в этом случае доставка каким-либо транспортом вообще не была предусмотрена. Во-вторых, встречали таких ссыльных по-иному. В-третьих, условий для выживания, особенно в гиблых местах с суровым климатом, не было никаких.

Из «непривилегированных» поднадзорных обычно еще в тюрьме формировали группу, которую под конвоем везли до конечной станции по железной дороге. На вокзале конвой передавал группу полицмейстеру, который первым делом интересовался, есть ли у кого «средства на дальнейшее путешествие на лошадях в сопровождении двух полицейских, обратную дорогу коих тоже нужно оплатить»[580]. Когда оказывалось, что средств нет, ссыльных отправляли по этапу. Путь до пункта назначения иногда «длился до 55 дней – два дня ходьбы, по 20–30 верст, и “дневка” – отдых на третий день»[581]. После такого «путешествия» любой человек, если выживет в дороге, добирался до поселения измученным до такой степени, что был совершенно не способен «воспринимать и ориентироваться в новой обстановке»[582], производя впечатление человека «не в себе»: такой ссыльный «путался» в дверях, «приходилось водить его в уборную. В первые дни трудно было вытянуть из него слово. Он то лежал на диване, то кружил по комнате, то присаживался к столу, на котором лежала стопка почтовой бумаги»[583]. Состояние полувменяемости усугублялось проблесками осознания того, что его, впрочем, как и многих других, арестовали и увезли из дома в отсутствие членов семьи, которых никто так и не уведомил о случившемся[584]. И вот теперь – по прибытии в ссылку – осужденный как государственный преступник, находясь в стрессовом состоянии после «путешествия» по этапу, пытался адекватно изложить на бумаге, каким образом он оказался на поселении и что ему предстоит провести несколько лет в отрыве от семьи, от привычных занятий, от родных мест, – и не находил в себе сил продолжать письмо, не зная, получат ли близ-

---

[578] Бердяев Н.А. Самопознание. С. 118.
[579] Там же. С. 20.
[580] Гессен И.В. В двух веках. С. 67.
[581] Там же. С. 89.
[582] Гессен И.В. В двух веках. С. 89.
[583] Там же. С. 90.

кие его весточку. Лишь по прошествии недель и даже месяцев ссыльный обретал душевное равновесие. А у иных так и не получалось справиться с мучительным состоянием. Такие ссыльные от нервного истощения вскоре опускались, утрачивая всякий интерес к жизни, особенно если семья не поддерживала их материально.

Чтобы хоть как-то выжить в суровых условиях ссылки, поднадзорные объединялись в колонии и жили скученно, снимая жилье совместно с товарищами по несчастью. Им раз за разом отказывали в предоставлении работы согласно «Положению об усиленной охране»[585]. Труднее всего было найти в ссылке заработок учителям и медикам, поскольку первоочередной задачей земских управ на местах являлась организация элементарной медицинской помощи населению, а также начальное обучение подрастающего поколения. Поэтому штаты местных больниц и школ, как правило, были хоть худобедно, но укомплектованы местными кадрами, и ни дополнительных вакансий, ни расширения предоставляемых земскими учреждениями услуг в обозримом будущем не предвиделось. Малообеспеченные ссыльные-профессионалы попадали в безвыходную ситуацию: и покинуть место поселения запрещено, и выжить невозможно – они были беднее нищего населения, не способного воспользоваться квалификацией профессионалов и поддержать их существование. В этой ситуации положение врачей было тяжелым еще и с нравственной стороны: «им запрещался труд, который мог бы обеспечить врачу его существование, у него отнимали возможность выполнять моральную обязанность оказывать врачебную помощь ближнему»[586].

Крайне редкими были случаи привлечения врачей к работе на поселении – такие эпизоды в конце XIX в. можно было буквально пересчитать по пальцам. Среди тех, кому – «в виде редкого исключения» – разрешили заниматься в тот период медицинской практикой в ссылке, был А.А. Богданов. Связано это с тем, что после процесса 193-х, когда 97 арестованных, не дожив до слушания дела, покончили с собой или сошли с ума[587], власти обратили внимание на эту прискорбную проблему: статистические показатели по суицидам и помешательству среди арестованных и ссыльных были на порядок выше, чем в среднем по стране, – эта категория населения, как оказалось на практике, целиком нуждалась в помощи врачей-психиатров, поскольку душевное расстройство потенциально грозило любому репрессированному.

---

[584] См.: Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 118.
[585] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 283
[586] Там же. С. 186.
[587] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 78.

Однако представить себе подлинный масштаб бедствия А.А. Богданов не мог, пока не принял дела. Прохождение перед защитой диплома практики в харьковской психоневрологической клинике не оставляло столь тягостного впечатления от состояния невменяемости душевнобольных, как это наблюдалось в Кувшиновской психиатрической лечебнице, что находилась в 4 – 5 верстах от Вологды[588]: все пациенты – запущенные, требующие индивидуального подхода. «Условия работы трудные: на 300 больных только два врача»[589]. Но даже и эту работу Богданов получил не сразу.

В Вологду Александр Александрович прибыл в начале 1901 г.[590]. Этот город, назначенный для него местом ссылки, представлял собой один из самых удивительных феноменов российской действительности начала XX века. Обычный провинциальный административный центр с тихой и застойной общественной жизнью, с малочисленным населением, кругозор которого ограничивался в основном традиционными мещанскими ценностями, населенный пункт, чрезвычайно далекий от столиц не только географически, но и культурно, – такой город представлялся царским властям идеальным местом для ссылки оппозиционно настроенных интеллигентов: казалось, оторванность поднадзорных от привычного жизненного окружения, отсутствие взаимопонимания жителей и ссыльных вследствие полной мировоззренческой несовместимости, психологическая изоляция «смутьянов» от большей части местного законопослушного общества способны сломить самую стойкую волю к сопротивлению, превратив борца с самодержавием в тихого и покорного конформиста. Эта практика борьбы с оппозицией давала неизменный результат в течение всей второй половины XIX столетия, психологически преображая радикальных революционеров в умеренных охранителей режима. Однако резко возросшее в начале XX в. количество ссыльных интеллигентов не только полностью уничтожало планируемый жандармами «воспитательный эффект», но и порождало столь высокую интенсивность культурной и умственной жизни, которая была более характерна для ведущих университетских центров Европы, чем для небольшого губернского города, основу промышленности в котором составляли всего лишь водочные и воскобойные заводы с мизерным

---

[588] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[589] Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского [электронный ресурс] // Наследие А.В.Луначарского URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/vologodskaa-ssylka-lunacharskogo (дата обращения: 24.05.2018)

[590] Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского [электронный ресурс] // Наследие А.В.Луначарского URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/vologodskaa-ssylka-lunacharskogo (дата обращения: 24.05.2018) ; Белова А.А. А.А. Богданов. С. 14–15.

числом рабочих мест[591].

Мерой наказания Богданову была определена ссылка сроком на три года. Его жена – Наталья Богдановна – мужественно последовала за ним[592], что в те времена было явлением заурядным: многие жены разделяли горькую судьбу своих супругов. Случалось, даже этапом шли наравне с мужьями, подвергаясь «тягчайшим карам» (о чем поведано, например, в книге американского журналиста Джорджа Кеннана[593]). У Богдановых переселение в Вологду обошлось без тяжелых последствий. Супруги на первых порах снимали незавидное жилье, но скоро жизнь осложнилась жесточайшим безденежьем: оба в ссылке не могли найти работу, а экономь – не экономь, но не только на выплату долга за издание «Познания с исторической точки зрения» – на жилье и еду недоставало. Северные цены на все были так высоки, что, по воспоминаниям коренного вологжанина И. Ермолаева, земского разъездного фельдшера, на его скромный оклад в 25 рублей в месяц «кое-как мог существовать холостой человек, урезывая себя и в пище, и в книгах, и в отдыхе, но никоим образом не семейный»[594]. А у Богдановых даже на двоих таких денег не было.

Тем не менее Наталья Богдановна не могла оставить мужа одного в ссылке на севере по ряду причин. Прежде всего, он нуждался в правильно организованном питании в условиях нехватки средств: еще в студенческие годы Александр Александрович «часто нуждался и голодал», чем подорвал иммунную систему и даже «перенес экзему, распространившуюся по всему телу»[595]. Далее, из-за характерного для Александра Александровича индифферентного отношения к проблемам повседневности присутствие заботливой Натальи Богдановны было более чем оправданно: хотя сам Богданов считал, «что он недурной жизненный практик», на самом деле в бытовых вопросах «не обнаруживал практической приспособляемости»[596]. Он как врач знал, что вредные привычки губительны для здоровья, поэтому никогда не употреблял «ни табаку, ни алкоголя»[597]. Но что на самочувствие

---

[591] Вологда // Малый энц.словарь Брокгауза и Ефрона. В 4-х т. Т. 1. М.: Терра, 1997. Стб. 932.

[592] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[593] См.: Гессен И.В. В двух веках. С. 77.

[594] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.05.2018)

[595] Хьюстис Д. Богданов: Последний эксперимент [Электронный ресурс] // Вестник Международного Института Богданова. URL: http://bogdinst.ru/vestnik/doc07/05.doc (дата обращения: 18.05.2017; в дальнейшем доступ осуществлялся по ссылке на резервную копию, размещенную на сервисе «Веб-архив сайтов». URL: https://web.archive.org/web/20170718020511/http://bogdinst.ru:80/vestnik/doc07/05.doc)

[596] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.05.2017)

[597] Там же.

человека пагубно влияют еще и чрезмерные перегрузки, – на эту проблему доктор Богданов в отношении самого себя закрывал глаза, оправдываясь тем, что благодаря Наталье Богдановне был избавлен от потери времени на непродуктивные занятия и мог рационально чередовать разные виды деятельности, чтобы образ жизни не вредил здоровью. И все-таки придерживаться при этом разумных норм не удавалось, поскольку Богданов регламентировал распорядок дня так, чтобы для научной деятельности оставалось ежедневно не менее восьми часов, даже если приходилось спать по два часа в сутки и жить впроголодь.

Фельдшер И. Ермолаев, познакомившийся с Богдановым еще до совместной работы в психиатрической лечебнице, был крайне изумлен целеустремленностью молодого ссыльного доктора и писал об этом в своих воспоминаниях так: «А. Богданов был первым человеком, встреченным в моей жизни, который <...> так упорно и систематически работал. Я полагаю, что лозунг его был и есть – все для работы, т.е. строить свою жизнь так, чтобы получался максимум работы»[598]. К тому, что «продуктивно» влияло на развитие научно-исследовательского таланта Богданова, следует отнести работу над трудами российских и зарубежных ученых, которая требовала много времени. И. Ермолаев был поражен тем, что Александр Александрович читал «научные книги с быстротой до 100 страниц в час» и при этом запоминал некоторые фрагменты буквально дословно; восхищал способностью «в высокой степени успешно работать в нескольких областях знаний» и особым даром трактовать сложные моменты изучаемой теории доступно с помощью наглядных примеров из обыденной жизни; изумлял тем, что воспринималось совершеннейшей фантастикой: доктор Богданов умел «быстро производить умножение и извлечение корней из многозначных чисел»[599]. Все это и многое другое позволяло Александру Александровичу сокращать время на решение поставленных задач. Автор воспоминаний о вологодских ссыльных полагал, что систематичность в работе, трудолюбие и громадная работоспособность служили Богданову основой постижения универсальных знаний и методов различных наук[600].

---

[598] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[599] См.: Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[600] См.: Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

Конечно, можно было бы принять «явно апологетический тон»[601] суждений Ермолаева о Богданове за проявление восхищенного благоговения малообразованной персоны перед интеллигентом, способности которого «гиперболизированы» на почве личной симпатии, если бы не существовало иных – объективных – фактов и мнений, совпадающих с ермолаевскими. Во-первых, в Вологде знали сразу же по прибытии Александра Александровича в ссылку, что он, 27-летний социал-демократ, – автор трех научно-просветительских монографий, а такой талант не многим дан. Во-вторых, именно «о нем бежало слово как об ученом и опытном революционере, организаторе и пропагандисте»[602], и его работа в тульских кружках, борьба с заводчиками были объектами пристального внимания в среде ссыльных. В-третьих, «вскоре по приезде в Вологду он стал организационным центром ссылки»[603] – *и ни о ком другом так не говорили*, хотя в числе репрессированных было немало видных деятелей России и ярких творческих личностей. В 1900 – 1901 гг. «в Вологду хлынула большая волна ссыльных»: кроме Богдановых, прибыли супруги Тучапские (социал-демократы), Кистяковские (Б.А. Кистяковский – известный философ и либеральный общественный деятель), Третьяковы (С.Н. Третьяков – промышленник и политик-либерал), Б.В. Савинков (эсер-террорист) с женой, дочерью писателя Глеба Успенского, И.А. Саммер (социал-демократ), Ауссем, Бляхер, А.М. Ремизов (молодой, но уже известный писатель), Н.А. Бердяев (философ-идеалист), Бабкин, Шен, Фомин, Немцов, Щеголев, Жданов, Суворов, Василий и Анатолий Васильевы, Масленников, Кудрявый и др. Немногим позднее прибыла еще одна группа ссыльных, среди которых выделялись Луначарский, Ченыкаев, Аптекман[604].

Развернуть просветительско-пропагандистскую работу общими усилиями тоже было где: в Вологде в самом начале века стала подавать признаки жизни небольшая «полуреволюционная» организация, которая группировалась вокруг нелегальной библиотеки. Правда, ни марксистской, ни народнической литературы там не было, но кое-какой подбор книг по естествознанию, экономике и философии имелся. Однако получить ответы «на сущность общественного развития»[605] или познакомиться с какими-либо революционны-

---

[601] Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского [электронный ресурс] // Наследие А.В.Луначарского URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/vologodskaa-ssylka-lunacharskogo (дата обращения: 24.07.2017)

[602] Там же.

[603] Там же.

[604] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[605] Там же.

ми программами не представлялось возможным. Зато идеям свержения царизма был дан зеленый свет. Но что будет после падения самодержавия – «конституционная монархия или республика, в значительной степени не различалось»[606]. Иного и ожидать не приходилось, потому что работа в нелегальной организации была построена по примитивному варианту. Когда начался приток ссыльных, у вологодской молодежи проснулось внимание к журналам «с марксистским, вполне или отчасти, направлением, но ей явно требовались умные наставники, основательно вооруженные просветительско-пропагандистскими идеями, формирующими рационалистическое отношение к миру и жизни. Казалось, вот бы где пригодился опыт работы Богданова в рабочих кружках Тулы – но не тут-то было! Как ни странно это звучит в контексте вышесказанного, помехой стало то, что в город «явилось много рабочих и служащих на строящейся железной дороге Вологда – Архангельск и в железнодорожных мастерских»[607].

Имущее население, как только в городе началось строительство железной дороги, стремилось воспользоваться случаем приумножить свое благосостояние и не скупилось на расширение как торговли, так и непомерно дорогостоящих услуг. Зато положение малоимущих значительно осложнилось, и недовольство условиями жизни стало уделом слишком многих, чтобы можно было игнорировать данный факт. Соседство политических ссыльных с массой эксплуатируемых и обираемых железнодорожных строителей на фоне нараставшего ропота значительной части населения потребовало от властей осмотрительности и заметного усиления надзорных служб, чтобы строительное руководство, администрация губернии и земское начальство могли держать ситуацию под контролем. Сторожа строительных площадок и казарм для рабочих, отряды жандармов и земские статистики представляли собой целую армию, чинившую непреодолимые препятствия даже для простого общения между людьми, не говоря уже о нелегальной групповой деятельности. В последнем случае многократно возрастала вероятность разоблачения и привлечения по 102-й статье Уголовного уложения, предусматривавшей наказание бессрочной каторгой за участие в подпольном сообществе[608].

Моральные принципы не позволяли Богданову рисковать жизнью неопытных людей, потому что в сложившихся условиях тотального надзора вовлекать в опасное сотруд-

---

[606] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[607] Там же.

[608] См.: Гессен И.В. В двух веках. С. 151.

ничество пришлось бы тех, кто к борьбе за социал-демократические убеждения не был подготовлен ни организационно, ни идейно, а готовить их самому, находясь под полицейским надзором, было невозможно. Поэтому любой, кто поставил «для себя главной целью тогда выработать правильное миросозерцание, знавший уже, что такое Богданов, решил быть к нему поближе»[609], желая получить от него поддержку и помощь просветительского свойства, но без явного пропагандистского уклона. Приходившие к доктору Богданову за наукой далеко не сразу могли объяснить, чем именно их наставник отличался от остальных политических ссыльных. Да и внешне он не производил впечатления выдающейся личности: «Лет 27–28. Среднего роста, широкоплечий, со светлыми волосами на голове и русой бородой и усами. Физически довольно сильный, простой и невзыскательный в образе жизни и одежды. Физиономия его, по его же определению, обыкновенного среднего русского человека, приказчика, но громадный, нависший лоб, придающий суровое выражение лицу, и твердые очертания подбородка говорят об упорной воле, настойчивости и уме. Глаза серые – обычное их выражение серьезность и усталость»[610]. Таким Александр Александрович запечатлелся в памяти тех, кто работал с ним ежедневно бок о бок в течение длительного времени. В повседневном бытовом общении в вологодской колонии ссыльных он более других был дружелюбен: непоказная доброжелательность естественным образом располагала к нему людей. Даже Н.А. Бердяев, которому «дышать было трудно» в среде репрессированных, и тот отмечал: «Богданов был очень хороший человек, искренний»[611]. А А.М. Ремизов, автор «стилизаций в духе русской сказочной старины»[612], в автобиографическом повествовании «Иверень. Загогулины моей памяти» писал: «С особой благодарностью я вспоминал Александра Александровича Малиновского (Богданов – его псевдоним). “Курс политической экономии” А. Богданова я знал еще до университета. Высланный в Вологду, он занимал, как доктор, большое место заведующего в Кувшинове. В те годы, 1901–1903, он считался “заместителем” Ленина в России. Необыкновенно чистый, весь в своей блестящей черной блузе, и эти чистейшие детские глаза. Я думал, глядя на него, вот – НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК, можно всё поверить и всё он здраво рассу-

[609] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[610] Там же.

[611] Бердяев Н.А. Самопознание. С. 118.

[612] Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского [электронный ресурс] // Наследие А.В.Луначарского URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/vologodskaa-ssylka-lunacharskogo (дата обращения: 24.07.2017)

дит»[613].

Богданов действительно был настолько «свой», что перед ним не стеснялись собственных ошибок, незнания, недопонимания и не боялись высказывать свою точку зрения, уверенные наперед в объективности и доброжелательности его суждений.

Приходившим поодиночке к Богданову за наукой импонировала его простота, а готовность помочь непринужденно настраивала на общение, которое исключало условности интеллигентского этикета, предусматривавшего жесткое соблюдение норм субординации. Отношения с Богдановым почти сразу переходили не в панибратские – в доверительные, какие естественным образом возникают между товарищами, особенно в случае, когда у одного обнаруживался пробел в знаниях, а второй ведал, как этот пробел устранить, – и устранял. Описание характера такого взаимодействия попало в утопический роман Богданова «Красная звезда», куда были включены автобиографические эпизоды, касавшиеся, в частности, того, каким образом выглядело сотрудничество между людьми неодинаковой мировоззренческой подготовки – между имевшим разносторонние знания специалистом и полуобразованным человеком. Первый обычно при встрече откладывал дела и «с большим терпением» давал необходимые разъяснения, «тщательно приспособляясь к уровню понимания собеседника и входя в его психологию»[614].

Эффективность подобных собеседований Богданова с каждым из вологодских подопечных только на первых порах казалась незначительной. Однако спустя время при регулярности таких встреч молодежь неожиданно для себя обнаруживала перемену в собственных представлениях: непонятно откуда взявшаяся ясность взглядов «на сущность общественного развития»[615] проявлялась в понимании того содержания журнальных статей, которое ранее ускользало от восприятия. А после ознакомления «под влиянием» А.А. Богданова с такими трудами, как «Что такое научная философия» Лесевича, «Научно-популярные очерки» физика Э. Маха, «Общая физиология» М. Ферворна, наравне с проработкой научно-популярного изложения идей основателя эмпириокритицизма Р. Авенариуса и иной подобной литературы в совокупности с последующим разбором прочитанного и разъяснением непонятных мест, пришло умение самостоятельно отделять умозрительные теоретические построения от живого практического опыта. А вместе с

---

[613] Ремизов А.М. Иверень. Загогулины моей памяти // Ремизов А.М. Собрание сочинений. В 10 ти т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000. С. 436.

[614] Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 125.

[615] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

этим умением собеседникам Богданова явилось осознание того, *кому* по большому счету они обязаны прозрением. Перемены в «миросозерцании» каждого из них убеждали, сколь велико было целенаправленное и логически последовательное влияние молодого ученого на незрелые умы подопечных, на формирование фундаментальных основ мировоззрения, позволявшего оценивать окружающий мир, устанавливать связь между значимыми историческими фактами, видеть те общие логически релевантные концепты, которые скрываются за полифонией мнений идеологических оппонентов. Вслед за осознанием приходивших поодиночке к Богданову за просвещением явилась искренняя признательность: «Удивительная разносторонность (универсальность) знаний А[лександра] А[лександровича], его глубокая честность, товарищеское отношение заставляли глубоко его любить и уважать. На такого товарища можно было надеяться, что он и в минуту смертельной опасности не дрогнет и не покривит душой»[616]. Эта убежденность сохранялась в людском сознании и позже, особенно «когда в смутные годы реакции было тяжело жить, воспоминание, что на свете живут такие люди, подобные А[лександру] А[лександровичу], скрашивало сумерки будничного существования»[617].

Оснований для столь высокого мнения было более чем достаточно. Взять хотя бы случай с доставкой и хранением запрещенной литературы. Ермолаев предоставил в мемуарных записях следующее свидетельство: «Помню, что А[лександр] А[лександрович] поручил мне взять на маленькой станции у проезжего товарища нелегальную литературу, и мне удалось это выполнить, правда, с различными затруднениями»[618]. Молодой фельдшер записал в воспоминаниях именно так: «А[лександр] А[лександрович] поруч***и***л», а не «А[лександр] А[лександрович] поруч***а***л», т.е. Богданов ограничился пробной операцией, по результатам которой убедился, что подобные поручения потенциально опасны для неопытного исполнителя, которого после этого не подвергал риску. Что касалось хранения чего-либо из категории не разрешенного законом, то и тут Ермолаев констатировал: «Частенько мне приходилось прятать запрещенные издания <...>. Впрочем, ко мне приносили прятать литературу не одни т[оварищи] с[оциал]-д[емократы], но и с[оциалисты]-р[еволюционеры], и д[окто]р Ченыкаев частенько приходил с чемоданом, наполненным нелегальщиной»[619]. Здесь примечательно то, что фельдшер Ермолаев, педантично фикси-

[616] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)
[617] Там же.
[618] Там же.
[619] Там же.

ровавший в мемуарах факты и лица, не назвал Богданова: из двух докторов, с которыми работал в психиатрической лечебнице и был знаком ближе, чем с иными политическими ссыльными, он упомянул только Ченыкаева. Это может служить косвенным свидетельством того, что Богданов, в отличие от других поднадзорных, не желавших порывать с прежней подпольной работой, понимал, какая опасность грозит услужливому молодому фельдшеру, пока еще на тот момент непричастному к нелегальной работе.

Ответственность Богданова перед теми, кто ему доверился, проявлялась во всех случаях, в том числе, казалось бы, далеких от политической борьбы. Порукой тому может служить пример, связанный с конфликтом медперсонала Кувшиновской психиатрической лечебницы с новым старшим врачом Аптекманом. Поводом для столкновения послужили авторитарные наклонности этого доктора, который ввел для коллег «невозможный режим»[620]. И. Ермолаев отмечал в своих воспоминаниях: «Кажется, все старшие врачи психиатрических лечебниц страдают манией величия, у Аптекмана же она была в еще более увеличенной степени»[621]. Конфликт разгорелся не на шутку, тем более что он отражал характерную для медицинских учреждений ситуацию: в России «в угоду теории “о временности фельдшеризма и его вреде”»[622] шла травля среднего медперсонала. Труд фельдшеров унижался, шельмовался, объявлялся шарлатанством и временным злом, с которым медицине поневоле приходилось мириться, пока на смену «недоучкам» не придут во все российские лечебницы врачи-профессионалы. Но странное дело – чем активнее притесняли средний медицинский персонала, тем больше выпускалось из учебных заведений не докторов, а именно фельдшеров, которые «в миллионах случаев» самостоятельно и вполне квалифицированно оказывали больным помощь, приписываемую в отчетах почему-то врачам. В Кушиновской психиатрической лечебнице в 1902 г. моральная обстановка для этой категории работников ухудшилась еще и из-за невыносимо оскорбительного отношения доктора Аптекмана. Богданов пытался защитить коллег, объясняя Ермолаеву причину своего вмешательства в конфликт так: «Меня положение <...> обязывает стать на Вашу сторону»[623]. Начальство, разумеется, не поддержало Александра Александровича. Обиднее всего в этой ситуации было то, что Аптекман оказался «старым социал-демократом и

[620] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)
[621] Там же.
[622] Там же.
[623] Там же.

общественным деятелем»[624]. Мало того, он входил в состав комитета Вологодской социал-демократической организации, влиянию которой высокомерный доктор не пожелал подчиниться, продолжая унижать и третировать средний и младший медперсонал лечебницы.

Поскольку губернская медицинская администрация не помогла Богданову защитить права коллег, то финал разгоревшегося в Кувшиновской лечебнице противоборства был предсказуем: Александр Александрович покинул свой пост вслед за тремя уволенными фельдшерами. Из-за добровольного отказа от должности он потерял средства к существованию. Чтобы добыть денег, ему пришлось переключиться, как тогда говорилось, на «литературную поденщину» – на сотрудничество с научно-популярными журналами, а это обеспечивало лишь нерегулярный и небольшой доход.

Однако беспокойство не оставляло Александра Александровича в связи с тем, что не только в социал-демократической партии, но и в других политических организациях России получила распространение авторитарность лиц, уже имевших некоторый стаж руководящей деятельности и потому приписавших себе право пренебрегать мнением и интересами менее опытных единомышленников. Богданов считал такое положение дел неприемлемым для добровольных политических объединений, в особенности для РСДРП. Поэтому весной 1902 г. он отправил в «Искру» статью о задачах рабочих организаций, действующих в условиях обнаруженной проблемы. Статья, к сожалению, оказалась в числе утерянных, но ответ В.И. Ленина от имени редакции симптоматичен: «Статья эта (сама по себе интересная и ценная) *в таком виде пойти не может*, ибо есть совершенно неуместные и нетактичные вещи (вроде “единоличности” и “диктатуры одного члена комитета” и т.п.)»[625]. «Искра» статью забраковала, а Богданов недоумевал: ведь неравноправное сотрудничество для социал-демократа в принципе недопустимо, будь он хоть трижды опытнее и образованнее иных: компетентность есть только компетентность, а не власть, дающая привилегии[626]. Озабоченность Богданова нарастала, потому что лидеры центральных организаций социал-демократии не видели в авторитаризме угрозы для всего партийного дела. По мнению Александра Александровича, опасность таилась в том, что, *во-первых*, от лидера-деспота отшатнутся рядовые партийцы, потому что добровольное служение высокой идее не может сочетаться с унижением личности; лишенный достоинства и самоува-

---

[624] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[625] Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову. Между 28 марта и 19 апреля 1902 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. С. 175.

[626] См.: Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 172.

жения активист не способен полноценно отдаваться агитационно-пропагандистской работе; приток потенциальных сторонников в связи с этим резко снизится; ***в итоге рост организации замедлится***; *во-вторых*, авторитарный властолюбец, одержимый жаждой личного самоутверждения, станет действовать вразнобой с другими членами лидерской команды; последующая несогласованность повлечет за собой конфликты и конкурентную борьбу за личных единомышленников; форма внутрипартийного взаимодействия неузнаваемо исказится – там, где должен был утверждаться «товарищеский тип сотрудничества», ***станет накапливаться «взрывчатый материал»***[627]. Клановость, порожденная чуждым социал-демократической идеологии амбициозным авторитаризмом, может поставить под угрозу само существование политической организации: результат окажется не в пользу большинства, усилиями которого формировалось в тяжелейших условиях монолитное нелегальное объединение. Этого мнения Богданов придерживался в дальнейшем всю свою жизнь: «единоличность» и «диктатура одного члена комитета» – не столь безобидные вещи, хотя их влияние и представлялось в начале XX в. идеологам социал-демократии не заслуживающим внимания партийной печати.

Однако сам Богданов склонялся к мысли еще и о том, что дело-то в действительности было не столько в лицах, причастных к возникшему кризисному состоянию в социал-демократии (в других организациях участниками подобных столкновений могли быть другие персонажи), и даже не в совокупности причин, породивших раскол между сторонниками разных типов сотрудничества – авторитарного и коллективистского (в иных обстоятельствах и предпосылки противостояния находились иные). Проблематичность ситуации Богданов увидел в том, что еще не выявлено средство, которое могло бы консолидировать потенциально конфликтные стороны, не названа идеология, способная нейтрализовать разрушительную тенденцию, искажавшую суть взаимодействия внутри единой партии.

Если в Туле контакт Александра Александровича с рабочими учил его понимать, как менялся кругозор пролетариев под влиянием новых знаний, и марксистский метод послужил хорошей основой для развития объективного мировосприятия, то в Вологде общение было преимущественно со ссыльной интеллигенцией – и просвещенной, и политически зрелой. Смущало, правда, одно очень важное обстоятельство: несмотря на то, что в этой среде личности формировались, опираясь на базу общих представлений классической философии, *много вопросов вызывала проблема несовпадений субъективизированных ми-*

[627] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 172

ровоззрений при оценке одних и тех же явлений реальной жизни. Полемические дискуссии убеждали (причем не одного А.А. Богданова) в том, что нынешние «“философы-специалисты” большей частью располагают даже вовсе не более значительной суммой опыта, чем остальные люди: изучают по книгам сделанные другими философские попытки, но не самую жизнь и науку, т.е. не то, в чем лежит полнота опыта; реальный опыт у них не выходит за пределы обывательского, т.е. случайных и разрозненных клочков опыта коллективного, общечеловеческого. Отсюда <…> столь обычная в их среде склонность к бессодержательным, “схоластическим” рассуждениям»[628], к абстракциям, которые базируются на умозрении, а не на реальности. И это у них называется «идеологией».

В соответствии с общепринятыми представлениями это понятие обычно связывается с системой взглядов, формирующих убеждения людей, что, как отмечал А.А. Богданов, вполне обоснованно находило отражение в семантике самого слова «идеология», которое было образовано «из двух греческих: 1) “идэа” – воззрение, мысль, идея <…> и 2) “логос” – понятие, слово. Буквально, “идеология” должно бы значить – наука об идеях <…>. Но уже давно слово “идеология” приобрело иной, гораздо более широкий смысл»[629], однако не вследствие переоценки главной семантической составляющей этого понятия, а исключительно за счет расширения его содержательной части посредством введения других объективно важных элементов – таких, как «1) речь, 2) знание, 3) искусство, 4) обычаи, законы, нравственные правила, приличия и т.п.»[630] крайне необходимые для нормативного регулирования повседневной жизни и деятельности людей элементы бытового сотрудничества и строительства коллективов, разные виды социальной практики, закрепленные в формах мышления и имеющие прямое отношение к идеологии, которая – в богдановской дефиниции – есть не что иное, как «культурные линии развития»[631]. Причем, по мнению Александра Александровича, эти элементы – ***сугубо свои*** для каждого сословия, класса, социальной группы, политической партии и всякого другого сплоченного объединения, обладающего специфическим набором культурных ценностей и духовных ориентиров. При этом определяющее значение приобретает уровень совпадения привычных и введенных ценностей и ориентиров в коллективном мировоззрении: это совпадение должно быть максимальным и исключающим внутренние противоречия, поскольку «***всякая*** система сохраняется или раз-

---

[628] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 94.
[629] Там же. С. 55.
[630] Там же.
[631] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 119.

рушается в зависимости от своего отношения к среде, соответствия ей или несоответствия, “неприспособленности”»[632]. Значит, главная задача организации состоит в том, чтобы ее участники поддерживали друг в друге и каждый сам в себе то общее «самосознание», которое сплачивает всех и «вырабатывается всегда постепенно, незаметной работой мысли масс и сознательными усилиями» активных личностей[633].

По крайней мере, история развития разных общественных формаций, которую А.А. Богданов основательно штудировал в вологодской ссылке, убедила его в том, что политическое объединение может оказаться «гармонически стройной организацией» только в том случае, если ее составные части сознательно ориентированы на сохранение внутреннего единства, а также на соблюдение интересов и идейное развитие самого мировоззренчески слабого участника образовавшегося блока. Это обстоятельство, конечно же, следовало учитывать прежде всего членам РСДРП, поскольку сложностью этого общественного движения, по мнению Богданова, являлось то, что оно *объединяло людей разных линий культурного развития* и что залогом его успеха могла быть только совместная деятельность всех сотрудничающих лиц, независимо от вклада каждого в общее дело. Если количественно главной силой социал-демократического движения был пролетариат, который качественно уступал в научно-мировоззренческой подготовке другой – образованной – части партии, то немногочисленное интеллектуальное ядро обязано было взять на себя львиную долю заботы о расширении пролетарской культуры: «собирать, исследовать, организовать ее наличные элементы, развивать их дальше»[634] в соответствии с классовыми задачами рабочих.

Здесь нелишне отметить, что Богданов ***первым среди марксистов*** обратил внимание партии не столько на неготовность пролетариата к выполнению своей «исторической миссии» (это признавалось всеми безоговорочно), сколько на неспособность теоретиков мировой социал-демократии обеспечить подготовку будущих «могильщиков капитализма» «к роли организаторов общества, *принципиально иного* по строению и направлению жизни»[635]. Теоретики российской оппозиции неустанно твердили о политической незрелости рабочего класса, оставляя за скобками тот факт, что они сами даже к началу XX столетия так и не определились с тем, что же им самим-то делать в непре-

---

[632] Богданов А.А. От философии к организационной науке // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 116.
[633] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 58.
[634] Богданов А.А. От философии к организационной науке // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 115.
[635] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.

рывно осложнявшейся обстановке. Кроме того, если в XIX веке они довольствовались скромной ролью интерпретаторов-переводчиков сложных научно-теоретических доктрин на общедоступный для соотечественников язык, то к началу нового столетия немало представителей этой посредническо-переводческой прослойки русской общественности осмелилось сделать заявку на доминирование во внутренней политике империи, хотя ничего нового в теоретическом плане предложить не могло.

Все это мешало противникам самодержавного строя стать единомышленниками. В связи со сложившейся ситуацией один из лидеров социал-демократии В.И. Ленин весной 1902 г. открыто забил тревогу, потому что стало невозможно игнорировать очевидное: оппозиционные силы России (а Ленина волновали прежде всего социал-демократические организации) вступили к началу XX в. в «период разброда, распадения, шатания»[636]. Проблему Владимир Ильич отнес почему-то исключительно к болезням роста: «В отрочестве бывает так, – писал он в работе «Что делать?», – что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, звучать фальшью, – с одной стороны, в произведениях г.г. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны – у В. И-на, у Р.М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед <...>. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема»[637]. По мнению Ленина, стихийность масс требовала б***о***льшей сознательности, а лидеры, воспитанные в основном «на одной только “легальной” марксистской литературе»[638], так и не сумели отказаться от «полнейшей теоретической беззаботности»[639]: пытаясь «защищать свою отсталость всякими выспренними доводами», они превращали целостную революционную теорию научного социализма «в мешанину, к которой “свободно” добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника»[640].

После ознакомления с ленинской работой «Что делать?» смутная догадка А.А. Богданова переросла в убеждение, что единой стратегии у идеологов российской социал-демократии на самом деле не было. Особенно настораживало отсутствие даже у «искровцев» единодушия в таком важном вопросе, как выбор главной политической зада-

---

[636] Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 181.
[637] Там же.
[638] Там же.
[639] Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 6. С. 182.
[640] Там же.

чи движения. Судя по содержанию книги Ленина, *одним* марксистам не терпелось бороться за революционное свержение самодержавия. Лидеры этого направления (в первую очередь – Ленин и его единомышленники) связывали основную задачу партии с призывом к созданию боевой организации революционеров, верных принципам воинствующего марксизма. Владимира Ильича откровенно раздражало нараставшее в лидерских интеллигентских кругах стремление оправдывать «“революционную канцелярщину” и ребяческую игру в “демократические” формы»[641]. Этот процесс, определяемый Лениным как «опошление» идей научного социализма, поддерживали идеологи *другого* направления, которые стояли за целенаправленную эволюцию политических отношений в России, полагая, что «до социализма еще надо “дозреть” и что только всемерное развитие демократии позволит народу стать хозяевами своей судьбы»[642]. Взгляды теоретиков социал-демократии, разделившихся на радикалов и эволюционистов-«постепеновцев», формировались явно в отрыве от анализа реальных исторических событий.

В итоге возникала мировоззренческая несовместимость – таков был вывод А.А. Богданова, который на рубеже XIX и XX столетий целенаправленно изучал историю идеологий человечества. Он не оставил обнаруженную ситуацию без аналитического исследования, сконцентрировавшись на том, что в любом государстве, особенно в период его реформирования, *идеология составных частей общества* (или, в терминологии самого ученого, «философия живого опыта»), *опиравшаяся на историческое знание или предание, разделяла людей на «своих» и «чужаков»*, формы повседневного общения с которыми распределялись в диапазоне от взаимопонимания до противостояния, нередко переходящего в непримиримую вражду. При этом с кем-то взаимные связи выстраивались на основе равноправного сотрудничества, с иными формировались зависимые отношения путем одностороннего манипулятивного влияния, а с некоторыми и вовсе возникало открытое противоборство. Закреплявшийся в сознании людей конкретный характер взаимодействия динамично трансформировался в направлении дальнейшей детерминации позиций, напрямую зависящих от сопричастности «индивида» к опыту окружения, его морали, религии, к усвоенным с детства обычаям, нормам поведения, т.е. к тому, что формирует основу для взаимопонимания на базе «общего языка» – в прямом и

---

[641] Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 6. С. 182.

[642] Орлов Б.С. Социальная идея в контексте разных политических культур // Социальная демократия в России. Исторические аспекты. Реферативный сб-к. М.: [Б.и.], 1994. С. 9.

переносном смысле – и из чего «слагается та или иная форма мировоззрения»[643]. Хотя основой такого мировоззрения являлась «мудрость веков, итоги переживаний длинного ряда поколений»[644], тем не менее философия живого опыта не способна выполнить всенаучную задачу, поскольку создает почву для теоретических расхождений между людьми. К сожалению, для преодоления этой негативной тенденции в первые годы XX в. А.А. Богданов предложил оптимистичную, но утопическую концепцию. Он посчитал, что новый тип человеческой жизни «может явиться лишь результатом широкого общения людей при полном равенстве их взаимного положения»[645]. В этом случае «отношения авторитаризма <…> сменятся товарищескими»[646].

[643] Богданов А.А. Философия живого опыта. 2-е изд. СПб.: Изд-во М.И. Семенова, [б.г.]. С. 4, 5.
[644] Там же. С. 5.
[645] Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 44.
[646] Там же. С. 45.

3 А.А. Богданов – теоретик и практик системно организованной работы РСДРП

3.1 Период исследования А.А. Богдановым общественных идеологий

Пропагандистская деятельность в России превратилось в основной метод работы оппозиционной интеллигенции с массами. Хотя сами пропагандисты неоднократно убеждались в неэффективности избранного метода, получившего в социал-демократической среде насмешливое название «эксцитативного террора»[647], тем не менее отказываться от этой формы взаимодействия с народом не торопились. А.А. Богданов был чуть ли не единственным исключением из общего числа. Вплотную поработав с тульскими пролетариями, он как интеллигент-просветитель обнаружил, что рабочие – в силу особенностей труда – придерживались сугубо *технократического стиля мышления*, который отличался от философско-гуманитарного тем, что единственным критерием истинности любой теоретической концепции признавалась ее практическое воплощение. Проще говоря, идея либо «работала», либо «не работала» – точно так же, как любая машина на производстве.

А.А. Богданов обратил внимание на эту особенность постижения рабочими нового знания еще в Туле, когда вел кружок самообразования и одновременно писал «Краткий курс экономической науки». Он недаром называл слушателей кружка соавторами учебника для рабочих: столь плодотворное сотрудничество могло возникнуть только при доверительном взаимодействии образованного интеллигента с думающими, хотя и малограмотными, но открытыми для познания пролетариями, потому что психологический барьер, закономерно возникающий между людьми разной образовательной подготовки, был преодолен взаимной искренностью, желанием понять друг друга. Такая форма пропагандистско-просветительской работы была уникальной для России рубежа XIX и XX вв. Только приняв за основу методы Богданова, образованная часть оппозиции сумела бы понять, каким образом следовало действовать, чтобы приобщить простых людей к науке и новым знаниям. При таком методе взаимодействия не могло быть учеников и учителей прежде всего потому, что *пропагандистам не должно забывать – **это они пошли в массы со своими идеями***. И если жизненный опыт рабочего подсказывал ему невозможность реализации какой-либо идеи на практике, то пропагандисту бессмысленно было полемизировать и искать новые примеры и аргументы в ее пользу, потому что и логическое из-

[647] См.: Лалаянц И.Х. У истоков большевизма. Зарождение РСДРП. М.: Молодая гвардия, 1934. С. 90.

ложение, и эрудиция идеолога сами по себе – всего лишь слабые конкуренты опыту, тому, что для всех есть «сын ошибок трудных», но для рабочих он является еще и практическим знанием, которое в сочетании с неискоренимым приоритетом общинной традиции соответствует определению «бывалость» и решает все. Зависимому человеку такой жизненный опыт не может быть заменен никаким привнесенным со стороны знанием, как бы ни старался пропагандист внедрить в его сознание концепцию, которую общинная душа принимает как чужеродную. Нельзя сказать, чтобы образованные интеллигенты этой мировоззренческой особенности не замечали, – напротив, она стала предметом повышенного внимания, хотя дальше рассуждений дело не шло.

Оппозиционная интеллигенция, столкнувшись лицом к лицу с народом и ощутив в нем затаенную мощь снежной лавины, готовой вот-вот обрушиться с гор, разделилась на либеральную и революционную, отказавшись от намерения синхронизировать интересы, соответствующие общим целям. Эти обе части оппозиции, мало похожие на собственный народ по образу мысли и по характеру подготовки к жизни, не находили ошибок в собственной деятельности, но остро реагировали на неудачу попыток взбудоражить простонародье против существующего строя. Наиболее заметно эта реакция проявилась в оценках, отражавших фундаментальные различия в парадигмах мышления каждой из двух образовавшихся интеллигентских групп.

Те, кто считал причиной провала «агитации настроений» низкий уровень культуры простонародья, были в основном приверженцами *гуманитарно-философской парадигмы*, ориентирующей на развитие интеллектуальной функции сознания. Сторонникам этой парадигмы казалось, что неприятие массами революционных идей является следствием элементарного непонимания агитационных призывов, проявлением недостаточного знания у «темного» народа. Разумное решение этой проблемы виделось в дистанцировании от агрессивной практической политики, а также в более тесном сплочении интеллектуалов-единомышленников и создании особой структуры, ориентированной сугубо на свободомыслие, духовные ценности и непричастность к грядущей «крови». То, что подобная стратегия отодвигала осуществление ранее декларируемых целей на исторически неопределенный срок, эту группу оппозиционеров никак не смущало.

Во второй группе интеллигентов – сторонников продолжения агитационно-пропагандистской работы – собрались преимущественно те, кто склонялся к материализму и оперировал *естественнонаучной парадигмой*, – правда, в большинстве случаев уре-

занной до сохранившихся в памяти остатков гимназического курса. С подобной точки зрения, каждая неудача в побуждении трудовых классов к борьбе являлась основанием для творческого поиска новых приемов вовлечения простонародья в революцию. Фактически оптимальной стратегией политического движения, ориентированной на агитацию и революционизирование масс, представлялось сверхактивное вовлечение в свои ряды как можно б*о*льшего числа людей. То, что подобная стратегия, на словах предполагавшая участие рабочих в политической партии в качестве единомышленников, а на деле ведущая к превращению организации в механическое объединение людей, практически не представлявших себе ни целей, ни приемов борьбы, но готовых рисковать жизнью и слепо следующих указаниям лидеров-идеологов, воспринималось интеллигентской оппозицией как неизбежная плата за достижение великой цели, выше которой – в ее понимании – не было и не могло быть ничего. Яростная полемика между гуманитариями и естественниками чем дальше, тем отчетливее принимала форму непримиримой вражды.

Что касается провинциальной российской интеллигенции, для которой тема разногласий с самим Марксом при его жизни оказалась наглухо и надолго закрытой, то эту категорию оппозиции к концу XIX в. стали упорно ориентировать на участие в одной из сторон противостояния. При этом считалось, что распространителям идей оппозиционной направленности в регионах необязательно всё знать о реальных причинах уже наметившегося лидерского «расхождения по разным путям»[648]. Поэтому появление журнально-газетной полемики провинциальная интеллигенция поначалу связывала исключительно с желанием идеологов общественных движений привлечь внимание к поиску единственно верной точки зрения, консолидирующей оппозицию, а также к обсуждению особенностей преобразовательных процессов в России, где к началу XX столетия «революционным электричеством была пропитана вся атмосфера»[649].

Между тем сложившаяся в стране ситуация непредсказуемо осложнилась вследствие того, что марксизм, которому в 1880-х – 1890-х гг. «поклонялись» буквально все, на рубеже столетий претерпел серьезное переосмысление, поскольку реалии пореформенной России мало соответствовали положениям, прописанным в теории Маркса. Да и пропагандисты-практики волей-неволей были вынуждены фиксировать свое внимание на том, что им явно не хватает теоретической убедительности в разъяснении того, почему в России «все не так». За вычетом лозунговой риторики и пространных абстрактных

[648] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 392.

рассуждений, у них не было ответов на конкретно поставленные вопросы: в чем заключается неразрывная связь человека со своим социальным целым, называемым в марксистской теории классом; когда и почему в действительности возникшая связь между людьми на основе «власти-подчинения» рождает непременно принудительность и произвол, а не тот порядок, при котором должно существовать равноправное сотрудничество, почет по уму и умениям, а не по должности, расплата за нарушения по закону, а не по социальному статусу, и т.д., и т.п. Интеллигенты-практики сигнализировали с мест о своих трудностях и ждали «правильных ответов» на вопросы, порожденные жизнью, не зная, как не отойти от марксистской теории в освоении диалектического материализма и в то же время не поддаться соблазну свести все многообразие общественной жизни «к “бытию”, да еще в узко классовом его понимании»[650]. Ясно, что это не метод Маркса, но как быть практикам?

Однако лидеры общественной оппозиции, взбудоражившей простонародье своей тактикой «эксцитативного» влияния, и сами ощущали драматизм теоретической ситуации, который, как считалось, «был задан исторически. Маркс сформулировал лишь идею радикальной философской новации, оставив разработку ее инструментария будущим поколениям. Это и создало коллизию неопределенности в подходах к решению многих задач»[651]. Перспектива «вычленения научного содержания учения Маркса и Энгельса»[652] увлекала многих. Появилось немало анализ-интерпретаций марксизма, в которых акценты оказывались настолько смещенными, что направление мысли толкователей стало выходить далеко за рамки новой философии, и в России случилось непредвиденное: каждое из объявившихся направлений русского марксизма (независимо от того, было оно критическим или апологетическим по отношению к наследию К. Маркса) к началу XX столетия стало представлять собой самостоятельно разработанную интерпретацию перспектив развития не только России, но и всего человечества. Так, ключевым фактором общественного развития для П.Б. Струве явился «социально-экономический реформизм, который в совокупности своих этапов и направлений дает приращение нового революционного качества социализма. Для Плеханова главное – зрелость производительных сил, которая одна только дает решающую санкцию на политический переворот. Для Ленина главное – политическая революция, которая создает благоприятные усло-

---

[649] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 402.

[650] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый Хронограф, 2008. С. 156.

[651] Там же. С. 151.

[652] Ойзерман Т.Н. Марксизм как идеология // Свободная мысль. М., 1999. №5. С. 103.

вия для бурного развития производительных сил общества и культуры. Для Бердяева главное – духовная революция в развитии личностного самосознания, в котором органично сочетаются культурная преемственность (христианство) и прорыв в новое качество, преобразующее материальный мир, открывающее дорогу к “преображенной плоти”»[653]. Кроме того, появилось еще великое множество иных концепций, причудливо комбинирующих взгляды этих четырех признанных идеологов российской оппозиции. В итоге в области научно-теоретической мысли возникла ситуация, которую позже А.А. Богданов определит как «всеобщий фетишизм идеологических форм»[654], ведущий к утрате осознанного осмысления жизненных приоритетов и снижению адаптационного потенциала личности.

Толчком к изучению этой проблемы послужило участие Богданова в полемических баталиях, организованных в Вологде ссыльными. По воспоминаниям И. Ермолаева, на фоне опытных дискутантов, «как оратор, А[лександр] А[лександрович] не производит большого впечатления, но его выступления отличаются ясностью и глубоким содержанием»[655]. И в самом деле, манера выступления, лишенная столь привычной для слушателей эксцитативности, в сочетании со строго деловой неброскостью изложения была не характерна для полемистов начала XX в., более приученных считать, что влияние идеолога на политику оппозиционного движения тем эффективнее, чем более в его речах пылкости возвышенного мироощущения, образности характеристик, попадающих «не в бровь, а в глаз» и заражающих аудиторию общим настроением. Сатирик с его бичующей иронией, безусловно, производил б*о*льшее впечатление на собравшихся, чем Богданов-аналитик с его скрупулезным исследованием фактов и событий. Он, действительно, «не обладал ни публицистической ядовитостью и манипуляторской искушенностью своих главных оппонентов <...>, ни “свободой метафизического парения”»[656]. Зато он четко знал, о чем говорил, стремясь умозрительные гипотезы опровергнуть реалиями жизненной практики и ссылкой на последние достижения научной мысли по разным отраслям знания. В среде ссыльных вологодской колонии – независимо от того, были это эсдеки или эсеры-террористы, кадетствующие либералы или писатели, земские деятели или помещики – в век научно-технического прогресса и развития машинного производства владение прикладным знани-

---

[653] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 158.

[654] См.: Богданов А.А. Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии. М.: Издание С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1910. С. 87, 104 – 107.

[655] Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

[656] Гловели Г.Д. Предисловие к «Тектологии» // Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организа-

ем почиталось почему-то излишним. Мало того, использование закономерностей естественных наук в качестве доказательной базы принималось чуть ли не за дефект мышления оппонента, за его философское невежество из-за неспособности «теоретически» обосновать свою позицию, потому что общепринятой нормой ведения дискуссионных баталий считалось умение изложить философское значение концепции, предлагаемой аудитории.

Первые же ожесточенные дискуссии в среде вологодских ссыльных поставили перед А.А. Богдановым ряд вопросов, и он, опираясь на опыт просветительской работы с тульским пролетариатом, после всестороннего анализа пришел к убеждению: чтобы удержаться от превращения оппозиционных партий в узкие философские кружки «комнатных революционеров»[657] и от соблазна призывать к рискованному социальному экспериментированию с непредсказуемым исходом, требовалась принципиально иная – *синтетическая* – парадигма, соединяющая в себе достоинства гуманитарно-философских и естественнонаучных способов мышления и в то же время свободная от ограниченности каждого из них. С точки зрения этой парадигмы, для обеспечения понимания трудовыми классами политических задач нужна не яркая образная агитация, бьющая на эмоции, и не планомерная рациональная пропаганда, внедряющая в сознание те или иные доктрины и принципы, а требовалось преодоление *разобщения* специализированных подходов к знаниям о человеке и об окружающей его реальности, *характерного для научно-теоретической мысли в интеллектуальной среде*, поскольку оно ***отсутствовало в непосредственной трудовой практике рабочего***, уже начавшего осознавать и себя, и свою деятельность, и сферу приложения этой деятельности как разные элементы целостной действительности.

Поэтому Богданов взялся за разработку идеи тождества общественного сознания и общественного бытия, так как не мог согласиться с теоретическим переносом сознания в область абстракций, отделенных от жизненной практики. Вследствие этого у Александра Александровича в кругу вологодских ссыльных не нашлось таких сторонников, какими были его тульские товарищи-единомышленники. Даже с А.В. Луначарским, который во время вологодской ссылки стал зятем Богданова, женившись на его сестре, не возникло полного единодушия: Анатолий Васильевич связывал возрождение России с переходом «к новой “религии социализма”, к новому мировоззренческому ядру, согласно которому Бог или то, что люди традиционно называли “Богом”, находится не в прошлом, а в созидаемом ими будущем»[658]. Богданов точку зрения

ционная наука. М.: Финансы, 2003. С. 5.

[657] Ироническое выражение историка-марксиста М.Н. Покровского.

[658] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 6.

Луначарского, впервые озвученную в 1902 г. во время вологодских дискуссий (опубликованную в 1905 г. в сборнике «Этюды критические и полемические» в статье «Метаморфозы одного мыслителя»), объяснял так: «Луначарский признаёт коллектив, в его труде, борьбе и развитии, за растущее божество, а социализм – за религию. Работу, ведущую к объединению <…>, он называет "богостроительством". <...> Очевидно, что настоящей религиозной *мысли* тут нет. Но есть, во-1), религиозная *терминология*, во-2), религиозный оттенок *чувства*»[659].

Это наводило на дополнительные размышления, поскольку при первоначальном знакомстве с некоторыми выводами Луначарского сама собой напрашивалась их идентичность с заявлениями Н.А. Бердяева: если вырвать из контекста отдельные фразы Луначарского, то можно легко обнаружить совпадение их содержательного смысла с воззрениями философа-экзистенциалиста. У Луначарского, например, записано: «Можно легко формулировать наивысший мыслимый идеал жизни: это идеал божеского существования, так как образы богов создавались именно под диктовку естественных запросов человека»[660]. Эта точка зрения, по мнению Богданова, оказывалась вполне сходной с мнением Бердяева, который, рассматривая мировой процесс «телеологически», «как вечное движение к вечным целям»[661], считал, что «социализм ставит дилемму: или обоготворить саму материю и ей окончательно поработить дух, как предлагает религия социализма, раскрывающаяся в марксизме, или одухотворить материю, создав святое хозяйство во имя Бога, как это должно быть в социализме, подчиненном религии»[662]. Но при этом Николай Александрович приводил свою мысль к иному, чем у Луначарского, выводу: в реальной жизни, по мнению философа-идеалиста, подобная альтернатива не нужна, поскольку человеческое сознание более всего приспособлено к пониманию того, что «проблема социализма связана с религиозным признанием труда, с религиозным освящением труда как предназначенного для высшей цели. Трудиться должно не для самого себя и не для других людей, а для мирового смысла, в котором находит свое место каждое индивидуальное усилие. Путь споров людских о том, чтобы самому себе трудиться меньше, а других заставлять трудиться больше, есть путь ложный и безнадежный. Труд не должен быть заботой о завтрашнем дне и богатство не должно быть рабством у материальных вещей, мешающих войти в Царство Небесное. Трудиться нужно во имя Бога, и трудовая общественность должна стать

---

[659] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 107–108.

[660] Луначарский А.В. Этюды критические и полемические. М.: Изд-е журнала «Правда», 1905. С. 326

[661] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 78

[662] Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Изд-е М.В. Пирожкова,

теократической. Богатство в теократическом обществе не будет рабством, будет роскошью полевых лилий и птиц небесных»[663].

При сопоставлении точек зрения двух этих полемистов обнаруживается разница только в направлении мысли, но не в ее характере, , поскольку для изучающего идеологию коллективизма ошибочность позиции того и другого очевидна: если Н.А. Бердяев в своих рассуждениях двигался от преклонения перед Богом к вере в людское сообщество, подчиненное высшей религиозной цели, то А.В. Луначарский – от преклонения перед развивающимся трудовым коллективом к вере в божество, воплощенное в самом этом коллективе и его деятельности. Богданов посчитал позицию и того, и другого мировоззренческим промахом, способным «втянуть» пролетарское движение «в авторитарные рамки»[664]. Но Луначарский не согласился с мнением о схожести направления его мысли с бердяевской, увидев в выводах Николая Александровича несоответствие теории и практики, так как, по убеждению Бердяева, если работать надлежало не для себя и не для других, то с позиций этой теории вряд ли удастся понять, для «мирового смысла» или для собственного бытового комфорта философ-идеалист использовал труд слуги, взятого за компанию с собой в ссылку. Судя по этому примеру, дело было отнюдь не в предназначенности труда для высшей цели, а в том, – размышлял А.В. Луначарский, – что «кабинетная интеллигенция, лишенная реальной силы, не может не верить в исключительное значение *чистой идеи* <...>, она вечно стремится к аристократии ума и таланта, возведя временное разделение на просвещенные классы и “чернь непросвещенную” в естественный закон»[665]. Скорее всего, так оно и есть, ибо «г[оспо]да идеалисты <...> позволяют все желательное счесть за сущее <...>, льстя бедному сердцу человеческому <...>. Их субъективизм сводился к преувеличению той роли, которую играет в развитии человечества *критическая мысль* <...>. Но <...> народные массы в их представлении были каким-то тестом: во всякое время можно положить туда дрожжей, т.е. этих самых “критически мыслящих личностей”, и брожение начнется»[666].

Соглашаясь со многими позициями в полемических выступлениях А.В. Луначарского, А.А. Богданов тем не менее предостерегал его, делая акцент на том,

---

1907. С. 113.

[663] Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. С. 112.

[664] Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 10.

[665] Луначарский А.В. Этюды критические и полемические. С. 294.

[666] Там же. С. 300, 302 – 303.

что пропагандистско-просветительская работа внутри трудовых коллективов должна проводиться с максимальной осмотрительностью и с учетом того, что эта деятельность по силе влияния напоминает «орудия для действия на человеческий мозг, а он ткань нежная и дорогая, с ним надо осторожно обращаться»[667]. По мнению Богданова, недопустимо надеяться, что хорошая идея найдет путь к сердцу простого человека независимо от того, какими словами излагает ее пропагандист. Александр Александрович знал по своему опыту, что «слово – не простая одежда мыслей, которую можно на них надевать или с них снимать. Слово – организационный центр, вокруг которого собираются наши представления, наши воспоминания, образуя *понятие* <...>. Старое слово, хоть отчасти, да воскрешает старое понятие», что вряд ли полезно, так как потребуется время и дополнительные усилия на исправление ошибки, связанной «с невинным пристрастием к старинным одеждам» для новой мысли[668]. Спустя время Богданову припомнили, что он не стал критиковать с позиций диалектического материализма «“евангелие от Анатолия” – высмеянное Г.В. Плехановым и категорически отвергнутое В.И. Лениным»[669], а всего лишь констатировал без осуждения наличие мировоззренческих промахов во взглядах Луначарского, за что и сам был причислен к сонму «богостроителей». Это обстоятельство «бросало тень и на искания Богданова»[670].

Между тем период вологодской ссылки оказался временем переосмысления многих идей, бытовавших и нарождавшихся новых. Те, в свою очередь, вдохновляли на работу, хотя чаще, удручая, вводили в состояние тяжелых раздумий. В Вологде Александру Александровичу открылось то, что просвещенная интеллигенция слабо представляет «*объективный смысл* идеологий вообще, их реальное значение, их жизненную роль, которая делает их необходимыми и вынуждает их развитие»[671]. Богданов связывал это с тем, что вологодские ссыльные, как и большинство образованных людей начала XX в., принимали за идеологию «общественное мышление». Но он по опыту просветительской и подпольной работы в Туле знал, что при решении вопроса о поиске и сплочении единомышленников для защиты интересов каких-либо социальных групп или даже больших коллективов на передний план выступает не просто эксцитативное воздействие на сознание людей (оно даже вредит делу), а согласованные действия

---

[667] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 109.
[668] Там же. С. 108–109.
[669] Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 10.
[670] Там же.
[671] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 55.

лидеров и сторонников на основе взаимопонимания, которое базируется на сходстве представлений о нормах морали и права с учетом жизненного опыта, формирующего базовые понятия и знания о мире. Огромную роль здесь играет умение и готовность найти общий язык.

Буржуазная общественность, в противоположность Богданову, считала, что более естественным для человека является индивидуализм и что не следует задаваться целью привлекать слишком много людей к своим идеям, поскольку именно индивидуализм ставит в основу деятельности максимальное самовыражение человека. Поэтому главную роль здесь играют способности и усилия самой личности, которая либо понимает, либо не понимает предложенную идею. Что касается умения владеть речью, уровня познания, отличий во взглядах на науку, искусство, на этикет и нравственные ценности и т.д., то все это служит для характеристики самой личности. По логике буржуазных идеалистов-индивидуалистов, у кого какие личностные данные, тот такое место в обществе и занимает. У кого способности и материальные возможности выше, тот в состоянии позволить себе презрение к прозе жизни – к ее суровой трудовой стороне – ради занятий «чистой» философией, «высокой» наукой, «искусством для искусства» и чем-либо иным для самовозвышения на зависть всем. Объективно мыслящая общественность встречала эту позицию с большой долей иронии: «Вот какие *мы* эстетичные, возвышенные существа, как нежны и чутки *наши* души, как благородна *наша* культура»[672]. Тем не менее, обладатели высокомерных настроений довольно быстро сплотились ради того, чтобы ощущать себя *над* обществом, благодаря даже единожды достигнутому успеху в той самой интеллектуальной деятельности, которая оценивалась ими как повышенно значимая, дающая и в дальнейшем право на особый образ жизни и мысли. Поэтому интеллектуальная элита из среды идеалистов-индивидуалистов, оценивая себя как «аристократов духа», закономерно претендовала на безапелляционную обоснованность самовозвышения: «Разве можно сравнивать с нами те низменные существа, которые обречены на работу и заботу <...>. Разве не справедливо, не естественно и нормально, чтобы *они* были орудием и средством для выполнения *нами* нашего высшего предназначения?»[673]

Сделав акцент на этой особенности, характерной для просвещенных слоев России и особенно ярко проявлявшейся при взаимодействии с безграмотным простонародьем, Богданов, размышляя над этим вопросом, обнаружил, к своему удивлению, что «ни помещичья, ни буржуазная, ни “истинно-марксистская” интеллигенция»[674] не способна преодо-

---

[672] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 74.
[673] Там же.
[674] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 74.

леть в себе дух «барства». Однако даже этот вывод не поколебал его убежденности в том, что ***интеллектуальная элита необходима*** в деле пробуждения пролетарского самосознания. Важно только, чтобы она разобралась, почему «цивилизованная Россия» при своем качественном превосходстве над «Россией народной» не может найти с большинством населения общий язык, даже когда обе стороны вроде бы настроены на общение. Богданов, включившись в полемику с идеалистами в Вологде, пытался подвести под открывшуюся ему проблему теоретическую базу, но его точка зрения была встречена в штыки. Однако ему прямо в ссылке предоставился случай убедиться в своей правоте.

Случай этот был связан с попыткой А.В. Луначарского «бунтовать народ» – рабочих винного склада, – которая закончилась фактически провалом: ни горячее желание, ни яркое красноречие, ни широкая эрудиция «многогранного» Анатолия Васильевича не помогли преодолеть, как подумалось Луначарскому, инертность людей. Луначарский заверял Богданова, что говорил рабочим «правильные вещи», тем не менее его слушали без интереса, контакта почему-то не возникло из-за ощущения, будто между ним и рабочими существовала непреодолимая преграда. Анатолий Васильевич не сразу согласился с Богдановым, что дело было не в инертности людей, а в том, что, по понятиям трудового человека, нанятого за гроши на тяжелую работу, он выглядел барином-подстрекателем, провоцировавшим рабочих на дела, за которые от начальства положено увольнение, «секуция» и даже тюрьма. При анализе подробностей встречи выяснилось: промах Луначарского заключался, прежде всего, в том, что в стремлении раскрыть глаза беднякам на гнусность их положения Анатолий Васильевич использовал привычную для интеллигенции тактику нагнетания протестных эмоций. Но насколько оправдано было напоминать рабочим в очередной раз об их горестной доле, не заботясь ни о последствиях для самих рабочих, ни о том, подтолкнет ли такое эксцитативное давление на людей к их объединению и поиску действенных методов борьбы за достойную жизнь, родится ли из разобщенных сил сила коллективная, или дело вновь кончится буйством неуправляемой людской стихии, – об этом Луначарский не задумывался ни до похода «бунтовать народ», ни после: для него был важен лишь сам процесс активного воздействия на умонастроения рабочих.

Однако для Богданова этот вологодский инцидент послужил поводом к серьезному анализу. Далеко не сразу Александр Александрович обнаружил ту логику объединения людей в единое целое, смыслом жизни и борьбы которого является достижение со-

циального монизма. Весь ход рассуждений привел Богданова к убеждению, что победа пролетариата может быть достигнута «не захватом политической власти и не вытеснением капиталистического способа производства социалистическим <...>, а, прежде всего, созданием нового качества культуры, с ее внутренним демократизмом и приобщением к себе всех членов общества или их большинства на началах коллективного единства, продуктивного сотрудничества»[675]. Поэтому само понятие идеологии следовало трактовать не как теоретическую форму классовой борьбы, а как качественно новый тип культуры взаимодействия людей. Но для начала, как понял Богданов, необходимо объективно установить, для чего нужна идеология в жизни общества, по каким законам она функционирует и развивается.

Находясь из-за ссылки в отрыве и от своих друзей, и от практической просветительской деятельности, Богданов мог рассчитывать только на себя. Он занялся подробным изучением истории идеологического опыта человечества от первобытных времен до индустриальной эпохи, разрабатывая одновременно методы организации этого опыта, чем вызывал всеобщее недоумение. Но будущий создатель методологии системного анализа работал так истово, что П.С. Юшкевич в конце концов сказал по этому поводу: «Это упрямый мужик, ведущий свою борозду, не глядя ни вправо, ни влево»[676]. И правда: Богданов оказался по большому счету ни с левой, ни с правой оппозицией, поскольку каждая из них боролась за признание *приоритетной значимости* ***своих*** *целей* в преобразовательном процессе, а Богданова волновало, как *подготовить массы к сознательному участию в трансформации общественной жизни*. Уже в вологодской ссылке Богданов пришел к тем выводам, которые в последующие времена разрозненно озвучивались в других его работах. Но задел был подготовлен именно в годы ссылки, когда Александр Александрович пришел к мысли, что идеология – это не теории, не лозунги, а те принципы жизни, которые вырастают из развития организационных форм, бытующих в обществе или отдельных общественных группах: это их культурные линии развития – именно такое определение понятия «идеология» использовал Богданов, который доказывал, что идеология – это, прежде всего, формируемые условиями жизни «правила или *нормы* отношений между людьми. Сначала бессознательно, потом все более сознательно люди вырабатывают

---

[675] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 160.

[676] Цит. по: Ермолаев И. Мои воспоминания [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

наиболее удобные и выгодные для себя отношения и закрепляют их прежде всего в обычаях, затем в нравственных правилах, законах и пр. Эти “нормы” жизни в обществе (или “социальные нормы”) выражаются *словами*: “д***О***лжно делать то-то”, “запрещается поступать так-то”, “справедливо вот что, а дурно вот что” и т.д. В этом виде нормы передаются от одних людей к другим, от поколения к поколению, от господствующих к подвластным, запоминаются, усваиваются, руководят общественной жизнью, как сознание человека руководит его действиями. Значит, и нормы относятся к *общественному сознанию*. Такова сущность идеологии: это общественное сознание в разных его формах <...>. Нормы обычая, права, морали определяют порядок жизни общества – организуют взаимные отношения людей. Таков жизненный смысл идеологии. Но если с помощью идеологии организуется жизнь общества, то идеология должна быть едина, когда едина организация общества, и не может быть едина, когда эта организация разъединена <...>, делится на классы, которые организуются друг против друга: то же происходит и с идеологией, с общественным сознанием»[677]. Но и в разрозненном обществе каждая группа на изменения своего состояния, возникающие естественным образом по ходу развития социальной системы, реагирует органично, продолжая оставаться целостным объединением людей.

Другое дело – спонтанная трансформация, кардинально меняющая взаимодействие людей и групп внутри социума. Она воспринимается большинством как катастрофа, поделившая жизнь на *до* и *после*, как нечто, навязанное извне искусственным путем в интересах других социальных сил и противоречащее всем привычным нормам. Общественная группа, более других подвергшаяся такому воздействию и не подготовленная к нему ни морально, ни материально, неизбежно утрачивает организационную и мировоззренческую целостность, а ее члены долго не могут вписаться в непривычный миропорядок, не понимая смысла и последствий происходящего, поэтому стремятся к обособленности и начинают жить «жизнью мнимо-отдельной, мнимо-самостоятельной единицы»[678] – личности с предельно суженным сознанием. При этом искусственная трансформация общества дезориентирует не только сословия, подвергшиеся непосредственному воздействию, но и тех, кто принимает властные решения, а также тех, кто привык чувствовать себя «властителями дум», идейными лидерами соотечественников. И те, и другие – в силу изначально плохого знания жизни пострадавшей группы – не могут отделить в общем информационном потоке факторы привычно-традиционные от явлений, привносимых новыми условиями жизни лю-

[677] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 55–57.

дей. Вследствие этого они попадают в мировоззренческую ловушку, регулярно демонстрируя неспособность отделить причины возникшей дезорганизации от ее последствий. Эта картина характерна не только для пореформенной России, но и для любого общества на переходном этапе исторического развития.

Интеллектуальная элита самодержавной империи мало задумывалась над тем, что вопросы о природе человеческого сознания, ходе познавательных процессов, роли идеологии в жизни общества вовсе не являются «отвлеченными», «схоластическими» и далекими от практической деятельности людей, поэтому даже в первые десятилетия XX в. задачи сознания, познания, идеологии представлялись слабо связанными с социальной проблематикой и практически целиком были подчинены традиционным представлениям. Согласно им, между бытием и сознанием существовала непреодолимая граница, «пересечь» которую дозволялось лишь средствами метафизики и религии, но не науки. В соответствии с господствовавшей тогда парадигмой научного мышления, сознание характеризовалось как совокупность функций физиологии высшей нервной деятельности, которые представляют собой приспособительную реакцию на внешние раздражители и проявляются в виде определенных психических переживаний[679]. О существовании особой «психической реальности» за пределами физиологии высшей нервной деятельности наука предпочитала не говорить – прежде всего, потому, что наличие такой реальности не поддавалось экспериментальной проверке и могло только декларироваться в трудах богословов и мистиков[680]. Соответственно, процесс познания рассматривался материалистически ориентированными учеными-естественниками как формирование сложных условных рефлексов в результате самообучения живого существа методом проб и ошибок[681]. Подобная интерпретация познания не оставляла места «высшим духовным запросам» как специфическому родовому свойству человека, существующему в нем самом независимо от внешней среды, образа жизни и воспитания. Таким образом, с точки зрения тогдашней научной парадигмы любая идеологическая система была не чем иным, как реакцией общественного сознания на определенные характеристики природы и социальной системы, или, что то же самое, своеобразным «коллективным осмыслением» окружающей действи-

---

[678] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 250.

[679] См.: Павлов И.П. Условный рефлекс // Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. С. 485–502.

[680] См., напр.: Дьяченко Г.М. Духовный мир. М.: Изд-е Т-ва И.Д. Сытина, 1900. 288 с.

[681] См.: Павлов И.П. Естествознание и мозг // Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. С. 79–88.

тельности. Естественно, что такое «отражение действительности» интерпретировалось как явление, глубоко вторичное по отношению к «отражаемому», односторонне зависимое от него. И уж, во всяком случае, в рамках такой интерпретации не могло быть и речи о том, чтобы профессиональные идеологи-«властители дум» из числа творческой интеллигенции имели реальную возможность и силу изменять окружающую действительность посредством провозглашаемых идей.

Высокая активность культурной и умственной жизни, которая была более характерна для ведущих университетских центров Европы, чем для небольшого губернского города России, обнаружила себя в Вологде, хотя на фоне 29 тысяч местных жителей несколько сотен репрессированных не выглядели очень уж внушительной силой. Однако интенсивность взаимодействия этих людей друг с другом вполне объяснима с точки зрения социальной психологии: их объединяла общность статусных характеристик, причем не только приобретенных вследствие конфликта с государственной властью, но и достигнутых в процессе учебы и профессиональной деятельности. Типичный политический ссыльный начала XX века представлял собой молодого мужчину возрастом от 20 до 35 лет с полным или неоконченным высшим образованием, достаточно устойчивой мировоззренческой и гражданской позицией, глубокими (хотя нередко довольно специфическими) научными знаниями, а главное – с выраженным стремлением к самообразованию, в том числе за пределами выбранной профессии. Эти качества служили объективным препятствием для успешной адаптации ссыльного в местном городском сообществе, ориентированном на рутинный образ жизни. Но эти же качества побуждали ссыльных к интенсивному общению между собой, в ходе которого можно было научиться друг у друга многому, а отнюдь не только приемам конспиративной борьбы. Малочисленность и относительная замкнутость группы ссыльных (для большинства в условиях избытка свободного времени) лишь стимулировали такое сотрудничество, направляя его в сферы, далекие от политической или узко-профессиональной деятельности. Особое внимание ссыльных привлекали философско-мировоззренческие вопросы, чему способствовали три взаимосвязанных фактора:

1) привычка к интенсивной умственной работе, приобретенная интеллигентами во время учебы в университетах, никуда не исчезала после ареста и ссылки, так что даже в провинциальной глуши недавние жители крупных культурных центров стремились воспроизвести привычный образ взаимодействия с окружающими, и это был образ творче-

ского интеллектуала, стремящегося осмыслить окружающий мир и поделиться с людьми плодами своих раздумий;

2) гласный полицейский надзор за ссыльными исключал из области общения любые темы, явно связанные с анализом текущей политической ситуации и прогнозами ее изменения; но жандармские кураторы не ставили своей целью прерывать сам процесс интеллектуального взаимодействия поднадзорных, если видели в нем всего лишь далекую от политики «игру умов»;

3) анализ мировоззренческих (т.е. идеологических) проблем не только позволял ссыльным интеллигентам «поддерживать себя в форме», но и помогал в поисках рациональных объяснений относительно низкой интенсивности революционного движения в России на рубеже XIX и XX вв.

Последнее обстоятельство представлялось тем более важным, что активность рабочих выступлений, даже в самой их примитивной стачечной форме, оставалась более низкой, чем в Европе, уже не знавшей такой жестокой эксплуатации, какая имелась в России. Причину этого феномена лидеры революционных партий видели, прежде всего, в слабой восприимчивости пролетариата к политической агитации и пропаганде. Своеобразный «мозговой штурм», предпринятый вологодскими ссыльными в виде регулярных собраний с обсуждением докладов и рефератов по, казалось бы, отвлеченным философским вопросам, позволял выявить «слабые места» в наиболее распространенных социалистических доктринах, обнаружить причины непонимания этих доктрин в массах и выработать общие положения новой стратегии идеологической работы, исключающей обнаруженные недочеты.

Кроме того, политические ссыльные не могли оставить без внимания те существенные перемены, которые произошли к началу XX в. в науке, философии, искусстве, поскольку здесь напрямую затрагивалась идеология общества. Если в области физики речь шла о целенаправленном поиске взаимосвязи между массой и энергией[682], то в философии формировалась внутренне противоречивая ситуация. С одной стороны, известные ученые-естественники (такие, как физик Э. Мах и биолог Р. Авенариус) открыто ставили вопрос о том, что традиционные методы познания, унаследованные от классической философии, пе-

[682] Следует вспомнить, что тогда уже совершили свои открытия Х. Лоренц и Дж. Максвелл, начал свои изыскания А. Эйнштейн; да и российский ученый Б.Н. Чичерин, более известный как теоретик права, анализировал взаимосвязь массы и энергии в переписке с Д.И. Менделеевым и в процессе работы над своей книгой «Система химических элементов», изданной в 1911 г.

рестали соответствовать достигнутому уровню знаний о мире и что для систематизации новых знаний требуется адекватная им методология. С другой стороны, противники научного позитивизма, считавшие данную философию «бесчеловечной», противопоставляли ей иррациональное, интуитивно-чувственное или даже метафизическое восприятие мира, призывая современников вернуться к чистым истокам культуры, отрешиться от «холодного механического рационализма» цивилизации и двигаться куда угодно, но только не навстречу переменам. Это направление философии получило наиболее сильную и яркую поддержку в творчестве европейских и русских художников, писателей, музыкантов нового поколения – так называемых «декадентов», вдохновенно воспевавших грядущую «гибель культуры» и жаждущих вернуться в более простой и понятный мир средневековья или даже античности. Естественно, что подобные настроения тогда же начали входить в моду у образованных классов общества, украшавших свои дома интерьерами «арт нуво» и полотнами импрессионистов, а речь – стихами неоромантиков и символистов.

Однако немалая часть философов начала XX столетия не соглашалась ни с такой творческой поддержкой нового направления философии, ни с самой трактовкой проблем сознания, познания, идеологии. Далеко не случайно призыв «Назад к Канту!» был принят русскими интеллигентами едва ли не в массовом порядке: уж слишком неуютным в психологическом смысле было даваемое естественниками (к числу которых в известном смысле относились и марксисты) определение роли идеального в жизни человека. Противопоставить этому можно было лишь предельно психологизированное восприятие действительности, интерпретирующее личность не как проявление физиологических функций нервной системы, а как ключевой фактор творческого преобразования и духовного обновления «косного» материального мира. Именно в рамках данной идеалистической парадигмы строили свои концепции священнослужители С.Н. Булгаков и П.А. Флоренский, мистики-теософы В.С. Соловьев и Е.П. Блаватская, марксисты-ренегаты Н.А. Бердяев и С.Л. Франк: при всем несходстве взглядов эти философы (кто-то в большей, кто-то в меньшей степени) активно отстаивали необходимость «духовного возвышения» творчески мыслящей личности над «суетой» повседневной жизни обычных «мирян», рассматривая последнюю как неизбежное зло несовершенного земного мира, лишь за пределами которого «духовно возвышенный» интеллектуал может обрести решение своих проблем.

Казалось бы, философская мысль обречена искать самоопределение лишь между этими двумя парадигмами – солидно обоснованными, имеющими массу сторонников,

пользующимися поддержкой авторитетных деятелей науки и культуры. Но что могло быть важнее для революционера, на время исключенного из активной политической борьбы, чем с максимальной точностью определить направление и характер начавшейся трансформации мировоззрения социальных «верхов», выработать собственную позицию по данной проблеме, а затем сформировать у трудовых слоев общества адекватное отношение к идеологическим эволюциям властвующих? Можно предположить, что именно подобные соображения послужили мотивом для обстоятельного изучения и последующего обсуждения философских новинок в кругу вологодских ссыльных. К обсуждениям тщательно готовились, составляя подробные рефераты по проблемам естествознания, политической экономии, религии, детально изучая книжные и журнальные публикации. В таком отношении к, казалось бы, отвлеченным от реальной жизни вопросам не было ничего удивительного, если обратить внимание на то, что в России начала XX в. в ссылку попадали люди разных политических пристрастий – от идеологов радикальных революционных перемен до сторонников постепенных либеральных реформ. Каждый из этих людей ко времени ареста и выдворения в провинциальную глушь уже успел стать если не живой легендой, то, во всяком случае, заметной фигурой в среде российской интеллектуальной оппозиции царизму. Бурная полемика между этими людьми давала объемное представление обо всем спектре политических идей, бытовавших в стране, и в то же время знакомила с оригинальными воззрениями на социально-идеологические проблемы.

Довольно быстро обнаружилось деление полемистов на две группы. ***Первую*** представляли *лидеры РСДРП*, которые мыслили в рамках естественнонаучной парадигмы и потому были склонны сводить любое сознание к индивидуальной психологии человеческой личности, т.е. к набору субъективных характеристик поведения и мировосприятия, влияние которых на социальную систему вторично по своей природе и уже в силу этого не может быть значительным; при таком подходе личность закономерно оказывалась ниже общества и характеризовалась как объект, находящийся за пределами политической философии[683]. Ко ***второй*** относились *философы-идеалисты*, активно отвергавшие естественнонаучную парадигму, оценивая сознание диаметрально противоположным образом – как ключевой фактор развития социальной системы, – но при этом тоже сводили его к индивидуальной психологии, ставя таким образом личность выше

[683] См.: Богданов А.А. Приключения одной философской школы. СПб.: Знание, 1908. С. 6 ; Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 155.

общества и превращая ее в единственный объект философии[684].

Общим в этих формально не совпадающих позициях было одно: мировоззрение рассматривалось только в качестве индивидуально-психологического фактора, находящегося *вне пределов социального сотрудничества*. Подобный подход негативно сказывался не только на практической деятельности двух идеологически влиятельных групп русской интеллигенции, снижая эффективность привлечения новых сторонников, но и деформировал систему научно-философских представлений, развиваемую силами интеллигенции. В рамках этой системы общественному мировоззрению доставалась незавидная роль пассивного объекта воздействия либо со стороны активных творческих личностей (в терминологии народника Н.К.Михайловского – «героев», а в произведениях идеалистов-мистиков «серебряного века» – «посвященных»), либо со стороны абстрактно-обезличенных «социальных сил» (в трудах большинства русских марксистов).

Социальный смысл таких философских построений становится понятным, если обратить внимание на стремление интеллигенции начала XX в. к безусловному идеологическому доминированию в русском обществе: они делали сильный акцент именно на «воспитательных» задачах интеллигенции по отношению ко всему остальному народу либо предъявляли притязания на право единолично формировать подлинную революционную философию. И в том, и в другом случае в основе амбиций интеллигенции лежало представление о безусловном превосходстве «абсолютных» ценностей над любым видом практической деятельности. Полемистов мало волновало то, что подобная позиция не могла получить массовой поддержки, причем не только по причине малообразованности большинства населения Российской империи: предлагаемые интеллигенцией мировоззренческие системы содержали в себе столько явных противоречий, что человек, вступающий в активную общественную жизнь и ищущий в сочинениях писателей и мыслителей руководства к действию, оказывался полностью дезориентирован – на его жизненно важные вопросы либеральные и революционные авторы зачастую давали диаметрально противоположные ответы, при этом одинаково ссылаясь на несокрушимый авторитет «высших достижений современной науки», наконец-то ознакомившей мир с «абсолютными истинами». Из этого утверждения они выводили, что дальнейшее развитие науки может лишь подтверждать и расширять знание об уже открытых неизменных константах мироздания.

В условиях мировоззренческого «разброда и шатаний», характерных для русского

---

[684] См.: Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Моло-

общества начала XX столетия, Александр Богданов задумался над принципиально иным решением общего мировоззрения. По его мнению, «классовое сознание» не могло быть ни вторичным элементом общественной жизни (на чем настаивали лидеры социал-демократии), ни ее «субъективным моментом» (как утверждали идеалисты). Выводы, которые Богданов фрагментарно излагал во время полемических столкновений в Вологде, были позже сформулированы в цикле философских статей, изданных под общим названием «Эмпириомонизм» (1904–1906). Суть выводов состояла в том, что «1) идеологические формы суть *организующие приспособления социальной жизни*, а в конечном счете (прямым и косвенным путем) именно *технического процесса*; 2) поэтому развитие идеологии определяется *потребностью* в организующих приспособлениях социального процесса и *наличным материалом* для них; 3) жизнеспособность же их зависит <...> от того, насколько гармонично и стройно организуют они в действительности социально-трудовое содержание»[685].

Что касается «абсолютных истин», то критическое отношение Богданова к ним как к «фетишам познания» во многом было обусловлено не только его личной мировоззренческой позицией, но и досадной терминологической путаницей, которая сопровождала гносеологические дискуссии того времени. Наилучшим образом эту путаницу иллюстрирует характерное для идеалистов высказывание, принадлежащее такому признанному философу, как Н.А. Бердяев: «“Истина” <...> объективно относительна <...>, но субъективно <...> должна быть абсолютной, т.е. безусловно равной самой себе и исключающей всякую мысль о лжи»[686]. Здесь привлекает внимание явное логическое противоречие в суждении мыслителя: если проанализировать отмеченную выше позицию Бердяева, то абсолютная истина, тождественная *только самой себе* и существующая *только сама по себе*, без всякой связи с практической деятельностью мыслящего субъекта, должна представлять собой ***простую тавтологию*** (по формуле А=А)[687]. Каким образом из этого бесконечного повторения можно вывести не только сложные научные и моральные ценности, организующие жизнь общества, но и простые руководства для повседневной практики отдельного человека, Бердяев не пояснил – в отличие от Богда-

---

дая гвардия, 1991. С. 87–89.

[685] Богданов А.А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. М.: Республика, 2003. С. 229.

[686] Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902. №9-10. С. 845.

[687] Богданов отмечал, что за пределами социального взаимодействия, объективирующего жизненный опыт каждого человека, данная логическая формула превращается в «бесполезную и безжизнен-

нова, предложившего принципиально другую концепцию истины: истины-инструмента, истины-приспособления, с помощью которого деятельность каждого из объединенных в общество людей становится более эффективной. Богдановская истина не имеет внесоциального и надысторического значения, не обладает сверхъестественной ценностью для «вечности» и «мирового смысла», а просто служит людям *своего* времени, после чего уступает место другой, столь же относительной инструментальной истине другого исторического периода.

Причины логических противоречий в рассуждениях своих современников Богданов видел в специфике мировоззрения, которое тогда господствовало в интеллигентной среде России и Запада. Пожалуй, наиболее существенной особенностью этого мировоззрения была узкая специализация мыслителей-философов, которые строили свои концепции, не обращая внимания на труды предшественников и, тем более, современников в смежных областях знания (этим в равной мере «грешили» идеалисты, наподобие уже упоминавшегося Н.А. Бердяева[688], и последовательные материалисты – такие, как Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Л.И. Аксельрод). При рассмотрении, например, проблем общественной идеологии за пределами внимания философов нередко оставались достижения социологии, психологии, экономики, практической политики, позволявшие адекватно объяснить социальные процессы, отражающиеся в мировоззрении людей; при анализе вопросов познания и мышления точно так же «пропускались» научные разработки в области естествознания, медицины и психологии восприятия; и т.д.

Следствием такой узкой специализации становилась, по словам Богданова, «глубокая оторванность <...> “философов” от главного потока научно-технического развития и научно-технических революций нашего времени»[689]. Из-за этого, в частности, Н.А. Бердяев в одной из своих работ решительно утверждал, что монизм как принцип познания присущ лишь неразвитым наукам и в силу этого не характерен, например, для физики[690] – и это при условии, что на рубеже XIX и XX вв. физики уже работали над изучением взаимопереходов вещества и энергии, рассматривая последнюю в качестве ***единой*** *основы* ***всех*** *наблюдаемых природных явлений*. Явный недостаток точных знаний по анализируемым проблемам профессиональные философы того времени нередко

ную комбинацию знаков» (Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 86).

[688] Бердяев Н.А. Критика исторического материализма // Мир Божий. М., 1903. №10. С. 6.

[689] Богданов А.А. Приключения одной философской школы. Полемические заметки о Г.В. Плеханове и его школе. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 25.

[690] Бердяев Н.А. Критика исторического материализма // Мир Божий. М., 1903. №10. С. 6.

стремились компенсировать риторическими построениями, «безусловно равными самим себе» и неуязвимыми с точки зрения формальной логики.

Другим не менее существенным недостатком философского мировоззрения на рубеже двух столетий Богданов считал весьма *своеобразное представление научной интеллигенции об объективности*. В соответствии с ним ***субъект познания*** рассматривался, например, материалистической школой как «вторичный элемент» картины мира и для нейтрализации искажающих воздействий *подлежал полному исключению из нее*, чтобы не делать никаких уступок идеализму. То, что картина мира в результате такой «объективности» распадалась на абстрактные «вещи в себе», непригодные для решения практических задач познания, просто не принималось в расчет. Идеалисты считали такой подход к объяснению мира «бесчеловечным» и предлагали полностью встать на точку зрения субъекта. То, что подобный подход несовместим с естествознанием и порождает противоречия в представлениях о мире, их не смущало. Более того, отвлеченность от практики и недоступность пониманию «непосвященных» открыто воспринимались некоторыми группами идеалистов-мистиков «серебряного века» едва ли не как основные атрибуты «научности». Представители иных философских школ не провозглашали подобных идей с такой откровенностью, но общее стремление к «объективной картине мира», полностью свободной от познающего субъекта, вызванное стремлением большой группы мыслителей исключить из философии метафизику, парадоксальным образом способствовало укреплению метафизики в общественном сознании.

Справедливости ради нужно отметить, что эта линия развития идеологии вызывала негативную реакцию не только у революционеров-марксистов, видевших в иррациональной мистике средство мировоззренческой дезориентации социально активных групп. С критикой метафизических концепций выступил выдающийся европейский физик Эрнст Мах (1838 – 1916), характеризовавший подобные взгляды в своей книге «Познание и заблуждение» (1905) как результат ошибочной интерпретации наблюдаемых явлений окружающего мира в сознании мыслящего субъекта. Основным источником ошибок Мах видел «смешение *ощущения* с возбужденным через ассоциацию *представлением* или неточное разграничение их»[691]. В первую очередь это могло произойти в мысленных экспериментах философов, поскольку «умственные ситуации не повторяются с полной точностью»[692], зависят от жизненного опыта и волевых устремлений мыслителя и из-за этого

[691] Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. С. 135.

[692] Мах Э. Познание и заблуждение. С. 207.

слабо поддаются объективной проверке на практике. Именно этим можно объяснить обилие философских дискуссий в первые десятилетия XX в., а также чрезвычайно острую, эмоционально насыщенную полемику по ключевым вопросам общественной жизни: *когда мыслитель* ***под видом объективной истины высказывает собственное мнение****, пусть даже логически безупречно выраженное и подкрепленное яркими примерами из истории и современности, то желающие опровергнуть это мнение с помощью другого набора логических суждений и примеров всегда найдутся*. Отсутствие подобной картины в естественных науках объясняется просто: любые количественно измеримые величины, характеризующие изучаемый объект, не имеет смысла логически опровергать и полемически оспоривать – ведь их попросту можно более строго и точно измерить. Именно к такому идеалу познавательной ясности стремился Александр Богданов, считавший, что целевой аудитории его книг – грамотным рабочим – нужны не многословные споры с приверженцами других философских концепций, а четко определенная и ясно сформулированная мировоззренческая позиция, над которой каждый читатель может и должен думать сам, исходя из своего жизненного опыта и сравнивая этот опыт с полученными знаниями. Такой подход к изложению материала обеспечивал работам Богданова признание в пролетарской среде – и резкое неприятие в среде интеллигентской.

В период вологодской ссылки главным оппонентом Богданова из этой среды был «легальный марксист» Н.А. Бердяев. Дело было даже не в том, что этот блестящий оратор и яркий, разносторонне эрудированный полемист, эффектно выступал в собраниях ссыльных с критикой чужих философских рефератов. Настоящей сенсацией в довольно тесном кругу вологодских ссыльных стал выход из печати сборника философских статей «Проблемы идеализма», где Бердяев выступил с объемной работой «Этическая проблема в свете философского идеализма», фактически обозначившей одну из магистральных тем всей книги. Если учесть, что остальные участники сборника не подвергались гонениям со стороны Охранного отделения и довольно успешно реализовали себя в рамках действующей общественной системы, то присутствие в их среде явного оппозиционера, сосланного в вологодскую глушь из почти столичного Киева за политические убеждения, ставило Бердяева в совершенно исключительное положение.

Справедливости ради следует отметить, что и другие авторы сборника также привлекали к себе внимание образованной публики, предлагая неожиданный взгляд на, казалось бы, уже давно и прочно известные вещи. Так, П.И. Новгородцев в предисловии к

«Проблемам идеализма» жестко заявил: «Современный поворот к философии не есть плод одной теоретической любознательности <…> Глубокие потребности нравственного сознания выдвигают проблему о должном, о нравственном идеале. <...> За нравственной проблемой вырастает целый ряд других проблем, глубоких и важных, теснейшим образом связанных с жизнью духа <…>. Направление, идущее на смену позитивизму, <…> настойчиво выдвигает вопрос о тщательной проверке научных средств и категорий. Но вводя положительную науку в надлежащие границы, оно <…> устраняет суеверные предрассудки, препятствующие свободно и прямо идти навстречу великим вопросам духа»[693]. Подобное стремление «поставить науку на место» продемонстрировали 10 из 12-ти авторов сборника, избравшие предметом своего исследования философские аспекты морали и права: все эти мыслители стремились определить незыблемые, «абсолютные» основания человеческой нравственности, не зависящие от изменчивых требований времени.

Удивительная популярность книги «Проблемы идеализма», а равно и последующих сочинений авторов этого сборника в среде русской интеллигенции объясняется, однако, не тем, что читатели стремились к познанию абсолютных истин, а тем, что изменившиеся условия общественной жизни в начале нового – XX – века требовали адекватного идеологического осмысления. Марксизм к этому времени почти утратил былую популярность у интеллигенции, изначально воспринимавшей концепцию экономического материализма лишь в качестве модной западной теории, позволявшей подвести прочную идеологическую базу под антисамодержавные настроения либеральной общественности. Эту особенность интеллигентского восприятия марксистской концепции наиболее подробно охарактеризовал С.Н. Булгаков: «После утомительного удушья 80-х годов марксизм <...> с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действий, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению»[694]. Некритически-западническое толкование методологии экономического анализа, предназначением которого было ***объяснять, а не пропагандировать*** европейский путь развития, привело к тому, что марксисты России поставили знак равенства между капитализмом и прогрессивным развитием общества, европейским образом жизни

---

[693] Проблемы идеализма. М.: Изд-е Московского психологического общества, 1903. С. VIII–IX.

[694] Булгаков С.Н.От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). М.: Товарищество «Общественная Польза», 1903. С. VII.

и высокой духовной культурой, парламентской демократией и свободой личности. Практически всему поколению интеллигентов «серебряного века», как и их предшественникам эпохи Пушкина и Чаадаева, Запад виделся волшебной страной воплощенных идеалов, величественным эталоном, с которым надлежало сравнивать и под который требовалось подгонять «серую» и «косную» отечественную действительность. Естественно, что марксизм, уже признанный в те времена на Западе и воспринятый русскими интеллигентами исключительно с точки зрения вестернизационной парадигмы, виделся и преподносился в качестве универсального шаблона, которому безоговорочно подчинен процесс всемирной истории. Ради более основательного постижения закономерностей этого процесса такие горячие приверженцы марксизма, как П.Б. Струве, прямо призывали соотечественников «признать свою некультурность и пойти на выучку к капитализму»[695].

Столь эйфорическое восприятие превращало обычную экономическую теорию в некий суррогат религии для образованных атеистов: «В марксизме бьет горячий ключ социального утопизма, питающий чисто религиозное одушевление. Он имеет и свою эсхатологию в учении о социальном катаклизме (Zusammenbruchstheorie) и “прыжке” из капиталистического царства необходимости в социалистическое царство свободы, в Zukunftstaat, земной рай. Конечно, эти элементы марксизма находятся в несомненном, хотя и несознаваемом несоответствии с его обычной научной сухостью и прозаическим реализмом, но именно в этом соединении научных и утопических элементов, логически противоестественном, но психологически совершенно понятном, и состоит особенная обаятельность марксизма»[696]. Естественно, что при таком отношении уже не могло быть и речи об усвоении и практическом использовании аналитической методологии К. Маркса для исследования российской действительности: вместо рационального научного подхода к изучению социально-экономических реалий отечественная интеллектуальная элита (преимущественно с гуманитарным образованием) ориентировалась почти исключительно на полемическую борьбу против традиционного монархически-патерналистского мировоззрения правящих аристократических кругов. Марксизму в этой полемике отводилась роль авторитетной философской теории, ссылки на которую обязаны были лишь подтверждать правоту либералов и революционеров, да еще изо-

---

[695] Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1894. С. 288.

[696] Булгаков С.Н.От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). М.: Товарищество «Общественная Польза», 1903. С. X.

бличать невежество и мракобесие их сановных противников, далеких от современной прогрессивной научной мысли.

Ориентация на полемику, т.е. на создание эмоционального настроения вместо рационального анализа ситуации, способствовала довольно быстрому угасанию интереса к марксизму. Стремлением к переменам было охвачено все общество, а они – даже спустя десятилетия – так и не вошли в жизнь России: теория и практика не совпали. Поэтому на смену популярности марксистской теории как панацеи пришла ее критика, причем самого скептического свойства. Так, уже в 1902 г. Е.Н. Трубецкой последовательно отметил все явные терминологические неточности теоретических построений Маркса и Энгельса о движущих силах истории и на основании этого констатировал явную недооценку марксистами того влияния, которое оказывают идеи (в частности, правовые и моральные нормы) на развитие общественной жизни[697]. Далее, Б.А. Кистяковский упрекнул исторический материализм в признании изменчивого и относительного характера тех абсолютных ценностей, «которые философия издавна связывала с безусловной человеческой личностью»[698], утверждая, что «философия должна восстановить свои права и указать истории ее пределы»[699], чтобы исключить «святотатственные посягательства» позитивной науки на «самое дорогое убеждение морального сознания – веру в безусловное нравственное призвание личности», поскольку именно через личность и ее духовными устремлениями «совершается прогресс истории»[700]. А Н.А. Бердяев и вовсе откровенно сетовал на «скучность» и «серость» марксистской теории, отмечая ее неспособность объяснить высшие духовные запросы личности, принципиально не связанные ни с какими формами общественного бытия. При этом более чем поверхностное знакомство с работами самого Маркса способствовало тому, что в интерпретации Бердяева марксизм приобрел совершенно кадаврические черты:

1) «Марксистский социализм гордится своей эволюционностью, своей преданностью теории развития, но глубоко чужд настоящего историзма, так как <…> не видит в прошлом семени, из которого вырастает мировая жизнь, а лишь сплошное зло, подлежащее упразднению, не понимает прогресса как раскрытия ценностей, заложенных в глубине вечности. Марксистский социализм не дорожит людьми <…> и абсолютными ценностями культуры,

---

[697] Трубецкой Е.Н. К характеристике учения Маркса и Энгельса о значении идей в истории // Проблемы идеализма. М: Изд-е Московского психологич. Общества, 1903. С. 48 – 71.

[698] Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. С. 240.

[699] Там же. С. 241.

[700] Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. С. 241–

<…> враждебен всему, что для вечности»[701];

2) «Отношение марксизма к человеческой личности беспощадно и по своей жестокости может сравниться лишь с отношением старого абсолютного государства. Личность никогда не является целью, всегда – средством <…> и оценивается лишь по полезности ее для завоевания пролетарско-социалистического рая; по отношению к личности все дозволено во имя благих целей социализма <…>. Нигде так не проявляется злое начало марксизма, как в этом безбожном и бесчеловечном отношении к лицу человеческому, к индивидуальности, и сам Маркс прегрешил более всех в этом отношении»[702].

Вполне возможно, что при чтении трудов Маркса у философа Н.А. Бердяева и в самом деле возникала внутренняя неприязнь к автору «Капитала». Вероятно и то, что у российского интеллигента не хватило терпения основательно ознакомиться с содержанием критикуемого трактата из-за «грузной учености» Маркса. Сказалось, вероятно, и влияние мифов и сплетен вокруг личности немецкого исследователя. В противном случае трудно понять, зачем понадобилось столь *агрессивно приписывать Марксу то, чего просто не существовало в его доктрине*. Бердяев, очевидно, и не стремился знать, что создатель «Капитала» анализировал всего лишь реальные события, имевшие место в Западной Европе, и сделал это с позиций глубокого и последовательного историзма. Если в России имущие классы (к которым отношение имел и Бердяев) затеяли повторить европейский опыт, не считаясь с реалиями собственной страны, и все пошло не так, как на Западе, то претензии следовало адресовать не Марксу: ведь это «духовная элита» империи затеяла провести эксперимент над 85 % своего населения, не дорожа ни людьми, ни ценностями, заложенными «в глубине вечности», видя в народном вековом укладе жизни «лишь сплошное зло, подлежащее упразднению». Поэтому Бердяев как добросовестный исследователь не должен был перекладывать ошибку российских «аристократов духа» на плечи немецкого ученого, анализировавшего совсем другие исторические обстоятельства. То же самое можно сказать и по поводу других предвзято-эмоциональных пассажей философа-идеалиста, представлявших собой отголосок все того же спора, бесконечного и бесперспективного, между теми, кто заботился о «социалистическом рае» для человека «с голодным желудком и натертым работою хребтом», и теми, кого волновала исключительно «революция Духа».

Показательно, что *приведенные выше рассуждения в действительности* ***вообще***

242.

[701] Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. С. 78.

[702] Там же. С. 75.

отсутствуют в работах Маркса и являются плодами умозрительной фантазии Н.А. Бердяева. Впоследствии эта фантазия после многократных повторений в работах других исследователей обрела самостоятельное существование и – приписанная автору «Капитала» – сделалась уничтожающей характеристикой марксистской теории[703]. Впрочем, надо отдать должное Н.А. Бердяеву – он с самого начала подстраховался от критики, заметив в предисловии к своей книге: «Будут, конечно, говорить, что идеи моей книги бездоказательны и ненаучны, но <…> доказательна ли истина и что такое эта пресловутая научная доказательность?»[704]. С научной точки зрения подобный способ изложения взглядов представляется сомнительным: любой уважающий себя и читателей полемист и публицист начала XX столетия прилагал иной раз весьма немалые усилия для того, чтобы ***наиболее убедительно доказать*** *свою точку зрения и обоснованность своих взглядов на разбираемую ситуацию*, а эмоционально-образный, чуждый рациональных доказательств стиль изложения был в те времена исключительной привилегией беллетристов.

В качестве альтернативы «марксистской социалистической лже-религии» Бердяев предлагал собственную версию социализма, основанную на «религиозном порядке». Нарисованная философом эпическая картина религиозно-нравственного перерождения человечества, может, и увлекала своим грандиозным масштабом – но только до тех пор, пока читатель не задавался конкретным вопросом: что именно нужно сделать, чтобы этот великий процесс все-таки начался? Впрочем, с точки зрения Бердяева, такие вопросы могли свидетельствовать лишь о духовном несовершенстве, для исправления которого «религиозное и философское просвещение должно рассеять рационалистическую тьму, освободить от предрассудков рационализма, восстановить живую восприимчивость к религиозной истине»[705].

Подобные же претензии к «бесчеловечности», «бездуховности» и «нравственной ограниченности» научного рационализма предъявляли и другие философы, принявшие участие в сборнике «Проблемы идеализма». Однако на доказательство провозглашенных аксиом философы попросту не тратили времени и сил – видимо, считая, что истинность заявленных суждений самоочевидна для читателей. Так, С.Н. Булгаков в статье «Основные проблемы теории прогресса» утверждал: «Как бы ни развивалось положи-

---

[703] Насколько подобная фантастическая интерпретация марксизма укоренилась в современном научно-философском сообществе, показывает, например, такое издание: Норт Г. Марксова религия революции: Возрождение через хаос. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1994. С. X–XII, 10–13, 71–76.

[704] Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание... С. V.

[705] Там же. С. 202.

тельное знание <…>, – оно изучает только обрывки действительности <…>. Задача полного и законченного знания в мире <…> так же обманчива и лжива, как задача прийти к горизонту, постоянно удаляющемуся в бесконечное пространство»[706].

Роль совершенной бесконечности (в форме круга) Булгаков отводил метафизике, основанной на устойчивом воспроизведении абсолютных нравственных истин. Мыслителя, проделавшего сложный путь от марксизма к идеализму, не смущало, что в подобной трактовке проблемы научного познания имеется существенный логический дефект, перечеркивающий столь эффектно сформулированные аксиомы: *зачем заменять «несовершенное» движение к знаниям по прямой на «совершенное» движение по кругу, если оно – в отличие от движения по прямой – в практическом жизненном смысле* ***ни к чему не ведет****, предлагая лишь бесконечное повторение одних и тех же мыслей?*

Предложенный Булгаковым ответ сводился по сути к тому, что «нравственный закон (сформулированный И. Кантом в виде "категорического императива" – А.Л.) велит нам хотеть добра, <…> велит <…> хотеть *прогресса*. Прогресс является с этой точки зрения не законом исторического развития, а нравственной задачей <...>, не бытием, а абсолютным долженствованием; конечное и относительное не может вместить абсолютного, поэтому прогресс бесконечен»[707]. Аналогичным образом относился к данной проблеме и Н.А. Бердяев, указав в качестве аксиомы: «Этика не есть социологическая и психологическая наука, отыскивающая законы сущего, это – философская дисциплина, устанавливающая нормы должного»[708]. Это – «голос Божий внутри человека»[709]. Только «этический индивидуализм», по Бердяеву, мог стать основой истинной нравственности. Но, к сожалению, эта глубоко продуманная и ярко изложенная моральная доктрина оказалась столь же оторванной от реальной жизни, как и булгаковская критика позитивистской концепции прогресса: читателям так и не было объяснено, каким образом надлежит «требовать признания и обеспечения за собой человеческого права на самоопределение и развитие всех своих духовных потенций»[710], особенно если учесть, что в то время почти все население России оказалось без адекватной поддержки в крайне противоречивых экономических и политических условиях, требовавших для своего улучшения консолидированных усилий научно-интеллектуального сообщества.

---

[706] Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма. С. 2.

[707] Там же. С. 37.

[708] Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского индивидуализма // Проблемы идеализма. С. 92.

[709] Там же. С. 104.

[710] Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского индивидуализма // Проблемы идеа-

Однако тот же Бердяев, всерьез занявшийся поиском ответов на вопрос о нравственности, в своих последующих работах прямо предложил отказаться от рассудочного анализа действительности в пользу непосредственного мистического чувствования[711].

Сведя воедино сущее и должное, бытие и сознание, личность и общество, цель и средства[712], Бердяев предложил своим читателям слиться с миром в мистическом восторге, исключающем рациональное разделение на субъект и объект[713]. По мысли философа, только такое мировосприятие должно было способствовать мирному решению наиболее острых конфликтов современности.

По мнению А.А. Богданова, из доктринальных построений философов-идеалистов читатель-современник мог сделать примерно такие практические выводы:

1) все конкретные формы человеческой деятельности должны быть подчинены Абсолюту, который прямо или косвенно отождествляется с Богом и при этом имеет сугубо нравственную (этическую) природу;

2) существующие в обществе нравственные ценности являются по-настоящему ценными для человека только благодаря связи с Абсолютом, которая существует, но не может быть познана рациональными методами, а может быть лишь постигнута через интуитивное откровение; именно благодаря этой связи нравственные ценности имеют внесоциальную природу и внеисторический характер, являются вечными и неизменными;

3) социальная жизнь есть явление производное от вечных и неизменных нравственных ценностей; какие-либо ее преобразования могут быть осуществлены лишь путем нравственного самосовершенствования каждой отдельно взятой личности, стремящейся к установлению связи с Абсолютом, т.е. Богом, с помощью религиозных практик;

4) все виды деятельности, находящиеся за пределами религиозных практик, вторичны для существования и каждой отдельной личности, и всего общества, составленного из таких личностей.

Противоречивость выводов философов-идеалистов неслучайно была взята Богдановым на заметку во время вологодских дискуссий: предпосылки возникновения подобных взглядов, а также культурно-мировоззренческие последствия их внедрения в массовое сознание стали ключевыми темами последующих работ молодого ученого. Правда, его удру-

---

лизма. С. 136.

[711] Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание... С. 202.

[712] Там же. С. 97, 79.

[713] Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание... С. XII–XIII.

чало то, что ни из «Проблем идеализма», ни из последующих сочинений Бердяева и Булгакова невозможно было установить четкие критерии истинности откровений, получаемых философами-идеалистами в процессе познания мира. А так как неизбежные логические и смысловые несовпадения выводов авторы «Проблем идеализма» попросту игнорировали, то внимательный читатель оставался без ответа на главный вопрос: если Абсолют (или, что то же самое, Бог) является неизменной внеисторической силой, и связанные с ним этические ценности также обладают свойствами внеисторической неизменности, то почему в этой ситуации общество, построенное на основе неизменных этических ценностей, может и должно исторически меняться, развиваясь от одной своей формы к другой? Рассуждения идеалистов о нравственном развитии личности как основе общественного прогресса, вроде бы разрешающие данное противоречие, перечеркиваются самим определением Абсолюта: поскольку идеальный объект, отражающий высшее этическое совершенство, бесконечно далек от конкретно-исторической личности, конечной во всех смыслах, то любые попытки приближения конечного к бесконечному окажутся в итоге лишь иллюзией – безотносительно к тому, идет ли речь о «несовершенной бесконечности» в форме прямой линии или о «совершенной бесконечности» в форме круга. В итоге читатель «Проблем идеализма» был в лучшем случае обречен на бесконечную погоню за недостижимым Абсолютом через изучение религиозных откровений – этически безупречных, но не дающих ясного понимания социальных и политических процессов современности; а в худшем случае читатель просто разочаровывался в философии вообще, воспринимая ее как схоластическую игру праздных умов, а не серьезную область рационального знания. Приходило к человеку и прозрение, но лишь после горького осознания того, что в действительности его и таких, как он, только куда-то «поманили», а дороги не показали[714]. Просветление мысли, особенно для юношества, наступало обычно после безуспешных попыток найти «своего» духовного наставника, способного открыть неопытному человеку глаза на мир. Ситуация обострялась после знакомства со всеми «сквернами» жизни, ведущими к «раздерганности» ума и «растрепанности» души и тому подобным обстоятельствам, окончательно разрушавшим верность былым идеалам. И не только: в молодежной среде самоубийства сделались заурядным явлением. Того ли хотели философы-идеалисты?

Мировоззренчески дезорганизующее воздействие идеалистической философии с неясными задачами на молодых читателей из числа вчерашних школьников и грамотных, тя-

[714] Горький М. На дне // Горький М. Собрание сочинений. В 18-ти т. Т. 16. Пьесы. 1901–1906. М.:

нущихся к новому знанию рабочих оказывалось слишком сильным, чтобы Богданов, скрупулезно изучавший идеологический опыт человечества и познавший этому опыту цену, не мог оставить без внимания растущий успех «идеализма», порожденный тактикой «теоретической беззаботности»[715], преодоление которой, согласно тогдашним традициям идеологической борьбы, предполагало журнальную полемику с авторами «Проблем идеализма» хотя бы на начальном этапе противостояния, когда обычно проявляются главные признаки разногласий. В рамках этой полемики сам Александр Александрович выступил с критическими статьями в периодической печати, особо отмечая недостаточный уровень осведомленности мыслителей-идеалистов в естественнонаучной, социально-экономической и политической проблематике времени. В своих оценках Богданов стремился быть максимально объективным. Н.А. Бердяев, например, по мнению Александра Александровича, «был тогда хороший оратор (лучше нас[716]), но по научным знаниям стоял невысоко, а в философии знал лишь неокантианские школы (лучше нас), отнюдь не позитивные (попал в неловкое положение по поводу Авенариуса и Маха)»[717]. Богданов считал, что если философия и нужна, то лишь для того, чтобы устанавливать цели исследования и формулировать гипотезы; однако плохо, если философия начинает подменять собой исследовательский процесс. Этого мнения ученому не простили.

Кроме того, стиль богдановской полемики существенно отличался от принятого среди тогдашней интеллигенции: в своих статьях и книгах неординарно мыслящий ученый не стремился опровергнуть или дискредитировать точку зрения оппонентов (как это вообще было принято по правилам философских дискуссий того времени и как это проделали сами идеалисты в отношении марксизма), а старался восполнить пробелы в знаниях читателей о современном мире, предлагая четко структурированную систему представлений, поистине энциклопедическую по охвату материала. Так, в статье с говорящим названием «Что такое идеализм» Богданов для начала дал развернутое определение идеализма во всех его видах, чтобы устранить возможные терминологические неточности, не-

---

Гос. изд-во худ. литературы, 1963. С. 136.

[715] Богданов А.А. Из психологии общества. С. III.

[716] Имеются в виду материалисты и позитивисты из числа вологодских ссыльных – А.Л.

[717] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 32–33. «Неловкое положение», о котором Богданов упомянул лишь вскользь, было связано с тем, что Бердяев предлагал интерпретировать рассуждения эмпириокритицистов исключительно «в духовном смысле», несмотря на излагаемый в книгах Маха и Авенариуса сугубо естественнонаучный материал, снабженный недвусмысленно критическими высказываниями против какой-либо метафизики. Отголоски этого более чем своеобразного толкования можно обнаружить, например, в: Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902.

избежно возникающие в дискуссиях. Путь исследования того, чем является идеализм, по словам Александра Александровича, должен был остаться таким же, «по которому всегда идет научное познание. Сначала простое описание фактов, т.е. в данном случае эмпирическое выяснение вопроса, что именно и при каких условиях люди называют идеализмом, идеалами, прогрессом. Затем исходящее из этого описания “объяснение”, другими словами – объединяющая и упрощающая группировка тех же фактов на основе установившихся научных воззрений. Если такому процессу обработки опыта удается схватить все типичное, повторяющееся в явлениях, без противоречий и сколько-нибудь важных пробелов, то цель научного познания достигнута»[718].

Проанализировав с помощью этого метода такие проявления социального идеализма, как честь, долг, справедливость, стремление к познанию «чистой истины»[719], Богданов сделал вывод, неожиданный для интеллигентов начала XX в.: «Характеристика “идеализм” применяется к проявлениям активной психической жизни; чувства, стремления, поступки признаются идеалистическими тем в большей мере, чем более социально они направлены»[720]. При этом «понимает ли сам идеалист истинное содержание своих стремлений, или не может разглядеть его за фетишистической оболочкой, или, наконец, просто не рассуждает о нем – это в данном случае безразлично»[721]: при любых обстоятельствах «идеализм означает победоносную борьбу более социальных элементов психики с менее социальными»[722].

Этот момент становится более понятным, если обратить особое внимание на проявление «умственного аристократизма», так бросающегося в глаза в реальной жизни и порождающего столь «чуждое всякого анализа, основанное, по-видимому, на обычных

№9-10. С. 839–853.

[718] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 12.

[719] См., например, статью А.А. Богданова «Что такое идеализм»:

1) «“Честь” представляет из себя выражение обязательных отношений, сложившихся в какой-нибудь группе, сословной или классовой. Эти обязательные отношения возникли путем развития данной группы <…>. Так, если “честь” требует от феодала, чтобы он за оскорбление дрался на дуэли, то в этом выражается историческая зависимость господства и благосостояния феодалов от их личной храбрости и жестокости по отношению к врагам. Если “честь” запрещает феодалу жениться на плебейке, то в этом выражается историческая зависимость общественной силы феодалов от их обособленности и сплоченности» (Богданов А.А. Что такое идеализм // Богданов А.А. Из психологии общества. С. 18);

2) «То же самое относится к идеализму “абстрактного долга”, “справедливости” <…>. Кто отдает жизнь свою во имя “долга”, тот жертвует ею не ради пустой абстракции, но ради жизни и развития своего социального целого» (Там же, с. 18–19);

3) «Характеристика “чистой истины” заключается в ее общеобязательности: чистая истина должна дать познавательное удовлетворение всякому мыслящему существу» (Богданов А.А. Что такое идеализм // Богданов А.А. Из психологии общества. С. 19).

[720] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 19.

[721] Там же. С. 19.

[722] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 20.

предрассудках презрительное отношение к “материальным” идеалам с точки зрения “духовных”»[723]. Органически связанное с этими воззрениями предельно трепетное отношение авторов «Проблем идеализма» к личности и ее правам[724] могло свидетельствовать о полном подавлении социальных элементов психики «аристократов духа» элементами эгоистическими и эгоцентрическими. В результате от идеализма, как его понимали в начале XX в., оставалась лишь внешняя форма, наполняемая произвольным содержанием, не способным ориентировать общественные силы на решение жизненных задач. Поэтому, по мнению А.А. Богданова, существенное значение приобретает не только общая социальная направленность действий идеалиста, но и конкретные формы, методы и цели этих действий, ведущих к уменьшению или возрастанию «полноты и гармонии в жизни общества»[725]. Богданов считал, что «наиболее прогрессивным в ряду частных, конкретных идеалов должен быть признан тот, который в наибольшей мере способен стать исходной точкой дальнейшего развития»[726]. При игнорировании этой закономерности самый возвышенный и нравственно безупречный идеал окажется оторванным от жизни и, соответственно, не окажет полезного воздействия на общество.

Отмеченный Богдановым «застой» при идеологической ориентации всего общества или отдельных социальных групп на высшие духовные ценности при игнорировании «низменных» материальных проблем сам ученый объяснял стремлением идеалистов «совместить несовместимое: идею непрерывного движения (в сторону воплощения прогрессивных идеалов – А.Л.) с идеей неподвижного («вечных ценностей» в виде абстрактных духовно-нравственных идеалов– А.Л.). <...> Для этого надо удалить идеал на бесконечное расстояние, сделать его недостижимым. На место конечных, частных идеалов выступают идеалы всеобщие и бесконечные: абсолютное совершенство в виде, напр[имер] , абсо-

---

[723] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 24.

[724] Прекрасным примером такого отношения могут служить рассуждения Н.А. Бердяева: «*...Нравственность есть прежде всего внутреннее отношение человека к самому себе, искание и осуществление своего духовного “я”, торжество “нормативного” сознания в сознании “эмпирическом”*. На обыкновенном языке это и называется *развитием личности* в человеке. Нравственность, как отношение человека к человеку, есть безусловное признание в каждом человеке его духовного “я” и безусловное уважение к его правам. Это и есть то, что на обыденном языке называют *гуманностью*: быть гуманным – означает признавать и уважать в каждом человеке брата по духу, считать его природу такой же самоцелью, как и свою собственную, и способствовать ее развитию на почве общечеловеческой духовной культуры» (Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма. С. 106–107). Особенно примечательно здесь то, что нравственность, по Бердяеву, исключает равноправие, поскольку развитию кого-либо в чем-либо может способствовать лишь тот, кто *уже достиг* в этом более высокого уровня.

[725] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 22.

[726] Там же. С. 23.

лютного добра, истины и красоты. К этим абсолютам направлен всякий прогресс; всякий шаг есть приближение к ним; но оно никогда не может завершиться, потому что расстояние бесконечно, абсолюты недостижимы»[727]. Подобная постановка вопроса обречена на невостребованность большинством российского населения, которое обладало развитым практическим складом ума, позволявшим получаемую информацию интуитивно и почти безошибочно разделять на пригодную к применению и чреватую неизвестностью и неразрешимыми противоречиями.

Идеалисты дружно ополчились на Богданова за эту озвученную в процессе полемики позицию, хотя прислушайся они к нему – и обнаружилось бы, что интеллектуалам России было над чем задуматься, поскольку некоторые исторические события подтверждали достоверность его выводов, особенно когда господа либералы агитировали за неизвестную жизнь. При этом разобрать, что именно кроется за красиво-мудреными словами и чем именно – адом или раем – обернутся барские призывы для обычного человека, было сложно не только полуграмотному простонародью, но и среднеобразованной части населения.

В таком случае, на кого же была тогда рассчитана в России вся эта либерально-идеалистическая пропаганда? С одной стороны, философы-идеалисты провозглашали «всеобщие, абсолютные, надчеловеческие и в то же время объективно, а не только в сознании отдельных людей существующие цели», а с другой стороны – «их полная реализация немыслима ни в какое время ни в каком месте: они лежат вне пространства и времени. Только по отношению к “вечным ценностям” получают значение всякие “временные ценности”; все относительное, в том числе и прогресс, получает цену только по своему отношению к этим абсолютным благам»[728]. Но если в отношении «временных ценностей» (начиная от столь пренебрежительно оцененных Н.А.Бердяевым «пятикопеечных улучшений» положения рабочих[729] и заканчивая популярными в начале XX столетия антимонархическими политическими идеалами) у читателей сомнений не возникало, то касаемо «абсолютных благ», с которыми все это надлежало соотносить, получалось полнейшее непонимание: *ни один мыслитель-идеалист в своих статьях и книгах не дал* ***никакого определения*** *тем «высшим духовным ценностям», которые считал более реальными, чем окружающий вещественный мир, и*

---

[727] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 30.

[728] Там же.

[729] См.: Бердяев Н.А. Борьба за идеализм // Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900 – 1906). М.: Канон+; Реабилитация, 2002. С. 19.

с которыми, как со строгим эталоном, призывал соотносить любые действия людей в мире. Именно это непонимание, вызванное, пожалуй, самой существенной недосказанностью работ идеалистов, как раз и приводило к ценностно-мировоззренческой дезориентации тех, кто стремился к получению новых философских знаний и искал ответов на свои жизненные вопросы. Причины дезориентации Богданов охарактеризовал так: «Абсолютные цели (общественного развития и нравственного совершенствования личности – А.Л.) – ***это абстракция от несуществующего опыта*** (выделено мной – А.Л.), это слово, за которым не скрывается никакого познавательного содержания. Но не таким выступает оно в психике людей, которые признают его ценность для мышления. На место определенного, ясно мыслимого содержания для пустой абстракции создается неопределенное и неясное. Материалом для него служат представления психологически близкие, но не соответствующие собственному смыслу абстракции. Так, представления частных, относительных истин, смешиваясь и расплываясь в сознании, образуют фиктивное, воображаемое содержание для идеи абсолютной истины. А когда с этим соединяется интенсивное приятное, возвышенное настроение, то не остается места сомнению в реальности абсолютного: пустая абстракция одевается плотью и кровью, становясь предметом веры. Чем чаще повторяется данное психическое состояние, чем более привычным оно становится, тем большую субъективную достоверность приобретает его содержание. Именно таким путем различные порождения фантазии приобретают в психике людей характер величайшей непосредственной очевидности. <...> Тогда против них бессильна всякая логика»[730]. И это бессилие логики, натолкнувшейся на энергичное и бескомпромиссное требование *верить* там, где объективно требовалось *знать* и *понимать*, выводило философские построения идеалистов из-под рациональной критики, превращая их из объекта научной деятельности в своеобразное творчество, ориентированное, естественно, уже не на строгую доказательность, а на создание у читателей определенного эмоционального настроя, лишь опосредованно связанного с действительностью.

Именно «абстракция от несуществующего опыта» приводила к тому, что философы-идеалисты не воспринимали точку зрения Богданова, относя его к числу эпатажных оппонентов. Для тех, кто привык активно демонстрировать *личное мнение* в каждой своей печатной работе[731], состоявшей обычно почти целиком из обстоятельно выражаемой

---

[730] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 31–32.

[731] Чрезвычайно показательно в этом отношении предисловие П.Б. Струве к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901): рассуждения лидера русских «легальных марксистов» о взглядах молодого философа-идеалиста – сугубо оценочные по своему характеру – занимают в общей сложности почти $^{1}/_{3}$ объема всей книги (84 страницы – предисловие Струве,

авторской позиции, не мог быть по-настоящему «своим» автор, который, ни с кем не полемизируя, лишь излагает, причем не собственные взгляды (что было бы все-таки понятно русской интеллигентной публике), а строгие научные факты, к тому же сгруппированные нестандартным образом, углядеть в котором авторскую позицию мог только вдумчивый и непредвзято настроенный читатель. Опровергать выводы Богданова даже не пытались, что являлось своеобразной демонстрацией умственного аристократизма оппонентов. Богданов в ответ отмечал, к чему на практике ведут подобные воззрения: «Так как абсолютное и относительное познание различаются не количественно, а по существу, то человек, стоящий на точке зрения абсолютного познания, не может смотреть на людей относительного иначе, как на низшие существа: в лучшем случае с величественной снисходительностью истинно развитого человека к недоразвившимся эмбрионам, в худшем с леденящим презрением феодала мысли к ничтожной черни»[732]. Кабинетные «революционеры Духа» первого десятилетия XX в. стремились философски обосновать оценочные критерии общественных идеалов и суть своей деятельности понимали так: «Мы <...> утилизируем <...> знания, создавая в своем уме такую комбинацию представлений, которая давала бы удовлетворение всем сторонам нашей эмоциональной организации. Так, в представлении “высшего социального строя” мы так стараемся скомбинировать данные, заимствованные из настоящего и прошлого нашей общественной жизни, чтобы устранить всякую возможность конфликтов и противоречий: царство идеала есть царство *примирения и солидарности всех интересов, удовлетворения всех потребностей* (курсив мой – А.Л.)»[733].

Однако Богданов не находил пользы в умозрительных поисках подобного царства примирения и удовлетворения всех путем нагнетания «социально-прогрессивных настроений», ибо считал, что прогрессивность общественных идеалов достигается только в тех случаях, когда они явятся «исходной точкой последующего развития»[734]. Ученый предупреждал: априорное стремление аналитиков-идеалистов уравнять «должное» и «сущее» (причем непременно с предустановленным приматом «должного» по кантианскому принципу: «В практической философии дело идет не об основаниях того, что *происходит*, а о законах того, что *должно происходить*, хотя бы это никогда не проис-

189 страниц – работа Бердяева).

[732] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 34.

[733] Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М: Сотрудничество, 1907. С. 213.

[734] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 19, 22.

ходило»[735]) применительно к социальной жизни обернется неумением понять логику практического реформирования общества, следствием чего станет разрыв в общественном сознании между целью и средствами к ее достижению, что непременно обернется господством методов над целями[736]. Особенно заметным это станет после победы либеральных сил над авторитарным строем: общая логика власти неминуемо начнет определяться тем, что оказавшиеся у руля государства буржуазные «верхи» поневоле будут вынуждены учитывать в своих практических действиях совместимость несовместимого, сочетать в своей политике диаметрально противоположные ключевые принципы – *свободу*, директивно провозглашенную «высшей ценностью», тяготеющую «к голому беспорядку», и *порядок*, необходимый для нормальной хозяйственной жизни и развития, достигаемый бескомпромиссно-авторитарными методами.

Западный путь развития уже продемонстрировал то, что победившая буржуазия выстраивала общественные отношения на основе свойственной ей индивидуалистической морали, в соответствии с которой личное честолюбие, стремление выдвинуться, отвращение к дисциплине были не самыми худшими качествами человека. Сложнее дело обстояло с теми, кто еще «вчера ниспровергал авторитеты, сегодня, вольно или невольно, сам превращается в такой же авторитет»[737]. Это становилось особенно заметным при взаимодействии с угнетенным населением, когда ради барышей приходилось комбинировать «авторитет с индивидуализмом – вот с чем должна была оперировать буржуазия; иных элементов она не знала <…>. Индивидуализм был ей близок и дорог, авторитет она внешним образом ниспровергла, но в себе самой очень многое от него сохранила, а тем более в отношениях своих к эксплуатируемым группам»[738]. На практике оказалось, что индивидуализм и авторитарность «хорошо синтезируются»[739], особенно когда в обществе ролевые позиции станут повсеместно определяться толщиной кошелька.

В России после реформы 1861 г. буржуазные отношения формировались на тех же принципах, поэтому положение «эксплуатируемых групп» в новых обстоятельствах не изменилось к лучшему: помещики своих крепостных секли, продавали, словно скот, и облагали непосильными податями, – пришел фабрикант и стал заставлять работать по 16 часов, отнимать заработок с помощью придуманных штрафов и хитрых манипуляций с расценка-

---

[735] Цит. по: Проблемы идеализма. С. 92.
[736] См.: Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 136.
[737] Богданов А.А. Платформа группы «Вперед» // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 56.
[738] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 123.
[739] Там же.

ми, держать в страхе угрозами увольнения, но управы на произвол имущих и в том, и в другом случае не находилось. При новых «хозяевах жизни» миллионам людей, работавших с рассвета дотемна и живших при этом впроголодь, нелегко было покорно мириться с поражавшим воображение культом хищничества, насилия и безнаказанности под аккомпанемент митинговых пропагандистских фраз о свободе, равенстве и братстве. Сомнительный успех ловких дельцов, хитростью, обманом или воровством возвысившихся над остальными, вызывал не зависть того, кому хлеб насущный доставался воистину непосильным трудом, а будил в нем жажду справедливости. Чем чаще законность попиралась, а ненаказанное злоупотребление торжествовало, тем выше была вероятность того, что в противостоянии свободы, имевшей вид вседозволенности, и порядка как общеобязательности соблюдения нравственных норм большинство оказывалось не на стороне неограниченной свободы. Борьба за то, чтобы порядок обеспечивал внутри общества предсказуемость и безопасность жизни, способна была привести лишь к восстановлению авторитарного правления.

Тяга к «крепкой руке» диктовалась здесь не рабской психологией населения, а необходимостью выбрать из двух зол меньшее. По крайней мере считалось, что «крепкая рука» ***заставит всех*** жить по единым, четко обозначенным правилам: «…власть, охраняя свое достоинство, должна избегать всего, что похоже на уступку незаконному давлению»[740]. В этом случае общественное взаимодействие неизбежно должно выстроиться на принципах авторитарной организации, где роль руководителя станет выполнять государство: оно «управляет людьми, как принудительная сила», связывает «в стройном единстве как их взаимные отношения, так и их мышление»[741]. При буржуазном строе это заметнее всего проявится при нарастании социальной и политической напряженности. Тогда государство, как *общая* организация капиталистических классов, во избежание крушения всего социального организма вынуждено будет в «*общих* интересах обуздывать аппетиты групп, оказавшихся в наиболее выгодном положении»[742].

Кстати, подобный сценарий описывал Ф. Энгельс в брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» (1880): по его мнению, когда обнаруживается невозможность для большинства населения свести концы с концами, а неприкрытая эксплуатация, чинимая «небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов»[743], усиливает нестабиль-

---

[740] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 231.

[741] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 71, 72.

[742] Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 318.

[743] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 221.

ность в обществе до такой степени, что весь механизм организации жизни «отказывается служить», тогда руководство страны, чтобы удержать ситуацию под контролем, станет вмешиваться во взрывоопасную ситуацию. Административная система государственной власти – сначала осторожно, а затем с нарастающей заинтересованностью начнет «огосударствление» экономики: хотя для общества в целом жизнь не улучшится, тем не менее вначале изменения будут восприниматься позитивно, потому что «зарвавшиеся» капиталисты-эксплуататоры будут вытеснены из экономики и низведены до положения «покорных слуг». Когда правительство окажется «нарочно составлено из безличностей, наиболее удобных для выполнения щекотливых дел»[744], а вышколенные чиновники превратятся в «послушное стадо», наступит эра полномасштабного контроля над обществом. В этих обстоятельствах все купоны будут доставаться верхушке административной системы, которая сделается «идеальным совокупным капиталистом» и доведет эксплуатацию до уровня подневольного труда, т.е. *«огосударствление» не приведет к уничтожению капиталистических отношений*, а лишь приструнит вседозволенность отдельных эксплуататоров, не входящих в число плутократов[745]. Этот шаг закономерно породит оппозицию, которая приступит к борьбе против авторитарной власти за восстановление «прежних прав и свобод» – и все начнется сначала, когда победа оппозиции снова обернется торжеством вседозволенности для немногих, эксплуатирующих большинство, что в очередной раз толкнет общество в безраздельную власть авторитаризма.

Чтобы вырваться из этого порочного круга и повести общество к действительно новому строю, основанному на гармонии и идеалах, где как раз и осуществится столь желанный идеалистам «переход от этически худшего к этически лучшему»[746], необходимо, по мнению Богданова, прежде всего избавиться от ошибок, допущенных оппозиционной интеллигенцией. Первой и самой главной из них было *неприятие синтетической парадигмы мышления*, объединявшей естественнонаучный и гуманитарно-философский подходы к объяснению изучаемых явлений. Производным от этой фундаментальной ошибки стало *непонимание того, что* ***идеология – это не совокупность доктринальных идей***, воплощаемых в философских концепциях и политических лозунгах, ***а способы мышления, задаваемые социальной средой в конкретно-исторических***

---

[744] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 232.

[745] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 221–223.

[746] Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб.: Изд-е О.Н. Поповой, 1901. С. 123.

условиях на основе рациональных норм практической целесообразности. Естественно, что при таком непонимании не могло быть и речи о том, чтобы интеллигенция нашла общий язык с рабочими: сложившуюся в пролетарской среде систему представлений о социальной и политической жизни, о мире и человеке невозможно было в одночасье преобразовать ни звучными агитационными призывами, ни многословной политической философией, ни популяризацией интеллигентского образа мысли. Способы мышления целого общественного класса можно было изменить лишь путем долгой планомерной работы по включению в систему воззрений этого класса новых знаний и нового мироотношения, которые должны встроиться в уже существующую систему представлений, производя *переориентацию имеющихся способов мышления без их ломки*. Таким образом коллективные воззрения *любого* общественного класса (а не только того, который лидеры-теоретики провозгласили «исторически прогрессивным») могли быть использованы ***на благо всего социального целого***: *авторитарное мышление* господствующей аристократии, хоть и не обращает внимания на интересы отдельной личности, но *обладает целостным восприятием организации людей*; *индивидуализм* буржуазии, деструктивный в своих крайних формах, *ценен для общества рационалистической организацией взаимодействия личностей*; наконец, *коллективизм* трудовых классов, хоть и сложился как вынужденная мера социальной самозащиты, *способен поднять общественное сотрудничество на качественно высший уровень*, потому что, как позже пояснил А.А. Богданов свой вывод, «в наши времена <…> подготовляется <…> ломка человеческих отношений, <…>. Но еще труднее и резче переход для человеческой души, еще острее должна выступить неуравновешенность и неустойчивость. Не в одной России, а повсюду статистика <…> иллюстрирует неуклонным движением цифр подавляющую суровость переходной эпохи. Мечется <…> полусознательная человеческая душа, <…> легко попадает на путь безумия, бесплодных мечтаний и бесцельного протеста. А старый мир, все более чувствуя свое безумие, вновь апеллирует к радикальным средствам <…> против того, что выше, и того, что ниже его самого, ищет прибежище в истреблении, массовом и индивидуальном <…>. Все это только симптомы великих перемен, идущих в глубине жизни, и перемен, захватывающих все ее главные области»[747]. Лучшие умы страны в это время ведут бесплодные дискуссии по умозрительным вопросам, а пропагандисты в работе с трудовыми массами по-прежнему продолжают привычно

[747] Богданов А.А. Время великих перемен // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 77–78.

указывать только объективные «линии развития» капитализма, которые должны были привести к социалистическому строю. Богданов уже в вологодской ссылке понял, что «все это не дает ответа на вопрос о реальной подготовке пролетариата к роли сознательного строителя нового общества»[748]. Если главной проблемой 1900-х годов не станет решение вопроса о приоритетной роли идеологии в социальной жизни, то, по мнению Александра Александровича, общество не сумеет понять, почему «в судорогах бьется старый мир», из-за чего так «лихорадочен его пульс и бредовые образы вплетаются в его сознание»[749].

3.2 Ключевая роль идеологии в богдановской системе партийно-организационной работы

Политическая обстановка в России побудила А.А. Богданова обратить внимание на ошибки заграничного руководства РСДРП, отождествлявшего в пропагандистской деятельности идеологию с психологией[750]. Психологию А.А. Богданов освоил профессионально, а историю идеологий изучал специально со всей присущей ему скрупулезностью, т.е. обладал знаниями, позволявшими отличать идеологию (то, что формирует мысли человека о себе и мире и позволяет взаимодействовать с окружением) от психологии (того, что характеризует переживания личности по поводу себя и окружающего мира). Столь объемного постижения разницы содержательного смысла этих понятий не имелось у других теоретиков политических движений в России. В этих областях науки их знания являли собой эклектическую смесь фрагментарно усвоенных идеологических и психологических представлений, поэтому мировоззренческая путаница возникала вследствие принципиального неразграничения означенных понятий. Поскольку Богданову было известно о стремлении вождей-эмигрантов к самообразованию, то он, лучше иных подготовленный по вопросам психологии и истории идеологий, искренне посчитал своим долгом разъяснить ошибочность смешения двух разных областей человеческого знания, и потому посвятил данной теме ряд работ, где писал: «…Явления психические, т.е. “психология”, имеются даже у низших животных: они “ощущают”, “вспо-

[748] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 321–322.

[749] Богданов А.А. Время великих перемен // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 78.

[750] См., напр.: Плеханов Г.В. Развитие монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Сочинения. В 30 т. Т. 7. М.: Госиздат, 1923. С. 64–326. В контексте этой работы термин «психология» систематически используется как синоним «идеологии».

минают", "страдают", "радуются" и т.д. Но это вовсе еще не "идеология"»[751], потому что идеология – это «средство организации общественных элементов», это их мышление, их сознание. Оно формируется у представителей целого класса или какой-либо другой – экономической, политической или профессиональной – группировки «как особое общее "самосознание", которое их сплачивает <…> для совместной защиты своих интересов и социального положения»[752]. А.А. Богданов еще в 1901 г. писал в «Познании с исторической точки зрения», а позже убеждал сотрудничавших с ним комитетчиков-практиков в том, что у любой личности «назначение психического аппарата заключается в том, чтобы непрерывно приспособлять организм к изменяющимся условиям его жизненной борьбы <...>. Чем в б***о***льшей мере вся психика принимает участие в выработке приспособления к новым условиям, тем в б***о***льшей мере возникает приспособление для *всей* психики. Напротив, когда лишь незначительная часть психического аппарата независимо от остальных создает новое приспособление, то это последнее легко может оказаться в жизненном противоречии с другими сложившимися приспособлениями; тогда устранение одних вредных влияний влечет за собой другие. Всякому из личного опыта известно, насколько несовершенные создаются обыкновенно приспособления, когда человек действует на основании немногих представившихся соображений, т.е. применяет в пластике лишь незначительную часть своего психического материала»[753].

Однако, как оказалось, одно дело, когда в ситуацию вмешиваются факторы, лишь частично влияющие на эволюционный путь развития преобразовательных процессов, и совсем другое дело, когда в конце XVIII в. человечество получило в дар от Французской революции «господство критики» в качестве всепроникающего принципа общественного бытия и сознания: «С тех пор критика была лозунгом всего прогрессивного в жизни и мышлении»[754]. Сам Богданов не раз обращался к критике, полагая, что только «под ее знаменем» должна проводиться «великая классовая борьба»[755]. «Воззвание тульской группы социал-демократов» (март 1902 г.), в написании которого он участвовал, в каждой строчке содержит критику порядков и ненависть к классовым врагам и самодержавию: «Товарищи, пользуйтесь теперешним временем. Наше правительство бьет тревогу и при-

---

[751] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 60–61.
[752] Там же.
[753] Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб.: Типография А. Лейферта, 1901. С. 100–101.
[754] Богданов А.А. Эмпириомонизм. М.: Республика, 2003. С. 5.
[755] Там же.

бегает к последним средствам, чтобы оставить за собой власть, обагренную кровью. Оно создает циркуляр за циркуляром, старается заткнуть все форточки, все щели, в которые может проникнуть свободная мысль. Правительство чувствует себя непрочным и хочет силой задавить поднимающееся со всех сторон возмущение. Негодование против царского правительства растет во всех слоях русского населения: все живое, мыслящее, все, что способно чувствовать гнет и ненавидеть произвол – рабочие, литераторы, студенты, – пробуждается, и близок тот момент, когда все недовольные восстанут, как один человек, и бурное пламя революции охватит всю Россию. Товарищи, пользуйтесь же временем, чтобы предъявить свои требования царскому правительству. Товарищи-безработные, выходите на улицу и требуйте себе хлеба и работы. Требуйте созыва выборных от народа»[756]. Это воззвание было написано в лучших традициях оппозиционных нелегалов. Однако буквально через год Богданов стал иначе оценивать роль критической риторики. К тому моменту скрупулезное изучение истории идеологий разных времен и народов в корне изменило его взгляд на характер и цели пропагандистской работы. К концу вологодской ссылки А.А. Богданов пришел к убеждению, что человечество в меняющихся условиях должно ставить перед собой задачу строительства нового мира – свободного от противоречий и принуждения, что потребует от людей формирования нового сознания. Поэтому они не должны удовлетворяться лишь критикой и протестами: иначе не получится создать новые формы общественной жизни[757].

О принципиальной бесперспективности эксцитативной тактики в деле формирования общественного сознания Богданов писал в цикле статей «Новый мир», акцентируя внимание на моментах, которые оказывают особое влияние на пропагандистский процесс ради преобразования мировоззрения масс.

В первую очередь, по мнению Александра Александровича, здесь следует говорить об участии в деле людей индивидуалистического мировоззрения, тормозящего развитие коллектива личностей, которые не умеют монистически мыслить, но стремятся к расширению познания. И все потому, что «воплощая в себе раздробленный, противоречивый опыт, индивидуалистическое сознание <…> становится жертвою “проклятых вопросов” <…> о зле жизни (наподобие “что делать?”, “кто виноват?” и т.д. – А.Л.). Безнадежность вопросов вытекает из того, что никакие ответы на них все равно не могут и не должны

[756] Цит. по: Искра. №20. 1902.

[757] См.: Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 38 ; Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 4.

удовлетворить индивидуалистического сознания. Все эти вопросы выражают муки разорванной жизни, – и пока она остается разорванной, никакой ответ не прекратит боли, потому что на боль вообще не может быть ответа. Здесь все бесполезно: даже когда развивающаяся критика докажет, что эти вопросы неверно поставлены, не имеют смысла, основаны на ложных посылках, – даже тогда индивидуалистическое сознание не перестает задавать их, потому что ***критика не в силах реально преобразовать это сознание***, не в силах превратить его из жизненной дроби в целое»[758].

Вторым важным моментом, тормозящим развитие коллективного сознания, являлось, по мнению А.А. Богданова, «громадное количественное различие опыта» людей, объединившихся в одно движение. В этом случае «мало пользы в объединяющем *понятии* там, где реальные различия преобладают над сходством, где нет психической связи и единства, достаточных для взаимного *понимания*»[759]. Поэтому то, что мир группового антагонизма и конкуренции разделен «перегородками», и в нем насаждается неравенство положения, воспринимается участниками взаимодействия как естественный порядок отношений. Однако ситуация сохранения неоднородности элементов общественного целого обречена на развитие дезорганизационных процессов. И напротив – фактором, объединяющим людей в одну организационную структуру, является стремление достичь принципиального равенства опыта как результата «широкого общения людей при полном равенстве их взаимного положения. Этим условиям соответствует только один тип отношений между людьми – отношения *товарищеские*»[760]. Они возникают, по твердому убеждению социал-демократа Богданова, «когда в опыте каждого имеется уменьшенное, но верное и гармоничное отражение опыта всех, когда в переживаниях другого никто не находит ничего принципиально недоступного и непонятного <…>. Тогда жизнь может свободно расширяться во всяком данном направлении, не уродуясь, не искажаясь, не делаясь болезненно-односторонней. К этому ведет собирание человека»[761].

Партийное руководство РСДРП, особенно заграничное, игнорировало вывод вице-лидера большевиков о том, что только общность опыта позволяет человеку понять других и быть п***о***нятым другими, что «область объективного *расширяется* с прогрессом общественного труда и познания»[762]. А это, по Богданову, означало, что новый «тип че-

---

[758] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 37 – 38.
[759] Там же. С. 46.
[760] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 44.
[761] Там же.
[762] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 44.

ловеческой жизни» как отражение чаяний общества не возникнет «сам собой», если вожди-идеологи, возглавив социал-демократов[763], узурпировали духовную власть над партийными массами, оставив обязательной для себя лишь одну функцию – блюстителей чистоты марксизма, той заимствованной у европейской социал-демократии «абсолютной истины», на которой, «во-1), <…> можно *успокоиться*. Это – остановка, отдых для отяжелевшей, отработавшей, состарившейся мысли. Во-2), если есть абсолютная истина, то обязательно должны быть и те, *которые решают*, какая истина абсолютна <…>, тот, кто отрицает ее, не просто заблуждающийся еретик, но и преступник: он подрывает признанную духовную власть, он мешает ей беспрепятственно руководить верными, он не дает им сделаться надежным стадом»[764].

Подобного рода борьба находит свое выражение в бесконечных полемических баталиях, но она не в состоянии устранить стихийность развития товарищеского сотрудничества в объединениях коллективных сил, которые бесплодно растрачиваются. Лишь «небольшая часть их идет прямо на то, чтобы сделать человека сильнее и совершеннее»[765]. Но главное, почти невозможно убедить в этом того, кто, возглавляя партию, «считает борьбу между людьми необходимым условием их развития», хотя на самом деле большинство лидеров-интеллигентов «просто обобщает свой узкий опыт, грубо перенося прошлое в будущее»[766]. Примерно та же основа «борьбизма» заложена и во всю эксцитативную критику антимонархического содержания. Такая пропаганда формирует не объемно-целостное миропонимание реальной жизни, а вызывает у огромного числа людей раздвоенность сознания – не только из-за того, что не все элементы критики находят прямое соответствие в жизненном опыте агитируемых, но еще и потому, что одно и то же событие или явление разные толкователи трактуют диаметрально противоположным образом, вводя взбудораженную общественность в состояние устойчивого когнитивного диссонанса. Поэтому именно на этом – *особом третьем – моменте* пропагандистской деятельности РСДРП Богданов многократно фиксировал внимание идеологов-руководителей партии. Дело в том, что любые кардинальные преобразования общественной жизни, не раз и не два встречавшиеся в истории России, все реформаторы

---

[763] Если буквально перевести включенные в название партии термины «социалист» и «демократ» с латинского и греческого языков на русский, то получится «союз равноправных товарищей из числа сторонников народовластия» – более чем красноречивое название.

[764] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 43.

[765] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 45.

[766] Там же.

обычно проводили по заимствованным, причем ***чужеродным, схемам, никак не связанным с самодовлеющей реальностью жизни народа.*** *Даже специальный термин для этого изобрели – «революция сверху». Суть явления не менялась в тех случаях, когда политики были уверены, будто они действуют по требованию народа.*

Что касается основной массы населения, то реформы «***сверху***» перечеркивали весь прежний строй ее жизни, обнуляя предыдущий опыт большинства населения и фактически ввергая сознание каждого в первобытное состояние, когда прежние знания и навыки общественного взаимодействия уже потеряли смысл, а новые еще не были приобретены. Это становилось катастрофой для огромного числа людей, ощущавших свою беспомощность в самостоятельном выборе необходимых действий. Поскольку предотвратить разрушение привычной гармонии жизни можно было только путем избегания необратимых рискованных решений, то взрослый трудоспособный человек уподоблялся ребенку-несмышленышу, чья психология подчинена инстинкту сохранения укоренившихся норм как способу выживания в изменчивом мире. Это подтверждалось появлением проблемы «отцов и детей», показательной тем, что реформаторы обычно начинали свою агитацию с поругания предыдущей эпохи, разделяя таким способом население на два лагеря – старших, держащихся за прежний опыт, и молодежь, обученную жить «по-новому». Чтобы отстоять и восстановить прежнюю гармонию, инстинкт взрослого человека в условиях реформирования жизни переходил «в новую форму – в стремление *положить границы* нарушению сложившейся гармонии. Здесь и лежит исходная точка образования принудительных норм <…>: “новое” допускалось, но до известного предела, за которым начиналось подавление. Воплощением компромисса была *норма обычая*: “это можно, а этого нельзя”»[767]. Возникшая коллизия вынуждала реформаторов беспомощно топтаться на месте, сетуя на политическую невосприимчивость интеллектуально «еще не затронутой пролетарской целины»[768]. Руководство РСДРП, попавшее в такое же положение, даже не пыталось вникнуть в то, что в объективном мире дело объединения людей, собирания их в единое коллективное целое для участия в труде и преобразовательных процессах «осуществляется <...> не схоластической болтовней, а самой жизнью»[769], поскольку в реальности функционируют четко обозначенные механизмы общественного взаимодействия, проверенные многовековой практикой. На просвещенный взгляд, они примитивны, но в действительности – они глубоко целесообразны и результа-

[767] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 49.
[768] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 68.
[769] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 40.

тивны благодаря поэтапности реализации поставленных задач. «Перешагнуть» через эти механизмы или проигнорировать их вовсе – значит загубить дело в самом начале, когда потребность развития, стремление к переменам толкает людей к общению, которое чаще всего и продуктивнее всего возникает на почве общности опыта. На первых порах именно «общности опыта достаточно для взаимного понимания при общении», расширяющем индивидуальный опыт[770]. На этой почве создаются «различные новые формы и комбинации собирания людей – экономические, политические, идейные союзы; партии, доктрины. Одни из них оказываются более жизнеспособными, другие менее; одни развиваются, другие распадаются. Но в конечном счете, прямо или косвенно, все они служат делу собирания человека»[771] – делу систематизации коллективного опыта, доступного психике отдельной личности и перешедшего в ее наличный запас познания окружающего мира.

Речь здесь «идет о возрастающей общности *основного содержания* опыта, а не бесчисленных частных переживаний, о возможности *полного взаимного понимания* людей, а не об их психическом тождестве; о способности каждого во всякое время *овладеть* какой угодно частью опыта других людей, а не о фактическом обладании всем этим опытом»[772]. Все рушится, если людям предлагается *объединяющее понятие*, а в их коллективном опыте нет соответствующих представлений для адекватного восприятия новой идеи: ведь недаром жизненное правило гласит, что все познается в сравнении. Когда в сознании людей несходство преобладает над сходством, то и не возникает «психической связи и единства, достаточных для взаимного *понимания*»[773], и в этом случае нововведение не становится элементом того дифференцированного целого, которое принято называть коллективным опытом. Дело здесь не в мышлении как способности рассуждать – *дело в культуре мышления людей*: «...при громадном количественном различии опыта и при коренном несходстве самого типа жизни представитель одной фазы развития человечества не в силах даже понять представителя другой фазы, не в силах конкретно вообразить его психическую жизнь; исследуя ее, он может только абстрактно характеризовать ее основные черты»[774]. Однако взаимодействие в одном общественном целом людей неоднородного развития обернется, по мысли Богданова, тотальной *неорганизованностью*, которая привнесет в жизнь организации «непроизводительную растрату ее сил, антагонизм ее форм,

---

[770] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 41.
[771] Там же. С. 41 – 42.
[772] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 43.
[773] Там же. С. 46.
[774] Там же.

противоречивость ее проявлений»[775]. Причем «очень часто бывает даже так, что растрата перевешивает рост жизни, развитие переходит в деградацию, “шаг вперед” влечет за собою “два шага назад”. Болезни роста приводят иногда к глубокому и длительному истощению молодой, тонкой организации, а то и к полному ее крушению»[776].

Причин, по мнению Богданова, несколько. *Первая* – и главная – состоит именно в столкновении особенностей «высшей» и «низшей» форм развития: «высокоразвитое» сознание отличается гибкостью и пластичностью реакций на общественные перемены, тогда как его антиподу присуща устойчивость, подобная «прочности камня» и гарантирующая от слишком быстрого разрушения привычных норм под воздействием «умеренно сильных вредных влияний»[777], что объективно спасает мало развитую личность от ценностно-целевой дезориентации и конфликта с непосредственным социальным окружением. *Вторая* связана с тем, что «новая идея, возникшая в голове отдельной личности, имеет все шансы встретить гораздо больше сопротивлений и противодействий в сфере сложной, широко расчлененной идеологической жизни общества, чем в узкой и небогатой идейной жизни ближайшего к автору кружка»[778]. Очевидно, именно эта особенность находила свое выражение в тяге лидеров российской оппозиции к полемическим баталиям на собраниях, съездах, в печати. В качестве *третьей* причины Богданов указал гипертрофированное влияние «высшей» культуры мышления на характер взаимодействия внутри организованного коллектива. Нежелание группы, занявшей привилегированное положение, считаться с мнением остальных порождает «условия, обостряющие дисгармонию стихийного развития»[779].

По выводам Александра Александровича, во всех трех случаях «противоречия должны все более возрастать»[780], особенно в период, когда в организациях, избравших своей целью добровольное участие в деле подготовки крупномасштабных социальных преобразований, «возникает потребность в иных нормах, соответствующих новому типу движения жизни. Эти новые нормы, очевидно, должны быть свободны и от принудительности, и от консерватизма прежних. Таковы нормы *целесообразности*»[781]. Они полезны, в первую очередь, тем, что не имеют ничего общего с «императивностью». Они «никого ни к чему не принуждают, а только

---

[775] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 51.
[776] Там же. С. 57.
[777] Там же.
[778] Там же.
[779] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 58.
[780] Там же. С. 58.

указывают наилучшие способы к достижению той или иной *данной* цели. Они говорят: если ты хочешь достигнуть того-то, ты должен действовать так-то, – императив условный, гипотетический <...>. Нормы целесообразности предоставляют выбор целей самому человеку: <...> если ты хочешь достигнуть такой-то конечной цели, то сначала должен поставить себе такие-то ближайшие цели, а от них перейти к таким-то последующим, и т.д. Очевидно, и здесь указание имеет тот же условный характер: это выяснение необходимых средств, которые временно играют роль целей»[782]. *Процесс любого обучения опирается исключительно на нормы целесообразности:* других способов сознательного усвоения нового опыта человечество за всю свою историю не разработало.

В связи с этим А.А. Богданов в работе «Новый мир» пытался обратить внимание вождей общественных движений на особую роль в этом деле организаторов-лидеров. Она не только велика и ответственна, но еще и напрямую зависит от пропагандистско-организаторских способностей зовущего за собой. Характерной особенностью лидера должно являться высокоорганизованное мышление, «в котором новое явление, новая идея может вызвать созвучные изменения и даже преобразования во всех областях мировоззрения»[783]. Поэтому тот, кто берется за организацию трансформационных процессов, обязан понимать, что «организовать жизнь – это <...> означает стройно ее регулировать, гармонически приспособлять одни ее проявления к другим», создавать «систему норм целесообразности *высшего порядка*, норм, нормирующих нормы, подчиняющих себе применение всяких практических правил. <...> Когда политик вырабатывает программу действий для данного исторического момента и данной общественной группы, опираясь на определенную социально-философскую теорию и на анализ соотношения общественных сил, он также создает непосредственно-практические нормы целесообразности, опираясь на нормы научные. В конечном счете, всякое научное познание представляет из себя творчество норм целесообразности для практической деятельности людей»[784]. Пока лидеры политических партий не осозн***а***ют, что организация новых форм общественной жизни достигается *не игрой мышления*[785], а исключительно внедрением в практику тех норм целесообразности, которые «должны отнять у принудительных норм господство над соци-

---

[781] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 61.
[782] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 61 – 62.
[783] Там же. С. 59.
[784] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 54, 63.
[785] Там же. С. 62.

альной жизнью»[786], они не смогут понять, почему деятельность всей российской оппозиции была провальной, в том числе в период русско-японской войны. Конечно, по цензурным соображениям Богданов не мог даже упоминать об этих событиях. Но, сославшись на Французскую революцию, он продемонстрировал *силу организованного и слабость стихийного воздействия* на ход исторических событий. «Когда в столкновении двух армий солдат одной из них объединяет и ведет на бой принудительная сила долга, служебного и морального, а солдат другой – живое, непосредственное сознание общей цели в виде любви к родине, как было в борьбе отсталой Европы против великой французской революции, – тогда мы знаем, которая из двух оказалась на деле организованнее и героичнее»[787], – писал А.А. Богданов в «Новом мире», стараясь убедить читателей в том, что стихийность процессов – не столь безобидное явление, если цена ему – тысячи жертв. К слову сказать, вооруженные силы Российской империи в войне с Японией терпели одно поражение за другим, пока бои велись на море – территории «чужой», где сознание коллективной цели проявлялось у участников сражений слабо; но тот же русский солдат, не имея организованного влияния со стороны, сам, опираясь на свое собственное разумение, сумел объединить свои усилия с другими и, как сказал бы в подобной ситуации А.А. Богданов, «сознавая себя интегральной частью великого целого»[788], стоял насмерть в борьбе за неприкосновенность границ России. Здесь нормой целесообразности послужила верность традиции – та устойчивость, которая подобна «прочности камня».

Для Богданова-теоретика вопрос организованности общественных явлений вышел на передний план, а до начала войны с Японией эта тема не имела столь жесткой акцентуации. К тому же вожди РСДРП вплоть до 1904 г. смотрели на Александра Александровича «как на союзника в борьбе с ревизионизмом, но союзника ошибающегося», «уклонение» которого в то время считалось «отнюдь не отчаянно большим»[789]. Тогда казалось, что достаточно «распропагандировать» его, и он свернет со своего «архиневерного» пути. Однако сборник статей Богданова «Новый мир» явился откровенным вызовом всему заграничному идеологическому крылу РСДРП – вызовом настораживающим, поскольку «своими писаниями» Богданов приоткрыл секрет полишинеля: лидеры пролетарского

---

[786] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 63.

[787] Там же. С. 72.

[788] Там же.

[789] Ленин В.И. Письмо М. Горькому. 25 фев. 1908 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 142, 141. В этом письме Ленин вспоминает события 1903 – 1904 гг., в результате которых началось его сотрудничество с Богдановым.

движения действительно крайне возгордились тем, что оппозицию царизму они уже создали, но так до конца и не поняли, что организовать ее деятельность они не смогли. Особенно наглядно отсутствие организации проявлялось в регионах, где комитетчики-практики руководствовались методами меньшевистских лидеров: там готовые к действию силы не знали, как и с чего начинать свою революционную деятельность. Приученные жизненной практикой к подчинению, революционные массы этих регионов ждали команды, рекомендаций, а в ответ из газет не получали ничего определенного. К тому же сбивала с толку разноголосица внутри лидерских группировок: социал-демократическая журналистика превратилась в какое-то гнусное поле для личной перебранки – одни травили других своих соратников по партии за «оттенки» во взглядах, и травля эта была столь велика, что за нею забывались проблемы России.

В это же время в лидерской группе фракции большевиков сложился устойчивый триумвират – «символическая тройка – Л(енин), К(расин) Б(огданов)»[790], о которых западные исследователи говорили впоследствии: «Это были те three who made a Revolution – “ трое, которые делали революцию”»[791], а Богданов в своей записной книжке определял их – «нормист, технист, коллективист»[792]. Они имели огромное влияние на пролетарское движении, потому что каждый из них занимался тем делом, которое лучше всего знал и умел.

У «нормиста» Ленина в центре всей его деятельности стояла идея власти, разработка предписаний и уставных нормативов. Владимир Ильич большое значение придавал борьбе за внедрение партийной идеологии на основе марксистской теории, но сугубо в собственной – ленинской – трактовке[793]. Многим казалось: он стремился во что бы то ни стало «поставить под свой контроль центральный партийный орган <…>, единолично доминировать в ЦК»[794], поэтому, добиваясь своих целей, сознательно шел на обострение отношений с конкурентами. Немалую роль играл здесь, конечно, и характер. В письме С.И. Гусеву Ленин писал: «Люблю я, когда люди ругаются – значит, знают, что делают, и линию имеют»[795]. Считалось, что изгнанный из редакции «Искры», которую он сам же и создал, критикуемый и сподвижниками, и оппонентами-меньшевиками, и авторитетными социал-демократами

---

[790] Богданов А.А. Записная книжка // РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 21 об.
[791] Wolf B.D. Three Who Made a Revolution. Boston: Random House, 1960. 385 p.
[792] Богданов А.А. Записная книжка // РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 21 об.
[793] О’Коннор Т.Э Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. М.: Наука, 1993. С. 57.
[794] Там же.
[795] Ленин В.И. Письмо С.И. Гусеву. 11 марта 1905 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.:

Запада, Ленин умел терпеливо дождаться своего часа для контрудара и всякий раз шаг за шагом возвращал потерянные позиции. А еще он, будучи реалистом, раньше большинства своих соратников и оппонентов улавливал новые политические тенденции и быстрее других реагировал на изменившуюся ситуацию, чем стяжал себе славу мудрого дальновидного вождя. Кроме того, Ленин имел репутацию твердокаменного, несгибаемого лидера[796]. Это соответствовало истине и играло накануне революции положительную роль для движения в целом: так как весь критический запал лидеров-меньшевиков тратился фактически на одного Ленина, то силы руководителей-практиков не отвлекались на заграничные склоки и расходовались более целесообразно и продуктивно, чем это было бы при наличии внутрипартийных полемических баталий тотального характера, а Ленин даже в одиночку умел «держать удар», как никто другой.

«Технист» Л.Б. Красин был вовлечен в социал-демократическое движение, когда как инженер занимался электрификацией нефтяных промыслов на юге России. Его служебные и подпольные связи позволяли заниматься транспортировкой «Искры» через Иран и Батуми, а также участвовать в создании в 1901 г. бакинской нелегальной типографии «Нина», которая печатала для социал-демократических организаций Закавказья листовки, брошюры, труды Маркса, Энгельса, работы авторитетных лидеров РСДРП. После II съезда Красин вошел в ЦК в качестве казначея партии и технического руководителя в деле подготовки революционных масс к свержению царизма, причем он был уверен, что для победы над правительством допустимы «любые средства»[797]. Как член ЦК, Леонид Борисович был частым гостем социал-демократических организаций в самой России, где самолично подбирал кадры для централизованного технического партаппарата, создавал подпольные типографии, обеспечивал финансирование, транспортировку и распределение нелегальной литературы, занимался переправкой членов партии за границу и обратно[798].

Словом, Красин руководил материально-технической организацией революционной работы, готовил боевые группы, способные в том числе и к участию в вооруженном столкновении с царизмом. «Авторитет Красина среди большевиков был завоеван сопряженной с большим риском деятельностью в условиях революционного подполья – опыт, по сути неведомый эмигранту Ленину. Благоразумно отдавая должное способно-

---

Политиздат, 1970. С. 19.

[796] О'Коннор Т.Э Инженер революции. С. 57.

[797] Там же.

[798] Красин Леонид Борисович (краткая биография) // Большая Советская энциклопедия. Т. 13. М.: Сов. Энциклопедия, 1973. С. 324.

стям Красина, Ленин, несмотря на политические разногласия, скорее всего, уважал его. Леонид Борисович был исключением среди большевиков, вступивших в партию до 1917 г., в том смысле, что совмещал с революционной профессиональную деятельность инженера. Литературная интеллигенция – журналисты, публицисты и полемисты – писали о революции, а Красин ее готовил»[799]. Отношения у Красина с Лениным складывались очень сложно: «Оба обладали огромной волей, мужеством, жаждали победы, оба были уверены в собственной правоте – они не могли подчиняться друг другу <…> Красин даже больше, чем Богданов и другие видные большевики, мешал Ленину играть главную роль в партии в конце 1903 года и в 1904 году»[800].

«Коллективист» А.А. Богданов явился тем лидером, в задачи которого входила сложная теоретическая и практическая работа с массами, требующая таких специфических личностных качеств, как интеллигентность, внимание, способность совместить организаторскую и исполнительскую точки зрения «в одной непосредственно-цельной деятельности»[801]. Александр Александрович придавал особое значение вопросам *товарищеского* сотрудничества, которое позволяло ему самому чувствовать себя среди единомышленников Рядовым. В этом не было ни принижения, ни ложной скромности. Его сподвижники в России на долгие годы, даже после чудовищной травли, затеянной вождями обеих фракций РСДРП против него, оставались верными сторонниками «богдановского большевизма», ибо только Богданов представлялся им живым воплощением общей цели[802]. Российские практики-большевики обоснованно признавали его своим главным лидером, потому что никто другой не сделал столько для строительства РСДРП с момента ее создания до начала первой русской революции 1905 – 1907 гг., сколько трудился на этом поприще Александр Александрович Богданов. Его учебник по марксизму, а также книги по вопросам общего мировоззрения, работа по подготовке партийных кадров, созданная им система сотрудничества революционеров, базировавшегося на эффективном разделении труда и взаимозаменяемости, разработанные им методы нелегальной пропагандистской деятельности, его статьи, ставшие идеологическим руководством для практиков-агитаторов, – все

---

[799] О'Коннор Т.Э Инженер революции. С. 57.

[800] Там же.

[801] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 40.

[802] См.: Логинов В.Т. Ленинская «Правда» 1912 – 1914 гг. М.: Политиздат, 1972. С. 64 ; Сафаров Г. Наша питерская организация перед выборами в IV Думу // Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911 – 1914). Вып. 3. М.-Пг.: Госиздат, 1923. С. 127.

это и многое-многое другое, что Богданов называл «многолетней будничной работой»[803], служило просветительству рабочих и делу беспрецедентного расширения социал-демократического движения в России.

Для лидеров обеих фракций РСДРП стало очевидным то, что идеи Богданова по эффективности воздействия на рядовых участников движения несравнимы ни с чьим влиянием в партии. Чем были привлекательны воззрения этого «архитуманного» теоретика, заграничные вожди понять не могли, но факт оставался фактом и пугал их непредсказуемостью последствий. В начале XX в. еще не было известно, что пропаганда обладает кумулятивным эффектом: многократно повторенная и разнообразно оформленная мысль глубже усваивается целевой аудиторией; причем надежнее всего этот эффект достигается, когда человек даже не подозревает, что его вообще за что-то агитируют и на что-то пропагандируют – например, когда он получает агитационно-пропагандистские материалы под видом учебной информации, интересных научных фактов или развлекательно-культурных мероприятий. *Именно эту закономерность Александр Александрович обнаружил как практик еще во время своей нелегальной работы в тульских рабочих кружках, и именно ее последовательное использование послужило основой успеха богдановской агитации.* Особое значение в данном случае имела ***конструктивная направленность агитационного воздействия***, жестко связанного с общезначимыми мировоззренческими ценностями большинства населения: только интегрируясь с четко осознаваемыми жизненными потребностями людей и предлагая конкретные эмпирически реализуемые способы решения имеющихся проблем, новое знание получает возможность на долгое время закрепиться в идеологии и практике общества.

К сожалению, на эту закономерность так и не обратили внимания остальные вожди РСДРП, пребывавшие в искренней уверенности, что «правильная» пропаганда должна открытым текстом призывать к борьбе и активно пробуждать массовое недовольство, которое ***сразу*** превращается в политические действия. То, что в результате подобной пропаганды возникает не объединение единомышленников, а всего лишь аморфная, слабо организованная и практически не управляемая толпа, способная только на кратковременные деструктивные действия, нимало не смущало лидеров-заграничников – более того, они были убеждены, что ***это и есть подготовка революции***. Немалую роль в формировании таких искаженных представлений сыграл популярный в интеллигентных кругах Европы и России XIX века миф о том, что Великая Французская революция на-

[803] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. .: Госполитиз-

чалась со штурма Бастилии толпами парижской бедноты, недовольной правлением Людовика XVI. Приверженцы этого мифа благополучно забыли о реальных исторических фактах, которые недвусмысленно свидетельствовали: настоящие революционные события, поставившие абсолютизм Людовика XVI вне закона, происходили вовсе не 14 июля 1789 г. на площади перед тюрьмой, а с 4 по 26 августа в Национальном собрании Франции, отменившем феодальные привилегии и утвердившем Декларацию прав человека и гражданина – документ, который полностью изменил государственное устройство и политическую систему страны. А штурм Бастилии был всего лишь предсказуемой реакцией городской бедноты (санкюлотов) на общее снижение уровня жизни и не сопровождался сколько-нибудь значительными политическими требованиями. *Именно то, что французская революция осуществлялась не на площадях под рев толпы и гром выстрелов, а в тиши кабинетов и под скрип перьев, было к началу XX века прочно забыто лидерами оппозиционных движений*. Забыли оппозиционные мыслители и о том, что мировоззрение авторов Декларации *в течение нескольких десятилетий* формировали идеологи Просвещения, причем наибольшее влияние на умы оказывали не блестящий полемист Вольтер и не темпераментный защитник «естественных прав» Ж.-Ж. Руссо (хотя из всей плеяды просветителей, пожалуй, только эти двое привлекали к себе наибольшее внимание), а скромные практики-энциклопедисты, методично включавшие в свой «Всеобщий словарь наук, искусств и ремесел», наряду с интересными познавательными фактами и прикладной научно-технической информацией, развернутые описания собственных политических идеалов, в соответствии с которыми государство не имело прав и оснований быть инструментом единоличной власти и средством обогащения небольшой привилегированной группы. ***За осуществление подобной неброской, но крайне результативной подготовительной деятельности по формированию нового общественного мировоззрения взялся в России Александр Богданов***.

Ленин со своей способностью интуитивно предугадывать веяния времени сразу же оценил то, что теории вице-лидера большевиков и впредь будут находить много последователей, поскольку идеи Богданова объективно являлись революционными, причем не только в политическом, но и в практически-мировоззренческом смысле. Предложенный им тип организации оказался прогрессивнее традиционного: равноправные товарищеские отношения, положенные в основу внутреннего взаимодействия, сводили на нет многие негативные ас-

---

дат, 1954. С. 177.

пекты прежнего объединения. В структуре, организованной по-новому, не находилось места иерархическому «господству-подчинению» между комитетчиками-практиками и рядовым составом, конкурентная борьба пресекалась методами объективно-конструктивной товарищеской критики по конкретным поводам, исключалась запоздалая реакция на события из-за затягивания с принятием решений, и т.п. Социал-демократы, утомленные распрями с редколлегией «Искры», с энтузиазмом поддерживали идею той организации, которая, действуя в России, оказалась раскрепощеннее, терпимее к оппонентам, мобильнее и продуктивнее прежней. Пролетариям импонировал также и новый тип пропагандиста-агитатора – человека широкого кругозора, монистически мыслящего, социально активного, преданного делу. Многим этот тип виделся именно в Богданове, и даже само понятие «большевизм» в их сознании ассоциировалось с этим политиком-ученым, взаимодействие с которым «выпрямляло» людей, философия которого гармонизировала личность, давала «ощущение связи с миром», возвращая «человека на его место – в центр процесса жизни»[804]. *В.И. Ленин осознавал цену этого* ***качественного показателя*** *привлекательности монистических воззрений Александра Александровича*.

Элементарное обращение к статистике усиливало впечатление справедливости этой оценки: если в первые годы, начиная с 1894 г., число сторонников Маркса и социал-демократической программы, по словам самого Ленина, «измерялось десятками», а в период до II съезда появились в разных промышленных городах «кружки», насчитывавшие сотни человек, то с 1903 по 1905 г., когда Плеханов и Ленин были в эмиграции и формированием пролетарской партии занимался именно Богданов со своими товарищами-коллективистами, партия за неполных 3 года выросла более чем до пятидесяти тысяч человек. *Это был самый убедительный* ***количественный показатель*** популярности «богдановского» большевизма. Ни одна политическая партия, стремясь «овладеть массами» в России, не добивалась столь впечатляющего результата.

Уверенность В.И. Ленина крепла день ото дня: Богданов не просто полезен – он архинеобходим для фракции как человек, умеющий придавать мировоззрению людей *нужное направление*, способный на этой почве вовлекать их в пролетарское движение, организационно упорядочив массовую подпольную деятельность всей фракции. Если учесть, что Ленин после раскола РСДРП систематически попадал в зависимость от страха перед дилеммой «Быть или не быть реально функционирующей большевистской ор-

[804] М. Горький. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Камене-

ганизации?», то можно понять, почему он несказанно обрадовался такой кадровой находке, как Богданов, – пусть и «ошибающийся» в чем-то, зато несомненно полезный в качестве опытного и успешного пропагандиста-практика.

Ленин, обладавший способностью «намечать основную линию большой политики и последовательно вести ее сквозь сложный переплет всевозможных запутанных отношений»[805], не имел многих свойств Богданова и Красина. Мысль о «триумвирате» родилась сама собой, настолько естественным образом, что не требовала ни обсуждения, ни озвучивания. Просто возникло понимание, что для организации пропагандистской работы во фракции большевиков наилучшим образом подходила личность с психологией Александра Александровича, который умел вникнуть в проблемы простонародья, потому что «всегда был гуманистом до мозга костей»[806]. Ему безоговорочно доверяли вследствие того, что в беседах с людьми, когда глаза в глаза и взгляд не отведешь и не слукавишь, потрясающая искренность, открытость, непоколебимая убежденность этого человека действовали эффективнее газетных статей и съездовских речей лидеров-теоретиков, живших за границей и слывших глубокими знатоками во всем, что касалось современной жизни: слушать собеседников и говорить с ними так, как это делал Богданов, не умел никто.

Л.Б. Красин был примечателен другими качествами. «Он обладал весьма живым, оригинальным и гибким умом, умел давать остроумные формулировки и создавать хитроумные комбинации, сыпал меткими определениями, которые прилипали к людям и событиям. Своими огромными связями в мире ученых, писателей и артистов, среди технической интеллигенции, даже в торгово-промышленных кругах, большевики эпохи первой русской революции были обязаны прежде всего и больше всего Красину, который умел импонировать в любом обществе – от Саввы Морозова до Веры Комиссаржевской, а исключительный его организаторский талант позволял ему на ходу закреплять новые знакомства, включая каждое из них на надлежащее место в широко разветвленной, но прочно слаженной организационной сети. Конечно, это была сеть почти исключительно технического аппарата партии. В политическом и даже организационном строительстве Красин участия принимал мало. Как он сам признает в своей автобиографии, эта работа его не привлекала. Но для подпольной организации технический аппарат имел огромное

вым, Короленко. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 5. М. : Наследие, 1998. С. 38–41.

[805] В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. // Вопросы истории. М., 2010. №6. С. 31.

[806] Там же. С. 30.

значение; и в результате усилий главным образом Красина большевики в этой области превосходили все остальные организации революционного подполья той эпохи»[807]. Помимо этого, Красин занимался подготовкой боевиков и обеспечением финансирования большевистской фракции, практически всех ее подразделений – от центральной власти до мелких провинциальных организаций[808].

В.И. Ленин торжествовал, питая иллюзии насчет мощнейшей «коллегии трех» во главе большевистской фракции. Владимиру Ильичу казалось, что его выбор – это наилучший вариант для укрепления позиций большевиков в социал-демократическом движении. При четкой координации усилий трех лидеров *в одном общем направлении* все могло получиться идеально: «нормист» знал, *что* делать, и «дирижировал» сподвижниками (а Ленин с его быстрой реакцией на происходящие события чувствовал себя способным даже из-за границы оперативно указать, что именно следует делать); «технист» решал, *как* обеспечить то, чего требовал «нормист» (и Красин, действительно, не подводил, изыскивая возможности и средства для выполнения того, на что ориентировал Ленин), а «коллективист» пояснял нелегалам-практикам, *для чего* и *каким образом* нужно выполнять запланированное «нормистом» и обеспеченное «технистом». Поскольку А.А. Богданов был теснее всех связан с самой партией, то ему и предстояло в непосредственном общении с пролетарскими массами делать именно то, что предписал Ленин, и только теми средствами, которые обеспечил Красин. Александр Александрович уже доказал, что он и есть тот новый тип партийного руководителя, которому уровень интеллектуальной подготовки и личностные качества позволяли успешно совмещать «организаторскую и исполнительскую точку зрения в одной непосредственно-цельной деятельности»[809]. Коллегиальный принцип взаимодействия трех лидеров, возглавивших фракцию, успешно срабатывал, пока вопрос касался основных целей и задач социал-демократического движения. Но на возникавшие по ходу дела спорные или непредвиденные ситуации каждый из этой тройки реагировал, ориентируясь на собственный богатый опыт в соответствии со своим характером и индивидуальными представлениями, все же стараясь при этом максимально соблюсти принцип общности интересов.

Однако первым нарушителем паритетного сотрудничества оказался сам

---

[807] В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. // Вопросы истории. М., 2010. №6. С. 31 – 32.

[808] В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. // Вопросы истории. М., 2010. №6. С. 32.

[809] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 40.

В.И. Ленин. Хотя его политические недруги стремились воспользоваться этим обстоятельством для доказательства того, что вождь большевиков всегда стремился стать безраздельным хозяином в партии[810], тем не менее факты говорят не об авторитарности, а об особенностях нетерпеливого характера Владимира Ильича, доводившего его до назойливой бесцеремонности и назидательности. Причина, вероятнее всего, крылась в том, что российский закон о каторге побуждал Богданова и Красина проявлять сверхосторожность в условиях подполья, и это сформировало у них привычку ориентироваться на обстоятельства и собственную смекалку, а также держать в тайне подробности планируемых и выполняемых действий: ведь в случае перехвата информации под удар попадали не только «коллективист» и «технист», но и подчинявшиеся им люди – надежные и проверенные, а потому до крайности немногочисленные, – и в перспективе это в условиях подполья могло привести только к полной остановке революционной работы в России. Что касается В.И. Ленина, то в эмиграции он был освобожден от соблюдения жесткой конспирации, и карательные законы ему не угрожали. Зато он не умел терпеливо дожидаться подпольных вестей от соратников из России. Вот и донимал их своими рекомендациями и претензиями, доводя себя до кризисного нервного истощения и восстанавливая против себя даже самых близких соратников. Он мог написать, например, такое: «Если хотите работать вместе, то надо идти в ногу и сговариваться, действовать по сговору (а не вопреки сговора и не без сговора), а это прямо позор и безобразие: <...> занялись черт знает какими говенными делами <...>. Мы будем достойны того, чтобы нам все плюнули в рожу»[811]. Подобной бесцеремонности с соратниками никто другой в РСДРП до сих пор не позволял себе в открытую. Но служила ли она демонстрацией безудержной амбициозности авторитарной личности?

Пожалуй, только Богданов понимал, что «вождизм» здесь не при чем: властолюбец не стал бы обещать«бросить все дело», «махнув рукой». Просто дали о себе знать регулярные гонения на Ленина со стороны плехановцев, мартовцев, отлучение от дела, которому он посвятил многие годы, вложил в него почти все семейные средства, а также трагедия семьи, связанная с казнью брата, исключение из университета, сломанная карьера способного человека, ссылка, жизнь в эмиграции, где «под давлением обстоятельств ему прихо-

---

[810] См., напр.: В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. // Вопросы истории. М., 2010. №7. С. 3–4.

[811] Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову, Р.С. Землячке, М.М. Литвинову. 3 дек. 1904 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 415.

дилось выбиваться из начертанной колеи», хотя «его идеалом было точное расписание дня – время сна, работы, еды, отдыха, прогулок»[812]. Это был типичный кабинетный ученый, который волею судьбы оказался участником бурных событий и «страдальчески чувствовал»[813], как рушится привычная жизнь и рвутся связи с людьми, в которых он еще вчера видел своих единомышленников. «Быть целый день на людях, часами и часами говорить с ними, как это делал <...> Мартов, было выше его сил. Он без насмешки, серьезно, с каким-то ужасом говорил: “Мартов может одновременно писать, курить, есть и не переставать разговаривать хотя бы с десятком людей”. В первые годы эмиграции Ленин так уставал от разных деловых и неделовых разговоров, что делался от них совершенно больным и неработоспособным»[814]. Хотя люди «для него были и нужны, и интересны, но *он и в них хотел внести порядок*»[815] (курсив мой – А.Л.), поэтому чрезмерно раздражался как по поводу излишних, особенно бестолковых визитов, так и тогда, когда о нем «забывали». «Право же, – возмущался он в подобных случаях, – нельзя же так вести дел! <...> Разве позволительно так относиться к члену коллегии?? Подумайте, в какое положение вы меня ставите!»[816]

Партийный раскол после II съезда Владимир Ильич переживал крайне болезненно в самом прямом смысле этого слова. А когда Плеханов вероломно «вышиб»[817] его из редакции «Искры», он несколько месяцев был сам не свой и держался из последних сил – столь тяжелым оказался этот удар. Однако даже и тогда Ленин избегал врачей, хотя задуматься было над чем. Все «драки» с оппонентами, непредвиденные осложнения в работе фракции и многое-многое другое подтачивало – медленно, но беспощадно – его нервную систему, пока Владимир Ильич не оказался лицом к лицу с тяжелой нервной болезнью, которая поначалу проявилась «воспалением – по позднейшему определению докторов – кончиков грудных и спинных нервов, и [Ленин] покрылся сыпью. “Нам и в голову не приходило обратиться к английскому врачу, – рассказывает Крупская, – ибо платить надо было гинею” (а супруги в эмиграции жили весьма экономно – А.Л.). И, ничтоже сумняшеся, она сама взялась за лечение: заглянув в медицинский справочник и решив, что у Ленина стригущий лишай, она густо вымазала его йодом. “Дор***о***гой в Женеву Владимир

---

[812] Валентинов Н.В. Малознакомый Ленин. СПб.: «Мансарда», «Смарт», 1991. С. 42.
[813] Там же.
[814] Валентинов Н.В. Малознакомый Ленин. С. 42
[815] Там же.
[816] Ленин В.И. Письмо ЦК РСДРП. 14 авг. 1905 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 55.
[817] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 150.

Ильич метался, а по приезду туда свалился и пролежал две недели”»[818]. Самолечение ситуацию не просто усугубило, а загнало болезнь вовнутрь, тем более что Владимир Ильич к врачам-специалистам относился с большим предубеждением и продолжал обходиться без квалифицированной медицинской помощи.

Положение Ленина, который срочно и безоговорочно нуждался в лечении, покое и заботливом внимании со стороны окружавших его людей, сразу же оценил Богданов, получивший богатейшую практику как профессионал-психоневролог в период вологодской ссылки в Кувшиновской лечебнице: основной контингент его пациентов состоял из тех, кто страдал истощением нервной системы, уже перешедшем в патологию с огрублением личности. У Владимира Ильича патологический процесс был в самом начале своего развития, и нечастые срывы можно было свести на нет. Однако отказ от лечения и то, что даже самое близкое окружение Ленина оказалось на редкость нечутким, могло впредь обернуться недоброкачественной динамикой заболевания. Близкие люди должны были бы заметить, что он – как будто вскользь, словно о чем-то несущественном – писал еще в 1900 г. тем, кого считал своими единомышленниками: «Здоровы мы оба вполне, но *нервы развинтились препорядочно*»[819]; «Простите, что не отвечал Вам в письме Байновой: *помешало нездоровье*»[820]; «Простите за краткость – *устал очень*»[821], и т.д. (курсив везде мой – А.Л.). Но события после II съезда РСДРП сказались на характере Владимира Ильича самым пагубным образом: деликатного и внимательного Ленина как будто подменили. Раньше он так писал: «Дорогой П[авел] Б[орисович]! Простите, что побеспокоил Вас зря телеграммой. Не получив утром статьи, я решил <...> запросить телеграммой особенно под влиянием отчаянного письма из типографии. А Ваша статья пришла через несколько часов! Спешу известить <...> о ее получении и еще раз извиняюсь за телеграмму»[822]. А начавшийся конфликт с Г.В. Плехановым в мае 1902 г. выглядел со стороны Ленина вполне по-джентльменски: «Получил статью с Вашими замечаниями. Хорошие же у Вас понятия о такте в отношениях с коллегами по редакции! Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений <...>. Хотел бы

---

[818] Валентинов Н.В. Малознакомый Ленин. С. 46.

[819] Ленин В.И. Письмо П.Б. Аксельроду. 18 окт. 1900 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 51.

[820] Ленин В.И. Письмо П.Б. Аксельроду. 7 дек. 1900 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 71.

[821] Ленин В.И. Письмо П.Б. Аксельроду. 14 дек. 1900 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 74.

[822] Там же.

знать, что Вы скажете, когда я подобным образом ответил бы на Вашу статью о программе? Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, – то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели»[823]. И сколь искренней была радость, когда Плеханов примерно через месяц прислал письмо примирительного свойства: «Дорогой Г[еоргий] В[алентинович]! Большой камень свалился у меня с плеч, когда я получил Ваше письмо, положившее конец мыслям о “междоусобии” <...>. Я буду очень рад поговорить с Вами <...>, – не для того, конечно, чтобы ковырять старое, а чтобы выяснить себе, чт***о*** было обидно для Вас тогда. Что я не имел и в мыслях обидеть Вас, это Вы, конечно, знаете»[824]. Совсем иначе говорил В.И. Ленин о конфликте, имевшем место в 1904 г. Он писал в Россию большевикам: «Возлагать *все* надежды на съезд (имеется в виду III съезд РСДРП – А.Л.) могут только безнадежные глупцы, ибо ясно, что Совет сорвет всякий съезд, сорвет еще до созыва <...>, издавать что-либо в России, входить хоть в какие ни на есть сделки с поганой сволочью ЦК <...> – безумие, прямое безумие или предательство, так выходит и так выйдет по объективной логике событий, потому что устроители органа или популярного органа окажутся неминуемо одураченными всякой паскудной гнидой вроде Центрального Комитета. Я это прямо предсказываю и заранее махаю рукой совершенно на этих людей <...>. Повторяю: <...> вся агитация за съезд должна быть лишь *попутным* делом»[825]. Апокалиптические пророчества о «верной, бесславной смерти» всего движения сыпались из-под пера В.И. Ленина с таким напором, что казалось, еще шаг – и все рухнет под влиянием «интриг со стороны Глебовых, Конягиных, Никитичей и прочих гадов»[826].

Таким образом, письма Ленина давали представление о начавшихся переменах в характере лидера большевиков. Богданов, хотя и не знал об особенностях всей переписки Владимира Ильича, но после ровных, спокойных писем, приходивших в Вологду с весны 1902 г., не мог не обратить внимания на то, что к концу 1904 г. огрубление эмоциональных реакций Ленина проявилось со всей очевидностью, свидетельствуя об обострении невротического состояния. При наличии постоянно действующей психически травмирующей си-

---

[823] Ленин В.И. Письмо Г.В. Плеханову. 14 мая 1902 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 186.

[824] Ленин В.И. Письмо Г.В. Плеханову. 24 апр. 1902 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 189 – 190.

[825] Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову, Р.С. Землячке, М.М. Литвинову. 3 дек. 1904 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 414, 415.

[826] Ленин В.И. Письмо Р.С. Землячке. 10 дек. 1904 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 421.

туации прогноз болезни мог вызывать лишь сожаления, поскольку Александр Александрович искренне считал Ленина «крупным умом и талантом <...> партии»[827] – и это убеждение, несмотря на дальнейшее непримиримое противостояние, сохранил до конца своей жизни.

Однако он в 1904 г. не мог профессионально помочь Владимиру Ильичу, поскольку тот не раз высказывался: «Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности», поскольку они – «ослы».[828]. Настаивать на обследовании и лечении вопреки воле пациента Богданов считал в принципе некорректным, тем более в случаях, требующих предельной деликатности и исключающих психологическое давление, особенно в отношении деятельного публичного человека, когда непосредственной угрозы его жизни нет.

В период вологодской ссылки Богданов уже столкнулся с подобной ситуацией. Имеются в виду те «курьезные отношения»[829], которые возникли у него с Н.А. Бердяевым в ходе встреч с глазу на глаз[830]. Результатом общения двух крайне по-разному мысливших людей стало то, что Богданов, не получив в результате бесед и наблюдений необходимой информации об уникальной способности философа-идеалиста «узревать» в частном и конкретном «универсальное», минуя такую необходимую ступень познавательного процесса, как анализ, попытался еще раз вникнуть в содержание выступлений участников философской полемики на вологодских диспутах и обнаружил несколько важных моментов, которые привели его к выводу: *повышенная эмоциональность как реакция обыкновенного человека на явления, события или агитационную пропаганду только при очень специфических условиях служит первоначальным толчком к пробуждению сознания, но недостаточна для формирования целостного мировоззрения*, так как не ведет личность к пониманию ***общей цели*** и воспитанию ***личной воли*** для участия в осмысленной преобразовательной деятельности. Склонный свои выводы проверять практикой, Богданов обратился к опыту. Он, как и иные пропагандисты, много раз наблюдал характерную картину: зажигательные речи на митингах и забастовках полуграмотный рабочий люд встречал сильным эмоциональным откликом – одобрительным или негодующим; перепалку политических оппонентов в прессе люди тоже обсуждали бурно, не скупясь на характеристики. Создавалось впечатление,

---

[827] Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. С. 39.

[828] Цит. по: Валентинов Н.В. Малознакомый Ленин. С. 46.

[829] Бердяев Н.А. Самопознание. С. 118.

[830] Подробный анализ особенностей научного мышления А.А. Богданова и Н.А. Бердяева, которые обнаружились в этот период, см.: Луценко А.В. Особенности мировосприятия А.А. Богданова и Н.А. Бердяева применительно к формированию научного мышления // Вестник ТГПУ. Томск, 2015.

что смысл заявлений ораторов и публицистов понятен массам и оценен соответствующим образом. Однако, как оказывалось постфактум, большинство реагировало лишь на некоторые эпизоды, причем это касалось и пропаганды, и контрпропаганды. В целом же выходило, что выступления полемического содержания, политические памфлеты и критические обзоры, рассчитанные на образованных слушателей и читателей, не годились для массового воздействия. Тактика возбуждения настроений не достигала цели по той простой причине, что «ученые» слова, изобиловавшие в речи интеллигенции, как правило, сбивали с толку малограмотных людей. Кроме того, даже когда решение насущных проблем предлагалось вроде бы в виде простых формулировок из «обычных» слов, тем не менее даже в этом случае обнаруживался неучтенным тот важнейший факт, что «одни и те же слова имеют не один и тот же смысл, потому что относятся к разному опыту. Слово “труд” имеет совсем разное значение, когда его произносят работник и паразит; слово “голод” – совсем разное значение для сытого и голодного; слова “порядок”, “справедливость” – совсем разные для господствующего класса и класса подчиненного. Звуки слов – одни; но то, что заключено в них, – различно»[831]. Значит, и эмоциональная реакция слушателей не станет адекватным отражением равнозначного восприятия предложенных оратором пропагандистских идей. Если «свобода» для одних означает избавление от ярма, а для других – право на своеволие, то как тут понять друг друга? Здесь на первый план выходит «социально-генетическая точка зрения», которая была принципиально чужда интеллигентам-философам, стоявшим «на почве индивидуализма в опыте и познании»[832].

А между тем умение отличить социально организованный опыт от индивидуального играет, по мнению Богданова, чрезвычайно важную роль в пропагандистской работе, особенно если для агитационной деятельности избрана эксцитативная тактика: ***не поставив личный опыт человека в общую связь с объективным опытом социального мира, невозможно доступно объяснить механизм развития общества***. В этом случае познавательный процесс пойдет от восприятия к переживаниям, минуя рациональное осмысление событий. Здесь-то как раз и кроется главный подвох, суть которого А.А. Богданов разъяснял так: «Область психики характеризуется прежде всего тем, что психические переживания одного лица не обладают общезначимостью по отношению ко всем другим людям. Мои восприятия и представления, взятые в их непосредственно-

---

Вып. 11 (164). С. 138–147.

[831] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 58.

[832] Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 22.

сти, существуют только для меня и лишь косвенно приобретают значение для других людей, да и то только отчасти. То же самое относится и к моим эмоциям и стремлениям. Все эти факты “внутреннего опыта” отличаются величайшей несомненностью – но только для меня, только для того, кто их переживает. Они “субъективны”, т.е. не согласованы с переживаниями других людей “объективного” характера. Они лишены <...> *социальной организованности* <...>. Сообщать свои переживания другим – еще не значит достигать согласованности, гармонии их с чужими переживаниями; от этого психический опыт отдельного лица еще не становится интегральной, органической составной частью коллективного опыта, он остается личным опытом <...>. Его элементы *ассоциируются* – это его специальная форма организации; восприятия, представления, стремления группируются в отдельные цепи и комплексы; наконец, все это объединяется около одного, наиболее прочного и устойчивого комплекса воспоминаний, чувств и стремлений – того комплекса, который обозначается словом “я” <...>: это индивидуально-организованный опыт»[833].

В связи с этим А.А. Богданов видел задачу пропагандиста не в кардинальной смене стереотипов жизни и мышления малограмотных людей, а в последовательном целенаправленном расширении ассоциативных связей в их сознании за счет дополнительных сведений из общечеловеческого социального знания, в то время как широко практикуемое интеллигенцией нагнетание протестного настроения активизировало лишь отдельные элементы наличного индивидуального опыта каждого человека из «толпы». При этом не учитывалось, что опыт у разных людей – разный, а следовательно, их реакция на пропагандистское влияние тоже будет разной, отличающейся на только на достигнутый уровень развития каждого, и потому никакого расширения массового сознания не случится. Иное дело, когда возникает общенациональная идея, от реализации которой зависит судьба каждого. Участие пропагандистов в этой ситуации сводится не к внедрению мысли, *уже ставшей понятной и принятой* подавляющим большинством, а к решению вопросов консолидации единомышленников в сплоченную организацию для планомерного осуществления поставленной цели. Зато эксцитативная пропаганда непременно выполнит роль катализатора нервно-психического возбуждения толпы, вся эмоциональная мощь которого сосредоточится в озлобленности людей – каждого по своему поводу. Иррациональность их действий Богданов объяснял хронической усталостью и нехваткой знаний, которая понуждала «домысливать»

[833] Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 22 – 23.

чувствами то, что люди были неспособны оценить незрелым умом. Пропагандистская риторика интеллигентных идеологов не давала представления о роли каждого в достижении декларируемых целей, а также о способах объединения волевых устремлений людей – и менее всего информировала о последствиях массовых политических выступлений. Кроме прочего, в условиях стихийного протеста даже опытному пропагандисту было не под силу апеллировать к сознанию взбунтовавшихся. Учитывая это, Богданов настаивал: критическое начало должно использоваться в пропагандистской практике дозированно, чтобы разговор о недостатках не превращался в инструмент демонизации власти, когда единичный факт злоупотреблений гиперболизируется и выдается за повсеместную практику, поскольку утрирование действительности порождает прогон взбудораженной мысли по замкнутому кругу личных переживаний (для каждого своих), актуализирующих аффективные состояния сразу у большого числа обиженных людей.

Что касалось пропаганды марксизма в пролетарских кругах, то сделать эту научную теорию главенствующей частью индивидуального опыта, по мнению Богданова, можно было лишь при условии, чтобы новым мыслям было за что зацепиться в уже имевшемся мировоззренческом опыте и чтобы новое содержание не разрушало укоренившуюся в сознании привычную картину мира, т.е. *важно было, чтобы формируемые новым знанием ассоциативные элементы не входили в коренное противоречие с устойчивым комплексом «я» объекта агитации и максимально совпадали с опытом большинства его окружения. Только такой подход к пропагандистской практике позволял приобрести то* ***знание, которое упорядочивало представления об объективном мире в строгую систему***. Богданов доказывал, что понимание законов жизни приходит к человеку по мере преодоления пути от азбучных истин до вершин научной мысли человечества, а не через поверхностное усвоение обрывков чужого знания. Без последовательного постижения целостного знания любая теория захлебывается от мифотворчества, искажающего ее смысл. ***Пропаганде нужны не мнения, а системное изложение знаний***, не входящих в противоречие с уже известным в опыте людей: *иначе возникнет* ***мировоззренческий гражданский конфликт*** *между приверженцами старого и нового знания*.

Недостатком в работе интеллигентов-идеологов А.А. Богданов считал также использование ими в общении с пролетариатом научных абстракций разного рода. Обращение к ним Богданов считал малоэффективным, несмотря на возражения оппонентов, полагавших, что как раз именно с помощью абстракций только и можно сосредоточить внимание слуша-

телей на самом существенном в содержании событий и явлений, на том исчерпывающем знании, которое ближе всего к абсолютной истине. Однако Богданов возражал им.

Во-первых, любая истина относительна и имеет значение лишь в определенное время и в определенных условиях: «Современная наука не знает абсолютных истин и признавать их не может. На памяти *нашего* поколения потеряли свою незыблемость и оказались лишь приблизительными “абсолютнейшие” из прежних научных истин: вечность материи, неизменяемость химических элементов, ньютоновская механика. И надо быть российским туземцем, чтобы не знать этого и поклоняться абсолютным идолам <...>. Истина, как и сам человек, организационная форма и разделяет судьбу всех таких форм: живет и умирает. Сменяются поколения людей, сменяются поколения истин. Завтра мы умрем; <...> придут после нас, через нас <...>. Перед их могучей и напряженной жизнью наша покажется заблуждением. Но она не заблуждение – для нас, и необходимая ступень – для них. Так и истины»[834]. Поэтому решающую роль в процессе познания играет мировоззренческая связь поколений.

Во-вторых, пропагандисты, обращаясь к абстрактно-лозунговой риторике в агитационно-просветительской работе с массами, обязаны учитывать особенности мышления личностей с ассоциативной деятельностью сознания, которая изначально ориентирована на чужой жизненный опыт, на чужое познание, воспринимаемое как «*отраженное отражение* непосредственных переживаний других людей»[835]. Без учета этого обстоятельства людям трудно найти «общий язык» даже по вопросам, не вызывающим принципиальных разногласий.

Достичь взаимопонимания не удастся еще в одном важном случае, выпадающем из поля зрения сторонников абстрактно-лозунговой пропаганды. Абстракция как «познавательная тенденция» нередко приводит к копированию и тиражированию чужеродных идей без учета того, будет ли положительным их влияние на качество общественного взаимодействия, насколько новый образ жизни по непривычному шаблону близок по духу всей нации, не исказится ли непоправимо общественное самосознание из-за подражания чужому опыту. Чтобы пропагандистские лозунги, смысл которых мог быть искаженно понят, не стали руководством к активному действию, требуется, по мнению Богданова, разработка объективной концепции познания мира, общезначимость которой возрастает по мере обнаружения «полного параллелизма» предлагаемых идей и реаль-

---

[834] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 42.
[835] Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 80.

ной жизни «в “объективных” и “субъективных” ее проявлениях»[836]. Ни индивидуальное, ни узкогрупповое познание не станет обладать признаками общезначимости, пока не сделается стройной и гармоничной системой представлений, объединяющих людей на преобразовательные процессы, и таким образом осуществится выход за рамки опыта малых объединений. Реальная жизнь показывает, что развитие «познавательной тенденции» в обществе возможно лишь «путем коллективной организации опыта»[837]. Разговор здесь не о деспотизме единомыслия – *речь о выработке единства цели и методов ради единения для сознательных действий*.

Богданов эту позицию озвучивал неоднократно, объясняя, почему, например, теоретико-идеологическая конструкция либерально-демократических объединений, разнородных «по оттенкам» и малочисленных по составу, не приведет в конечном итоге к гармонизации общественных отношений в стране, если достижение благоприятного строя жизни станет связываться с делением общества на группы, роль которых изначально весьма жестко детерминирована на неравнозначность их положения в реализации поставленных задач. По мнению Богданова, когда в политическом движении «*одни* группы, “по своей идеалистической сущности”, ***ставят цели***, а *другие* являются “пригодным и даже необходимым ***средством*** для осуществления этих целей”»[838] (курсив мой – А.Л.), то нетрудно догадаться, что принцип внутреннего ролевого взаимодействия в партии будет перенесен на все общество. Поэтому общая логика нового строя, заложенная в структуре и программе борьбы политического движения за этот строй, получит отражение в реальной жизни[839]. Та же логика обнаружится в характерной риторике теоретиков-идеологов, а также в партийных решениях.

В период развития буржуазных отношений и борьбы с самодержавием создавались объединения людей с разнородной познавательной тенденцией. Как правило, «это было весьма собирательное целое»[840], в котором ведущие позиции принадлежали силам, способным «элементы индивидуализма <...> так или иначе комбинировать <...> с авторитарными»[841], что, как показывала практика, не вело к росту массового самосознания. Богданов доказывал объективность своего вывода на примере европейских революций. Не-

---

[836] См.: Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 80.
[837] Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 79.
[838] Богданов А.А. Из психологии общества. С. 220.
[839] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX века // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 123.
[840] Там же. С. 122.
[841] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX века // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 123.

смотря на то, что там была избрана *моноидея* – так сказать, «всесоциальная задача эпохи»[842] – и к свержению феодального строя тяготели практически все общественные силы, заинтересованные в расширении буржуазных отношений, тем не менее в обществе не было четких представлений о том, каким будет новый порядок и кто из «призванных историей строителей» встанет во главе преобразовательного процесса. Европейские революции имели свою логику и свои силы: «Тут были капиталисты, крупные, средние, мелкие; буржуазно-организаторская интеллигенция <...>; мелкая буржуазия в собственном смысле этого слова, остатки самостоятельных мелких производителей города и деревни, частью еще кое-как приспособляющихся к новой социальной обстановке, частью быстро гибнущих под ударами капитала. Все они были необходимыми составными частями того блока, силою которого была ниспровергнута старая система»[843]. В этом огромном комплексе «во многом различных и во многом расходящихся социальных групп»[844] господами положения могли стать только те, кто хорошо знал преимущества как авторитарного, так и индивидуалистического сотрудничества, при котором конкурентная стихия, с одной стороны, подталкивала людей к свободе взаимодействия, что объяснялось жаждой развития предприимчивости, а с другой стороны, отношения с подчиненными группами требовали обуздания «“свободы труда” твердой властью»[845]. Выполнить эту роль для победы буржуазного строя могли *только капиталисты*, финансировавшие борьбу всего блока, – «они потому и получили главные плоды общей победы»[846].

В судьбе примкнувшей интеллигенции мало что изменилось, несмотря на то, что победу организовала именно она, взяв руководство борьбой на себя: она по-прежнему была в меру свободна и в меру зависима[847].

Главной особенностью европейских переворотов было то, что, хотя «боевую силу для революционной победы дали мелкобуржуазные массы вместе с <...> пролетариатом», тем не менее эти ударные объединения после революции так и остались эксплуатируемыми группами: в отношениях труда и капитала после установления нового порядка жизни верх одержало «строгое фритрадерство <...>, где авторитарность так хорошо синтези-

---

[842] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX века // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 122.
[843] Там же. С. 122–123.
[844] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 122.
[845] Там же. С. 123.
[846] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 123.
[847] Там же.

руется со строжайшим индивидуализмом»[848]. Поскольку капитал после победы над его главным врагом – феодальной аристократией – уже получил практически все, к чему стремился, то для закрепления своего господства он тут же поставил под контроль экономическую, политическую и культурную жизнь своих вчерашних союзников, и прежде всего рабочего класса, который «шел за буржуазией, добровольно жертвуя своей кровью во имя общей задачи – завоевания гражданской свободы. Но после общей победы неизменно оказывалось, что свобода – о двух концах: для капитала свобода эксплуатации, для пролетариев – свобода создавать капиталу прибавочную стоимость, подчиняясь его условиям, или же умирать с голоду без работы. Так, французская буржуазия после первых побед Великой революции отблагодарила рабочих за боевую поддержку законом Шапелье, запрещавшим рабочие союзы. Добывая руками рабочих конституцию, буржуазия <...>, заботливо остерегаясь давать эту опасную игрушку в руки юного пролетариата, <...> отказывала ему в экономических улучшениях. Если же рабочие, видя, что они обмануты, выходили затем на улицу требовать своей доли, – то все честные буржуа вместе со старой армией, ее помещичьим офицерством и генералами, находились уже по другую сторону баррикады, и в полном сознании своего гражданского долга старательно расстреливали рабочих, как бунтовщиков против истинной свободы»[849].

Причинами кровавого противостояния эксплуататорских слоев с пролетариатом были смутная тревога и страх перед нараставшими социалистическими устремлениями рабочих, больше не желавших полубесплатным трудом поддерживать благосостояние общества. Отсюда, по мысли Богданова, «глубокое духовное отчуждение между этими классами и пролетариатом: что для них истина и справедливость, то для него часто – ложь и насилие. Он их моложе, и потому должен учиться у них», чтобы выжить. Ради этого все, что он берет у них для себя, неизбежно придется перерабатывать по-своему, как бы ни было трудно, потому что, подчиняясь старому обществу духовно, пролетариат никогда не сумеет освободиться от цепей и сгинет[850]. А это означает только одно: «освобождение рабочих – есть дело самих рабочих»[851], поэтому в борьбе за социализм они фактически одиноки. Но чтобы осознать эту истину, рабочим мира необязательно повторять весь путь борьбы европейского пролетариата, как предлагали, например, лидеры оппозиционных

---

[848] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 123.
[849] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 85.
[850] См.: Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 84.
[851] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 86.

партий России, цели которых в борьбе с самодержавием имели мало общего с задачами пролетарского класса. Уроки изучения истории идеологий человечества помогли Богданову утвердиться в мысли: чтобы пролетариат действительно мог выполнить историческую миссию «могильщика эксплуататорского строя», необходимо положить начало *самостоятельному, независимому и массовому* рабочему движению, сформированному на основе разрозненных, разбросанных по всей стране кружков самообразования пролетарских масс, которые «вели на местах свою кустарную работу»[852]. Главный вопрос для них был в том, *как добиться независимости и самостоятельности*.

В дальнейшем А.А. Богданов на протяжении всей своей жизни сохранял верность этой точке зрения и объяснял свою позицию тем, что «в политике, где борются коллективные силы, создавая сложнейшие отношения, он (рабочий – А.Л.) не может разобраться индивидуально; и если он не сделает это в единении с другими работниками, то он – игрушка случайной агитации, лживых обещаний, мелких и нередко враждебных его интересам влияний. Он материал для воздействий, орудие для чужих целей, а не сознательное существо»[853]. Богданов настаивал на том, что у пролетария, как и у каждого члена общества, есть свои жизненно важные интересы, и в первую очередь – не быть винтиком сложной машины, именуемой обществом, потому что «с винтиками машины не считаются, их только считают. Таково отношение господствующих классов к рабочим, оно законно и справедливо, пока рабочий живет сам за себя и для себя, ибо тогда он бессилен»[854]; ни в своей жизни, ни вокруг себя он ничего изменить не может. По мнению Богданова, недопустимо сбрасывать со счетов тот факт, что знакомство с популярным пересказом идей Маркса, с историей западного рабочего движения, с комментариями по поводу программ и лозунгов буржуазных партий, т.е. со всем тем, что предлагали лидеры РСДРП в качестве содержания пропагандистской работы в пролетарской среде, не вело к осознанию главных целей борьбы: этого набора пропагандистских средств хватало лишь для эмоционального восприятия рабочими концептуального содержания некоторых тактических проблем, но не для стратегически объемного понимания связи между совершавшимися в мире событиями и ролью каждого участника в них. Богданов неоднократно повторял: «Яркое настроение – хорошая вещь», но когда «мысль ниже его, – нехорошо: она должна быть выше его, должна давать ему ясную организа-

---

[852] Платформа группы «Вперед» // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 52.
[853] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 249–250.
[854] Там же. С. 250.

ционную форму, не случайную, а необходимую, “общезначимую”, пригодную не только лично для данного читателя, а и для всякого члена его коллектива, для *класса*»[855].

3.3 Критика А.А. Богдановым традиционных идеологий рабочего движения

В России нарождающийся пролетариат (как считалось, класс мировоззренчески и политически незрелый) на рубеже веков попал в круговерть борьбы самых разнообразных оппозиционных сил с самодержавием. Он, чувствовавший себя неуверенно в общественной жизни, искал союзников, повторяя ошибки западных собратьев и попадая под чужеродное влияние. Активнее иных в оппозиционном движении выглядела «мелкая демократическая интеллигенция, имеющая плохие заработки и ведущая полупролетарский образ жизни. По самой природе своей она несамостоятельна»[856], поскольку материально зависела от работодателя, а мировоззренческое воспитание ориентировало ее на культуру господствующих классов. В России те, кого в РСДРП называли «социалистической интеллигенцией», остальной антимонархической оппозицией воспринимались как «“белые вороны”; их сравнительно немного, и они – отверженные в глазах того “общества”, из которого вышли»[857]. Однако эти «белые вороны» лелеяли мечту не только поквитаться за униженное положение, но и триумфально возвыситься над своими высокомерными гонителями.

В России ведь всякий знал, что «интеллигенцию объединяют интересы умственные, образование, специальные знания, занятия наукой, литературой, искусством. Каждая профессия, в отдельности, может иметь характер класса, но интеллигенция, по всей совокупности, никогда не может быть единой потому, что ее главная черта – индивидуализм, даже в том случае, когда индивид отрицает индивидуализм как социальное учение. Интеллигенция поглощает бесконечное разнообразие всевозможных мнений, направлений, интересов и социальных положений»[858]. Что касается демократической интеллигенции, то она в этой среде занимала совершенно особое место и отличалась противоречивостью суждений и настроений. Достаточно вспомнить, например, письмо В.Г. Белинского к В.П. Боткину, где тридцатилетний критик признается, что в нем «развилась какая-то ди-

---

[855] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 84.
[856] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 87.
[857] Там же. С. 86.
[858] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. С. 152.

кая, бешеная, фантастическая любовь к свободе и независимости человеческой личности», причем эта идея «поглотила и пожрала» его всего; он готов любить человечество, но любить «по-маратовски»: «Чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную»[859], – обескураживает друга Белинский своей откровенностью. Подобные настроения в разночинно-демократическом интеллигентском сообществе рождались под влиянием повышенной эмоциональности при ущербных аналитических способностях вследствие невысокой образованности. Поэтому упреки Н.В. Гоголя, высказанные в ответном послании на знаменитые «ядовитые» письма Белинского, можно было бы адресовать многим интеллигентам, берущим на себя смелость разрушать «по манихейским схемам» одну из самых устойчивых государственных систем в мире: «Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса. Вознаградите это чтением больших сочинений, а не современных брошюр, писанных разгоряченным умом, совращающим с прямого взгляда»[860].

Аналогичный упрек имел прямое отношение и к руководству РСДРП. А.А. Богданов, как и Н.В. Гоголь, с горечью констатировал, что подавляющее большинство партийных вожаков российской социал-демократии в действительности мало что сами умели, не так много знали и вообще, как выяснилось на практике, слабо представляли себе роль пролетарского движения. В связи с этим, как бы высоко ни оценивали свое значение вожди-изгнанники, справедливость требует некоторых уточнений относительно уровня их «дисциплинарной подготовки» в системе общего образования, который у них был объективно невелик. Даже «цвет партии» – редакторы и сотрудники «Искры» – не были людьми высокопросвещенными. Например, после исключения Г.В. Плеханова «за малоуспешность» [861] со *второго* курса Горного института расширение системного знания так и осталось вне поля зрения его интересов. Тем не менее он брал на себя смелость заниматься разбором сложнейших философских проблем. Компенсируя недостаток специальных знаний поверхностной эрудицией и эмоциональным напором, он ничтоже сумняшеся выдавал свое дилетантское мнение за взгляды европей-

---

[859] Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину. 27–28 июня 1841 г. // Белинский В.Г. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1941. С. 169.

[860] Гоголь Н.В. Наброски неотправленного письма В.Г. Белинскому. Конец июля – начало августа 1847 г. // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем. В 17-ти т. Т. 14. М. – Киев: Изд-во Московской патриархии, 2009. С. 394.

[861] Тютюкин С.В. Георгий Валентинович Плеханов // Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 244, 245.

ских философов[862] и тем наносил серьезный ущерб просветительскому делу, потому что этот лидер РСДРП – наряду с полезными – формировал у доверявших ему масс искаженные представления о развитии общества и истории науки.

Не лучше обстояло дело и с другими «искровцами». Наиболее активные из них, случалось, оказывались фактически сразу же после поступления вне стен альма-матер. Например, Ю.О. Мартов (Цедербаум) был арестован за политическую деятельность и исключен из Петербургского университета в первый же год обучения[863]; другие, как А.С. Мартынов (Пикер), не успевали перешагнуть за пределы второго университетского курса вследствие репрессий за участие в народовольческих кружках[864]; уровень образования третьих вообще не предоставлял базы для формирования философского мировоззрения: Вера Засулич на учительских курсах освоила профессию гувернантки[865], Л.Д. Троцкий (Бронштейн) получил общеобразовательную подготовку в реальном училище[866], а Ф.Э. Дзержинский даже не закончил гимназию[867], и т.д. Участие в революционной деятельности и последующая эмиграция этих по большому счету неординарных личностей послужили препятствием к дальнейшему освоению систематических знаний и формированию научно-исследовательских навыков. Пробелы в образовании вожди-изгнанники пытались компенсировать самообразованием и стремились к всезнайству, которое почему-то в их среде было принято называть «энциклопедической образованностью». Эта тяга оборачивалась для них тем, что они научились хватать вершки и часто обнаруживали отсутствие фундаментальных знаний, а желание соединить свое полузнание с последним словом науки приводило не к расширению аналитических способностей, но к превращению предположений и догадок, возникавших в их недостаточно развитых, но честолюбивых умах, в лозунговые псевдотеории, которые не выдерживали проверки практикой и встречали заслуженную критику со стороны более подготовленных в научно-мировоззренческом плане соратников. Тем не менее это обстоятельство не смущало и не останавливало вождей-эмигрантов в желании демонстрировать эрудицию, чтобы произ-

---

[862] См., напр.: Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 132–136.

[863] См.: Политические деятели России. 1917. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 204.

[864] См.: Политические деятели России. 1917. С. 208.

[865] Засулич Вера Ивановна // Большая Советская энциклопедия. Т. 9. М.: Сов. энциклопедия, 1972. С. 383.

[866] Политические деятели России. 1917. С. 320.

[867] Дзержинский Феликс Эдмундович // Большая Советская энциклопедия. Т. 8. М.: Сов. энциклопедия, 1972. С. 219.

водить впечатление на сподвижников, а также на весь бомонд российской просвещенной оппозиции и – более всего! – на европейскую социал-демократию. Поэтому и затевались полемические баталии, где «дело доходило *буквально* до драки, до истерик», до использования недопустимых приемов в борьбе за чистоту марксизма, особенно против «“частной” пропаганды своих идей под флагом социал-демократизма»[868].

Однако поставленных целей столь экстравагантные дискуссии не достигали: опытная российская либеральная интеллигенция смотрела снисходительно на потуги социал-демократов эмигрантов вмешаться в серьезный разговор на внутриполитические темы, а европейская социал-демократия с любопытством наблюдала, как вожди РСДРП, занимаясь тем, что Маркс насмешливо называл «нудным доктринерством»[869], пытались из-за границы руководить организацией пролетарского движения. Привычка к демагогии не добавляла авторитета российской социал-демократии в просвещенных политических кругах, но заграничная элита РСДРП умела «держать фасон». Находить выход из неловких ситуаций каждому приходилось самостоятельно – так сказать, в меру своих личностных особенностей. Например, Троцкий откровенно признавался, что книг Маркса он вообще не читал, «о марксизме <...> судил по Михайловскому», с произведениями которого тоже был знаком «не по первоисточнику. Обладая превосходной памятью, он на лету схватывал наиболее “крикливые” идеи и установки, а затем яростно отстаивал их в спорах <...>. Разумеется, это не отрицает большой работы Троцкого по самообразованию. В дальнейшем, в годы эмиграции, Троцкий окончил Венский университет»[870]. Правда, в Европе «окончить университет» не обязательно означало «овладеть системным образованием», потому что для получения диплома бакалавра достаточно было просто прослушать курс лекций по одной из интересующих дисциплин. Таким способом получили высшее европейское образование, например, Л.И. Аксельрод по философии в Бернском университете[871], А.В. Луначарский в Цюрихском университете по философии и естествознанию[872]. Список можно продолжить. Но на качество взаимодействия лидерской команды с рабо-

---

[868] Ленин В.И. Письмо Н.К. Крупской. Авг. 1900 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 34–36.

[869] Маркс К. Письмо Ф.А. Зорге. 5 ноября 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 34. М.: Госполитиздат, 1965. С. 380.

[870] Васицкий Н.А. Л.Д. Троцкий: политический портрет // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 5.

[871] Аксельрод Павел Борисович // Большая Советская энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 344.

[872] Луначарский Анатолий Васильевич // Большая Советская энциклопедия. Т. 15. М.: Сов. энциклопедия, 1974. С. 66.

чими «европейское образование» такого рода не влияло.

И это явилось, пожалуй, наиболее болезненной проблемой РСДРП. Дело в том, что оказавшаяся на обочине исторических процессов демократическая интеллигенция, увлеченная во второй половине XIX в. неосмотрительно разрешенной властями марксистской теорией, цепко ухватилась за идею социальных преобразований революционным путем, увидев для себя шанс обрести политический вес в общественной жизни страны. Однако, встав под пролетарские знамена и возглавив рабочее движение, она слабо представляла себе принципы гармоничного взаимодействия столь несходных частей возникшего объединения и поневоле обращались к историческим шаблонам. Пролетариату более близкой была бы народническая концепция «героя и толпы», суть которой в том, что «генетически – "герой" есть "отражение" толпы, ее *порождение* (курсив мой – А.Л.); он впитывает в себя ее массовые смутные настроения и стремления, которые только оформляются в нем; но раз герой создан, уже он руководит толпою, она идет, куда он укажет»[873]. В этой ситуации поведение «толпы» определяется опытом, понятным всем, т.е. той совокупностью практически усвоенных знаний и умений, какие каждый уже давно успел постичь своим умом, каждый «своей шкурой» испытал и выстрадал, каждый на свой ус намотал. *«Герой» необходим здесь лишь в качестве координатора общих действий*. Вследствие этого взаимодействие «героя» и «толпы» подчиняется принципу «Делай, как я», т.е. почти автоматически производятся привычные действия в непривычных условиях отсутствия табу. По статусным характеристикам «герой толпы» практически не отличался от остальных исполнителей общего дела. Ему доверяли и потому подчинялись, но во всем остальном он был наравне со всеми. Именно так реализовывался организационный принцип заслуженно-авторитетного лидерства в эгалитарном политическом сообществе.

Однако в начале XX в. равенство положения лидеров-интеллигентов и пролетарских масс в рядах одной партии представлялось идеологам явлением немыслимым, мало того – обязательно чреватым внутренними конфликтами. В РСДРП и в самом деле управленческий кризис со временем был «усилен и преувеличен той утонченностью восприятия, которая свойственна людям социально-умственного труда»[874]. Настроения, отражавшие «всю неизмеримость двух типов жизни»[875] и порождавшие у интеллиген-

---

[873] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 327.
[874] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 202.
[875] Там же.

ции страх опуститься в пролетарскую «темную бездну»[876], которая, по мысли образованных идеологов, была способна вообще погубить идею прогрессивного развития общества, – явились следствием того, что эгалитарная идеология вступала в противоречие с иерархической структурой партии, где руководящее «ядро» состояло по большей части из амбициозных личностей, считавших себя блюстителями «чистоты» научно-революционной теории социализма и персонами широкого разностороннего (по сравнению с рабочими) образования, которое позволяло им стоять на «высоте культуры», недоступной безграмотному пролетариату[877].

Фактической целью участия большинства демократической интеллигенции было использование любой возможности «индивидуально выбиваться вверх <...>, а не то, чтобы организоваться в коллектив для борьбы за общие интересы»[878]. Жажда во что бы то ни стало присоединиться к своим социальным корням, к привилегиям господствующего положения вносила характерную особенность во взаимодействие вождей РСДРП с партийными массами. А.А. Богданов, основательно исследовавший проблемы сосуществования разнородных частей партии, пришел к выводу, что лидерский блок изначально допустил «ошибку расчета, *придавая уровню культурности больше значения, чем культурной силе развития*»[879] (курсив мой – А.Л.). Об этом говорило в первую очередь то, что организационная структура пролетарского движения базировалась не на той «генетической связи», которая была привычнее рядовому составу, а на иной – *предполагавшей четкое разделение* на господствующие малочисленные «верхи» и подчиненную им армию «низов». Таким образом, реальное положение каждого члена РСДРП с самого начала определялось четко обозначенной стратификацией по уровню культурного развития. Подобное ранжирование невозможно для эгалитарных движений: там была ориентация на свойства характера, на личностный уровень способностей и умений человека. А разделение людей по статусному принципу более характерно для «дворянских революций» XIX в. на территории Российской империи – таких, как восстание 14 декабря 1825 г., польские «повстання» 1830 – 1831 и 1863 – 1864 гг. и т.п.: здесь «благородные господа», озабоченные судьбой отечества, составляли группу лидеров и руководили послушными «холопами», вовлеченными в движение по доброй воле, но руководимыми барским повелением. От «низов» в

---

[876] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 202.
[877] Там же. С. 201.
[878] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102.
[879] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 202.

этой ситуации требовалось всего лишь исполнение приказов, а не их понимание.

Реализуя на практике подобную модель взаимодействия, демократическая интеллигенция присвоила себе дискреционное право по собственному усмотрению определять характер и формы деятельности рядовых членов партии. В итоге случилось то, что вожди РСДРП, ориентированные на феодально-повстанческую – «декабристскую» – модель революционной борьбы, даже не ставили перед собой задачу максимально приблизить свои представления о преобразовании России к реальным запросам и нуждам рабочего класса. Это положение объяснялось тем, что в начале XX в. в социал-демократическом движении по-прежнему приоритетной считалась точка зрения о необходимости совершения сначала буржуазной революции, наподобие Великой Французской. Г.В. Плеханов высказывался за подготовку столь грандиозного для царской России события и на протяжении многих лет горячо отстаивал этот взгляд, заявляя при всяком подходящем случае, что буржуазная революция «послужит лишь *прологом пролетарской* <...>. Это <...> наш материалистический метод в его применении на практике»[880], – заявлял он. Для убедительности Георгий Валентинович не уставал апеллировать к «вождю мирового пролетариата» Марксу, обнаружив в его трудах запись следующего содержания: «Рабочие знают, что революционное движение буржуазии <...> может лишь ускорить их собственное революционное движение. Они знают, что их собственная борьба против буржуазии может начаться лишь в тот день, когда победит буржуазия»[881].

А.А. Богданов выступал против такой трактовки материалистического метода в реализации революционной идеи, поскольку практический опыт Европы показывал, что в реальности динамика событий была далека от декларируемой по ряду причин, самые существенные из которых молодой ученый-марксист выделил особо:

1) С развитием победившего на Западе капитализма главная разрушительница монархического строя уже доказала, что она не даст опомниться рабочему классу и тут же непременно начнет «бороться против идущего снизу пролетариата, чтобы удержать его в экономическом подчинении, а себя – во власти, т.е. чтобы закрепить *для себя* авторитарность»[882].

2) Пролетариат, попав под управление буржуазии еще в предреволюционный период, ни психологически, ни мировоззренчески не будет готов к борьбе с ней после ее победы.

---

[880] Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Пятый (Лондонский) съезд РСДСРП. 30 апреля–19 мая (13 мая–1 июня) 1907 г. М.: Госполитиздат, 1963. С. 421.

[881] Маркс К. Морализирующая критика и критизирующая мораль // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 312–313.

[882] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 65.

И в самом деле: жизнеспособность нарождавшейся системы в Европе обеспечивалась после революции силами победившей буржуазии с ее по-боевому инициативным индивидуализмом в сочетании с жесткими мерами авторитарного регулирования общественной жизни и тактики «двойных стандартов». Капиталистический строй утверждал себя соединением высоких технологий и жесточайшей эксплуатации в промышленном производстве с оголтелым феодализмом в системе управления. Это ставило пролетариат в рамки регулируемого приспособления к народившемуся образу жизни и переводило декларируемые цели рабочего класса в разряд неисполнимых. Не учитывать эти результаты европейских революций значит, по мнению Богданова, не понимать, что участие в общем деле двух сил с разнонаправленными задачами являлось *неравным партнерством поневоле* и не могло не обнаруживать с регулярной периодичностью проявления «организационной неусточивости» искусственно объединенного политического образования.

Всерьез анализировать ситуацию, сложившуюся в пролетарском движении, теоретики партии не стремились, хотя констатировали как данность, что в РСДРП «комитетская работа в необычайно жалком состоянии. Организационные связи с массой ничтожны. Политического контакта с массой почти нет вовсе. *Речи о пролетариате как авангарде общедемократического движения все более и более начинают резать ухо, как политическая фальшь*»[883] (курсив мой – А.Л.). Л.Д. Троцкий, всегда готовый озвучивать наиболее обсуждаемые идеи как свои собственные, накануне III съезда РСДРП критиковал практику «политического заместительства»[884], которая сложилась в рабочем движении вследствие организационного дисбаланса. Поскольку теоретики стремились целиком отстранить пролетариат не только от разработки стратегических программ, но и от принятия конкретных решений, то участие рядового состава в партийной жизни санкционировалось из-за границы строго директивными указаниями и специальными резолюциями, слабо связанными с реалиями практической деятельности. Пролетариату предписывалось функционировать в рамках этих умозрительных предписаний – без возможности корректировать приказы из центра, даже если они не были адекватны особым российским условиям. В итоге во многих организациях РСДРП действительно формировалась пассивность масс, позволявшая руководству оценивать себя как «стоящую над пролетариатом “партию” <...>, на три четверти, если не на девять десятых, состоящую из марксистской интеллигенции, руководящую примитивными проявлениями классовой (экономической и политической) борьбы пролетариата», который «стоял при этом совершенно в стороне и лишь <...>

[883] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 67.

спрашивал посланное к нему от “партии” лицо: “Что же *нам* теперь делать?”»[885]. Ст***О***ит ли после этого удивляться состоянию беспомощности и пассивности многотысячной армии рядовых участников социал-демократического движения, отодвинутых от «политически веской» деятельности? Невелик прок и от лидерских «рассуждательских рассуждений» о том, что «партия начинается там, где мы на почве достигнутого уровня сознания путем целесообразных тактических приемов организуем политическую волю класса»[886]. Но как достичь необходимого уровня сознания пролетарского большинства в партии и каковы самые действенные приемы – этого идеологи РСДРП не знали и знать не стремились.

Поначалу учителя-интеллигенты посчитали, что достаточно разбудить у небольшого числа рабочих интерес к основным идеям вождя европейского пролетариата К. Маркса, как это тут же послужит толчком к пробуждению массового сознания и росту самообразования. По крайней мере, собственный опыт значительной части руководства РСДРП был именно таков. Однако в данном варианте не учитывалось то, что весь этот стихийный процесс формирования у пролетариата политического мышления должен был опираться на определенный уровень познания, а для полуграмотных людей этот метод не годился. Тогда, частично отказавшись от такой схемы, лидерский блок партии сделал ставку на расширение пропагандистской работы, решив, что революционизировать сознание пролетариев можно «разной величины белыми листками, на которых напечатаны мысли о необходимости низвергнуть самодержавие – “во имя социализма”. Листки эти называются прокламациями»[887].

Но не все приняли эту позицию. Например, Л.Д. Троцкий иронически оценил смысл подобной партийной деятельности. «Совокупность этих прокламаций называется почему-то Российской социал-демократической рабочей партией», – делился он своими выводами, настаивая на том, что «воздействовать на *сознание* пролетариата путем “массового” распространения социал-демократической литературы еще не значит строить пролетарскую партию»[888]. А. М.С. Ольминский в брошюре «Наши недоразумения» сообщал, что центральная пресса РСДРП пренебрегала доступностью изложения и принципом логической доказательности декларируемых идей. Случался, например, с Плехановым такой конфуз, когда он «в творческом экстазе незаметно для самого себя» переходил от политического обзора к на-

---

[884] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 69.
[885] Там же. С. 68, 69.
[886] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 68.
[887] Там же. С. 68.
[888] Там же.

стоящему литературному творчеству, чтобы выдать свой вымысел за реальность. «В нашей среде, – отмечал автор брошюры «Наши недоразумения», – художественные таланты так редки, что я от всей души приветствую проявление этого таланта у Плеханова. Не нужно только принимать беллетристику за публицистику»[889], особенно когда ведется полемика между интеллигентами вокруг воображаемого театра грядущих сражений с царизмом. Обстоятельства требуют от вождей понимания, почему день ото дня катастрофически уменьшается в пролетарской среде количество жаждущих «подносить лавровые венки трагику Плеханову и комику Аксельроду»[890], и, напротив, растет число писем от рабочих, студентов, курсисток и всякого рода поднадзорных в заграничный искровский редакционный центр с более чем симптоматичными вопросами о том, для кого же ЦО пишет – «неужели для генералов кресел и купчих бельэтажа?»[891]

Убеждаясь в том, что идеологическая работа в пролетарском движении России буксует, а расширению массового сознания такие традиционные технологии, как нагнетание протестных настроений усилиями «плеяды вдохновенных партийных художников слова»[892], способствуют слабо, лидеры организационно разделили РСДРП на неравнозначные функциональные группы – вождей-теоретиков, далеких от практической деятельности, и рядовых исполнителей воли руководства, все ощутимее погружавшегося в межличностные конфликты. Ошибочной была и тактика превращения нелегальной газетной публицистики в главный инструмент влияния на развитие социал-демократического движения в самой России. Еще в 1901 г. суть деятельности сторонников революционного марксизма В.И. Ленин связал с «витьем нитей организации, тянущейся от общерусской газеты»[893]. С тех пор так и повелось, несмотря на то, что в новых условиях общественной жизни ни «Искра», ни какая-либо другая печатная продукция не могли справиться с ролью координатора пролетарского движения. И это со всей очевидностью обнаружилось во времена «зубатовщины», когда от всепоклонения Карлу Марксу значительная часть оппозиционных сил в самодержавной империи качнулась в сторону враждебного неприятия его теории. Газеты и журналы запестрели критическими публикациями в адрес автора «Капитала»: теперь он был представлен обществу «как заядлый ненавистник России, как один из

---

[889] Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. С. 7.
[890] Там же. С. 22.
[891] Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. С. 23.
[892] Там же. С. 22.
[893] Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1963. С. 179.

вреднейших мировых социалистов»[894]. Это смещение акцентов бросалось в глаза на рубеже XIX и XX вв., когда начались волнения и забастовки российского пролетариата, спровоцированные не только невыносимыми условиями труда и быта рабочих, но и надвигавшейся безработицей вследствие промышленного кризиса, который повлек за собой сокращение почти половины и без того немногочисленного класса рабочих[895]. До этого времени в России господствовало мнение, что условия фабричной жизни несравнимо лучше, чем в Западной Европе, да и число рабочих, занятых в промышленном производстве, незначительно. Из этого «делался произвольный вывод, что ни глубокой розни, ни систематической борьбы между рабочими и предпринимателями в России не существует»[896].

Однако кризис вынудил самодержавную власть озаботиться проблемой пролетарского движения. Поскольку в Европе оно было легализовано, то срочно понадобилось решить этот вопрос и в Российской империи. Проблема была лишь в том, «кому должно принадлежать право воздействия на рабочих»[897]. Ответ имел определяющее значение, так как пролетарское движение «было в то время на перепутье, и от правительства в значительной степени зависело дать ему то или иное направление. Рабочие являлись той самой революционной силой, к которой жадно тянулись революционные организации, и особенно социал-демократические», – записывал в своих заметках генерал Охранного отделения А.И. Спиридович[898]. Его начальник С.В. Зубатов главную опасность тоже видел не в отдельных организациях революционеров-интеллигентов («Это – штабы без армий»). Не усматривал он угрозы и в разрозненных стихийных волнениях рабочих масс («Это – армия без штаба»). И с теми, и с другими по отдельности правительство имело силы и средства справиться без особых усилий. Опасность представлял лишь *союз* этих двух групп.

По мнению С.В. Зубатова, в начальный период рабочих волнений исправить ситуацию могло бы соответствующее законодательство, позволявшее полиции взять под контроль пролетарское движение, нейтрализовав влияние оппозиционной интеллигенции. Однако в России вплоть до промышленного кризиса законы по рабочему вопросу «вырабатывались с какою-то лихорадочною поспешностью»[899] – без серьезного изучения обстоятельств дела, без привлечения самих пролетариев «как не способных трактовать та-

---

[894] Спиридович А.И. При царском режиме. С. 150.
[895] Хинштейн А., Мединский В. Кризис. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. С. 6.
[896] Морской А. Зубатовщина. Страничка из истории рабочего вопроса в России. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 3.
[897] Там же. С. 5.
[898] Спиридович А.И. При царском режиме. С. 149.

кую высокую материю»[900]. Поэтому принимаемые юридические нормы не решали ни производственных , ни бытовых проблем рабочих, зато максимально совпадали с целями «охранения порядка»[901], хотя, как оказалось на деле, жесткий государственный надзор вносил в жизнь больших и мелких производств не порядок, а бестолковую суету, имитирующую бурную деятельность.

Однако вскоре выяснилось, что в промышленных центрах, несмотря на усилия Охранного отделения, пролетарские организации активизировались настолько, что в их рядах находилось «до $^{8}/_{10}$ всех рабочих. Подпольная литература среди рабочих достигла не менее громадного распространения; многие из рабочих усвоили себе даже технический язык этой литературы; нередко встречаются рабочие, основательно осведомленные в западноевропейских социалистических учениях, ознакомленные с Марксом, Бернштейном, Каутским и др.»[902]. Начальника Охранного отделения потряс размах пропаганды социалистических идей в пролетарской среде. Поняв, что этим обстоятельством можно воспользоваться для поворота рабочего движения в сторону «полицейского социализма» как альтернативы социализму революционному, Зубатов занялся созданием организации для рабочих под эгидой самодержавной власти по образу и подобию западноевропейских профсоюзов с учетом своеобразия российской действительности.

Сергей Васильевич Зубатов, не понаслышке знакомый с программами и методами оппозиционных партий, обратил внимание на то, как легко демократическая интеллигенция подчинила своим интересам рабочий класс, связав марксистскую идею, понятную людям труда, с насущными потребностями эксплуатируемого населения. Вывод начальника Охранного отделения оказался прост: отношения с рабочими следует выстраивать, исходя из почти неустранимых в условиях бюрократического строя мелких нужд и требований «маленького» человека; а чтобы лишить революционную интеллигенцию поддержки со стороны пролетарских масс, государству достаточно лишь пунктуально и неукоснительно исполнять принятое рабочее законодательство и тем самым *на деле дать* трудовому человеку то, что революционеры всех мастей *только обещали на словах*.

А.А. Богданов, анализируя идеологическую составляющую концепции С.В. Зубатова, обнаружил скрытый подвох в воззрениях сторонника «полицейского со-

---

[899] Морской А. Зубатовщина. С. 6
[900] Там же.
[901] Морской А. Зубатовщина. С. 7.
[902] Там же. С. 46.

циализма» и потому сначала устно, а затем и в печатных трудах предостерегал от последствий применения нового метода влияния на умы пролетарских масс. Дело в том, что в действительности создание любых организаций рабочих – профессиональных, партийных, кооперативных – не приучит их «к роли самостоятельного хозяина», а всего лишь ***приспособит*** к жизни «*в рамках условий капитализма*. Это значит в рамках его экономических и культурных законов – его денежного фетишизма, его форм собственности, всех его юридических и иных норм»[903], никакого социализма не получится – ни полицейского, ни марксистского, ни какого-либо еще. Причина кроется в ожесточенной борьбе утвердившихся «культурных принципов[904] против новых. Борьба эта *глубже* борьбы непосредственных интересов, потому что самые интересы людей и коллективов понимаются ими в зависимости от сложившихся форм мышления, т.е. тех же культурных принципов. <...> Таким образом, объективно борьба интересов подчинена борьбе культурных принципов, за которыми скрываются основные формы сотрудничества. “Великие революции” – это революции, сменяющие господство культурных принципов. <...> Оформление класса как самостоятельной активной социальной силы <...> нераздельно с развитием его по линии специфического культурного принципа. <...> Пока он не дорос еще до этого масштаба, пока новые формы остаются только частичными, старые (т.е. уже утвердившиеся в общественной жизни – А.Л.) культурные принципы продолжают господствовать над ними не только извне, материальною силою, но также изнутри, силою привычки и шаблона. <...> Теория позволяет установить неизбежность того, что коллектив, принимающий культурные принципы другого коллектива в классовом обществе, окажется в подчинении у этого другого. Эти культурные принципы – методы строительства всей жизни – для другого коллектива свои, им самим выработанные, проникающие всю его природу, – для первого нечто лишь “усвоенное”, <...> порождающее внутренние дисгармонии, противоречия <...>. В обществе господствуют наиболее приспособленные к потребностям и условиям его жизнеустройства»[905]. Подражающие им будут в проигрыше, пока действуют в рамках не своих, а чужих интересов и требований.

---

[903] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.

[904] Под культурными принципами Богданов предлагал понимать методы практической организации коллективного взаимодействия (сотрудничества) в пределах социальных групп и более крупных общностей, наподобие классов капиталистического общества. Ученый особо отмечал, что «культурный принцип есть закрепление наиболее устойчивых, наиболее повторяющихся соотношений, причем порожденных социально-хозяйственной необходимостью. Им люди и коллективы подчиняются автоматически, не рассуждая и не выбирая» (Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX в. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 120)

[905] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX в. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 120 – 121.

Зубатов повел рабочих как раз по такому «чужому» пути, обратившись к методам экономизма. Хотя увлечение этим направлением в России уже прошло, тем не менее Сергей Васильевич предпочел не отказываться от него в надежде повернуть пролетариат от политических к материально-экономическим вопросам, делая ставку на «дух законности» во взаимоотношениях заводчиков и наемного персонала. Он считал, что «надо открыть и указать рабочему законный исход из затруднительных случаев его положения», чтобы добиться «устранения всякого своеволия со стороны нанимателя»[906]. Такую возможность пролетариат мог получить, по мнению Зубатова, только в легальном профсоюзном движении. Для теоретического обоснования полезности экономической борьбы как средства развития цивилизованных общественных отношений начальник охранного отделения воспользовался трудами Э. Бернштейна, Ф.Ж. Вигуру, Г. Геркнера, В. Зомбарта, П. Рузье и иных ученых, знакомство с которыми породило убеждение, что профсоюзы способны «превратить рабочего из индифферентного целям предприятия наймита в сознательного работника, тесно связанного с духовными и материальными интересами того торгово-промышленного предприятия, к делам которого он прилагал свой труд»[907].

Изложив свои идеи в докладе на имя великого князя Сергея Александровича в 1898 г. и получив высочайшее одобрение, Зубатов начал действовать. Вскоре в Москве появились клубы рабочих, возглавляемые пропагандистами, которых Сергей Васильевич готовил самолично «путем собеседования». «В отделении была заведена библиотека с соответствующим набором книг. Вэбб, Геркнер, Прокопович, Зомбарт, новый труд Бердяева – поворот к идеализму, все было пущено в ход, дабы переубедить сторонников революционного марксизма и направить их в сторону профессионального движения <...>. Лев Тихомиров давал в Московских Ведомостях нужного направления статьи, т.е. сочувствовал вполне проекту Зубатова <...>. Рабочие собирались в свои клубы и не только занимались, но и толковали о своих делах и нуждах, и развлекались <...>. Все проводилось официально через обер-полицмейстера и генерал-губернатора <...>, зная все, что делается на фабриках и заводах, Охранное отделение своевременно приходило на помощь в случае каких-либо несправедливых или неправильных действий хозяев или заводской администрации. В этих видах по воскресным дням в охранном отделении офицеры и чиновники принимали заявления и жалобы от рабочих по всем вопросам. Рабочим давали разъяснения, справки, а заявлениям должное направление и поддержку в

[906] См.: Овченко Ю.Ф. Сергей Васильевич Зубатов // Вопросы истории. М., 2005. №8. С. 58.

дальнейшем в пользу рабочих. Таким путем в рабочих внедрялось сознание, что они могут добиться своих желаний без социалистов, мирным путем и что власть не только не мешает, но и помогает им»[908]. Что «рабочие доверчиво подходили к власти и сторонились революционеров»[909], Зубатова убеждали события 22 февраля 1902 г., когда на манифестацию, посвященную памяти царя-освободителя Александра II, явилось до 45 тыс. рабочих, самостоятельно поддерживавших порядок в своих рядах. Победа профсоюзного движения, организованного охранным отделением, казалась очевидной, и об этом заговорили: «Зубатов-легализатор был наверху своей славы. Доверие к нему со стороны Трепова и Великого Князя было полное», а сам он возлелеял мечту «поставить дело и по другим пунктам, <...> развить его в государственном масштабе»[910]. В охранном отделении тоже считали, что Зубатов может добиться своего, если в его планы не вмешаются высокопоставленные чиновники-интриганы.

Существовала еще одна помеха для дальнейшего успешного развития «полицейского социализма» в России. Зубатов пошел по тому же пути, по какому шли практически все лидеры российских оппозиционных течений, включая и теоретиков РСДРП: в своем стремлении «овладеть массами» они забывали об основополагающем элементе во взаимодействии организаторов и мало подготовленного к политической борьбе рядового состава – о том, что *трудовой народ не избирательно, а в массе своей должен был пройти начальный курс по овладению знаниями об общественном и государственном устройстве, чтобы войти в политику как* ***сознательная*** *и* ***самостоятельная*** *социальная сила*.

Этой теме А.А. Богданов как аналитик-исследователь общественных явлений уделял особое внимание, систематически отмечая то, что для российских реформаторов рабочий класс являлся всего лишь «случайным и разношерстным собранием безразличных друг для друга людей»[911], хотя программы практически всех российских движений предполагали конечной целью такое преобразование общества, при котором каждому человеку отведена роль гражданина, а не орудия для чужих целей. А раз так, то, стало быть, «историческая задача состояла в том, чтобы создать человеческую *личность*, существо активное и полное веры в себя <...>, чтобы собрать эти активные атомы, связать их высшей связью, их стихийно-противоречивое сотрудничество сделать гармонически-стройным,

---

[907] Овченко Ю.Ф. Сергей Васильевич Зубатов // Вопросы истории. М., 2005. №8. С. 60.
[908] Спиридович А.И. При царском режиме. С. 150.
[909] Спиридович А.И. При царском режиме. С. 150.
[910] Там же. С. 151.
[911] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 249.

слить их в едином организме человечества»[912]. Богданова поражала близорукость вождей, потому что смысл нового сознания следовало искать именно в рабочем сотрудничестве – это же очевидно. Справедливость своего умозаключения Александр Александрович доказывал так: «В чем основа и сущность жизни работника? В его труде, не так ли? А в своем труде существует ли он отдельно, сам по себе? Отнюдь нет. Если бы его вырвать из великого сотрудничества миллионов людей и цепи поколений, он сразу превратился бы в ничто. Исчезла бы и самая задача труда и рабочая сила. Те цели, которые теперь ставятся усилиями человека, все таковы, что предполагают уже сотрудничество в гигантских размерах: проводить железную дорогу, канал, строить машину, производить массу пряжи или ткани, добывать горы угля – какой смысл имело бы все это, если бы дело шло об отдельном работнике без тех, с которыми сообща он выполняет такие колоссальные задачи, и без тех, для кого они выполняются? А его рабочая сила, – чего она ст***О***ит без орудий, без технического знания, без тех жизненных средств, которыми она поддерживается? Орудия сделаны другими работниками, это их прошлый труд, который входит в поток живого труда, бесконечно усиливая его могущество. Знания накоплены жизнью предыдущих поколений, это их трудовой опыт, который стал основным и необходимым орудием всякой работы. Пища, одежда, жилище создаются для работника другими, ему подобными, которых он даже не знает. Отнимите все это – что от него останется? Как рабочий он существует, он реален только в сотрудничестве, в трудовом единении бесчисленных человеческих личностей, живых и мертвых»[913].

Но и это еще не всё: пролетариату мало единства в труде, потому что механическое производственное сотрудничество не поведет к сплочению на основе «единого принципа, <...> сознания самой действительности»[914]. Новый взгляд на свое взаимодействие с обществом, по мнению А.А. Богданова, может возникнуть только тогда, когда «человек вполне сознал себя как элемент великого трудового целого», как «существо активное и полное веры в себя», целеустремленное, обнаружившее логическую связь между рабочим классом и его ролью в качестве социальной силы, которая своим трудом не только обеспечивает материальное благополучие общества, но и способна повлиять на преобразовательные процессы, сделав жизнь людей разумно-гармоничной и справедливой[915]. В целях ус-

---

[912] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 251.
[913] Там же. С. 249.
[914] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 250.
[915] Там же. С. 251.

корения формирования нового сознания в недрах рабочего класса необходимо изменить отношение «сознательного меньшинства» к этому процессу: его активные представители должны понимать себя как ***часть целого***, а не как особую когорту партийных деятелей с особыми полномочиями и привилегиями. Дело не сдвинется с мертвой точки, пока каждый из них участвует в решении общих задач как закоренелый индивидуалист, рассуждающий примерно так: «Я, несомненно, ничего не мог бы сделать без тех миллионов работников, руками которых выполняются мои планы. Но у меня нет ни малейшего желания объединяться с ними, скорее, наоборот – я склонен противополагать им себя»[916]. Подобного рода настроения были до такой степени типичны для вождей РСДРП и лидеров иных партий, включая теоретиков западной социал-демократии, что, оказавшись в ловушке буржуазного мировоззрения, идеологи рабочих течений обеспечили организацию пролетарских движений – антиавторитарных по своей сути – методами сугубо авторитарными. Немудрено, что в итоге получилось неустранимое противоречие между заявленными целями и средствами их достижения, а это, в свою очередь, оборачивалось фундаментальной несовместимостью социокультурных норм масс и вождей, чреватой конфликтами, расколами на фракции, газетными распрями и т.д.

Стиль взаимодействия «верхов» с партийной массой диктовался духом эпохи: это был типичный бюрократический стиль, где тенденция к «неинструментальности» управления преобладала, поскольку главным считалось правильно поставить задачу перед исполнителями, которые обязаны решить ее во что бы то ни стало и максимально оперативно. А то, что претворение в жизнь лидерских замыслов зависело не только от таких качеств членов партии, как исполнительность и активность, но еще и от уровня компетентности в постижении смысла поручения, а также от выбора адекватных средств его реализации – это в круг забот руководителя буржуазно-бюрократического типа не входило, хотя возникавшие спорные ситуации должны были разрешаться по логике партийной «табели о рангах» только в «верхах» и отнюдь «не абстрактными рассуждениями теоретиков, а выяснением конкретных потребностей пролетарской борьбы»[917]. Лидеры отмахивались от решения повседневных тактических вопросов. Они не утруждали себя даже разработкой стратегически важной эффективно работающей технологии осуществления партийной программы.

О недопустимости управления с акцентом исключительно только «на результат» в

---

[916] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 251.

рабочей партии буржуазными методами Богданов писал в своих работах неоднократно, но его доводы не воспринимались партийными «верхами» даже тогда, когда он предупреждал, что рано или поздно пролетарские массы, получившие толчок к самоорганизации и солидарности, отнесутся враждебно к навязыванию способов и приемов того класса, сокрушить который вместе с его культурными принципами они выбрали главной целью для себя, что возникновение противостояния внутри партии между управляемыми и управляющими станет столь же закономерным, сколь неизбежной оказалась борьба рабочих против капиталистических производственных отношений, основанных на принуждении и эксплуатации. Однако Богданов так и не был услышан, хотя необъявленная война внутри РСДРП разгорелась не на шутку и после II партсъезда приобрела на глазах у всей европейской социал-демократии откровенно скандальный характер. Неприязнь к «низам» у руководства РСДРП доходила до неприличия, а пролетариат, уже сорганизовавшийся в многотысячную партийную силу, все явственнее ощущал недопустимость того, чтобы «мало надежные, далеко не вполне социалистические элементы играли столь видную роль в рабочих организациях»[918].

Пожалуй, это была самая больная проблема российской социал-демократии, связанная, по мысли А.А. Богданова, с тем, что партийные руководители РСДРП, как, впрочем, и значительная часть интеллигентов страны, слабо понимали, что такое социализм и чем он так притягателен для рабочего класса. И это, по мнению вице-лидера большевиков, закономерно для сторонников западного пути развития самодержавной монархии, поскольку для них принцип организации общественной жизни на основе социального равенства был фактически абстрактным понятием[919], поэтому социализм не мог стать делом ближайшего будущего. Революционеры-радикалы, конечно, торопились поскорее прийти к победе над самодержавием, но полемика в лидерской среде велась только о сроках и конкретных обстоятельствах крушения царизма, потому что содержание грядущей революции, по выводам вождей РСДРП, марксизм оценил заранее. Они писали в своих статьях: «Называя ее буржуазной, он указывал, что *непосредственные объективные* задачи революции состоят в создании неформальных условий для развития буржуазного общества в его целом. Марксизм оказался прав, и этого уже не приходится ни ос-

---

[917] Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. С. 71.
[918] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 90.
[919] См.: Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 88.

паривать, ни доказывать»[920]. Получалось, что отношение к пролетариату только как к ударной массовой силе, а также высокомерное презрение к его «культурной несамостоятельности» были явлениями не случайнымы, а вполне осознанными – иначе эти обстоятельства не имели бы столь подчеркнутой акцентуации. Богданов знал предостаточно примеров эксплуатации политической незрелости протестно настроенных рабочих разными партийными руководителями, уверенными в том, что массовому пролетариату не обязательно вникать, для чего он участвует в митингах или забастовках, – важно, чтобы он вел себя «истеричным агитатором», но чувствовал себя при этом борцом за общее благо в толпе таких же протестующих, пусть и не понимающих до конца, чем они, «повторяя обычные агитационные формулы»[921], помогают себе и своим товарищам по социальному положению.

Вожди были уверены, что пролетариат «экономически еще иногда умел отстаивать себя, но политически был все время самым удобным и покорным объектом эксплуатации»[922], – как оказывалось на деле, не только для хозяев-заводчиков. Даже В.И. Ленин стоял за двухуровневое взаимодействие «вождей» и «масс», при котором рядовой состав партии целиком и полностью, по всем аспектам деятельности обязан был ориентироваться на волю «твердого ядра». Партийная структура, предопределяющая столь четкое соблюдение установленной внутренней субординации, не могла не напоминать пирамиду, на вершине которой размещался идеологический и организаторский центр, вплотную к нему в расширяющейся части примыкали пропагандисты местных комитетов (это и было четко очерченное партийное ядро, немногочисленное и обязанное блюсти чистоту учения, взятого за программную основу), а внизу пирамиды находились дисциплинированные исполнители руководящих команд. Как казалось Владимиру Ильичу, главным условием существования и плодотворной деятельности этой жестко структурированной системы являлось единомыслие в «твердом ядре» и исполнительность нижнего уровня, не выходящая за пределы предписанных рамок, и напротив – «разномыслие» вверху и «бесконтрольная самодеятельность» внизу были для такой организации факторами губительными. Ленина страшило будущее партии *без централизованного управления*. Кроме того, лидер большевиков в партийной работе ориентировался преимущественно на метод Наполеона («Сначала ввяжемся, а там посмотрим»). Основой этого метода была *четкая постановка целей*, тогда как в выборе средств предполагалась достаточно

---

[920] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 84.
[921] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 330.
[922] Там же. С. 259.

широкая импровизация. В противоположность Ленину, А.А. Богданов действовал по методу Карла Клаузевица, который предполагал *последовательно продуманную привязку имеющихся средств к поставленным целям* с обязательной корректировкой плана действий, учитывающей изменение условий.

Зато Плеханов и К° – люди чрезвычайно авторитарные по стилю взаимодействия с однопартийцами – вообще не считали нужным выстраивать какую-либо стратегию управления пролетарскими массами, полагая, что все произойдет само собой и в нужное время. А пока рабочий класс представлялся им мировоззренчески незрелым общественным образованием, структурно рыхлым и неспособным к самоорганизации для участия в борьбе за смену общественного строя. Верные своей привычке все сверять с марксистской теорией, они были убеждены в несвоевременности попыток ориентировать партию на опережение исторических событий, найдя у Маркса следующий постулат: «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»[923]. Поэтому меньшевики даже не стремились воздействовать на формирование мировоззренческих установок вчерашних крестьян, которые, еще не освободившись от норм и представлений, выработанных тысячелетним пребыванием в крепостной зависимости, были элементарно безграмотны. Меньшевиков поддерживала значительная часть интеллигенции РСДРП, которая даже не скрывала своего негативного отношения к внутрипартийному сотрудничеству на эгалитарной основе, считая, что работа российской социал-демократии должна быть сосредоточена преимущественно в области политики. Поэтому, в соответствии с их представлениями, не только сама партия, но и руководящее звено должно быть многоступенчатым: пальма первенства безоговорочно передавалась «чистым» политикам-теоретикам, живущим в эмиграции; на вторых ролях должны были находиться их помощники в самой России, державшие в своих руках финансирование партии, организацию типографий и пересылку нелегальной печатной продукции из-за рубежа; и наконец, практики-пропагандисты, те «прорабы революции», которые обязаны, с одной стороны, нагнетать в пролетарской среде протестные настроения, а с другой – сдерживать несанкционированные порывы радикалов-экстремистов, т.е. добиваться управляемости политически малограмотных партийных масс, не занимаясь при этом ликвидацией

[923] Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.:

их мировоззренческой неподготовленности.

Надо отметить, что порой и у самого Богданова опускались руки от отчаяния при столкновении с безбрежным невежеством и примитивным образом мысли будущих «могильщиков капитализма». Но размышления на эту тему вынуждали молодого исследователя настойчиво искать выход из создавшегося положения. На этот поиск его подталкивало искреннее желание неразвитых людей познавать мир, их открытая и бесхитростная тяга к тем немногим добровольным помощникам, которые вели малообразованных пролетариев «в новое, высшее существование». Богданов понимал, что вину за мировоззренческую отсталость не следует возлагать на самого рабочего человека, «девять десятых своей трудовой жизни проживающего <...> в примитивной и неразвитой <...> среде»[924]. Поскольку не только рабочие, но и значительная часть мелкой буржуазии отождествляли получение образования по большей части лишь с усвоением элементарной грамотности, а неосмотрительная государственная политика в области просвещения вела, по мнению даже ближайшего окружения царя, не к повышению самосознания нации и не к усвоению большинством населения достижений мировой науки, а ко всеобщей интеллектуальной и политической «невоспитанности» и, что особенно прискорбно, к пополнению рядов «мятежно настроенных масс», плененных зажигательными речами ораторов-«авантюристов»[925].

Однако в реальной жизни все было гораздо запутаннее. Человеку из народа действительно не хватало грамоты, чтобы самостоятельно разобраться в лозунговой риторике выступающих на митингах полемистов, понять содержание политических памфлетов и критических обозрений, априори рассчитанных на образованных людей. А между тем рабочие ждали от просвещенного «публичного оказательства»[926] простых и ясных толкований и решений насущных проблем. Однако реальное взаимодействие объективно было не только малоэффективным, но и несвоевременным из-за того, что не поспевало за событиями политической жизни.

А.А. Богданов доказывал неэффективность протестного «публичного оказательства», и тем не менее именно такая форма работы с массами продолжала оставаться ведущей в практике «вождей издалека»: иначе вообще терялась возможность влияния «лите-

---

Госполитиздат, 1959. С. 7.

[924] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 202.

[925] Характерная фразеология высокопоставленных чиновников и охранительных кругов царской России. См.: Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным 6 ноября 1916 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 337 – 343.

[926] Выражение В.И. Ленина. См.: Ленин В.И. Письмо ЦК РСДРП. 11 июля 1905 г. // Ленин В.И.

раторов»-эмигрантов на партию. Поэтому они категорически не соглашались с мнением вице-лидера большевиков о незаменимой роли конспиративных личных встреч пропагандистов с рядовым составом. Богдановцы-коллективисты негласно пользовались этой – специфически-богдановской – многократно проверенной методикой, позволявшей выявить взаимополезность информации, которой обменивались стороны. Анонимность в условиях подполья делала общение более непосредственным и открытым. Беседа пропагандистов-большевиков с небольшими группами рабочих велась заинтересованно и *на равных*: здесь не было учеников и учителей, каждая сторона делилась с другой своей информацией и вправе была распорядиться полученными сведениями по своему усмотрению. «Но не надо считать, – предостерегал А.А. Богданов, – перевоспитание делом простым и легким. Оно отнюдь не сводится к осознанию *интересов*, гораздо шире и глубже охватывая переработку и основных практических методов и форм мышления, которые представляют самую консервативную сторону человеческой социальной природы»[927].

Эффективность пропагандистской работы по-богдановски была рассчитана на перспективу, а не на сиюминутный результат, потому что позиция ***одних*** собеседников-пролетариев после встреч с большевиками-агитаторами оставалась неизменной: они по-прежнему продолжали следовать обывательскому правилу «Мы сами по себе, политика сама по себе». Как правило, это были квалифицированные работники, «находившиеся в более благоприятных жизненных условиях, в большей мере приобщившиеся к старой культуре, имеющие гораздо более обширный организационный опыт, но усвоенный на пути повседневной, по преимуществу мелкопрактической борьбы за свои интересы, приспособления к старому миру; непрерывных и неизбежных компромиссов»[928]. Правда, со временем число сторонников невмешательства в события катастрофически уменьшалось, так как условия жизни в России, сама историческая ситуация являлась наипервейшим стимулятором к формированию агрессивных настроений против властей. ***Другим*** беседа помогала приблизиться к пониманию причин социальных зол и несправедливостей; однако возмущение тем, что в управляемом обществе не было сурового спроса с ответственных за порядок в стране, брало верх. В результате у таких рабочих активизировалось протестное настроение и желание апеллировать к тому общественному авторитету, усилиями которого, по их мнению, могли разрешиться все наболевшие

Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 40.

[927] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 104.

[928] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100.

проблемы. Эта группа пролетариев интуитивно искала «своих» среди политических лидеров. Обычно к этой группе относились пролетарии, «более угнетенные, менее культурные, раньше не успевшие получить воспитание <…> в <…> [рабочем – А.Л.] движении, но в то же время менее ассимилированные старым строем»[929]; они поддавались влиянию мелкобуржуазной бедноты, вместе с которой тяготели «к “социализму дележа”»[930]. К слову сказать, число сторонников реформирования общественной жизни за счет справедливо-правильного управления страной постоянно росло: в пролетарской среде их оказывалось подавляющее большинство, которое можно было легко поднять на участие в митингах, демонстрациях и забастовках под лозунгами революционно-демократического содержания, но не более того. Если первая группа понимала «организационное развитие оппортунистически, в духе непрерывного компромисса, сглаживания выдвигающихся противоречий», то «вторые чужды этого оппортунизма <…>, для них социальное переустройство сводится к вопросу материальной силы, к победоносной гражданской войне и захвату власти; они – боевые утописты <…>. Пока эти две группы говорят на разных языках, пока они разъединены организационно и идейно, до тех пор не может быть речи о пролетариате как едином <…> классе, <…> и его всеорганизаторской роли. Первая группа должна во многом *переучиться*, <…> вторая должна еще столь же многому научиться»[931]. Помочь им в этом вопросе могут лишь ***третьи***, которым встречи с действующими по методике Богданова пропагандистами-монистами приносили осознание того, что стране нужны глобальные перемены в управлении, экономике, законодательстве, просвещении, культуре и вообще во всей социальной сфере. Когда к участникам таких встреч приходило понимание, что достичь этого можно лишь организованной силой, то они оказывались перед выбором – теперь уже другого порядка: учиться ли делу организации в демонстрациях, стачках и забастовках, «подчиняясь силе своих общих практических интересов, потребностям своей ежедневной борьбы, полусознательно и с колебаниями», получая «серьезное воспитание для дальнейших этапов своей тяжелой исторической работы» путем постепенного осознания реальных размеров своей классовой мощи и степени боязни властей перед растущей массовостью протестующего народа[932], или активно участвовать в подготовке кардинальных преобразова-

[929] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100 – 101.
[930] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 105.
[931] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 101.
[932] См.: Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 83, 88, 89.

ний в стране, пополняя ряды нелегальных подпольщиков РСДРП, где развитие их общего и политического мировоззрения занимались специально и целенаправленно.

Кроме того, Богданов понимал, что ни «бумажная» продукция, ни знакомство с некоторыми эпизодами из истории западного рабочего движения, ни освоение азов «урезанной» марксистской теории, преподносимой ведущими идеологами социал-демократии в качестве «абсолютной истины», якобы пригодной для всех времен и народов, – все это и многое другое не помогало простому человеку стратегически объемно понимать задачи собственно пролетарской борьбы за права своего класса. Такое понимание приобреталось исключительно в процессе систематического общения с большевиками-богдановцами, взаимодействие которых с рабочими было поистине подвижническим. Деятельность этих пропагандистов-монистов напоминала В.И. Ленину работу «кротов» из-за того, что сторонникам Богданова и в самом деле приходилось трудиться в России на просветительском поприще «до упаду», «до изнеможения», но эти занятия с рабочими они сами не называли по-ленински бессмысленным «хищением сил»[933]. Однако их трудный опыт не был подхвачен другими, очевидно, из-за нежелания и неумения создавать атмосферу взаимодействия равных партнеров, разница между которыми заключалась только в направленности знаний: одни хорошо ориентировались в практических делах, другие в мировоззренческих вопросах. Целью и главной особенностью такого взаимопознания являлось осознанное обоюдное проникновение в смысловое содержание общественных реалий. При этом, как только мысль находила понимание, общение собеседников далее шло под знаком нарастающего потенциала сознания, когда у участников возникало не просто чувство взаимопонимания, а появлялась особого рода эховосприимчивость, эмпатия, развивающая интегративно-транзитивную функцию мозга, которая позволяла обнаружить «общезначимую объективность»[934], оценить ее с практической и теоретической точек зрения и найти компактную формулировку сути открывшейся истины.

Только такого качества пропагандистская работа имела преимущество перед нескончаемыми митингово-банкетными словоговорениями идеологов иных оппозиционных сил, желавших привлечь на свою сторону революционные массы[935]. Этот вывод

---

[933] Ленин В.И. Письмо ЦК РСДРП. 11 июля 1905 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 40.

[934] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 43.

[935] Кстати, банкетная кампания российских земцев-конституционалистов вплоть до деталей напоминала аналогичное мероприятие французских либеральных буржуа накануне революции 1848 г. (См.: Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е

вскоре станет очевидным для политиков любого ранга и умонастроения, которые тем не менее будут по-прежнему игнорировать методику А.А. Богданова. Его анализы по идеологическим вопросам слабо воспринимало в первую очередь руководство РСДРП вследствие *принципиальной разницы в мировосприятиях*. Для Плеханова, Ленина, Мартова и иных теоретиков пролетарского движения любое общественно-политическое событие выглядело как взаимодействие *вещественных объектов* по неким формально заданным правилам (самый близкий аналог – шахматные фигуры на доске), и как бы оно ни происходило, эти взаимодействующие объекты (будь то люди, партии, классы) остаются «в себе» неизменными, статичными, поскольку неизменными остаются нормативы, регулирующие их функционирование (для класса – политическая идеология, для партии – программа и устав, для человека – убеждения; перемена убеждений негативно характеризует человека и обязательно влечет его исключение из круга единомышленников).

Для Богданова каждое событие выглядело как взаимодействие сил по законам векторного исчисления. Причем каждая из этих сил, интерполируясь с другими, по представлениям Александра Александровича, неизбежно менялась сама – и по абсолютному значению, и по точке приложения, и по направленности вектора действия. Простое, казалось бы, понимание того, что действующие социальные группы, политические партии и т.п. объединения людей являются не отдельными объектами, а взаимосвязанными и взаимовлияющими частями более крупного целого – вот что отличало богдановский метод политического анализа от общепринятого в тот исторический момент восприятия. Александр Александрович свои идеи, еще не получившие вид системного анализа, излагал фрагментарно в ходе устных бесед, в письмах и журнальных публикациях. Соответствующей реакции российских политиков еще не наблюдалось, хотя было над чем задуматься: лидеры оппозиционных партий не могли не видеть перемен общественно-политического состояния России. Однако ведущие теоретики появление массовых предреволюционных настроений ставили каждый в заслугу исключительно ***своей*** организации, считая, что *общественность воспринимает именно их идеи, а вся страна волнуется только их пропагандой.*

Некоторое совпадение в собственных программных требованиях и в умонастроениях российского общества оппозиционеры-интеллигенты принимали за причинно-следственную связь: «Мы призывали – народ откликнулся». Однако в этих выводах прин-

---

изд. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1956. С. 12), что косвенным образом подтверждает ориентацию вестернизированной интеллектуальной элиты империи на некритическое копирование западного опыта без каких-либо попыток соотнести его с отечественными общественно-политическими реалиями.

ципиально не учитывалось то, что любой вектор, в том числе вектор общественного движения, должен, *помимо направления, обладать еще и* ***числовым значением***, т.е. иметь не только номинативный, но и количественный результат. Оппозиция же в России была слишком малочисленной, чтобы реально влиять на широкое общественное мнение (выполнить эту задачу силами одних лишь идеологов-пропагандистов невозможно из-за немыслимого объема работы), а расширение этого влияния могло произойти отнюдь не вследствие увеличения числа речей и лозунговых воззваний. Требовалось привлекать рабочих не для массовости, а для того, чтобы выявить самых сознательных слушателей конспиративных встреч: за два года пропагандистской работы в пролетарской среде богдановцы-коллективисты создали совершенно новый массовый тип рабочего агитатора. Это был «тип партийного работника, по своему развитию, по своей подготовке почти, или совсем, не уступавший среднему “интеллигенту” прежних времен, но далеко его превосходящий по своей классовой определенности, по своей социалистической выдержанности»[936].

Методика работы с массами по-богдановски надолго оставалась в памяти членов РСДРП, действовавших в России, как доступный пониманию полуграмотных людей способ приобщения к познанию, как толчок гигантской силы к осознанно творческому подходу в деле сплочения единомышленников. Позже, когда травля Богданова эмигрантским руководством сделается беспрецедентно беспощадной, а Александр Александрович войдет в историю как первый репрессированный однопартийцами большевик (исключительно ради того, чтобы он больше никогда не мог «занять прочного места ни среди марксистов, ни в <...> социал-демократической рабочей партии»[937]), подпольщики-пролетарии долго не могли согласиться с решением Большевистского Центра, не простив команде Ленина такого самоуправства в отношении Богданова. Современник тех событий, социал-демократический активист Г. Сафаров писал в своих воспоминаниях: «Заграничным Бюро ЦК я и тов[арищ] Инесса Арманд были направлены в Петербург для работы по восстановлению нашей нелегальной организации, подвергшейся жестокому разгрому после майских массовых стачек <...>. Н.Д. Соколов, услышав о приезде “заграничных ленинцев”, пообещал нас спустить с лестницы, ежели мы, паче чаяния, заявимся к нему для переговоров <...>. Устроили мне явку с представителями райкома (Нарвского – А.Л.) <...>. Сразу же меня огорошили свирепым вопросом: “не из ленинцев ли ты будешь?” Получив

---

[936] Богданов А.А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 90.

[937] Ленин В.И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1968. С. 106.

утвердительный ответ, заявили, что дальше разговаривать не ст***О***ит, так как район “впередовский”, стоит на позиции “старого” большевизма группы Богданова, Луначарского и др. Много трудов стоило убедить разрешить нам устроить дискуссию в районе»[938].

Дух «богдановщины» был в РСДРП неискореним, а влияние просветительской методики Александра Александровича вследствие ее высокой эффективности еще долго сказывалось на характере идеологической работы нелегалов-пропагандистов российской социал-демократии. В мемуарах А.Г. Шляпникова имя Богданова уже не упоминается, но воздействие идей Богданова на тех, кто тяготел к марксизму, осуществлялось именно так, как и во времена «богдановщины»: «На смену разночинной интеллигенции, учащейся молодежи явился интеллигентный пролетарий, с мозолистыми руками и высокоразвитой головой, не порывавший связи с массой, <...> стоявший по своему развитию выше многих видных и известных мне по заграница европейских рабочих»[939]. Эта новая рабочая интеллигенция на практике доказывала, что она способна во много раз увеличить партийные ряды в исторически сверхкороткий срок, что она в состоянии «отнять» слова и лозунги у буржуазной оппозиции и внести свои с новым смыслом, отражавшим чаяния большинства населения России, что и впредь «сумеет с достоинством и успехом вести ответственную работу в организациях, и своим воздействием улучшить работу старой интеллигенции <...>. Она сделает социал-демократию рабочей классовой организацией в более полном и точном смысле этого слова, чем когда-либо до сих пор»[940].

---

[938] Сафаров Г. Наша питерская организация перед выборами в IV Думу // Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911 – 1914). В 3-х вып. Вып. 3. М., Пг.: Госиздат, 1923. С. 126–127.

[939] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М.: Политиздат, 1992. С. 39.

[940] Там же. Необходимо учитывать, что Богданов много лет безуспешно убеждал лидеров РСДРП в том, что победа социалистических идеалов в обществе «не есть дело <…> настроения, порыва, массового устремления воли» (Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 333). Поскольку «*социализм – дело метода*» (Там же. С. 334), то здесь важнее всего кропотливая работа с пролетариатом по формированию твердо осознаваемой цели и ясно установленного пути к ней в условиях внутрипартийного взаимодействия на основе эгалитарного принципа. Но руководство РСДРП пользовалось более понятными ему самому политическими методами, и «на каждом шагу» члены партии сталкивались с политиканством, дипломатией, психологией торгового компромисса. В партии не понимали, что «во всех торгашеских комбинациях пролетариат окажется слабой стороной, будет обойден и проведен, ибо у него несравненно меньше торгашеского опыта и дипломатической опытности» (Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 124). Богданов не раз апеллировал к здравому смыслу теоретиков РСДРП, доказывая, что нужного результата можно добиться, если пропаганду вести с точки зрения главных целей пролетарского движения. Насколько Александр Александрович был прав, позднее подтвердил П.Н. Милюков: «Когда появились у наших общих врагов (большевиков – А.Л.) слова-шиболеты, зачаровавшие массы, и слова все простые: мир, земля, право труда, классовая борьба, – то нам нечего было противопоставить. У нас отобрали наши слова: конституция, право, закон», так что цель политической борьбы «теряла смысл» (Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. М.: Современник, 1990. С. 332).

К началу подготовки III съезда РСДРП А.А. Богданов все еще надеялся на то, что проблемы в партии возникали не столько по объективной причине, сколько вследствие распрей сугубо в среде высланных из России революционеров, подменявших в эмиграции партийные отношения «отношениями кланового порядка»[941]. Братья – Ю.О. Мартов, С.О. Ежов, В.О. Левицкий, их сестра – Лидия Дан и ее муж – Федор Дан, связанные тесными родственными узами, составляли клан Цедербаумов (такова настоящая фамилия братьев и сестры). Этот клан соперничал с группами, основанными П.Б. Аксельродом и А.Н. Потресовым. Были и другие. Попасть в число «своих людей» любого из кланов было делом непростым: та особая «семейная» обстановка, зародившаяся еще в бытность петербургских политических кружков, требовала от претендента безусловного подчинения нормам духовной жизни «высшей культурной» прослойки – «интеллектуальной элиты», к которой лидеры кланов себя причисляли. Эти люди были одержимы «научностью», которая, однако, «являла собой скорее умонастроение и утопический миф, чем ориентацию на дисциплинарную организацию знания»; они «все время ссылались на науку и научный прогресс и подчеркивали, что они одни имеют право говорить от имени науки»[942]. Этот «интеллектуальный элитизм» обнаруживался у эмигрантов-эсдеков даже не столько в демонстрации «книжности» и компетентности по вопросам теории социалистических преобразований, сколько в проявлении высокомерного отношения как к той партии, созданию которой они способствовали, так и к той стране, в которой они задумали все изменить[943]. Самобытные черты русского политического, социального и культурного развития вызывали у них явное пренебрежение и даже отрицание, которое распространялось на моральные устои и ценности основной массы российского населения. Это отрицание оборачивалось идеализацией западных норм как образцовых моделей, которым должна была следовать «дикая» и «неразвитая» Россия[944].

Подобная точка зрения эмигрантского руководства РСДРП соседствовала с невообразимой неразберихой в попытках оценить, насколько реальность соответствовала теоретическим положениям марксизма, – и мнения полярно расходились. Однако, являясь

---

[941] Heimson L. The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices From the Menshevik Past. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1987. P. 6.

[942] Батыгин Г. Преемственность социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 27–28.

[943] Heimson L. The Making of Three Russian Revolutionaries. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1987. P. 34.

[944] Heimson L. The Making of Three Russian Revolutionaries. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1987. P. 34.

«по *способу мышления*»[945] всецело воспитанницей идеологии западной буржуазии, российская социал-демократическая интеллигенция, невзирая на групповое расхождение «по мелочам», была едина в главном – в осознании необходимости борьбы за ту «подлинную», «настоящую» демократию европейского типа, которая «встанет во главе “нации” и установит парламентские – по возможности демократические – условия капиталистического развития»[946]. Вожди РСДРП «везде и всюду выискивали признаки развития буржуазной демократии, а если не находили. то выдумывали их. Они преувеличивали значение каждого “демократического” заявления и выступления, преуменьшая в то же время силы пролетариата и перспективы его борьбы. Они так фанатически стремились найти руководящую буржуазную демократию, чтобы обеспечить “закономерный” буржуазный характер русской революции»[947], что были не прочь сотрудничать с другими политическими течениями, даже если при этом пришлось бы отказаться от главного содержания рабочего движения. При этом почти все лидеры-эмигранты расценивали практическую деятельность революционеров России как малоэффективную и методично отстаивали главную позицию своей политической концепции, состоявшую в том, что в ближайшем историческом будущем России еще только предстоит проходить буржуазную фазу политического и социального развития, т.е. догонять Европу, а это – процесс длительный. Именно поэтому они беспощадно критиковали Ленина и его соратников за то, что те рассчитывали «перехитрить» историю сознательно организованными по заранее разработанному плану действиями специально подготовленных политических сил: сторонники Мартова и Плеханова видели в этом отголоски скомпрометировавшей себя «заговорщической» тактики народничества[948]. Притчей во языцех стала ленинская «твердолобость», под которой эрудиты-меньшевики подразумевали, конечно же, тупость. В своих публикациях они изображали Ленина политическим авантюристом, который вообразил себя Наполеоном и жаждал диктаторских полномочий. Особенно доставалось Ленину за убежденность в том, что союза с либералами на паритетных началах не может быть, ибо «вся история европейского и русского либерализма показывает сотни примеров расхождения слова с делом»[949]. Подобное расхождение было чревато непредсказуемостью последствий, опасных, по ле-

---

[945] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 328.
[946] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 80.
[947] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 80–81.
[948] О’Коннор Т.Э. Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. М.: Наука, 1993. С. 51.
[949] Ленин В.И. Рабочая и буржуазная демократия // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 9. М.: По-

нинскому мнению, еще и тем, что РСДРП в качестве союзника либералов будет плестись «в хвосте событий»[950] и делать «чужое» дело. Владимир Ильич считал: чтобы избежать этого, для организации партийной деятельности нужен специальный идеологический центр, который координировал бы работу пролетарского движения в полном соответствии с политическими шагами царизма и либералов.

Эта идея была встречена меньшевиками в штыки, а Ленина обвинили в очередном «бонапартизме». Однако, по твердому убеждению Ленина, без координирующего центра на плечи российских пропагандистов-практиков ляжет неподъемный груз работы, в то время как вожди будут заниматься дискуссиями по вопросам, мало волнующим партийную массу. Но эмигрантское руководство даже слышать ничего не хотело об опасностях нелегальной деятельности, которая велась под постоянной угрозой провокаторства, полицейских обысков и арестов. Сколько бы Ленин ни отстаивал свою позицию, меньшевики, указывая на мировоззренческую неподготовленность пролетариата, стояли на своем: действия ленинцев в России назывались «антисоциал-демократическими», ведущими к «вырождению партии в союз заговорщиков»[951].

Противостояние внутри заграничной лидерской команды породило еще одну серьезнейшую проблему для всего пролетарского движения. Проблема эта – «литературное бесплодие» партийных теоретиков. М.С. Ольминский (Галерка) так обозначил новое затруднение в делах РСДРП: «Перечтите для примера статью Плеханова “Теперь молчание невозможно” и ответ Лядову. Эти крохотные по размеру статьи писаны кровью сердца и соком нервов. До и после такой работы способность думать о других предметах падает почти до умственной прострации. Мудрено ли, что мы теперь редко слышим столь нужную для партии руководящую речь Плеханова по вопросам, не имеющим отношения к смуте (т.е. к расколу на большевиков и меньшевиков – А.Л.)? А Ленин? Никто не заподозрит его трудоспособности вообще. Но он за много месяцев смог написать только одну брошюру по вопросу о смуте: эта брошюра иссушила его мозг и, может быть, надолго лишила трудоспособности»[952]. Те перемены в состоянии здоровья В.И. Ленина, которые были отмечены ранее врачом А.А. Богдановым, обнаружили себя со всей неожиданной очевидностью для окружающих.

литиздат, 1967. С. 187.

[950] Ленин В.И. Две тактики социал-демократии // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 9. М.: Политиздат, 1967. С. 254.

[951] Шкаренков Л.К. История российской социал-демократии // Социальная демократия в России. С. 66.

[952] Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. С. 25.

Но самым большим сюрпризом в тот период стало озвученное редакцией «Искры» приглашение российским партийным организациям сделать выбор – какую из двух фракций поддерживать. С точки зрения любого рядового партийца ситуация выглядела абсурдно: «Передо мной <...> стоял вопрос: куда примкнуть? Со сторонами я мог познакомиться только по печатным источникам и проникся сильным предубеждением против большинства за его бюрократизм, бонапартизм и практику осадного положения. Я готов был растерзать Ленина за его фразы об осадном положении и кулаке. Оставалось примкнуть к меньшинству. Но вот беда: я не мог найти в печати указания на такие общие принципы, которые по своей ясности, важности и неотложности оправдали бы революционный образ действий по отношению к съезду и его постановлениям. Легко смотреть на решения съезда (II-го – А.Л.) можно только в том случае, если видеть в нем не съезд, а своз <...>; но принять <...> (произошедшее размежевание – А.Л.) я по совести не мог. Оставалось выбирать одно из двух. *Первое*: подвергнуть себя тирании осадного положения, подчиниться требованию “слепого повиновения”, “узкому толкованию партийной дисциплины” <...>. *Второе*: стать под знамя восстания, помочь разрывать уже сорганизованную партию, и не в силу расхождения в основных принципах, а из-за недовольства деталями устава и способом его применения. Ни туда, ни сюда. Положение трагическое <...>. Дезорганизаторское третирование <...> и... желание облегчить доступ в партийные организации представителям всех социал-демократических течений! Требование слепого повиновения и... автономия секций! Тут что-то не так... <...> Я решил поближе познакомиться с тем, как проводятся на практике принципы бюрократизма, бонапартизма и осадного положения. И то ли уж неудачи меня преследовали, только я узнал многое, а гильотины все-таки в работе у “большинства” не видал, робеспьеров не встречал, требования слепого повиновения не слыхал. Осмеливался даже почтительно рассуждать, – и ничего, жив!»[953].

Практики-большевики взывали к лидерам «меньшинства»: «Нужно прекратить взаимную потасовку»[954], а в ответ слышали от Ю.О. Мартова: «Пролетарская партия или организация интеллигентских руководителей несознательных пролетарских масс – так стоит вопрос <...>. Политическая самостоятельность пролетариев или вечная опека над ними непролетарской организации? <...> Каждый член партии должен дать себе отчетливый и ясный ответ»[955]. Меньшевики после этой отповеди Мартова были уверены, что теперь «мик-

---

[953] Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. С. 26 – 27.
[954] Там же. С. 29.
[955] Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. С. 30.

роскопический абсолютист, неукротимый дезорганизатор»[956] Ленин сражен окончательно. Однако Владимир Ильич не собирался отступать. Богданов, зная, какими потерями может обернуться «драка» с меньшевиками, понимал, что останавливать Ленина бесполезно, особенно когда он «хотел дать бой своим оппонентам – Аксельроду, Мартову, Плеханову и их сторонникам, – рассчитывая на поддержку большинства»[957]. Стало ясно, что Ленин возлагал большие надежды на III партийный съезд, проведение которого поможет большевикам обрести контроль над руководящими органами партии, о чем руководитель большевиков писал накануне партийного форума в письме П.А. Красикову: «Нам “терять нечего, выигрываем же (при победе) все”, у противников наоборот»[958]. Но расчет Ленина не был поддержан Л.Б. Красиным, который тоже надеялся положить конец межфракционным склокам, но, «борясь за единство партии, осудил раскольническую деятельность Ленина как наносящую вред делу революции»[959] и предложил искать варианты сотрудничества конфликтующих сторон, отнеся распри к занятиям, позорящим дело социал-демократического движения. Кроме того, Красин высказался против созыва партийного форума, «учитывая затраты и риск, сопряженные с проведением нового съезда»[960]. Члены ЦК, в котором Леонид Борисович играл заметную роль, поддерживали его летом 1904 г. и – в нарушение уставных норм – отстранили Ленина от работы «за фракционную деятельность»[961], лишили его «прав заграничного представителя Центрального Комитета партии и запретили печатать его произведения без разрешения коллегии ЦК»[962]. Ленин опротестовал это решение в письме пяти членам Центрального Комитета от 18 августа 1904 г. и в письме В.А. Носкову (Глебову) от 11 сентября 1904 г. повел решительную атаку на обструкционистов, параллельно развив активную деятельность по созыву III съезда, в чем получил поддержку Богданова. Александр Александрович действовал здесь отнюдь не с позиций партийного активиста-ленинца. Решение он принял как врач, обеспокоенный состоянием Владимира Ильича: истероидная нервозность лидера большевиков явилась следствием бросающегося в глаза истощения нервной системы. Налицо был астенический синдром – «болезненное состояние, проявляющееся повышенной утомляемостью и истощаемостью с крайней неустойчиво-

---

[956] Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. С. 31.
[957] О’Коннор Т. Инженер революции. С. 56.
[958] Ленин В.И. Письмо П.А. Красикову. 5 апр. 1905 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 28.
[959] О’Коннор Т. Инженер революции. С. 56.
[960] Там же. С. 56.
[961] Там же.
[962] Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 9. М.: Политиздат, 1967. С. 424, прим. 11.

стью настроения, ослаблением самообладания, нетерпеливостью, неусидчивостью, нарушением сна, утратой способности к длительному умственному и физическому напряжению <...>. Астения, развивающаяся из-за нервного перенапряжения, волнений, трудных, чаще длительных, переживаний, конфликтов», ведет к утрате способности «контролировать внешние проявления своих эмоций». Прогноз для подобной болезни благоприятен лишь при своевременном комплексном лечении[963]. Но Ленин-то больным себя не считал и лечиться не собирался! Значит, требовалось снижение нагрузки.

События, развивавшиеся в связи с конфликтом в лидерской среде, и в самом деле не предвещали Владимиру Ильичу ничего хорошего, поэтому в целях соблюдения врачебной этики и ради облегчения состояния нездорового вождя большевистской фракции Богданову пришлось накануне III съезда взять на себя львиную долю организационных обязанностей Ленина. Практически никто в партии не догадывался, почему Александр Александрович был *единственным* (кроме, разумеется, Н.К. Крупской и близких родственников) человеком, который в те трудные времена поддержал Владимира Ильича. Просто Богданов как специалист не мог поступить иначе: согласно данным науки о нейропатологиях, дело могло кончиться распадом личности[964], т.е. то, что случилось с 53-летним Лениным в самом конце его жизни, могло произойти на два десятилетия раньше. Вероятность столь неблагоприятного медицинского прогноза была тем более высока, что распри в лидерской верхушке не прекращались, а желавших, по образному выражению М.С. Ольминского, всадить в Ленина «осиновый кол», было предостаточно и среди меньшевиков, и в большевистской фракции. Недаром же Б.И. Николаевский в своих записях очевидца оставил такое замечание: «Без помощи <...> Богданова и его друзей Ленин <...> не смог бы вообще построить свою фракцию. Богданов, встав на его сторону, политически буквально спас Ленина»[965]. Николаевский связывал поступок Александра Александровича с характерной для вице-лидера большевиков отзывчивостью, благорасположением к людям.

Современниками Богданова, а затем и более поздними исследователями его биографии не было учтено еще одно немаловажное обстоятельство, побудившее этого гуманиста

---

[963] См.: Бамдас Б.С. Астения // Большая Советская энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1970 С. 334 ; Шмаонова Л.М. Неврастения // Большая Советская энциклопедия. Т. 17. М.: Сов. энциклопедия, 1974. С. 397.

[964] См.: Бамдас Б.С. Астения // Большая Советская энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 334.

[965] В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии

на столь нехарактерные для лидерской среды РСДРП решения. Зная несдержанность и бесцеремонную язвительность вождей, ни перед кем не подотчетных за свои слова и поступки, воспитанных индивидуалистами и приученных к конкурентной борьбе без сочувствия к оппоненту, особенно такому, как Ленин, несложно было вообразить, сколько неуместного злорадства обрушилось бы накануне III съезда на головы «ленинцев», постигни здоровье их руководителя катастрофа, дающая столько поводов для двусмысленных разнотолков. Вряд ли противники Ленина в этом случае удержались бы от пересудов, так и не поняв, что Богданов, оказав поддержку нездоровому лидеру большевиков, фактически сохранил репутацию всей эмигрантской верхушки партии в глазах рядовых участников российского пролетарского движения и мировой социал-демократии.

3.4 Причины идеологических конфликтов А.А. Богданова с лидерами РСДРП. Преследования ученого

Лидеры РСДРП, не нападая прямо на идею социальности познания, приступили к дискредитации взглядов А.А. Богданова в целом с помощью энергичных и крайне эмоциональных нападок на второстепенные аспекты его теории. Заведомо предвзятое обвинение Богданова в «ревизионизме» позволяло вождям партии безнаказанно выйти за обычные рамки полемики и действовать по принципу: «Кто посягает на святое – тот не оппонент, а враг, против которого допустимо применение *любых* средств». Именно этим обстоятельством в существенной степени объясняется и общий эмоционально-агрессивный тон плехановской школы в критических публикацях об эмпириомонизме, и использование нарочито искаженных цитат из богдановских работ для доказательства его «измены марксизму», и прямое домысливание за Богданова тех вещей, которых он никогда не писал. Подобные полемические приемы вряд ли приемлемы, если спорящие хотят найти истину или устранить заблуждение. Но все вставало на свои места, когда даже не скрывалось что основной целью оппонентов была дискредитация Богданова в глазах потенциальных читателей и желание заблаговременно пресечь их интерес к философии эмпириомонизма, практические выводы из которой порождали мысли не в пользу заграничных лидеров РСДРП.

На эту же главную цель – пресечение интереса к идеям Богданова в среде рядо-

---

1908–1912 гг. // Вопросы истории. М., 2010. №6. С. 14.

вых партийцев-пролетариев – объективно работала и тематика вопросов, наиболее активно рассматриваемых критиками эмпириомонизма: их многословные и щедро сдобренные цитатами рассуждения о вещах, общеизвестных даже в рамках обыденного сознания, вперемежку с малопонятными абстрактно-схоластическими формулировками лучше, чем что бы то ни было, убеждали рабочую аудиторию в том, что философия – наука, бесконечно далекая от повседневных жизненных нужд простого человека, и значение она имеет лишь для интеллигентного меньшинства. Оценивая сложившуюся ситуацию, А.А. Богданов констатировал: идейные лидеры РСДРП хотели сохранить в рабочем движении организационную структуру классических буржуазных партий авторитарного типа, где партийная масса по сути своей являлась не сознательным коллективом, а «стадом», покорным воле вождей. В итоге ученый, столь много сделавший для просвещения пролетариата, *оказался втянут в объективно не нужные рабочим перепалки,* ставшие основным занятием «вождей издалека», и его невольное участие в спровоцированном конфликте послужило цели дискредитации эмпириомонизма и его создателя ничуть не меньше, чем все громы и молнии, выпущенные в А.А. Богданова Г.В. Плехановым, Л.И. Аксельрод, а впоследствии и В.И. Лениным.

При всех разногласиях эти лидеры РСДРП были едины в том, что эмпириомонизм представлял собой «ревизию марксизма». «Ревизия» и в самом деле имела место. Правда, это был пересмотр многих положений не собственно теории Маркса, а той ее версии, которая усилиями «вождей издалека» неумолимо превращалась в догматическое учение. Богданов взял на себя смелость привнести дополнения, которые, на его взгляд, более соответствовали изменившимся условиям общественной жизни. И чем чаще он выходил за рамки догматической версии марксизма, тем более жесткой критике и обвинениям в отступничестве и ревизионизме он подвергался со стороны группировки оппонентов, назначивших себя на роль главных блюстителей чистоты «единственно верной теории». Однако здесь следует сделать оговорку по поводу того, что даже среди вождей-идеологов далеко не все знали, что марксистская теория, избранная в качестве образца подлинно научного мировоззрения, использовалась для революционной борьбы рабочего класса ***в урезанном виде.*** Поскольку вплоть до конца первой четверти XX в. «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», «Замечания на книгу А. Вагнера “Учебник политической экономии”», «Наброски ответа на письмо В.И. Засулич» в трех вариантах и сам этот ответ, а также «Заметки о реформе 1861 года и

пореформенном развитии России» и т.п. исследования Маркса были втихомолку исключены из научного и политического багажа пролетариата руководством СДПГ и РСДРП, то сформулированная основоположником марксизма целостная праксеологическая доминанта его учения внедрялась в социал-демократическую идеологию без учета всей сути «марксистского переворота в <...> системе человеческого мироотношения»[966].

Современные исследователи проблем «культурософии советизма» В.Д. Жукоцкий и З.Р. Жукоцкая обратили внимание на поразительный феномен, сыгравший в истории «русской мысли» и «русского марксизма» существенную роль. «Речь идет о миссии “творческого марксизма”, которая была явлена в произведениях Богданова»[967]. Когда молодой ученый вплотную подключился к просветительско-пропагандистской работе в партии, то при внимательнейшем изучении «урезанной» марксистской теории обнаружил явные методологические пробелы, касающиеся в первую очередь сциентистской направленности этой доктрины. Вследствие того, что «идеалом для с[циентизма] выступает не всякое научное знание, а прежде всего результаты и методы естеств[енно]-науч[ного] познания»[968], то из всех лидеров РСДРП с ролью «следопыта мысли» в этой области мог справиться, пожалуй, только А.А. Богданов, что и произошло. Однако феномен, обративший на себя внимание современных ученых, связывался ими почему-то с тем, что Богданов, опираясь якобы сугубо на интуицию, непостижимым образом «гениально прочитывал (по сути, угадывал) неизвестные ему рукописи раннего Маркса, превращая их в свое научное кредо, тогда лишь ему видимый путеводный маяк»[969]. В доказательство ученые XXI в. приводят факты, свидетельствующие об идентичности выводов, к которым Маркс и Богданов пришли независимо друг от друга. Так, за богдановским тезисом «тождества общественного сознания и общественного бытия» «стояло признание функционального различия “сознания” и “бытия”, по-разному делающих одно дело – социального становления человека в его истории. Этот функционально равноценный и даже “возвышающий” аспект сознания»[970] слабо сочетался с онтологически вторичным статусом сознания в концепции Ленина. «Последователи» Маркса, чувствовавшие себя блюстителями чистоты главной партийной теории, не могли примириться с

---

[966] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. С. 147.

[967] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 147.

[968] Юдин Э.Г. Сциентизм // Большая Советская энциклопедия. Т. 25. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 127.

[969] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 148.

покушением на авторитет великого учителя, воззрения которого приняли как неизменный и абсолютный эталон политической и научной мысли. Вожди были уверены: теоретические несовпадения во взглядах идеологов партии – явление недопустимое.

Однако, по мнению современных исследователей истории «русского марксизма», в конфликтах, направленных против Богданова, вообще не было смысла: просто вождям РСДРП не дана его возможность «угадывать»[971], «улавливать» в воззрениях Маркса гуманистическую сущность его теории[972], «двигаться» в рамках этой парадигмы[973], и т.п. А Богданову это «гениально» удается, и потому он «открывает заново марксову идею онтологического статуса сознания “объединившихся индивидов” из неизвестного ему раннего Маркса <...> и фактически интуитивно воспроизводит марксовскую мысль, не боясь ошибиться и существенно дополнить уже известного Маркса»[974]. Таким образом, исследователи XXI века определили, что ни Г.В. Плеханов, которого «судьба заставила <...> популяризировать социально-философские и общефилософские идеи Маркса»[975], ни В.И. Ленин, который раньше многих своих соратников и оппонентов реагировал на появление новых политических тенденций, чем стяжал себе славу мудрого и дальновидного вождя, ни кто-либо иной, а именно А.А.Богданов, подвергавшийся за свои взгляды критике со всех сторон, обладал, оказывается, столь удивительным феноменом, как интуиция, которая позволяла ему поразительным и непостижимым образом дополнять «известного Маркса» идеями Маркса «неизвестного».

Однако, если обратиться к биографическим данным немецкого и русских теоретиков, то обнаружится, что никаких особых чудес в действительности не было. И Плеханов, и Ленин – интеллигенты, имеющие познания и аналитические способности значительно выше среднего уровня, но только в вопросах философско-гуманитарной направленности. Поэтому и Плеханов, и Ленин, взаимодействуя, достаточно хорошо понимали друг друга, о чем есть соответствующие данные из переписки[976]. Понимали оба одинаково (без принципиальных расхождений по существу дела) и ту часть наследия Маркса, которая в «урезанном виде» использовалась ими в качестве теоретической базы для руководства российским социал-

---

[970] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 155.
[971] Там же. С. 148.
[972] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 154.
[973] Там же. С. 155
[974] Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века. С. 157
[975] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 145.
[976] См., напр.: Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому. 25 фев. 1908 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 142.

демократическим движением. Богданов имел не меньшие познания в философии и гуманитарных науках, что делало его поначалу «своим» в среде идеологов РСДРП. Однако его полемика и научные исследования дополнялись анализом, опиравшимся на большой запас естественнонаучных знаний, причем знаний не дилетантских, а профессионального уровня, что доказывается богатым иллюстративно-фактическим материалом его научных трудов. Оппоненты Богданова с насмешкой толковали о том, что он включал в свои теории «...механицизм, витализм, материализм, органицизм, энергетизм, эмергентизм и монизм, дарвинизм, геккелизм, бергсонизм, махизм, марксизм, большевизм, тейлоризм, футуризм Уэллса. Все оставило свой след на том, что впоследствии будет названо “богдановщиной”»[977].

Увлеченные критикой Богданова и переполненные «публицистической ядовитостью», оппоненты русского ученого даже не осознавали того, что к числу документов о жизни и деятельности исторического лица, известного под псевдонимом «А.А. Богданов», они неожиданно для себя добавили веское свидетельство, констатирующее масштаб эрудиции их современника, а также тот факт, что партийные соратники с завидной регулярностью подвергали этого ученого беспощадному публичному остракизму. Одно только перечисление теоретических концепций, открытий и аналитических исследований, выводы которых служили Богданову вспомогательным средством для создания совершенно нового научного направления, могло говорить непредвзятому человеку о широте диапазона творческой деятельности, о беспрецедентной масштабности задач, которые ставил перед собой и решал Богданов-мыслитель. Всякому, кто имеет представление о творческом процессе, известно, что движение вперед в любой области человеческой деятельности не может не опираться на уже имеющиеся открытия. Известно и то, как велика предварительная работа по изучению накопленного наукой интеллектуального потенциала, как много надо ***знать*** обо всех значимых достижениях в исследовательской сфере. Богданов, обращаясь к идеям предшественников и современников (особенно в части практической философии), в том числе и к открытиям исследователей смежных наук, не ставил перед собой задачи «попользоваться» результатами труда других мыслителей во славу самого себя: его цель была благороднее и бескорыстнее, а путь к этой цели – тернист. Он был убежден: «Новая наука должна родиться из *нынешней* науки. Весь ее материал, все ее методы должны быть исследованы с новой точки зрения <...>. Нынешняя наука полна элементов науки будущего

[977] Adams M. Red Star: Another Look at Alexander Bogdanov // Slavic Review. 48/1. 1989. S. 15. Цит. по: Горцка Г. Предисловие к 1-й книге «Неизвестного Богданова» // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 6.

<...>. Наука есть коллективизм опыта. История поставила перед нашим поколением необходимую задачу: обобщить и обобществить организационный опыт человечества. Задача трудная, материал ее подавляюще громаден, самые прочные традиции прошлого ей враждебны. Что же! Значит, эта задача не для робких и слабых»[978].

Однако, вместо помощи и соучастия в реализации столь актуальной (причем не только для России) цели, Богданов встречал необоснованную критику, затрудняющую начатый им процесс. «Ретивое стадо травителей»[979] во главе с Бельтовым (Г.В. Плехановым) вынуждало ученого отвлекаться от дел и реагировать на публичные заявления идеологов РСДРП, например, такого дискредитирующего характера: «...Эклектические головы, любящие “пестрые мысли”, мастерски “соединяют” самые противоречивые теории. Однако эклектизм “non est argumentum”»[980]. Ответ Богданова строго информативен и лишен желания «насолить» оппоненту: «Верно, тов[арищ] Бельтов, – эклектизм не аргумент... Но также не аргумент и *слово* “эклектизм” как немотивированная характеристика несимпатичных вам взглядов»[981]. И, чтобы хоть как-то остановить поток инсинуаций в свой адрес, Богданов предлагает вникнуть в суть того, чем он, начиная со времен вологодской ссылки, занимается: «Прежде всего, замечу, что наше время – эпоха специализации – есть также естественным образом эпоха *односторонностей*. Поэтому всякая попытка выработать цельное, т.е. монистическое, мировоззрение неминуемо должна использовать множество разнообразных, в отдельности односторонних философских комбинаций. Только выделяя “истину” каждой из них и стройно связывая полученных таким образом материал при помощи одного руководящего принципа, можно прийти к *монизму*. Так я и старался делать; а руководящим принципом моей работы была идея *социальности познания*, которое я рассматривал как *одну из* “идеологий”, – полагаю, марксистская идея. Следовательно, вопрос об эклектизме или монизме мировоззрения не решается указанием на источники, откуда возникли его различные элементы; иначе величайшим эклектиком XIX века надо признать К. Маркса, соединившего элементы материализма, гегельянства, социализма, буржуазной классической экономии и многие другие, находившиеся до него в совершенно разделенном и даже противоречивом состоянии»[982]. Богданов хорошо знал, о чем говорил: зрелому аналитическому уму даже «урезанное» наследие

---

[978] Богданов А.А. Тайна науки // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 409–410.

[979] Гловели Г.Д. Тектология: генеалогия и историография // Богданов А.А. Тектология. М.: Финансы, 2003. С. 6.

[980] Плеханов Г.В. Предисловие к сборнику «Критика наших критиков» // Плеханов Г.В. Сочинения. В 30 т. Т. 18. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 294.

[981] Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 241.

Маркса открывало то, что «не было отрасли знаний, чуждой для Маркса. Все изучал он, всем интересовался его неустанно работавший ум»[983]. Перечисленные Богдановым в «Эмпириомонизме» «элементы» марксизма – на самом деле лишь малая толика того, что использовал Маркс в качестве дополнительного материала для создания «Капитала».

То, что автор увесистого исследования капиталистической хозяйственной системы Западной Европы – личность разносторонняя, бесспорно. Однако несомненно и то, что одним только незаурядным интеллектом осилить поставленную задачу Карл Маркс попросту не смог бы: ему, как всякому серьезному исследователю, требовалась огромная предварительная работа с разнообразной научной информацией. Судя по результату, трудно даже вообразить объем необходимых ему дополнительных сведений по разным специальностям, использованных в его исследовательском труде. Даже сокращенный перечень тех занятий, которым Маркс посвятил годы своей жизни, производит неизгладимое впечатление широты интересов и основательности подхода к делу[984], свидетельствует о потрясающей работоспособности этого человека и о колоссальных возможностях его аналитического ума, объединявшего разрозненную информацию по многим отраслям человеческого знания в рамках целостной методологии научного исследования. Не лишним будет вспомнить и жизненный принцип Маркса: «Все подвергай сомнению», – высказанный вроде бы в шутку при ответе на вопрос дочерей[985], но на деле отражавший сущностную особенность научно-исследовательской работы автора «Капитала» – *никогда не строить гипотез и теорий без всесторонней многократной проверки анализируемых фактов с привлечением информации из множества разнородных источников*.

Богданову, разумеется, не были известны подробности биографии Маркса, собранные и опубликованные значительно позже. Но даже «урезанное» наследие основателя теории происхождения капитализма в Западной Европе убеждало Александра Александровича как исследователя-аналитика в том, что фундаментальные труды, наподобие «Капитала», не напишешь на основании единичных фактов и личного мнения. Богданов называл марксизм революционной теорией, имея в виду не якобы заложенную в нем идею насильственного захвата власти «общественно-передовым классом» (как это по-

---

[982] Богданов А.А. Эмпириомонизм. С. 241

[983] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 28.

[984] См.: Даты жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 597–625.

[985] Маркс К. Исповедь. 1 апр. 1865 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. М.: Политиздат, 1963. С. 492.

нимало большинство в РСДРП), а тот коренной переворот в методологии научного анализа общественного взаимодействия, который позволил по-иному взглянуть на «политическую экономию, историю, всю область общественных наук; <...> дал новую душу философии»[986]. Богданов оценил в работах Маркса прежде всего то, что сведение воедино исторических, экономических, юридических, естественнонаучных, социологических и других знаний сформировало марксизм не как экономическую, политическую или философскую доктрину, а как проявление новой – синтетической – парадигмы научного мышления, с помощью которой появилась возможность анализировать и прогнозировать функционирование сложных, динамически развивающихся систем. Если до Маркса развитие общества рассматривалось как скачкообразная замена одних статических состояний на другие, и изменения оценивались «с точки зрения класса, который не производит, а подчиняет себе труд других людей и пользуется им»[987], то Карл Маркс «*переменил точку зрения*»: «он взглянул на общество с точки зрения тех, кто производит»[988] и предложил воспринимать историю общества как проявление непрерывного процесса трудовых отношений людей, конкретные формы которого задаются переменными факторами воздействия природной и социальной среды.

Именно на эту особенность марксизма российская оппозиционная интеллигенция даже не попыталась обратить должное внимание, сосредоточив все усилия на борьбе за вестернизацию России на принципах либо «конституционной демократии» и ограниченного самодержавия, либо даже «парламентского социализма» и республики. В системе этих воззрений синтетическая парадигма научного мышления оказалась неуместной: оппозиционным лидерам нужно было *не устранение реальных проблем подавляющего большинства населения страны, а* ***реализация собственных политических идеалов***. Показательным примером здесь могло бы служить то, что либеральная интеллигенция приветствовала реформу 1861 г. как кардинальную смену положения земледельцев России. По мнению оппозиции, объявленная отмена крепостного права была равнозначна реальному предоставлению свободы, а дальнейшая судьба крестьян отныне зависела якобы сугубо от их трудолюбия. При этом фактическое сохранение крепостного права в форме «временнообязанного» состояния 85 % населения страны, запланированное правительством ***до 1932 г.***, интеллигенты попросту игнорировали. Настроения «либерально-

---

[986] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 25.
[987] Там же. С. 26.
[988] Там же.

народнического общества», например, П.Б. Струве характеризовал так: «Мы забывали, что обществу нашему нужны идеалы – политические, гражданские и иные – главным образом для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чем не думать, что ищет оно их не с юношескою тревогою, а с послеобеденным спокойствием, что разочаровывается оно в них не с душевными муками, а с легкостью аркадского принца. Ему, собственно говоря, и не нужно никаких идеалов, потому что оно сыто и вполне удовлетворяется утробными процессами»[989]. Неудивительно, что в тот период отмена цензурных ограничений представлялась оппозиционной общественности более значимым поводом для борьбы с самодержавием, чем кризисное состояние подавляющего большинства соотечественников и чем даже угроза для российского государства оказаться под внешним управлением из-за грядущего банкротства.

Но самым большим желанием немногочисленной прослойки российского населения, относящей себя к передовой образованной оппозиции, по-прежнему оставалось установление конституционного строя. Пожалуй, из революционных публицистов лишь А.А. Богданов пытался аргументированно обратить внимание общественности на несвоевременность реализации таких мечтаний. Свои доводы он неоднократно сводил к жесткой формулировке: «“Конституция” означает определенное, сложившееся органическое *равновесие общественных сил*. Оно наступает тогда, когда между экономическим развитием и политическим строем установилось *соответствие*, по крайней мере, в основном и в главном, – а коренного противоречия между тем и другим нет. Экономическое развитие уже не находит препятствий в политических формах и может идти дальше спокойно, без глубоких потрясений»[990].

Любопытно, но В.И. Ленин в 1909 г. печатно доказывал, «что у нас *существует* конституция»[991]. Первое заявление Владимира Ильича[992] было перепечатано в заграничном издании «с восторженными комментариями редакции и выражением полной солидарности»[993]. Сам Ленин и его сторонники на протяжении двух с лишним лет «объясняли и доказывали, что после пережитых бурь (революции 1905 – 1907 гг. – А.Л.) крупный капитал <...> достиг соглашения с обуржуазившимися помещиками на умеренной про-

---

[989] Цит. по: Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 358.

[990] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 118.

[991] Там же.

[992] Ленин В.И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 17. М.: Политиздат, 1968. С. 345 – 346.

[993] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 118.

грамме реформ, которая проводится в жизнь бюрократией при содействии Думы. Реформы эти заключают минимум экономической и гражданской свободы, необходимый для развития капитала; следовательно, буржуазия в общем удовлетворена. Помещики сохранили за собой наибольшую возможную для них долю власти, влияния и экономических выгод, зависящих от их главного участия в составе бюрократии, то есть от использования значительной части гигантского государственного бюджета, от поддержки их Дворянским и Крестьянским банком и т.под.»[994]. Но Богданов и «впередовцы» возражали на этот ленинский тезис так: любая конституция в стране, где царит экономическая и политическая неразбериха, – это «телега впереди лошади», не устраняющая, а усиливающая дезорганизацию социальной, экономической и политической жизни. Доказательства обратного несостоятельны, потому что в «картину прочного равновесия» вписывалось лишь около 10 % российского народонаселения, а это делало живописание конституционных благ далеким от реальности, тем более что страх перед назревающей революцией толкал народившийся и пока еще не окрепший капитал «под защиту помещиков с их бюрократией; но при этом приходилось сдаться без условий и уступок от них»[995]. Что до остальных жителей России, не вошедших в 10 %-ный контингент, то для них жизнь определенно ухудшилась – разорение крестьянства «пошло с огромным ускорением», а у рабочих «одна за другой были вырваны все экономические и почти все политические уступки <...>. Где же равновесие? Коренное противоречие между экономическими потребностями и политической системой отношений осталось»[996].

Но Владимир Ильич слышать ничего не хотел. Он был увлечен в то время идеей повести Россию «по “прусскому” пути – как в Пруссии после бури 1848 года до нашего времени – путь длинный, медленный и жестокий, но все же прогрессивный»[997]. Правда, с 1912 г. «ленинцы» резко сменили тематику выступлений, и с тех пор «об октябристской конституции ничего от них не слышно, наличность коренных противоречий признается, “прусский путь” отрицается <...>. Может быть, в 1909–1911 [гг.] октябристская конститу-

---

[994] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 118. Финансовая поддержка дворян, о которой говорил Богданов, была обеспечена тем, что Дворянский банк предоставлял помещикам льготные ссуды под залог имений, а Крестьянский банк скупал земли разорившихся помещиков для последующего раздела на мелкие участки и продажи крестьянам. Таким образом, дворяне получали денежные средства независимо от того, насколько эффективно управляли своей земельной собственностью.

[995] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 119.

[996] Там же.

[997] Там же.

ция существовала, а потом улетучилась?»[998], – спрашивал Богданов. Но ответить было нечего и некому, потому что позиция теоретиков РСДРП напрямую зависела от их политических и конъюнктурных умонастроений, что являлось отличительной особенностью почти всех общественных оппозиционных течений России. Наглядное тому подтверждение – случай с ответом Карла Маркса Вере Засулич, когда Плеханов не свои взгляды на перспективы развития России пересмотрел, а попросту скрыл от партии разошедшееся с этими взглядами заключение «великого учителя», чтобы без помех доработать и опубликовать свою книгу «Социализм и политическая борьба» (1883), «научный анализ» которой явно противоречил выводам немецкого теоретика: честолюбие и лидерские амбиции Георгия Валентиновича победили веру в Маркса и его гений. При этом именно веры в гений Маркса добивались вожди РСДРП от масс. Однако по формальным критериям Плеханов не допустил явного отступления от марксизма: его работа была написана в соответствии с основным содержанием «Капитала», и этот факт позволял Георгию Валентиновичу и в дальнейшем искренно позиционировать себя в качестве преданного блюстителя марксистской доктрины. Здесь явно не хватало добросовестности, потому что одно только более внимательное прочтение «Капитала» и ответа Маркса на письмо Веры Засулич могло бы привести Георгия Валентиновича к пониманию того, что теория Маркса базировалась на тщательном изучении внушительного массива российских и европейских материалов, а выводы о русской общине явились результатом сравнительного анализа научных данных о положении земледельцев России, Европы, Китая, Индии и США, в то время как Плеханов даже российскими источниками интересовался мало, предпочитая получать сведения о ситуации на местах из частной переписки с русскими марксистами. Таким образом, автор «Капитала» для обоснования каждого вывода обращался к гетерогенной информации широчайшего диапазона, а первый русский марксист – к гомогенной, урезанной до воззрений небольшой группы единомышленников. Это свидетельствовало о том, что немецкий ученый был нацелен на анализ всесторонних и максимально достоверных сведений об изучаемых реалиях, а Георгию Валентиновичу хватало подтверждения, что другие тоже разделяют его взгляды, – разница в научном подходе принципиальная. Поэтому в лидерской среде отнюдь не случайно утвердилось такое внутреннее взаимодействие, которое было основано на «высшей политике», признающей эффективность «соглашений, блоков, дипломатических ходов, ультиматумов», ведущих руководство РСДРП при его тогдашней

[998] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 119.

оторванности от России «к мнимой работе, к самообольщению и к действительному разложению эмиграции»[999]. К подобным скандальным особенностям взаимодействия обыкновенных людей можно было бы отнестись без особой ажиотации, если бы эти люди не были лидерами РСДРП и не предпринимали попыток переносить конфликт в нелегальные партийные организации, чтобы «из-за границы объединять или разъединять российские элементы и вообще реально руководить ими»[1000]. Хотя такие попытки пропагандисты-практики РСДРП во главе с Богдановым называли «детскими по мысли», но вынуждены были признать их еще и «вредными по результатам»[1001]: раскол, привносимый вождями-эмигрантами в нелегальную российскую среду, сводил на нет идейную и практическую работу пропагандистов-организаторов, разрушал партийные ячейки так же губительно, как жандармский надзор и произвол. Богданов раз за разом настойчиво пытался убедить соратников, насколько важно доходчиво донести до всей партии в целом то, что сущность культуры – это, прежде всего, методы взаимодействия. Пролетариат, который строит отношения на основе товарищеской солидарности и равноправия, не может пользоваться методами буржуазии, основы которых «выработаны ею в жизни рынка с его торгашеством и стремлением “провести” конкурента. <…> Пригодны ли такие методы для класса, стоящего в радикальном противоречии с окружающим его миром»[1002], – не должно быть вопросом. Мало обращаться друг к другу «товарищ», надо строить отношения на основе уважения к праву равенства всех и каждого – вне зависимости от официального статуса члена партии в организации. А уж обсуждение серьезнейшей темы, сверхважной для всего движения, было недопустимо превращать в полемические спектакли.

Кстати, моду в РСДРП на бурные столкновения с оппонентами ввел в практику партийных дискуссий именно Г.В. Плеханов, который при всяком удобном случае непременно демонстрировал свою «какую-то особенную, недоступную простым смертным мудрость»[1003]. Приведенное мнение Богданова было не единичным: об этой особенности Георгия Валентиновича знали многие в РСДРП. Ленин не менее жестко характеризовал манеры «крестного отца» русского марксизма: «Когда Плеханов говорит, он острит, шутит, шумит, трещит, вертится и блестит, как колесо в фейерверке. Но беда, если такой оратор точно за-

---

[999] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 122.
[1000] Там же.
[1001] Там же.
[1002] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 124.
[1003] Там же. С. 131.

пишет свою речь и ее подвергнут потом логическому разбору»[1004]. Но это будет потом, а в момент полемической баталии «фокус» Георгия Валентиновича, как правило, удавался[1005]. Возможно, сам Плеханов сменил бы столь экстравагантную форму участия в политической «драке»[1006], да уж очень нравилась эта манера его единомышленникам, которые, слыша очередную «блестящую остроту» своего кумира в ответ даже на совершенно неопровержимые доводы оппонентов, «…были вне себя от удовольствия, <…> хохотали до упаду <…>. Громы аплодисментов потрясали залу заседания. Вопрос о том, сумел ли Плеханов свести концы с концами», отвечая сопернику, как правило, снимался раз и навсегда[1007]. Сам Владимир Ильич в 1900–1901 гг., когда оказался в эмиграции, прошел школу у опытных полемистов РСДРП – у Г.В. Плеханова, Ю.О. Мартова, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич, которые учили его избегать в статьях «ряда резкостей», но «советовали» заменить раздраженные нападки «ехидным назиданием свысока»[1008]. Ленин сомневался, что ему это удастся, – и не зря: вышло так, что он до конца жизни остался верен своей привычке устраивать банальнейший «разнос» тем, кого он считал своими оппонентами, и «изобличал» критикуемых деятелей и мыслителей так, будто «душу отводил, сводя счеты» с ними[1009].

Между тем политика лидеров социал-демократического движения все чаще стала представлять собой столкновения амбиций в форме, похожей на «турнир речей»[1010]. Все это происходило тогда, когда в самой России проблемы пролетарского движения, появившиеся вследствие чисто российских условий, мало похожих на западные, повисали в воздухе и не находили решения, становясь «болью» практиков-исполнителей, в то время как главные лидеры эмигрантского руководящего ядра партии усердно фиксировали в партийных документах, что им в очередной раз удалось успешно отстоять марксизм от еще одной «зловредной ереси». Такого рода борьба давала повод лидерам РСДРП ощущать себя востребованными даже в тех случаях, когда у них не находилось объяснения

[1004] Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 16. М.: Политиздат, 1973. С. 306.

[1005] Там же.

[1006] Ленин В.И. Письмо Н.К. Крупской. Авг. 1900 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 35.

[1007] Ленин В.И. Доклад об Объединительном съезде РСДРП // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1972. С. 15.

[1008] Ленин В.И. Письмо Г.В. Плеханову. 25 июля 1901 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 130.

[1009] Ленин В.И. Письмо П.Б. Аксельроду. 26 июля 1901 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 132.

[1010] Выражение Ленина. См.: Письмо Г.Д. Лейтейзену. 10 окт. 1903 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. М.: Политиздат, 1975. С. 307.

событиям. Вожди в подобных ситуациях реагировали стандартно: любое стремление рядовых членов партии самостоятельно осмыслить причину несовпадений теории с практикой неизменно причислялось к проявлениям ревизионизма и преследовалось всеми доступными средствами. Вожди пролетарского движения в то время (особенно в первое десятилетие XX в.) видели свою задачу в создании собственной философии, заменив в марксизме научный подход на веру в догматы, провозглашенные «абсолютной истиной», сомневались в которой, по их мнению, лишь реакционеры и невежды. Опыт показал, что подобная догматизация плоха не только тем, что сформированные доктринальные представления не менялись вместе с меняющейся жизнью общества, но и тем, что они существовали сами по себе, слабо пересекаясь с практикой борьбы рабочих, а потому не могли служить руководством к действию. Все это в глазах партийных масс вело к потере смысла идейно-политической работы вождей-эмигрантов: практики неоднократно убеждались в том, что у лидеров РСДРП не было целостного понимания политической обстановки в стране и мире, а их способностей и знаний хватало лишь на то, чтобы «революционизировать» пролетариат с помощью теории Маркса, со временем окончательно превратившейся в «истинное учение российско-марксистской церкви»[1011]. Иначе и невозможно назвать суть той деятельности, которая состояла в упорном навязывании партийным массам мысли о марксизме как «абсолютной истине»[1012].

По мнению Богданова, именно по воле идеологов РСДРП в сознании рядовых членов партии «слова Маркса превращаются в верховную инстанцию решения всех вопросов, комментируются наподобие священных писаний и даже подвергаются благочестивой подделке, как библия когда-то у католиков; наконец, самый образ Маркса <…> шаг за шагом обожествляется»[1013]. Между тем пролетариат, уже вступивший на путь борьбы с эксплуататорским строем, остро нуждался в идеологах, нацеленных на то, чтобы не дать основному составу партии сделаться «надежным стадом»[1014], ибо в начале XX в. во всех политических объединениях России решался совсем не отвлеченный от интересов рабочего класса вопрос – «вопрос об идейном рабстве или свободе, о стаде или сознательном коллективе»[1015], совместными усилиями ведущем политическую борьбу за свои идеалы. Кроме того, огромную роль в развитии мировых процессов должно было в самом ближайшем будущем сыграть, по мне-

---

[1011] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 33.
[1012] См.: Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 74.
[1013] Там же.
[1014] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 43.
[1015] Там же.

нию Богданова, то, насколько свободным окажется человеческое мышление от ограничений, налагаемых на него такими исторически отживающими идеологическими формами, как авторитарная и индивидуалистическая. Ученый считал: в технологически быстро развивающемся мире условия решения цивилизационных стратегических задач многократно усложнятся и вынудят руководителей стран под давлением социальных проблем пойти на замену традиционных механизмов авторитарного государственно-бюрократического регулирования, а также на поиск способов усмирения стихии колебаний рыночной конъюнктуры. Методология добогдановского периода, разработанная вождями РСДРП якобы в соответствии с марксистской теорией и используемая для анализа мировых процессов, уже не годилась для этих целей, поскольку ее отличительной особенностью являлось использование статической когнитивной схемы. В соответствии с этой методологией исследование конкретной социально-экономической и политической ситуации начиналось с определения основных формообразующих факторов: соотношения классовых сил в обществе, взаимодействия групп внутри классов, состояния общественного производства и экономики в целом и т.д. Логические операции с полученными данными позволяли исследователям выявить тенденцию общества под влиянием этих факторов и построить соответствующую абстрактную модель будущего, характерной особенностью которого становилось предельное развертывание обнаруженной тенденции. Полученная модель рассматривалась в качестве неизменной данности. Естественно, что методы ее анализа оценивались как столь же неизменные «абсолютные истины». То, что изучаемая ситуация может измениться буквально на глазах аналитиков, приверженцы статической когнитивной схемы принципиально игнорировали, считая любые указания на происходящие изменения «ревизионизмом» по отношению к уже выстроенной модели, главное назначение которой видели исключительно в том, чтобы определить, *за что бороться и на какие силы опереться* в ближайший исторический момент.

Отличие богдановского системного анализа от подобных когнитивных схем заключалось в том, что в соответствии с организационными закономерностями ученый, обозначив основные формообразующие факторы ситуации и охарактеризовав их сочетание, задающее общественному развитию определенное направление, оценивал, как это развитие может изменить исходную комбинацию факторов, какие новые социально-экономические и политические процессы будут этим вызваны и какое сочетание общественных сил окажется присущим возникшей ситуации. Если в добогдановских теориях в задачу идеологов входила критика настоящего и провозглашение идеалов будущего, и промежуток между двумя этими состояния-

ми общества представлял собой «провал», ничем, кроме идеологических лозунгов, не заполненный, то разработанный Богдановым метод анализа предоставлял возможность проследить весь ход процесса в динамике, всю цепочку причинно-следственных связей, подталкивающих общество к движению во времени от одного состояния к другому, наиболее вероятному, а не одни лишь начало и конец трансформации. Исследуя это движение, ученый мог с максимальной точностью выяснить, *что именно, почему и каким образом вызовет изменения* в текущем состоянии общества. Сопоставление прогнозов, выполненных самим Богдановым в начале XX в. для России и стран Европы, и последующего реального хода исторических событий поражает высокой степенью корреляции. Сколько ни пытался Богданов доказать руководству РСДРП преимущества системного анализа на основе организационных закономерностей, в ответ слышал лишь отповеди, соответствовавшие стандартному алгоритму репрессивного поведения – «тащить и не пущать».

Более всего вождей РСДРП выводило из себя то, что Богданов, как они внушали партийным массам, покушался на марксизм – на ту «абсолютную» теорию, в которой проявилась «гениальность Маркса и Энгельса», особенно в том, «что они презирали гелертерскую игру в новые словечки, мудреные термины, хитрые “измы”, а просто и прямо говорили: есть материалистическая и идеалистическая линия в философии, а между ними разные оттенки агностицизма»[1016], – и никаких сомнений по поводу того, что материализм – «вечная истина», ни у кого не должно возникать. Богданову трудно было удержаться от иронии при обнаружении у оппонентов незнания «ни основных концепций школ имманентной и эмпирической, ни специально той работы Авенариуса»[1017], которую они цитировали, поэтому на все критические замечания Александру Александровичу оставалось только восклицать: «Ну разве можно до такой степени зарапортоваться!»[1018]. Теоретики российской философской школы вынуждены были, по мнению Богданова, «бессильно топтаться на месте, среди привычных, но неопределенных понятий. Где нет действительной связи с наукою, там обыкновенно выступает на сцену “аппарат учености” – цитаты, цитаты без конца. <…> Мысль читателя непрерывно дробится приводимыми чаще всего без надобности именами и текстами – очень часто иностранными, без перевода. Возьмите последнюю брошюру Плеханова “Основные элементы марксиз-

[1016] Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 150.

[1017] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии. М.: Изд-е С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1910. С. 199.

[1018] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 175.

ма”: популярная по существу брошюра в 4 обычных печатных листа; цитат – несколько сотен, и ни английские, ни немецкие, ни даже древнефранцузские в большинстве не переведены: так легче запугать читателя, чтобы он почувствовал глубину учености автора. Две трети цитат излишни <…>. Чтобы высказать банальнейшую истину <…>, понадобилось потревожить прах Гегеля и сослаться на географа Ратцеля. – Если Маркс много цитировал в “Капитале”, то не для доказательства, что дважды два – четыре»[1019].

Дело в том, что, например, В.И. Ленин, сравнивая в работе «Материализм и эмпириокритицизм» идеи Л. Фейербаха, Ф. Энгельса, И. Дицгена со взглядами «монистов», устраивал последним многоцитатный «разнос». Однако в ответной статье «Вера и наука» Богданов убедительно и без эмоциональных взрывов доказывал, что по большому счету по всем предложенным Владимиром Ильичом спорным вопросам «между теми и другими, кроме терминологии, сколько-нибудь серьезной разницы нет. Потому-то “махисты” <…> и не полемизируют с Фейербахом и Дицгеном, а полемизируют с занимающим радикально иную позицию Плехановым, – за что В. Ильин (именно под этим псевдонимом В.И. Ленин издал свою философскую работу – А.Л.) многократно их обвиняет то в незнании этих лучших материалистов, то в трусости перед ними… Незнание тут действительно есть, но это незнание “махизма” В. Ильиным, а также незнание им тех соотношений, которые существуют между “махистами” и старыми материалистами-эмпириками с одной стороны, полукантианскими “материалистами” типа Плеханова – с другой»[1020]. Обнаружить эту разницу Ленин мог только в единственном случае, – основательно проштудировав *всю* «Критику чистого опыта» Р. Авенариуса. Но поскольку это занятие «нелегкое», то Владимир Ильич для утверждения своей позиции в «Материализме и эмпириокритицизме» воспользовался всего лишь выдержками первых страниц и терминологией из книги швейцарского ученого в надежде, что «читатель не разберет», читал ли в действительности сам Ленин работу основоположника эмпириокритицизма, чтобы со знанием предмета полемики оппонировать ему, хотя на деле лишь «сделал вид, что изучил ее»[1021].

Основания для такого сомнения имелись, потому что не только разбор работы Ленина уличал Владимира Ильича в философском невежестве. О том, что лидер большевиков и вправду был слабовато подготовлен по части философии, он и сам не скрывал, что было неоднократно зафиксировано и в его переписке, и во время полемических «сраже-

---

[1019] Богданов А.А. Приключения одной философской школы. С. 25 – 26.
[1020] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 163.
[1021] Там же. С. 199.

ний». Да и Г.В. Плеханов, по словам очевидцев, называл, случалось, Владимира Ильича «первоклассным философом», добавляя при этом многозначительное – «т.е. еще в первом классе»[1022]. И это было довольно редкой для Плеханова беспристрастной констатацией факта: Ленин в своих попытках разобраться в сути философских дискуссий слишком часто выглядел беспомощно. Казалось, что «одни и те же этикетки он наклеивает на самые разные вещи: Беркли, Юм, Мах для него одно и то же; Маркс и Плеханов столь же неразличимы; коллективная организация опыта смешивается с буржуазным индивидуализмом и т.д. Если бы он был аптекарем, то перетравил бы массу народу: самого поверхностного сходства ему было бы достаточно, чтобы считать за одно и то же разные медикаменты – сладкий белый сахар и сладкий белый мышьяк, – стоит ли обращать внимание на какую-то разницу в составе?»[1023] А когда Владимир Ильич стучал кулаком в стену, приговаривая: «Вот, это разве не материя?»[1024], – лидер большевиков выглядел вообще анекдотично. Богданов в ответной критике на ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» обращался к логическим доводам, чтобы умерить пыл оппонента: «Мы знаем В. Ильина – ученого-экономиста, действительно знающего свою специальность. И что же? В его экономических произведениях вы не найдете ни такой выставки показной учености, как в его “философии”, ни такого высокомерно-профессорского тона. О причине легко догадаться: там он *знает*, что говорит»[1025].

На первых порах знакомства с книгой Ленина нелегко было понять, зачем ему понадобилось на 350 страницах ошеломлять читателей набором чужих цитат и запутанными формами выражения своих мыслей, суть которых фактически сводилась к тому, что «теория Маркса *есть* объективная истина, а это значит, что она *путь* к абсолютной истине»[1026]. Цель своей работы Владимир Ильич четко обозначил позже и только в единственной реплике, недвусмысленно адресованной Богданову и его единомышленникам: «Потуги найти “новую” точку зрения в философии характеризуют такое же нищенство духом, как потуги создать “новую” теорию стоимости, “новую” теорию ренты, и т.под.»[1027]. Богданов эту ленинскую позицию интерпретировал так: читателям «Материализма и эмпириокритицизма» авторитарными методами навязывался консерватизм

[1022] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 97.
[1023] Там же. С. 156–157.
[1024] Богданов А.А. Записная книжка // РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1 Д. 48. Л. 27 об.
[1025] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 199.
[1026] Там же. С. 156.
[1027] Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 18. М.:

мышления, отличительной особенностью которого было «требование *остановки* научного познания <…>, декретирование невозможности идти далее, если не в целом, то хоть в его частях, если не в исследовании, то в методе… Всюду *статика*, опирающаяся на *веру*, объект которой – *абсолютное*»[1028]. Таким способом, по мысли Богданова, Ленин боролся только за то, чтобы «наука прекратила свое течение… Какое, однако, счастье для Маркса, что Вл. Ильин живет теперь, а не 60 лет тому назад, когда Маркс имел наглость открывать “новые” для своего времени точки зрения»[1029].

Все это привело Богданова к заключению: вожди не были готовы к теоретическому осмыслению радикально трансформировавшейся организации взаимодействия общественных классов, которая обнаружилась к началу XX в. Если в рамках классического капитализма пролетариат и буржуазия взаимодействовали непосредственно друг с другом, то на стадии крупного индустриального производства и особенно в период бурного развития финансового капитализма характер этого взаимодействия изменился, практически исключив прямое противостояние. Не менее радикально переменились и производственные технологии, степень наукоемкости которых возросла, соответствующим образом повлияв на характер труда рабочих и образ жизни общества. Отвечая Ленину в статье «Вера и наука», Богданов доказывал, что воспитанные в классических гуманитарных традициях, обособлявших «идею» от практического дела, вожди социал-демократии становились беспомощными, когда не находили в трудах Маркса и Энгельса четко сформулированных теоретических подсказок для рационального осмысления текущих событий. Последователи марксизма на пороге XX в. оказались в мировоззренческом ступоре, не зная, как действовать в условиях, не имевших соответствующего пояснения у основоположников базовой доктрины, поэтому ничего лучшего не придумали, как свести идеологическую работу с партийными массами к простому комментированию цитат из произведений классиков. Поскольку мнения комментаторов порой расходились полярно, приходилось устраивать в печати (прежде всего партийной) полемические дискуссии с целью соблюсти «чистоту марксизма».

Именно в этой форме просветительско-идеологической работы особенно рельефно проявилось то, что Богданов относил «к вопросу о профессиональной учености и

Политиздат, 1968. С. 150.

[1028] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 157.

[1029] Там же. С. 175.

профессиональном невежестве»[1030]. Дело в том, что, если раньше знание великих философов-мудрецов базировалось на энциклопедическом кругозоре и было тесно связано с исследовательской деятельностью, то теперь «задача объединения человеческого опыта, в его неисчерпаемом богатстве, сложности и противоречивости, перешла в руки людей, знания которых в массе случаев не выходили из пределов книг, написанных другими людьми по философии <…>; самое же содержание этого опыта, развивающейся трудовой практики и познания оставалось в наибольшей доле им незнакомым и чуждым, даже неинтересным»[1031]. Богданов считал, что такое представление о задачах «науки мудрецов» привело ее в начале XX в. к кризису, к вырождению «в пустую схоластику, полезную разве только в смысле упражнения логических способностей»[1032].

Оппоненты Богданова, а в дальнейшем и исследователи его работ приписывали ему неприятие и отрицание любой философии. В действительности он был против только схоластической философии. С его точки зрения, в мире, где главной особенностью общественной жизни стал технологический прогресс, появившийся в результате интенсивного развития инженерно-технической мысли, наиболее востребованным оказывался иной подход, базирующийся на целесообразном изложении принципиальной сути явлений, на точных формулировках, характеризующих рационально, без лишних слов основное содержание дела, – т.е. жизненная практика требовала от людей умения воспринимать и передавать мысли в формах, четко, конкретно и разумно обоснованных. В этот период современный философ, перед которым его наука испокон веку ставила задачу №1 – быть «мудрым учителем жизни», по мнению Богданова, «изощрился» не в осмыслении реалий окружающего мира, а «в критических анализах понятий»[1033]. Но если такой философ «не знает ни практической жизни своего времени, ни методов и результатов самых различных наук, на которые опирается человеческий труд, ни современного ему состояния литературы и искусства», то он сам «есть живая насмешка над философией»[1034], так как наука подобного мудреца опирается всего лишь на «опыт его кабинета и нескольких тысяч томов чужих рассуждений»[1035]. В общем и целом на пороге XX в. возник «карикатурный тип философского “Fachphilister’a” («отраслевого обывателя», т.е. чрезмерно узкого специалиста, неве-

---

[1030] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 192.
[1031] Там же. С. 212–213.
[1032] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 213.
[1033] Там же.
[1034] Там же.
[1035] Там же.

жественного за пределами своих профессиональных знаний – А.Л.) <…>. Наивные люди верят, что это, собственно, и есть настоящий носитель философского мышления»[1036].

Секрет гипнотического воздействия на «наивных» людей (большинство тогдашних партийцев) был связан с методикой доказательств нового образца, используемой вождями-идеологами в полемических дискуссиях: «…Тысячи имен и цитат проходят перед читателем в дикой пляске, оставляя в неопытном человеке чувство тревожной растерянности перед той бездной знания, в какую проникло глубокомыслие автора. Читатель подавлен: ему кажется, что целой жизни изучения мало, чтобы одолеть философскую премудрость предлагаемых ему абсолютных и вечных истин. О критике – где уж тут и думать. Нет, дело ясное: пусть уж истинные специалисты философствуют за нас и дают нам готовые плоды своих дум; нам же, бедным людям практической жизни, тысячи философских трактатов читать не приходится. Будем “им” верить, “они” знают лучше»[1037].

А это – не простое формирование зависимой психологии масс. Это – консервация мировоззренческой отсталости управляемых и откровенное навязывание принципа авторитарности вождей. Чтобы вера рядовых была непоколебима, нужна абсолютная истина – эталон для бесконечного совершенствования. Богданов констатировал: «Тенденция к “абсолютному” присуща всякому авторитету; ибо подчинение ему прочно и надежно только тогда, когда веления, указания, утверждения, от него исходящие, принимаются как нечто безусловное, непреложное, не подлежащее критике <…>. “Вера” есть отношение человека к признаваемому авторитету: не простое доверие к нему или согласие с ним, но – основанное на *подчинении*, на устранении собственной мысли и критики, на отказе от исследования, на подавлении всяких возможных сомнений, на акте воли, направленном к познавательной пассивности»[1038]. Навязывание такой формы сотрудничества между вождями и массами неизбежно порождало явление, приводившее любое политическое движение к идеологическому вырождению, поскольку взаимодействие опиралось на истину, которой дали статус «абсолютной». Богданов это явление назвал «идейным вампиризмом»[1039]. Чтобы быть более понятным, Александр Александрович обратился к привычно-бытовому примеру. «Возьмите любую авторитарную организацию, даже хотя бы современную бюрократию: разве там начальник не ответствен за деяния своих подчиненных? и

[1036] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 213
[1037] Там же. С. 194.
[1038] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 143–144.
[1039] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 74–75.

разве они не должны точно выражать его предначертания? Перенесите эту точку зрения в область философской полемики – и перед вами новый “метод”»[1040] организации мировоззрения: свобода мысли здесь предоставлялась только главному идеологу, а остальным «не должно сметь свое суждение иметь».

Идейный вампиризм отнюдь не случайное явление и далеко не безобидное, а ведущее к радикальной переориентации всей партийной деятельности: загнанная в рамки «вечной и неизменной истины» теоретическая концепция уродливо решала проблему политической слепоты масс в непредсказуемо меняющихся условиях общественной жизни, зато позволяла лидерам-идеологам социал-демократии оставаться на высоте положения борцов за чистоту базовой доктрины и систематически подчеркивать свое интеллектуальное превосходство. Все это вело к еще большему ужесточению конфронтации между идеологией и реальностью, так как руководящие предписания теоретиков чаще всего не обнаруживали безапелляционной связи с практической деятельностью и нуждами пролетарского движения и воспринимались действующими силами партии как очередной «зигзаг», новое «уклонение», «шатание» или полемический вздор соперничающих лидеров, ищущих выход из сложной ситуации. Характер реагирования партийных вождей на спонтанно возникавшие обстоятельства чаще всего зависел от комплексного влияния таких непредсказуемых факторов, как интуиция и подходящий исторический шаблон из практики самого Маркса, но не системный анализ, позволяющий увидеть вред, наносимый движению лидерской авторитарностью. Недаром Богданов приходил к горькому выводу и искреннему сожалению: лидеры перестали объективно ориентироваться в идеологическом пространстве и оценках своего окружения. Иначе стала бы очевидной и непредвзято осознаваемой причина изменившейся роли, например, первого русского марксиста Г.В. Плеханова в партии с начала XX в.: «…Вряд ли можно указать человека, который, пользуясь огромным авторитетом, больше содействовал бы порче нравов в идейной и политической жизни нашего юного, неустойчивого коллектива. Читатель спросит меня: “А где же другой Плеханов, тот, который был крестным отцом и одним из первых акушеров этого коллектива? Где тот Плеханов, который в трудное время его зарождения принес для него с Запада необходимое идейное питание? Где тот Плеханов, который энергично и стойко защищал его детство от окружавших со всех сторон идейных врагов? Где тот Плеханов, который отдал ему лучшие годы и лучшие силы своей жизни?” С полным убежде-

[1040] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 166.

нием я даю нерадостный ответ: *В прошлом*»[1041].

С большим сожалением Богданов относился и к ортодоксальности В.И. Ленина, считая его выдающейся личностью в социал-демократии. Александр Александрович разделял мнение тех, кто полагал, что лидер большевиков «не просто ученый муж, пишущий теоретические статьи в эмиграции. Он революционер, озабоченный созданием сильной политической организации. Он видит, что революция надвигается, и он намерен вместе со своими товарищами принять в ней самое деятельное участие. Значит, теоретические вопросы – в точном соответствии с заветами Маркса – становятся для него практическими <...>. Даже когда он <...> затрагивает экономические вопросы, для него особенно важны политические выводы, которые следуют из экономического анализа. Ленин <…> подходит к практическому вопросу как к серьезной теоретической проблеме. Он рассматривает его в контексте накопленного прошлого опыта и пытается сформулировать ответ таким образом, чтобы можно было сделать выводы на будущее»[1042].

Богданов ценил эти качества лидера большевиков и, несмотря на политический конфликт с Лениным, публично признавал: «Владимир Ильич был моим первым и, в сущности, единственным учителем в политике»[1043]. Александр Александрович сожалел, что Ленину не хватает полномасштабной научной подготовки, чтобы его анализы были по-настоящему прогностическими. А без этого получалось так, что Владимир Ильич «просто констатирует перемены и ссылается на несколько лежащих на поверхности фактов. Он пытается понять глубинные механизмы превращения того капитализма, что описал автор “Капитала”, в нечто другое»[1044], а ответ ищет, как считает Богданов, «в подходящих положению» шаблонах. В.И. Ленин, пытаясь разобраться в возникшей в пролетарском движении ситуации, взял за правило оглядываться на опыт Маркса и всякий раз из всей объективной картины российских событий выделял изолированный эпизод, который напоминал прецедент из практики европейской социал-демократии. Например, как отмечал А.А. Богданов, ленинский «шаблон №1» базировался на убеждении Владимира Ильича в том, что «положение России с 1907 года соответствует положению Германии с 1849 года»[1045], когда юнкерско-буржуазная конституция закрепила компро-

---

[1041] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 154.

[1042] Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. С. 50 – 51.

[1043] Богданов А.А. Письмо Д.Б. Рязанову. 11 фев. 1924 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 223.

[1044] Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения. С. 52.

[1045] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 157.

мисс между помещиками и капиталистами, открывающий путь для развития буржуазных отношений. В условиях РСДРП 1907 года, считал Ленин, следование этому примеру должно помочь устранить разногласия с меньшевиками, и лидер большевиков пошел на идейное объединение с ними. Подготовку к этому событию Ленин осуществил в соответствии с «шаблоном №2», позволившим расколоть большевистскую фракцию подобно тому, как Маркс изгнал из «Союза коммунистов» «левых» радикалов[1046]. Чтобы добиться вовлечения РСДРП в парламентскую деятельность, Владимир Ильич воспользовался еще одним шаблоном, на сей раз обратившись к практике П.А. Столыпина: из III Государственной Думы премьер-министр создал «механизм <...> замечательно удобный <...>. Опираясь на покорный ему октябристский центр, Столыпин легко подавлял левых с помощью правых, но также, в случае надобности, укрощал правых, пользуясь голосами левых; и достиг такой устойчивости, что за 5 лет своей жизни 3-я Дума не двинулась сама по себе ни с места. Подобная трехчленная система возможна <...> и для идейных коллективов, партий и пр. Выгоды остаются и там, конечно, те же: удобство *управления* сверху, сохранения *устойчивости* целого. Поэтому такой тип можно особенно рекомендовать для партий господствующих и консервативных. Но для коллективов демократических <...> управление сверху противоречит их сущности, и не сохранение устойчивости им нужно, а быстрый рост и энергичное движение вперед»[1047].

Во всех приведенных случаях Ленин опирался исключительно на логику прошлого опыта людей, конкретные формы которого абсолютизировались, превращаясь в абстрактные закономерности. Подобный метод анализа позволял определить степень сходства изучаемого явления с выбранными для сравнения абстрактными шаблонами. А для Богданова, родоначальника системного – эмпириомонистического – анализа это послужило сигналом в внедрении в сферу управленческих решений специфической формы мышления, которую в XXI веке станут называть «клиповым сознанием».

В противоположность ленинскому способу научного познания, предложенный Богдановым эмпириомонистический метод вынуждал исследователя анализировать всю цепь организационных элементов для обнаружения в ней нежизнестойких и прочных, способных к развитию. По мысли Александра Александровича, «в этом и состоит начало всякой науки»[1048]: «Если в общем известно *то, что есть*, и известно, *в какую сторо-*

[1046] См.: Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 158.
[1047] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 159.
[1048] Там же. С. 162.

ну оно изменяется, то наука *должна* сделать вывод о том, что из этого получится»[1049].

Надо сказать, что возможности эмпириомонистического анализа, обнаруженные А.А. Богдановым, самому ему помогли иначе оценивать постулаты того варианта марксизма, который получил распространение в России в качестве «абсолютной истины». Это коснулось таких основ теории, как идея революции и роль в ней пролетариата в качестве ведущей силы, стратегия и тактика рабочего движения в подготовке революционной борьбы, диктатура пролетариата и положение иных социальных групп в обществе. Богданов безуспешно пытался донести до сознания идеологов РСДРП мысль о высочайшей потребности в принципиальном подходе к такому вопросу, как готовность общественно-политических сил к участию в преобразовательном процессе. Для этого, по его мнению, любое объединение «должно стоять в культурном отношении на уровне беспримерных задач и *быть достаточно однородным по идеологии* (курсив мой – А.Л.). Если различные части его будут по своим мыслям и стремлениям так несходны, как, напр[имер], в наше время рабочий, интеллигент и крестьянин, то планомерно строить общую организацию они не смогут»[1050]. В связи с этим лидерам-теоретикам, если они действительно хотят возглавлять движение, необходимо избавиться от широко распространенной ошибки – представлять себе социал-демократию как нечто единое, лишь в России разделившееся на «большевиков» и «меньшевиков». На деле в развитии даже *одной* идеологии участвуют, как минимум, носители *трех* идеологических принципов, а это фактически *три движущие силы*, имеющие собственные интересы для участия в преобразовательном процессе:

1) сторонники «устаревшей» идеологии, «отжившие» принципы которой не служат делу обновления общества и никого уже не могут организовать, кроме закоренелых своих приверженцев, напоминающих о себе как блюстителях исторической преемственности; это группа *ортодоксов*, не поддерживающих, а парализующих развитие нового; в РСДРП вождями ортодоксов являлись Г.В. Плеханов и Ю.О. Мартов;

2) приверженцам «устаревших» принципов противостоят борцы за новую идею, которая лидерам данной группы представляется ценной сама по себе, независимо от того, понимают ли ее смысл массы; вооружась такой идеей, борцы идут и ведут за собой других к избранной цели и готовы идти дальше – даже по трупам и вопреки реальности; это группа *фанатиков-доктринеров*; в РСДРП их возглавлял В.И. Ленин;

[1049] Богданов А.А. Социалистическое общество // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 90.

3) наряду с доктринерами действуют те, кто способен не просто сплотить и возглавить людей, но главное – сформировать в массах представление о том, какая из идей в данный исторический момент послужит «на поле практики» во благо делу преобразования общественной системы без насилия и жертв; это – группа *единомышленников-коллективистов*; именно она – единственная из трех движущих сил – действительно работает на развитие общества в интересах подавляющего большинства населения.

Объективность этого вывода была хоть и очевидна, но демонстративно не принята лидерами социал-демократического движения в связи с тем, что и «плехановцы», и «ленинцы» были убеждены, что уж их-то позиции обоснованны, реалистичны и соответствуют условиям времени, тогда как «богдановцы» – просто «смехотворные и архитуманные» «путаники»[1051]. Вожди-эмигранты оскорбленно возмущались: они не против свободы мнений, даже наоборот, но не в таком варианте, который существовал у «коллективистов-богдановцев»! Руководители-заграничники были уверены, что в группах вице-лидера большевиков Богданова при принятии общезначимого решения в головах практиков-нелегалов обнаруживался полнейший сумбур и, вместо делового обсуждения, звучала безграмотная околесица, противоречащая марксистской теории и позициям ведущих идеологов партии. И все только потому, что лидер «богдановцев» считал: в любом организованном на добровольных началах коллективе, даже самом сплоченном, единомыслия не бывает. Поэтому каждый желающий высказаться должен быть услышан; «при всяком еще не решенном вопросе – техническом, экономическом, идейном – оказывается, что одни думают и хотят так, другие – иначе, нередко и третьи – еще иначе и т.д. <...> Как же, однако, тогда решить самый вопрос? Ведь, разумеется, каждая сторона думает, что практическая правда у нее, а другие ошибаются. Окончательное решение приносит только сама практика: жизнь обнаруживает, кто был прав и кто ошибался. Но этого недостаточно: <...> часто надо действовать немедленно. Наиболее достоверные результаты может заранее давать *наука* <...>. Но <...> до сих пор весьма редко решение какого-нибудь экономического, политического, культурного вопроса может быть дано наукою точно и строго, так чтобы не оставалось места сомнениям и спорам <...>. За неимением лучшего исхода надо обратиться к *большинству голосов*. Меньшинство подчи-

---

[1050] Богданов А.А. Социализм науки // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 371.

[1051] Плеханов Г.В. Об изучении философии // Плеханов Г.В. Избранные сочинения. В 5-ти т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957. С. 483 ; Ленин В.И. Письмо ЦК РСДРП. 3 окт. 1905 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 81.

няется. Это не коллективистическое решение, а только *демократическое*. Оно от ошибки не гарантирует <...>, но <...> гарантирует <...> наименьшее дробление сил, наиболее дружное действие; при этом, если сделана ошибка, она скорее станет явною и скорее будет исправлена. Коллективист *мирится* там, где наука не дает еще ответа, с методом голосования, как лучшим из остальных, – но и только <...>. Опыт коллектива частицами распределен в его среде; и мыслима такая комбинация, что в голове одного человека окажется <...> более значительная доля коллективного опыта, чем у прочих <...>. Тогда коллективная правда на стороне одного <...>. И он не уступит, если он в полной мере коллективист, сливающий себя не только с *телом* коллектива, но еще больше и прежде всего с его *делом* <...>. Коллективу – наши *силы*, *сознание*, *связи*, наша гордость; но *не* вера и преклонение»[1052]. *Рабская психология* изначально противопоказана коллективу единомышленников, особенно если она выглядит как сочетание *почтительности* «к людям, которых считают по положению выше себя», и *высокомерной грубости* «по отношению к тем, кого считают ниже»[1053].

И вообще, Богданов считал, что решение первоначальных преобразовательных задач надо начинать не с агитации за революцию – разрушительную социальную катастрофу, а с *управляемой коэволюции мировоззрения пролетариата, крестьянства и интеллигенции*. Работа по формированию взгляда на характер обновления общества могла бы осуществиться в той мере, в какой каждая из названных социальных групп, находясь в единой связке с другими, была способна в повседневной практике преодолеть отжившие организационные принципы устаревшей идеологии. Богданов доказывал соратникам, что путь к гармоничному обществу лежит через преодоление как идеологической зашоренности масс, так и слепой веры в слово признанного вождя. Кроме того, всегда необходимо учитывать очень важное обстоятельство, суть которого можно вывести из научного анализа общемировой истории: «…Всякая система идей – религиозная, философская, правовая, политическая – как бы ни была она революционна в эпоху своего зарождения в борьбе за господство, рано или поздно становится задержкою и препятствием для дальнейшего развития, силою социально-реакционной <…>. В смене общественно-трудовых форм разгадка судьбы идеологий. В эпоху прогрессивного развития определенных производственных отношений создающаяся на их основе идея прогрессивна, ибо она служит им, помогает их развитию, закрепляет их. Но когда их развитие завер-

[1052] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 111–113.

шилось, и на их место начинают уже выдвигаться новые, более совершенные формы – та же идеология, продолжая поддерживать и закреплять старые, низшие формы, становится консервативною, а затем реакционною. Переживая свою социально-трудовую основу, она превращается в “мертвеца, который хватает живого”. Тогда ее разрушение необходимо для социального прогресса»[1054].

Однако не только это объективно возникавшее обстоятельство могло «погубить» идеологию. Нередко «ее жизненный смысл неминуемо теряется»[1055] по вине последователей прогрессивной теории, ведущих непримиримую борьбу за звание истинных «блюстителей чистоты учения». Речь здесь о марксизме, ставшем в XIX столетии первым шагом в развитии новой методологии мышления, в основе которой лежал принцип исторического материализма. Этот принцип состоял в том, что при изучении любого общественного явления нужно не столько охарактеризовать его, сколько объективно проанализировать, откуда оно возникло, для чего существует и к чему приведет. По большому счету, *никакой «идеологии» в этом не было*. Тем не менее общественно-политические силы Европы, а затем и России обнаружили на страницах «Капитала» идеологию в описании тех тенденций развития капиталистического общества, которые могли повести к ликвидации буржуазного строя и переходу к социалистическим отношениям как следствию концентрации капитала, роста пролетарских масс, кризисов, ведущих к ухудшению жизни населения и углублению пропасти между ним и господствующими слоями.

В Европе эта идеология приняла форму тред-юнионизма, ориентированного на экономическую борьбу, но допускавшего также переход к борьбе революционной на поздних стадиях развития капитализма. В России идеология, основанная на марксизме, отличалась крайней парадоксальностью. Прежде всего, по мнению Богданова, странность ситуации была связана с тем, что марксистская теория в том варианте, в котором она получила распространение в России и «чистоту» которого вожди обязались неукоснительно блюсти, не давала толкового пояснения, почему «столпам» европейского общества для обращения в класс капиталистов понадобились *целые века собственных усилий*, а мировоззренческое и организационное развитие западного рабочего класса шло в соответствии и вровень с формированием господствующего положения собственников-предпринимателей, в то время как в России капитализм возник не сам по себе, а это «***государство*** *выпестовало*

[1053] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 114.
[1054] Богданов А.А. Падение великого фетишизма. С. 219.
[1055] Там же.

<...>, способствовало обогащению <...>, оказало содействие ускоренному развитию» буржуазного класса, который возник буквально «в несколько дней»[1056], зато пролетариат, находясь в сильнейшей, несопоставимой с европейской – экономической, правовой, культурной и организационной – зависимости, не успел за столь короткий срок «выработать новые формы жизнеустройства» и научиться «сознательно прилагать их в интегральном масштабе»[1057] к непривычно меняющимся условиям взаимодействия внутри общества. Именно поэтому в рабочей среде «царствует стихийность, искание ощупью, тут масса уклонений, блужданий, лишней растраты сил»[1058].

Решение этой проблемы поначалу обязались взять на себя марксисты-теоретики. Однако вскоре выяснилось, что «пролетариат не знает и не понимает даже самой *природы* своей идеологии – того основного факта, что она есть организационное орудие»[1059]. Осознав, что ни с общеобразовательной, ни с политической незрелостью рабочего класса с налета никому не справиться, партийные руководители-идеологи просветительскую работу с рядовым составом пустили на самотек, не соглашаясь признать главное: чтобы прогноз, выведенный ими из теории Маркса, получил шанс реализоваться, рабочему классу необходимо преодолеть его «*минималистское* классовое сознание. Оно приспособляет пролетариат к условиям существования в *капиталистической системе*. Правда, в составе классового сознания постоянно включают признание исторической миссии – осуществить идеал. Но от *признания* миссии до *уменья* ее выполнить… провал остается незаполненным»[1060]. Дело не сдвинется с мертвой точки, пока у рабочих не появится «*знание своих особых, новых методов организации* во всех областях жизни и во всех взаимоотношениях этих областей»[1061]. И заниматься осуществлением этой задачи следует упорно и настойчиво, а главное – немедленно, независимо от того, сто***и***т теоретик-марксист за эволюционный или революционный путь социальных преобразований: промедление равносильно поражению рабочего движения. Так считал А.А. Богданов.

Однако руководство обеих фракций РСДРП во всех доводах Богданова усматривало лишь покушение на авторитет лидеров партии. Кроме того, у вождей-эмигрантов вызывала дискомфорт сама идея коллективизма. Новизна ситуации, обнаруженной в груп-

---

[1056] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 409, 413. Курсив мой – А.Л.

[1057] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 129.

[1058] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 328.

[1059] Там же.

[1060] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.

пах богдановцев, пугала их, прежде всего, тем, что коллективисты-монисты позволили себе внедрить в партийную практику наделение исполнителей организаторскими функциями. Вожди РСДРП полагали: даже если эти действия приводили к расширению содержания подпольной работы каждого участника движения, тем не менее это обстоятельство не могло быть поводом для сознательного отступления от норм партийного строительства, поскольку рано или поздно перед партией встанут сами собой следующие вопросы: 1) как быть с исполнительской дисциплиной и контролем, если возникло принципиальное равенство взаимного положения членов партии; 2) кто даст гарантию, что при такой бесконтрольности не произойдет подмены идеологических установок; 3) как теперь различать, кто организатор, а кто исполнитель, если в общем характере и содержании их труда так много сходного, и каждый сам себе голова? Путаница, да и только.

Поддержанная большевиками-богдановцами ситуация раздражала меньшевиков, которых насторожило преждевременное стремление коллективов возвести в принцип всеобщее равенство положения в организации и назвать то, что получится, новым типом отношений между членами партии. Ведь, в соответствии с теорией Маркса, буржуазная революция в России еще не состоялась, а богдановцы предлагали вести себя так, будто пролетариат уже победил.

Беспокоились и большевики-ленинцы, усмотревшие в идее коллективизма явные признаки анархизма. В глазах сторонников централизованной организации выглядело чем-то из ряда вон выходящим правило «свободного труда», внедренное «богдановцами» в практику партийной работы, тот порядок, который предписывал не «стегать личность бичом <...> морального принуждения»[1062] на основании того, что раз участие членов РСДРП в социал-демократическом движении провозглашалось делом доброй воли каждого, то и навязывание обязанностей недопустимо, поскольку сознательное участие в партийной жизни предполагало свободный выбор того рода деятельности, который более всего согласовывался с желанием, характером, привычками и возможностями человека. Монисты считали: дел было много – с избытком хватало на всех; зато доверие товарищей к проявленной воле и их готовность помочь служили дополнительным стимулом к добросовестности и ответственности – таков был принцип свободного труда свободных людей по-богдановски.

По представлениям Богданова и его единомышленников, социальный смысл понятия «коллективизм» зависел от того, чт***о*** именно было положено в основу толкования и насколько далеко эта интерпретация ушла от общепринятого понимания: ведь обычно

[1061] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.

коллективом называют общественное образование, объединенное на основе общего дела и общности интересов. Но для Богданова «в действительности коллектив не это, не только это»[1063], потому что коллективизм «есть целое мироотношение <...>, т.е. и практическое, и теоретическое отношение к миру: практический идеал и теоретическая идея»[1064]. В таком коллективе огромную роль играет то, насколько эта «товарищеская организация» способна поддерживать дух солидарности и ответственности, при которых каждая личность чувствует себя элементом «живой ткани коллектива», воспринимает свою деятельность как частицу общих усилий, необходимых не только в труде и общественной борьбе, но и в познании, в освоении коллективного опыта всего человечества, и благодаря доверию товарищей опирается в своих действиях на самую большую сумму данных, какая в данное время имеется[1065]. Важную роль здесь играет стремление к принципиальному равенству интеллектуального и культурного развития, включающему в себя монистическое понимание общественной жизни, которое построено на усвоении основного содержания знаний человечества, на овладении общими методами познания. Все это должно служить основой не только полного взаимопонимания членов товарищеской организации, но и условием полного равенства положения в коллективе и таких отношений, которые «по существу враждебны всяким перегородкам между людьми – всякому подчинению и сужению, всякому дроблению человека»[1066].

Богданов в 1904 г. в работе «Новый мир» предложил всеобщему вниманию описание того, что было уже проверено практикой, когда он в Туле, Калуге, Петербурге, Москве объединял сторонников научно-революционного социализма именно на принципах коллективизма, товарищеского сотворчества как формы идеальной коммуникации. А.В. Луначарский вспоминал: «Мы жили <...> необыкновенно интенсивной умственной и политической жизнью»[1067], занятые изучением опыта человечества и ищущие общения друг с другом в стремлении к знанию исключительно «монистическому» и энциклопедическому. Именно тогда А.А. Богданов доказывал, что, если в России началась борьба ради лучшего будущего, то для этой самой борьбы надо, прежде всего, иметь ясное представление о том, какое оно – это лучшее будущее, причем знание должно опираться не на уто-

---

[1062] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 73.
[1063] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 110.
[1064] Там же. С. 107.
[1065] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 107, 111.
[1066] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 44.
[1067] Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М.: Сов. Россия, 1968. С. 20.

пии, не на идеи вождей, а только на науку как результат «общей работы поколений»[1068]. По мысли Богданова, цель не будет достигнута, если на передний план выйдет вера не в науку, а в авторитетную личность, если имя вождя в борьбе идей скажет людям больше, чем мировоззренческие принципы, которые объединяют сторонников революционных преобразований для общего дела. Движение потерпит крах, когда руководящее ядро политической организации станет заботиться лишь о культивировании в партийной среде слепой веры в «своего» лидера. Богданов предостерегал: это не просто непродуктивно, это еще и разрушительно, потому что в условиях безоговорочного подчинения идеям вождя невозможно сократить путь, который лежит между теорией лидера-организатора и ее практическим воплощением силами многочисленных рядов исполнителей, когда цепь объективного познания исторически неизбежного процесса обрывается уже на втором звене, когда ***знать*** должны одни, а ***исполнять*** их распоряжения – другие.

Богданов видел решение этой проблемы опять-таки в воспитании нового типа участника революционного движения, который успешно владел бы и организаторскими, и исполнительскими данными. Поэтому задачу руководства Александр Александрович видел в разработке технологии «собирания человека» и в организации всестороннего развития личности, для чего предлагал создать и создавал многоступенчатую систему подготовки революционных кадров, чтобы ускоренными темпами решать вопрос ликвидации общемировоззренческой безграмотности пролетариата, который вожди РСДРП признавали единственной общественной силой, способной совершить революцию, но не готовили к этому.

Здесь уместно остановиться подробнее на истоках мифа о необходимости русской революции, искажавшего до неузнаваемости научное суждение Маркса. Дело в том, что в «Капитале», взятом за теоретическую основу программы российских социал-демократов, рассматривалась тема исторической перспективы капиталистического производства, которая со временем сведётся к тому, что «оно само» создаст «элементы нового экономического строя»[1069]. В основополагающем труде Маркса не говорится о принципиальной неотвратимости революции в качестве обязательного способа устранения эксплуататорского строя. Даже в «Манифесте Коммунистической партии» авторы теории марксизма писали о «преодолении» («Aufhebung» в немецком оригинале) частной собственности[1070], в

[1068] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 123, 125.

[1069] Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных Записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 120.

[1070] См.: Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения. С. 39.

то время как в переводе Г.В. Плеханова эта часть «Манифеста» передается словами с иным смыслом: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: *уничтожение* частной собственности»[1071]. В русском языке «преодолеть» («одолеть») означает «пересилить», «справиться»[1072], но не «уничтожить» («истребить»). Сам переход прибавочного продукта из рук капиталиста в общественную собственность виделся немецкому теоретику как процесс исторически далекий, если только усиленно развивающаяся «капиталистическая горячка» не подтолкнет революционное движение пролетариата к насильственному переделу собственности. Здесь недопустима была подмена принципиально важных понятий: самопроизвольный процесс и процесс спровоцированный, обусловленный внешним воздействием, – это далеко не одно и то же.

Никак нельзя назвать призывом к революции также послания К. Маркса к русской оппозиции, сохранившиеся в архивах. Объективности ради следует, правда, признать, что немецкий исследователь после специального изучения исторических особенностей развития монархической России признавал необходимость, пожалуй, единственной для данной страны революции, притом особого рода – той, что совершит переворот в умах касты «господ». Суть этого переворота, по мнению Маркса, состояла в осознании идеи, что русское общество, изменив свое отношение к трудовому населению и взяв на себя расходы по его материальному и научно-техническому обеспечению, вполне могло бы обойтись и без губительных потрясений[1073]. Так что родоначальник марксизма не декларировал никаких доктринальных обоснований насильственного переустройства общества. Что касается России, то автор «Капитала» не только ***не*** призывал к перевороту, но напротив – активно предостерегал от этой непоправимой беды, которая, по его мнению, неминуемо обернется насильственным подчинением многомиллионного населения неумолимым законам капитализма с трагическим финалом – необратимой деградацией всей нации[1074].

Первая русская революция оставила у А.А. Богданова как раз то самое ощущение непоправимой беды, от которой Маркс предостерегал русскую оппозиционную общественность. Богданов, так много писавший ранее о необходимости подготовки пролета-

---

[1071] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1955. С. 441.

[1072] Ожегов С.И. Словарь русского языка. 27-е изд. М.: ООО «Издательство “Мир и Образование”, 2013. С. 366, 473.

[1073] См.: Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных Записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 116–121.

[1074] См.: Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных Записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 116–121 ; Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич //

риата к революционной борьбе и даже выступавший на III съезде с докладом о вооруженном восстании, после декабря 1905 г. в корне пересмотрел свои взгляды на насильственный государственный переворот, чем озадачил В.И. Ленина, считавшего, что Александр Александрович, хотя и «ошибающийся»[1075], но все же «союзник», верный делу революции. И вдруг – такой сюрприз: вице-лидер большевиков пришел к убеждению о стратегической несостоятельности идеи революционного переворота. Богданов считал, что даже социал-демократы большевистского крыла при всей огромной работе, проводимой пропагандистами-практиками в российских регионах, были «чрезвычайно мало подготовлены» к массовой, внезапно развернувшейся революционной борьбе, в то время как самодержавная власть, «несмотря на царившую там дезорганизацию и деморализацию», в период вооруженного подавления восставшего народа продемонстрировала «огромный перевес технического знания и умения концентрировать усилия, добиваясь поражения взбунтовавшегося населения»[1076]. Однако, как оказалось, даже из этих событий теоретики всех российских политических движений не сделали соответствующих выводов. Не будучи готовыми к социальному взрыву, беспрецедентному по масштабу и характеру бесчинств, лидеры оппозиции так и не поняли, чего хотело разъяренное простонародье, и потому привычно отнесли революцию 1905 г. к числу тех «бессмысленных и беспощадных» мятежей, которыми изобиловала история России. Как ни прискорбно это сознавать, но просвещенная часть общества, увлеченная поиском идеологической панацеи от всех социальных зол, беспечно самоустранилась от анализа неуклонно нараставших разрушительных процессов в жизни главного производительного сословия в пореформенной империи, хотя, как отмечал ученый-большевик А.А. Богданов, «при нынешнем состоянии социальных наук уже можно улавливать тенденцию общественного развития и предусматривать вытекающие из нее кризисы»[1077].

Остался без подробного анализа также и опыт революционных событий. По мнению Богданова, такое упущение влекло за собой не столько невозможность прояснить суть общенационального потрясения, сколько остановку общественного развития: если «самый темп

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1955. С. 400–421.

[1075] Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому. 25 фев. 1908 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 142.

[1076] Богданов А.А. Отчет товарищам-большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария». 3 июля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 176.

[1077] Там же. С. 173.

социальных процессов еще не изучен»[1078] (а они «развертываются гораздо быстрее, чем кто-либо ожидал»[1079]), то необходимо разобраться, *что было* ***общего*** в разноголосом политическом влиянии антиправительственных сил на народные массы. Правда, бросающееся в глаза несходство убеждений марксистов, либералов и иных оппозиционных организаций ставило под сомнение даже саму их возможность консолидированно воздействовать на народ ради удержания его движения «на чисто революционной почве»[1080]. Мало того, факт «случайности» сильного революционного подъема в России доказывался ссылкой на то, что «в самые критические моменты борьбы непосредственными вождями массы часто оказывались либо беспринципные демагоги, как Гапон, либо люди, политически неопределенные и невыдержанные, оппортунисты, как Хрусталев»[1081].

Однако, по выводам Богданова, дело заключалось не в стихийности революции, не в том, что партийные организации, как считал В.И. Ленин, «*отстали* от роста и размаха движения»[1082], и не в том, что «перемену в объективных условиях борьбы <…> пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители»[1083], нерешительные и колеблющиеся, особенно когда рабочие перешли от стачек и демонстраций к высшей форме борьбы – восстанию, но, не умея управлять бунтующей толпой, «искали и не находили директив относительно активных массовых действий»[1084].

Эти события А.А. Богданов оценивал иначе, полагая, что причину неуправляемости социального взрыва следовало искать не в тактических особенностях организации восстания, а в подмене содержания целевой направленности революции, поскольку «социализм, как ***мировоззрение***, распространялся сравнительно мало»[1085]. Ученый-большевик на протяжении всего периода членства в РСДРП фиксировал внимание партийных лидеров на том, что *агитируемые массы, как правило, почти не вникали в доктринальные тонкости оппозиционных идеологий, зато четко улавливали основной агитационный посыл в*

[1078] Богданов А.А. Отчет товарищам-большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария». 3 июля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 173.

[1079] Там же.

[1080] Богданов А.А. Отчет товарищам-большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария». 3 июля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 178.

[1081] Богданов А.А. Отчет товарищам-большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария». 3 июля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 174 – 175.

[1082] Ленин В.И. Уроки Московского восстания // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1972. С. 370.

[1083] Там же. С. 371.

[1084] Там же.

[1085] Богданов А.А. Отчет товарищам-большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария». 3 июля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 175.

каждой из них – а именно, «***демократически-революционный***»[1086], который по большому счету оказался ***общим для всех антимонархических движений***. Текущая работа в РСДРП тоже «направлялась не столько на социалистическое, сколько на революционно-демократическое воспитание пролетариата»[1087], хотя для социал-демократа насущной задачей являлось выяснение именно «социалистического миропонимания», которое «должно вестись не только глубже и полнее <…>, но в то же время не отвлеченно, а в тесной связи с жизнью, с прямым политическим и социальным опытом недавнего прошлого и настоящего. Этой тесной связи социалистической пропаганды с текущей жизнью могла бы сильно содействовать надлежащая постановка заграничных партийных органов, которые должны заняться систематическим анализом русской действительности не только с точки зрения конкретных вопросов момента, но еще более – с точки зрения общих ее тенденций и перспектив»[1088]. Поэтому на вопрос – следует ли партии продолжать военно-революционную подготовку? – ответ Богданова не имел вариантов: «…Ко времени нового подъема утратится, оставшись без разработки, даже тот боевой опыт, который уже был приобретен за время первой волны народного движения, и рабочий класс вступит в этот новый подъем почти столь же неподготовленным к вооруженной борьбе, как это было в 1905 году»[1089]. Так что вред от этого будет неисчислимый.

Отголоском этого вывода служил эпизод из фантастического романа Богданова «Красная звезда» (1908), где обсуждался вопрос, принесет ли реальную пользу крайний радикализм, если пожертвовать «полуварварской» системой общественных отношений, вместо которой, как предполагалось, «развернется <...> жизнь несравненно более гармоничная в ее непрерывном, беспредельном развитии»[1090]. Симпатии Богданова, судя по всему, оказались на стороне тех, кто считал, что «уничтожить, навеки истребить целый своеобразный тип <...> жизни, тип, которого потом мы никогда уже не сможем ни восстановить, ни заменить»[1091], – это безответственный способ «подправить» историю вопреки естественному ходу ее развития. Коренной перелом жизни с целью устранения назревших общественных противоречий путем насильственной смены власти не помо-

---

[1086] Богданов А.А. Отчет товарищам-большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария». 3 июля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 175.

[1087] Там же.

[1088] Богданов А.А. Отчет товарищам-большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария». 3 июля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 176.

[1089] Платформа группы «Вперед» // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 73.

[1090] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 186.

[1091] Там же.

жет позитивно осуществить задуманные планы, а значит, не решит поставленную задачу, став поистине катастрофой для населения, не подготовленного к переменам, ибо «в столкновении двух миров <...> нет компромиссов»[1092].

Средством к достижению позитивной преобразовательной цели являлась, по мнению Богданова, не разрушительная социальная катастрофа, а объединение разрозненных сил, не принесение в жертву одних ради победы других, а осознанное приближение эпохи, «когда впервые может осуществиться соединение двух великих линий жизни»[1093]. Богданов был уверен, что из этого сочетания обязательно возникнет новое многообразие, та «высшая гармония», какая получается, когда люди заимствуют друг у друга все лучшие качества и вместе строят новую жизнь. Ученый без устали доказывал соратникам, что, даже если «мировая жизнь едина»[1094], и для России назрела пора идти в ногу с развитыми странами, то это вовсе не означает, будто ради этого надо стереть с лица земли всех не похожих на избранный идеал – вместе с их историей, традициями и психологией, – только потому, что «они иные»[1095]. «Устраняя их, – писал А.А. Богданов в 1908 г., – мы их не заместим в мировом развитии, мы только механически заполним собою ту пустоту, которую создадим в царстве форм жизни»[1096].

Ленин этот очевидный отказ от идеи революции воспринял как вероломный удар: для лидера большевиков революция давно «превратилась в практику», и это Богданову было известно лучше, чем кому-либо другому. Для Владимира Ильича «то, что для Маркса и Энгельса было потенциальными угрозами и возможностями, стало реальностью. И готовых решений не было. Учебники Каутского и Плеханова оказались непригодны. Ленин обречен был руководить революцией <...>. Он должен был пройти через раскол и создать собственную организацию, жившую в иных условиях, нежели западная социал-демократия, а потому и существенно от нее отличающуюся <...>. Это не было даже расколом между левыми и правыми <...>. Принципиальный раскол произошел между теми, кто, следуя за Лениным, готов был принять на себя риск борьбы за власть, теми, кто ответил на вызов истории и совершил рывок в неизвестное, и теми, кто отказался от этого вызова»[1097]. Что среди последних оказался и Богданов, – Ленин ни принять,

---

[1092] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 186.
[1093] Там же.
[1094] Там же.
[1095] Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 187.
[1096] Там же.
[1097] Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения. С. 54–55.

ни простить не мог. Требование от членов большевистской фракции «принципиального и тактического единства» сделалось буквально манией Владимира Ильича, и он бескомпромиссно, с помощью «хорошо спевшихся друг с другом товарищей» добивался возможности «извергнуть из своей среды любого», и даже многих, пусть и проработавших в партии более десятка лет в качестве виднейших теоретиков и литераторов революционной социал-демократии[1098]. Резолюцией от 29 июня 1908 г. Александр Александрович был исключен из Большевистского Центра. В заявлении-протесте Л.Б. Красин с возмущением обвинял Ленина в создании во фракции прецедента, той «алгебраической формулы», которая позволяла «выбрасывать из коллегии любого члена, как только он окажется почему-либо не угодным или не удобным правящей коллегии <...>; в худшие времена господства меньшевиков в ЦК нашей партии не было случая столь беззастенчивого проведения политики вышибания по отношению к несогласно-мыслящим»[1099]. Красин потребовал немедленного пересмотра и отмены резолюции в отношении Богданова. В противном случае Леонид Борисович категорически отказывался участвовать «в работах такой изуродованной коллегии, исключавшей из своей среды члена, выбранного в БЦ большевистской частью съезда и подготовляющей планомерное изгнание неопределенного числа других членов, столь же полноправных и до съезда не сменяемых»[1100].

Как ни горько было Владимиру Ильичу от мысли, что он своими руками разрушил лидерский триумвират, успешно руководивший большевистским движением, но на попятный глава фракции не пошел, а повлиять на воззрения Ленина, чтобы он поступился своими принципами, было никому другому, кроме Богданова и Красина, не под силу. Как выяснилось после революции 1905 г., оказалось не силам и им. Дело в том, что многие положения философских, просветительских и литературных работ Богданова, в том числе и описание форм общественного сотрудничества в цикле статей «Новый мир» и особенно в фантастических романах, вызывали в тот период у Ленина реакцию, наподобие психологической идиосинкразии: всем своим нутром Владимир Ильич чувствовал утопичность воззрений своего верного помощника по фракции. Прежде всего, это касалось вопросов структурного устройства партии. Для Ленина было очевидным то, что богдановская организация нового типа по своему строению и по связям между входящими в нее элементами, которые действовали в соответствии с нормами

[1098] Красин Л.Б. Заявление в Большевистский Центр. 30 июня 1909 г. // РГАСПИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 128. Л. 5.

[1099] Там же. Л. 5–6.

[1100] Красин Л.Б. Заявление в Большевистский Центр. 30 июня 1909 г. // РГАСПИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 128. Л. 6.

коллективизма и признавали партийный устав, уравнивающий всех в правах, по мнению Владимира Ильича, в действительности не могла обеспечить упорядоченное взаимодействие. *Во-первых,* расширение знаний не способно кардинально изменить образ мышления человека, а это значит только то, что члены такого объединения не будут иметь реального равенства ни по личностным особенностям, ни по уровню интеллектуального и общественно-политического развития (сам Ленин, как известно, считал правильным делить состав своей фракции на «первостепенные», «третьестепенные», «десятистепенные» силы[1101]). *Во-вторых,* активность членов партии полезна в рамках их компетентности. Все, что за пределами этих рамок, могло порождать лишь анархию и отступление от норм партийной тактики и дисциплины. С такими принципами можно было только погубить революционное движение, где поголовное большинство принадлежало людям, вовлеченным в политическую борьбу силой стихийного протеста, людям, едва знакомым с азбукой марксизма и задачами социал-демократии. Поэтому, по мнению Ленина, без ориентации на более осведомленное указание, без контроля со стороны признанных лидерских сил в партии неосуществима целенаправленная деятельность, смысл которой возможен лишь тогда, когда «твердое ядро, хотя бы не очень большое, поведет за собой всю ораву “организационной туманности” <...>. Если же у нас не будет ядра, то восторжествует не другое ядро (его нет), а *путаники*»[1102].

Конечно, «Новый мир» Богданова можно было бы назвать гимном творчеству больших исторических коллективов, но творчеству в оптимистической перспективе, когда вся партия, выражаясь языком Горького, действительно воспитается не только политически, но и философски, когда ей по праву будет принадлежать первое место в жизни и в борьбе за жизнь[1103]. Но это случится лишь тогда, когда ей удастся быть во всеоружии, а каждый партиец сумеет отвечать на все вызовы жизни. А пока, по глубокому убеждению лидера большевиков, все разговоры о равноправном взаимодействии «твердого ядра» и «оравы “организационной туманности”» в условиях борьбы за новую общественно-экономическую формацию на территории России есть не что иное, как утопия, продиктованная нетерпеливым стремлением опередить события и потому опасная для подлинных социал-демократов. Ведь и сам Богданов исчерпывающе формулировал

[1101] Ленин В.И. Письмо ЦК РСДРП. 11 июля 1905 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 40.

[1102] Ленин В.И. Письмо ЦК РСДРП. 3 окт. 1905 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 80.

[1103] М. Горький. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 5. М.: Наследие, 1998. С. 36–37.

в «Новом мире», что между стихийным движением и движением гармоническим есть переходная фаза, «где новое, незаконченно сложившееся содержание пользуется еще старыми формами»[1104]. Революционное движение рабочего класса, конечной целью которого являлось свержение монархии и установление *диктатуры* пролетариата, не имело шансов стать гармоническим, если требовалось одну авторитарную систему заменить другой – тоже авторитарной. Владимир Ильич, верный своему правилу опираться в спорных вопросах на марксизм, долго искал теоретическое соответствие этому положению в марксистском учении, но нашел его только в 1913 г. в статьях Маркса и Энгельса, впервые напечатанных в немецкой газете «Die Neue Zeit»[1105]: «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством <...> страха <...>. Или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции»[1106].

Однако надо иметь в виду, что Ленин крайне избирательно относился к любой теории, даже марксистской: он использовал из нее лишь то, что служило подтверждением его собственной точки зрения, и закрывал глаза на все остальные выводы. При этом Владимир Ильич искренне верил, что сам он никогда ни на шаг не отступал от марксизма. Зато все, кто думал не по-ленински, – отступники от марксизма, требующие самой жесткой критики. Аналогично вели себя и иные «вожди издалека», которые не считали РСДРП партией структурно и идеологически организованной. Для них пролетарское движение в России было объединением разнородным, подчиненным воле лидерских «верхов». Им очень хотелось, чтобы в манипулируемой партии действиями пролетариата дирижировала интеллигенция до тех пор, пока стихийные силы самоорганизации рабочего класса не поднимут его до необходимого уровня политической сознательности. Заграничные идеологи РСДРП были убеждены в том, что лишь такая форма партийной работы соответствует принципу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Себе они оставляли функцию кон-

---

[1104] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 65.

[1105] Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 48.

[1106] Цит. по: Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 50.

троля за процессом этой стихийной самоорганизации, чтобы она проходила в верном направлении. Поэтому партия изначально рассматривалась в качестве иерархической структуры, где эгалитарности не было места.

Богданов с таким положением дел не соглашался. Он был уверен: требуются иные организационные методы, обеспечивающие социальную и политическую мобильность пролетариата. Здесь необходим выход за пределы привычной логики: для торжества справедливости и свободы волеизъявления необходим отказ от принудительного контроля. При классическом авторитарном управлении осуществляется однонаправленное воздействие «сверху вниз» – от организатора к исполнителю. Подобные взаимоотношения принципиально исключают развитие самосознания у исполнителя, который просто отрабатывает команды организатора, не соотнося их с реальными событиями, так как предполагается, что такое соотнесение за него уже выполнил организатор. На практике это вело к тому, что рядовой партиец не искал связи между командами «сверху» и своими интересами. Богданов же пропагандировал сознательный подход каждого члена РСДРП к своей деятельности[1107]. Ученый-большевик предупреждал: при революционных преобразованиях победившая партия будет перекраивать жизнь общества по своему образу и подобию, привнося в социальные и политические отношения ***свою организационную традицию, свои методы и нормы внутреннего и внешнего взаимодействия***. И если партия будет сохранять авторитарную иерархическую структуру, то таким же будет и общество.

Эти разногласия обнажили главную причину медленно разгоравшегося конфликта. Ленин, знавший принципы Богданова, не страшился конкурентной борьбы с Александром Александровичем за личную популярность в пролетарском движении – его страшило будущее *без единоличного управления*. Поэтому Ленин считал, что важно было не допустить, чтобы на смену партии авторитарной, где лидерская группа, опираясь на учение Маркса, определяла и задачи, и цели, и характер ***согласованных*** действий партийной массы, пришла партия коллективистская *с царством безусловной свободы*. Отдать дело всей жизни в руки тех, кто, по мнению Владимира Ильича, ориентировался «на утопию и анархизм», вел социал-демократическое движение к хаосу, оказалось выше сил вождя большевиков.

То, что порождал Богданов своими идеями в российском социал-демократическом движении, не имело, по мысли Владимира Ильича, права на существование: его пропаганда коллективизма была не чем иным, как отступлением от идей

[1107] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 67.

диалектического материализма и отказом от принципов демократического централизма. Ленинцы во главе со своим лидером ситуацию с российским большевизмом, который, на их взгляд, превращался в коллективизм, понимали однозначно: «Ежели <...> систематически <...> “вычитать” марксистскую диалектику – капут!»[1108] – поэтому Владимир Ильич не мог допустить, чтобы под прикрытием большевизма в нелегальных рабочих кружках проповедовались взгляды, с его точки зрения, «ничего общего не имеющие ни с большевизмом, ни с социал-демократизмом вообще»[1109]: «Вот наилучшее оправдание редакции “Пролетарий”, почему она должна была устранить политических деятелей, несущих такие идеи в массы»[1110]. Мало того, Ленин повел борьбу с Богдановым беспощадно и уничтожающе, преследуя единственную цель: чтобы Александр Александрович никогда больше не мог «занять прочного места ни среди марксистов, ни в действительно социал-демократической рабочей партии»[1111].

Ленин добился своего: он действительно повел борьбу со своим верным помощником «***сильнее, чем с меньшевиками***»[1112]. А Богданов достойно прошел весь путь беспрецедентной по изощренности многолетней травли – путь отлучения от главного просветительского проекта своей жизни. Но не сдался: он отошел от дел в большевистской фракции, «чтобы работать <…> на другом поле»[1113] – поле просветительской науки.

Этому в существенной степени способствовал тот факт, что исключением Богданова из расширенной редакции «Пролетария» преследования ученого со стороны ленинцев не ограничились: в партийной печати даже после победы большевиков в революции 1917 года продолжали появляться статьи, практически дословно повторявшие ключевые положения «Материализма и эмпириокритицизма». Дело усугублялось тем, что авторы этих публикаций нередко занимали руководящие посты в научной и идеологической областях, причем пик карьерного роста новых антибогдановцев пришелся на период Гражданской войны, когда, пожалуй, ведущим критерием успеха была верность определенной

[1108] Цит. по: М. Горький. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 5. М.: Наследие, 1998. С. 63, прим. к письму №2.

[1109] Ленин В.И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1968. С. 88.

[1110] Там же. С. 78.

[1111] Ленин В.И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1968. С. 106

[1112] Ленин В.И. ПисьмоА.И. Любимову. Сент. 1909 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 203.

[1113] Богданов А.А. Письмо в Бакинскую организацию РСДРП. 21 авг. 1908 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 149.

политической линии, а компетентность и профессионализм оказывались не столь актуальными. Не в последнюю очередь по этой причине такие авторы, как И. Вайнштейн, Н. Карев и В. Невский, начинали свои нападки на Богданова с демонстрации полного согласия с постулатами ленинской монографии, но значительная часть их оценочных суждений была посвящена не научной и даже не философской проблематике, а сугубо политическим вопросам. Богданова обвиняли (зачастую вовсе без доказательств или на основе умозрительно-схоластических рассуждений) в идеализме, антимарксизме, реакционности и стремлении противодействовать рабочему движению[1114].

В подобном повороте антибогдановской полемики не было ничего удивительного, если учесть, что в то время работа создателя тектологии в Пролеткульте привела на низовом уровне идеологической работы к распространению представлений, прямо перекликавшихся с концепцией коллективизма, созданной Богдановым еще в период революции 1905–1907 гг. и послужившей основой для его философии эмпириомонизма, которую В.И. Ленин воспринимал как прямую угрозу идеологическому единству большевистской фракции[1115], а тектологию и вовсе оценивал как «тарабарщину»[1116]. В 1920 г. Владимиру Ильичу стало ясно, что влияние Богданова на массы остановить не удалось, и Ленин вынужден был фактически возобновить борьбу против богдановского коллективизма, санкционировав переиздание «Материализма и эмпириокритицизма» с сопроводительной статьей В.И. Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции». Мотивация у Ленина была та же, что и в 1909 г.: ни при каких обстоятельствах не допустить распространения идей, не совпадающих с официальной партийной доктриной и уже этим способных разрушить с таким трудом выстроенное организационное единство.

Однако последовавшую за этой публикацией травлю Богданова в печати невозможно объяснить лишь стремлением Ленина не допустить в 1920 г. повторения рискованной ситуации из прошлого и желанием молодых околопартийных публицистов продемонстрировать свою верность заданной политической линии. Проблема была в том, что главный распространитель идеологии коллективизма в послереволюционном обществе – Пролет-

---

[1114] Подробнее см.: Богданов А.А. Тектология. С. 408–410 ; Вайнштейн И. Организационная теория и диалектический материализм. М.: Госиздат, 1927. 234 с. ; Вайнштейн И. Тектология и тактика // Под знаменем марксизма. М., 1924. №6-7. С. 90–96 ; Карев Н. Тектология или диалектика. К критике «Тектологии» А. Богданова // Под знаменем марксизма. М., 1926. №1-2. С. 90–114, №3. С. 29–52, №4-5. С. 16–44.

[1115] См.: Ленин В.И. Письмо ученикам Каприйской школы. Сент. 1909 г. // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 47. М.: Политиздат, 1970. С. 194–202.

[1116] Цит. по: Гловели Г.Д., Пустильник С.И. Сотри случайные черты // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С. 12.

культ, созданный и начавший свою работу при самом деятельном участии А.А. Богданова, – оказался чрезмерно сильным конкурентом для ряда официальных партийно-советских структур, ориентированных на идеологическое воспитание масс.

Наиболее влиятельным соперником Пролеткульта в этом деле был Главполитпросвет, занимавшийся в основном внешкольной образовательной работой, тесно связанной с агитационно-пропагандистской деятельностью. И если в первом из этих направлений – по-настоящему массовом образовании взрослого населения бывшей Российской империи – были достигнуты впечатляющие успехи, то агитация и пропаганда, выстроенные на основе классических эксцитативных методов, давали совсем не тот результат, которого ожидали работники политпросвещения: сознание масс клишировалось, заполняясь расхожими пропагандистскими штампами, что не обеспечивало действительного понимания политической ситуации в стране и мире.

Богдановский Пролеткульт был изначально ориентирован на другое – на *длительное формирование рационально-целесообразного мировоззрения* вместо *кратковременного «ударного» воздействия на эмоциональное восприятие.* На достижение этой цели стали работать не только агитаторы-пропагандисты и преподаватели, но также наиболее известные в то время ученые и деятели искусств, стремившиеся не столько вносить в массовое сознание ключевые элементы партийной доктрины (как это делали сотрудники Главполитпросвета), сколько обеспечивать усвоение основных достижений мировой культуры множеством людей, прежде не имевших к ней доступа. И это касалось не только художественной культуры и отвлеченных научных знаний, но также прикладных знаний, наиболее рациональных приемов и методов труда. Даже кратковременное воздействие предложенной Пролеткультом для трудовых слоев системы мировоззренческих ориентиров, подкрепленной повседневным практическим опытом деятельности каждого рядового работника в трудовом коллективе, убедительно доказало свою эффективность: методично и адекватно разъясняемые идеологические принципы внедрялись в общественное сознание естественнее и надежнее того набора стереотипных лозунгов, который пропагандисты Главполитпросвета предлагали просто запомнить и почаще повторять в надежде на то, что их понимание как-нибудь когда-нибудь придет само собой.

Успехи Пролеткульта побудили руководителя Главполитпросвета Я.А. Яковлева вначале примкнуть к возобновленной Лениным антибогдановской кампании, а затем, после обострения болезни Владимира Ильича, и возглавить ее, действуя уже не пропаганди-

стскими, а сугубо политическими мерами, итогом которых стал пятинедельный арест А.А. Богданова силами ГПУ в 1923 г.[1117] Хотя выдвинутые против Богданова обвинения в создании антипартийной организации доказать не удалось за отсутствием состава и события правонарушения, преследования ученого не прекратились. «…Положение в Институте [переливания крови] беспартийного директора оказалось сложным (недаром, видимо, Сталин в беседе при назначении его на этот пост сделал Богданову предложение о восстановлении в партии, которое было вежливо отклонено). Не только секретарь партийной ячейки, но и сменяющиеся заместители директора, назначаемые не Богдановым, будучи коммунистами, самостийно, не ставя в известность директора, принимали решения, набирали “соответствующие” кадры, издавали нелепые приказы и т.д.»[1118]. Травля завершилась лишь через несколько лет после смерти Богданова, когда имя ученого, присвоенное 13 апреля 1928 г. Институту переливания крови *по инициативе коллектива сотрудников*, было директивно вычеркнуто из названия института, а научное наследие Богданова было изъято из библиотек и отправлено в спецхран. О самом ученом вспоминали только в связи с ленинской работой «Материализм и эмпириокритицизм».

[1117] Подробнее об этом см.: Клебанер В.С. А. Богданов и А.А. Малиновский // Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 33 ; Богданов А.А. Дневниковые записи об аресте и пребывании во внутренней тюрьме ГПУ. 25 окт. 1923 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 34–44.

[1118] Клебанер В.С. А. Богданов и А.А. Малиновский // Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 35.

4 Богдановская методика системного тектологического анализа

4.1 Создание тектологии и ее основные закономерности.

К 1906 г. А.А. Богданов окончательно утвердился в мысли о необходимости разработки методологии системного анализа, с помощью которой можно было бы с максимальной достоверностью исследовать природу, причины и последствия глобальных экономических, социальных и политических потрясений капиталистического мира. К этой идее он шел целое десятилетие своей научно-творческой жизни, начавшейся с публикацией «Краткого курса экономической науки» (1897), который только в царское время выдержал 9 изданий массовыми тиражами. Появившиеся затем в печати одна за другой книги А.А. Богданова – «Познание с исторической точки зрения» (1901), «Новый мир» (1904), «Эмпириомонизм» (1904 – 1906) и другие – оказались хорошим подспорьем для жаждущих понимать, почему капитализм, приведя деспотический феодальный строй к краху, сам утверждался еще более жесткими методами, применение которых справедливо характеризовало народившийся общественный уклад как строй «дикий», «хищный» и «нецивилизованный», и почему процесс «загнивания» капитализма не может быть столь скоротечным, как прогнозировали после Маркса главные теоретики мировой социал-демократии. Всеми своими исследованиями Богданов перечеркивал их иллюзорные надежды на то, что как только «рядом с классами, живущими всецело в атмосфере конкуренции и общественно-трудовой анархии» наберет силу «представитель растущей солидарности» – рабочий класс, которому теорией К. Маркса предопределена роль «мирового хозяина», так именно этот класс тут же и «осуществит идеал»[1119].

Богданов, основательно проштудировавший историю идеологий человечества, пытался доказать, что изменение общественно-политического мировоззрения масс не происходит спонтанно, и не уставал предупреждать соратников по партии о том, что пролетариат, как и всякий другой недавно народившийся класс, не имеет своего цельного мировосприятия и потому «подчиняется идеологии старых классов», оценивает себя и окружающий мир с помощью стандартов, выработанных в обществе до него[1120]: «от *признания* мис-

[1119] См.: Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 88; Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.

[1120] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.

сии до *умения* ее выполнить... провал остается незаполненным»[1121]. Но «чем отчетливее становится собственная идеология класса, чем полнее и лучше он сознает свое место в жизни, свои цели, свои пути, свои различия и противоречия с другими классами, тем <…> значительнее его общественная сила: *самосознание* класса есть основа его организованности[1122]. Если к этому процессу подключить усилия активных просветителей-добровольцев, то, по мнению Богданова, вопрос необразованности, «некультурности» пролетариата окажется не самой трудоемкой проблемой социал-демократического движения. Куда сложнее обстоят дела с тотальным непониманием проблем общемировоззренческого плана, с неумением растолковать, почему классовый конфликт не может быть разрешен сам собой в пользу рабочего класса, хотя взрывоопасные противоречия структурно заложены во всю систему капиталистических производственных отношений и чреваты социально-экономическими потрясениями в буржуазном мире, еще крепко стоящем на ногах.

Это утверждение ученого – не из числа демагогических рассуждений, которыми изобиловала политическая жизнь начала XX в., а результат скрупулезного анализа по новой – эмпириомонистической – методике. Если до Богданова мир изучался эмпирически с подбором фактов, ***логически*** подтверждавших или опровергавших истинность какой-либо теории, то А.А. Богданов *первым в мире* предложил при изучении глобальных общественных процессов обратиться к *эмпириомонизму* – ***единству опыта***. Этот термин и его смысловое значение – «*понимание мира как непрерывного ряда организационных процессов*» – были впервые введены в науку именно Богдановым[1123]. Ученый предложил «бесконечное богатство и разнообразие <…> событий, образов, идей – свести к единству»[1124]. А на практике это означало: надо рассматривать все это разнообразие *с одной точки зрения* – организационной, разложив целое на составные элементы и определив связи между ними, после чего эти элементы предполагалось объединить *в одну непрерывную цепь*, упорядоченно сгруппировав их *по одному принципу*. Поскольку элементы образовавшегося ряда не могут не находиться в постоянном взаимодействии, стремясь к перегруппировкам и перерождению, то в результате все непрочное распадется и погибнет, а все прочное сохранится и разовьется[1125]. Такой подход к делу позволял: а) выявить наметившиеся слабые ростки нового; б) оценить степень живучести шаблонных представлений; в) определить динамику раз-

---

[1121] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.
[1122] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 58.
[1123] Там же. С. 30, 32.
[1124] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 30.
[1125] Там же. С. 30–31.

вития и тех, и других. Сам Богданов объективную действенность эмпириомонизма демонстрировал неоднократно, доказывая, что такой анализ процессов, идей и событий по силам любому человеку. Но ученый на этом не остановился: он задумал и осуществил дальнейшую формализацию эмпириомонизма до почти математических закономерностей («почти», потому что во времена Богданова еще не было такой математики, которая позволила бы организационные процессы адекватно выразить в виде формул). Как говорил сам ученый, «если всё есть организация разных элементов, то надо исследовать способы и законы этой организации; надо их обобщать и научно выразить»; словом, нужна *Всеобщая Организационная наука*, «которой до сих пор не было»[1126]. Речь шла о тектологии – системе закономерностей, описывающих организационные процессы.

Богданов, начиная с 1904 г., упорно и настойчиво работал над обнаружением таких закономерностей, которые позволяли нетрадиционно подходить к оценке практических противоречий и задач двух главных противоборствующих классов капиталистического общества. Если исходным моментом анализа Маркса был конфликт между косным правом собственности на средства производства и динамично развивающимися производственными технологиями, успехи которых, по мысли автора «Капитала», непременно сметут власть капиталистов, то Богданова интересовал конфликт между двумя типами организации в рамках одних и тех же производственных отношений, одна из которых нацелена на извлечение максимальной прибыли даже ценой дестабилизации общества, тогда как другая ориентирована на социальный прогресс, способствующий общественному развитию и благополучию сограждан. За эту научную дерзость А.А. Богданов получил титул «ревизиониста», хотя тот анализ, который предложил ученый в своих книгах, не противоречил выводам Маркса. Зато главным достоинством богдановской системы закономерностей явилась возможность с ее помощью увидеть актуальные проблемы под неожиданным, нетрадиционным углом зрения и благодаря этому найти их нетривиальное решение.

Причина появления тектологии на свет донельзя проста: на каком-то этапе агитационно-просветительской работы ученый обнаружил, что, хотя познание и начинается с изучения базовых элементов исследуемого явления, однако сам процесс подчинен строго определенным правилам. Это как с азбукой, которая лишь безграмотному человеку напоминает ряд ничего не значащих палочек, кружочков и закорючек. Но для овладевшего навыками чтения

[1126] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 39.

слов***а***, образованные из элементов алфавитного ряда, или, по терминологии Богданова, упорядоченно организованные, наполняются четко обозначенным смыслом – *своим для каждого набора букв из азбуки национального языка*, – и написанное становится понятным. Еще в 1904 г. ученого не оставляла мысль, что элементы познания «не являются нам в отдельности, а всегда *в сочетаниях*, разными способами в разной мере организованных»[1127]. Как любил повторять сам Богданов, «наивные противоречия мысли» возникают в обстоятельствах, когда анализ события или явления происходит вне связи с другими, ему предшествовавшими и сопровождавшими. Такой подход более всего похож на попытку вникнуть в содержание фразы, вырванной из контекста: смысл в этом случае будет гарантированно искажен.

Чтобы факты многогранной человеческой деятельности служили побудительными ориентирами для поиска ассоциативных соответствий прошлого и настоящего, чтобы каждый человек овладел умением направлять мыслительный процесс в русло научной методологии и сочетать четкость анализа с открытостью новым идеям, сам Богданов отдал добрую половину своей творческой жизни изучению общих принципов формирования сложных общественных систем, хода их развития, а также управления механизмами преобразовательных процессов. Ученый искал приемы сопоставления взаимозависимых общественных элементов, ориентируясь на способы, какими специалисты точных наук осуществляют аналитическое сравнение величин, а также стремясь обнаружить закономерности, которые могли бы выполнить роль универсальных методов, облегчающих процесс познания и анализа мирового опыта. С этой точки зрения становилось очевидно, что мировоззрение личности или группы формируется не вследствие словесных перепалок: полемическое противоборство в таком виде, в каком оно утвердилось на Западе и в России, ни на шаг не продвигало общество в познании собственной природы, сковав все силы и заняв время мыслящих людей бесплодной схоластической полемикой, в то время как для прогрессивного развития требовалось интегральное объединение всех знаний об обществе и окружающем мире. Богданов, как и его герой из романа «Инженер Мэнни», «искал упрощения и объединения научных методов, а для этого изучал и сопоставлял самые различные приемы, применяемые человечеством в его познании и труде; оказалось, что те и другие находятся в самом тесном родстве, что методы теоретические возникали всецело из практических, и что все их можно свести к немногим простым схемам <...>, установить небольшое число общих методов <...>. Так возникла все-

[1127] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 30–31.

общая наука, быстро охватившая весь организационный опыт человечества. Прежняя философия была не чем иным, как смутным предчувствием этой науки; а законы природы, общественной жизни и мышления, найденные разными специальными науками, оказались частичными выражениями ее принципов в отдельных областях»[1128]. Богданову мечталось, что решение самых сложных общественных проблем станет «делом не индивидуального таланта или гения, а научного анализа, вроде математического вычисления в задачах практической механики <...>, как <...> естествознание стало орудием научной техники, так организационная наука явилась орудием научного построения социальной жизни»[1129]. В ходе изысканий Богданов сформулировал 12 основных тектологических закономерностей, послуживших основой прогнозирования социально-экономических трансформаций в мире. Благодаря этой принципиально новой методологии сам ученый с высокой точностью обрисовал состояние общества, как минимум, на столетие вперед.

Термин «тектология» (от греч. τεκτον – плотник, строитель, создатель и λογοσ – слово, учение) был введен в научный лексикон в 1866 г. немецким ученым-биологом Эрнстом Геккелем (1834 – 1919) для описания строения и механизмов развития одноклеточных организмов. А.А. Богданов использовал этот уже известный науке термин более широко, исходя из того, что динамика преобразований не только биологических, но и любых созданных природой и человеком систем (в последнем случае – и материальных, и духовных), подчиняется одному и тому же набору организационных закономерностей, число которых относительно невелико. В пользу этого вывода Богданова говорило, в частности, массовое внедрение в первые десятилетия XX в. разнообразных технических устройств, так или иначе «подсмотренных» у живой природы – начиная от планерных крыльев, поначалу полностью копирующих птичьи, и заканчивая гидрофонными датчиками, функционально воспроизводящими органы слуха морских млекопитающих. А если учесть, что возникшая в тот же период наука этология позволяла обнаружить немало тождественных закономерностей в массовом поведении животных и людей, причем мыслители наподобие Гюстава Лебона (1841–1931) всерьез рассматривали возможность применения этих закономерностей в управлении обществом, то в свете подобных фактов появление тектологии А.А. Богданова представляется вполне обоснованным.

Однако идеологов РСДРП в исследовательском труде под странным для них названием «Тектология. Всеобщая организационная наука» раздражало буквально все, на-

[1128] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 282 – 283.

чиная от непривычных естественнонаучных выкладок и заканчивая малопонятным теоретическим утверждением автора о том, что ключевым элементом нового способа мышления является положение об организованных комплексах, в роли которых могли выступать любые предметы и любые явления материального мира, имеющие упорядоченную структуру и определенным образом взаимодействующие с окружающей средой. Само понятие комплекса А.А. Богданов, возможно, и правда несколько неудачно позаимствовал у Э. Маха, в сочинениях которого речь шла только о комплексах ощущений, а не материальных взаимосвязанных элементов, как у Богданова. Однако повод придраться нашелся, и уже никто не стал вникать в существеннейшее терминологическое различие, чем приверженцы «абсолютного марксизма» еще раз подтвердили свою неспособность субстантивно оценивать научную информацию.

Несмотря на атаку с ним несогласных, Богданов сохранил понятие организованного комплекса, потому что в тектологии оно трактуется очень широко: это любая упорядоченная система, элементы которой постоянно взаимодействуют друг с другом, поддерживая систему в состоянии динамического равновесия со средой и обеспечивая внутри системы устойчивый порядок. Достигается это суммированием активностей[1130] этих элементов комплекса и всех сопротивлений[1131] внешней среды, и если это приводит к высвобождению дополнительной активности, так что целое оказывается практически больше суммы своих составных частей, то налицо процесс организации, позволяющий системе сохраняться и развиваться. Если же целое в итоге оказывается меньше суммы своих составных частей, то происходит дезорганизация, ведущая к распаду системы. Богданов приводит в пример действия двух людей по расчистке поля от валунов. Каждый из работающих может поднять камень весом не более трех пудов. При согласованных, или организованных, действиях они совместными усилиями смогут перемещать камни весом в 7 и даже 8 пудов, т.е. больше, чем при арифметическом сложении их усилий. Если же – напротив – их действия не будут согласованы, то они вряд ли справятся вдвоем даже с трехпудовым камнем, поскольку каждый будет преодолевать не только сопротив-

---

[1129] Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 283.

[1130] Активность – проявление энергии организованного комплекса (системы), а равно составляющих ее элементов; будучи всегда направлена вовне, является сопротивлением по отношению к среде.

[1131] Сопротивление – проявление энергии внешней среды, противостоящей активностям системы, комплекса или какого-либо из образующих их элементов; будучи всегда направлена извне, является активностью среды.

ление веса камня, но и сопротивление своего «сотрудника»[1132]. Пример Богданов умышленно упростил, чтобы обеспечить его доступность для восприятия читателей, не обладающих даже минимальной научной подготовкой.

Кроме организации и дезорганизации, есть случаи, при которых целое равно сумме своих составных частей, и тогда формируется комплекс не организованный и не дезорганизованный, а *нейтральный*, т.е. либо пребывающий в устойчивом равновесии со внешней средой, либо вовсе с нею не взаимодействующий, как это бывает, например, с математическими величинами. Богданов отмечает, что «математика есть просто *тектология нейтральных комплексов*, определенная, раньше других развившаяся часть всеобщей организационной науки. Она обходилась до сих пор без понятий организации – дезорганизации потому, что ее исходным пунктом являются сочетания, в которых то и другое взаимно уничтожается, или, вернее, парализуется»[1133].

Однако внешняя среда не является чем-то однородным и равномерно противостоящим организованному комплексу: она сама является организованным комплексом со специфическим сочетанием активностей-сопротивлений; противостоящая внешней среде система может сама быть частью этого комплекса – во всяком случае, до тех пор, пока сохраняется равновесие системы со средой. И каким бы ни было взаимодействие этих комплексов – организационным, дезорганизационным или нейтральным, – в любом случае «“первичный момент”, <...> или *основа формирующего тектологического механизма*, есть соединение комплексов»[1134]. Для обозначения этого явления Богданов воспользовался «термином, взятым из биологии, более глубоким по смыслу и международным по применению, – конъюгация. Конъюгация – соединение, слияние организованных комплексов, имеющих общие элементы, в единую систему; основной тектологический процесс»[1135].

Конъюгация комплексов может быть полной или частичной. В первом случае активности – сопротивления либо взаимно усиливаются, либо взаимно нейтрализуются в зависимости от характера их соединения. Для наглядности возьмем пример объединения Польши и Литвы в одно государство – Речь Посполитую: налицо полная конъюгация, при которой происходит образование единого центра власти, унификация законодательных норм, создание единой армии и т.п. Новое государственное образование в экономи-

---

[1132] Богданов А.А. Тектология. С. 64–66.
[1133] Там же. С. 72.
[1134] Богданов А.А. Тектология. С. 88.
[1135] Там же.

ческом и военно-политическом аспектах оказалось значительно сильнее, чем были Польша и Литва – каждая в отдельности – до слияния. Зато противостояние на этнической и религиозной почве было нейтрализовано.

Примером частичного совпадения интересов в конкретный период времени могут быть военно-политические союзы государств – наподобие тех, какие возникали перед Первой или Второй Мировыми войнами. Эти союзы не ликвидировали противоречий, объективно существовавших между их участниками. В таких случаях разговор следует вести лишь о частичной конъюгации, при которой происходит неполное соединение активностей-сопротивлений, лишь отчасти усиливающихся и частично нейтрализующихся. Богданов отмечал подобный случай как «наиболее обычный», но в то же время предостерегал: «Надо помнить, что “комплекс” – величина условная, и от исследователя всецело зависит подразделить ее на части, рассматривая их как особые комплексы. Их можно мысленно выделить и таким образом, что для некоторых из них получится уже не частичная, а полная нейтрализация их активностей»[1136]. В связи с этим приведенные выше примеры возникновения военно-политических союзов можно рассматривать как итог совпадения интересов правящих классов в странах, вступавших в союз, или как продукт личной воли правителей этих государств. Причем и в том, и в другом случае приведенное событие преподносится пропагандой как проявление настойчивых требований народов дружественных держав, хотя это волеизъявление фактически не имело места. В соответствии с этим складываются две разные картины сочетания активностей конъюгирующих сообществ: одна картина отражает полное совпадение активностей, другая – практически полное его отсутствие.

Аналогичная ситуация возможна и в отношении сложения активностей. Но в любом случае «при таком смешении сумма окажется, в самом его акте, равна арифметической лишь постольку, поскольку одинаковые специфические активности обоих комплексов совпадут по направлению своих элементов; поскольку же этого нет, то они – частично или вполне – превращаются в сопротивления одна для другой; и результат уменьшается. Это <...> не мешает тому, что *практическая сумма* действия может оказаться, напротив, и больше, чем результат арифметического сложения прежних действий, – это бывает тогда, когда сопротивления складываются с еще большей потерей, чем данные активности, или

[1136] Богданов А.А. Тектология. С. 90.

вовсе не складываются»[1137]. Например, опираясь на тектологический анализ, можно понять динамику отношений партии большевиков и партии левых эсеров, которые были различны по своим убеждениям, но имели одну цель – свержение царизма в России. На языке тектологии они являлись на первом этапе революции одинаковыми специфическими активностями с совпадающим направлением. Но в дальнейшем пути партий не просто разошлись, а возникла борьба, в результате которой однонаправленность исчезла и партия большевиков превратилась в сопротивление для партии левых эсеров, пока не развился «лево»-эсеровский мятеж 6–7 июля 1918 г. В итоге эсеры понесли огромные потери, а влияние победившей партии большевиков стало всеобъемлющим. Именно по таким принципам развивается сложение активностей в тектологии.

Наиболее распространенной формой такой частичной конъюгации является соединение организованных комплексов, имеющих ряд общих элементов, входящих и в один, и в другой комплекс. Возникающую при этом связь Богданов назвал «цепной связью», уподобив соединяющие, связывающие элементы звеньям цепи. Такая «цепная связь» существует, например, между добывающей и обрабатывающей отраслями промышленности. Но на практике нередки прочные соединения комплексов, вовсе не имеющих общих элементов. «В таких случаях применяется метод ингрессии, т.е. метод “вводных” или “посредствующих” комплексов»[1138], которые берут на себя роль отсутствующей «связки» из общих элементов. Примерами могут служить католическая церковь в средневековой Европе, мировой рынок в капиталистическом обществе, а в быту – посредник в торговле между производителем и потребителем.

Богданов определяет ингрессию как основной тип организационной связи. «Соответственно ему основную форму дезорганизации удобно обозначить как “дезингрессию”, т.е. как отрицательную ингрессию; она и получается тем же способом: например, при интерференции волн имеется или частичная “конъюгация”, или даже полная, но с разрушительным результатом»[1139]. Дезингрессивный комплекс, как правило, является элементом среды, внедряющимся в систему по линиям уничтоженных сопротивлений, т.е. нейтрализованных активностей системы на ее тектологической границе со средой. Следующий за этим разрыв связей между элементами системы приводит к образованию новых комплексов – уже отдельных, не входящих в систему, которая перестает существовать, либо

[1137] Богданов А.А. Тектология. С. 91.
[1138] Там же. С. 98.
[1139] Богданов А.А. Тектология. С. 103.

трансформируясь в соответствии с потерей части элементов, либо полностью распадаясь на составные части, причем каждый из вновь образованных комплексов создает вокруг себя собственную тектологическую границу.

«Разрыв тектологической границы между двумя комплексами есть вообще начало их конъюгации, момент, с которого они перестают быть тем, чем они были, – тектологическими отдельностями и образуют какую-то новую систему, с дальнейшим преобразованиями, возникновением связок, дезингрессий частичных или полных, словом, это организационный *кризис* данных комплексов. Образование тектологической границы, создавая из данной системы новые отдельности, также делает ее в организационном смысле не тем, чем она была; это также ее *кризис*, только другого типа. Все кризисы, наблюдаемые в жизни и природе, все “перевороты”, “революции”, “катастрофы” и проч. принадлежат к этим двум типам. Например, революции в обществе обычно представляют разрыв социальной границы между разными классами»[1140]. Кризисы первого типа Богданов определил как первичные и назвал их конъюгационными (для краткости – кризисы C); кризисы второго типа получили название «дезъюнктивных», т.е. разделительных (кризисы D). Первичность кризисов C Богданов объяснял тем, что «всякое разделение обусловливается предшествующими конъюгациями. Так, распадение клетки-матери на дочерние клетки есть результат ее роста, ее питания, т.е. конъюгационного включения в нее элементов из внешней среды»[1141].

И кризисы C, и кризисы D являются показателями развития комплексов. Но само это развитие не исчерпывается только кризисами, так или иначе разрешающими противоречия между системой и средой и между составными частями системы. Эволюция организационных форм, т.е. структур организованных комплексов, осуществляется с помощью процесса отбора или, в богдановской терминологии, подбора наиболее устойчивых форм. Подбор может приводить либо к сохранению данной формы вне зависимости от изменений в окружающей среде (консервативный подбор), либо к изменению организационной формы под воздействием среды (прогрессивный подбор). Консервативный подбор заключается в сохранении организационных форм, способствующих сохранению динамического равновесия между системой и средой, при котором их взаимная дезингрессия является бесконечно малой величиной и не разрушает тектологической границы между ними. При любом смещении динамического равновесия между системой и средой в свои права вступает прогрессивный подбор, который может быть положитель-

[1140] Богданов А.А. Тектология. С. 113.

ным, если сумма активностей системы возрастает, а ее структура усложняется, или отрицательным, если имеет место обратное.

Соответственно характеру подбора формируется устойчивость организационных комплексов. Она может быть количественной или структурной. В первом случае «комплекс, охватывающий более значительную сумму элементов, характеризуется как *более устойчивый* по отношению к среде, но, очевидно, только... как обладающий большей суммой активностей-сопротивлений, противостоящих этой среде»[1142]. Во втором случае комплекс оказывается устойчивым к тому или иному *специфическому* воздействию среды, тогда как все другие виды воздействия могут его дезорганизовать. И в этом плане важна не столько сила воздействия среды, сколько точка ее приложения. Согласно выведенному Богдановым закону относительных сопротивлений, «устойчивость целого зависит от наименьших относительных сопротивлений всех его частей во всякий момент»[1143], а дезорганизация системы начинается с распада наименее прочных ее элементов. Богданов это положение комментирует так: здоровье организма зависит от наиболее ослабленной из его необходимых функций; устойчивость фронта следует определять состоянием наиболее уязвимого участка; эскадра может продвигаться только на такой скорости, на какую способны самые тихоходные ее суда; позиция партии, составленной из разнородных элементов, определяется ее отсталым крылом, – иначе блок распадется[1144]. Получается, что стабилизация тектологической границы между системой и средой происходит на уровне равновесия между активностью среды и сопротивлением наиболее слабого из звеньев системы. И чем сложнее система, тем больше в ней таких потенциально слабых звеньев. «Если любая часть системы может подвергнуться воздействиям не учитываемой заранее силы, то ясно, что всякая неравномерность концентрации сопротивлений в пользу одних частей, а следовательно, в ущерб другим совершенно бесцельна. В то же время она до крайности опасна, ибо создает вероятность разрушительного результата даже со стороны сравнительно слабых воздействий, раз они придутся против наиболее непрочных частей системы. Максимум относительной устойчивости здесь достигается *равномерным распределением активностей-сопротивлений* между всеми угрожаемыми звеньями целого»[1145].

Такое равномерное распределение наиболее эффективно осуществляется в *слитных*

[1141] Богданов А.А. Тектология. С. 113.
[1142] Там же. С. 138.
[1143] Богданов А.А. Тектология. С. 146.
[1144] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 117.
[1145] Богданов А.А. Тектология. С. 155.

структурах, все элементы которых соединены однородными по устойчивости ингрессивными комплексами-«связками», а тектологическая граница со средой имеет минимально необходимую протяженность. Элита в обществе – достаточно яркий пример подобной слитной структуры, для которой связи с «низшими» социальными группами сокращены до минимума, а внутри элитной группы существуют свои устойчивые связи, регламентированные соответствующими нормами права и морали, освященными традициями. Такими же структурами являются национальные диаспоры и т.п.

Если же структура имеет более протяженную тектологическую границу при том же количестве элементов, то ингрессивные комплексы в этом случае оказываются менее прочными, и такая структура может оказаться менее устойчивой. Богданов называет такую структуру «четочной» и отмечает, что отрицательный подбор интенсивнее проявляется именно для форм «четочных», тектологическая граница которых в силу своей протяженности обеспечивает менее равномерную концентрацию активностей-сопротивлений при взаимодействии со средой[1146]. Любое разделение труда в рамках какого-либо производства представляет собой такую «четочную» структуру, в которой отрицательный подбор может проявляться, например, в текучести кадров. «Для комплексов более слитных отрицательный подбор менее интенсивен. А положительный? Но очевидно, что и он тоже <...> Чем больше количество соприкосновений со средой, тем ассимиляция из нее соотносительно больше. Отсюда общее решение вопроса о том, какая структура благоприятнее для сохранения и развития комплексов: под отрицательным подбором благоприятнее “слитная”, под положительным – “четочная”»[1147]. Но в любом случае организованная система стремится к установлению равновесия с окружающей средой, что описывается законом Ле-Шателье, который Богданов называет «выражением структурной устойчивости»[1148]. Согласно этому закону, «если система равновесия подвергается воздействию, нарушающему какое-либо из условий равновесия, то в ней возникают процессы, направленные так, чтобы противостоять этому изменению»[1149]. Закон Ле-Шателье был первоначально сформулирован для физических и химических систем, но, по мнению Богданова, биологические и социальные системы также подчиняются этой закономерности, так или иначе стремясь восстановить утра-

[1146] Богданов А.А. Тектология. С. 169.
[1147] Там же. С. 167.
[1148] Богданов А.А. Тектология. С. 170.
[1149] Там же. С.171.

ченное равновесие: в зависимости от интенсивности внешнего воздействия они либо активно противостоят окружающей среде, либо стремятся максимально сократить взаимодействие с нею.

Взаимодействие комплекса со средой соответственно трансформирует его: любые части распавшейся системы, какими бы однородными они ни были, испытывают неодинаковое воздействие среды и, «поскольку отдельность имеется или развивается, постольку появляется или прогрессирует действие закона расхождения»[1150]. Основной предпосылкой этого закона, по Богданову, является то, что в природе не существует абсолютно идентичных комплексов, испытывающих совершенно тождественное воздействие внешней среды и реагирующих на это воздействие полностью одинаково. Следствием этого является прогрессирующее расхождение первоначально однородных организационных форм в ходе их эволюции под воздействием внешней среды. Благодаря последнему обстоятельству тенденция расхождения форм может маскироваться тем, что разнородные комплексы приобретают сходное строение: например, «предки дельфина, жившие на суше, отличались по форме тела от тогдашних рыб больше, чем дельфины от нынешних рыб и т.п. Но <...> между тем же дельфином и, положим, акулой расхождение не прекращалось и не прекращается в других отношениях, не связанных с механическими свойствами водной среды. Следовательно, здесь не нарушение общего закона, а лишь присоединение к его тенденции еще других, противодействующих ее видимому проявлению»[1151].

Однако, поскольку отдельность организованных комплексов всегда относительна – между ними всегда сохраняются ингрессивные или конъюгационные связи, способствующие обмену энергией, – то и расхождение никогда не бывает непрерывным и окончательным: возрастание различий ведет ко все более устойчивым структурным соотношениям в рамках системы, так что между расходящимися комплексами формируются дополнительные связи. Примерами таких «дополнительных соотношений» могут быть взаимодействие клеток и органов в живом организме, растительные и животные сообщества в природе, профессиональная специализация в общественном производстве и т.п.; эти примеры позволяют наглядно увидеть сущность дополнительного соотношения. «Она сводится к *обменной связи*: в ней устойчивость целого, системы, повышается тем, что одна часть усваивает то, что дезассимилируется другой, и обратно»[1152].

[1150] Богданов А.А. Тектология. С. 187.
[1151] Там же.
[1152] Богданов А.А. Тектология. С. 196.

И тем не менее системное расхождение[1153] является двусторонним процессом: помимо дополнительных связей, между расходящимися комплексами формируются противоречия, основой которых Богданов видит «увеличение тектологической разности»[1154], что может объективно способствовать дезорганизации системы и прогрессирующему расхождению комплексов – или настолько ослаблять действие дополнительных связей между ними, что взаимозависимые комплексы могут сохранять полную иллюзию отдельности, как это, например, происходит в буржуазном обществе, где «самое сотрудничество отдельных хозяйств имеет форму *борьбы* между покупателями и продавцами за цену, между продавцами за сбыт, между покупателями за возможность купить товар. Борьба же означает активности, направленные противоположно и в той или иной мере друг друга уничтожающие, т.е. наличность дезингрессий; хотя она *результатом* своим может иметь и прогресс, но *сама по себе* она – явление дезорганизационное <...> На основе рыночной борьбы из того же разделения функций возникает и борьба классов с ее огромными, растущими дезингрессиями, и борьба социальных групп, единиц менее крупных, соответствующих специализации внутри классов... Так дезингрессии растут и накопляются, уменьшая живую силу развития»[1155].

Таким образом, противоречие, определяемое в марксистской диалектике как *источник развития* и движения, оказывается в тектологии показателем движения – т.е. расхождения организованных комплексов, что служит *источником дезорганизации системы*. Итогом такой дезорганизации может быть не только преобразование системы, но и простой распад, отмечает Богданов[1156]. Естественно, что приверженцы «догматического марксизма» не могли простить ему этого вывода, а подтверждающую этот вывод практику просто игнорировали, как несоответствующую писаниям классиков.

Источником подлинного развития, т.е. прогрессивного изменения системы и всех ее элементов, по мнению Богданова (кстати, подтвержденному практикой), является преодоление противоречий и порождающего их расхождения организационных комплексов. Процесс преодоления системного расхождения получил название контрдиффе-

---

[1153] Системное расхождение (дифференциация) – тектологический процесс, характеризующийся увеличением разности между активностями элементов комплекса (системы) и, соответственно, нарастанием дезингрессий, что ведет к дезорганизации комплекса либо к радикальному изменению его структуры.

[1154] Богданов А.А. Тектология. С. 201.

[1155] Там же. С. 202.

[1156] См.: Богданов А.А. Тектология. С. 203.

ренциации[1157], в основу которой был положен рассмотренный выше процесс конъюгации, уменьшающей или вовсе нейтрализующей расхождение частей системы и возникающие вследствие этого расхождения противоречия. «Первичным моментом всякой конъюгации является образование новой “связки”, которое само сводится к слиянию некоторой суммы элементов объединяющихся комплексов. Это слияние основано на полном соответствии связочных элементов той или другой стороны. Однако <...> во многих случаях само соответствие, сама возможность совпадения является в большей или меньшей степени результатом некоторого взаимодействия между объединяемыми комплексами»[1158]. В ходе этого взаимодействия неизбежно проявляется закон прогрессивного подбора – отрицательного по отношению к тем элементам комплекса, которые препятствуют конъюгации, и положительного по отношению к тем, которые конъюгации способствуют. Рассматривая взаимодействующие комплексы в более широком аспекте, Богданов отмечает, что ингрессия представляет собой усложненный случай конъюгации, поскольку ингрессивный комплекс образует связки с теми комплексами, между которыми входит. Богданов определяет крушение феодального общества как сословно-правовую контрдифференциацию, ставшую началом новой классовой дифференциации общества. Новый буржуазный класс возник внутри феодального общества и свободно развивался в нем до тех пор, пока неравноправие сословий не препятствовало формированию социально-экономических связей, обеспечивающих благосостояние буржуазии. Достигнув такого положения, при котором возникло противоречие между феодальной сословной организацией и потребностью буржуазии в расширении связей с другими элементами общества, новый класс приступил к революционной ломке старой системы. При этом те социальные группы, которые сопротивлялись общественному переустройству, зачастую подвергались прямому физическому уничтожению[1159] (такими были, например, действия якобинской диктатуры против дворян).

Итак, первой стадией контрдифференциации является конъюгация расходящихся комплексов. За этим, по Богданову, следует количественное и качественное выравнивание в структурах комплексов: увеличение наименьших относительных сопротивлений за

[1157] Контрдифференциация – тектологический процесс, характеризующийся преодолением системного расхождения между элементами комплекса (системы) и нейтрализацией дезингрессий посредством образования дополнительных связей; благодаря этому комплекс (система) сохраняется как отдельный от среды, хотя его структура при контрдифференциации подвергается существенным качественным изменениям.

[1158] Богданов А.А. Тектология. С. 205.

счет сокращения наибольших. Именно благодаря такому выравниванию оба комплекса приобретают новые свойства, что положительно сказывается на их структурной устойчивости. Но обычно выравнивание имеет вид кризиса и сопровождается общим сокращением активностей-сопротивлений конъюгирующих комплексов и сохранением их наиболее устойчивых элементов и связей, так что положительные результаты контрдифференциации сказываются намного позже, если только прямым следствием кризиса не явится распад системы под воздействием внешней среды. Примером такого кризиса Богданов указывает войну, которая «по существу своему есть взаимная дезорганизация социальных комплексов, активности которых соединяются здесь, в общем, по типу дезингрессии. Однако война сопровождается непрерывным “обменом” организационного опыта, технических приемов, более того, заимствованием идеологических приобретений, происходящим между врагами немногим меньше, чем между союзниками. Взаимный грабеж материальных элементов культуры по объективным результатам равносилен мирному обмену продуктами, правда, очень неравномерному и несистематичному: и точно так же каждая сторона стремится ограбить у другой продукты научного и экономического творчества, чтобы “бить врага его же оружием”. Таким образом, война есть конъюгация крайне болезненная и соединенная с растратой сил, но приводящая на деле к возрастанию суммы общих элементов и соотношений между сторонами – к контрдифференциации»[1160], которая в случае равенства сил сторон принимает вид мирного договора и возобновления отношений на изменившейся основе, а в случае победы одной из сторон – к прямому смешению побежденных и победителей в отношении территории, экономики, культуры, социального устройства и генетического состава.

Завершение процесса контрдифференциации приводит к образованию новых связей и формированию вследствие этого более сложных и разносторонних структур комплексов. Однако всякая контрдифференциация является объективной предпосылкой последующей дифференциации системы: усложнение структуры заключает в себе возможность возникновения новых противоречий между элементами и, соответственно, нового системного расхождения, которое преодолевается новой контрдифференциацией, и т.д. Примером подобного процесса могут служить формационные кризисы, рассмотренные с тектологической точки зрения.

Так, кризис рабовладельческого способа производства имел своей основой не столько снижение эффективности рабского труда, сколько увеличение непроизводи-

---

[1159] См.: Богданов А.А. Тектология. С. 233 – 234.

тельных затрат, связанное с ростом имущественной дифференциации в среде свободных граждан, богатая часть которых использовала большое количество рабов в качестве разнообразной прислуги, сокращая использование рабочей силы в сельскохозяйственном и ремесленном производстве. Согласно закономерностям всеобщей организационной науки, это представляет собой уменьшение суммы внешних производственных активностей и ослабление тектологической границы полиса, который переходит от экономической самодостаточности к импорту ремесленных изделий и продовольствия. Беднейшие слои свободных граждан, не имевшие возможности конкурировать с крупными рабовладельческими хозяйствами, также сокращали производство, постепенно переходя к паразитизму и получая средства к существованию из государственной казны либо от политически активных богачей, покупающих себе популярность для занятия той или иной выборной должности. С тектологической точки зрения активное вмешательство богачей в политику отражало нарастание дезингрессий между отдельными крупнейшими хозяйствами городов: уменьшение суммы внешних производственных активностей позволяло каждому из этих хозяйств существовать независимо от полиса, но их взаимная конкуренция неминуемо отражалась на жизни полиса, бедные слои населения которого неизбежно попадали в экономическую зависимость от богатых. Таков был механизм установления позднегреческих тираний и Ранней Империи в Риме; это позволило возвыситься некоторым богатым честолюбцам, но не ликвидировало причин социальной напряженности из-за катастрофического противоречия между правовым равенством и имущественным неравенством свободных граждан. И достаточно было ввода дезингрессивного комплекса в виде варварских племен, чтобы социальная система античного мира окончательно распалась: все дезингрессии перешли в системные расхождения, и на некогда едином экономическом и политическом пространстве возникли малые самоуправляемые и самодостаточные хозяйственные системы крайне простого строения. Преодоление дезингрессий, предложенное Платоном в «Государстве» и реализованное совместными усилиями варваров и покоренных римлян, сводилось к имущественной контрдифференциации в рамках общественного разделения труда на мирно-организаторский, военно-организаторский и исполнительский: каждый гражданин должен был иметь не больше собственности, чем это реально требовалось для выполнения его общественных функций.

[1160] Богданов А.А. Тектология. С. 213.

В реальности это привело к сословно-правовой дифференциации в рамках феодального общества: два организаторских и потому правящих сословия – духовные и светские феодалы – контролировали исполнительское, подчинявшееся им и обеспечивающее их всем необходимым. Но формирование независимых самоуправляемых городов ослабило экономические позиции правящих сословий, а затем и их политическую власть. На практике это выразилось в буржуазных революциях, основным итогом которых была сословно-правовая контрдифференциация.

Логическим ее итогом стало образование нового организаторского слоя, основой власти которого было его положение в экономической организации производства, а не в структуре общества, как это было раньше. Уже не наличие политических прав обеспечивало привилегированное экономическое состояние этого слоя, а напротив, его экономическое состояние как класса частных собственников средств производства обеспечивало его лидирующее положение в организации власти. Таким образом отчетливо проявилась отмеченная Марксом и характеризуемая тектологически как системное расхождение между классом собственников средств производства и классом лишенных собственности на средства производства, т.е. между буржуазией и пролетариатом. Применительно к производственным отношениям это противоречие классовых интересов принимает вид системного расхождения между трудом и капиталом.

Варианты решения проблем классово-экономической контрдифференциации – как предложенные Богдановым в теории, так и осуществленные большевиками на практике – показывают, что осуществлению контрдифференциации всегда предшествовал своеобразный «мысленный эксперимент» в виде политической теории или – чаще – социальной утопии. По мнению Богданова, «всякая практическая утопия характеризуется двумя чертами: во-первых, она выражает какую-нибудь реальную организационную потребность общества, класса, отдельной группы людей; во-вторых, по методу осуществления она представляет тектологическую ошибку. Первым определяется возникновение утопии, вторым – ее “утопичность”»[1161]. Однако при верном определении мыслящим утопистом реальной организационной потребности общества конечный результат контрдифференциации в своих основных чертах очень слабо отличается от утопического идеала, хотя, естественно, осуществление контрдифференциации зачастую радикально отличается от предложенного утопистом: то, что Платон стремился осуществить в течение жизни одного поколения силой юридических законов, на практике оформилось в течение пяти-шести поколений посредством про-

[1161] Богданов А.А. Тектология. С. 229.

грессирующей экономической деградации античного общества, и т.п.

Тем не менее контрдифференциация – это далеко не единственный процесс преодоления разности форм: существует также схождение – «результат сходно направленного подбора со стороны сходной среды. Разница с контрдифференциацией вполне ясна: там расхождение или его отрицательные последствия парализуются прямой конъюгацией самих разошедшихся форм; здесь же такой конъюгации нет, сходство комплексов определяется не их собственным общением, а их отношением к среде»[1162], т.е. к некоторому общему для них комплексу, однородно влияющему на них. Таким образом, схождение тоже есть контрдифференциация, но косвенная, обусловленная конъюгацией не комплексов, а их отдельных элементов с процессами внешней среды (напр., уже упомянутое схождение форм тела у акулы и дельфина, обусловленное особенностями передвижения в воде).

Следствием системного расхождения организационных форм является формирование комплексов с новой структурой, более соответствующей их взаимодействию друг с другом и со внешней средой. Основными типами структуры организованных комплексов Богданов считает централистическую (эгрессивную[1163]) и «скелетную» (дегрессивную[1164]) формы организации. Первая из них предполагает наличие неравномерных ингрессивных связей между элементами организованной системы, где имеется некий «центральный» элемент, связь которого с элементами «периферии» качественно отличается от связей между элементами «периферии». Типичными примерами эгрессивной системы являются модель атома, созданная Нильсом Бором, а также Солнечная система, бюрократическая и военная иерархия, монотеистическая религия и т.д. Достоинством эгрессии как явления Богданов называет избирательную концентрацию определенных активностей[1165], способствующую формированию специализированных органов в организме, специализированных институтов в обществе и т.п. Во всех этих случаях явление эгрес-

---

[1162] Богданов А.А. Тектология. С. 251.

[1163] Эгрессия (от лат. «отделение от ряда») – форма организации системы, характеризующаяся образованием «центрального» комплекса, активности которого являются определяющими в процессе взаимодействия системы со средой; «центральному» комплексу – как правило, более сложно организованному – подчиняются «периферические» комплексы, активности которых группируются соответственно его активностям; вследствие этого устойчивость данной формы всецело определяется уровнем сопротивлений «центрального» комплекса.

[1164] Дегрессия (от лат. «обособление ряда») – форма организации системы, характеризующаяся формированием специализированных «периферических» комплексов, обособленных от «центрального» и изолирующих его от специфических активностей внешней среды; в отличие от эгрессии, подчинение «периферических» комплексов «центральному» не является необходимым условием функционирования системы – более того, «периферические» комплексы могут быть более сложными по строению, чем «центральный», поскольку именно их уровнем сопротивлений определяется устойчивость системы.

сии создает условия максимально эффективного решения узкоспециальных организационных задач с минимальными затратами энергии.

Однако следствием эгрессии является увеличение качественной разности (Богданов называет эту разность «эгрессивной») между «центральным» комплексом и «периферическими»: последние оказываются в структурной зависимости от первого, группирующего их активности строго определенным образом. Это делает устойчивость эгрессивных систем полностью зависимой от устойчивости их «центральных» элементов, которая всецело определяется качеством взаимодействия сгруппированных специфических активностей со внешней средой: дезингрессия в этом случае может привести к полному распаду системы в соответствии с законом относительных сопротивлений, поскольку воздействие внешней среды может повысить уровень сопротивления «центрального» комплекса. В полной мере этот недостаток эгрессивных систем был описан... еще в трудах древнеримских историков, отмечавших в числе особенностей военной организации германских племен то, что после гибели вождя-полководца его дружина прекращает битву и обращается в бегство, даже если боевая обстановка складывалась наилучшим для германцев образом[1166].

Во избежание распада системы эгрессия может принимать вид многоступенчатой или «цепной», когда «ряд центральных комплексов низшего порядка <...> объединяется центром высшего порядка <...>; ряд таких центров – еще высшим, и т.д.»[1167]. В этом случае концентрация активностей многократно возрастает, как, впрочем, и устойчивость системы, «центральный» комплекс которой оказывается защищен от непосредственных воздействий внешней среды несколькими уровнями организации активностей. Но и это не может преодолеть природной ограниченности эгрессии: «между всяким высшим звеном и связанными непосредственно с ним низшими должна существовать эгрессивная разность, означающая разный уровень организованности; переход от высшего звена к низшим соответствует понижению организованности, которое должно быть достаточно велико, чтобы эти низшие постоянно и устойчиво определялись высшим звеном в своих изменениях. Для бесконечного ряда звеньев потребовалось бы бесконечное число таких понижений»[1168], что не представляется возможным ввиду ограниченности как материального мира, так и возможностей организма и человеческого опыта. В итоге с продле-

---

[1165] Богданов А.А. Тектология. С. 261.
[1166] См., напр.: Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 110, 142.
[1167] Богданов А.А. Тектология. С. 270.
[1168] Там же.

нием цепи эгрессии начинает меняться качество связи между элементами системы, так что активности «периферических» комплексов самого низшего звена все меньше организуются комплексом «центральным», высшим; на практике это приводит к разрыву связей между комплексами при малейшем выходе системы из состояния устойчивого равновесия (примеры – распад Римской Империи, прекращение существования СССР).

В отличие от эгрессивных, дегрессивные («скелетные») формы организации обладают большей устойчивостью в силу большей гибкости или, в терминологии Богданова, пластичности взаимодействия со средой. «Чем пластичнее комплекс, тем больше в нем образуется комбинаций при всяких изменяющих его условиях, тем богаче материал подбора, тем быстрее и полнее его приспособление к этим условиям»[1169]. Однако очень гибкая организационная структура становится чрезмерно восприимчивой к разного рода внешним воздействиям, слишком уязвимой для них; для ее защиты от подобных опасных влияний и служат «скелетные» комплексы, отличающиеся более простой организацией и специализированной ориентацией активностей-сопротивлений, коренным образом отличающейся от ориентации активностей-сопротивлений системы в целом. «Дегрессия <...> есть организационная форма огромного положительного значения: только она делает возможным высшее развитие пластичных форм, закрепляя их активности, охраняя нежные комбинации от грубой их среды»[1170]. Распространение явлений дегрессии в природе и жизни общества отличается, по словам Богданова, гигантской широтой. Для примера достаточно отметить только один чрезвычайно важный для людей случай дегрессии – формирование символов, делающих возможными взаимопонимание и сотрудничество. Тектологический анализ показывает, что «слово является своеобразным центром, объединяющим целый ряд представлений, целую их “ассоциацию” <...> Это центр, но не эгрессивный; его объединяющая роль основана не на высшей его организованности, а на его большей устойчивости, прочности. Представления, психические образы, воспоминания с их производными комплексами, группируясь массами, иногда прямо несчетными, в ассоциации “по сходству”, взаимно влияя друг на друга и смешиваясь, сами по себе имеют тенденцию расплываться в психической среде. <...> Их накопление дало бы в результате <...> совершенно перепутанную, хаотическую ткань, если бы их не связывали и не удерживали отдельными группами устойчивые, прочные ком-

[1169] Богданов А.А. Тектология. С. 279.
[1170] Там же. С. 282.

плексы: слова, а также иные символы»[1171].

Однако и у дегрессии есть свои недостатки: развитие и усложнение пластичных частей системы ведет к возникновению противоречия между новым состоянием системы и неизменной ограничительной ролью «скелетных» комплексов; последние препятствуют проявлению новых качеств, так что формируется системное расхождение между системой и ее «скелетом», следствием чего, как правило, является отделение утративших адекватность системе дегрессивных комплексов и незамедлительное формирование новых, более соответствующих изменившемуся состоянию системы.

Классическим примером здесь могут послужить европейские буржуазные революции. Феодальная организация общества являлась «скелетной» формой для формирующихся и развивающихся капиталистических отношений, пока города были достаточно слабы, чтобы играть в европейской экономике самостоятельную роль. С усилением городов укреплялась и феодальная структура в ее наиболее эгрессивной абсолютистской форме. Параллельно шло усложнение экономических и социальных отношений, входивших в противоречие с феодальной организацией общества. В итоге феодально-абсолютистские структуры власти подверглись разрушению, и на их месте обществом были воздвигнуты новые, соответствовавшие более развитым меновым отношениям и прогрессивному разделению общества по отношению к собственности на средства производства, т.е. капитализму. Сравнительно легкая победа буржуазных революций объясняется как раз эгрессивным характером феодально-абсолютистских структур власти: с распадом «центрального» комплекса (отречением или казнью монарха) начиналось немедленное расхождение элементов системы (появление среди сторонников реставрации новых претендентов на трон, формирование соперничающих за власть группировок различной политической ориентации и т.п.), что неизбежно оборачивалось распадом эгрессивной структуры, на месте которой формировалась новая, с б***о***льшим количеством звеньев и более сложной комбинацией активностей. Таким образом, государства Западной Европы вступили в новый этап своего развития, характеризующийся более прогрессивными социальными отношениями. Тем не менее в новых образованиях эгрессивные комплексы, будучи сами по себе недостаточно гибкими и ограниченно устойчивыми в меняющейся среде, точно так же, как и в предшествующих системах, входили в сложные дегрессивные структуры в качестве «скелетных» организационных форм, оберегающих наиболее уязвимые элементы этих структур от воздействия

[1171] Богданов А.А. Тектология. С. 283.

внешней среды, т.е. стремящихся сохранить систему в устойчивом равновесии со средой[1172]. Нарушение этого равновесия неизбежно вновь вызывает кризис системы, который разрешается установлением некоторого нового равновесия. Именно поэтому Богданов отмечает, что простые кризисы C и D не происходят в чистом виде.

При конъюгационном кризисе на разрыв тектологической границы между сливающимися комплексами тратится определенное количество энергии. «Но эта потеря активностей означает их *отрыв* от образующегося целого; а отрыв есть кризис D и предполагает возникновение полных дезингрессий. И вообще, <...> кризис C <...> завершается, конечно, тем, что создается новая система с новой границей; а эта граница может получиться только таким путем, что появляются новые полные дезингрессии там, где их не было. Следовательно, заключительный момент всякого кризиса есть D»[1173]. Аналогичным образом, всякий кризис D начинается с присоединения некоторой активности извне, необходимой для разрыва связей внутри системы; «следовательно, моменту D предшествует как его условие момент C»[1174]. Именно эта ситуация является основной предпосылкой формирования организационной диалектики, согласно которой любой тектологический акт «в первой фазе <...> намечается кризисами C. Во второй он развертывается на основе кризисов D, за которыми во всяком системном расхождении могут следовать, переплетаясь с их рядом, производные кризисы C. В третьей он завершается целостным оформлением системы на основе кризисов C с производными D. Те же три фазы при исследовании обнаруживаются во всяком организационном процессе природы, во всяком организационном акте человека»[1175], и аналогичным же образом происходит дезорганизация любой системы.

После выхода в свет «Тектологии» (1911) приведенные в ней закономерности воспринимались читателями лишь в едином контексте с пояснениями в виде конкретных примеров из истории, математики, физики и т.п. Однако в целом тектологические взаимозависимости представляли собой феномен, не имевший соответствий в научном опыте людей, и потому понимание, как пользоваться открытыми закономерностями для само-

---

[1172] Подробнее о характере феодального общества и особенностях его трансформации в буржуазное см., напр.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Изд. группа Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 58–122 ; Общественные движения в Средние века и в эпоху Реформации. СПб.: Типо-Литография А. Лейферта, 1901. С. 209–226, 283–369, 398–454, 462–522, 548–557 ; Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. С. 29–44, 48, 61–76, 106–163, 286–320, 344–345, 364–365.

[1173] Богданов А.А. Тектология. С. 348.

[1174] Там же. С. 348.

стоятельного анализа, не приходило. Тектология не оперировала формулами, подобно физике или химии, в которых всякое явление рассматривалось как математически выверенное соотношение количественно измеримых и экспериментально наблюдаемых параметров (например, в физике сила выражается как произведение массы на ускорение; в химии свойства элемента определяются строением его атомов, которое выражено таким показателем, как атомный вес; и т.д.). Не оперировала всеобщая организационная наука Богданова и данными, полученными в ходе экспериментов и наблюдений, как это осуществлялось в биологии, психологии, медицине и других естественных науках. Отсутствие всего этого в «организационной науке» запутывало читателей, которым не вполне было ясно, как взаимодействуют отмеченные Богдановым тектологические закономерности между собой в каждом конкретном случае, произвольно взятом для анализа. Это затрудняло практическую возможность пользоваться богдановскими разработками и порождало сомнения в научной эффективности тектологии, поскольку трудно было понять, можно ли доверять результатам исследований на ее основе. Скорее всего именно это послужило главной причиной неприятия учеными методики Богданова, которую автор задумал в виде «системной конструкции», объединявшей интеллектуальный опыт человечества для решения организационных задач.

Ни отечественные, ни зарубежные ученые не стали вникать в суть открытых Богдановым организационных закономерностей, хотя научное мышление того времени уже было знакомо с «системными конструкциями». Но тектология не вписывалась и в этот ряд: предмет ее изучения находился за пределами какой-либо одной из существующих наук, и по этой причине ее закономерности не могли быть выражены знакомым терминологическим и символическим кодом, а практические выводы из них, сделанные самим Богдановым, не всегда воспринимались читателями адекватно, вызывая полемику – порой слишком агрессивную. Соратник и единомышленник А.А. Богданова В.А. Базаров, пытаясь поддержать близкого друга, писал о «Всеобщей организационной науке» следующее: «В основе Тектологии лежит понятие организации. <...> “Организацией” Богданов называет такое сочетание элементов, которое создает более значительную совокупную активность, или, что то же, – более значительную сопротивляемость внешним воздействиям, чем арифметическая сумма активностей-сопротивлений всех элементов, взятых в отдельности. Следовательно, в организованном комплексе целое *больше арифметической суммы своих*

[1175] Богданов А.А. Тектология. С. 383.

частей. Если целое *меньше* суммы [своих] частей, то мы имеем не процесс организации, а процесс *дезорганизации*. Наконец, если целое в точности *равно* сумме слагаемых, то перед нами *нейтральный* комплекс. Практически нейтральные комплексы являются результатом равновесия между организующим и дезорганизующим процессами. А так как при бесчисленном множестве хаотически сталкивающихся друг с другом активностей-сопротивлений шансы получить в итоге организующий и[ли] дезорганизующий эффект приблизительно одинаковы, то нейтральные комплексы, или, точнее говоря, системы подвижного равновесия, близкие к нейтральности, представляют очень обычное явление в мире нашего опыта»[1176]. Доказывая, что применение этой необычной методологии системного анализа к исследованию современной социально-экономической ситуации представляет определенный научный и практический интерес, Базаров не мог отстоять исследовательский труд Александра Александровича. В итоге получилось так, что теория Богданова опередила дальнейшее развитие тех наук, которые могли бы предоставить необходимые компактные и удобные формулы, отражающие взаимодействие тектологических закономерностей, в силу того, что при жизни ученого они не достигли еще соответствующего уровня. Поэтому в начале столетия Богданов столкнулся с полномасштабной обструкцией, которая по сути своей напоминала выступления многих ученых XVII в. против математического анализа бесконечно малых величин: тогдашние авторитетные мыслители решительно отрицали возможность использования подобных операций в практической деятельности (для счета денег и товаров, определения площади земельных участков и т.д.); однако уже через 200 лет анализ бесконечно малых величин и связанное с ним интегральное исчисление стали одним из основных методов точного научного исследования – изменения в общественной жизни способствовали востребованности открытого два века тому назад метода познания. Однако это вовсе не значит, что время тектологии еще не пришло.

В начале XX в. Богданов, обдумывая сложившуюся ситуацию, объективно оценил ее, придя к выводу, что аналитические методы тектологии нуждаются в научной доработке, которая могла бы придать организационным законам вид строгих формул, доступных для практического использования любому грамотному человеку. Он сам считал свою тектологию лишь началом большого пути в методологию системного анализа. В 1914 г. он писал: «Мир – цепь организационных форм в их взаимодействии, борьбе, разрушении, развитии... Что из этого следует? <…> Вполне ясно: <…> надо <…> вырабатывать *Всеобщую организа-*

[1176] Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель {и популяризатор} (1873–1928) //

ционную науку <...>; мне удалось сделать в ней первые шаги, первые выводы. Без сомнения, она будет отлучена вместе со мною. Но это ничего не изменит. *Она полезна и необходима, а поэтому будет жить и развиваться в коллективной работе и мысли, и сослужит свою службу человечеству*»[1177] (курсив мой – А.Л.).

Таким образом, ученый осознавал, что отлучение тектологии неизбежно, потому что теоретическое изложение сути закономерностей (или, как сам исследователь называл, азбуки тектологии вместе с иллюстративным материалом, почерпнутым из разных отраслей знания) выглядело как обобщение достижений естественных и общественных наук рубежа XIX и XX вв., а обобщение в глазах современников Александра Александровича являлось неизменной прерогативой философии. Поэтому неудивительно, что тектологию вскоре присовокупили к разряду многочисленных философских концепций, претендующих на объяснение мироустройства. Открытие тектологических закономерностей получило насмешливое определение «тарабарщины» и очередной «ереси», не вписывающейся в общее научное мировоззрение и отнесенной исключительно на счет богдановского «оригинальничания». Такая оценка открытия Богданова априори обрекала любые практические исследования по новой методике на категорическое неприятие. Во многом определяющую роль здесь сыграло и то, что богдановский метод системного анализа не оставлял места для привычного западным ученым XIX и XX вв. разнообразия интерпретаций одного и того же наблюдаемого факта: выявление функционально обусловленных причинно-следственных связей налагало довольно жесткие ограничения на применение зародившегося еще в античные времена метода аналогий, с помощью которых привыкли строить свои объяснения европейцы. Критический разбор одного из таких объяснений Богданов изложил в письме М. Горькому еще в 1910 г., незадолго до выхода в свет первого тома «Тектологии»: «Вот вам картинка из природы (наблюдение Фабра[1178]): “До чего может доводить филанта (одна из хищных ос) его разнузданная страсть к пчелиному сиропу, доказывает следующее. Дело происходит перед поселением филантов. Один из них только что поймал пчелу, сидевшую мирно на соседнем цветке и собиравшую цветень и мед. Прежде чем втащить жертву в свою норку, он остановился и давит горло пчелы, вылизывая затем язык несчастной, выпущенный ею во всю длину и покрытый сладким си-

---

Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 106–123.

[1177] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 38–39.

[1178] Фабр, Жан Анри (1823–1915) – выдающийся французский энтомолог, автор капитального научного исследования «Жизнь насекомых» (первый русский перевод 1911 г.).

ропом… И вот, в разгар ужасного пира я вижу, что филант вместе с добычей схвачен богомолом: бандит поймал бандита. Затем, в то время как богомол уже держал филанта в зубьях своей складной пилы и жевал его брюшко, филант продолжал лизать мед у своей пчелы, не будучи в состоянии отказаться от изысканной пищи…" Казалось бы, вот истинный эпикуреец, не желающий заглядывать за пределы *своей* земной жизни. А на деле – иллюзия. Филант кормит своих личинок телом пчел, но *мед для них ядовит*; и страсть филанта к меду имеет основу вне его личной жизни, а стихийная сила этой страсти – результат связи поколений»[1179].

Подобный взгляд на изучаемые явления с позиций их функциональной связи представляется более плодотворным для научных исследований, чем сложные и зачастую искусственные попытки интерпретировать изучаемые факты по внешней, произвольно выстроенной аналогии с уже известными явлениями. Взятое Богдановым в качестве примера яркое, эмоционально насыщенное описание гибели осы-филанта, сделанное Ж.А. Фабром, позволяет слабо осведомленному в энтомологии читателю лишь *увидеть впечатляющую картину проявления одного из инстинктов насекомого*, ***однако не дает действительного объяснения причин этого поведения осы*** – более того, предложенная французским исследователем аналогия с человеческой жадностью на самом деле лишь отвлекает читателя от научного познания, которое заменяется оценочными суждениями о сугубо человеческих пороках, объективно не присущих миру насекомых, организованному на основе биологических закономерностей. Естественно, что и в познавательном, и в житейском плане такие оценочные суждения окажутся бесплодными, способными лишь спровоцировать полемику, но не сформировать понимание ситуации. Предложенное Богдановым объяснение того же факта гибели филанта не столь красочно, как у Фабра, но зато сразу же указывает на ***подлинную основу поведения осы*** – *инстинктивную заботу о выживании потомства, одинаково присущую большинству живых организмов*; и вместе со знанием об этой основе читатель Богданова получает вместо оценочных суждений точное знание, органично встраивающее новый факт в систему представлений о мире, в котором и инстинктивное поведение насекомых, и социально обусловленная деятельность людей имеют в своей основе рационально-целесообразные умопостигаемые закономерности. Таким образом, ***при исследовании одного и того же явления метод аналогии, примененный Фабром, и метод системного тектологиче-***

[1179] Богданов А.А. Письмо А.М. Горькому. 5 июня 1910 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 172.

ского анализа, используемый Богдановым, объективно ведут к принципиально разным научным выводам, и трудно не заметить, какой из двух методов позволяет более эффективно организовать процесс познания.

В силу причин, не связанных с научной проблематикой, предложенный Богдановым метод объяснения не получил признания у современников, подавляющее большинство которых попросту было лишено возможности ознакомиться с приемами тектологического анализа и применить их в своей практической деятельности. Что же до меньшинства, обратившего на работы Богданова самое пристальное внимание, то их отношение к тектологии было, мягко говоря, гиперкритическим. Полномасштабную обструкцию, с которой Александр Александрович столкнулся после выхода «Тектологии» из печати, сам ученый связал с особенностями мышления тогдашних представителей науки: философы не увидели в «Тектологии» изысканий по духовной проблематике; обществоведы не обнаружили на ее страницах концепции демократических политических и социальных преобразований, представлявшихся в те времена особенно актуальными; а в целом для академических кругов оказался непривычным даже сам стиль изложения взглядов автора книги – для постижения сути выведенных Богдановым закономерностей образованному читателю пришлось бы перейти из привычного мира полемических мнений в непонятный мир строгих фактов, точных, а потому однозначно толкуемых формулировок и аналитических закономерностей. Адекватное восприятие труда Богданова не пришло и позже. Второе издание «Тектологии», выпущенное в Германии небольшим тиражом, оказалось мало востребованным серьезными исследователями, особенно после рецензии Иоганна Пленге, мюнхенского профессора, издавшего в 1919 г. небольшую брошюру под названием «Всеобщая организационная наука», которая представляла собой запись трех лекций, прочитанных в университете, «о человеческих организациях, да и то в рамках планомерного их функционирования»[1180].

Разумеется, брошюра Пленге не давала представления об эффективной методике аналитического исследования и прогнозирования экономических и политических ситуаций. По мнению Богданова, лекции немецкого профессора были посвящены в основном «рассуждательским рассуждениям о задачах новой науки и об ее отношениях к другим наукам, естественным, социально-государственным, историческим и разным другим, среди которых видное место занимают метафизика, теория познания, а также теоло-

[1180] Богданов А.А. Тектология. С. 28.

гия»[1181]. К тому же И. Пленге, «“социалист” и “диалектик” – как он сам себя рекомендует»[1182], дальше общетеоретического подхода к теме исследования «не пошел», но по поводу «Тектологии» и ее автора высказался весьма безапелляционно с высоты авторитетного знатока проблемы, охарактеризовав Богданова как «современного русского мыслителя, который, находясь под гнетом марксистской доктрины и почувствовавши неотвратимую историческую необходимость всеобщей организационной науки, в своеобразном умственном опьянении врывается в область универсальных обобщений, относящихся ко всем структурным соотношениям, которые на опыте должна устанавливать наука»[1183].

По представлениям Пленге, после установления в России советской власти новое руководство страны, чтобы выстоять в борьбе с политически враждебным окружением, остро нуждалось в обновлении и углублении своих идеологических доктрин. Тогда-то Богданов «как сторонник материалистического понимания истории» поневоле обратился к идее всеобщей организационной науки – якобы только для того, чтобы «в качестве “условия сохранения”» новой политики принципиально оправдать «и “волю к власти”, и накопление капитала, и империализм»[1184]. И хотя Богданов попытался убедить «почтенного критика» в том, что «тектология <…> по своей природе ничего не может оправдывать, а только объясняет»[1185], тем не менее мюнхенский профессор уже не мог остановиться в своем порыве и позволил себе убедить научный мир Европы в том, что многолетний труд ученого из России – это «новомарксистская механистическая теория организации», которая «в силу своего безудержного, враждебного всему душевному (allem Seelischen) механизирования, по существу своему превращается в самое холодное орудие господства над человеческим материалом, принимаемым в расчет исключительно как механический элемент»[1186]. Естественно, после такой рецензии западным ученым расхотелось знакомиться с еще одним вариантом новомарксизма, тем более что в научных журналах появились еще две-три статьи по поводу «Тектологии» Богданова, составленные в том же ключе, что и у Пленге, и тоже без принципиального обсуждения темы по существу дела.

В России также началась атака на ученого, только с нападками, противоположными мнению европейцев. Здесь критики обнаружили в его работе «стремление уничтожить

[1181] Богданов А.А. Тектология. С. 422.
[1182] Там же.
[1183] Цит. по: Богданов А.А. Тектология. С. 422.
[1184] Цит. по: Богданов А.А. Тектология. С. 423.
[1185] Богданов А.А. Тектология. С. 423.
[1186] Цит. по: Богданов А.А. Тектология. С. 423.

материализм, за которым последует падение признания материального мира»[1187]. Кроме того, ученому инкриминировалось, что «тектология выступает в роли исправителя теории Маркса, которая оперирует унаследованными методами мышления, и дает в результате этого исправляющего усердия идеализм со всеми его последствиями»[1188]. Одним словом, всеобщая организационная наука тектология А.А. Богданова в конце концов без каких-либо доказательств была объявлена «идеалистическим искажением марксистской диалектики», и спустя совсем короткое время все работы ученого в России попали в спецхран, а на Западе – в костер (после 1933 г.). Поэтому имя Богданова на долгие годы оказалось среди преданных забвению, и все дальнейшие наработки в области системного анализа велись, если можно так выразиться, в обход богдановской тектологии. Основой для этих наработок стала математика, которую сам Богданов определял как своеобразную «тектологию нейтральных комплексов»[1189]. В соответствии с этой особенностью исследователи оценивали изучаемые явления как комбинации статичных взаимно нейтральных элементов, способных объединяться друг с другом в практически бесконечное множество сочетаний. Именно этот взгляд на мир характеризовал и общую теорию систем Л. фон Берталанфи, и кибернетику Н. Винера, и синергетику И. Пригожина – с точки зрения каждой из этих концепций, состояние любых сложных систем, правда, преимущественно технических, определяется двумя группами невзаимосвязанных переменных величин: 1) совокупностью элементов, образующих систему; 2) совокупностью условий, внешних по отношению к элементам системы и определяющих их.

Эта концепция безукоризненно работала, пока дело касалось технических систем: определяющую роль здесь действительно играло наличие или отсутствие необходимых для взаимодействия элементов и четко обозначенных условий формирования связей между ними. Скажем, химики знают, что при отсутствии углерода невозможно получить не только органические химические соединения, но даже такие неорганические вещества, как графит и алмаз; да и те же графит и алмаз отличаются друг от друга вследствие того, что их кристаллические решетки формируются в средах, существенно не совпадающих по температуре, давлению и другим характеристикам.

Под воздействием упомятных выше групп переменных (входящих в систему элементов и влияющих на них внешних условий) формируется практически бесконечное разно-

---

[1187] Цит. по: Богданов А.А. Тектология. С. 425.
[1188] Богданов А.А. Тектология. С. 425.
[1189] Богданов А.А. Тектология. С. 72.

образие возможных состояний сложной системы. По этой причине, с точки зрения занимавшихся системным анализом математиков, научному познанию были доступны лишь закономерности, по которым меняется состояние системы, поскольку число таких закономерностей ограничено. Но прогнозировать на основе этого знания будущие состояния системы возможно лишь в тех случаях, когда количество взаимодействующих элементов и влияющих на них условий невелико. Примером таких удачных прогнозов оказалось изучение динамики мирового развития сырьевой экономики и связанных с этим перемен в международных отношениях. Согласно исследованию A. Christaks, опубликованному в работе «A New Policy Science Paradigm» (1973), истощение энергетических ресурсов и загрязнение природной среды будут волновать мировое сообщество к концу XX в. больше, чем рост населения[1190]. Однако даже такие прогнозы не предоставляют необходимой информации для принятия обществом адекватных решений, поэтому слабо финансируются. Да и сами ученые не берутся за такую работу, особенно когда речь идет об изучении сложных систем, поскольку чем сложнее система, тем более естественным состоянием для нее становится хаос, выступающий как особая разновидность порядка[1191].

Подобные выводы западных ученых были во многом обусловлены спецификой применения методов системного анализа на Западе во второй половине XX в.: сформированное на основе этой методологии математическое моделирование сложных процессов получило применение преимущественно в экономической науке – в тех ее областях, которые были непосредственно связаны с обслуживанием финансового капитала. Дело в том, что описываемые в рамках теории игр вероятностные процессы, лежащие в основе механизмов спонтанной самоорганизации, наиболее адекватно отражают феномен, который еще в XVIII столетии был определен Адамом Смитом как «невидимая рука рынка»[1192]. По этой причине не удивительно, что наиболее активными потребителями и заказчиками системно-аналитических исследований выступают банковские, инвестиционные и т.п. корпорации,

---

[1190] См.: Ларичев О.И. Наука и искусство принимать решения. М.: Наука, 1979. С. 44.

[1191] Об этом см.: Пригожин И., Стернгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. С. 236–272. А современный американский финансит Ди Хок и вовсе предложил характеризовать сложные системы (прежде всего, конечно, экономические) как «хаордические», поддерживающие свою упорядоченность посредством хаоса (См.: Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015 С. 38.).

[1192] Один из наиболее показательных современных примеров математического моделирования экономических процессов: Шипицын Е.В., Попков В.В., Берг Д.Б.. Анализ финансового рынка в рамках t – J модели физики твердого тела // Вестник Международного Института Богданова [Электронный ресурс] URL: http://bogdinst.ru/vestnik/v16_05.htm (дата обращения: 18.07.2017; в дальнейшем доступ осуществлялся по ссылке на резервную копию, размещенную на сервисе «Веб-архив сайтов». URL: https://web.archive.org/web/20170718020511/http://bogdinst.ru:80/vestnik/v16_05.htm)

обычное повседневное функционирование которых осуществляется в хаотической, непредсказуемо меняющейся среде, крайне подверженной анархическим, слабо поддающимся рациональному прогнозированию воздействиям отдельных спекулирующих субъектов.

Обусловленное социальной функцией науки (а именно зависимостью области приложения научных интересов от ключевых потребностей наиболее влиятельных групп общества) доминирование у европейских и американских исследователей проблематики хаоса и случайности над вопросами порядка и закономерности оказало существенное мировоззренческое и психологическое воздействие на остальных аналитиков, которые тем не менее признавали, что, даже будучи записанными в виде математических формул, основные причинно-следственные связи изучаемых системных структур не придавали объективности исследованиям.

Однако создание объективной модели социальных процессов по-прежнему оставалось главной проблемой времени. Попытку дать ответ на общественный запрос предпринял в 1970-х годах американский профессор Дж. Форрестер. В статье «Антиинтуитивное поведение сложных систем» (1977) он утверждал: «Наши социальные системы несравненно более сложны и труднопонимаемы, чем технологические. Почему же тогда мы не используем аналогичный подход создания моделей социальных систем и проведения лабораторных экспериментов на них перед тем, как опробовать новые законы и программы в жизни? <…> Такие модели <…> могут быть значительно более понятными, чем прежние подходы»[1193].

Другие ученые были не столь оптимистичны из-за того, что в сложные модели при решении поставленных задач зачастую вносилась по разным причинам субъективная оценка (иногда многочисленных) людей, влияющих на выбор параметров анализа. Результат в итоге искажался: причинно-следственные связи, предвзято включенные в систему в качестве обязательных для изучения, не отражали реальной ситуации. Ученых ставило в тупик то, что модель давала одну картину, а общество продолжало жить совсем иной жизнью, которая не подчинялась выводам предпринятого анализа. Все это стало поводом для негативного восприятия математических моделей социальных систем. Примечательно в этом смысле категоричное высказывание американского ученого Дж. Шлесинджера о том, что ставка на «объективность» подобного анализа пока нереальна[1194]. Начало сомнениям положил русский эмигрант-экономист Василий Леонтьев, который в статье «Theoretical

[1193] Цит. по: Ларичев О.И. Наука и искусство принимать решения. М.: Наука, 1979. С. 43.

Assumptions and Non-Observed Facts» (1971) констатировал: «Недостаток фактических знаний об условиях, существующих в реальном мире, заставляет авторов моделей основывать многие, если не все, общие заключения на различных априорных допущениях, выбранных из-за их удобств, а не из-за их отношения к наблюдаемым фактам»[1195].

В итоге потребовалось возвращение к истокам математического прогнозирования, когда считалось, что ***система*** складывается из множества элементов, образующих некую целостность. Первоначально это понятие включало в себя такой аспект, как *порядок*, представлявший собой жесткую организованность по определенным правилам. Однако за счет проникновения в систему дополнительных данных, познание которых расширяло представления о новом комплексе вследствие влияния вероятностных методов изучения отношений и связей в новой структуре – от сугубо эмпирических до абстрактных. Особое внимание при этом обращалось на характерную *иерархичность строения* системы и на наличие в ней процессов *управления*, что способствовало безошибочному выделению *системообразующих* компонентов, поскольку оказалось, что управление обеспечивало автономность поведения системы, а системообразующие свойства являлись необходимым условием ее относительно обособленного функционирования. Это, в свою очередь, было связано с проблемами прогнозирования, которое могло стать осуществимым лишь при создании надлежащего математического аппарата. У богдановской тектологии такого аппарата не было по вполне объективным причинам[1196]

Только после смерти Богданова аналитики-систематики занялись разработкой ма-

---

[1194] См.: Ларичев О.И. Наука и искусство принимать решения. М.: Наука, 1979. С. 44.

[1195] Цит. по: Ларичев О.И. Наука и искусство принимать решения. М.: Наука, 1979. С. 44.

[1196] В «Тектологии» А.А. Богданова априори не могло быть научно-формализованного сопровождения не только потому, что он не обладал той широтой естественнонаучного познания, какая имелась в арсенале высоковалифицированных профессионалов-академиков. Просто новая работа Александра Александровича писалась, как и другие книги просветительского плана, сугубо для целевой аудитории – для людей большого практического опыта и малой общеобразовательной научно-теоретической подготовки. Другим адресатом его работ была учащаяся молодежь, заинтересованная в обретении системного знания, необходимого для понимания окружающей действительности. В таких обстоятельствах использование высших достижений естественных наук было чревато потерей читательского интереса вследствие внутреннего мировоззренческого конфликта: сознание людей, неспособное воспринимать отвлеченные академические теории, найдет самый простой и естественный способ защититься от столкновения с непонятным элементом чужеродного мышления – и поставленная просветительская цель не будет достигнута Богдановым. В сходную ситуацию на рубеже XIX и XX вв. попали и другие ученые-просветители: биолог Рихард Авенариус, стремясь объяснить вышеназванный внутренний конфликт, сформулировал принцип «экономии мышления» и идеал чисто описательной науки, а математик Анри Пуанкаре создал доктрину конвенционализма, считая, что признание специальных научных терминов результатом соглашения между учеными существенно облегчит популяризацию математических и естественнонаучных знаний. Кстати, открытия А. Пуанкаре, которые впоследствии легли в основу теории относительности и синергетики, при жизни А.А. Богданова использовались в узкоспециализированных областях знания (астрономии и математической физике), и их связь с прикладной практической деятельностью была неочевидной.

тематического сопровождения теоретических выводов, позволивших определять, например, М.Д. Месаровичу определять понятие системы как прямое (декартово) произведение произвольного семейства множеств $S \subset X_1 \times ... \times X_n$ или, что то же самое, как отношение, определенное на этом семействе. Каждое из множеств $X_1, \ldots, X_n$ представляет полную совокупность всех проявлений некоторого атрибута системы, а их произведение S включает в себя полную совокупность всех характеристик системы[1197]. А Л. фон Берталанфи определял систему как комплекс элементов, находящихся во взаимодействии, и различал закрытые системы, между элементами которых осуществляется только обмен энергией, и открытые системы, в которых происходит обмен энергией и веществом, затрагивающий не только собственные элементы системы, но и внешнюю среду[1198]. Опираясь на данное определение Берталанфи, С. Бир предложил квалифицировать системы по двум основаниям – степени сложности и характеру функционирования, который может быть детерминированным или вероятностным[1199].

Близкое к этим выводам понимание системы как множества сгруппированных в единое целое организованных элементов наблюдалось и у других исследователей – тех, кто обнаружил, что положение в открытых системах остается неизменным, если они находятся в состоянии подвижного равновесия с окружающей средой. Эти выводы явились следствием теоремы термодинамики неравновесных процессов, доказанной в 1947 г. лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным (1917–2003). Бельгийский ученый русского происхождения установил, что неравновесные динамические системы сохраняют упорядоченность только в том случае, если их движению и развитию ничто не препятствует. Зато при наличии обструкционных помех процесс энтропии (т.е. дезорганизации) нарастает – вплоть до полного уничтожения границы между системой и окружающей средой[1200].

Систематики, обнаружившие в теореме Пригожина математическое доказательство древней мудрости «Движение – это жизнь», активно занялись математическим моделированием природных, технологических и общественных процессов. Среди ученых,

---

[1197] См.: Месарович М.Д. Общая теория систем и ее математические основы // Исследования по общей теории систем. Сб-к переводов / под ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 167.

[1198] См.: Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Система // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 20.

[1199] Бир С. Кибернетика и управление производством. М.: Гос. изд-во физико-математич. лит-ры, 1963. С. 22–36.

[1200] См.: Зубарев Д.Н. Пригожина теорема // Большая Советская энциклопедия. Т. 20. М.: Сов. энциклопедия, 1975. С. 566.

выдвинувших свои варианты общесистемных концепций, можно назвать Л. фон Берталанфи, У. Росса Эшби, Р. Акоффа, К. Боулдинга, О. Ланге, М.Д. Мессаровича, Г. Греневского, А.И. Уемова, А.А. Ляпунова, И.В. Блауберга, С.В. Яблонского, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина, Ф.П. Тарасенко и др. Сын А.А. Богданова А.А. Малиновский, занимавшийся вопросами организации биологических систем, взял за основу изысканий главную мысль своего отца, изложенную во «Всеобщей организационной науке»: «В тектологии допустимо как реальное (эксперимент), так и мысленное абстрагирование. Типичный тектологический эксперимент – моделирование явлений из одной области с помощью средств из другой области. Таким образом не только объясняются конкретные явления, но и открываются общие для разных областей науки принципиальные механизмы явлений. На основе открытых таким путем закономерностей становится возможна тектологическая дедукция, используемая для решения проблем в частных науках. Выделение общих закономерностей способствует, по мысли Богданова, установлению общего языка для различных наук, что облегчает не только усвоение знаний, но и перенос методов из одной области в другую»[1201].

Когда научный мир познакомился с кибернетикой Норберта Винера, то, пожалуй, только после возвращения из «ссылки» богдановской «Всеобщей организационной науки» стало ясно, что отдельные положения работы американского математика имели заметную общность с тектологией. Причем создатель кибернетики из *двенадцати* закономерностей, открытых Богдановым, использовал всего лишь *две*[1202] – и как радикально изменился облик цивилизации во второй половине XX века: можно сказать, что темп научно-технического прогресса ускорился взрывообразно!

Кроме того, появление кибернетики подтолкнуло систематиков к более тщатель-

---

[1201] Малиновский А.А. Тектология // Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 48–49.

[1202] То, что в основу кибернетики Н. Винера были положены выводы Л. фон Берталанфи, заимствованные из «Тектологии» Богданова, подтверждает канадский математик Ричард Маттессич, отметивший в статье «The System Approach: Its Variety of Aspects» (1982): «Обвинения, выдвигаемые против фон Берталанфи <…> обусловлены его постоянным молчанием относительно Александра Богданова (1873–1928), создателя действительно общей теории систем. Фундаментальная и очень оригинальная работа последнего появилась в России под заглавием “Тектология” (в 3-х томах) в период 1912–1927 гг., т.е. за несколько лет до того, как фон Берталанфи сформулировал первые системно-теоретические понятия – в то время еще ограниченные биологией (1928). Кроме того, перевод первых двух томов намного более глубокой богдановской работы по организации систем на родной для Берталанфи немецкий язык был выполнен уже в 1926–1928 гг. и подробно рассмотрен в соответствующих немецких изданиях. Мы, конечно, не обвиняем Берталанфи в плагиате и не оспариваем его большой вклад в науку, история которой неоднократно показывала, что одна и та же идея созревает в умах нескольких ученых практически одновременно» (Mattessich R. The System Approach: Its Variety of Aspects // Journal of the American Soci-

ной разработке специфических процедур для решения усложнившихся исследовательских задач, поскольку стало очевидным то, что единству представлений о мире не способствовал разрыв между иррациональностью человеческой индивидуальности и рациональностью законов, определяющих качество взаимодействия людей как друг с другом, так и с природой. В условиях космических открытий вообще стал невозможным метафизический рационализм: требовались новые критерии опытного изучения мира. Поэтому-то к результатам системных анализов стали предъявлять повышенные требования, которые привели к применению новейших научных открытий, извлеченных из теории множеств, математической логики, новых методов алгебраических вычислений, теории вероятности, теории игр и т.д. Обнаружилось, что проблема синтеза нововведений стала выходить на первый план, поскольку «методологическая специфика системного подхода определялась тем, что он ориентировал исследователя на рассмотрение целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину»[1203], и «этим <…> обозначалась генетическая связь <…> с кибернетикой и <…> открывалась возможность методологически-расширительной трактовки поведения систем любого типа: принцип системности формировался как общефилософский»[1204].

Такое направление мысли полностью совпадало со взглядом Богданова на то, что «мир – цепь организованных форм в их взаимодействии, борьбе, разрушении, развитии <…>: если всё есть организация разных элементов, то надо исследовать способы и законы этой организации; надо их обобщить и научно выразить»[1205]. Систематики в этом направлении и действовали. Они искали пути расширения и уточнения смысла базовых понятий системного анализа. Этого требовала иерархическая многоуровневая структура общества, нуждающаяся в устойчивости и сохранении принципов единого «супер-метода», который обеспечивал бы решение управленческих задач без отклонений от заданного режима. Небольшой сбой не считался помехой для возвращения системы в устойчивое состояние.

Совсем иное дело, когда нерешенные проблемы оборачивались динамическим хаосом, и приходилось заниматься целым рядом внезапно возникавших положений, которые не укладывались в теоретические схемы и не вписывались в логику привычных

---

ety for Information Science. November 1982. P. 387).

[1203] Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. С. 145.

[1204] Там же. С. 145.

[1205] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 38–39.

трансформаций системы. Поскольку вопросы адаптивности, роста и стабильности в итоге вырастали в проблему № 1, то систематики оказывались лицом к лицу с непредсказуемостью результатов вследствие ориентации на методы исследования систем исключительно классического типа, не рассчитанных на анализ энтропийных, внутренне противоречивых состояний системы.

Зато для синергетиков проблемы систематиков, столкнувшихся *с ситуацией хаоса в изменяющейся системе*, были более чем понятны. Исследователи этого нового направления, ориентированные на специфическую парадигму неравновесности, объясняли этот феномен различием аналитического подхода к классическим – «однотипным» – системам с четко запрограммированным безальтернативным ***Порядком*** и так называемым «нелинейным», «самоорганизующимся» системам, где ***Хаос*** – *аналог поливариативного Порядка* – требует дополнений к привычной методологии исследования. Автор книги «Дезорганизация» А.И. Пригожин предложил вниманию читателей впечатляющий мыслеобраз для понимания сложившейся ситуации не только в теории организационных процессов, но и в любой науке: «…Что-то объясняет классическая физика, но для некоторых явлений потребовалась квантовая теория; геометрия Евклида оказалась недостаточной для описания пространства, каким его увидел Н. Лобачевский… В теории организации пора начать новый этап, ибо в организационной среде дает о себе знать новая субстанция, для анализа которой нужен новый язык. Это обнаружилось не вдруг. Предпосылки нового подхода вызревали давно»[1206].

Кроме того, изменилась трактовка *целей* исследования. С одной стороны, возникла потребность *отличать цели организации от целей для организации*. С другой стороны, степень сложности и устойчивости системы лишь косвенно зависит от растущего разнообразия способов достижения поставленной цели. Причина кроется в том, что, как заметил С. Бир в исследовании «Мозг фирмы», «мы склонны жить каждодневно эвристически, а проверять и управлять своими действиями – алгоритмически»[1207]. Поскольку это две разные стратегии поведения, то разрешению парадоксальной ситуации поможет не концентрация усилий по поддержанию контроля за всеми этапами процесса (административного, организационного и т.д.), а лишь частичное вмешательство, задающее динамику «самоуправляющейся» системе.

[1206] Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 19.

[1207] Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993. С. 59.

Начиная с конца 1960-х и вплоть до 1980-х годов исследователи-аналитики интересовались преимущественно *изменяющимися* системами с нарастающей неустойчивостью из-за возникновения флуктуаций, самозамыкания системы, а также вследствие утраты способности сохранять параметры и структуру в виде, соответствующем замыслу. Интерес к таким системам диктуется возможностью вживую наблюдать одновременно за множеством альтернативных состояний, «в противоположность близким к равновесию ситуациям, где имеется всего одно устойчивое состояние»[1208]. Поэтому изучение нелинейных (изменяющихся) систем вынуждает аналитиков видеть в таких состояниях кладезь премудрости: «Многообразие актуализированных нелинейных неравновесных систем принципиально необозримо. Их обозримость (существование небольшого числа объясняющих теорий) возможна лишь на уровне потенциальной реальности, в которой периодически происходят в силу локальной неустойчивости и по другим структурным причинам различные процессы актуализации (самоорганизации)»[1209].

И.Р. Пригожин усматривал в подобных выводах повод усомниться в возможности добиться задуманных перемен путем самоорганизации динамически меняющегося мира. «Имея дело с нелинейными изменяющимися системами, к которым, безусловно, относятся и социальные системы, мы, по словам И. Пригожина, должны признать, что не можем полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполяция классической физики на общество долгое время заставляла нас в это поверить) <…>. Применительно к управлению нелинейными потенциальными системами (в том числе и социальными) ставится вопрос не столько о том, что мы знаем о системе и на что можем влиять, сколько о том, что мы *не знаем* о системе и на что *не можем* влиять»[1210].

Когда ученые-синергетики попадают в подобное положение, то, действительно, получается ситуация, напоминающая эпизод из «Горя от ума» А.С. Грибоедова: «Шел в комнату, попал в другую», – констатируют авторы статьи «Синергетика: начала нелинейного мышления» Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, которые согласились с тем, что «синергетика в ее нынешнем виде еще не способна строить конкретные и действенные модели выхода из кризисных ситуаций, в особенности экономических, политических,

---

[1208] Пригожин И. Перспективы исследования сложности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1986. М.: Наука, 1987. С. 50.

[1209] Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. М.: Российская академия наук, 1993. С. 329.

[1210] Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. С. 155.

экологических»[1211].

На исходе XX столетия научный мир с горечью заговорил о тотальной несбываемости прогнозов. «Надежда на математические модели в прогностике не оправдалась: их крушение усилило сомнения в прогнозирующей способности человеческого разума»[1212]. К концу 1990-х обнаружился также ряд проблем с научным познанием. Дифференциация наук оказалась впечатляющей: разрыв между гуманитарным и научно-техническим знанием достиг гигантских размеров. Появилось даже крылатое выражение философа и антрополога Клода Леви-Стросса: «XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе»[1213]. Всю глубину катастрофы слишком долго не связывали с узкоспециализированной системой науки и образования, с разрывом между жизнью природы и хозяйственной деятельностью человека, со стремлением науки разъединиться на две ветви – теоретическую и прикладную в надежде построить новые оригинальные мысленные конструкции. Ученые как будто навсегда забыли, что познавательная истина – неважно, обнаружена она теоретически или практически – является мерилом понимания закономерностей реального мира и бывает объективной только в том случае, когда опирается на проверенные практикой ценностно-нормативные представления людей и служит духовной доминантой, общезначимым правилом, константой смыслов. Наука долго закрывала глаза и на то, что в сфере социально-гуманитарных технологий преимущественное развитие получили методы манипуляции общественным сознанием[1214]. Информация для манипулятивного воздействия в конце концов была поставлена на один уровень с точным научным знанием – особенно если дело касалось национальной истории и политики. К концу XX – началу XXI столетия применительно к историческому знанию стала господствующей точка зрения не Богданова, а Бердяева, сказавшего еще в далеком 1902 году: «В науке господствует не монизм, а плюрализм <…>. Миропонимание возможно только на почве метафизического синтеза и требует сверхнаучного творчества»[1215]. А И.Р. Пригожин в статье «Философия нестабильности» (1991)

[1211] Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. М., 1993. № 2. С. 39.

[1212] Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 11.

[1213] Цит. по: Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. М., 2013. № 3. С. 7.

[1214] См., напр.: Макаревич Э., Карпухин О. Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 292–294, 297–309.

[1215] Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902. Кн. 64. С. 848–849.

констатировал утрату исследователями творческого интереса и убеждал коллег, что «эвристический пессимизм» – это не повод опускать руки, а «приглашение к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям»[1216].

После этих слов становится понятным то, почему с таким воодушевлением отнеслись ученые России к возвращению из политической ссылки наследия А.А. Богданова: в его построениях, о нестандартном характере которых они были наслышаны, могла содержаться подсказка для решения проблемных вопросов современности. А прочитав, были ошеломлены масштабностью и смысловой целостностью его исследований. Так, академик РАН Л.И. Абалкин констатировал: «Современники не сумели, да и вряд ли могли по достоинству оценить значимость тектологии для формирования новой научной парадигмы. <…> Для того, чтобы лучше оценить значение тектологии как этапа или звена научного поиска, нужно четко разграничить два ее среза: тектологию как таковую и тектологию как особый тип или способ мышления. Тектология как таковая, по замыслу ее создателя, – наука, объединяющая организационный опыт человечества, это теория организационных систем, изучающая каждую из них с точки зрения отношений между ее частями, а также отношения системы как целого с внешней средой. Качественно новым в тектологии явился переход от метода аналогий, широко и плодотворно использовавшегося в науке, к выявлению общих закономерностей становления и функционирования систем. Высказанные А.А. Богдановым суждения и полученные им выводы во многом предвосхитили рождение теории систем и кибернетики и были интегрированы ими»[1217]. А по мнению академика Н.Н. Моисеева, произошедшая в середине XX столетия замена тектологии на теорию систем и кибернетику и вовсе была методологически неравноценной, поскольку «вся системная проблематика, поднятая Л. фон Берталанфи и его последователями, практически полностью укладывается в теорию организации А.А. Богданова, но не наоборот. <…> “Общая теория систем” – это известный шаг назад по сравнению с “Тектологией” А.А. Богданова. И успех работ Берталанфи, относящийся к 50-м годам, во многом объясняется тем, что сочинение А.А. Богданова к этому времени было основательно забыто. Оно появилось слишком рано, когда интерес к подобным проблемам еще не был подкреплен общественными потребностями»[1218].

[1216] Цит. по: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. С. 155.

[1217] Абалкин Л.И. Тектология Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. М., 1995. № 8. С. 4.

[1218] Моисеев Н.Н. Человек, среда общество. М.: Наука, 1982. С. 40–41.

О позитивных перспективах применения тектологических закономерностей для решения широкого круга организационно-управленческих задач говорили в последней четверти XX в. даже те исследователи, которые не были знакомы с работами Богданова. Так, американский ученый Дж. Форрестер в статье «Антиинтуитивное поведение сложных систем» обращал внимание на то, что «…наши социальные системы несравненно более сложны и труднопонимаемы, чем технологические. Почему же тогда мы не используем аналогичный подход для создания моделей социальных систем и проведения лабораторных экспериментов на них перед тем, как опробовать новые законы и программы в жизни? Обычно отвечают, что наше знание социальных систем недостаточно для построения полезных моделей. Но имеет ли смысл заявление о том, что у нас, с одной стороны, нет знаний для конструирования моделей, а с другой — их достаточно для непосредственного конструирования новых социальных систем посредством принятия законов и введения новых социальных программ? Я совершенно уверен, и сейчас накапливается много свидетельств в пользу этого факта, что разумное использование моделей социальных систем может привести к значительно лучшим системам, законам и программам»[1219].

Поражало в наследии Богданова, прежде всего, то, что он в начале XX столетия поднимал на щит те же вопросы, которые спустя почти век так и остались нерешенными. А между тем в мире по сей день существует реальная потребность в объединении специализированных форм опыта в целостную систему: «Ход вещей наглядно для всех поставил организационные задачи человечества в мировом масштабе и обнаружил бессилие по отношению к ним старых точек зрения, старых способов мышления. Человечеству нужна *принципиально новая* точка зрения, новый *способ мышления*»[1220].

Различия между тектологическим и, например, синергетическим восприятием мировых процессов отчетливо прослеживаются при исследовании исторических событий. Если синергетика анализирует весь спектр *возможных будущих состояний* системы на основе ее *текущих параметров*[1221], то тектология отслеживает *всю цепочку причинно-следственных связей* между исходным и достигнутым положениями системы, прогнозируя лишь некоторые наиболее вероятные будущие ее состояния на основе подвергшихся

[1219] Форрестер Дж. Антиинтуитивное поведение сложных систем // Современные проблемы кибернетики. М., 1977. № 7. С. 11.

[1220] Богданов А.А. Тектология. С. 58

[1221] См., напр.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. М., 1993. № 2. С. 40.

изменениям структурных характеристик[1222]. Подобный подход позволяет выявить не только формообразующие факторы новых состояний системы, но и дополнительные влияния, по разным причинам не включенные в анализ исследователем, но существенно воздействующие на процесс.

Применение такого тектологического подхода к изучению исторических событий можно проиллюстрировать, взяв за основу, например, тот факт, что крепостные крестьяне без подсказки извне и в высшей степени оперативно воспользовались указом Николая I в 1847 г. о возможности в складчину выкупиться на свободу с землей при продаже поместья с аукциона за долги[1223]. С синергетической точки зрения данная ситуация может быть объяснена тем, что императорский указ попросту обеспечил кратчайший путь для реализации традиционного крестьянского идеала, который можно выразить словами: «Община вольных людей хозяйствует на собственной земле». Однако подобная интерпретация не позволяет объяснить ни того, почему крестьяне с недоверием относились к антикрепостнической агитации со стороны интеллигентов-разночинцев, вроде бы предлагавших более широкие возможности освобождения, ни того, почему с 15 марта 1848 г. в текст указа были внесены поправки, согласно которым крепостные, выкупавшие «всем миром» поместья дворян-банкротов, *больше не обретали свободы,* а «вся купчая сделка получала силу лишь с согласия прежнего помещика»[1224]: оба эти феномена отечественной истории выглядят противоречащими основной линии социально-экономического и политического развития, направленной на увеличение свободы и независимости ведущих элементов хозяйства и общества; поэтому синергетика относит их к флуктуациям, вносящим в процесс дополнительный элемент случайности.

Если же посмотреть на историю несостоявшегося в 1847 г. освобождения крепостных крестьян с точки зрения тектологических закономерностей, то и линия развития общества, и стратегии вовлеченных во взаимодействие социальных групп (сословий) окажутся не столь прямыми и однозначными. Прежде всего, сами крестьяне воспринимали ситуацию с указом Николая I не как социальную и юридическую новацию, а как возвращение к формам *прежней жизни*, хорошо знакомым по дедовским рассказам и преданиям об относительно недавнем времени, когда помещики во времена Петра I и его наследников

[1222] См.: Богданов А.А. Тектология. С. 186–191.

[1223] См.: Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 699–700.

[1224] Маркс К. Указ. соч. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 700.

отобрали у свободных крестьян землю и волю, превратив их в бесправных крепостных. С этой мировоззренческой позиции агитация разночинцев, выстроенная по европейским идеологическим шаблонам, попросту не воспринималась крестьянами в качестве руководства к осознанному действию, ибо оставляла без ответа самый главный вопрос: *чья в итоге будет земля – основной источник средств жизнеобеспечения*? Зато данный вопрос во всей остроте воспринимался дворянами, которые при последовательной реализации императорского указа 1847 г. оказывались под явной угрозой ненасильственного, но всеобъемлющего устранения из системы управления Россией – прежде всего, потому, что выкупившиеся на волю общины выплачивали положенные подати в казну *без посредничества помещиков*[1225]. Поскольку дворянство, существенно уступая крепостным крестьянам в численности, превосходило их и по организованности, и по уровню материального богатства, и по степени интегрированности во властные структуры, оно выиграло данное противостояние, не только отсрочив проведение крестьянской реформы на 14 лет, но и обеспечив осуществление этой реформы силами дворян, через дворян и в интересах дворян[1226]. В результате межсословная дезингрессия, сформировавшаяся еще в XVIII в., закономерно привела к длительному кризису D, завершившемуся системным расхождением и крушением империи, причем ключевую роль в данном процессе сыграли властная элита и основные производители средств жизнеобеспечения, а деятельность вестернизированных свободомыслящих интеллектуалов оказалась лишь одним из сопутствующих факторов развития кризиса, но не определяющим условием его возникновения.

Таким образом, синергетический анализ исторического процесса предполагает оценку траектории движения определенной части общества от наличного состояния к желаемому под воздействием различных факторов[1227], а также выделение на этой траектории вероятных точек бифуркации и множеств дочерних траекторий движения, составляющих фигуру аттрактора, который характеризует совокупность возможных будущих состояний социальной системы[1228]. Что касается тектологического анализа тех же фактов, то он делает основной акцент на целерациональном взаимодействии элементов социальной системы, выявлении формообразующих факторов социального сотрудничества и конфликтов между

[1225] Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 700–701.

[1226] См.: Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 40–41.

[1227] См.: Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015 С. 47.

[1228] См.: Пригожин И., Стернгерс И. Порядок из хаоса. С. 206–208, 226–228, 259–265.

группами общества, определении основных векторов развития ситуации с учетом обнаруженных феноменов и – главное – на выборе таких возможных состояний системы, которые обеспечивают ее сохранение и устойчивое развитие в качестве организованного целого.

Не в последнюю очередь поэтому сам А.А. Богданов ситуацию с тектологией понимал так, что сформулированные им организационные законы полезны и необходимы людям, «как необходима инженерам математика, физика, химия для организации научной техники»[1229]. Понимал он и то, что успел сделать в тектологии лишь «первые шаги, первые выводы»[1230], но она «будет жить и развиваться в коллективной работе мысли и сослужит свою службу человечеству»[1231]. Но даже в том виде, в каком ее оставил соотечественникам этот ученый, тектология вполне справляется с ролью «рабочей теории» – во всяком случае, применительно к ***уже произошедшим событиям***, формообразующие факторы которых недвусмысленно зафиксированы в различных группах исторических источников.

В подобной ситуации тектологический анализ обладает существенным преимуществом по сравнению с другими методами исследования кризисных периодов развития общества, любой из которых «характеризуется таким многообразием, сложностью сплетения и такою частою сменою жизненных тенденций, что непосредственное их обобщение почти невозможно, а мысленное их продолжение в будущее весьма недостоверно»[1232]. Предложенный Богдановым особый *системный* взгляд на события общественной жизни способен послужить основой целостного восприятия исторического процесса, имеющего вид закономерной последовательности фактов, объединенных причинно-следственными связями, а вовсе не хаотической смены случайных явлений, которые каждый волен интерпретировать по-своему, опираясь на субъективное «в***и***дение» ситуации вместо ее рационального анализа. Такой целостный взгляд на историю более продуктивен с эвристической и общемировоззренческой точек зрения, поскольку обеспечивает каждому обнаруженному факту четко определенное место в цепи причинно-следственных связей, характеризующих развитие общества, и исключает произвольное толкование событий, при котором отсутствие точного знания объективных фактов зачастую компенсируется субъективными домыслами пристрастных мифотворцев, манипулирующих исторической памятью социума (прежде всего, через институт массового образования) для достижения своих узкогрупповых целей.

[1229] Богданов А.А. Открытое письмо Е. Ярославскому. 19 дек. 1923 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 221.

[1230] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 39.

[1231] Там же.

[1232] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 92.

В следующих разделах диссертации осуществлен критический разбор двух влиятельных исторических мифов, которые начали формироваться уже при жизни А.А. Богданова: мифа о коммунизме как доктрине насильственного переустройства общества и мифа о «военном коммунизме» как специфически-советской модели реализации данной доктрины. Однако при использовании тектологического системного анализа выясняется, что в основе данных феноменов лежали совсем не те социальные факты, на которые обращали внимание интерпретаторы-мифотворцы.

4.2 Тектологический анализ перспектив осуществления социалистического идеала

Когда в 1989 г. «Всеобщая организационная наука (тектология)» Богданова была извлечена из спецхрана и переиздана, то первое, что хотелось бы понять читателям, – почему эта книга провела 60 лет «в ссылке»? При самом внимательном и вдумчивом чтении «Тектология» не была похожа на книги, подлежащие запрету. С высоты знаний, накопленных человечеством к концу XX столетия, научные труды и фантастические романы Богданова вызывали восхищенное потрясение глубиной анализа и доступностью изложения. На фоне наследия Богданова сразу же обнажилась наивность вождей советского периода, воспитанных на единомыслии в рамках марксизма-ленинизма с опорой на формально-логические способы анализа ситуации. Автор «Тектологии» показался для новых читателей особенно убедительным в том, что исследование общественно-экономических процессов базировалось у него не только на логике, которая является лишь одним из инструментов человеческого мышления и выполняет сугубо служебную функцию, но недостаточно надежную в соответствии с аристотелевским замечанием о том, что с помощью одних только логических методов невозможно отличить истину от лжи. Обнаружить особенности базисных социально-экономических процессов, по мнению Богданова, можно было лишь с помощью главного элемента мышления – возможности сравнивать предметы и явления, чтобы группировать их по принципам сходства и различий. Именно этот элемент делает любое – даже самое неразвитое (например, детское) – мышление *системным*, организующим и упорядочивающим представления человека о мире. В соответствии с выводами Богданова, произвольно систематизировать что угодно нельзя, поскольку объекты систематизации должны обладать устойчиво воспроизводимым сходством существенных признаков. Ученый считал: чтобы воспитать поколение думающих людей, нуж-

но не только сформировать умение сравнивать жизненный опыт друг друга, но и предоставить объективные рациональные критерии, по которым могло бы выполняться такое сравнение. При замене объективных критериев ничего не значащими, выбранными по случайному или волюнтаристскому принципу (например, при выделении социальных групп на основе цвета кожи, эстетических предпочтений, сексуальных ориентаций и т.п. с одновременным отказом от рассмотрения главных функций людей в системе общественного взаимодействия) мышление фактически перестанет развиваться, сведясь к набору стереотипных реакций на стандартные раздражители.

Знакомство с «Тектологией» убеждало в том, что для выработки объективных критериев сравнения, развивающих мышление, оценили *очень по-своему* и политические лидеры, и интеллектуалы-идеологи, и ученые-обществоведы в России: в условиях идеологической монополии марксизма-ленинизма умение граждан самостоятельно анализировать ситуацию с использованием сравнительных методов представляло серьезную потенциальную угрозу для правящей группы, поэтому идеи Богданова были совершенно закономерным образом принудительно исключены из научного оборота. Нежелание партийно-советской элиты того времени конкурировать с носителями других типов мировоззрения оформилось по трем направлениям:

1) объективное сравнение предполагало возможность людей знакомиться с идеологическими системами настоящего и прошлого, с идеями, противоположными взглядам идеологов марксизма-ленинизма;

2) вместо директивных предписаний, которые одинаковы для всех сверху донизу, руководству страны пришлось бы заняться сравнительным анализом альтернативных вариантов решения проблем и грамотно выбирать из их числа оптимальный;

3) декларируемые элитой идеологические лозунги потребовалось бы привести в соответствие с практикой государственного управления – просто потому, что любые трансформации реальной жизни в соответствии с принципами идеологии слишком дорогостоящи и трудоемки.

Все это, с точки зрения руководящей «верхушки», могло ввергнуть новое государство в хаос. Для страны, пережившей мировую и гражданскую войны, а также внутрипартийные конфликты, подобные непривычные рекомендации воспринимались как фактор риска, как серьезная угроза победившей большевистской элите. Составлявшие ее новые управленцы в основном являлись носителями не столько научно-организационного,

сколько командно-авторитарного мышления, сформированного в ходе силовой борьбы за власть. А «Тектология» требовала совсем иного подхода к решению управленческих и воспитательно-идеологических задач, тем более что всеобщая организационная наука изначально создавалась как универсальная методология познания, способная послужить основой принципиально новой идеологии переустройства общества – реформирования не под знаком насильственного разрушения старого, отживающего и отжившего, а под знаком разумного созидания, для которого надлежало использовать весь полезный опыт прошлых лет – не той или иной специальной отрасли в отдельности, но всех их в совокупности ради объединения познания в целостную систему[1233].

Это мнение ученого было встречено в штыки в первую очередь приверженцами «догматического марксизма», которые видели в усовершенствованной Марксом гегелевской диалектике абсолютную и непререкаемую истину. Они, не церемонясь с «ревизионистом» Богдановым, игнорировали его справедливые возражения по поводу того, что с ***организационной*** точки зрения «отношение “тезиса” и “антитезиса” есть просто *отношение различия* двух степеней какого-нибудь процесса, возведенное мышлением в противоположность»[1234]. Поскольку большинство природных и социальных процессов, по мнению Богданова, являются в той или иной мере циклическими или, вернее, колебательными, то «тезис» и «антитезис» марксистской диалектики представляют собою соответственно максимум и минимум волны колебаний; следующий максимум становится «синтезом», а его сходство с «тезисом» признается за «отрицание отрицания». Вследствие этого материалистическая диалектика в качестве методологии познания оказывается недостаточно адекватной познаваемым процессам, непрерывность которых она признает лишь в очень ограниченной степени. По словам Богданова, «научно ценным в старой диалектике было указание на скрытые в понятиях и вещах “противоположности”, которые требовалось искать и под которыми подразумевались то дезингрессия[1235] активностей, то просто системное расхождение частей или сторон целого. В организационном анализе все это приходится различать, и применение старой схемы уже не было бы полезно, а неизбежно связанные с ее гегелевской и догегелевской терминологией остатки “логизма”, отождествляющего развитие схем и реальностей, могут быть и вредны»[1236].

[1233] См.: Богданов А.А. Тектология. С. 58.

[1234] Богданов А.А. Тектология. С. 269–270.

[1235] Тектологический термин, обозначающий полный или частичный разрыв связей между элементами организованного комплекса (системы).

[1236] Богданов А.А. Тектология. С. 271.

Не исключено, что именно эта сторона взглядов Богданова послужила основной предпосылкой его травли в газетах, поскольку в условиях формирования тоталитарной идеологии «марксизма-ленинизма» любое сомнение в истинности базовых идей программной доктрины грозило авторитету партийных лидеров. «Старая» диалектика в виде марксистского учения была удобнее для вождей-идеологов тем, что «в изложении фактов и мыслей она вносила моменты ритма и симметрии, внешнюю, формальную организованность, которая облегчает восприятие и запоминание. Эта сторона диалектики, по-видимому, еще долго будет сохранять свою ценность», – констатировал А.А. Богданов, сознававший главную причину того, почему подавляющему большинству политических руководителей было явно не по пути «с научной, стремящейся к точности, организационной диалектикой»[1237], хотя бесконечные дискуссии по поводу многих позиций теории Маркса должны были бы убедить, что диалектика даже в марксистской форме не могла дать четкого представления о характере грядущих изменений мирового процесса, особенно важных для решения практических задач – тактических и стратегических.

Принесут ли перемены прогресс или приведут к регрессу, зависит не только от «усложнения» среды, но и от редуцирующего развития, которое «приспособляет систему к среде суживающейся, т.е. к некоторым временным и частным условиям, а не к типическим изменениям»[1238]. Это ведет, с одной стороны, к расширению системы (за счет количественного возрастания многообразия и разносторонности группировок элементов), а с другой стороны, к сокращению ее организационных возможностей (за счет редуцирующего развития структуры, приспособления к суженной среде), «причем последний случай есть также момент регресса»[1239]. Умозрительно предугадать перспективу этих соотношений затруднительно: лишь постфактум обнаруживается финал, к которому шаг за шагом шла вся система. Не последнюю роль сыграет то, что в меняющейся системе параллельно сосуществуют ранее возникшие «исторические наслоения» и вновь формируемые элементы. В сложной изменчивой среде организационное соответствие между новым и старым будет играть ключевую роль, потому что оно оценивается исключительно тем, насколько новые «исторические наслоения» окажутся ближе, понятнее и созидательнее прежних для большинства населения. А.А. Богданов не имел никаких иллюзий в отношении судьбы современного общества в целом: «Она будет зависеть от соотношения прогрессивного и регрессивного

[1237] Богданов А.А. Тектология. С. 392.
[1238] Там же. С. 395–396.
[1239] Богданов А.А. Тектология. С. 396.

моментов в развитии его низов»[1240], особенно если редукция немногочисленной «верхушки» общества будет происходить на фоне регресса жизни «низовых» социальных групп – в таких условиях масса людей, положение которых неуклонно ухудшается, станет слишком большой и не сможет обеспечить даже сохранение достигнутого уровня существования общества, не говоря уже о его полноценном развитии. Таким образом, последняя по порядку, но не по значению закономерность всеобщей организационной науки, связанная с понятиями «структурного прогресса» и «структурного регресса», предполагает, что с изменением системы между ее частями формируются все более устойчивые и гармонические связи, ведущие к пропорциональному и целесообразному развитию ее элементов; однако при этом обнаруживается также и структурный регресс в виде нарастания дисгармонии и диспропорций между элементами системы вследствие опережающего развития одних частей за счет деградации других. В итоге количественный рост системы не спасает ее от дезорганизации, в ходе которой ученый отмечал тенденцию последовательного разрушения элементов системы в порядке, обратном их возникновению.

Начальный процесс формирования капиталистических отношений на Западе и Карлу Марксу, и Александру Богданову виделся, по большому счету, одинаково. Правда, русский исследователь развитие нарождавшейся формации рассматривал комплексно, добавив к анализу новой формы хозяйственной деятельности всесторонний разбор идеологического аспекта общественного сотрудничества, поскольку считал, что в изменяющихся условиях взаимодействующие «социальные силы влекут людей не в одну и ту же сторону, а часто в противоположные»[1241]. По мнению Богданова, это объяснялось самой природой буржуазных отношений, основанных на жесткой конкуренции и тяготении к гражданским свободам наряду с безоговорочно авторитарной формой взаимодействия хозяина-собственника с подчиненным наемным персоналом[1242]. По формальным критериям такое толкование не противоречило научно-аналитической теории немецкого экономиста, который исследовал процесс формирования механизмов капиталистической эксплуатации, порождавшей внутри активно развивающейся торгово-промышленной системы две антагонистические силы, в основе противостояния которых лежал, по выводам К. Маркса, сугубо экономический фактор, т.е. немецкий исследователь капиталистической системы действительно обошелся без включения в свой анализ идеологической составляющей об-

---

[1240] Богданов А.А. Тектология. С. 396.
[1241] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 73.
[1242] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 123.

щественных отношений. В связи с этим Богданову пришлось делать акцент на том, что абстрактный метод познания был вообще характерен для социальных наук XIX столетия. К примеру, напоминал он теоретикам-марксистам, «Адам Смит и Давид Риккардо исследовали экономические процессы капитализма с помощью основной абстракции “экономического человека”: они мысленно отнимали у человека все иные мотивы <…> – кроме “экономической выгоды”, – как бы обрубали и обрезывали человечью личность, оставляя только “существенное” для их задачи; а затем оперировали уже с этим упрощенным комплексом. – Маркс, изучая развитие капитализма, берет за основу “чисто капиталистическое общество”; эта абстракция получается путем мысленного очищения современной Марксу капиталистической организации от всех заключающихся в ней остатков и пережитков прежних экономических систем и от зародышей будущих. Такие упрощения позволяют проследить главные закономерности бесконечно сложной экономической жизни»[1243]. Но одновременно с этим, напоминал А.А. Богданов, «Маркс упрекал материализм за “созерцательную” точку зрения на действительность и <…> требовал, чтобы миропонимание было активным <…>: в его руках социальная наука стала на самом деле теорией трудовой и социально-боевой практики; и вместе с тем она впервые сделалась наукою, а не только “философией” общественной жизни. Такое же преобразование надо было выполнить по всей линии опыта»[1244] человечества – включая, в том числе, и то, что относится к идеологии: «нравственные, политические, идейные, лично-эмоциональные»[1245] и иные формы социального сотрудничества людей. Так думал Богданов.

Однако западные и российские приверженцы марксизма посчитали излишним, несвоевременным и вообще «идеалистическим» богдановский вывод об определяющей роли мировоззренческих трансформаций в обществе, об их влиянии на ход и активизацию жизненных перемен. А.А. Богданов безуспешно пытался оспорить «“наивные” противоречия мысли», заложенные в основу «официальной теории» социал-демократов[1246]. Ученый-аналитик убеждал оппонентов в том, что такой «подавляюще доказательный материал», как политическая несамостоятельность пролетариата, его неумение не только развить «все-организующую силу» рабочего движения, но даже обнаружить неразрывную связь между участием трудящихся в общественных процессах и реальной воз-

[1243] Богданов А.А. Методы труда и методы познания // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 385.

[1244] Богданов А.А. Тайна науки // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 393.

[1245] Там же.

[1246] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 323.

можностью решать задачи *своего* класса, свидетельствовал о недооценке лидерами-марксистами «идеологического механизма», который во все времена оставался для человечества «средством *воспитания* людей»[1247]. Но не следовало сбрасывать со счетов и то, что властная элита любой из стран хорошо знала цену тотальному идеологическому влиянию на умы подданных, поэтому все правители, особенно в кризисные эпохи, широко пользовались идеологией как «организационным орудием», понимая ситуацию так: если уж коренной переворот в общественно-политических отношениях был объективно неизбежен, то для господствующих структур «революция сверху» всегда была предпочтительнее «революции снизу» – о том и заботились.

Но лидеры мировой социал-демократии индифферентно отнеслись к целостному арсеналу системно-организующих функций идеологии, посчитав приемлемой лишь ту часть ее методов, практическое применение которых *формировало у неразвитых людей* ***классовое сознание***. А.А. Богданов жестко критиковал такую позицию, особенно откровенно проявлявшуюся у лидеров РСДРП, которые работу с рядовым составом партии понимали крайне узко – в форме постоянного побуждения масс к классовой ненависти. Эта методологическая ограниченность стала приоритетной в повседневной практике нелегалов-социалистов и даже получила закрепление в партийной теории как обязательный элемент. Этот факт более всего беспокоил ученого-аналитика Богданова, который с чрезвычайной скрупулезностью исследовал проблему идеологического обеспечения деятельности РСДРП и пришел к неутешительным выводам: «Исходя из положения Маркса, что идеология есть “надстройка”, нечто “производное”, “вторичное”, эта теория относится к ней с явным <…> пренебрежением. Всякое указание на серьезную, в каком бы то ни было смысле реально руководящую роль идеологии в социальной жизни она считает <…> “идеализмом”. И к той же идеологии у нее отношение *диаметрально противоположное*, лишь только это понятие выражается *другим словом* <…> – “классовое сознание” и “классовое самосознание” <…>. Развивать классовое сознание пролетариата – именно такова, по официальной же формуле, первая и главная задача социал-демократии. Отрицание за “идеологией” руководящей функции на словах, ее признание за “классовым сознанием” на поле практики – вот, выражаясь мягко, антиномия нашего марксизма»[1248].

Однако Богданов не был услышан, потому что мировая социал-демократия сосредоточила все свое внимание на вопросах, поднятых в «Капитале», посчитав опыт Запада цен-

[1247] См.: Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 325, 326.

ным и поучительным, тем более что схема классового противостояния на экономической почве была логически проста и доступна пониманию как высоколобого интеллектуала, так и полуграмотного пролетария. Словом, теория Маркса показалась универсальной, «обязательной истиной», способной превратиться в «верховную инстанцию решения всех вопросов»[1249]. К тому же она как нельзя лучше подходила для пропагандистской работы с массами, поскольку доктрина, изложенная в «Капитале», ориентировала пролетариат на благодатные перспективы, так как прогресс общественного развития немецкий ученый-экономист связывал с последовательным превращением частной формы собственности в общественную, считая этот перераспределительный процесс неизбежным следствием позитивной трансформации капиталистического производства в интересах и на благо трудового класса.

Однако исключение из теории воспитательно-организующей функции идеологии породило в процессе реализации прогноза К. Маркса непонимание закономерностей возникновения новых фаз развития капитализма. Поскольку формы общественного переустройства всякий раз приобретали радикальные отличия от предшествующих, то вожди мировой социал-демократии попросту терялись в поисках вразумительного объяснения эмпирически наблюдаемых эволюционных явлений, когда на смену торговому капиталу пришел промышленный, непредсказуемо уступивший место финансовому, вершиной которого явилось формирование капиталистической системы управления милитаризованным государством по законам «военного коммунизма». Лидеры-социалисты, подвизавшиеся блюсти «чистоту марксизма», не нашли в «Капитале» необходимого толкования, но высокомерие не позволяло им воспользоваться результатами научного анализа А.А. Богданова, который тем не менее с завидным упорством убежденного исследователя доказывал оппонентам, что в основе поэтапного преобразования капиталистической системы лежал сугубо идеологический фактор: ради максимального извлечения материальной выгоды главный действующий субъект эпохи – капиталист – постоянно находился в поиске возможностей разбогатеть.

Социал-демократы не приняли точки зрения Богданова даже тогда, когда он изложил детальный анализ функционирования общественно-экономической формации капитализма и описал особенности борьбы каждой социальной силы за укоренение и господство своих духовных ценностей, уделяя при этом особое внимание рассмотрению

[1248] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 323.

методов поэтапного преобразования системы, начиная с предыстории ее развития. Так, до установления капитализма мало кто задумывался о приоритетном значении для общества «господства рынка, обмена, частной собственности, интересов личности»[1250] и т.д. «Меновые отношения, раньше ничтожные, едва заметные в экономической практике, с течением времени все более расширяются, – сообщал ученый в статье «Великий упырь нашего времени», – и уже в феодальную эпоху начинают играть видную роль в жизни, а на границе феодального строя получают фактическое преобладание. Они исходят из сотрудничества независимых индивидуальных хозяйств и приносят с собой дух частной собственности, дух конкуренции. В их центре стоит личность, со своими особыми интересами и стремлениями, с жаждой развития своей индивидуальной силы»[1251]. Поначалу привычные нормы труда «уживаются очень хорошо» рядом с набиравшими силу индивидуалистическими, дополняя их «там, где жизнь этого требует»[1252], но боевая энергия, дух независимости, готовность к риску, так необходимые инициативной личности «для успеха в меновой борьбе и всякой жизненной конкуренции», выводят человека «дерзкого ума» на широкий простор[1253].

Однако при этом для общества в целом начинаются жестокие времена, когда жизнь приходит в непостижимое вихревое движение, разрушая традицию и веру веков. Начало этому процессу, по описанию Богданова, было положено в тот период, когда «ломка старого, патриархально-феодального уклада силою денег, натиском пробивавшего себе дорогу торгового, а затем и мануфактурного капитала, совершалась грубо и беспощадно. Все средства были хороши в служении золотому богу. Пионерами и пророками нового строя явились отважные искатели наживы»[1254], несмотря на то, что их высокие прибыли сопровождались столь же высоким риском потери всего, включая и саму жизнь, вследствие варварского внедрения в общественные отношения системы «голого грабежа» и «невиданно зверских форм» эксплуатации в условиях чрезмерно быстро разрушающихся старых устоев. «Никогда еще на памяти истории жизнь человечества не достигала такой неожиданности превращений, такого безумия контрастов», как в период великих перемен, когда жажда денег охватила всю Европу и погрузила ее народы в жестокую атмосферу тиранства,

---

[1249] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 74.
[1250] Там же. С. 70.
[1251] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 72.
[1252] Там же.
[1253] Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 73.
[1254] Богданов А.А. Время великих перемен // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 76–77.

варварства и великого хаоса. Нередко богатство людей, стоявших «у колыбели капитализма», добывалось немыслимыми усилиями, и часто – ценой жизни. Первыми неэффективность системы «голого грабежа», с точки зрения Богданова, осознали купцы-авантюристы: непомерный риск ради наживы был неотъемлемой и безальтернативной частью их жизни, но сам по себе отнюдь не гарантировал прибыли.

Промышленный капитализм начался с того, что купцам в какой-то период оказалось проще и безопаснее организовать производство товаров под своим контролем, «то есть давалось *действительное* решение задачи <…> того же или даже большего масштаба». Однако при этом не могло быть речи о повторении прежней ситуации, как отмечал А.А. Богданов, доказывая оппонентам, что «преобразованное буржуазией общество на месте бывшей сословно-правовой дифференциации развило новую, классовую <…>. Но эта система отличалась гораздо большей гибкостью и пластичностью связей, гораздо большей подвижностью элементов <…>. Именно благодаря пластичности системы, процессы ее частных изменений и их подбора, то есть то, что называют ее развитием, идут во много раз быстрее, чем в прежних организациях. А развитие это направлено, по общему закону, в сторону расхождения частей, накопления и возрастания внутренних противоречий, дезорганизационного момента <…>. Экономисты резюмируют противоречия капиталистически-классовой системы в двух понятиях – анархия производства и борьба классов»[1255].

В практической деятельности это обстоятельство понималось четко определенным образом: хотя при промышленном капитализме насильственная смерть как риск для жизни и деятельности предпринимателей-конкурентов была сведена почти на нет, тем не менее реальная угроза лишиться нажитого имущества вследствие разорительных экономических кризисов и классовой борьбы оставалась чрезвычайно высокой. Это вынуждало собственников-буржуа искать новые способы сохранения и приумножения своего благосостояния, пока они не пришли к мысли о том, что «делать и продавать можно не только товары, но и деньги». Эта идея пришлась по вкусу банкирам, и, как писал А.А. Богданов, западное общество даже не заметило, что промышленный капитализм в кратчайший исторический срок уступил ведущие позиции в экономике финансовому, – настолько естественно и непринужденно этот трансформационный процесс вписался в жизнь Европы. Все выглядело так, будто банковское кредитование населения являлось удобной, выгодной и почти благотворительной услугой. Однако довольно скоро новая прибылеориентированная форма

[1255] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 286.

влияния на социальную жизнь обнаружила свою хищническую природу, особенно когда «инфляция “бумажно-золотой” покупательной силы и возрастающая дороговизна, за которой не поспевали заработки трудовых слоев»[1256], стали подрывать всю систему денежного оборота, доводя население до нищеты. Но финансисты, не желая ограничивать область своего контроля только хозяйственной деятельностью, взялись за решение задачи монопольного управления всеми сферами общественной жизни в соответствии с принципом: «Если сердцем капитализма является рынок, то его кровью – деньги со всеми их бумажно-кредитными производными»[1257].

Данное обстоятельство не могло не привести к закономерному сращению финансового капитала и государственной власти, совместными усилиями сформировавших «мощную систему», которую сам Богданов назвал организацией «коллективного страхования капитала», добавив: «Этот термин я ввел, как экономическое пояснение обычной формулы – “организация господства”»[1258]. Итог развития такой системы в условиях финансового капитализма, по мысли ученого-аналитика, был предсказуемым вследствие двух обстоятельств, учитывающих, *во-первых*, то, что целью любого буржуа-банкира является не только характерная для всех бизнесменов погоня за прибылью, но также и стремление к монопольному доминированию над обществом. Это уточнение не позволило сбросить со счетов *второй фактор*: поскольку «борьба монополистов принципиально более истребительна и беспощадна, чем война просто конкурентов», то у банкиров «нет основания удерживаться в рамках мирных методов защиты и нападения, если есть еще возможность прибегнуть к насильственным»[1259]. Вывод Богданова не имел альтернативы: в этом случае «мировой войны нельзя <…> миновать»[1260].

Подобного рода умозаключения ученого-аналитика вообще не воспринимались теоретиками мировой социал-демократии как логическое объяснение того, почему «загнивающий» капитализм, трансформируясь, не приближался к социализму, а раз за разом возрождался, словно феникс из пепла, хотя, с точки зрения А.А. Богданова, в этом процессе не было ничего загадочного. Просто политики-социалисты в своих теориях не учитывали главной закономерности развития общественных отношений, суть которой в том, что *всякая система обречена на самовоспроизводство, пока в ней сохраняется*

[1256] Богданов А.А. Версальское устроительство // Богданов А.А. Тектология. С. 453.
[1257] Там же. С. 452.
[1258] Богданов А.А. Версальское устроительство // Богданов А.А. Тектология. С. 451.
[1259] Там же. С. 454.
[1260] Там же.

системообразующий фактор. Для капитализма таким фактором являлась идеологическая составляющая в виде ориентации собственника на извлечение максимальной прибыли. Отсюда вывод: если при поэтапной смене форм эксплуатации сохраняется подчинение этому главному идеологическому принципу капиталистической системы, то обновление даже всей совокупности приемов и элементов социального сотрудничества не приведет к уничтожению буржуазного строя.

По мнению Богданова, только непониманием закономерностей эволюции капитализма можно объяснить ошибочность выводов теоретиков еще и о том, что «социализм возможен лишь там, где производство уже сконцентрировано (объединено) в руках не очень значительного числа капиталистов и их могущественных организаций (трестов), где переход от такого объединенного производства из рук немногих к объединению в руках всего общества не так труден, где пролетариат составляет большинство населения и *промежуточные группы не играют большой роли в общественной жизни*»[1261] (курсив мой – А.Л.). Впервые о промежуточных группах заговорил именно А.А. Богданов, отметивший, что за пределами доктрины К. Маркса и трудов интерпретаторов его учения осталось то характерное для позднее-индустриальной эпохи изменение организационной структуры буржуазного общества, при котором в системе производства на стороне класса частных собственников появились две дополнительные общественные силы. По мысли ученого-аналитика, этот чрезвычайный фактор не следовало игнорировать при исследовании буржуазного строя, поскольку влияние новых социальных групп на динамику трансформационных процессов капиталистической системы в реальности оказалось беспрецедентным.

В связи с внедрением машинной техники первой была сформирована группа *со специфическими нормативно-организаторскими функциями*, которая помогала повышать производительность труда и увеличивать объемы производства, что послужило эффективным средством для выживания предприятия в условиях нараставшей рыночной конкуренции. Поскольку владельцу в новой ситуации уже не удавалось без потерь совмещать функции технологического обеспечения, контроля за персоналом и сохранения прибыльности частно-собственнического хозяйства, то надзорные обязанности он переложил на десятников, цеховых мастеров, подрядчиков, разнарядчиков, а также на работников бухгатерий, снабженцев и тому подобных специалистов, нанимаемых на предприятие для исполнения контрольно-распределительных и учетно-расчетных работ. В их появлении рабочие поначалу

[1261] Левицкий В.О. Чего хотят социал-демократы? // Социальная демократия в России. С. 143.

не увидели ничего экстраординарного вследствие распространенного мнения о том, что надзиратель – это всего лишь усердный сторож хозяйских интересов по долгу службы.

Однако дело не ограничилось появлением только контролирующей группы: «общая теснота рынка»[1262] потребовала введения новых технологий в производственный процесс, вследствие чего хозяину пришлось искать помощь и поддержку у научных и технически грамотных специалистов. Так в капиталистический производственный процесс влилась еще одна социальная сила. Хотя у собственника желание нещадно эксплуатировать работников не исчезало никогда, но на предприятиях сложилась особая ситуация: промышленная техника усложнилась настолько, что хозяева столкнулись с необходимостью беречь рабочих высокой квалификации, поскольку эффективность производства и широта охвата рынков сбыта зависели не от неквалифицированного труда «чернорабочих», а от продуктивности высокооплачиваемых пролетарских кадров. Поэтому обращение собственников к услугам научно-технических специалистов было закономерным: все, что можно, уже было выжато эксплуататором из высококлассного рабочего-профессионала – осталось только изучить и задействовать те резервы, которые крылись в самом человеке. Именно для этих целей понадобились в сфере производства *научные и технические специалисты-новаторы, составившие в итоге* ***вторую дополнительную силу***, которая стала заниматься научной организацией труда.

Вторая дополнительная группа заявила о своем существовании в 1880-е годы тем, что практически сразу же после появления на предприятиях выявила в качестве сильнейшего тормоза для эффективного расширения производства «потогонную систему», применяемую собственниками в целях извлечения максимальной прибыли без учета физиологических возможностей человека. Научно-технические специалисты настояли на внедрении иной системы организации труда и управления производством – системы Тейлора. Первый этап ее победного шествия по Европе ознаменовался введением стандартизации инструментов (1880 г.). Дело пошло эффективнее, когда в 1882 г. на предприятиях была создана так называемая «функциональная администрация», которая, анализируя условия труда, физиологические возможности и уровень квалификации рабочих, пришла к убеждению, что на каждом производстве существует свой ритм работы, влияющий на производительность труда. В 1883 г. впервые был проведен хронометраж трудового процесса, который позволил выявить пики, спады и периоды почти нулевой активности про-

[1262] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 128.

изводственного персонала, а также разработать соответствующие рекомендации по распорядку рабочего дня. На их основе стали появляться предписания в виде инструкций и нормативных распоряжений, требующих безусловного исполнения, хотя и необязательных для понимания исполнителей, – по принципу «Делай не рассуждая»[1263].

Тем же правилом руководствовались и в деле популяризации науки: образованные люди не видели большого смысла в просветительстве. Победу над разумной и благородной целью – преодолеть неразвитость простонародья – одерживала высокомерная позиция, присущая даже «левому крылу» новой буржуазной интеллигенции, куда успешно вписалась научно-техническая группа, курировавшая на промышленных предприятиях производственный процесс. Эта группа довольно тесно общалась с пролетариатом, но даже при этом условии не сумела принять то, что основой плодотворности взаимодействия с рабочими могло послужить стремление находить общий язык друг с другом, чтобы объединение теоретического и практического знания сократило путь к познанию истины и повышению квалификации рабочих. Научно-техническая интеллигенция не находила в этом смысла, и без того чувствуя себя «духовным началом» и «разумом» общества, вследствие чего в общении с рабочими руководствовалась распространенным мнением о том, что и в производственной, и в бытовой, и в общественной жизни обязанностью пролетариата является слепое подчинение. И тем не менее рабочие тянулись к научно-технической группе. Они, при отсутствии прямого принуждения, к которому привыкли при общении с хозяином и контролерами, ошибочно воспринимали инженера-специалиста, взаимодействующего с ними более тонкими методами, как защитника их прав, потому что из всех представителей руководства только он один дотошно вникал в условия труда рабочих. Однако сама научно-техническая группа рассматривала диалог с пролетариями лишь в качестве инструмента обеспечения максимальной производительности и прибыльности предприятия, и в конечном итоге ее цели мало отличались от задач службы надзора.

Таким образом, привлеченные на предприятие обе группы – нормативно-организаторская и научно-техническая – были изначально ориентированы именно на соблюдение интересов владельца предприятия и фактом своего участия в производственном процессе компенсировали отчуждение от непосредственных производителей самого собственника, который оставил за собой только владение и стратегическое управление пред-

[1263] Тощенко Ж.Т. Предмет и структура социологии труда // Социс. М., 2003. №3. С. 55.

приятием для извлечения максимальной прибыли в условиях расширяющейся конкуренции на капиталистических рынках. Кроме того, Богданов отметил еще одну характерную черту первоначального переустройства организационной структуры меняющихся капиталистических отношений. Каждая из новых групп, появившихся на предприятиях, несмотря на свое ощутимо растущее влияние в производственной сфере, не стремилась обрести независимое положение и заявить о себе как о самостоятельной социальной силе. Возникшую ситуацию Богданов объяснял так: инженерно-технические специалисты, осторожные и мирные по своей природе, не проявляли инициативы во избежание материальной ответственности за принятие рискованного решения без согласования с хозяином, а нормативно-организаторский персонал оказывался слишком консервативным и, исполняя функции блюстителя выгод собственника, своевольно не выходил за рамки предписанных инструкций[1264]. Вследствие разрозненности и промежуточности положения между двумя основными антагонистами буржуазного строя обе эти группы, пополнив ряды интеллигенции, продолжали оставаться силой, которая на деле была «“an sich”, а не “für sich”, т.е. “сама по себе”, а не “сама для себя”»[1265].

Однако такое положение не могло длится бесконечно, и, по мнению Богданова, к началу надвигавшегося мирового военного кризиса эти группы, так и не объединившись, непременно разрастутся, и каждая из них начнет борьбу за приоритетное влияние на руководящую буржуазию – одна с позиций «техницизма», другая – «нормативизма». При решении основных задач эпохи они по-прежнему будут всецело озабочены лишь поддержкой «верхних этажей» общества, а во влиянии на социальную жизнь, как и раньше, будет преобладать «господство <...> *методов* над *целями*. При их несоответствии цели преобразуются, приспособляясь к наличным методам, а не наоборот. Метод сильнее, п[отому] ч[то] он в прошлом и настоящем, а цель в будущем; его переделка требовала бы *сознательно-планомерного творчества*, от которого человечество еще довольно далеко»[1266].

Однако Богданов не ограничился этим выводом. Его анализ, выполненный с помощью тектологии, констатировал неизбежность перехода вчерашних промежуточных социальных групп в «завтрашнюю буржуазию», которая, продолжая выполнять роль делового организатора капиталистической жизни, получит шанс превратиться в господствующий

[1264] См.: Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 133.
[1265] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 136.
[1266] См.: Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 136.

класс[1267]. Согласно этому системному анализу, люди, имевшие навыки грамотного регулирования хозяйственной системы в национально-государственном масштабе, будут востребованы, как только в условиях кризисной (особенно военной) разрухи производство не сможет «покрывать потребление»: «центр тяжести» закономерно переместится «в наемно-организаторскую интеллигенцию, техническую, ученую и чиновничью <...>. Теперь настает ее время»[1268]. Характер функционирования социальной системы в этом случае станет, по выводам Богданова, определяться исключительно тем, *какая из двух групп получит* ***преимущество в руководстве*** *общественной жизнью*.

На территории, где установится господствующее влияния научно-технической интеллигенции, реформирования системы не произойдет. Зато поддержание прибыльности частнособственнического хозяйства осуществится благодаря научному подходу к решению производственно-организационных задач. Надежда общества на стабилизацию внутреннего социального взаимодействия будет подкрепляться пропагандой преимуществ декларируемой антиавторитарной политики, основанной на отказе от какой бы то ни было идеологии. Политическими характеристиками этой группы Богданов называл «***демократизм*** и ***пацифизм***. Первый, – по мнению ученого, – вытекает из слабости авторитарных тенденций при наличности развитого индивидуализма и представляет как бы нормальное продолжение демократизма старой буржуазной интеллигенции; второй, естественно, обусловлен связью с производительными силами, для которых новейшая война является фактором величайшего разрушения»[1269].

При установлении господства *нормативно-бюрократической интеллигенции* картина изменений в обществе будет принципиально иной. Развитие социальной системы станет подчиняться глобальному государственному плану, который основан на директивных предписаниях, подкрепляемых мобилизационными мероприятиями, по своей сути авторитарно-принудительными. К политическим характеристикам этой группы А.А. Богданов относил «*воинствующий национализм, антидемократизм, в общем –* ***фашизм***»[1270]. Господство на Западе как той, так и другой группы невозможно в «чистом» виде, потому что специалисты по управлению производством и высококвалифицированные банковские служащие в силу специфики своего труда будут тяготеть к «норма-

---

[1267] Богданов А.А. От философии к организационной науке // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 112; Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102, 103.

[1268] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102.

[1269] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 131.

[1270] Там же.

тизму» независимо от того, какая группа руководит жизнью общества. Аналогичным образом, значительная часть офицерского корпуса современных высокотехнологических родов войск мировоззренчески окажется ближе к инженерам-пацифистам, чем к чиновникам-милитаристам. Столь же смешанными в послевоенном мире неизбежно окажутся и установки собственников-буржуа. Богданов ссылался на примеры Ратенау и Форда, которые «очень много дали для выработки линии “техницизма”», но у первого, и особенно у второго можно найти значительные доли «“нормативизма”, как должно быть у финансово-промышленных феодалов»[1271], поскольку капиталист, чтобы сохранить за собой руководящие функции, вынужден сочетать «твердую власть» с интенсивным внедрением научно-технических новшеств.

А.А. Богданов предупреждал: политическая физиономия современности и ближайшего будущего мира станет всецело определяться не только доминированием одной из двух групп интеллигенции в каком-либо конкретном регионе планеты, а еще и тем, что борьбу между собой эти группы будут вести постоянно, с переменным успехом, всякий раз перекраивая политическую карту мира. Соперничество двух равных по силе групп интеллигенции станет порождать в социальной системе западного капитализма автоколебательный процесс, который переориентирует общество от жесткого авторитарного порядка к социальным экспериментам на основе новых технологий – и обратно. Причины колебаний обусловлены особенностями массовой психологии: строгая регламентация жизни вызывает стремление к переменам, избавляющим от наиболее неудобных ограничений, а непредсказуемые изменения в обществе в ходе внедрения социальных инноваций усиливают тягу масс к стабильности.

В создавшейся ситуации истинная роль промежуточных групп, сформированных на Западе во времена расцвета индустриального производства и вплоть до конца XIX столетия не осознавших себя силой für sich, проявилась со всей очевидностью. Богданов констатировал: внедрение в капиталистическую систему «новых организующих активностей» – «полубуржуазных» элементов – позволило замаскировать нараставшую в европейском обществе и чреватую катастрофой социальную дифференциацию[1272]. Группы, названные на Западе «средним классом» и заполнившие собой зияющую брешь между эксплуататорским меньшинством и эксплуатируемым подавляющим большинством, не только поменяли структуру общественного взаимодействия, оказавшись в роли

[1271] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 132.

посредников между традиционными классовыми антагонистами, но еще и способствовали формированию иллюзии благополучия по-европейски в условиях трансформации капиталистической системы:

Во-первых, только за счет посредничества «промежуточных групп» классовая борьба на Западе стала утрачивать остроту, поскольку лидеры рабочего движения малопомалу переходили на оппортунистические позиции (о чем Богданов писал с глубоким сожалением): когда нужно стоять насмерть за принцип, противоположный предлагаемому компромиссу, а после горячих дебатов принимается примирительное соглашение на основе взаимных уступок, то на деле, по мнению А.А. Богданова, это означало «измену принципу», потому что «реализуется на практике только компромисс; принцип "подчиняется" ему; а человек, который привыкает "подчинять" принцип компромиссу, есть несомненный и безнадежный оппортунист»[1273], который всегда готов встать на чужую точку зрения, отказавшись от своей, и потому не способен действовать последовательно.

Ко *второму* обстоятельству родоначальник системного анализа относил то явление, при котором численный рост «полубуржуазных» элементов на Западе, обладавших более высоким, чем у пролетариев, уровнем жизни, лишал социальной остроты картину имущественной дифференциации, отнюдь не устраняя ее. «Средний класс» как новый социальный слой преподносился европейской политической элитой образцом зримого воплощения успешности развивающегося буржуазного общества. Параллельно с этим получил распространение устойчивый миф о том, что при капитализме беден только тот, кто ленив и бездарен. Богданов считал перенесение социальной проблемы в сугубо психологическую плоскость недобросовестным приемом, поскольку характерная для этого мифа подмена анализа общественно-экономической ситуации оценочными суждениями, формировавшими у большинства трудящихся комплекс неполноценности, объективно препятствовала осознанию пролетариатом своей реальной роли в обществе.

В сложившейся ситуации, по мнению Богданова, делать ставку на «всеорганизаторскую»[1274] роль пролетариата было ошибочным еще по ряду причин, никем до Александра Александровича не отмеченных. Речь здесь о всемерной поддержке нараставшего расслоения рабочего класса на высококвалифицированные «верхи» и малообеспеченные «ни-

---

[1272] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 289.
[1273] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 330.
[1274] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 101.

зы»[1275]. Представителей первой группы побуждают к копированию образа жизни «полубуржуазных» групп и усвоению их идеала индивидуального успеха[1276]. Что касается неквалифицированного пролетариата, то его нещадно эксплуатируют и формируют сознание агрессивного мстителя, у которого идеал справедливости ассоциируется с мерами, которые Маркс называл «грубым коммунизмом», а Богданов – «социализмом дележа».

Оппортунизм вождей на фоне набиравшего силу организационного и идейного разъединения трудящихся масс не способствовал зарождению новых социальных функций у пролетариата, который так и оставался пассивным исполнителем чужой воли, не видя для себя разницы в том, чьи властные решения придется отрабатывать – собственников предприятий или партийных боссов. Такое положение масс вело к тому, что все задачи даже передовых рабочих организаций, все их интересы лежали «в пределах существующего строя, социалистический идеал пока лишь украшение их фасада»[1277] – он «оторван от их действительности, потому что является выражением культурного принципа, которым они не владели и которому они полусознательно следовали в частностях, но в целом, в масштабе общеклассовых задач, систематически, сами того не сознавая, изменяли»[1278]. Таким образом, разрыв между признанием исторической миссии пролетариата и умением ее выполнить оставался ничем не заполненным, а внешний радикализм программ и лозунгов не соответствовал доктринальному содержанию интернационального движения рабочих[1279].

Задачи буржуазного строя заметно изменились с появлением в общественной жизни нового – *третьего* – обстоятельства, когда западный мир приступил к целенаправленной трансформации капитализма в ***финансово-промышленную организационную форму***. Главным персонажем в этой системе стала, по Богданову, сверхбогатая буржуазия, владелица беспрецедентно огромных запасов «бумажного золота»[1280] – акций предприятий, государственных облигаций, национальных валют и т.п., позволяющих осуществлять контроль сразу за целыми отраслями хозяйственной деятельности, на правах собственника-совладельца вмешиваясь в процессы управления ими. Новая властная элита тут же взялась за устранение анархии производства, прибегнув к концентрации «усмиряющих сил, меха-

[1275] См.: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100–101.
[1276] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 333.
[1277] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 323.
[1278] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 127.
[1279] См.: Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322 ; Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 125–126.
[1280] Богданов А.А. Тектология. С. 449.

нических и экономических, во всяком пункте»[1281], где могла возникнуть помеха производимым трансформациям. Чтобы поставить под свой контроль идейную жизнь общества, сверхбогачи прямо или косвенно скупили все средства печати, создав крупные вещательные тресты. Тема надзора за прессой при декларируемой свободе слова приобрела особый смысл, когда крупная финансово-промышленная буржуазия с ее интенсивно растущими фондовыми рынками добилась высоких показателей увеличения общих объемов национального дохода в денежном выражении. При усредненном распределении этих показателей уровень жизни населения выглядел постоянно растущим, а неравномерность распределения этих богатств подлежала сокрытию от общественности и не озвучивалась в прессе. Как отмечал Богданов, финансовый капитализм, сделав своей опорой промежуточно-посреднические социальные прослойки, рассчитывал на их участие также в идеализации новой общественной формации. Решающую роль в этом процессе должно было сыграть подталкивание населения к статусным устремлениям, карьерному росту, удовлетворению престижных запросов, к ориентации интересов на грамотное вложение личных средств в «правильные» ценные бумаги и т.д. Навязывание конформистской ориентации и пропаганда потребительства получили широкое распространение еще во времена Карла Маркса, отметившего в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», что подобного рода пропагандистско-популистское воздействие на сознание масс легко «приспосабливается к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем нездоровые вожделения, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность»[1282].

При этом буржуа периода становления финансового капитализма понимали, что полностью исключить протестную борьбу пролетариата из социальной жизни вряд ли получится. Но задача, поставленная собственниками перед «промежуточными группами», состояла в такой переориентации общественных организаций, чтобы борьба последних была скорее на руку сверхбогачам, чем в ущерб, чтобы стачки, пусть даже приносившие убытки отдельным капиталистам, *по большому счету перестали вредить классу капиталистов в целом*. Нетрудно догадаться, что вследствие *такой* борьбы общее накопление капитала продолжит расти за счет беспрепятственного исчезновения слабых, разоряемых кризисами предприятий, снизится анархия производства, повысится интенсивность труда за счет со-

[1281] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 290.

[1282] Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 129.

вершенствования технологий и кадровой политики. Все это было большим плюсом для крупных западных собственников. Не было само по себе минусом для них и «возрастание политической силы пролетариата, раз она не могла прилагаться против самих основ буржуазного строя. Практически, социал-демократия, – констатировал А.А. Богданов, – оказывалась лишь наиболее последовательной и активной демократией, т.е. *дело сводилось к поддержке наиболее прогрессивных течений самой буржуазии* (курсив мой – А.Л.)»[1283].

Оставить эти выводы ученого-аналитика без внимания лидеры социалистов левого крыла не могли, тем более что Богданов во всеуслышание объявил свой парадоксальный вывод о том, что вся организаторская работа, осуществляемая мировой социал-демократией на рубеже веков, объективно была направлена не на углубление отмеченных Марксом тенденций к интернационализации и социализации производства, а *на консервацию достигнутого уровня рабочего движения* и его переориентацию в интересах господствующего класса усилиями лидеров-оппортунистов, продолжавших заверять всех в том, что «никакое <…> предвидение и никакое человеческое духовное превосходство не в силах преградить рабочим путь к господству над миром, если техника превращает их в материальных и духовных владык мира»[1284].

Нападки на Богданова были особенно агрессивными в связи с тем, что его выводы частично совпадали с мнением теоретиков-социалистов правого крыла, которые даже на международных конгрессах стали – сначала осторожно, а затем все более напористо – фиксировать внимание политизированной общественности на одной «из наиболее интересных особенностей современного социал-демократического движения в Германии»[1285] – на столкновении реально наблюдаемой социальной политики с теоретическими положениями ортодоксального марксизма о путях перехода от капитализма к социализму. Доказательство строилось на том, что «сам механизм капитализма устроен так, что на известной ступени он вызывает, в качестве экономической реакции, <…> усиление экономизма; оно (рабочее движение – А.Л.) утеривает свой односторонне политический характер и даже несколько притупляется интерес к политике. Этот рост экономизма выражается в общеизвестных фактах чрезвычайного развития профессионального движения в рабочем движении. За 9 лет, с 1895 по 1904 г. число членов социал-демократических про-

[1283] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 128.
[1284] Гортер Г. Исторический материализм. 2-е изд. М.: Красная новь, 1924. С. 21.
[1285] Булгаков С.Н. История социальных учений в XIX веке. 2-е изд. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1913. С. 380.

фессиональных союзов увеличилось больше, чем в 4 раза. Соответственно развились и потребительные общества <…>. Таким образом, сама жизнь создала цеый ряд <…> реальных средств к улучшению положения рабочего класса, и эти факты молчаливо, но с неослабевающей силой свидетельствуют против старой теории обнищания»[1286].

Богданов категорически отвергал обвинения как в парадоксальности его «тарабарщины» по поводу неэффективности методов руководства интернациональным пролетарским движением, так и в сходстве его позиций с утверждениями марксистов-ренегатов. Ученый доказывал на простых примерах, что большинство вождей впадало в опасное заблуждение, принимая внешние проявления демократизации развитых стран за реальные предпосылки эволюционного преобразования буржуазного мира в сторону социализма. Прежде всего, это касается недопустимости смешения уступок капиталиста, выгодных ему самому, с переменами, ведущими к расширению элементов социализма в общественной жизни. Как сообщал Богданов, «здесь особенно важно иметь в виду различие <…>: борьба рабочих организаций <…> поднимала материальный и культурный уровень рабочих масс; но делалось ли это ценой реального уменьшения прибавочной стоимости, получаемой *классом* капиталистов? Отдельным капиталистам, а иногда, короткое время, и массе их, конечно, бывает невыгодно повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, стачечные перерывы в работе их предприятий, но для ***класса*** капиталистов все это более чем окупается повышением интенсивности труда и его квалификации (в самом широком смысле слова, включающем толковость и вообще культурность работника). При прочих равных условиях рабочий более высшего материального и культурного уровня жизни ***выгоднее*** для капитала; и даже некоторые буржуазные немецкие экономисты признавали воспитательную работу социал-демократии могущественным фактором победы германского капитала на мировом рынке. Чем дальше развивалась теснота рынка, тем в большей мере повышение уровня заработной платы, являясь расширением потребительного рынка, ведущим к гораздо большему росту рынка в целом, становилось плюсом для капитала. И даже стачечные убытки, тяжелые для отдельного капиталиста, отнюдь не вредили общему накоплению капитала: они соответственно уменьшали сумму его растрат, зависящих от анархии производств, от кризисов; если бы этих перерывов не было, рост диспропорциональности между производством и рыночным спросом был бы соответственно более резким, усиленные потери от кризиса заместили бы избегнутые потери от стачек. Таким образом, экономическая

[1286] Булгаков С.Н. История социальных учений в XIX веке. С. 379–380.

борьба пролетариата, в сущности, несколько улучшала темп развития капитала, уменьшая остроту его колебаний <…>. Итак, в общем социалистические течения XIX века являлись активными сотрудниками капитала в прогрессивно буржуазном жизнестроительстве, приспособляя пролетариат к условиям капитализма <…>. Течения эти реально представляли важный и ценный фактор буржуазного порядка»[1287]. Итоговый вывод Богданова выглядел жестко: «Пока рабочий класс не владеет своими организационными орудиями <…>, до тех пор он, очевидно, не может и *не должен* предпринимать попытки <…> осуществить социализм»[1288], хотя позиция его оппонентов, особенно из числа теоретиков-социалистов правого крыла, выглядела довольно убедительно на фоне того, что в европейских парламентских демократиях действительно наблюдались прогрессивные перемены в отношениях капитала и труда. Ученый-аналитик и сам соглашался с тем, что «признание рабочих организаций и даже фабричного законодательства как условий, противодействующих фактическому неравенству сторон»[1289] в буржуазном обществе, – фактор, безусловно, немаловажный, если бы не «практическое господство» властных структур, «имеющих за собой организованную материальную силу»[1290]. Богданов считал, что именно этому обстоятельству, не учтенному теоретиками мировой социал-демократии, принадлежала решающая роль: переориентация рабочего движения от активной политической борьбы к экономизму не могла быть событием самопроизвольным, поскольку осуществлялась под громадным внешним давлением в виде полицейских репрессий со стороны буржуазного государства, жестко подавлявшего любые проявления революционной активности: поворот к экономизму оказался единственным способом сохранить рабочее движение в организованной форме.

Богданову представлялось также ошибочным желание лидеров мировой социал-демократии связывать начало пути капиталистического общества к социализму с организацией рабочих профсоюзов, предприятий-коммун, кооперативов и т.д. Ученый свою позицию пояснял кратко, выделяя лишь ключевые положения, сводившие к нулю смысл участия рабочих в этих объединениях. «Повышение заработной платы, – писал Богданов, – вырванное профессиональным союзом у капиталистов, не имеет ничего общего с социалистическим распределением хотя бы потому, что не может обеспечить рабочему самой возможности заработка. Собственность кооперативов остается капиталистической

[1287] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 127–129.
[1288] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 331.
[1289] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 124.
[1290] Там же. С. 120.

хотя бы потому, что подлежит купле-продаже, принимает форму денег, хранится в банках, зависит от рыночной конъюнктуры, от колебания цен и т.п.»[1291] Мало что зависит и от государственной системы с парламентом во главе, даже если социалистам в нем принадлежит большинство: по мнению Богданова, предприятия и в этом случае «не перестают быть капиталистическими, ибо организуются посредством найма рабочих, подчинены условиям рабочего рынка, рынка орудий и материалов труда, кредитно-денежного рынка и т.д. Пока сохраняется власть денег и капитал – хозяин мирового производства, до тех пор нет места социалистическому хозяйству»[1292].

Самоорганизации рабочего класса не произойдет вследствие того, что помехой для зарождения у пролетариата новых социальных функций станет «непрерывное, разъедающее и подтачивающее действие старой культуры, ее организационных форм и методов, выражаемых всей буржуазною наукой, искусством, нормами морали и права. Она незаметно подрывает новые методы дела и мысли при самом их зарождении, оттесняя их или придавая им оппортунистический, двойственный характер. Там, где в мироотношении человека складывается “мы, коллектив”, она упорно подсказывает “я, самодовлеющая личность”; где он начинает улавливать “организованный социальный опыт”, она вдалбливает ему “чистую, абсолютную истину”; где он начинает становиться на точку зрения “развития коллективной силы”, она подсовывает ему “чистый моральный идеал”; когда он прислушивается к пульсу жизни своего класса, растущего для превращения во всечеловеческое общество, она внушает ему “общенациональные интересы” или “простые законы права и справедливости” и т.п. И он бессилен против этого нашептыванья, развращающего его практику и мышление, пока не знает природы идеологических сил, пока не видит путей овладеть ими»[1293].

А.А. Богданов нашел обратное толкование тому феномену, который в середине XIX в. озадачил К. Маркса, столкнувшегося с необходимостью констатировать, что капитализм, развиваясь по восходящей линии, пробудил пробуржуазные ориентации в массовом сознании: добрая половина населения капиталистических стран Запада стала воспринимать течение общественной жизни как естественный, «нормальный» ход событий, и «ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему спо-

---

[1291] Богданов А.А. Социализм в настоящем // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 91.
[1292] Там же. С. 92.
[1293] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 333.

соба распределения»[1294].

Богданов тоже считал, что для европейского пролетариата социалистический идеал был скорее мечтой, чем реальной целью, в связи с чем, по мысли ученого, западный рабочий класс весь XIX век лишь «устраивался в рамках общества буржуазного»[1295], приноравливаясь к его нормам жизни, и был обречен стать объектом бдительного контроля и идейного воспитания силами просвещенной интеллигенции, составлявшей костяк «промежуточных групп». У пролетариата, постоянно находящегося «в стихийных исканиях»[1296], в конце концов сложилось ощущение гармонии интересов с частью ее демократически настроенных представителей и особенно радикальных социалистов, которые тяготели к государственному социализму, способному обеспечить привилегированное положение им самим и жизненно удовлетворительные условия для рабочего класса. Так рядом с пролетариатом обнаружились «попутчики», а лидеры мировой социал-демократии проявили неспособность найти аргументированный ответ на вопрос: «Если есть “попутчики”, то почему же не они пошли за рабочим классом <…>, а он пошел за ними?»[1297]. Дело-то к началу XX века повернулось так, что самостоятельно «пролетариат объективно не мог вступить в борьбу против государственного аппарата, по сравнению с которым его организации были детски слабы. Он не мог не подчиниться физически <…>, не мог уклониться от эксплуатации вообще. Его тело принадлежало классу капиталистов, – но он тут же отдал и душу»[1298]. «Развращающее влияние буржуазных и мелкобуржуазных “Mitläufer’ов[1299]”», «“попутчиков” из всякой демократической интеллигенции»[1300] увеличилась многократно: если во времена К. Маркса примерно половина западного населения воспринимала каптиалистические отношения в качестве естественной нормы для общественного взаимодействия, то спустя всего полстолетия весь буржуазный мир без обиняков определял любую организацию как «“союз отдельных личностей, совместными действиями осуществляющих свои личные интересы”. Это – понятие *чисто индивидуалистическое*, выработанное в различных группировках мелкой, а затем и крупной буржуазии <…>. Попробуйте строить социалистическую организацию на основе такого отношения к

[1294] Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 153.

[1295] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 98.

[1296] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 331.

[1297] Там же. С. 333.

[1298] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 98.

[1299] Попутчиков (нем.)

[1300] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 331.

ней»[1301], – увещевал соратников-марксистов А.А. Богданов.

Итог сложившегося на Западе общественного взаимодействия не утешал ученого-аналитика, что и было зафиксировано в его выводах: «Как видим, большинство указанных построений предполагает *устойчивую системную дифференциацию* экономики общества. А нам уже известен тектологический закон развития при такой дифференциации <…>. Это – результат совершенно неизбежный, если только не гарантирована остановка общественного развития; а такой гарантии в природе и в жизни быть не может»[1302]. Это заявление Богданова подверглось осмеянию: возражения строились на том, что капитализм в течение столетий прошел огромный путь и привел западное общество к процветанию, широко распространив свое экономическое влияние на страны и континенты. Однако, по мысли ученого, этот факт не должен внушать оптимизм апологетам капиталистической модели развития, поскольку «история знает примеры перехода обширных социальных систем к застою и деградации»[1303]. Как это происходит, Богданов продемонстрировал, опираясь на тектологический анализ: если противоречия внутри общественной системы приведут к прогрессирующему расхождению ее частей, спровоцированному социальной дифференциацией, а для восстановления единства будут выбраны методы, *не исключающие* прежних глобальных несовпадений интересов взаимодействующих групп, то первоначальная дифференциация восстановится и поведет «снова к постановке той же задачи, которая, казалось, была разрешена. Следовательно, самое решение было тектологически *мнимым*»[1304], а использующая его система обречена на бесконечное хождение по кругу в поиске все новых и новых вариантов самосохранения без прогрессивного развития. Известная всем смена фаз буржуазного строя не затрагивала глобальные системообразующие элементы капитализма, а только маскировала их новыми формами общественного взаимодействия. Для этих случаев недостаточны выводы К. Маркса о логике влияния экономических факторов на развитие исторических процессов: немецким ученым не был учтен «характер объединяющего аппарата всей системы»[1305], которому А.А. Богданов придавал основополагающее значение. Поскольку центральным звеном в капиталистической системе продолжал оставаться собственник-буржуа, деятельность которого в любой фазе этого строя не давала никакой надежды на обретение пролетариатом самостоятель-

[1301] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 333.
[1302] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 292.
[1303] Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 296.
[1304] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 286.
[1305] Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 302.

ной роли в обществе, то в любом случае «решения, основанные на сохранении дифференциации, являются *тектологически мнимыми*: они сводятся к возобновлению, к повторению задачи. Нет надобности отдельно исследовать каждое из них и конкретно выяснять, какие противоречия и путем какого расхождения должны из него развиваться: вопрос по существу предрешен тектологическим законом»[1306].

В связи с этим А.А. Богданов в начале XX в. больше не стал идеологически связывать судьбу буржуазного мира с социалистическим будущим. Оно, по представлениям ученого, должно базироваться не на постулатах капитализма, а на динамике решения преобразовательной задачи, требующей сознательного обобщения и концентрации организационного опыта человечества в растущем общественном объединении. Только такой путь может привести к формированию нового – коллективистского – строя, который и есть социализм. Этот строй должен иметь предпосылкой «совершенно иные организационные методы», ведущие к такому сплочению людей, при котором каждый ощущает себя равноправным и равнообязанным строителем всего социального бытия[1307]. За такие идеи Богданова окрестили «последним коммунистическим утопистом».

Однако ничего утопического в аналитических обзорах Александра Александровича по поводу «коллективистического» строя не было. В связи с тем, что, как бы ни расширял капитализм зоны своего влияния, с точки зрения Богданова, буржуазный мир так и не стал глобальной системой хозяйствования, поскольку к началу XX столетия на свете оставалось немало стран, развитие экономики которых базировалось на традиционных отношениях, характерных для докапиталистического периода истории и вполне приемлемых для населения вследствие того, что сложившаяся в социуме на протяжении веков система коллективизма «доводит организованное сотрудничество до предельной величины <…>: все общество становится одним предприятием»[1308]. Внутри этой системы общественные отношения подчинены двум организационным закономерностям, которые определяются понятиями «коммунизм» и «коллективизм». По Богданову, «…термины эти долгое время употреблялись без строгого различения; но за последние полвека их потребление все более или менее установилось, и притом в согласии с их филологическим генезисом. Оба понятия выражают организационную идею ***обобществления*** экономической жизни людей; основная же разница заключается ***в центре тяжести*** этого обобществле-

[1306] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 292.
[1307] См.: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100.
[1308] Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 301.

ния. Коммунизм (“общность” или “общинность”) есть понятие, связанное в первую очередь со сферою присвоения; это – отрицание частной собственности, индивидуального права на имущество»[1309]. Принцип общности достояния, одинаково всем принадлежащего, не является эксклюзивным изобретением социалистов XIX века. Напротив, он продолжал иметь место, невзирая на победное шествие капитализма по миру. Например, монастырская жизнь, организованная на принципе «коммунистического потребления», мало изменилась со времен раннехристианских коммун-койнобионов. И в русской крестьянской общине коммунистическая тенденция по-прежнему сохранялась в части «земельного коммунизма» даже после отмены крепостного права, поскольку власть оставила землю в общинном владении, пока *все* крестьяне не выкупят свои наделы. Принцип общности имущества продолжал поддерживаться и в иных подобных случаях.

«Центр тяжести» *коллективизма*, по Богданову, иной: «Коллективизм (буквально – “соборность”) относится прежде всего к сфере труда, производства, означает объединение человеческих усилий, действий»[1310]. Различие между коллективизмом и коммунизмом ученый предлагал «иллюстрировать терминами “рабочий коллектив” и “коммуна рабочих”: первый вызывает идею объединенного группового труда, второй – объединенного домашнего хозяйства, общего помещения, общего стола, вообще – совместного владения и распределения потребляемых продуктов, организованного группою. В социалистическом идеале оба момента сливаются непосредственно и неразрывно, так что нам не было даже надобности специально их различать; но ясно, что там из них основным является коллективизм производства, а коммунизм присвоения и распределения им обусловливается, как его жизненный результат»[1311].

Вследствие этого формирование социалистического идеала в сознании людей при самопроизвольном сочетании коллективизма труда и коммунизма владения происходит естественным образом: здесь получает развитие «высшая степень *социальности*. Трудовая сплоченность <…> и коренная однородность развития людей должны создать такую степень взаимного сочувствия и взаимного понимания», что «человек, воспитанный эпохою ожесточенной конкуренции, беспощадной экономической вражды людей, групп и классов, не в силах даже представить себе того высшего развития товарищеской свя-

[1309] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 82.

[1310] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 82.

[1311] Там же.

зи», которое «органически вытекает» из подобных отношений[1312].

По мнению А.А. Богданова, только «при высоком развитии *социального чувства* и при таком же высоком развитии *познания*» может зародиться «общественный человек», стремящийся «сделать всё для блага всех», не нуждающийся в специальных законах, принудительно проводимых властью. Поэтому такое объединение людей будущего откажется от государственной формы организации. К тому же оно будет «основано не на меновом, а на *натуральном* хозяйстве», способном охватить собой «целое общество из сотен миллионов людей», отличаясь от привычного натурального хозяйства тем, что «между производством и потреблением продуктов не стоит рынок, покупка и продажа, – но только сознательно и планомерно организованное распределение»[1313].

Все это вполне возможно при всесторонне обдуманном отношении к организации гармоничных форм сотрудничества в обществе. И напротив – социалистический идеал окажется отодвинутым в область бесплодных мечтаний, как только идеологическая тенденция его развития подвергнется воздействию несовместимых форм обобществления, которые обычно «сводятся к двум основным, ***авторитарной*** и ***товарищеской*** <…>. На практике эти формы наблюдались до сих пор почти всегда в смешанном виде, с преобладанием той или другой. Так, даже в патриархальной общине, коллективе-коммуне с ярко-авторитарным основным строением, все же имелись и зародышевые элементы товарищеского типа, в виде “примитивного демократизма”, общего обсуждения и решения собранием»[1314]. В связи с этим казалось, что патриархальная община непременно должна была бы переродиться в коллектив-коммуну, предоставь ей общество свободу выбора. К этому выводу подталкивала горячая дискуссия в Юрской федерации I Интернационала в далеком 1877 году, когда в Швейцарии в открытую заговорили о зарождении новой формы социальной организации в виде «общества равных между собою». Князь П.А. Кропоткин был последовательным поборником подобных образований, «не закристаллизованных» в какую-либо неподвижную форму. «Мы решили, – писал он в «Записках революционера», – что <…> в человечестве есть ядро общественных привычек, доставшееся ему по наследству от прежних времен и недостаточно еще оцененное. Не по принуждению держатся эти привычки в обществе, так как они выше и

[1312] Богданов А.А. Социалистическое общество // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 95.

[1313] Там же. С. 95–97.

[1314] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 83.

древнее всякого принуждения. Но на них основан весь прогресс человечества <…>, эти привычки не могут быть уничтожены ни критикой людей, отрицающих ходячую нравственность, ни временным возмущением против них <…>. Они являются результатом не научного открытия и не откровения, а последствием созидательной работы самих народных масс. Народными массами – не отдельными гениями – выработаны были средневековое обычное право, деревенская община, гильдия, артель, средневековый город и основы международного права»[1315]. Разделяя эту точку зрения Кропоткина, Богданов отмечал и другое: всякий раз, как только эгалитарное сотрудничество ставилось под жесткий авторитарный контроль, социалистический идеал искажался до неузнаваемости. Изучение динамики исторических процессов убеждает: «Когда коммунистическая тенденция проникает в классы, еще не освободившиеся от индивидуализма или по самой своей экономической природе к нему тяготеющие, тогда оно (эгалитарное сотрудничество – А.Л.) выливается в форму» непредсказуемую[1316]. Например, иерархия чиновников во главе с патриархально-монархической властью, поставив под свой контроль производство и распределение валового национального продукта, перво-наперво позаботится о привилегированных условиях для себя. Модернизация в этом случае сведется к торжеству идеала «бюрократического социализма», действующего сугубо в интересах администраторов-управленцев. Отношение к основной массе населения сохранится в привычной феодально-сословной форме[1317], а мелкобуржуазные слои и малообеспеченный пролетариат не станут скрывать стремления к «социализму дележа», чтобы «распределить наличное имущество равномерно в ***частную*** собственность»[1318]. В этой ситуации дестабилизация общества гарантирована, социалистический идеал – этот «человечества сон золотой» – на долгие десятилетия останется лишь несбыточной мечтой, а смыслом развития мировой цивилизации окажется торжество капитализма.

Здесь уместно обратиться к событиям середины XIX столетия, когда европейские и русские марксисты первой волны познакомились с особой точкой зрения Карла Маркса на перспективы стран так называемого «догоняющего развития». Мысль об *особом пути* государств, экономика которых базировалась на труде общинных земледельцев и

[1315] Цит. по: Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 229.

[1316] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 83.

[1317] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 291.

[1318] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 83.

включала в себя «элемент коллективного производства в национальном масштабе»[1319], у автора «Капитала» зародилась после знакомства с исследованиями по истории, организации быта, общественной и хозяйственной жизни крестьянского населения Российской империи. Прочитанное ошеломило ученого: мир веками бьется над теоретическими поисками идеального способа обустройства жизни человечества, а в России была создана и на протяжении двух столетий поддерживалась усилиями крепостных крестьян формация, которая «принадлежит к самому новому типу» социальной организации[1320] и объединяет многомиллионное государствообразующее население на принципах общности равного положения, происхождения, жизненных интересов и трудовой деятельности. При этом последняя базируется на таких важных элементах, как общая земельная собственность и артельные отношения, которые предоставляют крестьянам «возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное»[1321].

Карл Маркс был сражен: русское полуграмотное крепостное крестьянство сберегло и усовершенствовало к середине XIX в. то, за что активно боролись трудовые слои западных стран, пожинавших плоды своего капиталистического развития, породившего цивилизацию «антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий»[1322]. Капитализм привел народы – «как в Европе, так и в Америке» – к осознанию необходимости «разбить его оковы, заменив капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность – *высшей формой* архаического типа собственности, т.е. собственностью коммунистической»[1323] – именно тем, что имело место в России «в национальном масштабе». Поэтому Марксу показалась алогичной ситуация, когда русские теоретики-экономисты в надежде повлиять на власть стали опираться на доводы, противоречащие здравому смыслу, доказывая, что земледельческая община обречена на исчезновение из-за «нежизнеспособности», «отсталости» и неумения противостоять развитию «более прогрессивных» капиталистических отношений. Навязав условия, искореняющие привычку крестьян к коллективному труду, и не разобравшись в сути экс-

[1319] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 401.

[1320] Там же. С. 413 – 414.

[1321] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 405.

[1322] Там же. С. 412.

[1323] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 413.

прориации коммунистической собственности, русские реформаторы повели свой народ навстречу роковым злоключениям капиталистического строя. И в самом деле непросто найти разумное объяснение, почему образованное сообщество огромной империи с многомиллионным населением не вняло объективным предостережениям автора «Капитала», отказавшись понимать, что ***доведение 85 % жителей страны до разорения и нищеты – не лучший способ добиться экономического процветания державы.***

В итоге к середине 1890-х годов многие жители России, в том числе и А.А. Богданов, стали свидетелями чудовищных последствий разрушения сельской общины: «земельно-общинная система переделов», которая означала «соединение остатков прежнего коммунизма с развивающимся индивидуальным крестьянским хозяйством»[1324], внесла коренные изменения в социально-экономическую жизнь России. Внедрение в земледельческое производство капиталистических отношений неумолимо вело к разрушению не только привычного образа жизни крестьян, но и к ослаблению живой связи интересов, сужению общения между людьми, что вело к развитию взаимного непонимания, недоверия, отчужденности. Теперь даже при обмене сельскохозяйственной продукции «каждая община желает получить больше, отдать меньше и не может относиться к интересам другой общины, как к своим собственным»[1325]. Обмен в этих условиях не может не принять характера экономической борьбы, свойственной рыночным отношениям, осложненным расслоением общества с последующей эксплуатацией обедневших разбогатевшими. Со временем дело оборачивается тем, что крестьянство оказывается силой, не имеющей «самостоятельного значения по слабой организованности»[1326]. А если учесть, что в странах «догоняющего развития» основное население именно земледельческое, то подобная трансформация неизбежно приобретает черты социальной катастрофы: вместе с «отжившими» общинными отношениями исчезает источник экономического состояния государства, бюджет которого традиционно пополнялся налогами с крестьянского большинства – и всё в угоду доктринальным принципам политизированной национальной интеллигенции, которая по-прежнему будет видеть в западном капиталистическом пути эталон цивилизации и единственный шаблон, по которому может и должен развиваться весь мир.

А.А. Богданов предостерегал: внедрение капиталистических отношений, усиление

[1324] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 83.

[1325] Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 293.

[1326] Богданов А.А. Письмо неустановленному адресату (т. Н.Н.). 24 ноября 1920 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 200.

национального милитаризма, иностранная колонизация и т.д. необратимо исказят жизнь земледельческого большинства, но отнюдь не породят условий для формирования рабочего класса, аналогичного западному по социальным и политическим функциям. Так что ожидать глобальной победы социалистического идеала, по мнению ученого, не следовало – и не только по вышеуказанным причинам: «Трагизм в том, что на плечи исторически самого юного рабочего класса – русского пролетариата – история возложила самое непосильное, невиданно огромное бремя, задачи, далеко выходящие из границ его собственной классовой природы»[1327]. В связи с этим Богданов признавал: «Рабочий класс единственным творческим отнюдь не считаю, но вижу в нем законного наследника всего творчества других классов. Не думаю, чтобы он у нас или на Западе был ***теперь*** готов к получению этого наследства, я считаю очень вероятной переходную фазу господства социал-бюрократии <…>. Но в ее социальном типе не нахожу данных для выполнения целостной, планомерной организации общества: эта задача выполнима только для класса коллективистического, а интеллигенция по природе не такова»[1328]. Воспринимая себя как интеллектуальную элиту общества, она придерживается строго авторитарной модели социального сотрудничества и воспринимает трудовые классы общества исключительно в качестве «надежного стада»[1329], «живого материала промышленности и пушечного материала милитаризма»[1330], т.е. *инертной массы*, не обладающей ни собственными политическими интересами, ни сознательной волей к их осуществлению.

Организационная модель, при которой небольшая группа авторитарных лидеров-идеологов «эксцитативными» средствами побуждает политически и мировоззренчески неподготовленное общество к строительству социализма, представлялась А.А. Богданову «в лучшем случае – мечтой, которая не встретит отклика в массах. В худшем – <…> программою авантюры, самой мрачной в истории пролетариата, самой тяжелой по последствиям»[1331], поскольку соединить декларативно провозглашаемые теоретические принципы социального равенства и практически реализуемое авторитарно-иерархическое разделение общества на основе «идеи власти»[1332] можно лишь ирра-

---

[1327] Богданов А.А. Открытое письмо Н.И. Бухарину. 10 дек. 1921 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 206 – 207.

[1328] Богданов А.А. Письмо Д.И. Опарину. 14 сент. 1919 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 197.

[1329] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 43.

[1330] Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 314.

[1331] Там же.

[1332] Богданов А.А. Записные книжки. Цит. по: Плютто П.А. Время и люди (Из архивов А.А. Богданова) // Социс. 1992. №11. С. 135.

циональными, мифологическими методами. По Богданову, только «длительное царство Железной Пяты»[1333] может стать естественным концом такой авантюры, не имеющей ничего общего с социализмом. При социализме для авторитарной диктатуры попросту не должно оставаться места, поскольку общество будет управляться рационально обоснованными «указаниями науки и ее выразителей, технических организаторов труда, действующих только именем науки, но не именем власти»[1334], и люди перестанут нуждаться в мифологизации своего коллективного бытия ввиду достижения динамического соответствия между его теоретическими и практическими аспектами. Богданов был твердо уверен: для установления такой – подлинно социалистической, коллективистской, – организационной модели обществу XX века необходимы не расплывчатые идеологические мифы, призванные в действительности лишь служить обоснованием для претензий той или иной социальной группы на власть, а ***точное знание***, позволяющее правильно оценить перспективы социально-экономического роста и эффективно организовать взаимодействие людей для достижения общезначимых целей. Соответственно этому, задачей лидеров-идеологов должно стать формирование в массах рационально-целесообразного понимания того, какими способами и что именно необходимо менять в системе общественных отношений, чтобы добиться результатов, объективно улучшающих положение большинства населения, без осознанной поддержки со стороны которого любые доктрины социального переустройства обречены на роль умозрительных утопий.

Все эти выводы стали возможны благодаря тектологическому анализу, методы которого А.А. Богданов продолжал разрабатывать до конца, изо дня в день подвергаясь чудовищной травле со стороны «критиков», даже не читавших того, что официально именовали «богдановщиной». Сам ученый, зная реальную цену установленных им закономерностей (это – «не заблуждения, а научное открытие XX века»[1335]), весьма скромно относился к своей роли первооткрывателя организационной науки, но был искренне восхищен возможностями тектологии. В письме В.В. Вересаеву он писал: «У меня своего рода болезнь – furor tectologicus <...>. Как только вижу трудно разрешимую задачу, непонятную комбинацию – так немедленно является неодолимое стремление если не решить ее, то хотя бы убедиться в принципиальной ее решаемости»[1336].

[1333] Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 315.

[1334] Богданов А.А. Социалистическое общество // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 96.

[1335] Богданов А.А. Открытое письмо Емельяну Ярославскому. 19 ноября 1923 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 221.

[1336] Цит. по: Гловели Г.Д., Пустильник С.И. Сотри случайные черты // Химия и жизнь. – М.,

Однако современники не торопились разделять мнение ученого-энциклопедиста, самого активного из всех мечтателей об обществе «всенародной интеллигенции», способной самостоятельно и с научной достоверностью оценивать и предвидеть пути развития общества.

4.3 Богдановская концепция эволюции финансового капитализма. «Военный коммунизм» в теории и практике государств XX века

В начале XX века авторитетные европейские экономисты задались целью разобраться в механике перерождения «старого» капитализма (с господством свободной конкуренции) в «новый» – с интенсивным вмешательством банков в управление промышленностью. Результатом исследований был вывод: после кризиса 1900 г. активные деловые связи банков с производством товаров окончательно закрепились и привели к рождению новой формы капитала, названного теоретиком австромарксизма Рудольфом Гильфердингом (1877 – 1941) «финансовым»[1337]. Гильфердинг настаивал на универсальном характере финансовых институтов, придававших капитализму вид «организованного», что, по мнению исследователя и его единомышленников, говорило о «зрелости» этой новой формации для замены ее социализмом[1338]. Эта точка зрения была достаточно широко распространена и пользовалась популярностью как на Западе, так и в России накануне Первой Мировой войны. Не случайно рассуждения Гильфердинга (наряду с впечатляющей по характеру прогнозов работой Дж.А. Гобсона «Империализм») были взяты В.И. Лениным за основу политической доктрины, которая, в конечном счете, послужила одним из отправных пунктов в организации вооруженного переворота в ноябре 1917 г.

Естественно, что с концепцией «финансового капитализма» был знаком и А.А. Богданов, однако его интерпретация событий существенно отличалась и от рассуждений западных авторов, и от концепции лидера большевиков. С точки зрения Богданова, хотя и невозможно было отрицать то, что «фазу финансового капитализма буржуазное общество развернуло вплоть до крушения за каких-нибудь 15–20 лет»[1339], как и то, что

1990. №12. С. 12.

[1337] Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Знаменский и К°, 1912. С. 339

[1338] Гильфердинг Рудольф // Большая Советская энциклопедия. Т. 6. М.: Сов.энциклопедия, 1971. С. 523

[1339] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 107.

экономическая власть финансового капитала велика, а поле ее применения чрезвычайно широко, но тем не менее *реальная организующая функция* этой формы капитализма оставалась такой же слабой, как и связь его элементов, очень похожая на «вассально-сюзеренные отношения слабо спаянных феодальных группировок»[1340]. Поэтому возникновение мировых военных кризисов в XX веке и непохожесть их на все те, что возникали раньше, Богданов связывал не просто с агрессивным характером целей соперничающих между собой в мировом экономическом пространстве всемогущих финансовых магнатов, а – в первую очередь – с непрочностью интернациональных связей потребительного рынка, компенсированной появлением еще одного рынка – милитаристского, что неотвратимо вело к переходу финансового капитализма в новую фазу, весьма далекую от социализма – фазу военно-коммунистического развития капиталистического общества[1341].

Этапы этого перехода А.А. Богданов рассмотрел в ряде статей, а также в приложении III к «Тектологии» под названием «Элементы организационной динамики капитализма XX века». По мнению ученого, к концу XIX в. мировая конъюнктура сложилась так, что кредитный капитал, который «был, в общем, слабее промышленного», «до крайности» понадобился производственному делу[1342]. Богданов связывал это с тем, что «техническая неоднородность» и «материально-массивная форма» промышленных предприятий (здания фабрик и заводов, производственное оборудование, запасы сырья, склады полуфабрикатов и готовой продукции и т. д.) ограничивали подвижность индустриального капитала в расширении бизнеса, в то время как банковский капитал «с его по преимуществу символической формой» и организационной мобильностью мог оказать кредитную поддержку в решении проблем частного предпринимателя – технически переоснастить производство, переждать неблагоприятные цены, расширить зону производства и сбыта товаров, подавить конкурентов и многое другое, позволяющее бизнесу здравствовать в ситуации острейшей борьбы за рынок. Что касается банков, то их интерес, по мысли Богданова, заключался в интенсификации кредитного обращения, служившего главным источником процветания финансистов. Обоюдная заинтересованность хотя и была очевидна, но не получила реализации на паритетных началах: «по закону спроса – предложения экономически сильнее тот из двух контрагентов, который нужнее для другого»[1343]. А в тандеме «производство – банк»

[1340] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 432.
[1341] Там же. С. 439.
[1342] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 430.
[1343] Там же.

перевес силы оказался на стороне «денежных мешков».Поскольку кредитный капитал организовывался и объединялся – «по своей гибкости» – гораздо быстрее промышленного, к тому же острота конкуренции слабо влияла на его рост из-за предельно высокой востребованности, то, по мнению Богданова, в результате «мало-помалу» создалось «положение, при котором он стал в общем диктовать условия. А раз это случилось, дальнейшее развитие руководящей его роли пошло с возрастающей скоростью – каждый шаг был уже легче предыдущего. На этой основе и произошло “срастание” обоих типов капитала»[1344].

Именно это организационное преобразование позволило меньше, чем за два десятилетия полностью изменить весь капиталистический мир – как внешне, придав городам ухоженный вид, так и внутренне, поделив национальную экономику на сферы влияния между сверхбогачами. При этом «прежняя широкая конкуренция сменилась борьбою монополистов»[1345]. Все это происходило, как отмечал Богданов, на фоне полнейшей капитуляции государственных властей перед господством денег: «Экономическое давление миллиардов одинаково легко справлялось и с демократическими, и с либерально-конституционными, и с самодержавными формами: за кулисами парламентов, как и за спинкою трона монархов одинаково действовало непреодолимое внушение клики финансовых дельцов; и в каждой стране власть народная, или ненародная, в конце концов, признавала за благо то, на чем сходились интересы руководящих групп нескольких гигантских концернов»[1346].

Однако в рамках национальных экономик финансовым воротилам довольно скоро стало тесно, и тогда последовательно, шаг за шагом, начала осуществляться смена социальных технологий ради сохранения и укрепления господства олигархов в капиталистическом мире. Неизбежным следствием алчности и стремления финансовых гигантов ко всевластию явилось «небывало ускоренное развитие милитаризма. Два момента заставляли финансовый капитал всеми силами толкать государство по этому пути: во-первых, потребность в армии, как орудии непосредственного захвата рынков или политического давления в международно-торговых переговорах, и, во-вторых, возможность создавать из милитаризма основу колоссального дополнительного рынка»[1347]. А.А. Богданов первым обратил внимание на эту особенность в развитии финансового капитализма, давшую толчок

[1344] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 431.
[1345] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 94.
[1346] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 432.
[1347] Там же.

для формирования *новой капиталистической системы*, возглавляемой триумвиратом элит – финансово-олигархической, государственно-бюрократической и милитаристской (военно-силовой). Эту организацию общественной жизни Богданов определил как «*буржуазно-милитаристическое государство*»[1348], в котором военно-силовому комплексу отводилась особая роль, благодаря чему спустя совсем короткое время армия стала представлять собой «миллионный коллектив со всею массою его технических средств, плюс огромный экономический аппарат обслуживающих ее предприятий»[1349]. Эта «обширная потребительская коммуна», живущая «в общих казармах», получающая «общий стол, казенную одежду и снаряжение», в мирное время упорно воспринималась экономически активным трудовым населением как структура «объективно-бесполезная для общества»[1350], что, по мнению Богданова, было справедливо: армия, привлекая в свои ряды молодых здоровых людей, делала из них потребителей, не участвующих в созидательном хозяйственном процессе, поскольку милитаризм «по природе своей непроизводителен, предложения не увеличивает, т. е. представляет чистый дополнительный спрос»[1351], удовлетворяемый через расширение рынка, в чем более иных были заинтересованы именно финансовые дельцы.

Следует особо отметить, что в случае с армией происходило не простое «расширение *потребительного* рынка, а <...> в силу цепной связи отраслей такое расширение означает во много раз большее расширение рынка в целом»[1352], опирающееся на интенсивное развитие индустрии, – горной, металлургической, транспортной и прочих необходимых для вооружения армии отраслей хозяйства, приносивших олигархам баснословные барыши и в то же время ставших самой затратной статьей бюджетных расходов, – и все ради готовности армии в любое время «перейти в действие» как внутри, так и за пределами страны для защиты интересов и господствующего положения финансовых магнатов[1353]. Главным парадоксом такого способа формирования «системы вооруженного мира»[1354] явилось неожиданно терпимое отношение олигархов к государственному регулированию в самых широких масштабах. Если раньше крупные собственники бескомпромиссно отстаивали принципы свободного рынка и невмешательства государ-

---

[1348] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 85.

[1349] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 434.

[1350] Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 335.

[1351] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 432.

[1352] Там же.

[1353] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 434.

ства, то в случае промышленного кризиса в буржуазно-милитаристическом государстве заботы по спасению положения брали на себя не олигархи-владельцы предприятий, а национальное правительство: оживляющую роль в экономике начинали играть военные и продовольственные госзаказы. Это вело к регулируемому перераспределению в обществе материальных выгод и потерь, при котором все издержки падали тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков, а колоссальная прибыль доставалась самым заинтересованным в развитии милитаристского рынка как средства, избавляющего сверхбогачей от разорения в кризисный период. Акцентируя внимание на этой характерной особенности времени, А.А. Богданов резюмировал: «Рост милитаризма приобретал значение самостоятельного экономического фактора, уже не второстепенного, а первоклассного по масштабу, хотя, конечно, производного по генезису»[1355].

Этот процесс не мог не сопровождаться деформациями в идеологии социума «накоплением общественной энергии в формах милитаризма», названных Богдановым дополнительными «специальными силами давления», которые проявляли себя в постепенно нараставшей пропаганде насилия, ксенофобии, реваншизма и т.п. способов выражения неуправляемо распространявшейся агрессии в массах, какой ранее в таких масштабах не наблюдалось «в передовых странах»[1356]. Государство, чтобы оправдать в глазах налогоплательщиков высокие бюджетные расходы на «обороноспособность» армии, не только не пресекало распространение деструктивной идеологии, но и всячески способствовало разжиганию «маленьких победоносных войн» с заведомо более слабыми противниками.

В тектологическом анализе Богданова этот феномен имел следующее объяснение: значительную часть противоречий капиталистической экономики – прежде всего, таких, как конкуренция, перепроизводство, кризисы и сопутствующие им банкротства, безработица и обострение классовой борьбы, – устранить могла только война, потому что именно она «создает колоссальный дополнительный рынок для товаров и такой же спрос на рабочую силу; этим приостанавливается действие всех тех отрицательных условий, которые порождаются ограниченностью рынка в обоих его областях, его анархическими, стихийными расширениями и сужениями. Капитал, в худшем случае – ценой перемещения в отрасли, нужные для войны, – перестает страдать от конкуренции других капиталов, от недостаточности спроса и от понижения цен; работник же – от конку-

---

[1354] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 434.
[1355] Там же. С. 432.
[1356] См.: Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 434.

ренции других рабочих и от безработицы»[1357]. Таким образом, «маленькая» война могла разрешить большие проблемы, временно погасив негативные процессы в общественно-экономическом состоянии любой из тех стран, на горизонте которых маячил кризис перепроизводства не только товаров, «но и *организованных человеческих сил*»[1358], поглотить которые способны были лишь увеличивающаяся армия и расширяющийся национальный военно-промышленный комплекс.

В условиях приближавшегося военного кризиса государство начинало действовать «по линиям *наименьшего* сопротивления, а не по тем, на которых должно встретиться наибольшее сопротивление. Поэтому легче всего возникают войны между гигантами и пигмеями, и всего труднее – войны между великими державами. Параллельный рост их вооружений увеличивал общую сумму милитаристических сил давления, но в то же время мешал им вырваться на свободу»[1359], что тем не менее не служило гарантией сохранения мира – и на то были свои веские причины, скрытые в самой сути милитаризма, поставленного на службу алчному финансовому капиталу. Смысл растущего милитаризма долго не обнаруживал себя, потому что в разгар кризиса, безработицы и последовавшей за ними подготовке к «маленькой» войне государство с одобрения собственников стало вроде бы поворачиваться лицом к национальным проблемам, «делать многочисленные и огромные заказы предприятиям различных отраслей производства, а также скупать массу товаров из их прежних запасов, платя за все деньгами, хотя бы и бумажными. Эти предприятия расширяют производство, а за ними другие – их поставщики и т.д., по всей цепной связи механизма. Увеличенное обращение товаров и денег оживляет кредит. Рост заработков, вместе с заменяющими, а частью дополняющими их государственными пособиями семьям призванных, расширяет потребление масс, а рост прибылей – потребление капиталистов. Каждый шаг по этому пути служит толчком к дальнейшим шагам, и оживление нарастает быстро, вначале даже “лавинообразно”, т. е. со все большим ускорением <...>. Таким образом, <...> прибыль возрастает в поражающей прогрессии»[1360].

Столь высокий темп экономического подъема сохранялся и при начавшейся войне, сразу менявшей ситуацию во всем капиталистическом мире, так как и «в странах не воюющих экономический процесс развертывается приблизительно так же»[1361], т. е. война

[1357] Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 317.
[1358] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 435.
[1359] Там же. С. 434.
[1360] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 436.
[1361] Там же.

одной страны с заведомо более слабым противником давала стимулирующую встряску всей мировой экономической системе, потому что появлялась «возможность сбывать товары без поисков рынка и за дорогую цену – это, собственно, как раз то, что капитал называет процветанием»[1362]. Ради такого процветания он готов был присоединиться к военным действиям на стороне одной из участниц бойни, даже если при этом пришлось бы пойти «на ампутацию обширных частей своих экономических владений, тех частей, которые оказывались по другую сторону фронта. <...> Финансисты находили, что временная утрата дани с этих вассалов более чем покроется военными прибылями»[1363]. И тогда война, начавшись в одной «горячей точке», находила продолжение на других территориях с участием многих сил. Этой войне непременно должно было предшествовать создание блоков и коалиций, готовых не только «погреть руки» на кровавой бойне, но еще и не допустить при этом усиления кого-либо из соперников на мировой арене. «Таково происхождение мировой войны», – резюмировал А.А. Богданов[1364].

Тектологический анализ ученого показал, что «всесветный военный пожар», во-первых, непременно станет войной «на истощение», во-вторых, окажется «борьбой двух блоковых групп монополистов», из которых «ни одна не могла уступить, несмотря на явную, с развитием войны, ее разорительность для той и другой стороны: уступившая, хотя бы на умеренных условиях, оказалась бы слабейшей стороной в дальнейшем и была бы обречена заранее на поглощение. Результат – глубочайшее хозяйственное крушение не только побежденных, но и победителей»[1365].

Анализ Богданова, изучавшего этапы развития мировых военных кризисов в XX веке, остается по сей день вне поля зрения академической школы. Ученые, занятые исследованием природы кризисных явлений в общемировом хозяйстве и отмечающие как факт экономическое процветание ведущих стран в самый канун мировых катастроф, упускают из виду значение специфической роли милитаризма. А между тем, по оценке Богданова, зафиксированное учеными процветание стран было лишь «видимым», в то время как скрытый смысл этого явления заключался в принципиально важных особенностях милитаристского рынка, который «не есть потребительный в нормальном значении этого слова, а – *истребительный*: производимые для него продукты обрушиваются в бездну, не оставляя следа в производстве <...>, по

[1362] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 438.
[1363] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 95.
[1364] Там же.
[1365] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 95.

мере их потребления умирают <...> “экономически”. Это и есть причина того, что многопроцентные прибыли национального капитала, по мере их сложения, суммируются в убыток: тысячи плюсов складываются в гигантский минус»[1366].

Война, питаемая милитаризмом, с закономерной неотвратимостью обернется медленно нарастающим дефицитом товаров повседневного спроса и так называемой «военной дороговизной», которая сама по себе явится объективной разоблачительницей парадоксальности принципов «военного процветания». Подведут черту под этим выводом многомиллиардные выпуски финансовых средств на военные цели. Безудержная эмиссия бумажных денег поведет «к падению их курса, к вырождению их счетной единицы, к огромному номинальному повышению цен»[1367]. Это, в свою очередь, обернется падением благосостояния населения и нарастанием недовольства политикой ограбления – в том числе отъемом средств даже в неприкрытой форме. Наиболее ощутимо разорительную сторону «военного процветания» почувствуют на себе участники военных займов, владельцы ценных бумаг и вкладчики сберегательных касс: их депозиты со временем «сами собой» аннулируются[1368].

Все это говорило об одном: чем активнее рос милитаристский рынок, чем больше стране требовалось средств на войну, тем меньше ресурсов оставалось на жизнеобеспечение общества. Во всей капиталистической системе произошло социально-культурное преобразование стран, связанное с последствиями полярной дифференциации общества, достигшей невиданных размеров. Экстремальность ситуации усугублялась не только из-за военных событий, но еще и в результате беспрепятственного «ограбления крупным капиталом промышленным и аграрным всех прочих слоев общества»[1369]. «Паразитизм верхов, истощение низов»[1370] были настолько впечатляющими, что Богданов назвал образовавшийся в буржуазно-милитаристских государствах строй «организацией массового паразитизма и истребления»[1371]. В этой системе протестные настроения приравнивались к измене и жестоко пресекались, потому что общегосударственный порядок даже в демократических странах получил форму правительственной диктатуры, которая на де-

---

[1366] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 436.
[1367] Там же. С. 438.
[1368] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 439.
[1369] Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 318.
[1370] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 89.
[1371] Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 342.

ле была «олигархией социальных верхов»[1372].

При этом чем дальше, тем явственнее вырисовывалась перспектива не только поражения от внешнего врага, но и гибели наций из-за безответственности крупного капитала. Поэтому *во всей капиталистической системе* за довольно короткий срок актуализировалась потребность *в государственном организованном регулировании* в виде целого ряда «специальных приспособлений, настолько обширных, сложных и своеобразных, что в сумме своей они могут рассматриваться, как особого рода экономические формации», что явилось «фактом беспримерным в истории»[1373]. Регулировать приходилось сразу «два параллельных процесса, порождаемые войной»: во-первых, «государство, как *общая* организация капиталистических классов, принуждено было, в их общих интересах, обуздывать аппетиты групп, оказавшихся в наиболее выгодном положении, что и выполняло, по мере возможности, при помощи муниципальных, политических, профессиональных и всяких иных наличных организаций»[1374]; во-вторых, для остальных в целях их выживания, – как ни противоположна капитализму «коммунистическая тенденция»[1375], – государство вынуждено было ввести нормировку потребления, карточную систему, уравнительную зарплату, социальные выплаты (пайковые по существу), так как «сумма производимых трудовых стоимостей меньше суммы потребляемых»[1376], поэтому нормировалось только то, что было в наличии, – а в наличии было «падающее производство»[1377]. Государству не оставалось ничего иного, как нормировать «по справедливости» и цены товаров, и объемы производства, и массовое потребление, и т. д., «т. е. более или менее проводить в жизнь принцип коммунизма»[1378].

Однако сама система такого особого управленческого регулирования, названная А.А. Богдановым еще в 1914 г. «военным коммунизмом»[1379], *по существу дела* не имела ничего общего с коммунистической идеологией. Не состоятельны суждения о том, что голод, репрессии и тотальный бюрократический контроль являлись прерогативой исключительно стран с национализированной по рецепту Маркса экономикой. Ученый до-

---

[1372] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 88.

[1373] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 439.

[1374] Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 318.

[1375] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 439.

[1376] Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 87 – 88.

[1377] Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 319.

[1378] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 440.

[1379] См.: Богданов А.А. Общественное сознание в Мировой войне // Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоиздательство

казывал, что военный коммунизм *внеидеологичен*: по мере расширения боевых действий на фронтах, например, Первой Мировой войны обнаружилось, что внутри всех воюющих государств продуктовый и товарный дефицит, анархия цен, разгул преступности на почве голода, шпионаж, антиправительственные настроения стали главными проблемами общественной жизни. Первыми на путь введения военно-коммунистических порядков встали страны, самые сильные «и капиталистически, и милитаристически», – сначала Германия, а за ней и остальные участники мировой бойни[1380]. Позже всех продразверстка и трудовая повинность вошли в жизнь царской России – в 1915 г., и то не в качестве общегосударственной меры[1381].

В пользу этих выводов Богданова недвусмысленно свидетельствуют многочисленные факты истории Первой мировой войны, которые, в отличие от крупномасштабных и чудовищных по жестокости сражений, оказались за пределами внимания последующих поколений, да и современниками, как правило, оценивались достаточно скромно – как некие «трагические случайности», якобы неизбежные в ходе глобальной по размаху войны. Кстати, свидетелем одной из подобных «случайностей» волею судьбы оказался и сам А.А. Богданов, мобилизованный осенью 1914 г. на австрийский фронт в качестве военного врача и имевший возможность видеть, в какую трагедию превращалась жизнь гражданского населения в непосредственной близости от фронта, причем не столько из-за боевых действий, сколько из-за отсутствия хотя бы самой элементарной организации жизнеобеспечения. По-настоящему страшное впечатление произвела ситуация в австрийской крепости Перемышль, сдавшейся русским войскам в марте 1915 г.: укрепленный по последнему слову фортификации город стал большой братской могилой и для оборонявших его солдат, и для мирных граждан – оказалось, что задолго до капитуляции «население и войска в нем голодали, в госпиталях больных оставляли без помощи», хотя «после занятия крепости <...> нашли большие запасы муки, картофеля и мяса»[1382]. Причина этой катастрофы заключалась в том, что австрийский комендант без специального приказа даже не пытался организовать продовольственное снабжение населения – а получить этот приказ после того, как русская армия взяла Перемышль в кольцо, было невозможно чисто технически.

писателей в Москве, 1914. С.201 – 223.

[1380] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 440, 441.

[1381] Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. – Берлин, 1926. – Т. 17 – С. 108–109 ; Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 33, 66, 130.

[1382] Родзянко М.В. Крушение империи. С. 90.

Подобных примеров было немало и на западном фронте, и в результате уже в 1915 г. для властей всех воюющих стран стало очевидным, что для смягчения последствий экстремальных ситуаций, возникающих в ходе войны, объективно необходима особая форма общественного жизнеобеспечения, направленная уже сугубо на сбережение собственного населения, а не на что-либо иное. Однако по мере расширения боевых действий на фронтах Первой Мировой войны обнаружилось, что и в глубоком тылу сражающихся армий продуктовый и товарный дефицит, анархия цен и разгул преступности на почве полуголода становятся главными проблемами общественной жизни, а традиционные для финансового капитализма регулирующие механизмы (ориентированные сугубо на извлечение максимальной прибыли) взамен организации жизнеобеспечения вели лишь к его дезорганизации. Чтобы сохранить управляемость общества, не допустить восстаний в тылу и развала фронта, правительства воюющих стран волей-неволей должны были импровизировать, пересматривая характер своих управленческих функций в сторону жесткой целесообразности.

По мысли А.А. Богданова, весь характер подобных импровизаций определялся самой главной организационной задачей – решением проблемы жизнеобеспечения как можно большего количества населения при прогрессирующем сокращении ресурсов этого самого жизнеобеспечения. Таким образом, при любой политической системе и любой идеологии все правительственные меры, по большом счету, сводились к тому, чтобы ввести «вынужденный <...> коммунизм осажденного города, <...> коммунизм отрезанной от мирового оборота страны <...>, коммунизм *потребления*»[1383], поскольку традиционная для капитализма «система частного присвоения продуктов, с ее специфической неравномерностью»[1384], объективно не способна защитить «национальное целое» от катастрофического вымирания. Естественно, что наиболее доступным образцом эффективной организации такого специфического «коммунизма» для государственной власти может послужить только армия, представляющая собой даже в мирное время «обширную *потребительскую коммуну* строения строго *авторитарного*»[1385], где каждый посчитан и определен к делу, где каждому «по форме» положено и место в казарме, и паек, и обмундирование, и снаряжение.

[1383] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 96.

[1384] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 86.

[1385] Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 335.

Проведя первичную систематизацию известных на тот момент фактов, А.А. Богданов определил ключевые элементы в последовательности действий государственных властей воюющих стран. Прежде всего, власть неизбежно должна была пойти на *свертывание* тех *демократических институтов*, которые за XIX век успели прочно ассоциироваться с капитализмом. Взамен традиционных прав и свобод государство предлагало гражданам сугубо авторитарно-командную форму управления, при которой приказы подлежали исключительно исполнению, а не обсуждению (последнее неизменно классифицировалось как проявление неуправляемости, «саботаж» и «деятельность в интересах врага» – с соответствующими последствиями для «виновников»).

Экономической предпосылкой этих действий государства стали *реквизиции у населения всех необходимых для выживания продуктов*, последующее распределение которых организовывалось «с возможной планомерностью. Затем <...> коммунизм потребления влечет за собой регулирование сбыта, а затем, по неразрывной связи хозяйства, и регулирование производства»[1386]. Направленность производства, его объем, распределение сырья, орудий труда и рабочей силы – все оказалось под тотальным контролем «сверху», с которым вынуждены были одинаково мириться и население, и прежние элиты, связанные с рыночной экономикой и демократической политикой, ибо установление такого контроля объяснялось логикой ***выживания нации в предельно неблагоприятных условиях***. Именно эту систему общественных отношений А.А.Богданов и определял в своих работах как «осадный», «военный», «вынужденный», «катастрофический», «армейский» коммунизм – коммунизм «бедствия» и «крайности», поскольку в основе этого коммунизма лежало «глубочайшее хозяйственное крушение не только побежденных, но и победителей»[1387], формировавшее экономическую систему, полностью противоположную традиционной капиталистической. Богданов особо акцентировал внимание на том, что при «военном коммунизме» организация хозяйственной деятельности в буквальном смысле слов перевернута «с ног на голову» – она «идет из *области потребления*, переходя через область сбыта в сферу производства. Это порядок совершенно противоположный нормальному – там развитием *производства* определяются изменения форм распределения и потребления»[1388].

[1386] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 96.

[1387] Там же. С. 95.

[1388] Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 337.

Конкретные формы такого «перевернутого порядка» (который, по Богданову, являлся необходимым средством замедления и смягчения упадка производственной сферы вследствие дезорганизующих воздействий войны[1389]) складывались в разных странах поразному, в зависимости от того, насколько сильно война расстраивала национальное хозяйство. Раньше других в состоянии, «подобном положению осажденного города»[1390], оказалась Германия, которая была изолирована от мирового рынка буквально с началом боевых действий. Она первой из воюющих стран обратилась к военно-коммунистическому регулированию своей экономической жизни и удерживала таким образом падение объемов валового национального продукта на уровне 28 % к показателям предвоенного 1913 г[1391]. Европейские государства не замедлили последовать за Германией, т.к. «ход вещей» и их ставил в безвыходное положение: огромные расходы на боеприпасы и подводную войну, «расстройство транспорта военной его эксплуатацией, сокращение нормального производства его военным извращением и разрушениями, особенно убылью рабочей силы и т.под.»[1392]. Все это неумолимо двигало руководство воюющих стран к единственно возможному решению: к тщательному учету ресурсов и нормированию потребления, т.е. к готовности «более или менее проводить в жизнь принцип коммунизма»[1393] – *правда, коммунизма не производительного, а сугубо потребительного*. В результате в Европе появились продуктовые и товарные карточки, возникшая поначалу жесточайшая дороговизна была усмирена нормированием цен и сбыта (а также репрессивными полицейскими мерами по искоренению «черного рынка» товаров первой необходимости), и огромная масса населения была переведена на пособия по образцу армейских пайков (помимо государственных служащих и работников военных производств, это были семьи мобилизованных на фронт, а также семьи погибших военнослужащих). Естественно, что нормы потребления были выровнены, урезаны до минимума и в существенной степени определялись наличием запасов – как правило, еще довоенных.

Соответствующие изменения претерпела и сфера государственного управления. Чиновники разросшегося бюрократического аппарата были заняты не столько организацией

[1389] См.: Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 338.

[1390] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 85.

[1391] См.: Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. М., 1991. №10. С. 2.

[1392] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 85.

[1393] Там же.

общественного хозяйства с целью расширения или хотя бы поддержания производства (этим в воюющих странах продолжали заниматься крупные капиталистические предприятия), сколько раздачей карточек и изготовлением отчетной документации о собственной деятельности по смягчению последствий тотального кризиса. Штаты подобных контрольно-распределительных организаций безудержно разбухали: например, в относительно благополучной Англии, обладавшей минимальным среди воюющих стран показателем падения производства (оно снизилось на 32 % к уровню 1913 г.), в конце Первой Мировой войны в одном только министерстве вооружений насчитывалось 65 тыс. чиновников, под началом которых находилось 3 млн рабочих, т.е. 1 распорядитель на 46 исполнителей-производственников. Все служащие высокого ранга военного министерства, по утверждению английского исследователя S.J. Hurvitz, занимали несколько сот комнат роскошного лондонского отеля, а вся их работа заключалась в том, что они строчили многочисленные рекомендации подчиненным и патриотические памфлеты для прессы. Более ни на что другое, как выяснилось с окончанием боевых действий, они не годились: лишь немногие из них в послевоенном мире пригодились для поиска рынков сбыта, тогда как большинство никогда и никем не рассматривалось в качестве ответственных и компетентных руководителей[1394]. Что касается содержания работы государственных служащих в воюющих странах, то лучше всего ее суть характеризовали германские чиновники, с горечью констатировавшие: «Wir haben nur Mangel organiziert»[1395].

Основным инструментом поддержания хотя бы минимального уровня производства в воюющих странах стало принудительное объединение предприятий в отраслевые тресты. В той же Англии солидный журнал «Economist», анализируя состояние хозяйства, признавал: «Слияние банков и союзы в индустрии – вот лозунг дня»[1396]. В рамках этой отчетливой тенденции «немало старинных железоделательных фирм и судостроительных верфей оказались под влиянием больших акционерных обществ и концернов. Гигантские сталеплавильные компании установили непосредственный контроль над добычей угля в стране. Даже в Южном Уэльсе, где существовало множество независимых друг от друга шахт, произошли разительные перемены. Так, в 1916 году трест лорда Рондда стал контролировать до 40 % всей добычи угля Уэльса <...>. “Война принесла неисчислимые бо-

[1394] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. С. 209.

[1395] «Мы организовали только недостаток, нужду» (нем.) Цит.по: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 96.

[1396] Economist. 23.II.1918, p. 335. Цит.по: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 195.

гатства шахтовладельцам", – писал в ноябре 1916 года валлийский журнал "Уэлш аутлук"; фантастические суммы наживали акционеры пароходных компаний, взвинтившие фрахты в 10 – 20 раз, прибыли "Англо-Персидской нефтяной компании" с 1914 по 1919 год подскочили с 26,7 до 2010,8 тысяч фунтов стерлингов. Норма прибыли на предприятиях, принадлежавших 932 крупнейшим компаниям, намного превышала довоенную. За 1916 год, по данным самих компаний, их чистые барыши возросли на 28,6 %»[1397]. Завершилось это созданием в декабре 1916 г. мощной Федерации британской промышленности, объединившей наиболее мощные фирмы и корпорации страны[1398]. Советский историк К.Б. Виноградов в биографическом исследовании «Дэвид Ллойд Джордж» констатировал, что при таких результатах требовалось лишь «закрепить с помощью государства успехи крупного капитала в подавлении конкурентов внутри страны, обеспечить получение сверхприбылей, добиться послушания трудящихся Англии и ее колоний»[1399].

И вот – за гарантированную хотя бы по минимуму возможность выжить в условиях «хорошо организованного голода» власть заставляла гражданское население расплачиваться ущемлением прав и свобод, а соответственно, и усилением эксплуатации. По-другому быть не могло: будучи плотью от плоти финансового капитализма, «военно-коммунистическое» государство естественным образом воспроизводило в своей хозяйственной политике все его организационные дефекты, неизбежно обостряя и усиливая их. Эта особенность, с точки зрения А.А.Богданова, заключается в том, что государство постарается гарантировать «не только сохранение прибыли капиталистов, владельцев предприятий и акций, но и довольно высокие нормы этой прибыли»[1400]. Неизбежной платой за сохранение этих фундаментальных принципов капитализма, по мысли ученого, способно стать только «будущее переложение всех потерь на трудовые классы», в первую очередь именно через повышенную эксплуатацию работников[1401]. В той же Англии правительство, поставив почти половину предприятий страны под контроль государства, не только законодательно разрешило потогонную систему, но и одобрило драконовские меры наказания за малейшие нарушения трудовой дисциплины, а за стачки и организованные выступления предавало суду, который не слишком колебался в

[1397] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 195–196.
[1398] Там же. С. 198.
[1399] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 196.
[1400] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 84.
[1401] Там же. С. 87–88.

вынесении смертных приговоров[1402]. На промышленных предприятиях Британской империи был законодательно установлен 14-часовой рабочий день при сохранении прежнего уровня оплаты труда. «Бешеной эксплуатации» подвергались 600 тысяч детей, вынужденных, вместо отцов, призванных на фронт, встать к станкам[1403]. Министр вооружения Ллойд Джордж, будущий премьер, «творил чудеса логической эквилибристики, доказывая рабочим, что они только выиграют от введения железной дисциплины»[1404].

Верховным властям практически всех воюющих европейских стран удалось почти беспрепятственно принять законы о всеобщей трудовой и воинской повинности. В Англии члены правительства убеждали друг друга, что «само государство должно решить, кого из вызванных отправить на фронт и кого на заводы, где изготавливаются военные снаряды»[1405]. При этом министры ссылались и на опыт противников («Германские рабочие под руководством своих профсоюзов с воодушевлением работают на войну – неужели британские трудящиеся уступят им?»), и на постановления парламентов у союзников (например, французы составили закон о всеобщей воинской повинности таким образом, что рабочих можно было посылать без их согласия как на фронт, так и «на тот или другой завод, смотря по тому, где министр сочтет их наиболее нужными и полезными»)[1406].

В соответствии с аналитическими выкладками А.А.Богданова, в условиях «осадного коммунизма в государственном масштабе» пролетариат, «приняв военную идеологию, сделал войну не просто вынужденным для себя, но – своим делом»[1407]. Объяснение этому обстоятельству Богданов видел не только в том, что пролетариат – ради выживания семей – не мог не стать «орудием буржуазной системы». Дело было еще и в смене политической составляющей процесса управления: даже в Англии, стране с устойчивыми либеральными традициями, вскоре после провозглашения идеи создания общенационального «надклассового» правительства, внутренний курс руководства страны приобрел столь отчетливый «имперский крен», что Б. Рассел, Дж.Б. Шоу и другие известные люди Великобритании публично констатировали с горечью: Англия превращается в военно-полицейское государство, – а правительство возражало: в поисках «тирании» оно рекомендовало британским интеллектуалам обратить взоры на кайзеровскую Германию, где к 1915 г. сложи-

---

[1402] См.: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 212, 217.
[1403] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 211.
[1404] Там же. С. 212.
[1405] Цит. по: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 212.
[1406] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 212.
[1407] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 98.

лась жесткая военная диктатура[1408].

Однако критика английской государственной бюрократии за произвол была более чем обоснованной: на завершающей стадии войны «...нормы элементарной демократии попирались ежечасно, недовольство подавлялось с помощью чрезвычайных законов»[1409]. Кабинет Ллойд-Джорджа потребовал от парламента и добился права принудительно высылать «бунтовщиков» на фронт и тыловые «черные» работы. «Промышленная мобилизация» коснулась еще не всех, но призывников-«уклонистов» разыскивали путем «прочесывания» территорий[1410]. Чтобы сдерживать рост цен, правительство наказывало за спекуляции драконовскими штрафами, издавало «один декрет за другим, предписывая принудительное возделывание более миллиона акров пустующих земель и парков, введение твердых закупочных цен, <...> были введены государственные дотации оптовикам в целях стабилизации цен на хлеб и картофель»[1411]. Как отмечал позднее исследователь А. Марвик в работе «The Deluge», правительство Ллойд-Джорджа всячески поощряло «добропорядочных» граждан, а на строптивцев-«бунтовщиков» «кулак военных властей обрушивался всей своей мощью»[1412]. Тотальный контроль за всеми и всем вступил в полную силу. Военно-бюрократическое государство расширяло свои полномочия, стремясь с помощью «реквизиций и других мероприятий использовать весь наличный тоннаж торгового и пассажирского флота для нужд войны»[1413]; регулировать распределение сырья и топлива, навести свой порядок в системе законов и контрактов. Все данные о вмешательстве государства в процессы «упорядочения» скрывались под предлогом секретности, обязательной для всех в военное время. В официальном докладе «Report on War cabinet for 1917» отмечалось, что правительственный контроль распространялся не только на предприятия, «прямо связанные с военными усилиями, но и на каждую отрасль индустрии»[1414].

Причины такой жесткой внутренней политики, однако, заключались не в каком-то особенном властолюбии чиновников военного времени и уж тем более не в необходимости противодействовать шпионам и иным пособникам врага. Дело было в ином: сохранение либеральных традиций мирного времени (ключевым элементом которых был прин-

---

[1408] См.: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 211–217.
[1409] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 235.
[1410] Там же. С. 236.
[1411] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 237.
[1412] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 239.
[1413] Там же. С. 238.

цип незыблемой частной собственности, служившей исходным пунктом всех форм социального неравенства) в сочетании с уравнительным «военно-коммунистическим» распределением жизненных благ (т.е. частичной передачей наиболее значимых видов имущества от обеспеченных к необеспеченным слоям общества) открывало путь к «самоубийству» воюющего государства. Неважно, чью сторону взялась бы отстаивать правящая бюрократия – в любом случае острейшая социальная рознь между богатыми и бедными грозила перейти в форму открытого противостояния, т.е. в дезорганизацию тыла, закономерным итогом которой мог стать лишь развал фронта и поражение в войне. Единственным выходом из этой ситуации становилась организация управления «на методах авторитарно-принудительных»[1415], неизбежно приводивших к формированию мощного контрольно-распределительного бюрократического аппарата, стремившегося придать упадку экономики форму организованной упорядоченности. Богданов отмечал: «...Эта централизованная планомерность фирм “Германия”, “Англия” есть плод осадного положения», – и признавал, что она «нужна и полезна при упрощающемся милитаризованном производстве»[1416], которое продолжал контролировать частный капитал. И хотя он не смел противостоять государственной бюрократии так, как позволял себе до войны, тем не менее, по признанию Ллойд-Джорджа, война представляла собой «настоящий урожай для фирм, поставляющих вооружения», а «среди страстных искателей военных заказов много было лиц, некомпетентных или думавших лишь о своей наживе»[1417]. Однако и они действовали под контролем государства, осознавали свою зависимость от бюрократии и обслуживали ее интересы с не меньшим рвением, чем свои собственные.

Та же картина сверхцентрализации государственной власти в условиях неуклонно падающего производства наблюдалась и в других европейских странах. В Германии, например, «за годы свирепой войны промышленное производство <...> опустилось до 57 % предвоенного уровня; 95 % этого производства было так или иначе связано с военным – за счет, разумеется, производства товаров массового потребления. Добыча угля пала до 61 % предвоенных показателей, сталь – до 40%, цемент – до 30 % <...>. В армию были мобилизованы 6 млн человек»[1418]. В самой стране ослабленные люди страдали от любой

[1414] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 238.

[1415] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 106.

[1416] Богданов А.А. Письмо В.А. Базарову. 15 янв. 1917 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 181.

[1417] Цит. по: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 203.

[1418] Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. С. 235 – 236.

инфекции – донимали простуды, не редкостью был брюшной тиф, волнами накрывал всю Германию грипп. Только от гриппа «за очень короткий срок» умерло примерно 200 тыс. человек[1419]. Широко распространились панические настроения: для немцев это представлялось немыслимым делом. И тем не менее у всех на устах было лишь одно: «Только бы окончился этот ад недоедания, холода и гриппа»[1420]. Даже обеспеченные слои общества вынуждены были, как и все население Германии, подстраиваться под общую продовольственную норму, «потребляя тысячу калорий в день. Принцесса Блюхер записывала в дневнике: “Округлые формы представителей германской нации остались в прошлом. Мы все нынче худощавые”»[1421]. По другую сторону линии Западного фронта – во Франции – усталость населения тоже стала причиной пацифистских настроений. Общее настроение жителей воюющих стран яснее ясного выразил министр иностранных дел Великобритании лорд Бальфур, заявив 10 января 1917 г. в Эдинбурге, что тяготы войны страшнее заключения мира с Германией[1422]. И в этой обстановке общей усталости государственные чиновники всех воюющих стран, не сговариваясь между собой, использовали одни и те же методы управления, которые неизвестный этим чиновникам А.А. Богданов подробно проанализировал и охарактеризовал в своих работах 1914–1918 гг.

При изложении концепции Богданова необходимо внести одно сугубо терминологическое уточнение. В аналитических статьях о «военном коммунизме» и государственном капитализме Александр Александрович *обозначал термином* ***«коммунистическое нормирование»*** *чисто экономическую меру*, требующую авторитарного стиля руководства в структурах, ответственно надзирающих за процессом распределения убывающих средств. Этот стиль из-за простоты и эффективности легко получил широкое применение в практике воюющих государств. Формы идеологии при этом определялись не столько культурно-историческими факторами, сочетание которых уникально для каждой страны, сколько тем, какой группе принадлежала власть. Население, поставленное угрозой вымирания на колени перед управленцами, оказывалось заложником господствующей идеологии, а она не обязательно была коммунистической. Именно этим обстоятельством объясняется многообразие новой формации. Зато ее обобщающей особенностью следует назвать то, что главной фигурой при военном коммунизме, «деловым организатором капи-

[1419] Уткин А.И. Унижение России. С. 214.
[1420] Там же.
[1421] Уткин А.И. Унижение России. С. 20.
[1422] Там же. С. 59.

талистической жизни» неизменно являлась интеллигенция – ученая, техническая и чиновничья, которая из группы «an sich» («сама по себе») постепенно превращалась в группу «für sich» («сама для себя»)[1423]. По мнению Богданова, продолжительность существования этой новой формации в значительной степени будет зависеть от того, как долго большинство из группы «für sich» станет сохранять готовность «к обращению в верных союзников капитала и даже – верных его слуг»[1424]. Вероятность «второго издания» военного коммунизма допустима при условии единения группы «für sich» с финансовыми олигархами на фоне нового витка милитаризма и накопления «военного материала», толкающих капитал на новые интервенции в «слабые» страны[1425].

Конкретные формы политических систем «военного коммунизма» мирного времени, по Богданову, определялись всецело тем, помощью каких социальных групп заручится в своем правлении «нормативная интеллигенция», т.е. бюрократия. С учетом всех возможных вариантов развития событий ученый выделил пять типов «военно-коммунистических» политических систем:

1) страны, где перманентные социальные катаклизмы ведут к периодически возникающим кровопролитным столкновениям, иногда переходящим в гражданские войны (Богданов назвал такие страны «монстрами»);

2) страны-марионетки, попавшие в зависимость от экономически развитых государств;

3) милитаристские, националистические и фашистские государства, эволюционирующие в сторону тоталитарной диктатуры;

4) страны с олигархическим режимом, который базируется на союзе крупных собственников и «верхушки» государственной бюрократии;

5) страны, где власть полагается на «средний класс» нового типа, который рождается в результате паритетного взаимодействия научно-технической интеллигенции и хозяйственно-организаторской бюрократии («технистов» и «нормистов», в терминологии Богданова).

Государства первого типа возникают в тех случаях, когда в условиях падающего производства создаются невыносимые условия выживания для подавляющего большинства граждан и в обществе созревает идея свержения крайне непопулярного руководства стра-

---

[1423] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102–104.

[1424] Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 339.

[1425] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 446–447.

ны. Обычно подобные радикальные настроения навязываются обществу не столько пропагандой оппозиции, сколько всем историческим «ходом вещей», и поэтому поддерживаются тем огромным большинством возмущенного населения, которое более всего ощущает себя жертвой произвола безнравственной власти. Представления о справедливом переустройстве общественной жизни обязательно будут связываться в сознании масс с немедленным отрешением от власти тех, кто потерял доверие народа. Эти представления лягут также в основу формирования настроений насильственного передела собственности на уравнительных началах, чтобы в стране явочным порядком восторжествовал «социализм дележа»[1426]. Эти идеи демагогически поддержат политические силы, рвущиеся на смену оскандалившейся власти. Взбудораженная толпа, зачарованная абстрактно-лозунговой риторикой неожиданных попутчиков стихийного марша против правительственных «верхов», охотно поддержит новоявленных помощников, мало задумываясь над тем, почему «попутчики» четко и конкретно, а главное заблаговременно знали, чего хотят, и использовали бунтующую толпу в своих целях, как ударную силу, в то время как восставшие массы никогда не знали заранее, что их ждет в случае реализации лозунговых требований. В связи с этим не стоит удивляться, что широкие народные массы, которые действительно составляют главную ударную силу «“национализаторской” революции», ничего не сумеют изменить в своей жизни даже тогда, когда собственными руками «посадят нового властителя на трон»[1427]: митинговые клятвы и заверения так и останутся на совести новоиспеченного любимца масс и реализации не получат. Недовольство населения опять начнет копиться, чем воспользуются новые политические силы, которые, обретя поддержку масс, начнут очередной поход против лживой власти. Судьба такой страны трагична, ибо с каждым новым гражданским столкновением отчаяние народа будет объективно возрастать, и социальная система неизбежно «пойдет вразнос» – вплоть до полного разрушения. Следует обратить внимание на то, что Богданов проанализировал такой сценарий развития политических событий еще сто лет назад.

Согласно его выводам, не лучше могла сложиться судьба населения и в тех государствах, где власть сделает ставку на экономическую поддержку других – более развитых – стран. Радужные надежды на полноценное восстановление собственной экономики беспочвенны: развитым капиталистическим странам нужен не конкурент, а зависимый компаньон-марионетка, к которому они будут относиться «колонизаторски», развивая в разоренной

[1426] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 105.

стране лишь низшую, частно-промышленную и финансовую форму капитализма[1428], не давая «спасаемой» экономике шанса подняться: поскольку финансовый капитализм, заменяя широкую конкуренцию борьбой немногих монополистов, непременно углубит противоречия тем, что «врежется» «в самую базу общества», то организация жизни социума на такой основе окажется «принципиально недостаточной из-за бессилия перед социальной стихийностью»[1429]. Власть в конце концов вынуждена будет взять под жесткий контроль весь ход жизни в стране, «*предустанавливая* его так, чтобы в нем имелась основная согласованность и для разрушительных противоречий не было почвы, – причем регулирование остается как дополнительная и подсобная функция»[1430]. В противном случае власть государства, долго подчиняющаяся чужим интересам, вряд ли будет способна понимать потребности собственного народа и иметь независимую позицию на международной арене.

При опоре власти на армию возникает опасность иного рода из-за того, что управленческая структура такой страны приобретает вид колоссально разросшегося «чиновничьего аппарата со включенным в него милитаристическим»[1431]. Вся эта система не может не держаться на методах авторитарно-принудительных в силу того, что «бюрократизм и милитаризм – школы авторитарной дисциплины»[1432]: тяготение к «твердой власти», к разным формам диктатуры получат в этом случае преимущественное значение. Если для общества нормативно-коммунистическое регулирование потребления явится чисто экономическим условием коллективного выживания, то «организационной спайкой» «милитаризованных трудовых элементов» власть могла избрать лишь идеологию антидемократизма, национализма и даже фашизма в качестве наиболее доступных форм осознания общности жизненных интересов всего населения. Идеологическое воздействие на сознание людей «под знаком военщины» исказит природу масс под влиянием солдатского идеала. Армия не знает дела производительного, имеет «специфическую культуру», которая веками формировалась в экстремальных военных условиях с риском для жизни, корректировалась правилами соответствия структурной армейской иерархии, предопределяющей абсолютное подчинение одних другим. Неизбежное в военном деле подавление личной воли психологически компенсировалось в казарменной повседневной жизни отказом от нравственно-этических

[1427] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 133.
[1428] См.: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 106.
[1429] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 130.
[1430] Там же.
[1431] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 131.
[1432] Там же. С. 132.

ограничений при взаимодействии с равными и – в особенности – с нижестоящими: агрессивно-расторможенный стиль поведения в отсутствии других форм межличностного взаимодействия являлся хотя и безобразным, но необходимым элементом психологической разгрузки. Армия «понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда»[1433]. Немного времени потребуется как на разделение населения по ранжиру усредненной общественной значимости людей, так и на то, чтобы в новых условиях «политический стиль пропитался казарменной трехэтажностью»[1434] . «Товарищеское уважение» к сознательному гражданскому выбору исчезнет в атмосфере «революционно-правового» беззакония «человека с ружьем», который тяготеет к социализму дележа, а «постоянная практика военных реквизиций, конфискаций, пользования неприятельским имуществом и пр. еще более воспитывает в этом направлении»[1435]. Поскольку главное занятие солдата – это борьба с врагом, разведка и уничтожение шпионов, то все это будет довольно быстро запущено «в работу». Все, что не укладывается в упрощенную картину солдатского мира, либо уничтожается, либо объявляется незначительным. Власть, делающая «из солдатской массы своего рода “класс момента”», должна помнить, что продолжение этой линии – путь к моральной деградации всей социальной системы. К тому же долго «сидеть на штыках нельзя»[1436]. Военная диктатура имеет все основания потерпеть крах.

Не вытащит страну из пропасти разрухи ставка и на сам по себе бюрократический аппарат, потому что «чиновники государства, а частью и муниципалитетов по своему классовому положению и настроению будут весьма склонны к обращению в верных слуг» крупных собственников. Они будут оказывать всяческую поддержку хищническому капиталу в его стремлении к освобождению от государственной опеки, потому что будут тяготеть к богачам-олигархам из-за убежденности в том, что крупный капитал выполняет роль главного финансового источника для государства. При этом станет игнорироваться то обстоятельство, что этот капитал на самом деле включает возложенные на него налоги в стоимость товаров и услуг населению, чем порождает косвенные налоги, удорожающие жизнь в стране и маскирующие истинное распределение финансового бремени, которое ложится на плечи трудовых слоев общества, все более разоряя их. Если государство про-

---

[1433] Богданов А.А. Письмо А.В. Луначарскому. 19 нояб. 1917 г. // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 353.

[1434] Там же.

[1435] Богданов А.А. Письмо А.В. Луначарскому. 19 нояб. 1917 г. // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 354.

[1436] Богданов А.А. Письмо А.В. Луначарскому. 19 нояб. 1917 г. // Богданов А.А. Вопросы социа-

должит опираться на хищнический олигархический капитал, то это будет равнозначно сдаче на милость победителя: собственники охотно войдут во власть и законодательно снимут все ограничительные рамки для бесконтрольного увеличения доходов. Однако в этом случае выход из военно-коммунистического состояния невозможен, ибо получится то, что Богданов называл «устойчивой системной дифференциацией», при которой произойдет «возрастающее расхождение частей системы», вплоть до полной остановки общественного развития. Современные социологи подтверждают, что при разнице в доходах свыше восьмикратного возникает опасность социальной деградации общества, а если эти пропорции различаются в 10 – 25 раз, то наступает еще и физиологическая деградация основной массы населения[1437]. С учетом этого вывод довольно категоричен: продолжение союза власти и олигархов – это путь государства в небытие.

Отмеченные А.А. Богдановым тенденции развития «военно-коммунистической» системы в мирное время в полной мере проявились уже после смерти ученого, который недвусмысленно предостерегал современников: нейтрализация последствий войны в экономике и общественной жизни может парадоксальным образом способствовать усилению военно-бюрократической диктатуры вместо ее свертывания, причем именно тогда, когда государственное хозяйство начнет возвращаться к нормальному функционированию[1438]. Именно в этой фазе «экономической демобилизации», по Богданову, «количество продуктов, доставляемых системою производства, временно еще уменьшится, ее упадок еще более обострится; а следовательно, государственный капитализм на самом деле должен еще усилиться»[1439].

В таком усилении внерыночных механизмов экономического регулирования будут заинтересованы, в первую очередь, те властвующие группы, которые укрепили свое положение в период войны: государственная бюрократия и финансовый капитал. Первая из этих групп за время войны перешла от обслуживания интересов традиционных политических элит (регионально-отраслевых группировок крупных капиталистов) к самостоятельной политической деятельности, обрела силу и власть за счет организации распределения неуклонно сокращающегося объема материальных благ. При этом тяжелые

лизма. С. 354.

[1437] См., напр.: Кравченко А.И. Социология: учебник для вузов. 4-е изд. М.: Академический проспект, 2002. С. 332–333.

[1438] См.: Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 338–339.

[1439] Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы

условия войны обеспечивали бюрократии чрезвычайные полномочия и полную защиту от любой критики. Что касается финансового капитала, то выпускаемое им «бумажное золото»[1440], обладающее лишь виртуально-символической ценностью, благодаря поддержке милитаристского государства получило в период войны мощное «железное» обеспечение *непосредственной вооруженной силой*. Естественно, что прекращение войны и неизбежно следующее за ней свертывание «военно-коммунистических» форм управления обществом объективно вели к уменьшению власти этих групп, вынуждая их вернуться к довоенным методам управления; но подобное развитие противоречит самой природе властных отношений – за всю историю человечества еще ни одна группа, поднявшаяся к вершинам власти, не отказывалась добровольно от своих властных полномочий, даже когда этого требовала социальная и политическая ситуация в стране.

Однако, по мысли Богданова, в сохранении «военного коммунизма» едва ли не больше властвующих групп после окончания военного кризиса окажутся заинтересованными трудовые классы, свободу которых в годы войны весьма жестко ограничили чиновничество и финансовый капитал. Наиболее существенной причиной такой парадоксальной реакции на послевоенное укрепление военно-бюрократической диктатуры ученый считал неизбежный рост безработицы вследствие демобилизации армии и свертывания ряда военных производств. В таких условиях организация жизнеобеспечения населения по образцу армейского пайкового довольствия воспринимается массами как эффективная альтернатива традиционному рынку рабочей силы с его рисками тотальной необеспеченности безработных; соответственно, диктаторский режим, осуществляющий такое уравнительно-нормированное жизнеобеспечение, предстает в общественном сознании уже не угнетателем и притеснителем народной свободы, а напротив, защитником интересов простых людей.

Именно такую эволюцию проделала идеология рядовых граждан большинства послевоенных стран, население которых предпочло абстрактным рассуждениям о «свободе личности» и «частной инициативе» милитаризованную систему управления обществом, гарантировавшую каждому определенный набор жизненных благ в обмен на службу действующей государственной власти. После Первой Мировой войны картина оказалась особенно наглядной: Польшей с момента ее образования в 1918 г. управлял

социализма. С. 338.

[1440] Термин А.А. Богданова. См.: Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 449.

маршал Ю. Пилсудский; Венгрией с 1920 г. руководил *адмирал* М. Хорти; Финляндию с 1918 г. фактически возглавлял пользовавшийся большим авторитетом у местных националистов *маршал* Г. Маннергейм (бывший царский генерал); Испанией с 1923 г. стал управлять *генерал* М. Примо де Ривера, которого по окончании гражданской войны сменил лидер фалангистов *генерал* Ф. Франко; таким же правителем Румынии де-факто с 1940 г. был *генерал* Й. Антонеску, подчинивший себе молодого и безвольного короля Михая; лидер СССР И.В. Сталин тоже имел *маршальское* звание, которое получил как один из руководителей обороны Царицына (наряду с маршалами К.Е. Ворошиловым и С.М. Буденным); президентом Португалии с 1926 по 1951 г. был *генерал* А. Фрагозу Кармона; да и формально штатские премьер-министр Италии Б. Муссолини и рейхсканцлер Германии А. Гитлер щеголяли в военной форме, подчеркивая свое единство с армией... Таким образом, в Европе между двумя мировыми войнами лишь Англия, Франция, Швейцария и Чехословакия могли «похвастаться» сугубо «мирными» лидерами – и то если забыть о военной карьере У. Черчилля, начавшейся еще в XIX веке. Азия в этом смысле ничем не отличалась от Европы: японское правительство возглавлял *генерал* Гиити Танака, китайское – *маршал* Чан Кайши, монгольское – *маршал* Чойбалсан; что же до остальных азиатских территорий того времени, то они в силу своего колониального статуса еще до Первой Мировой войны управлялись непосредственно военными властями Англии, Франции, Японии и Голландии.

Установление подобных милитаристских диктатур без поддержки со стороны статистически значимой части населения, посредством лишь силового переворота и репрессий против собственного народа представляется объективно невозможным: государственная власть, заботящаяся лишь о своих интересах, полностью игнорирующая интересы граждан и управляющая обществом только с помощью насилия и страха, является внутренне неустойчивой и, как правило, обрушивается в течение нескольких месяцев, максимум нескольких лет, но не держится в течение десятилетий. Подтверждением этому служат многочисленные исторические факты. Так, во время Гражданской войны в России самый короткий срок жизни был у тех режимов, которые делали основную ставку на организацию расправ со своими политическими противниками, а не на жизнеобеспечение населения подконтрольных территорий: например, военное поражение самарского Комитета членов Учредительного Собрания (Комуча) во многом было предопределено тем, что «вопреки политическим декларациям, проблемы социального обеспечения не оформились в отдельное на-

правление внутренней политики»[1441] данной властной структуры – более того, ее работа по жизнеобеспечению населения фактически ограничивалась лишь помощью беженцам и подготовкой к эвакуации бюрократических учреждений в условиях неизбежного крушения армии, боеспособность которой катастрофически снижалась из-за хозяйственной дезорганизации тылов[1442]. Для сравнения, пришедший на смену Комучу «верховный правитель» А.В.Колчак, хотя и продолжал ту же политику репрессий в отношении «просоветских элементов», тем не менее уделял гораздо больше внимания хозяйственным и социальным вопросам: под его руководством не только была сформирована полнофункциональная система исполнительной власти (во многом копировавшая строение и функции царских министерств)[1443], но и осуществлялась достаточно последовательная хозяйственная политика с отдельными элементами хозяйственного планирования[1444]. Однако даже планомерная работа по обеспечению сражающихся армий не могла уберечь подконтрольную белогвардейским военно-диктаторским режимам систему жизнеобеспечения от дезорганизации: сохранение механизмов рыночного распределения в условиях продолжающегося спада производства, отказ государственных властей от нормированного распределения жизненных благ в непосредственно натуральной их форме и сопряженная с этой практикой интенсивная денежная эмиссия[1445], – все эти меры, обусловленные не столько логикой исторического момента, сколько антибольшевистской идеологией белогвардейцев, закономерно вели антисоветские силы к комплексной военной, экономической, социальной и политической катастрофе, обусловленной тем, что «государство <…> стремилось установить относительное

[1441] Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск: [Б.и.], 2008. С. 51.

[1442] См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 54.

[1443] См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 52–61.

[1444] Правительство А.В. Колчака параллельно с восстановлением прав собственности частных промышленников назначало на формально негосударственные предприятия казенных управляющих, осуществляло льготное субсидирование прифронтовых частных железных дорог, а также установило непосредственный контроль над имевшими оборонное значение предприятиями Урала и Сибири (См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 115–121). А реквизиции движимого и недвижимого имущества для нужд армии и госбюрократии и вовсе осуществлялись, как отмечает В.М. Рынков, по очень сходному с большевистской практикой алгоритму (См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 124–128).

[1445] В.М. Рынков в вышеупомянутой монографии неоднократно отмечает, что прямое снабжение населения товарами первой необходимости по пайковому типу рассматривалось белогвардейскими режимами исключительно в качестве вспомогательной меры, а основным средством жизнеобеспечения населения являлись периодически индексируемые денежные выплаты (См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 174 – 181, 195, 205 – 206). Естественно, что в условиях перманентной хозяйственной разрухи (т.е. катастрофического сокращения производства товаров и услуг) ни к чему, кроме инфляции, подобная хозяйственная практика привести не могла.

равенство социальных благ на рынке труда. Но в условиях дефицита ресурсов это не позволило обеспечить стабильное материальное положение основной массе занятых. И уж тем более это не позволяло сконцентрировать ресурсы для создания социально-бытового благополучия на стратегически важных направлениях экономики. В этом смысле принцип равных возможностей противоречил военно-мобилизационным задачам государства»[1446]. Эти специфические задачи не без содействия А.А. Богданова превратились в ключевой элемент внутренней политики большевиков, и в итоге точку в гражданской войне поставило правительство Советской России, успешно использовавшее жестко сбалансированную систему «военно-коммунистического» распределения жизненных благ между *действительным большинством населения подконтрольных территорий*.

Эта специфическая особенность советской системы была обусловлена реализацией ***неклассической модели «военного коммунизма»,*** *в которой национальная буржуазия была полностью исключена из «связки» с нормативной интеллигенцией*. Данная ситуация была обусловлена самим ходом Гражданской войны 1918 – 1921 гг., точнее – крайне своеобразным историческим парадоксом: *национальная* российская буржуазия после октябрьского переворота заняла в большинстве своем откровенно *антинациональную* позицию, сделав ставку преимущественно на иностранную военную помощь в деле подавления «восставших хамов», возглавляемых «кучкой заговорщиков». Причина такого странного поворота в мировоззрении крупных капиталистов была проста: силы их сторонников и защитников внутри России были, во-первых, немногочисленными (по свидетельствам самих белогвардейцев, Красная Армия превосходила их в живой силе примерно в пять раз, что якобы позволяло Советам побеждать исключительно силой «ползучего безличного числа», «бессмысленной громады двуногих»[1447]), а во-вторых, разбросанными по окраинам, что радикально затрудняло координацию действий противников Советской власти. Однако призванные на помощь «белому делу» иностранные интервенты вовсе не были заинтересованы в организации жизнеобеспечения населения бывшей Российской империи – правительства стран Антанты проявили интерес исключительно к территориям и ресурсам рухнувшего государства, что было объяснимо не

[1446] Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 190. В этом плане очень показателен следующий факт: воюющие белогвардейские правительства относительно слабо заботились о сплочении тыла – под их контролем земские и городские органы сохраняли относительную организационную и финансовую независимость, что позволяло им позиционировать себя как некую структуру, противостоящую государству от имени общества (См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 65).

только традиционной для западного мира колониальной практикой (при которой захватываемые земли рассматривались исключительно как «пустошь», где еще только предстоит организовать «цивилизованное хозяйство»), но и прежде всего *катастрофическим разрушением русской экономики в ходе Первой Мировой войны* – уже к январю 1917 г. в стране было остановлено ***90,5 % промышленных предприятий*** вследствие того, что они не имели военного значения, и потому б***О***льшую часть квалифицированных рабочих с них призвали в армию, а оставшегося персонала не хватало даже на проведение полноценной консервации производственного оборудования[1448].

В столь беспрецедентной ситуации единственной силой, сумевшей в короткие сроки организовать пусть импровизированную, но достаточно эффективную систему жизнеобеспечения большинства населения России, оказался – если использовать терминологию А.А.Богданова – «рабоче-солдатский коммунистический блок»[1449], неизбежно вовлекающий в свою орбиту огромные неорганизованные крестьянские массы (поскольку солдаты, представляющие собой в военное время своеобразный «класс исторического момента»[1450], в большинстве своем – выходцы именно из крестьянской среды) и определенную часть интеллигенции, для которой крушение империи парадоксальным образом обернулось невероятным прежде «социальным лифтом» – не в последнюю очередь потому, что профессиональные знания этой группы оказались востребованными в деле организации планового «военно-коммунистического» хозяйства.

Опора «нормативной интеллигенции» на «рабоче-солдатский блок» сформировала две крайне интересных тенденции общественной жизни молодой Советской республики:

1) *В экономическом плане* имела место ***самоорганизация производительных сил*** – первоначально на основе хорошо зарекомендовавшего себя еще во время Первой Мировой войны кооперативного движения, объективно более гибкого и менее требовательного к ресурсному обеспечению в сравнении с терпящим разруху крупным промышленным производством[1451]. «Когда большевистское правительство укрепилось, кооперативные общества повели борьбу с все увеличивающимися затруднениями по снабжению, и

[1447] Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен: Явь и быль, 1948. С. 234

[1448] См.: Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. М., 1991. №10. С. 2

[1449] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 89–90.

[1450] Выражение А.А. Богданова. См.: Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 90.

[1451] См.: Богданов А.А. Рабочая кооперация и социализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 358–359.

правительство Ленина, хотя и замечало в среде кооператоров отсутствие симпатии к своей программе, все же не предпринимало никаких шагов против них. Однако во время военного коммунизма вся организация этих обществ была поглощена правительственной машиной, и принадлежащие им здания и их местные организации были использованы для распределения государственных пайков. Но это еще не было концом»[1452], поскольку даже после «свертывания» НЭП в СССР успешно действовало 45 тыс. потребительских кооперативов, объединявших в общей сложности 73 млн. человек, т.е. немногим менее половины населения страны[1453].

2) *В политическом плане* столь явное сотрудничество государственной бюрократии с «военной демократией», объединяющей – если рассматривать дело с точки зрения системы ценностей капитализма – не самые экономически успешные социальные слои, порождало ***интерпретацию советской системы как «монстра», способного функционировать только в состоянии перманентной социально-экономической катастрофы и использующего для контроля над обществом исключительно методы государственного терроризма.*** Конечно, наиболее активно настаивали на такой интерпретации происходящего в Советской России и – впоследствии – в СССР представители «первой волны» русской эмиграции, в большинстве своем фактически занявшие, как было сказано выше, более или менее прозападную позицию[1454]. Однако считать их рассуждения совершенно безосновательными было бы ошибкой: они основывались на фактах, пусть и интерпретируемых достаточно произвольным образом. Так, хотя продразверстку организовали еще царские министры[1455], а продовольственные карточки в России были введены Временным правительством 1 марта 1917 г.[1456], тем не менее именно при советской власти была установлена жесткая взаимосвязь между получением продуктового пайка и трудовой деятельностью, непосредственно обслуживающей интересы

[1452] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2-х т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 308.

[1453] Там же. С. 309–310 (Сидней и Беатриса Веббы используют данные на 1933–1935 гг.).

[1454] Подробнее с этой точкой зрения на деятельность Советской власти можно ознакомиться, например, у публициста-эмигранта «первой волны» С.П.Мельгунова (См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO», P.S., 1990. С.44–87).

[1455] «...За Уралом хлеб гниет, а в европейской части – его недостает. Даже действующую армию сажают на голодный паек. Какой вывод делает правительство? Вместо того, чтобы форсировать завершение строительства начатой еще в 1911 году Южно-Сибирской магистрали (Орск – Семипалатинск), оно вводит осенью 1915 года... продразверстку: посылает в ряд европейских губерний воинские команды для принудительного изъятия хлеба у крестьян под “облигации” – квитанции, обещавшие компенсацию после войны» (Сироткин В.Г. Предисловие к мемуарам М.Палеолога // Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Международные отношения, 1991. С.8)

государства[1457], а впоследствии – и явная трудовая повинность в пользу государства, подкрепленная всей мощью репрессивного аппарата[1458].

Уже этой цепочки фактов оказалось достаточно для того, чтобы, например, К.Каутский в книге «От демократии к государственному рабству» (1921) провозгласил как истину: «Отказ от демократии, разгон Учредительного Собрания, уничтожение всех партий, в том числе и пролетарских, за исключением господствующей коммунистической партии, введение кровавого полицейского режима, – и в заключение, – полная остановка всего процесса производства и обращения и повсеместные голод и нужда, – все эти результаты большевистского режима лишь мало-помалу стали известны в Европе»[1459]. Возникновение этой ситуации старейший марксист Запада объяснял тем, что большевики «организовали государство по образу и подобию своей партии и подчинили всю хозяйственную жизнь государственной власти, т.е. превратили весь аппарат производства и обращения в гигантский механизм, внутреннее трение которого было так велико, что оно поглощало почти всю общественную энергию, так что для действительной производительной деятельности почти что ничего не оставалось <...>. Прямым последствием этой политики было то, что самые крупные хозяйственные аппараты, наиболее подверженные влиянию этих парализующих и тормозящих условий, а именно железные дороги и крупная промышленность, – остановились в первую очередь. И лишь жалкие остатки их влачат еще жалкое существование. Более благоприятно было положение мелкой промышленности, которую не так легко подвергнуть бюрократическому контролю и которая в меньшей степени зависит от транспорта. Мелкий производитель или кустарь работает лишь на местный рынок, его орудия производства несложны и легко перемещаемы. Если транспорт не действует, и нельзя подвезти к мастерской сырье, топливо и продовольствие, то ему легче, чем крупному предприятию, перенести свою мастерскую туда, где имеются и сырье, и лес, и продовольствие. Благодаря этому в настоящий момент в России все больше и больше выдвигается на первый план ремесленное и кустарное производство»[1460], путем отчаянных ухищрений ускользающее от всеобъемлющего контроля жестоких доктринеров-большевиков. «Нет крупной промышленности, нет транспорта, практи-

---

[1456] Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. М.: Собрание, 2006. С. 25.
[1457] Там же. С. 26–33.
[1458] Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. С. 55–65.
[1459] Каутский К. От демократии к государственному рабству. Берлин: Изд-во журнала «Социалистический Вестник», 1922. С. 87.
[1460] Каутский К. От демократии к государственному рабству. С. 90–91.

чески все работоспособное население сосредоточено в деревнях, в городах одни лишь чиновники, паразиты и нищие, – вот та картина, к которой все больше и больше приближается советская Россия»[1461], – завершал свой обзор К. Каутский.

Необходимо отметить, что столь явная демонизация советской системы ее критиками базировалась не столько на анализе имевших место ошибок и организационных дефектов (которых, справедливости ради надо признать, «нормативно-государственная группа» допускала по разным причинам немало), сколько на з*аведомо ложном представлении о безусловной нормальности хозяйственной системы дореволюционной России, которую* ***большевики сознательно дезорганизовали в угоду своим идеологическим принципам***. О том, что объективно ситуация обстояла, мягко говоря, иначе, свидетельствовали реальные документы времен Гражданской войны – в частности, при оценке очередных задач хозяйственного строительства большевики накануне IX съезда партии вынуждены были констатировать: «Главной задачей <...> являлось восстановление транспорта, подвоз и образование запасов хлеба, топлива и сырья. При этом были жизненно необходимы переход от заготовки дров непосредственно к электрификации и переброска части промышленности к источникам сырья и энергии. <...> Необученную рабочую силу нужно использовать для восстановления транспорта и строительства мощных электростанций у источников топлива, что позволит в дальнейшем отказаться от ее применения и уберечь леса от тотальной вырубки. <...> Также использовать дореволюционный опыт введения чрезвычайных мер на транспорте, в том числе и систему наказаний: аресты на срок до трех месяцев, увольнение без суда и следствия, учреждение железнодорожных военных трибуналов»[1462]. Такая постановка задач представляется необъяснимой для страны с нормально функционирующей экономикой, но оказывается вполне логичной для государства, ограбленного оккупационными силами Антанты, переживающего гражданскую войну и сопутствующую этим событиям тотальную дезорганизацию системы жизнеобеспечения (не случайно в качестве приоритетных объектов перевозки указываются топливо и продовольствие, без которых объективно не способен существовать ни один промышленный центр!). Соответственно этому, вполне целесообразным, а вовсе не идеологически заданным выглядит и итоговый вывод разработчиков большевистской экономической программы: «Чем сложнее положение, тем более простым, грубым, прямоли-

[1461] Каутский К. От демократии к государственному рабству. С. 92.
[1462] Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. С. 71–72.

нейным и беспощадным должен быть единый хозяйственный план»[1463].

На непричастность большевиков и Советов к организации «сложного положения», требующего «беспощадных решений», указывают и другие исторические факты: так, *продовольственная разверстка* была введена еще в Российской империи как вынужденная мера по жизнеобеспечению беженцев, принудительно отселяемых из прифронтовой полосы по приказу верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (а это, между прочим, ***лето и осень 1915 г.***); *промышленная разруха* также стала отчетливо проявляться после ряда поражений в Галиции и Привисленском крае ***весной и летом 1916 г.***, т.е. опять-таки тогда, когда большевики объективно не могли влиять на систему государственного управления; наконец, явные признаки *транспортного коллапса* обнаружились ***в конце 1916 – начале 1917 г.***, когда продовольственное снабжение Центрального промышленного района империи было фактически сорвано, и именно эта ситуация побудила царскую администрацию применять крайне жесткие меры дисциплинарной ответственности для железнодорожников за «саботаж» и «вредительство», а Временное правительство – уже после падения монархии спешным порядком вводить продуктовые карточки, наподобие тех, которые уже давно были внедрены в других воюющих странах. Таким образом, ***в деле осуществления «военного коммунизма» большевики ничего не придумывали сами, а лишь продолжили то, что еще до них использовалось для решения проблем с жизнеобеспечением населения,*** поскольку с хозяйственными тяготами столкнулись еще царские управленцы, когда дезорганизация снабжения грозила катастрофой не только населению, но и армии. «Нужно вспомнить хвосты, стоящие в Петрограде в очередях, нужно вспомнить съезды уполномоченных по продовольствию с мест, обсуждавших критическое положение в связи с разрухой транспорта. Можно еще указать на телеграммы командующего Черноморским флотом адмирала Колчака, гласящие, что им отпускается на нужды заводов города Николаева уголь из запасов боевого флота, ибо иначе заводы остановятся, что вызовет несомненно беспорядки, почему требуется немедленная срочная доставка угля для пополнения запасов флота и обеспечения заводов. Однако, за разрушением транспорта этого сделать не представлялось возможным»[1464]. Именно такие проблемы встали перед управленцами царской России, растерявшейся перед лицом участившихся сбоев хозяйственной сис-

[1463] Гусев С.И. Очередные задачи хозяйственного строительства (О тезисах ЦК РКП). Материалы к 9-му съезду РКП. Саратов, 1920. С.8. Цит.по: Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. С. 71.

[1464] Записки белогвардейца-лейтенанта N.N. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 56–57.

темы и вынужденной искать способы поддержания порядка.

Причина, по которой Советская власть добилась успеха там, где потерпели поражение и титулованные царедворцы, и «министры-капиталисты» Временного правительства, была охарактеризована А.А. Богдановым. Прежде всего, считал Александр Александрович, наиболее существенной причиной победы «рабоче-солдатского коммунистического блока» стала «организаторская слабость русской буржуазии, которая не смогла подняться до сколько-нибудь полного государственного регулирования сбыта и производства»[1465], т.е. *союз государственной бюрократии с крупными собственниками в ходе войны фактически уклонился от установления контроля над жизнеобеспечением населения.* В этой ситуации стало закономерным политическое поражение имущих классов: «Коммунистический блок не был, разумеется, культурно их выше, но он по природе своей страны стоял ближе к задаче момента: тем классам не хватало ни желанья, ни уменья; ему же только уменья. И он должен был, вынужден был взять дело на себя, отстранивши и, естественно, более или менее разгромивши в борьбе те классы. В осажденном городе, в осажденной стране одинаково необходим комендант, способный стать на точку общего спасения, которая тогда выражается в коммунизме бедствия, – способный организовать общую нужду *в интересах масс, чтобы они выжили*»[1466] (курсив мой – А.Л.). Отсутствие необходимости делить государственную власть с буржуазией способствовало тому, что все наличные ресурсы государства направлялись именно на решение этой основной задачи, так что *российское государство* ***едва ли не впервые в своей истории*** *стало действовать, непосредственно ориентируясь* ***на жизненные проблемы действительного большинства населения***.

В этой ситуации массовая поддержка Советской власти представляется вполне закономерной реакцией общества на объективное улучшение жизни. Уже в 1920 г. иностранные наблюдатели, наподобие известного писателя-фантаста умеренно-социалистических убеждений Герберта Уэллса, отмечали своеобразие взаимодействия государственных властей и наиболее крупных социальных групп: «...Большевики нашли *единственный способ спасти городское население от тисков спекуляции и голодной смерти* (здесь и далее в цитате курсив мой – А.Л.) и, в отчаянной борьбе за остатки продовольствия и предметов первой необходимости, ввели пайковую систему распределения продуктов и своего рода коллективный контроль. Советское правительство ввело

[1465] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 90.

[1466] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 105–106.

эту систему, исходя из своих принципов, но *любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому*. <...> В России это пришлось делать на основе не поддающегося контролю крестьянского хозяйства и с населением недисциплинированным по природе и не привыкшим себя ограничивать. <...> *У крестьян сытый вид*, и я сомневаюсь, чтобы им жилось много хуже, чем в 1914 году. Вероятно, им живется даже лучше. *У них больше земли, чем раньше, и они избавились от помещиков. Они не примут участия в какой-либо попытке свергнуть советское правительство, так как уверены, что пока оно у власти, теперешнее положение вещей сохранится.* <...> *Но все остальные слои общества, включая и должностных лиц, испытывают сейчас невероятные лишения*»[1467]. Если вспомнить, что «все остальные слои общества» тогда не превышали 10–12 % населения России, и учесть, что новая властвующая группа законодательно установила для себя предельный уровень жизнеобеспечения «на уровне заработной платы рабочего»[1468], то придется признать: ***действия советского государства объективно были направлены не на создание, а на преодоление кризиса***.

В отношении причин этой экономической катастрофы Герберт Уэллс высказался жестко: «Вы, конечно, скажете, что это зрелище беспросветной нужды и упадка жизненных сил – результат власти большевиков. Я думаю, что это не так. <...> Не коммунизм, а европейский империализм втянул эту огромную, расшатанную, обанкротившуюся империю в шестилетнюю изнурительную войну. И не коммунизм терзал эту страдающую и, может быть, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил ее чудовищно жестокой блокадой. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут гораздо большую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист»[1469]. И хотя Уэллс признавал большевиков единственной силой, которая может «предотвратить окончательный крах России»[1470], он (как и большинство западных экспертов того времени) не сомневался, что советскому правительству окажется не по силам осуществление этой задачи без крупномасштабной экономической поддержки извне – слишком далеко зашел процесс разрушения хозяйственной системы, фактически стартовавший еще в 1861 г. Подобную поддержку, по мысли писателя,

---

[1467] Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Сочинения. В 15-ти т. Т. 15. М.: Правда, 1964. С. 319–320.

[1468] Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 50. Кстати, эта беспрецедентная даже для «военно-коммунистических» режимов мера ограничения доходов хозяйственной и властной элиты действовала в СССР вплоть до 1934 г., когда показатели производства основных жизненных благ достигли довоенного уровня.

[1469] Уэллс Г. Россия во мгле. С. 324.

могло оказать только юридическое лицо, сопоставимое по масштабам и ресурсному обеспечению с советским правительством – «какой-нибудь национальный, а еще лучше международный трест <...>. По своей структуре он должен походить на один из тех крупных закупочно-распределительных трестов, которые сыграли такую важную роль в жизни европейских государств во время мировой войны. Этот трест имел бы дело с отдельными промышленниками, а большевистское правительство, со своей стороны, имело бы дело с населением России; за короткое время он смог бы стать незаменимым для большевистского правительства. Только по такому пути может развиваться торговля капиталистического государства с коммунистическим»[1471]. Но Запад не торопился помогать Советской России.

Поэтому в исторической реальности советская «военно-коммунистическая» система обратилась к другой стратегии восстановления экономики России – она воспользовалась преимущественной опорой на внутренние ресурсы страны, и особенно на крестьянство, политическая поддержка со стороны которого привела большевиков к власти и обеспечила им победу в гражданской войне. Фактически, советское правительство само стало тем «трестом», о необходимости которого говорил Уэллс, и в делах организации хозяйства перешло от нормирования и распределения к планированию и производству. «Это вначале приняло скромную форму ежегодных “контрольных цифр”, представлявших собой статистические таблицы, в которых приводились количества всякого рода продукции, ожидающейся к выпуску в наступающем году. Эти статистические данные, которые из года в год делались более точными и более полными, давали возможность Высшему совету народного хозяйства на основании ожидаемого общего выпуска продукции формулировать с большой точностью свои указания государственным трестам и предприятиям, включая и транспортные предприятия»[1472]. Среди «архитекторов» этой беспрецедентной по масштабу организаторской работы были друг и единомышленник А.А.Богданова В.А.Базаров (Руднев), а также Л.Б.Красин – «технист» из триумвирата «тех, кто делал революцию» в 1905 г., соратник Богданова по «Боевой технической группе»[1473]. Не стоит удивляться тому, что функции и структура советского Госплана оказались похожими на марсианский «Институт подсчетов» из богдановского романа-утопии «Красная звезда»[1474]. Не вызывал вопросов и тот факт, что

[1470] Уэллс Г. Россия во мгле. С. 373.
[1471] Там же. С. 374.
[1472] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм… Т. 2. С. 88.
[1473] См.: Гловели Г.Д. Сотри случайные черты // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С.12
[1474] Подробнее об «Институте подсчетов» и богдановской характеристике планирования как «научно-статистической задачи» см.: Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма.

при планировании экономического развития использовались – правда, без ссылки на авторство Богданова – закон наименьших относительных сопротивлений, принцип динамического равновесия, закон цепной связи и удовлетворение потребностей населения как исходный пункт хозяйственной деятельности[1475].

Кроме того, так или иначе придется признать: в процессе восстановления хозяйственной системы бывшей Российской империи – и, соответственно, формирующегося СССР – сложился высокоэффективный тандем «нормативно-государственной» и научно-технической интеллигенции. Объединенные общей целью – организацией максимального уровня жизнеобеспечения при тотальном дефиците необходимых ресурсов, начиная от производственных мощностей и заканчивая подготовленными кадрами, – эти две группы действовали настолько слаженно, что уже через 14 лет после завершения Гражданской войны чудовищная разруха была окончательно преодолена: в 1935 г. был официально устранен последний из ее характерных атрибутов – нормировка потребления с помощью «продовольственных карточек». «Если сравнить СССР с другими пострадавшими от великой войны странами, исходить либо из производственной мощности, либо из общей массы распределяемых товаров и услуг, то не может быть сомнения, что материальный рост СССР после исключительно низкого уровня, до которого он опустился в 1921 г., в настоящее время не только достиг огромных размеров, но и оказался пропорционально выше роста любой другой страны. Фактически Советский Союз на виду у всех стал богаче в те самые годы, когда большинство, если не все другие страны стали беднее»[1476]. А ведь СССР начал свое существование в ситуации фактически полного разрушения промышленного производства и глубокой архаизации сельского хозяйства!

Столь впечатляющее восстановление хозяйственной системы без, казалось бы, неотделимых от высокой экономической эффективности институтов частной собственности, свободного рынка и конкуренции стало возможным, на взгляд британских социалистов, супругов Сиднея и Беатрисы Веббов, потому, что «задачи планирования продукции всей страны не встречают тех отдельных затруднений, которые возникают при планировании одного промышленного предприятия, каков бы ни был его размер. План для всего СССР не должен учитывать враждебных действий со стороны конкурирующих предпринимателей, конкурируют ли они из-за сырья, из-за рабочей силы, из-за специалистов-

---

С.139–143

[1475] См.: Гловели Г.Д. Сотри случайные черты // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С. 16.

[1476] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм… Т. 2. С. 121.

техников, банковского кредита или из-за покупателей. Его составители не должны беспокоиться о возможных изменениях цен, которые будут платить покупатели внутри СССР за товары и услуги, потому что эти цены, как часть плана, устанавливаются по большей части самим правительством. Всякая производственная единица СССР может быть спокойна – по крайней мере в отношении внутреннего рынка – насчет сбыта своих продуктов, хотя бы уже потому, что точно известно, что все население будет обладать в течение всего года предоставленной ему покупательной способностью определенных размеров и поэтому наверно будет обладать "эффективным спросом" на все то, чего оно захочет. Не надо заботиться, как в других странах, о большом штате лиц, занятых исключительно рекламой, беспрестанными усилиями отвлечь покупателей от изделий других предпринимателей. Точно так же ничего не нужно откладывать на выдачу премий по страхованию от огня и от морских аварий, поскольку весь риск обеспечивается фондами самого общества. Нет той несогласованности между предложением материалов определенного рода, запасных частей или квалифицированной рабочей силы, с одной стороны, и способностью немедленно поглотить частью или полностью эти факторы, потому что один и тот же центр устанавливает, сколько каждого из этих элементов должно быть произведено в течение года, и в то же самое время устанавливает, сколько каждого из них в течение того же времени должно быть потреблено каждым из предприятий»[1477].

Такая система хозяйствования была в новинку западным элитам, которые обнаружили, что к началу 1930 годов *весь Советский Союз функционировал как гигантское единое предприятие, организованное на принципах натурального хозяйства при централизованном управлении. Главной целью деятельности этой своеобразной «корпорации "СССР"» было не извлечение прибыли от реализации собственной продукции* (в условиях натурального хозяйства прибыль немыслима), *а* ***жизнеобеспечение собственных граждан*** *(которые одновременно были и работниками, и пайщиками-совладельцами «корпорации»).* Здесь опять-таки невозможно не вспомнить специфически-богдановскую интерпретацию социалистического общества, сформулированную еще в 1906 г.: «Новое общество основано не на меновом, а на натуральном хозяйстве. Между производством и потреблением не стоит рынок, покупка и продажа, – но только сознательно и планомерно организованное распределение. Новое натуральное хозяйство отличается от старого, – например, первобытно-коммунистического, – тем, что оно ох-

[1477] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм… Т. 2. С. 131.

ватывает собою не большую или маленькую общину, но – целое общество из сотен миллионов людей, а затем – все человечество»[1478].

Пожалуй, единственным отличием исторической реальности Советского Союза от теоретических построений А.А. Богданова была *система управления общественным хозяйством*: там, где создатель тектологии предполагал ограничиться группой профессиональных специалистов по статистическому анализу и экономическому планированию, в СССР действовала, прежде всего, *политическая организация*. Советское правительство, (составной частью которого являлся «научно-статистический» Госплан) и Центральный Комитет ВКП(б) (фактически, единственной организованной политической силы в стране) составляли нечто вроде «совета директоров», руководящего «корпорацией "СССР"» в соответствии с решениями регулярно проводимых «собраний пайщиков» на съездах Советов и партийных форумах.

В пользу такой интерпретации говорит тот факт, что вся система государственного управления СССР перед Второй Мировой войной (включая, кстати, и вооруженные силы страны) *не строилась на принципах единоначалия*. Те же Веббы отмечают, что «...в отличие от Муссолини, Гитлера и других современных диктаторов, Сталин по закону не облечен никакой властью ни над своими согражданами, ни даже над членами партии, к которой он принадлежит. У него даже нет той широкой власти, которую Конгресс Соединенных Штатов временно возложил на президента Рузвельта или которую американская конституция вручает на четыре года каждому президенту. Поскольку дело касается должности или звания, Сталин никоим образом не является высшим должностным лицом в СССР, ни даже в коммунистической партии. Он не является и никогда не был председателем президиума Центрального исполнительного комитета Всесоюзного съезда Советов – пост, который долго занимал Свердлов, а теперь занимает Калинин, которого обычно считают "президентом" СССР. Он не является (как был Ленин) ни председателем Совнаркома РСФСР, главнейшего члена федерации, ни председателем Совнаркома самого СССР – пост, занимаемый Молотовым, который можно считать соответствующим посту премьер-министра парламентской демократии. Он даже не народный комиссар или член кабинета СССР или любой из союзных республик. До 1934 г. он не имел никакой другой должности в государственном аппарате, за исключением того, что начиная с 1930 г. был членом (одним из числа десяти) Совета труда и обороны (СТО). Даже в коммунистической партии он не является председателем Центрального комитета

[1478] Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 97.

партии, которого можно было бы считать наиболее высокопоставленным его членом. В действительности он даже не председатель президиума этого Центрального комитета. Он только Генеральный секретарь партии, получает жалованье из партийных фондов и занимает эту должность по назначению Центрального комитета партии и в качестве такового состоит членом (из числа девяти) его наиболее важной подкомиссии, Политбюро»[1479]. Фактически, положение Сталина в системе управления «корпорацией “СССР”», по представлениям Веббов, было ближе не к положению генерального директора, наделенного правом единоличного принятия решений, а к положению ***кризисного менеджера***, не имеющего четкого статуса в корпоративной иерархии, но обладающего наиболее полной информацией о состоянии дел во всех подразделениях и в силу этого способного предлагать нестандартные, но крайне эффективные решения.

Однако упомянутая выше политическая составляющая обеспечивала «совету директоров корпорации “СССР”» целый ряд специфических функций, имевших мало общего и с богдановской теорией социализма, интерпретированной в «Красной звезде», и с официальной коммунистической идеологией. Так, уже сам факт наличия в Советском Союзе вооруженных и правоохранительных сил, судебной системы и административного надзора выводил деятельность правящих групп далеко за пределы решения «научно-статистических задач», предоставляя широкие возможности для применения разнообразных форм *внеэкономического принуждения* – от самого непосредственного (вроде принудительного труда в местах лишения свободы, вплоть до деталей скопированного с хорошо известных лидерам СССР отечественных и зарубежных форм организации пенитенциарной системы) до самого косвенного, практически не поддающегося обнаружению в быту (наподобие почти тотальной замены материального стимулирования труда различными формами морального поощрения, эффективно мобилизующими на интенсивный труд, но слабо влияющими на действительное качество жизни инициативного и активного работника).

Далее, неравенство общеобразовательной и профессиональной подготовки у научно-технической и «нормативно-государственной» частей властного тандема неизбежно формировало *стойкие противоречия между двумя группами руководящей интеллигенции*. Большинство «нормистов» рекрутировалось из профессиональных революционеров (как правило, обладавших относительно невысоким уровнем образования и бывших зачастую

[1479] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм… Т. 1. С. 426–427.

полными дилетантами в вопросах управления государством[1480]), тогда как большинство «технистов» (от рядовых инженеров на предприятиях до высшего командного состава Красной Армии) составляли «старорежимные спецы» высокого класса[1481]. Естественно, что в такой ситуации общая работа «нормистов» и «технистов» могла быть достаточно эффективной ***только при полном тождестве представлений о целях работы и методах достижения этих целей,*** *а при малейшем разногласии был неизбежен* ***конфликт***, в котором более сильной стороной неизменно оказывались «нормисты», в соответствии со своим служебным положением обладающие правом на применение принуждения. И поскольку любой конфликт был опасен потенциальной дезорганизацией всей хозяйственной системы, «совет директоров» (слишком хорошо знавший, *к чему обычно приводит такая дезорганизация*) пресекал его в зародыше, и притом с максимальной – репрессивной – жесткостью, чреватой неоправданными жертвами[1482]. Чтобы минимизировать подобные потери (крайне рискованные при хроническом дефиците управленческих кадров) и исключить злоупотребления, в организационную практику на всех уровнях активно внедрялся метод коллегиальных административных решений. «В судебной системе, начиная от высшего суда и до низшего, нигде нет арбитра или одного судьи, а всегда коллегия из трех, из которых по крайней мере двое должны сходиться во мнении относительно решения, суждения или приговора. В городском управлении нет самостоятельного мэра или бургомистра или “управляющего городом”, нет даже высокооплачиваемого чиновника, облеченного той властью, которую имеет в Британии “городской клерк”, а всегда президиум и одна или несколько постоянных комиссий, с членами которых постоянно консультируется председатель; или особая выбранная комиссия, все члены которой имеют равные права. Более того, все они должны постоянно лично отчитываться в своих действиях перед более широким избранным советом или перед его постоянным Исполнительным комитетом, от которых они получают свое назначение. От одного конца иерархии до другого члены каждого совета или комиссии, включая и их председателя, всегда могут быть отозваны без преду-

[1480] В этом плане особенно показательны такие фигуры, как Ф.Э. Дзержинский, который возглавлял сначала ВЧК, а затем ВСНХ СССР, не имея не только юридического или экономического, но даже законченного гимназического образования, или сталинский нарком Л.М. Каганович, руководивший всей транспортной системой СССР, закончив всего лишь два класса местечковой религиозной школы.

[1481] Здесь уместнее всего вспомнить об Н.Н. Кутлере – бывшем царском министре земледелия и «отце золотого червонца», сумевшем стабилизировать денежное обращение в Советской республике и заложить финансовую основу для последующего экономического подъема.

[1482] Согласно исследованиям В.Н. Земскова, в архивных документах ОГПУ – НКВД – МВД за период с 1921 по 1953 год зафиксировано 4 060 306 осужденных «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления», в том числе 642 980 приговоренных к смертной казни (См.:

преждения резолюцией, принятой организацией (или собранием избирателей), которая их назначила. В любой момент поэтому каждый представитель исполнительной власти может быть заменен коллективно избранным преемником»[1483]. Вследствие этого организационного принципа система государственного управления получалась достаточно громоздкой и инертной, что не позволяло исключить внутренние злоупотребления, но обеспечивало стабильное функционирование «корпорации “СССР”» в заданном режиме даже при наличии крайне деструктивных внешних воздействий, наподобие нападения Гитлера в 1941 г.

Что касается систем «военного коммунизма», функционировавших в Старом Свете в 1918–1938 гг., то они развивались уже полностью в рамках теории А.А. Богданова и представляли собой «связку» четырех социальных сил: государственной бюрократии («нормистов»), национального капитала (преимущественно промышленников), иностранного капитала (в основном финансистов) и высших военных (которых можно условно назвать «милитаристами»). «Технисты» ни в одной из европейских стран не выступали как самостоятельная сила, а действовали в едином блоке либо с промышленниками, либо с «милитаристами»[1484]. В зависимости от того, какая из этих четырех сил получала в конкретной стране преимущество, можно было различать основные формы «военного коммунизма», однако в любом случае союз «нормистов» с промышленниками и «милитаристами», в соответствии с теорией Богданова, неизбежно порождал в политике «воинственный национализм, антидемократизм, в общем – фашизм»[1485]; замена во властной группе промышленников на финансистов лишь слегка трансформировала организационную структуру фашистского политического режима – он утрачивал черты «военной демократии» (кстати, достаточно притягательные для масс), превращаясь в олигархию крупных собственников.

Фашизм первого типа – с опорой на национальный капитал, контролирующий производство и, через него, жизнеобеспечение населения – активно формировался в Старом Свете, в государствах, наиболее разоренных Первой Мировой войной. Объективные факты свидетельствуют: и фашистская партия Бенито Муссолини, и национал-социалистическая партия Адольфа Гитлера выигрывали выборы благодаря своим программам организации жизнеобеспечения большинства граждан. То, что за образец при

Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. С. 61–63).

[1483] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм… Т. 1. С. 423–424.

[1484] Кажущиеся исключения вроде авиаконструкторов Гуго Юнкерса (1859–1935) и Вильгельма Мессершмитта (1898–1978), буквально в течение нескольких лет превратившихся из обычных инженеров в богатых авиазаводчиков, лишь подтверждают правило: столь головокружительное обогащение было бы немыслимо при отсутствии интенсивной финансовой поддержки в виде государственных заказов.

этом брались крайне несовершенные социальные программы периода Первой Мировой войны, нисколько не смущало избирателей: государственное нормирование потребления, пайковое распределение жизненных благ, усиление надзора за политической жизнью и даже государственная трудовая повинность воспринимались значительной частью итальянцев и немцев как меньшее зло в сравнении с послевоенным спадом производства, массовой безработицей и нищетой, отягощенной большими внешними долгами государства. Осуществление предвыборных обещаний становилось возможным за счет активной поддержки фашистских движений со стороны государственной бюрократии (которая вкладывала в данные организации «административный ресурс», справедливо связывая с ними усиление своей власти) и со стороны крупного капитала (который оказывал в основном материальную помощь, тоже вполне справедливо рассчитывая на большие госзаказы и ослабление конкуренции с иностранными предприятиями)[1486].

Фашизм второго типа – ориентированный уже на сотрудничество с иностранным финансовым капиталом – оказался более востребован в Польше, Финляндии и Прибалтике, а также в Испании, Португалии и латиноамериканских странах, которые в большинстве своем не имели крупной национальной промышленности и обладали аграрной экспортно-ориентированной экономикой, ощутимо зависевшей от зарубежных (преимущественно британских и американских) кредитов. Катастрофическое обрушение традиционных европейских рынков сбыта сельскохозяйственной продукции после Первой Мировой войны подвигло правительства этих стран к реализации «военно-коммунистической» внутренней политики, опирающейся на «связку» государственной бюрократии с военно-полицейскими силами. Иностранный финансовый капитал, заинтересованный в дешевых ресурсах, взялся оплачивать работу этой «связки», получив в обмен режим наибольшего благоприятствования в хозяйственной системе подконтрольных стран.

И в первом, и во втором случае ***фашизм***, являющийся квинтэссенцией воинственного национализма и антидемократизма, должен был стать, по мнению А.А.Богданова, основой формирования политики государства. Такие моменты, как нормативное регулирование жизни населения, тяготеющего к «твердой власти», когда «резко выраженная *авторитарная* тенденция», опирающаяся на бюрократизм и милитаризм – «школы авторитарной дисциплины», разные формы диктатуры и «всегда сопутствующий этому социальный консерватизм» станут поддер-

---

[1485] Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 132.

[1486] Подробнее см., напр.: Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридич. литература, 1991. 384 с. ; Немчинов А. Олигархи в черных мундирах. М.: Яуза, 2005. 352 с.

живаться той группой буржуазных управленцев, которые сделают «своей непосредственной базою не производство, а колоссально раздутый государственный аппарат», поддерживаемый не только военно-полицейской силой, но также иностранными инвестициями[1487].

Общая ориентация «военно-коммунистических» систем на жизнеобеспечение населения дала четко определенный результат. Не случайно массовая общественная поддержка диктаторских режимов без затруднений прослеживается в истории XX в., начиная от побед итальянских фашистов и германских национал-социалистов на вполне демократических парламентских выборах (1922 и 1933 гг., соответственно) и заканчивая почти религиозным преклонением немалой части современных поляков перед Пилсудским, финнов – перед Маннергеймом, испанцев – перед Франко, тайваньских китайцев – перед Чан Кайши...

Выпадение Соединенных Штатов Америки из общемирового процесса формирования «военно-коммунистических» диктатур после Первой Мировой войны традиционно принято объяснять низким уровнем милитаризации американской экономики того времени. Эту особенность довоенных США отмечал и Богданов: «Капитализм Нового Света долго развивался в условиях незнакомого Старому Свету простора, долго был свободен от рыночной тесноты, имея в себе самом громадную рыночную базу. Его главные финансовые группировки все складывались в рамках *одной* мощной системы “страхования капитализма” – С[еверо-]А[мериканских] Соед[иненных] Штатов; и система эта простирала свой реальный протекторат на всю Америку, что и было выражено в знаменитой доктрине Монро, не допускающей новых территориальных захватов в Америке какими бы то ни было путями со стороны европейских государств. Не такова была обстановка для старого капитализма Европы. Его основные рынки были далеко не так просторны для гигантской массы накопленных в нем капиталов. Уже это придавало их борьбе характер большей остроты. Но, кроме того, главные финансовые комплексы формировались в пределах *различных* государственных систем и, в своих усилиях расшириться, наталкивались на их весьма нелегко проницаемые для конкуренции границы: причем каждый из этих механизмов страхования, по мере того, как ухудшались условия конкуренции в целом, развивал все больше противодействия активности чужих капиталов; даже Англия, классическая страна сводной торговли, принуждена была повернуть к протекционизму. Отсюда вытекали два разных типа империализма: *мирный* (относительно) империализм Америки

[1487] См.: Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 131–

и *милитаристический* – Старой Европы»[1488]. Однако Богданов не отрицал, что в ходе Первой Мировой войны «прежняя позиция Америки была потеряна, ей пришлось войти в один из лагерей и завести свой основательный милитаризм. <...> Относительная обособленность Америки уступила место теснейшим связям кредита и широкой экономической поддержки, которую она уже оказала Европе и должна была впредь оказывать»[1489].

Поворотным моментом в истории послевоенных США стал биржевой крах в ноябре 1929 г., с которого началась «Великая депрессия». С точки зрения тектологии, обвал фондового рынка Америки представлял собой классическое системное расхождение между практической деятельностью и мировосприятием, обусловленное дисгармоническим характером социального опыта в обществе под управлением финансового капитала.

Источником биржевого кризиса 1929 г. оказалось вовсе не дезорганизованное производство: оно именно в этот период американской истории развивалось достаточно интенсивно, выпуская на рынок множество товаров, в том числе ранее никогда не производившихся в массовом порядке (в частности, таковы были бытовая электротехника, радио, автомобили). Столь же динамично развивалась и сфера кредитного капитала, обеспечивавшая интенсивные вливания финансовых средств не только в развитие производства, но и в расширение потребления. Последнее было особенно важно, поскольку внутренний рынок США после Первой Мировой войны был далек от насыщения и никаких признаков классического «кризиса перепроизводства» попросту не демонстрировал – более того, синергетическое (взаимно усиливающее) развитие производственных и кредитных предприятий формировало уникальную социально-экономическую ситуацию, позволявшую в значительной степени нейтрализовать традиционные социально-экономические причины для конфликтов между богатыми и бедными группами общества: во всяком случае, ни в одной европейской стране рубежа 1920-х – 1930-х гг. безработные не ездили в поисках работы на собственных автомобилях[1490].

Причина, по которой данный шанс не был использован правящими кругами США, традиционно объясняется с помощью простого указания «сбойного сектора» хозяйственной системы, в роли которого столь же традиционно выступает наиболее рискованная с

132.

[1488] Богданов А.А. Версальское устроительство // Богданов А.А. Тектология. С. 453. «Системой страхования капитализма» Богданов называл государственную власть.

[1489] Там же. С. 457.

[1490] См.: Стейнбек Дж. Гроздья гнева / Стейнбек Дж. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 3 М.: Правда, 1989. С. 64–70, 122–157.

точки зрения инвестиций отрасль, получившая крупные, но реально не обеспеченные кредиты. Такой отраслью в большинстве отечественных и зарубежных исследований предстает фондовый рынок США, обрушенный осенью 1929 г. из-за катастрофического несоответствия между реальной ситуацией в экономике страны и необоснованно завышенными спекулятивными ожиданиями биржевых игроков. Подобная интерпретация событий ведет к закономерному выводу не о материальной, а о культурно-мировоззренческой природе экономического кризиса, в основе которого, с точки зрения аналитиков, лежали такие сугубо психологические явления, как «жадность» тех или иных групп финансистов, «недальновидность» биржевых экспертов, «некомпетентность» служащих акционерных компаний и банков, а также эйфория всего общества под влиянием предшествующего экономического роста на основе технологических инноваций[1491]. Однако недопустимо подменять *причины* экономического кризиса сопутствующими ему наблюдаемыми *симптомами*, поскольку в основе «Великой депрессии» лежали те особенности финансового капитализма, которые А.А. Богданов связал с усилением банковского сектора экономики на рубеже XIX и XX вв. вследствие интенсивного роста спроса на кредитные услуги в период «индустриального бума». В силу своей более высокой организационной пластичности банковский капитал оперативнее реагировал на изменения конъюнктуры рынка и чаще «обыгрывал» классических капиталистов-промышленников, прямо или косвенно подчиняя себе их предприятия. Но при их подчинении руководящая финансовая группа оставляла за собой право вмешиваться в управление производством лишь в тех случаях, когда это затрагивало ее непосредственный интерес – извлечение прибыли. Подобный контроль в течение нескольких десятилетий способствовал *радикальной переориентации производственной системы* ***с удовлетворения потребностей общества на извлечение максимальной прибыли*** *безотносительно к ее источнику*. При таком подходе к организации экономической деятельности закономерным представляется не только развитие кредитного обращения в виде ценных бумаг, но и ***превращение ценных бумаг в самостоятельный товар*** (в терминологии Богданова – «бумажное золото»), *лишь номинально связанный с выпустившим его финансовым или финансово-промышленным предприятием*: «подобные ценности своеобразно эквивалентны золоту, хотя за ними не лежит достаточного золотого фонда для их покрытия; и подобно золоту они, прямо или косвенно, служат покупательными средствами <...>, и поскольку они обращаются на рынке, они и представляют <...> золотую

[1491] Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг. Трансформационные процессы. М.: Экономика, 2010. С. 30

покупательную силу, не переставая на деле быть бумагами»[1492].

Активная эмиссия такого «бумажного золота» не только способствовала возникновению скрытой диспропорции товарно-денежной массы (к которой добавлялся новый высоколиквидный товар), но и порождала иллюзию высоких темпов экономического роста, потому что при выбросе на рынок новых порций «бумажного золота» пропорционально возрастали цифры, характеризовавшие суммарный объем обращающихся на рынке капиталов; производственные капиталы, необходимые для жизнеобеспечения общества, при этом могут оставаться неизменными или даже сокращаться за счет «свертывания» недостаточно прибыльных отраслей. Явление иллюзии как ошибочной оценки действительности Богданов относил уже не к экономике (системе организации обмена товаров и услуг), а к идеологии (системе ценностно-мировоззренческих ориентаций) и психологии (системе ощущений и восприятий) общества[1493].

Предложенная Богдановым характеристика данных иллюзий как «отвлеченного товарно-денежного фетишизма» буржуазии позволяет определить культурно-мировоззренческие (т.е. идеологические) предпосылки финансовых кризисов. Этот «отвлеченный фетишизм», по мнению ученого-аналитика, основан на ряде логических ошибок, определяемых буржуазным мировоззрением и установленных в качестве своеобразных догматов либерально-рыночной идеологии: а) «Деньги являются ценностью сами по себе» (в действительности – только тогда, когда существует реальная возможность их обмена на необходимые человеку жизненные блага; за пределами такого обмена деньги превращаются в лишенный содержания символ «покупательной способности»); б) «Богат тот, у кого много денег» (в действительности – тот, кто может свободно обменять их на достаточное количество необходимых жизненных благ); в) «Цена и стоимость – такие же свойства товара, как цвет, размер и т.п.» (на деле то и другое – показатели отношений людей в социально-экономическом процессе: цена – мера заинтересованности покупателя в товаре, а стоимость – мера издержек на производство товара)[1494].

При рассмотрении симптомов мирового финансового кризиса 1929 г. с позиций богдановской концепции «отвлеченного фетишизма» можно увидеть, прежде всего, то, что

[1492] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 449.

[1493] В скобках даны сжатые определения явлений, изложенные А.А. Богдановым в «Кратком курсе экономической науки» (1897), «Познании с исторической точки зрения» (1899), «Эмпириомонизме» (1904–1906) и «Науке об общественном сознании» (1914).

[1494] Подобные примеры Богданов использовал в «Науке об общественном сознании» (1914), рассчитанной на грамотных рабочих. Эти примеры хороши в силу своей наглядности.

источник данного кризиса находился не в какой-либо из отраслей производящей экономики (как это обычно происходит при кризисах перепроизводства), а исключительно в сфере обращения «бумажного золота», где основное значение имеют вовсе не объективные показатели в виде объемов производства и спроса на продукцию, а спекулятивные ожидания биржевых игроков, сугубо психологические по своей природе и связанные с реальной экономикой крайне опосредованно – через систему виртуальных показателей наподобие «рыночной капитализации». В итоге возникла парадоксальная ситуация: неповрежденные предприятия, оснащенные по последнему слову техники и укомплектованные надлежаще подготовленным персоналом, провозглашались принципиально непригодными для дальнейшего хозяйственного использования – лишь потому, что изменилась цена неких бумаг, символически отображающих стоимость данных предприятий.

Таким образом, *подлинная причина резкого падения стоимости акций на фондовом рынке США в 1929 г. была связана с расширением обращения «бумажного золота» в условиях жесткой привязки курса национальной валюты – доллара – к реальному золоту*. Добавление активно возрастающей массы виртуально-символических ценностей к уже имеющейся на внутреннем рынке товарной массе вызвало при фиксированном объеме денежной массы классический ***дефляционный шок***: покупательная способность населения катастрофически снизилась, несмотря на изобилие товаров. Следом за этим началось разорение так называемого «реального сектора экономики», обладавшего меньшей организационной пластичностью в сравнении с кредитно-банковским капиталом. Первыми разрушались мелкие предприятия, обладавшие наименьшей структурной устойчивостью в силу того, что основная доля издержек в них была направлена на непосредственное жизнеобеспечение всего коллектива работников, включая и владельца. Особенно характерно это было для фермерских хозяйств, которые из-за долгов по кредитам довольно быстро превращались из собственников земли в ее арендаторов. Американский писатель Джон Стейнбек, характеризуя в романе «Гроздья гнева» (1939) положение мелких сельскохозяйственных производителей, позицию банков излагал так: «Арендаторы нам больше не по средствам. Их доля лишает нас минимальных прибылей. Даже если мы не будем разбивать землю на мелкие участки, то и тогда она еле-еле себя окупит»[1495]. В этой ситуации единственным способом обеспечить надлежащую прибыльность оказывалась радикальная смена форм организации производства: «Один

[1495] Стейнбек Дж. Гроздья гнева / Стейнбек Дж. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М.: Правда,

тракторист может заменить двенадцать – четырнадцать фермерских семей. Плати ему жалование – и забирай себе весь урожай»[1496].

Понятно, что такого рода «оптимизация», мягко говоря, не способствовала восстановлению нарушенного баланса между товарной и денежной массами. Упомянутые Стейнбеком 12–14 фермерских семей, лишившись земли, автоматически вычеркивались не только из участия в производстве, но и из процесса потребления производимой продукции. Оставленный на их месте тракторист при всем желании не мог адекватно занять их рыночную нишу, сильно уступая такому большому количеству людей в объеме потребностей жизнеобеспечения – единственной группы потребностей, которые принципиально не поддаются насыщению и в силу этого гарантируют постоянную нагрузку производственных мощностей.

В результате *основной организационной задачей администрации Ф.Д. Рузвельта становилось* ***восстановление баланса между товарной и денежной массами посредством государственного регулирования хозяйственной деятельности***. По сути своей эта организационная задача ничем не отличалась от той, которую стремились решить военно-диктаторские режимы Евразии. Разница была только в первопричине дисбаланса, который в Европе, России, Японии и Китае был обусловлен *сокращением материального производства в условиях* ***инфляции*** *национальных валют вследствие специфического военного кризиса хозяйства*. При этом, однако, следует учитывать, что объективно ***и инфляционный, и дефляционный шок катастрофически снижали покупательную способность населения, т.е. возможности его самостоятельного жизнеобеспечения без государственного вмешательства.***

Соответственно выглядели и меры американского правительства в период кризиса: государство, осуществляя на практике рузвельтовскую программу «нового курса», фактически ввело в обиход непривычные для США, но уже хорошо зарекомендовавшие себя в Старом Свете методы нормативного регулирования хозяйственной деятельности. Первое, что сделала администрация Ф.Д. Рузвельта – установила *прямой государственный контроль над банками*[1497]. Начатый после этого интенсивный выпуск бумажных денег (около двух миллиардов наличных долларов) позволил нейтрализовать такое последствие дефляционного шока, как паралич денежного обращения. Затем – для стабилизации нацио-

---

1989. С. 50.

[1496] Стейнбек Дж. Гроздья гнева. С. 35.

[1497] Уткин А.И. Как пережить кризис. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 122

нальной валюты – была проведена *директивная конфискация золота у населения:* физические и юридические лица были обязаны в 24-дневный срок обменять имеющееся у них золото в слитках и монетах на бумажные банкноты Федеральной резервной системы США *по установленному правительством курсу*. Неисполнение данного распоряжения каралось либо крупным денежным штрафом, либо лишением свободы (для физических лиц, не способных выплатить штраф). Примечательно, что данный акт крупномасштабной государственной экспроприации частной собственности не получил негативной оценки со стороны либеральной общественно-политической мысли, хотя либералы обычно реагируют на любые экспроприации крайне болезненно. Последовавшие за изъятием у граждан золота запрет на его экспорт и – главное – отказ от золотого стандарта не только удешевили доллар, но и способствовали росту экспорта американских товаров, что в макроэкономическом плане нейтрализовало такое последствие дефляционного шока, как затоваривание внутреннего рынка[1498].

Хотя данные мероприятия сами по себе еще не противоречили принципам рыночной экономики, однако факт осуществления антикризисных мер *методами административного принуждения* уже позволяет характеризовать «новый курс» Рузвельта как *специфическую разновидность «военного коммунизма»*, сформировавшуюся в условиях, непохожих на европейские периода Первой Мировой войны. В пользу этого вывода говорят меры, последовавшие за установлением государственного контроля в финансовой сфере. Прежде всего, это коснулось железнодорожных перевозок: государство фактически взяло деятельность частных транспортных компаний под свой прямой контроль, установив единую систему тарифов и единые правила работы[1499]. Далее, была организована широкомасштабная финансовая поддержка фермерских хозяйств, известная в американской истории как «программа AAA (Agricultural Adjustment Administration)»: в соответствии с этой программой полмиллиона фермеров получили льготные правительственные ссуды на общую сумму в 2,2 млрд долларов[1500]. Параллельно с этим государство взяло на себя *прямое административное регулирование объемов сельскохозяйственного производства*, непосредственно предписывая прокредитованным хозяйствам сокращение посевных площадей с целью уменьшения товарной массы до определяемого правительством уровня[1501].

[1498] См.: Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 123–125.
[1499] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 124.
[1500] Там же. С. 125 – 126.
[1501] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 126.

Аналогичным образом было организовано государственное регулирование промышленного производства. Согласно принятому правительством Акту о национальном индустриальном восстановлении (NIRA), на государственную помощь могли рассчитывать лишь те предприниматели, которые вполне осознанно и добровольно подчиняли свои предприятия прямому государственному контролю и практически отказывались от внутриотраслевой конкуренции. Показательно, что ответственным за восстановление американской промышленности Ф.Д.Рузвельт назначил кадрового военного – генерала Хью Джонсона[1502], который вел жесткую линию применительно к поборникам классической либеральной доктрины «свободного рынка» и в первую очередь «развернул общенациональную кампанию за то, чтобы все предприниматели дали обязательство платить своим рабочим двадцать четыре доллара за сорокачасовую неделю»[1503], а тем, кто уклоняется от этого обещания, недвусмысленно пообещал «натянуть носок на нос»[1504].

Наконец, был создан Корпус гражданской консервации – специализированная организация, осуществлявшая привлечение безработных американцев к широкомасштабным общественным работам, которые финансировались государством. Примечательно, что осуществление этой задачи было также возложено на профессиональных военных – генерала Дугласа Макартура и полковника Джорджа Маршалла (впоследствии получившего всемирную известность за разработку плана помощи западноевропейским странам после Второй Мировой войны)[1505], которые создали необычную для США, но уже хорошо известную в Старом Свете систему милитаризованного труда. В общей сложности Корпус гражданской консервации охватил своим влиянием два с половиной миллиона молодых американцев, каждому из которых «25 долл[аров] в месяц платили за работу (плюс семьям еще 25 долл[аров])»[1506], и армия вчерашних безработных, одетых в зеленую униформу, создала примерно треть современных дорог и значительную часть муниципальных зданий – и это без учета строительства каскада гидроэлектростанций в бассейне реки Теннесси и посадки 200 млн деревьев в специально создаваемых заповедниках и национальных парках.

Подобные меры борьбы с безработицей использовала и другая государственная ор-

---

[1502] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 132 ; Чернявский Г.И. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012. С.240 – 241.

[1503] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 134.

[1504] Там же.

[1505] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 126.

[1506] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 126.

ганизация – Администрация гражданских работ, объединившая около 4 млн безработных, трудом которых было осуществлено более тридцати тысяч проектов, в том числе 10 % новых автодорог, 35 % больниц, 65 % зданий городского управления, 70 % общеобразовательных школ[1507]. Параллельно с этим государство нормировало минимальный уровень заработной платы и максимальную продолжительность рабочей недели, субсидировало оплату жилья для рабочих, организовало пенсионное обеспечение и выплату пособий по безработице[1508]; в общем и целом различные виды социальной помощи получили более 18 млн американцев[1509]. Не была забыта и военная промышленность США[1510].

Также необходимо обратить внимание и на усиление авторитарных элементов общественной идеологии, что наиболее отчетливо проявилось в формировании самого настоящего культа личности президента Ф.Д. Рузвельта[1511]. Этой мировоззренческой трансформации в существенной степени способствовал непривычный для американцев имидж президента страны: Рузвельт, в отличие от своих предшественников в Белом доме, лично отвечал на телефонные звонки рядовых избирателей, а по их письмам специалисты из администрации президента проводили весьма действенные мероприятия на местах. Вот типичный образец письма Рузвельту: «Дорогой мистер президент! Я просто хочу сказать Вам, что сейчас все наладилось. Человек, которого Вы послали, нашел наш дом в порядке, и мы сходили вместе в банк, чтобы продлить закладную. Вы помните, я Вам писал, что мы потеряли мебель тоже. Ваш человек вернул нам ее. Я никогда не слышал о таком президенте, как Вы»[1512]. В связи с этим не лишним будет вспомнить, что разнообразные по своим политическим взглядам «народные вожди» стран Евразии использовали подобное образцово-показательное решение проблем «маленьких людей» в качестве эффективного пропагандистского приема еще в первой половине 1920-х гг.

Другим, столь же значимым симптомом авторитарной идеологической трансформации стал пересмотр ряда фундаментальных понятий американской политической философии – в первую очередь таких, как «либерализм» и «демократия». Американский либерал образца 1930-х гг. отличался от своего предшественника времен А. Линкольна тем, что стремился к всемогуществу правительства, был твердым противником свобод-

---

[1507] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 136.
[1508] Там же. С. 138.
[1509] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 141.
[1510] Там же. С. 137, 206–212.
[1511] См.: Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. С.22–27.

ного предпринимательства и отстаивал всестороннее планирование, осуществляемое властями[1513]. Соответственно этому администрация Рузвельта выстраивала свою социальную политику, декларируя, что «правительства в условиях современной цивилизации имеют определенные твердые обязательства перед своими гражданами, среди которых выделяются следующие: 1) защита семьи и семейного очага; 2) создание демократических возможностей для всего народа; 3) помощь тем, кто попал в беду»[1514]. Подобная переориентация с защиты интересов собственников на жизнеобеспечение граждан воспринималась консервативными критиками «нового курса» как диктатура, «ползучий социализм» и даже «всеобщая советизация»[1515], хотя на деле была не чем иным, как разновидностью «военного коммунизма» с его системой государственного нормирования производства и потребления, внерыночным контролем за экономикой и милитаризацией традиционно гражданских отраслей хозяйства.

Специфическими особенностями «военного коммунизма» по-американски были условия его возникновения и идеологическое обеспечение. Касаемо условий необходимо признать, что, во-первых, прогрессирующий упадок производства был вызван не войной, а внутренне противоречивым, дисгармоничным характером развития хозяйственной системы, при котором финансовый капитал доминировал над производственным, а извлечение прибыли – над жизнеобеспечением общества; во-вторых, потери квалифицированной рабочей силы были обусловлены только дезорганизацией производства и жизнеобеспечения под воздействием финансового кризиса и потому носили сугубо косвенный, а в ряде случаев – даже обратимый характер (ни одно предприятие не было разрушено и ни один работник не был убит вооруженными силами противника; следовательно, при изменении экономической ситуации производство могло быть возобновлено в более короткие сроки и с меньшими издержками, чем в послевоенной Европе).

Это соответствующим образом повлияло на идеологическое оформление «военно-коммунистических» мер государства. Прежде всего, отсутствие среди причин дезорганизации хозяйства такого фактора, как внешняя военная агрессия, сделало менее актуальными идеологии национализма и шовинизма, столь популярные в европейских странах, потерпевших фактическое поражение в Первой Мировой войне. Далее, обуслов-

---

[1512] Цит. по: Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 149
[1513] Фолсом Б. Новый курс… С. 9.
[1514] Цит. по: Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 140.
[1515] Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 159, 161.

ленное тем же невоенным характером кризиса отсутствие больших масс людей, прошедших специфическую выучку в массовой призывной армии, обусловило относительно низкий уровень самоорганизации американского общества и исключило формирование крупных влиятельных партий с уравнительно-социалистической или фашистской идеологией, замешанной на «духе окопного братства». Наконец, своевременные меры правительства США по оказанию материальной помощи тем, кто лишился средств к существованию, в сочетании с полицейскими репрессиями против «красных» радикалов на местах исключили из общественного обихода идеологию «социализма дележа» на основе принципа уравнительной справедливости. В итоге *«военно-коммунистические» мероприятия администрации Ф.Д. Рузвельта получили идеологическое обоснование с помощью соответствующим образом перетолкованных традиционных мировоззренческих ценностей протестантской Америки.*

Составными элементами этой системы ценностей принято считать экономику, основанную на механизмах *свободного рыночного распределения* жизненных благ, политику, ориентированную на *демократические нормы* организации власти и управления, идеологию, базирующуюся на *либеральных ценностях*. Однако в результате осуществления программы «нового курса» все эти элементы сохранились лишь в идеологии американского общества, но не в его хозяйственной практике: в полном соответствии с богдановской теорией «военного коммунизма», свободное рыночное распределение было в ряде отраслей заменено государственным регулированием – прямым или опосредованным через субсидии и кредиты (именно за это критики Рузвельта называли его «красным»[1516]). Естественным следствием этого стало усиление политической авторитарности, объективно несовместимой с демократическими нормами. Население США даже не заметило этого перехода, потому что Рузвельт обратился к тем же механизмам авторитарного управления, какими пользовалась финансовая олигархия *очень задолго* до начала «нового курса»[1517]. Поэтому далеко не сразу стало очевидным то, что даже трепетно оберегаемая американской правящей элитой либеральная идеология подверглась радикальной трансформации: ключевая идея *безграничной индивидуальной свободы* была заменена доктриной *всесторонней патерналистской поддержки гражданина госу-*

[1516] См., напр.: Чернявский Г.И. Франклин Рузвельт. С. 235.

[1517] Некоторые исследователи относят формирование основ финансовой олигархии к рубежу 1870-х – 1880-х гг. См., напр.: Шустов А.В. 100 лет триумфа: ФРС США и Начало американской эпохи. СПб.: [Б.м.], 2013. С.36–39.

дарством[1518], как сформулировано в анализе А.А. Богданова, «на основе права на удовлетворение потребностей: принцип коммунистический»[1519].

Эти изменения в общественной жизни США обусловили не только успешное преодоление последствий «Великой депрессии» и последующий рост производства, но и эффективную мобилизацию хозяйственной системы страны в период Второй Мировой войны, по итогам которой США оказались в положении глобального экономического лидера. Соответственно этому американская версия «военно-коммунистической» идеологии получила более весомый материально-технический базис в виде государственной бюрократии, действующей в «связке» с руководством крупнейших финансовых и промышленных корпораций, которые фактически монополизировали ключевые отрасли национальной экономики[1520]. Согласно теории «военного коммунизма» Богданова, возникновение этого явления в общественной жизни следует связывать с тем, что «система частного присвоения продуктов, с ее специфической неравномерностью, не может удержаться в прежнем виде», поскольку «предмет потребления уже не является в полной мере индивидуальной и меновой собственностью»[1521]. Еще в 1924 г. Богданов писал, что в подобной ситуации государству непременно придется «взять на себя контроль и над направлением производства, и над его размерами, а значит – над распределением в нем материалов, орудий труда и рабочей силы. Так коммунистический принцип простирает свое влияние на сферу производства <…>. Отсюда – не только сохранение прибыли капиталистов, владельцев предприятий и акций, но и довольно высокие нормы этой прибыли, гарантированные государством»[1522]. Богданов подчеркивал, что психологически это обстоятельство воспринимается капиталистическим обществом как закономерное явление, поскольку «прибыль сохраняет свое основное социальное значение: она символизирует сохранение основных принципов капитализма»[1523]. Также психологически объяснимо появление лидера в мировой капиталистической системе, пережившей военный кризис. В это особое положение попала Америка, успешно реализовавшая подъем национальной экономики усилиями государственной бюрократии, действующей в связке с финансистами и промышленниками, что позволило обеспечить государственную поддержку наиболее уязвимых групп населе-

[1518] Фолсом Б. Новый курс… С. 301–303.
[1519] Богданов А.А. Тектология. С. 440.
[1520] Фолсом Б. Новый курс… С. 293–294.
[1521] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 441.
[1522] Там же.
[1523] Там же.

ния. В результате США приобрели в глазах разоренной войной Евразии имидж не просто богатой страны, но страны, в отличие от Старого Света, успешно борющейся с бедностью и лишениями на своей территории.

Данный имидж беспрепятственно экспортировался на оккупированные американцами территории, где по модели «нового курса» осуществлялись комплексные преобразования социально-экономической системы. Наиболее известными из них были «план Маршалла» для Западной Европы и «линия Доджа» для Японии, но аналогичным изменениям в послевоенный период подверглись также хозяйственные системы Южной Кореи, управляемого Чан Кайши острова Тайвань, Южного Вьетнама и латиноамериканских республик, взятых США под дипломатический и военный контроль в 1942 – 1945 гг. Однако философско-идеологическое обоснование данных трансформационных мероприятий было ориентировано не столько на решение действительных проблем жизнеобеспечения населения стран с дезорганизованным хозяйством, сколько *на сохранение и укрепление экономического и политического доминирования США*.

А.А. Богданов в разделе «Элементы организационной динамики капитализма XX века» своей «Теории мирового военного кризиса» еще в 1924 г. пришел к выводу о том, что лидер-победитель действительно станет играть ключевую роль в мировой капиталистической системе. Однако это будеть роль отнюдь не интегратора: лидер менее всего будет настроен на организацию «дружного мирового сотрудичества наций, хотя и для него, конечно, ликвидация кризиса являлась насущным жизненным интересом»[1524]. Связано это с тем, что над всеми участниками системы экономических связей по-прежнему будут тяготеть «старые методы, выработанные предыдущими фазами буржуазного развития – эпохою конкуренции, затем эпохою борьбы монополий. Эти методы исключают идею экономического целого»[1525]. Главной целью победителя станет забота о появлении «новых вассальных государств», взаимодействие с которыми получит «одностороннее соотношение, заключающее в себе экономическую несовместимость»: страны-вассалы, превращенные в рынки сбыта, как правило, получают доступ в сферу мирового товарооборота лишь через посредничество лидера, только по установленным им правилам и исключительно в заданных им пределах[1526].

Государство-лидер всегда будет бдительно относиться к экономическому укреплению не только стран-конкурентов, но даже стран, истощенных военным кризисом «до

[1524] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 446.
[1525] Там же.
[1526] Там же.

последней крайности». Здесь восстановление производства станет ассоциироваться исключительно с развитием малого и среднего бизнеса, которые чуть ли не со времен Адама Смита провозглашались основой «экономической свободы личности»; а в качестве «естественной опоры» этих форм организации предпринимательства будет рассматриваться национальный банковский капитал, прямо связанный с иностранными (т.е. в условиях первой половины XX в., с учетом послевоенных экономических реалий – сугубо американскими) инвестициями.

Конечно, американские оккупационные власти после Второй Мировой войны были далеки от того, чтобы некритически тиражировать данный организационный шаблон без какой-либо его адаптации к специфическим национально-региональным условиям: достаточно лишь сравнить хозяйственные системы ФРГ, Японии, Южной Кореи, Тайваня и Южного Вьетнама, чтобы убедиться, что в каждой из них первоначальной «точкой роста» становились те производства, которые понесли минимальный ущерб от войны – а они в этих государствах, естественно, отличались. Однако общие элементы стратегии преобразований тоже наличествовали: во всех названных странах государственный контроль над экономикой осуществлялся преимущественно через механизмы кредитования и льготного налогообложение определенных видов предпринимательской деятельности; более того, государство до определенного момента препятствовало формированию крупных корпораций, способных монополизировать какую-либо отрасль экономики, либо под давлением оккупационных властей разукрупняло подобные корпорации, если они сохранились с довоенного времени.

В таких стартовых условиях формировалась «связка» государственной бюрократии и кредитно-банковского капитала – национального по форме, но интернационализированного (точнее, американизированного благодаря Бреттон-Вудской системе) по своей внутренней сущности. Поскольку именно кредитно-банковский капитал оказался главенствующим элементом получившейся «связки» (не надо забывать, что финансирование восстановительных работ и последующего экономического роста осуществлялось именно через систему кредитования!), то данная специфическая форма «военного коммунизма», проанализированная А.А.Богдановым еще в начале 1920-х гг., вполне органично соединилась с системой идеологических ценностей, сформированных в США периода рузвельтовского «нового курса». А «холодная война», начавшаяся как раз в период распространения этой американской мировоззренческой системы по миру, способст-

вовала ее укреплению в подконтрольных США странах Запада и Востока в качестве жесткой альтернативы советской организационной модели, основанной на «военно-коммунистическом» сотрудничестве государственной бюрократии и научно-технической интеллигенции.

Подводя итог эволюции «военного коммунизма» в исторический период после смерти А.А.Богданова, необходимо обратить внимание на весьма показательную тенденцию: *в течение всего XX в. и Восток, и Запад добивались наиболее высоких темпов экономического роста (и повышения реального качества жизни) не при демократических, а исключительно при авторитарных политических режимах; аналогичным образом, наиболее результативная социальная политика осуществлялась не через рыночные отношения, либерализм и приватизацию, а наоборот, через государственный контроль, патернализм и национализацию*. Объяснить подобные факты как «отклонения от нормы» было бы ошибкой по ряду объективных причин.

Во-первых, авторитарные системы управления существуют уже, как минимум, четыре с половиной тысячи лет, не только устойчиво воспроизводя себя в условиях мира и стабильности, но и полностью восстанавливаясь после самых крупномасштабных катастроф – таких, как гражданские войны, смены династий и захват территорий более сильным противником. Более того, подобные деструктивные воздействия вовсе не приводят к свертыванию авторитаризма и замене его другой системой управления, как это регулярно происходило с демократией при прекращении условий мира и стабильности, – в отличие от демократии, и во время мира, и во время войны авторитарное государство работает практически в одном и том же «штатном режиме» (правда, в случае войны приходится тратить больше ресурсов на преодоление дезорганизующих воздействий извне).

Подтверждающими эту закономерность примерами буквально полна история человечества, начиная от смен династий в Древнем Египте и заканчивая восстановлением территориальной целостности Китая при коммунистах. Столь многократная воспроизводимость авторитарной модели сотрудничества указывает, как минимум, на достаточную жизнеспособность этой модели и явную неготовность человечества избавиться от нее. Кроме того, устойчивое воспроизведение авторитарной системы сотрудничества в разное историческое время (начиная от бронзового века и заканчивая эпохой «войн и революций») и в разных регионах планеты (начиная от долины Нила и заканчивая Мезоамериканским перешейком) наводит на мысль, что данная форма организации взаимодействия находится все-таки ближе к «природе

человека», чем демократические ценности, декларируемые в качестве «вечных».

Во-вторых, авторитарное политическое сотрудничество обладает довольно высокими показателями структурной устойчивости. Прежде всего, нужно помнить, что приписываемая авторитаризму предельная обособленность власти от гражданского общества и обусловленный этим сугубо произвольный (волюнтаристский) характер управления, – не более чем пропагандистские мифы эпохи Просвещения, многократно повторенные позднейшими комментаторами (в массе – приверженцами совсем не авторитарных, а демократических воззрений). В действительности государственная власть при авторитаризме вовсе не является самодостаточной системой, полностью отделенной от общества и игнорирующей сигналы обратной связи – просто потому, что власть в этом случае обречена на утрату контроля и скорую гибель. По этой причине гибкой системе демократических выборов (при которой любой красноречивый непрофессионал, приведя вверенную ему область управления к закономерному краху, всегда получает еще один шанс войти во власть) авторитаризм закономерно противопоставляет предельно жесткую форму отбраковки непрофессиональных управленцев (при которой *любая ошибка в принятии властных решений означает полное отстранение от власти* – ни больше, ни меньше).

В отношении этого принципа жесткой обратной связи история авторитарных государств также позволяет найти немало примеров: в том же Древнем Китае наиболее существенной причиной периодической смены династий (как правило, через разорительную и кровопролитную гражданскую войну) становилось именно бездействие императора, «не изгонявшего недостойных и не возвышавшего достойных», и первым императором новой династии в такой ситуации становился именно тот, кто начинал, как правило, откровенно насильственными методами исправлять ситуацию, «искореняя вредное и развивая полезное». Аналогичная по своей сути система действовала в других государствах докапиталистической эпохи, да и в наши дни устойчиво воспроизводится в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, где наиболее традиционной формой смены властвующих элит до сих пор являются не демократические выборы, а военные перевороты. Кроме того, жесткая обратная связь исключает безответственную словесную критику руководящего звена, наиболее характерную для любой формы демократической парламентской оппозиции: целесообразное предложение по решению обнаруженной проблемы незамедлительно превращается в практические действия власти, за результат которых персонально отвечает автор предложения; а велеречивое «сотрясание воздуха», не приносящее практических

результатов, просто исключается из общественной жизни волевым решением властной элиты. Любая другая форма поведения элиты рано или поздно приводит к отстранению ее от власти, что называется, «явочным порядком»: либо вследствие восстания подданных, жизненные проблемы которых элита в силу своей некомпетентности не способна решить, либо вследствие внешних враждебных воздействий, спровоцированных ослаблением государства, жизненные проблемы которого не решаются некомпетентным руководством.

Таким образом, авторитаризм предполагает а) элиту действующую вместо элиты, красноречиво критикующей промахи соперников; б) невозможность элиты уклониться от ответственности за ошибочные властные решения, чтобы спустя некоторое время снова оказаться «у руля». Подобный подход к организации власти исключает конкуренцию и потому воспринимается как недостаток авторитарной системы. Однако излюбленный аргумент сторонников демократии о «неизбежном вырождении авторитарного руководства» вследствие отсутствия конкуренции элит парадоксальным образом поворачивается в защиту авторитарной политической системы, если взглянуть на ситуацию с организационной точки зрения: многократно отмеченный в исторической и политологической литературе процесс деградации властных структур со сменой поколений руководителей обусловлен *не отсутствием*, *а напротив – **наличием** крайне интенсивной конкуренции* между лицами и группировками, борющимися за власть[1527]. Поскольку главной целью конкурентной борьбы является *устранение соперников абсолютно любыми способами*, то со сменой поколений наилучшие шансы занять руководящее положение получают вовсе не профессионалы-организаторы, а профессионалы-интриганы, воспринимающие власть *не как инструмент для управления общественной системой, а как **конечную цель** своей деятельности* и в силу этого мало компетентные в действительной организаторской работе – все их силы и способности направлены исключительно на «подковерную борьбу». Несколько циклов смены правящей элиты по такому алгоритму как раз и обеспечивают «вырождение авторитарного руководства», так что критики авторитаризма, отмечая данную его особенность, просто приписывают этой организационной модели качества, ей по природе не свойственные: в основе авторитаризма, как отмечал Богданов в «Науке об общественном сознании» (1914), изначально лежал авторитет компетентного руководителя, достигнутый путем общественно полезной деятельности по организации совместной ра-

[1527] Наглядные примеры аппаратных интриг в авторитарной политической системе изложены, в частности, А.А. Зиновьевым (см.: Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. С. 86–87 ; Он же. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 218–219).

боты людей в пределах общины, страны или предприятия; соответственно этому, авторитарная власть устойчива лишь до тех пор, пока подтверждает своей деятельностью достигнутый авторитет среди управляемых людей[1528].

С авторитарной системой сотрудничества также связана особая – регулируемая внерыночная – хозяйственная система. Однако если для западных неолиберальных экономистов и философов термин «внерыночный» является простым синонимом для понятий «неэффективный» и «плохой», то с организационной точки зрения здесь можно обнаружить отсутствие дезингрессий, характерных для рынка. Прежде всего, внерыночный характер государственного регулирования хозяйственной деятельности существенно ослабляет негативные проявления конкуренции и, стало быть, «отключает» механизм «отрицательного общественного подбора», ответственный не только за деградацию властной элиты, но и за дезорганизацию хозяйственной жизни. Конечно, это не значит, что регулируемая хозяйственная система является идеальной – ее недостатки неоднократно критиковались приверженцами самых разных взглядов, которые были согласны примерно в следующем: внерыночная система производства и распределения бюрократизирована и в силу этого консервативна; по этой главной причине она неизбежно ограничивает номенклатуру продукции определенным «стандартным набором» жизненных благ и не стремится к расширению ассортимента, медленно реагирует на колебания спроса, практически не занимается изучением рынков сбыта, не борется за потребителя, т.е., в конечном итоге не развивается так интенсивно и динамично, как производственная система, ориентированная на рынок.

Критические выпады сторонников рыночных отношений, к сожалению, оставляют без внимания *базисную функцию производства в любых социально-исторических условиях – **удовлетворение жизненных потребностей людей, составляющих общество***. Соображения «рентабельности», «прибыльности», «конкурентоспособности» и прочих категорий современной рыночной экономики имеют к этой базисной функции весьма опосредованное отношение, во-первых, потому, что являются факторами, производными от четко определенных условий «либерально-рыночного демократического капитализма» (здесь, кстати, не лишним будет вспомнить, что производство существовало *очень задолго* до возникновения механизмов рыночного обмена вообще и капиталистического рынка в частности), во-вторых, потому, что в ситуациях крупномасштабных социально-экономических катастроф (наподо-

[1528] См.: Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1914. С. 57, 71–72, 79–81, 88–93 ; Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 72.

бие тех, которые происходили в XX в.) «рентабельность» и пр. вместе с обусловливающим их рыночным распределением отходили на задний план функционирования общественного хозяйства, но производство при любых потрясениях продолжало оставаться *основой хозяйственной жизни социума, а именно* ***совокупностью средств и методов организованного жизнеобеспечения людей***.

При таком взгляде на производство утрачивает определяющий смысл та специфическая «прибылеориентированность», которая присуща рыночной экономике, поскольку для решения задачи жизнеобеспечения общества требуется точно установленный набор условий:

а) *высококвалифицированная рабочая сила* с универсальной подготовкой, создающей возможности оперативной взаимозамены работников без ущерба для производственного процесса и, соответственно, *для бесперебойного жизнеобеспечения*; такие явления, как «конкуренция между работниками на рынке труда», принципиально исключаются, поскольку производственная система стремится к максимальному поглощению рабочей силы и ее наиболее интенсивному использованию (иными словами, для «экономики жизнеобеспечения» просто нет «лишних» работников – в той или иной степени будет востребован любой, и значение имеет уже не стоимость, а только качество его труда);

б) *хозяйственная система*, которая обеспечивает каждого члена общества оптимальным объемом жизненных благ с определенным избытком, покрывающим индивидуально обусловленные диспропорции в потреблении; критерием эффективности этой системы является не уровень прибыли (последний может в широких пределах меняться за счет сугубо бухгалтерских манипуляций с ценой и порядком отпуска продукции, а также за счет воздействия на психику потребителей с помощью рекламы), а *качество насыщения реальных жизненных потребностей людей*; именно такое насыщение обеспечивает подлинную социальную стабильность, исключая такую форму дезорганизации общественного хозяйства, как периодические «экономические кризисы»;

в) *распределительная система*, которая обеспечивает своевременное удовлетворение жизненных потребностей каждого в полном объеме; критерием эффективности этой системы является опять-таки не прибыль (нередко достигаемая в рыночных условиях за счет сокращения или расширения предложения путем простого удержания товарной массы на складах или «выброса» в торговлю), а *уровень доступности базовых жизненных благ для рядовых граждан*.

При наличии перечисленных условий формируется устойчивая хозяйственная сис-

тема, ориентированная на рост производства жизненных благ пропорционально демографическому приросту населения, развитию технологий производства, транспорта и связи. В основе такой ориентации лежит естественный механизм удовлетворения биологических и социальных потребностей человека: своевременное насыщение ослабляет их на определенное время, практически не порождая новых аналогичных (классический пример – на воздух и воду человек обращает внимание лишь тогда, когда их недостаточно для жизни или их качество снижается до неприемлемого уровня); так что при надлежащем качестве жизнеобеспечения индивид с сознанием, не деформированным рекламными манипуляциями, приобретает лишь те виды товаров и услуг, которые *действительно* необходимы ему для жизни в обществе. Объем товаров и услуг в авторитарных государствах с внерыночной экономикой может быть и меньше, и больше, чем в рыночных демократиях. Этот параметр экономической системы определяется исключительно степенью развития производства и уровнем благосостояния страны, а не моделью организации общественного хозяйства: ведь к авторитарным внерыночным режимам относятся не только такие традиционно бедные страны, как Северная Корея или Иран, но и такие богатые государства, как Бахрейн и Саудовская Аравия; а в стане рыночных демократий сверхбогатые США соседствуют с такими скромными по уровню общественного благосостояния государствами, как Греция и Турция, не говоря уже о Грузии или Эстонии.

Третьим элементом в связке с политической властью и хозяйственной системой является идеология, фиксирующая закономерности политики и экономики в общественном сознании. Если для «рыночных демократий» такой идеологией является либерализм, то для «внерыночного авторитаризма» это будет принципиально иной мировоззренческий принцип, который А.А.Богданов называл «*коллективизмом*». Вопрос о либерализме, по мысли создателя «Тектологии», снимется сам собой, если учитывать, что при организации в духе коллективизма «все общество становится одним предприятием»[1529]. А это значит, что в подобного рода мегакорпорации, как и в частном капиталистическом предприятии, система сотрудничества «не может быть иной, кроме как централистической»[1530], т.е. авторитарной, что диктуется в обоих случаях одной и той же задачей – сохранить и приумножить богатство (в одном случае производителей, в другом владельцев предприятия). Разница определяется лишь *качеством организованности системы:* «То, что при капитализме достигается стихийно спросом со стороны рынка,

[1529] Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 301.

здесь (при коллективизме – А.Л.) достигается сознательно спросом со стороны общества»[1531]. Поэтому «в царстве капитала, конкуренции, классовой борьбы, постоянных конфликтов между интересами личностей и коллективов <…> трудно и представить себе иной способ централизации, кроме подчинения», зато «при однородном, товарищеском сотрудничестве центральное объединение не основывается на власти»[1532], поскольку идеология коллективизма призвана нейтрализовать порождаемую авторитаризмом дезингрессию между правящими и управляемыми группами: пока властвующие и подчиненные делают одно и то же дело и имеют одинаковое представление о целях и методах его выполнения, непонимание между этими группами исключено – более того, властвующие постоянно укрепляют свой авторитет благодаря многократному проявлению высокой компетентности в решаемых вопросах (соответственно, при обособлении групп они быстро становятся, по меткому выражению Ф. Лассаля, «взаимно идиотами»[1533] – это и есть наиболее опасная из дезингрессий авторитарного управления).

Ключевые принципы коллективизма несовместимы с либерализмом – не в последнюю очередь потому, что базируются на практических закономерностях социального взаимодействия, в соответствии с которыми «свобода» в традиционно-либеральном понимании вообще не может существовать в жизни человека и общества, поскольку любой акт сотрудничества людей неизбежно налагает на них определенные ограничения. В противовес такому расплывчатому принципу «свободы» (которую при отсутствии объективных критериев каждый волен трактовать по-своему, доводя иной раз до абсурда) коллективизм предлагает принцип *развития личности для служения обществу*: совершенствование имеющихся способностей человека, обретение новых знаний, умений и навыков – это свойства, поддающиеся объективной оценке, а в некоторых случаях даже количественному измерению.

Аналогичным образом, либеральные «права человека» в рамках идеологии коллективизма заменяются идеей *ответственности человека перед обществом*: лишь тот, кто своей деятельностью приносит другим людям реальную пользу, имеет право на получение жизненных благ в количестве, достаточном для жизнеобеспечения его самого и его близких, по разным причинам не способных к общественно-полезной деятельности; таким образом, за

[1530] Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 302.
[1531] Там же. С. 303.
[1532] Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 301
[1533] Цит. по: Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 327.

полученные блага каждый рассчитывается результатами своего труда, мерой которого является необходимость жизнеобеспечения. Конечно, такой подход к социальному взаимодействию противоречит моральным нормам современного «общества потребления» с его ориентацией на повышение уровня личного богатства и обладание престижными вещами, но, как показывает практика стран, не входящих в сферу западной культуры, воспитание ответственности перед обществом формирует более продуктивную личность: например, неслучайно на международных олимпиадах по физике и математике уже более 30 лет подряд призы достаются учащимся из Юго-Восточной Азии, ориентированным не на личные права, а на ответственность перед семьей и государством.

Наконец, действительной альтернативной «общечеловеческим ценностям» либерального сознания становится *стратегия целесообразного сотрудничества,* в рамках которой каждый вовлеченный в социальное взаимодействие человек вносит свой трудовой вклад в общее дело, опираясь на свои способности и ответственность перед теми, кто оказал ему доверие и вступил во взаимодействие. Правда, авторитарная государственная власть нередко использует параллельно этой идеологии *сравнительную оценку социальной полезности разных видов труда*. Главными критериями такой оценки, как правило, служат влияние конкретного вида труда на систему жизнеобеспечения общества и степень сложности подготовки работника. Такой формально-бюрократический подход представляет собой идеологическое отражение авторитарной дезингрессии между властвующими и подчиненными и потому наиболее интенсивно проявляется в тех областях деятельности, которые наименее связаны с процессами непосредственного жизнеобеспечения и выполняют по отношению к этим процессам служебную функцию.

Таким образом, организационная триада «жизнеобеспечение-авторитаризм-коллективизм» обладает четко определенными эмпирическими признаками, которые в соответствии с богдановской концепцией характеризуют путь развития реального большинства тех стран современного мира, где:

1) хозяйственная система, ориентированная на жизнеобеспечение населения, формирует сбалансированное по отраслям производство и внерыночную систему распределения, гарантирующую доступность основных жизненных благ каждому члену общества; общественное хозяйство в этой ситуации устойчиво развивается, наращивая производство вместе с ростом населения и внедрением более прогрессивных технологий (кроме прочего, это означает менее интенсивное воздействие на окружающую среду);

2) политическая система, основанная на принципах авторитарного управления, не перерастающего в деспотию или тоталитаризм, обеспечивает нормальный подбор управленческих кадров: к власти допускаются не мастера демагогических предвыборных обещаний, а квалифицированные профессионалы, воспринимающие власть не как средство обогащения, а как сложную и хорошо оплачиваемую работу; при высоком уровне профессионализма властвующих политические кризисы превращаются в экзотическое явление (профессионализм предполагает оперативную, адекватную и эффективную реакцию на сигналы обратной связи от управляемого населения; в этой ситуации никакие посредники вроде политической оппозиции просто не будут востребованы обществом);

3) идеология коллективизма, базирующаяся на идеях развития личности ради служения обществу, ответственности человека перед обществом и целесообразного сотрудничества, обеспечивает практическую организацию людей для совместной социально-полезной деятельности, причем не только в рамках государственных проектов, но и в повседневных делах; конфликты граждан с общественной и государственной системой в целом – большая редкость, а столкновения с отдельными представителями авторитарного государства не имеют крупномасштабных деструктивных последствий.

Вследствие названных выше особенностей триада «жизнеобеспечение-авторитаризм-коллективизм» демонстрирует устойчивость не только в «тепличных» условиях мира и стабильности, но и в ситуациях войн и катастроф. Более того, попытки дезорганизовать основанное на этой триаде общество путем непрямых внешних воздействий (наподобие пропаганды, агитации и даже культурной интервенции) обречены на провал: реальное большинство населения страны попросту отвергает ту информацию, которая не соответствует его жизненному опыту и усвоенным идеологическим нормам, а нестойкое к внешним воздействиям меньшинство («оппозиция», «диссиденты» и т.п.), как правило, не обладает достаточной силой, чтобы на деле противостоять государственной власти.

Наиболее показательным примером такой устойчивости могут служить события в Китае: ни массовые выступления на площади Тяньаньмэнь 27 апреля – 4 июня 1989 г., ни тибетские и уйгурские волнения 2008 г. не изменили течения жизни в стране, а количество пострадавших в каждом из названных инцидентов исчислялось лишь сотнями при том, что население соответствующих регионов насчитывает десятки миллионов людей. Необходимо признать, что гибель или увечие даже одного человека – это трагедия, для предотвращения которой следует делать все возможное, и неважно, стал первопричиной произошедшего не-

счастья политический протест, стихийное бедствие, неизлечимая болезнь или иное опасное явление. Однако нельзя забывать и о том, что в условиях авторитарного управления оппозиция не имеет ни права, ни возможности быть неконструктивной, ставящей смутные протестные эмоции и толком не оформившееся желание неопределенных перемен выше рационального плана по устранению обнаруженных недостатков государственной политики. Политическая борьба без четко сформулированной и обоснованной цели выглядит не как естественное стремление некоего «прогрессивного меньшинства» «обрести свободу от тирании», а как *покушение на образ жизни действительного большинства граждан* ***при отсутствии осознанного представления о последствиях данного шага***.

Конечно, триада «жизнеобеспечение-авторитаризм-коллективизм» не идеальна: сторонников демократических идей (не говоря уже о приверженцах либеральной идеологии) от нее оттолкнет большой объем властных полномочий государства, а увлеченные потребительским образом жизни ужаснутся неизбежным ограничениям потребления или даже полным отсутствием «брэндовых» (т.е. знаково-символических) вещей при достаточном количестве обыкновенных. Но в свете событий последних десятилетий подобные аспекты данной триады представляются не слишком высокой платой за кризисоустойчивость и безопасность существования рядового гражданина.

Заключение

Ключевыми факторами, определившими начальный этап формирования научного и политического мировоззрения Александра Александровича Богданова (1873–1928), были не только семейное воспитание (ориентированное в первую очередь на формирование тяги к рациональным знаниям), но и сложный комплекс революционно-демократических воззрений, явившихся отправной точкой для формирования целого ряда оппозиционных идеологий, характерных для русской интеллигенции на рубеже XIX и XX вв. В сочтании с базовым естественнонаучным образованием, которое А.А. Богданов получил на первых курсах Московского университета и особенно во время учебы на врача в Харькове, эта система представлений послужила оптимальной основой для развития специфического – *системного* – взгляда молодого ученого на окружающую социально-экономическую и политическую действительность.

Дальнейшему развитию системного мировосприятия А.А. Богданова объективно способствовали агитационно-пропагандистская (по сути – просветительская) деятельность в среде рабочих-оружейников Тулы и знакомство с теорией К. Маркса, которую Богданов воспринял не столько в качестве политической доктрины, сколько в качестве прикладной методики комплексного анализа социально-экономических процессов. Системный характер марксистского метода был наглядно продемонстрирован молодым ученым в первой печатной работе – учебном пособии «Краткий курс экономической науки», которое только в царской России переиздавалось 9 раз и высоко оценивалось современниками. Тот же системный подход отличал и непосредственное взаимодействие А.А. Богданова с тульскими рабочими: взамен традиционной для интеллигентных оппозиционеров конца XIX – начала XX столетия «эксцитативной» агитации, направленной на разжигание высокоинтенсивных, но кратковременных протестных настроений, молодой ученый вел планомерную работу по формированию целостного мировоззрения пролетариев, которое позволяло им оценивать текущую социально-экономическую и политическую ситуацию самостоятельно, на основе полученного рационального знания, а не слепого доверия к авторитету образованного толкователя-идеолога.

Сформированные таким образом взгляды целевой пролетарской аудитории обладали б***о***льшей устойчивостью в сравнении с результатами «эксцитативной» агитации и по этой причине позволяли структурировать разрозненные рабочие кружк***и*** в действительно

массовое объединение, ориентированное на долговременную коллективную политическую деятельность. Своеобразным «ядром кристаллизации» этого объединения выступила группа лидеров большевистской фракции РСДРП – сформировавшийся в ходе борьбы за проведение III съезда партии триумвират «В.И. Ленин – Л. Б. Красин – А.А. Богданов», который осуществлял эффективное функционально-целесообразное руководство работой на местах. Эта особенность партийного строительства выгодно отличала большевиков от лидеров других общественно-политических движений Российской империи, продолжавших делать ставку на «эксцитативную» агитацию.

Однако лежащая в основе успеха большевиков *синтетическая* парадигма научного мышления, разработанная А.А. Богдановым в ходе просветительской деятельности среди пролетариев, оказалась практически несовместимой с традиционным мировоззрением русской интеллигенции, которая – при всем разнообразии политико-идеологических течений своих – была убеждена в своем предназначении ***возглавлять*** *стремление масс к прогрессивным общественно-политическим преобразованиям*. Эта мессианская роль интеллигенции в сочетании с сугубо вестернизационной идеологией традиционных политических элит Российской империи формировала мировоззренческое отчуждение (в терминологии богдановского тектологического системного анализа – дезингрессию, разрыв взаимодействия) между данной социальной группой и подавляющим большинством населения страны, которое было исторически ориентировано на общинно-коллективистские формы сотрудничества. Богданов, многократно констатировавший это отчуждение и его сугубо негативное влияние на трансформационные процессы в российском обществе, оказался негативно воспринятым не только в среде либеральной интеллигенции (чьи доктрины социальных преобразований на основе этических ценностей ученый обоснованно подверг жесткой критике как принципиально не поддающиеся осуществлению на практике), но и со стороны лидеров-идеологов РСДРП (чьи авторитарные, т.е. антидемократические взгляды на организацию партийной работы Богданов также критиковал за явно дезорганизующее воздействие на мировоззрение, поведение и деятельность рядовых социал-демократов).

Закономерным следствием возникшего конфликта стало фактическое исключение А.А. Богданова из активной политической жизни и последовавшие за ним нападки на его сугубо научные изыскания, завершившиеся созданием всеобщей организационной науки тектологии. С точки зрения научной общественности, богдановская разработка представ-

ляла собой «примитивную механистически-материалистическую концепцию»[1534], не соответствующую уровню развития философии в начале XX столетия. А с позиций ревнителей идеологической чистоты марксизма, Богданов создал «субъективно-идеалистическую философскую концепцию»[1535], несовместимую ни с марксизмом, ни с прогрессивными преобразованиями общества. При этом обе группы критиков попросту не приняли в расчет то, что *Богдановым была разработана не умозрительная философская доктрина, а сугубо прикладная методика системно-аналитического исследования, ориентированная на эффективную группировку эмпирических фактов для их рационального осмысления*.

Действенность богдановской методики тектологического системного анализа подтверждена, прежде всего, исследовательской работой самого ученого, выполнившего анализ эволюции финансового капитализма на рубеже XIX и XX веков и создавшего на основе этого анализа оригинальную теорию возникновения экономических, социальных и политических кризисов. Согласно выводам Богданова, в основе любого подобного кризиса лежит нарушение равновесия между процессами производства и потребления жизненных благ в конкретной социально-исторической ситуации, т.е., в конечном счете, острота кризисных тенденций определяется степенью направленности производственных мощностей общества на решение задачи жизнеобеспечения населения в условиях ограниченности ресурсов.

Применение этой теории самим ученым для анализа последствий Первой Мировой войны (которая фактически представляла собой кризис в максимально острой деструктивной форме) привела А.А. Богданова к созданию концепции «военного коммунизма» – особой организации хозяйства и общества на основе бюрократического планомерного регулирования в условиях нарастающего упадка системы производства под воздействием крайне неблагоприятных внешних факторов. Собранные в диссертации материалы по истории Первой Мировой войны подтверждают справедливость выводов Богданова о сугубо инструментальном характере «военного коммунизма» (получившего в странах-участницах войны названия «государственного социализма», «бюрократического социа-

---

[1534] Именно так характеризовал тектологию немецкий философ Иоганн Пленге (См.: Богданов А.А. О критиках тектологии. Клерикальные критики // Богданов А.А. Тектология. С. 422–429).

[1535] Именно такова была оценка со стороны Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, к которой затем присоединились молодые «бойцы идеологического фронта» наподобие В.И. Невского, П.М. Керженцева, И. Вайнштейна, Н. Карева (См.: Богданов А.А. О критиках тектологии // Богданов А.А. Тектология. С. 408–410 ; Он же. Наука и рассуждательство // Указ. изд. С. 411–422).

лизма» и т.д.) и об отсутствии каких-либо связей между этой системой государственного нормирования и определенными политическими идеологиями.

Практическое применение концепции «военного коммунизма» органами Советской власти в период Гражданской войны 1918–1921 гг., предпринятое без какого-либо упоминания об авторстве А.А. Богданова, объективно способствовало повышению структурной устойчивости социальной системы в период военного кризиса и сделало победу над белым движением закономерной.

Данный вывод подтверждается применением богдановской концепции для анализа событий, имевших место уже после смерти ученого и потому не нашедших отражения в его работах.

Во-первых, система преобразований, известная как индустриализация СССР, включала в себя не только сохранившиеся со времен Гражданской войны «военно-коммунистические» элементы организационной практики, но и принципиально новые социально-технологические решения, связанные, прежде всего, с формированием высокоэффективного тандема «нормативно-государственной» и научно-технической интеллигенции, который превратил страну в своеобразную «корпорацию “СССР”», целиком ориентированную на жизнеобеспечение собственного населения в условиях жесткоцентрализованного авторитарного управления. Наличие такого лидерского тандема объективно отличало советскую систему от других политических режимов, возникших в межвоенный период: в этих режимах властная элита оформлялась исключительно как союз государственной бюрократии с фактически подчинившим ее себе крупным капиталом – либо национальным (как в Италии, Германии и Японии), либо иностранным (как в Польше, Финляндии, странах Прибалтики, в Испании, Португалии и латиноамериканских республиках).

Во-вторых, применение богдановской концепции «военного коммунизма» для анализа «Великой депрессии» и разработанного для выхода из нее «нового курса» администрации Ф.Д. Рузвельта позволяет прояснить ряд моментов, не нашедших отражения в традиционных исследованиях этих знаковых событий истории США. Прежде всего, причиной возникновения системного кризиса американской экономики следует считать не биржевые спекуляции сами по себе, а порождавшую их *дезорганизующую тенденцию финансово-капиталистической экономики*, которая переориентировала производственную систему с решения задач жизнеобеспечения населения на извлечение максимальной при-

были безотносительно к ее источнику. Наилучшим с точки зрения баланса затрат и выгод источником прибыли оказался ***выпуск ценных бумаг****, лишь номинально обеспеченных материальными благами, но непосредственно в эти блага не конвертируемых*. Бесконтрольный рост массы этого «бумажного золота» не только создавал иллюзию высоких темпов экономического роста, но и формировал увеличивающуюся диспропорцию между объемами материальных и виртуально-символических ценностей, ведя хозяйственную систему США к ***классическому дефляционному шоку***, т.е. к резкому падению покупательной способности населения в условиях видимого изобилия товаров. Вызванное этой экономической дезорганизацией разрушение системы жизнеобеспечения населения администрации президента Ф.Д. Рузвельта удалось преодолеть с помощью абсолютно внерыночных мер нормативно-бюрократического регулирования – прямого контроля правительства над банками, директивной конфискации золота у населения, использования военно-мобилизационных методов при трудоустройстве безработных, нормирования объемов производства жизненных благ, уровня оплаты труда, обменного курса национальной валюты и т.д. В ходе этих мероприятий, не имевших ничего общего с доктринами либеральной демократии и свободного рынка, сформировался иной, чем в СССР, эффективный тандем, объединивший в качестве равноправных партнеров государственную бюрократию и руководство крупных финансово-промышленных корпораций, фактически монополизировавших ключевые отрасли экономики США.

Таким образом, при использовании тектологического системного анализа А.А. Богданова для исследования социально-исторических процессов первой половины XX века становится очевидным, что *естественной реакцией индустриального общества на высокоинтенсивное воздействие глобальных кризисов* (в особенности мировых войн) *становилось* ***усиление авторитарных элементов в управлении производством и распределением средств жизнеобеспечения***, что Богданов определял как внеидеологический «военный коммунизм». При господстве рационального целеполагания *авторитарное управление объективно обеспечивало сравнительно более высокие темпы экономического роста и научно-технического развития* – прежде всего, вследствие б***о***льшей структурной устойчивости авторитаризма в сравнении с другими видами управления, использующими не столь жесткие механизмы обратной связи.

Преобразование подобной системы общественных отношений в более открытую к интересам человека социалистическую или, в терминологии А.А. Богданова, «коллективи-

стическую», может быть осуществлено лишь путем ненасильственной эволюции, в основе которой лежит нейтрализация дезорганизующих воздействий финансового капитала или органически связанной с ним «военно-коммунистической» бюрократии. Целью и результатом такой эволюции становится формирование хозяйственной системы, ориентированной исключительно на жизнеобеспечение общества в условиях «натурального хозяйства, охватывающего целое общество из сотен миллионов людей, а затем – все человечество»[1536].

Развивая данный вывод А.А. Богданова применительно к исторической науке, необходимо признать: концепция системного тектологического анализа позволяет сформировать более целостную и менее противоречивую картину эволюции общества, основанную на точном рациональном исследовании причинно-следственных связей между фактами, информация о которых берется из первоисточников или максимально близких к первоисточника ресурсов. Подобный методологический подход способен если не полностью исключить, то свести к минимуму феномен мифологизации событий прошлого, в основе которой лежит субъективная интерпретация неполных и несистематизированных сведений, нередко вырванных из общего историко-культурного и социально-экономического контекста и подвергшихся пристрастным пересказам и перетолкованиям идеологически ангажированных исследователей. По этой причине системный тектологический анализ может быть рекомендован как дополнительный метод исторического исследования, а структурированные с его помощью сведения о событиях прошлого способны послужить основой для проведения научных исследований и разработки учебных пособий по отечественной и всемирной истории.

[1536] См.: Богданов А.А. Социалистическое общество // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 97.

Список использованных источников и литературы

Использованные в диссертации произведения А.А. Богданова

1 Богданов А. А. Краткий курс экономической науки / А. А. Богданов. – М. : Изд-е книжного склада А.М. Муриновой, 1897. – 290 с.

2 Богданов А. А. Основные элементы исторического взгляда на природу / А. А. Богданов. – СПб. : Издатель, 1899. – 251 с.

3 Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения / А. А. Богданов. – СПб. : Типография А. Лейферта, 1901. – 217 с.

4 Богданов А. А. Критика a priori. Письмо в редакцию журнала «Образование» // Образование. – 1902. №3. – С. 119-122.

5 Галерка (Ольминский М. С.) и Рядовой (Богданов А. А.). Наши недоразумения / М. С. Ольминский, А. А. Богданов. – Женева: [Б.м.], 1904. – 93 с.

6 Рядовой (Богданов А. А.). Из-за чего война и чему она учит? / А. А. Богданов. – Женева: [Б.м.], 1904. – 25 с.

7 А. Б. (Богданов А. А.) Что такое либералы? / А. А. Богданов. – Одесса: Издание Е.М.Алексеевой, 1906. – 22 с.

8 Богданов А. А. Из психологии общества / А. А. Богданов. – 2-е изд. – СПб. : Паллада, 1906. – 295 с.

9 Богданов А. А. Приключения одной философской школы. Полемические заметки о Г.В. Плеханове и его школе / А. А. Богданов. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 72 с.

10 Богданов А. А. Записная книжка // РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1 Д. 48.

11 Богданов А. А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») / А. А. Богданов. – М. : С. Дороватовский и А. Чарушников, 1910. – 226 с.

12 Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени / А. А. Богданов. – М. : С. Дороватовский и А. Чарушников, 1911. – 92 с.

13 Богданов А. А. Философия живого опыта / А. А. Богданов. – 2-е изд. – СПб. : М.И. Семенов, 1913. – 272 с.

14 Богданов А. А. Наука об общественном сознании : Краткий курс идеологической

науки в вопросах и ответах / А. А. Богданов. – М. : Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. – 220 с.

15 Богданов А. А. Мое пребывание в Туле // Революционное былое. – Тула, 1923. – №2. – С. 16-18.

16 Богданов А. А. О пролетарской культуре. 1904–1924 / А. А. Богданов. – М.-Л.: Издательское товарищество «Книга», 1924. – 344 с.

17 Богданов А. А. Автобиография [1925 г.] // Деятели СССР и революционного движения России : Энцикл. слов. Гранат / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ред. Ю. Ю. Фигатнер. – Репринт. изд. - М. : Сов. энцикл., 1989. – С. 361.

18 Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет / А. А. Богданов. – М. : Политиздат, 1990. – 479 с.

19 Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А. А. Богданов. – М. : Финансы, 2003. – 496 с.

20 Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии / А. А. Богданов. – М. : Республика, 2003. – 400 с.

21 Неизвестный Богданов : сборник: в 3 кн. / Под ред. Г. А. Бордюгова. – М. : ИЦ «АИРО-XX», 1995.

Произведения философов и публицистов XIX – начала XX века

22 Аксельрод Л. И. Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма / Л. И. Аксельрод. – СПб. : Изд-е М.М. Дружининой и А.Н. Максимовой, 1906. – 233 с.

23 Антонович М. А. Современная этическая теория // Антонович М. А. Избранные философские сочинения / М. А. Антонович. – М. : Госиздат, 1945. – С. 245-286.

24 Базаров В. А. Материал коллективного опыта и организующие его формы // Очерки философии коллективизма. Сборник первый. – СПб. : Типография товарищества «Знание», 1909. – С. 143–217.

25 Базаров В. А. О философии действия. // Современник. – СПб., 1913. – №№ 6, 7, 10.

26 Белинский В. Г. Письмо В.П. Боткину. 27 – 28 июня 1841 г. // Белинский В. Г. Избранные философские произведения / В. Г. Белинский. – М. : Госполитиздат, 1941. – С. 166–169.

27 Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900 – 1906) / Н. А. Бердяев. – М. : Канон+; Реабилитация, 2002. – 656 с.

28 Бердяев Н. А. Критика исторического материализма // Мир Божий. – М., 1903. – №10. – С. 14–28.

29 Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность / Н. А. Бердяев. – СПб. : М.В. Пирожков, 1907. – L, 233, [2] с.

30 Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 336 с.

31 Бердяев Н. А. Социализм как религия // Вопросы философии и психологии. СПб., 1906. Кн. 85. С. 508–545.

32 Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском / Н. А. Бердяев. – СПб. : Изд-е О.Н. Поповой, 1901. – 360 с.

33 Булгаков С. Н. История социальных учений в XIX веке / С. Н. Булгаков. – 2-е изд. – М. : Печатня С.П. Яковлева, 1913. – 402 с.

34 Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896 – 1903) / С. Н. Булгаков. – М. : Товарищество «Общественная Польза», 1903. – XXI, 347 с.

35 Вехи. Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910 / [Сост., коммент. Н. Казаковой; Предисл. д. ист. н. В. Шелохаева]. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 464 с.

36 Гегель Г. В. Лекции по философии истории / Г. В. Гегель. – СПб. : Наука, 2000. – 480 с.

37 Герцен А. И. Еще раз Базаров // Герцен А.И. Собрание сочинений : В 30 т. / [Ред. коллегия: В.П. Волгин (гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Т. 20. Кн. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – С. 335–350.

38 Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма / Р. Гильфердинг. – М. : Знаменский и К°, 1912. – XXIX, 576 с.

39 Гоголь Н. В. Наброски неотправленного письма В.Г. Белинскому. Конец июля – начало августа 1847 г. // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т / Н. В. Гоголь; [сост., подгот. текстов и коммент.: И. А. Виноградов, д.филол.н., В. А. Воропаев, д.филол.н., проф.]. – М. ; Киев : Изд-во Московской Патриархии [б.и.], 2009. – Т. 14. – С. 382-395.

40 Гортер Г. Исторический материализм / Г. Гортер. – 2-е изд. – М. : Красная новь, 1924.

– 170 с.

41 Горький М. С всероссийской выставки (впечатления, наблюдения, сцены и т.д. // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / Под ред. д-ра ист. наук Б.П. Козьмина;– 1956. – Вып. 3: (70-е гг. – середина 90-х гг. XIX в.) / [Сост.: Б.П. Веревкин, Т.Г. Динесман, Е.Н. Дунаева и др.]. – С. 268–278.

42 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романно-германскому / Н. Я. Данилевский. – 2-е изд. – М. : Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.

43 Достоевский Ф. М. Дневник писателя / Федор Достоевский. – М. : Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.

44 Достоевский Ф. М. Письма : в 4 т. / Федор Достоевский. – М. : Гослитиздат, 1959. – Т. 4. – 606 с.

45 Дьяченко Г. М. Духовный мир : Рассказы и размышления, приводящие к признанию бытия духов. мира : Добавл. к кн. «Из области таинственного» / Сост. прот., магистр богословия Григорий Дьяченко. – Москва : тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1900. – XVI, 360 с.

46 Зибер Н. И. Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / Под ред. д-ра ист. наук Б.П. Козьмина; Вып. 3: , (70-е гг. - середина 90-х гг. XIX в.) / [Сост.: Б.П. Веревкин, Т.Г. Динесман, Е.Н. Дунаева и др.]. – 1956 – С. 68–76.

47 Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. – М. : Правда, 1990. – 683 с.

48 Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения : в 2 т. / П. Л. Лавров. – М. : Мысль, 1965.

49 Ленин В.И. Сочинения : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1967–1981.

50 Луначарский А. В. Этюды критические и полемические / А. В. Луначарский. – М. : журн. «Правда», 1905. – VI, 410 с.

51 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955-1963; Политиздат, 1964–1981.

52 Маркс К. Выписки из работы Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II» // Маркс К., Энгельс Ф. Архив Маркса и Энгельса Маркс / Под ред. В. Адоратского. – М. : Госполитиздат, 1952. – Т. 12. – С. 29–37.

53 Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Эрнст Мах. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 304 с.

54 Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Эрнст Мах. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 456 с.

55 Мережковский Д. С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи / Д. С. Мережковский. – М. : Книжная палата, 1991. – 352 с.

56 Михайлов А. Производительные ассоциации // Дело : Журн. лит.-полит. – 1870. – № 4. – С. 219–239.

57 Некрасов Н. А. Саша // Некрасов Н. А. Стихотворения. Поэмы / Н. А. Некрасов. – М. : Художественная литература, 1971. – С. 103-121.

58 Писарев Д. И. Наша университетская наука // Писарев Д. И. Сочинения Д.И. Писарева : полное собрание : в 6 т. – СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1894. – Т. 3. – Стб. 3–110.

59 Писарев Д. И. Посмотрим! // Писарев Д. И. Сочинения Д.И. Писарева : полное собрание : в 6 т. – СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1894. – Стб. 143–212.

60 Плеханов Г. В. Сочинения : в 24 т. – 3-е изд. – М.-Л.: Госиздат, 1923–1927.

61 Плеханов Г. В. Материалистическое понимание истории (лекции) // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : В 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 2. – С. 634–668.

62 Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : В 5 т. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 2. – С. 236–266.

63 Плеханов Г. В. Об изучении философии // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : В 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 3. – С. 481–484.

64 Плеханов Г. В. Очерки по истории материализма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения : В 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 2. – С. 33–194.

65 Проблемы идеализма : Сборник статей. / Под ред. П. И. Новгородцева. – М. : Моск. психол. о-во, 1903. – X, 521 с.

66 Скалдин Н. (Еленев Ф. П.) В захолустье и в столице // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / Под ред. д-ра ист. наук Б.П. Козьмина; – 1956

– Вып. 3: , (70-е гг. – середина 90-х гг. XIX в.).– С. 33–41.

67 Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России : Вып. 1. / П. Б. Струве. – Санкт-Петербург : тип. И.Н. Скороходова, 1894. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1894. 287 с.

68 Троцкий Л. Д. К истории русской революции : Сборник / Л. Д. Троцкий. – М. : Политиздат, 1990. – 446 с.

69 Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем : Истор. развитие рус. ф-ки в XIX в. : Перепеч. с 3-го изд / М. И. Туган-Барановский. – М. : Моск. рабочий, 1922. – 428 с.

70 Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма / П. Я. Чаадаев. – М. : Правда, 1991. – 556 с.

71 Чернов В. М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Чернов В. М. Философские и социологические этюды / В. М. Чернов. – Москва : Сотрудничество, 1907. – С. 151–250.

72 Чернышевский Н. Г. «Основания политической экономии» [Д.С. Милля] (1860) // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15-ти томах / Н.Г. Чернышевский; под общей ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского [и др.]. – Т. 9. – М. : Гослитиздат, 1949. – С. 11–336.

73 Чернышевский Н. Г. «Очерки политической экономии» (по Миллю) // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. / Под общей ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского [и др.]. – Т. 9. – М. : Гослитиздат, 1949. – С. 337–725.

74 Чернышевский Н. Г. Барским крестьянам от их доброжелателей поклон // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. / Под общей ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского [и др.]. – Т. 7. – М. : Гослитиздат, 1950. – С. 517–525.

75 Чернышевский Н. Г. Июльская монархия // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15-ти томах / Под общей ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского [и др.]. – Т. 7. – М. : Гослитиздат, 1950. – С. 64-185.

76 Чернышевский Н. Г. Капитал и труд // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. / Под общей ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского [и др.]. – Т. 7. – М. : Гослитиздат, 1950. – С. 5 – 63.

77 Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / Под ред. д-ра ист. наук Б.П. Козьмина; Вып. 3: , (70-е гг. – середина 90-х гг. XIX в.). – 1956 – С. 196–207.

78 Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / Под ред. д-ра ист. наук Б.П. Козьмина; Вып. 3: , (70-е гг. – середина 90-х гг. XIX в.). – 1956 – С. 41–45.

79 Якоби П.И. Больные места Швейцарии // Дело : Журн. лит.-полит. – 1868. – № 2. – С. 1–41.

80 L'homme qui rit (Минаев Д. Д.). Невинные заметки // Дело. – 1871. – № 11. – С. 54–75.

Мемуарные источники:

81 Анненков П. В. Литературные воспоминания. / П. В. Анненков. – М. : Правда, 1989. – 683 с.

82 Ауэрбах В. А. Революционное общество // Архив русской революции. – 1925. – Т. 16. – С. 49–99.

83 Белоголовый Н. А. Из воспоминаний о М.Е. Салтыкове // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников : В 2 т. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Худож. лит., 1975. – Т. 2. – С. 244-282.

84 Блок А. А. Мережковский // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова [и др.]. – М.-Л.: Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1962. – Т. 5. – С. 363-364.

85 Богданович А. В. Три последних самодержца : [Дневник] /А. В. Богданович. – М. : Новости, 1990. – 604, [2] с., [16] л. ил

86 Бок М. П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине / М. П. Бок. – М. : Товарищество «А.Н. Сытин и Ко», 1992. – 255 с.

87 В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908 – 1912 гг. / Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский // Вопросы истории. – 2010. – №№ 6, 7, 9–11; – 2011. – №№ 1–3, 5–12; – 2012. – №№ 1–3.

88 Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. / С.Ю. Витте. – М. : Мысль, 1991. – 718 с.

89 Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. – 1937.

Т. 22. – С. 5–422.

90 Ермолаев И. Мои воспоминания [электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека. – Электрон. дан. – URL: http://www.booksite.ru/recollection/19.htm (дата обращения: 22.07.2017)

91 Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. – 1923. – Т. 8. – С. 5-42; Т. 11. – С. 5–73.

92 Записки белогвардейца-лейтенанта N.N. // Архив русской революции. – 1923. – Т. 10. – С. 56–113.

93 Кельсиев В.И. Исповедь // Архив русской революции. – 1923. – Т. 11. – С. 169–310.

94 Коренев С.А. Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. – 1922. – Т. 7. – С. 14–33.

95 Лалаянц И. Х. У истоков большевизма. Зарождение РСДРП / И. Лалаянц; Под ред. М. Н. Лядова. – 2-е изд. – [Москва] : Молодая гвардия, 1934. – 140 с.

96 Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления /А. В. Луначарский. – М. : Сов. Россия, 1968. – 376 с.

97 Горький М. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко / М. Горький ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М. : Наследие, 1998. – 342 с.

98 Мельгунов С. П. Красный террор в России / С. П. Мельгунов. – М. : СП «PUICO», P.S., 1990. – 208 с.

99 Милюков П. Н. Воспоминания (1859-1917) : В 2 т. / П. Н. Милюков – М. : Современник, 1990.

100 Палеолог М. Царская Россия накануне революции : [Пер. с фр.] / М. Палеолог. – М. : Политиздат, 1991. – 492 с.

101 Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. – 1934. – Т. 21. – С. 5–467.

102 Ремизов А.М. Иверень. Загогулины моей памяти // Ремизов А. М. Собрание сочинений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). – М. : Русская книга, 2000. – Т. 8 : Подстриженными глазами : Иверень. – С. 261–511.

103 Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. – 1926. – Т. 17. – С. 5–169.

104 Романов А.М. Книга воспоминаний : [Предисл. и коммент. А. Виноградова]. – М. :

Современник, 1991. – 270 с.

105 Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев : Сборник. – Л. : Лениздат, 1991. – 717 с.

106 Сафаров Г. Наша питерская организация перед выборами в IV Думу // Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911–1914). В 3 вып. – М., Пг.: Госиздат, 1923. – Вып. 3. – С. 126–127.

107 Соколов Б. Падение Северной области // Архив русской революции. – 1923. – Т.9. – С. 5–90.

108 Социальная демократия в России : Историч. аспекты : Реф. сб. / [Редкол.: Б.С. Орлов (отв. ред.) и др.]. – М. : Б. и., 1994. – 194 с.

109 Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. – 1924. – Т. 15. – С. 85–207.

110 Туркул А. В. Дроздовцы в огне : картины гражданской войны 1918–20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша / А. В. Туркул. – 2-е изд. – Мюнхен : Явь и Быль, 1948. – 275 с.

111 Фролов А.С. О былом и пережитом : Воспоминания тульского рабочего. – 2-е изд. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1990. – 285 с.

112 Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года : Семнадцатый год. В 2 т. – М. : Политиздат, 1992.

113 Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. – 1926. – Т. 18. – С. 5–136.

Документальные материалы:

114 Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным 6 ноября 1916 г. // Архив русской революции. – 1922. – Т. 5. – С. 337–343.

115 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1954 / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – 7-е изд. – М. : Госполитиздат, 1954. – Ч. 1. – 630 с.

116 Красин Л.Б. Заявление в Большевистский Центр. 30 июня 1909 г. // РГГАСПИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 128.

117 Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Пятый (Лондонский) съезд РСДСРП. Апр.-май 1907 г. – М. : Госполитиздат, 1963. – XXIII, 951 с.

118 Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций. Третий съезд РСДРП. Апр.-май 1905 г. – М. : Госполитиздат, 1959. – XVI, 782 с.

119 Современное положение сельского хозяйства в России // Наука и жизнь. – 1891. – №31. Перепечатано в: Наука и жизнь. – 1991. – №8. – С. 58.

Исследовательские работы, тематически связанные с научным наследием А.А. Богданова:

120 Абалкин Л.И. Тектология А.А. Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С. 3–7.

121 Алексеев В. В. Концепция социально организованного опыта А.А. Богданова и ее роль в становлении советской модели социализма в 1920-х – середине 1930-х годов : дис. … канд. ист. наук / В. В. Алексеев. – Ижевск, 2007. – 169 с.

122 Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель {и популяризатор} (1873–1928) // Вопросы философии. – 2004. – №6. – С. 106–123.

123 Батыгин Г. Преемственность социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998. – С. 19–39.

124 Белова А. А. А.А. Богданов / А. А. Белова. – М. : Медицина, 1974. – 60 с.

125 Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии : Журнал, основанный проф. Н.Я. Гротом и А.А. Абрикосовым. – М., 1902. – Кн. 64. – С. 839–853.

126 Бир С. Кибернетика и управление производством / Стаффорд Бир. – М. : Физматгиз, 1963. – 275 с.

127 Бир С. Мозг фирмы / Стаффорд Бир. – М. : Радио и связь, 1993. – 413 с.

128 Богомолец А.А. Памяти А.А. Богданова. К вопросу о научном и практическом значении метода переливания крови // Богомолец А.А. Избранные труды : В 3 т. – Киев : Изд-во Акад. наук УССР, 1957. – Т. 2. – С. 183–186.

129 Вайнштейн И. Я. Организационная теория и диалектический материализм : Систематическая критика А. Богданова / И. Я. Вайнштейн. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927.

– 243 с.

130 Вайнштейн И. Я. Тектология и тактика // Под знаменем марксизма. – 1924. – №6–7. – С. 90–96.

131 Валлерстайн И. Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или к объяснению истории современности // Политические исследования. – 1997. – №2 – С. 5–13.

132 Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем / В.В. Василькова. – СПб. : Изд-во «Лань», 1999. – 480 с.

133 Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Норберт Винер. – М. : Сов. радио, 1958. – 215 с.

134 Г. Ч. [Черепанов Г.]. А. Богданов. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901 г. [рецензия] // Мир божий : Ежемес. полит., лит. и науч. попул. журн. для самообразования. – СПб. : М.К. Куприна-Давыдова, 1901. – №10. – С. 101–103.

135 Гловели Г. Д. Богданов – ученый и утопист [электронный ресурс] // Официальный сайт Международного института А. Богданова. – Электрон. дан. – [Б.м.], 2003–2017. – URL: https://web.archive.org/web/20170718020511/http://www.bogdinst.ru:80/glovely2.htm (дата обращения: 18.05.2018)

136 Гловели Г. Д. «Страсть к монизму». Гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С. 110–127.

137 Гловели Г. Д. Сотри случайные черты / Гловели Г. Д., Пустильник С. И. // Химия и жизнь. – 1990. – № 12. – С. 11–19.

138 Гловели Г. Д. А.А. Богданов. Биографический очерк / Гловели Г. Д., Фигуровская Н. К. // Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука : в 2 кн. – М. : Экономика, 1989. – Кн. 1. – С. 7–35.

139 Жукоцкий В. Д. Русская реформация XX века : статьи по культурфилософии советизма / В.Д. Жукоцкий, З.Р. Жукоцкая; Рос. НИИ культ. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева. – М. : Новый хронограф, 2008. – 262 с.

140 Иванцов Д. С. Феномен Пролеткульта в культурно-историческом аспекте : дис. … канд. культурологии / Д. С. Иванцов. – Киров, 2006. – 178 с.

141 Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения / Б. Ю. Кагарлицкий. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2005. – 480 с.

142 Калиниченко С. Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей

20-х годов : дис. … канд. ист. наук / С. Б. Калиниченко. – Ставрополь, 1994. – 206 с.

143 Карев Н. Тектология или диалектика. К критике «Тектологии» А. Богданова // Под знаменем марксизма. – 1926. – № 1–2. С. 90–114 ; – № 3. – С. 29–52 ; – № 4–5. – С. 16–44.

144 Клебанер В. С. Александр Богданов и его наследие // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 105–110.

145 Клебанер В. С. К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. – 2004. – № 6. – С. 75–93.

146 Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. – 2013. – № 3. С. 3–11.

147 Костюк В. Н. Изменяющиеся системы / Рос. АН. ВНИИ систем. исслед. – М. : Наука, 1993. – 344 с.

148 Кохно И. П. Вологодская ссылка Луначарского [электронный ресурс] // Наследие А.В. Луначарского. – Электрон. дан. – [Б.м.], 2018. – URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/vologodskaa-ssylka-lunacharskogo (дата обращения: 24.05.2018)

149 Кузьминых Н. А. Архитектор «нового мира». К биографии Александра Богданова // Вестник Российской Академии наук. – 1992. – № 12. – С. 57–78.

150 Кузьминых Н. А. Историографические проблемы исследования организационно-социологической концепции А.А.Богданова. Автореф. дис. … канд. социол. наук / Н. А. Кузьминых. – М., 1993. – 24 с.

151 Кульсеева Т. Г. Теоретические основания эмпириомонизма А.А. Богданова : дис. … канд. философ. наук / Т. Г. Кульсеева. – Курск, 1995. – 141 с.

152 Курдюмов С. П., Князева Е. Н. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 38–51.

153 Ларичев О. И. Наука и искусство принятия решений / О. И. Ларичев. – М. : Наука, 1979. – 200 с.

154 Лепешинский П. Н. Трагедия крупного ума // Огонек. 22 апреля 1928 г. № 17 (265).

155 Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности : дис. … д-ра юр. наук / А. Ф. Лубин. – Нижний Новгород, 1997.

– 337 с.

156 Любутин К. Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С. 76–91.

157 Малиновский А. А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология / А.А. Малиновский. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 446 с.

158 Месарович М. Д. Общая теория систем и ее математические основы // Исследования по общей теории систем. Сб-к переводов / под ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 165–180.

159 Моисеев Н. Н. Возвращение к гуманистическим традициям // Наука и жизнь. – 1988. – № 4. – С. 36–41.

160 Моисеев Н. Н. Тектология А.А. Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С. 8–13.

161 Плютто П. А. Время и люди (Из архивов А.А. Богданова) // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 133–142.

162 Покровский М. Н. Александр Александрович Богданов (Малиновский) [некролог] // Вестник Коммунистической Академии. Кн. 26 (2). – М., 1928. – С. V–X.

163 Пригожин А. И. Дезорганизация : Причины, виды, преодоление / А. И. Пригожин. – 2-е изд., испр. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 400 с.

164 Пригожин И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.

165 Пригожин И. Перспективы исследования сложности // Системные исследования : Методологич. проблемы : Ежегодник : 1986. – М. : Наука, 1987. – С.45–57.

166 Пустильник С. Н. Биологические идеи тектологии А.А. Богданова: к генезису общей теории систем. Автореф. дис. … канд. биол. наук / С. Н. Пустильник. – М., 1993. – 26 с.

167 Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Система // Философская энциклопедия : В 5 т. / Глав. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Сов. энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 18–21.

168 Суворов Л. Н. Из истории борьбы В.И. Ленина, партии большевиков против богдановской «организационной науки» // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1966. – № 3. – С. 84–91.

169 Хьюстис Д. Богданов: Последний эксперимент [электронный ресурс] // Вестник Международного Института Богданова. – Электрон. дан. – [Б.м.], 2003–2017 –

URL: https://web.archive.org/web/20170718020511/http://bogdinst.ru:80/vestnik/doc07/05.doc (дата обращения: 18.05.2018)

170 Шипицын Е.В., Попков В.В., Берг Д.Б.. Анализ финансового рынка в рамках t – J модели физики твердого тела [электронный ресурс] // Вестник Международного Института Богданова. – Электрон. дан. – [Б.м.], 2003–2017 – URL: https://web.archive.org/web/20170718020511/http://bogdinst.ru:80/vestnik/v16_05.htm (дата обращения: 18.05.2018)

171 Щеглов А. В. Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма / А. В. Щеглов. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 228 с.

172 Heimson L. The Making of Three Russian Revolutionaries : Voices From the Menshevik Past / L. Heimson. – Cambridge (Mass.) : Cambridge University Press, 1987. – 515 p.

173 Mattessich R. Instrumental Reasoning and Systems Methodology. – Dodreacht. – Boston : D. Reidel, 1978. – 396 p.

174 Mattessich R. The System Approach: Its Variety of Aspects // Journal of the American Society for Information Science. – November 1982. – P. 383-394.

175 Wolf B. D. Three Who Made a Revolution / B. D. Wolf. – Boston : Random House, 1960. – 385 p.

Исследования по отечественной и зарубежной истории XIX – первой половины XX века:

176 Аврех А. Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – М. : Политиздат, 1991. – 286 с.

177 Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России / Л. В. Борисова. – М. : Собрание, 2006. – 288 с.

178 Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 77–89.

179 Буллок А. Гитлер и Сталин : Жизнь и власть : Сравнительное жизнеописание : В 2 т. / А. Булок. – Смоленск : Русич, 1994.

180 В.И. Ленин и «Союзы борьбы» / И.А. Алуф, А.Ф. Костин, Д.Г. Куцентов и др. – Москва : Политиздат, 1978. – 303 с.

181 Валентинов Н. В. Малознакомый Ленин / Н. В. Валентинов. – СПб. : Мансарда ; Смарт, 1991. – 156 с.

182 Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2 т. / Сидней Вебб, Беатриса Вебб. – М. : Соцэкгиз, 1937.

183 Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж / К. Б. Виноградов. – М. : Мысль, 1970. – 412 с.

184 Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. / В. Н. Земсков. – М. : Алгоритм, 2014. – 240 с.

185 Зорин В. С. Некоронованные короли Америки / В. С. Зорин. – 3-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1970. – 366 с.

186 Изгоев А. С. П.А. Столыпин : Очерк жизни и деятельности / А. С. Изгоев. – М. : К.Ф. Некрасов, 1912. – 133 с.

187 Ионов И. Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 89–102.

188 Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Франко Кардини. – М. : Прогресс, 1987. – 360 с.

189 Карр Э. История Советской России : Пер. с англ. / Эдвард Карр. – М. : Прогресс, 1990. – Кн. 1: Том 1-2. Большевистская революция, 1917-1923. – 763 с.

190 Каутский К. От демократии к государственному рабству : (ответ Троцкому) / К. Каутский; пер. под ред. и с предисл. Р. Абрамовича. – Берлин : изд. журнала «Социалистический вестник», 1922. – XXII, 166 с.

191 Керсновский А. А. История русской армии : в 4 т. / А. А. Керсновский. – М. : Голос, 1992–1994.

192 Кисельникова Т. В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX - начале XX в.: идеи либерального социализма / Т. В. Кисельникова ; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Томский гос. архитектурно-строит. ун-т». – Томск : Изд-во ТГАСУ, 2010. – 359 с.

193 Ковалевский К., Веревкин Б. Введение // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / Под ред. д-ра ист. наук Б.П. Козьмина; Вып. 3: , (70-е гг. - середина 90-х гг. XIX в.) / [Сост.: Б.П. Веревкин, Т.Г. Динесман, Е.Н. Дунаева и др.]. – 1956 – С. 3-16.

194 Коваль Т. Этика труда православия // Общественные науки и современность. –

1994. – № 6. – С. 55–70.

195 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф. – М. : Изд. группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 372 с.

196 Литвинов М. А. История крепостного права в России / М. А. Литвинов. – М. : М.В. Клюкин, 1897. – 368 с.

197 Логинов В. Т. Ленинская «Правда». 1912–1914 гг. / В. Т. Логинов. – М. : Политиздат, 1972. – 408 с.

198 Макашева Н.А. Сергей Булгаков: к христианской политэкономии // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. С. 27–36.

199 Маркин В. А. Неизвестный Кропоткин / В. А. Маркин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 445 с.

200 Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1 – С. 76–87.

201 Могильнер М. Б. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 56–66.

202 Штейн В. И. Зубатовщина. Страничка из истории рабочего вопроса в России / А. Морской. – М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1913. – 215 с.

203 Мотин С. В. О понятии «интеллигенция» в творчестве И.С. Аксакова и П.Д. Боборыкина // Известия Пензенского государственного университета. Гуманитарные науки. – Пенза, 2012. – № 27. – С. 838–844.

204 Немчинов А. Олигархи в черных мундирах / Альберт Немчинов. – М. : Яуза, 2005. – 348 с.

205 Нифонтов А. С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. – М., 1955. – Т. 54. – С. 239–250.

206 Новиков В. Спецслужбы против имперской канцелярии: миф или реальность? // Россия XXI. – 2000. – № 3. – С. 122–159.

207 О'Коннор Т.Э Инженер революции : Л. Б. Красин и большевики, 1870–1926 / Тимоти Эдвард О'Коннор. – М. : Наука, 1993. – 268 с.

208 Общественные движения в Средние века и в эпоху Реформации : Сост. по Лозерту, Келлеру, Циммерману, Каутскому и др. / Под ред. В.А. Базарова и И.С. Степанова. – СПб. : В.А. Немчинов, 1901. – VI, 557 с.

209 Овченко Ю.Ф. Сергей Васильевич Зубатов // Вопросы истории. – 2005. – № 8. –

С. 47–67.

210 Ойзерман Т.Н. Марксизм как идеология // Свободная мысль. – 1999. – № 5. С. 94–105.

211 Орлов Б.С. Социальная идея в контексте разных политических культур // Социальная демократия в России : Историч. аспекты : Реф. сб. – М. : [Б.и.], 1994. – С. 5–12.

212 Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии / В. И. Орлов. – М. : Изд-во политкаторжан, 1934. – 397 с.

213 Очерки истории Тульской организации КПСС : В 2 кн. / Редкол.: И. Х. Юнак (отв. ред.) и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1983. – Кн. 1. 1883–1937 / В. Н. Бынкина, И. А. Бынкин, Н. В. Столярова и др. – 342 с.

214 Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – 4-е изд., стер. – Москва : Гос. изд-во, 1923. – Ч. 3: XX-й век. Вып. 1. 1896–1906. – 295 с.

215 Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен : в 4 т. / М. Н. Покровский ; Ин-т истории коммунистической акад. – М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1933. – Т. 3. – 276 с.

216 Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века / Б. Ф. Поршнев. – М. : Наука, 1970. – 387 с.

217 Рамбо А. Живописная история древней и новой России / А. Рамбо. – М. : Современник, 1994. – 444 с.

218 Россия на рубеже веков: исторические портреты : Сборник / Сост. А. Корелин. – М. : Политиздат, 1991. – 378 с.

219 Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918-1919 г.) / В. М. Рынков ; отв. ред. В. А. Ильиных ; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. – 438 с.

220 Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах / М. И. Семиряга. – М. : Юрид. лит., 1991. – 381 с.

221 Томилова Н.А. Представители критического направления в русском марксизме о «теории крушения» К. Маркса // По страницам истории и судьбы : К 70-летию профессора Ю.В. Куперта : Сб-к научных статей и материалов. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 134–139.

222 Тюрин А.В. Правда о Николае I. Оболганный император / Александр Тюрин. – М. :

Эксмо : Яуза, 2010. – 572 с.

223 Уткин А. И. Как пережить кризис : уроки Великой депрессии / А. И. Уткин. – М. : Эксмо, 2009. – 316 с.

224 Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций : учебное пособие для студентов вузов / А. И. Уткин. – М. : Гардарики, 2000. – 572 с.

225 Уткин А. И. Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен / А. И. Уткин. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2004. – 619 с.

226 Фолсом Б. Новый курс или Кривая дорожка : как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию / Бертон Фолсом. – М. : Мысль, 2012. – 351 с.

227 Хинштейн А., Мединский В. К.Р.И.З.И.С. / А. Хинштейн, В. Мединский. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 461 с.

228 Чернявский Г. И. Франклин Рузвельт / Г. И. Чернявский. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 540 с.

229 Шустов А. В. 100 лет триумфа : ФРС США и Начало американской эпохи / А. В. Шустов. – СПб. : [Б.м.], 2013. – 124 с.

230 Эйдельман Н. «Революция сверху» в России // Наука и жизнь. – 1988. – № 11. – С. 109–121 ; № 12. – С. 102–112 ; 1989. – № 1. – С. 108–123 ; № 2. – С. 80–87 ; № 3. – С. 101–108.

Справочно-информационные материалы[1537]*:*

231 Бехтерева Н. П. Всем, всем, всем! Глазами физиолога – опасности сегодняшние и завтрашние // Наука и жизнь. – 1987. – № 10. – С. 22–25.

232 Большая Советская энциклопедия : В 30 т. / Глав. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1970–1978.

233 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / Владимир Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Репринт воспроизведение изд. 1903–1909 гг. – М. : Изд. фирма «Универс», 1994.

234 Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность; Кризис коммунизма / А. А. Зиновьев. –

[1537] Помимо энциклопедических изданий, в данный раздел включена литература, тематически и хронологически не связанная непосредственно с научным наследием А.А. Богданова, а также не относящаяся к историческим исследованиям, но позволяющая проиллюстрировать определенные социально-исторические и культурно-мировоззренческие аспекты исследуемого периода, а также обеспечить наглядность примеров применения богдановских методов системного анализа.

М. : Центрполиграф, 1994. – 494 с.

235 Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1995. – 460 с.

236 Кравченко А., Щербина В. Социология труда и производства // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998. – С. 211–239.

237 Кравченко А. И. Социология : Учеб. для вузов / А. И. Кравченко. – 4. изд. – М. : Акад. Проект, 2002. – 507 с.

238 Крупнов Ю. В. Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост / Ю. В. Крупнов. – СПб. : Нева, 2004. – 379 с.

239 Макаревич Э., Карпухин О. Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс / Э. Макаревич, О. Карпухин. – М. : ЭКСМО : Алгоритм, 2003. – 478 с.

240 Малый энциклопедический словарь : В 4 т. – Репр. воспр. изд. Ф. А. Брокгауз-И. А. Ефрон. – М. : Изд. центр «Терра», 1997.

241 Маркузе Г. Одномерный человек : Исслед. идеологии развитого индустр. общ-ва / Герберт Маркузе. – М. : REFI-book, 1994. – XXI, 341 с.

242 Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг: трансформационные процессы / С. З. Мошенский. – Москва : Экономика, 2010. – 239 с.

243 Норт Г. Марксова религия революции : Возрождение через хаос / Гэри Норт. – Екатеринбург : «Екатеринбург», 1994. – XXXVI, 307 с.

244 Овчинников В. В. Сакура и дуб : впечатления и размышления о японцах и англичанах / В. В. Овчинников. – М. : Советская Россия, 1983. – 431 с.

245 Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. д.филол.н., проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : Мир и Образование, 2013. – 735 с.

246 Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных / И. П. Павлов. – 10-е изд. – М. : Наука, 1973. – 659 с.

247 Политические деятели России, 1917 : Биогр. слов. / Гл. ред. П.В. Волобуев. – М. : Большая рос. энцикл., 1993. – 432 с.

248 Сагатовский В. Н. Вселенная философа / В. Н. Сагатовский. – М. : Мол. гвардия, 1972. – 223 с.

249 Тощенко Ж. Т. Предмет и структура социологии труда // Социс. – 2003. – № 3. –

С. 48–58.

250 Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. – 1991. – №10. – С. 70-79 ; № 11. – С. 2–11.

Художественные произведения[1538]*:*

251 Алданов М. А. Святая Елена, маленький остров : Роман; Убийство Урицкого : Ист. этюд / Марк Алданов. – М. : Современник, 1991. – 108 с.

252 Брюсов В. Я. Стихотворения / В. Я. Брюсов. – Минск : Учпедгиз БССР, 1955. – 508 с.

253 Горький М. На дне // Горький М. Собрание сочинений : В 18 т. М. : Гослитиздат, 1963. – Т. 16. Пьесы. 1901–1906. – С. 85–144.

254 Европейская поэзия XVII века : Переводы / Сост. И. Бочкаревой и др. – М : Худож. лит., 1977. – 927 с.

255 Задонский Н. А. Жизнь Муравьева : Докум. ист. хроника / Н. А. Задонский. – М. : Современник, 1985. – 444 с.

256 Николаев П. Революционный роман // Чернышевский Н. Г. Что делать? : Из рассказов о новых людях : Роман / Н .Г. Чернышевский. – М. : Худож. лит., 1985. – С. 5–14.

257 Пушкин А. С. Золотой том : Собр. соч / А. С. Пушкин. – Испр. и доп. изд. – М. : Изд. дом «Имидж», 1993. – 975 с.

258 Русская классика и Октябрьская революция (заочный «круглый стол» «Знамени») // Знамя. – 1992. – №7. – С. 220–233.

259 Стейнбек Д. Гроздья гнева // Собрание сочинений : В 6 т. / Джон Стейнбек. – М. : Правда, 1989. – Т. 3. – С. 5–478.

260 Толстой Л.Н. Война и мир : Роман : В 2 кн. / Л.Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1983.

261 Уэллс Г. Д. Собрание сочинений : В 15 т. – М. : Правда, 1964.

[1538] Литературные и литературоведческие работы российских и зарубежных авторов, процитированные в диссертации.